Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова

ИСТОРИЯ АЛТАЯ

ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА, ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

под общей редакцией А.А. Тишкина

Барнаул 2019

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253)
И 907

Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке Правительства Алтайского края в рамках Губернаторского издательского проекта

Авторский коллектив:
В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский, К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, С.С. Матренин, Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин, А.С. Федорук, О.А. Федорук, Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин, М.В. Шуньков

Рецензенты:
доктор исторических наук **А.В. Харинский**;
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;
доктор исторических наук **А.Д. Цыбиктаров**

И 907 **История Алтая** : в 3-х т. Т. 1 : Древнейшая эпоха, древность и средневековье [Текст] / под общ. ред. А.А. Тишкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Белгород : Константа, 2019. – 392 с.: ил.
ISBN 978-5-7904-2333-8 (Т. 1)
ISBN 978-5-7904-2332-1

Начало истории Алтая уходит в древнейшую эпоху, связанную с использованием каменных орудий и освоением территории Северной Азии. В пещерных комплексах обнаружены потрясающие свидетельства формирования человека современного типа. Находки археологов свидетельствуют и о других периодах каменного века (мезолите и неолите). Значительный по объему материал отражает древнюю эпоху, в которой важную роль играло овладение новыми материалами для изготовления орудий труда и других изделий: сначала медь, потом бронза и, наконец, железо. История разных периодов древности наполнена сложными культурными взаимодействиями и поиском оптимальных форм жизнеобеспечения. Эпоха средневековья отражена важными реконструкциями и известными историческими реалиями. В книге использована современная культурно-хронологическая концепция, основанная на опыте исследований российских специалистов.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей Алтая, и может быть использовано в учебном процессе в старших классах общеобразовательных школ, колледжах и вузах.

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет») договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

ISBN 978-5-7904-2333-8 (Т. 1)
ISBN 978-5-7904-2332-1

© Тишкин А.А., составление и общая редакция, 2019
© Изд-во Алтайского государственного университета, оформление, 2019
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *(А.А. Тишкин)* 5

РАЗДЕЛ I. ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА (ЭПОХА КАМНЯ)

Введение *(А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин)* 12
Глава 1. **Палеолит (ранний, средний и верхний/поздний)** *(М.В. Шуньков)* 17
Глава 2. **Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный)** *(А.Л. Кунгуров)* 30
Глава 3. **Неолит (ранний, развитый, поздний, финальный)**
(Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, А.Л. Кунгуров) 52
Заключение *(А.Л. Кунгуров)* 95

РАЗДЕЛ II. ДРЕВНЯЯ ЭПОХА (ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА)

Введение *(Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, К.Ю. Кирюшин)* 97
Глава 1. **Ранняя древность (энеолит и ранняя бронза)** 100
Большемысская культура *(Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин)* 100
Энеолит Кулундинской степи *(К.Ю. Кирюшин)* 107
Афанасьевская культура *(Н.Ф. Степанова)* 114
Елунинская культура и уткульская группа памятников (*С.П. Грушин*) 124
Каракольская культура и находки эпохи бронзы *(Н.Ф. Степанова)* 141
Глава 2. **Развитая древность (развитая и поздняя бронза)** 149
Андроновская культура *(О.А. Федорук)* 149
Ирменская культура *(Д.В. Папин)* 158
Корчажкинская культура (*Д.В. Папин, А.Б. Шамшин*) 170
Саргаринско-алексеевская культура и бурлинский тип памятников
(А.С. Федорук) 174
Глава 3. **Поздняя древность (переходный период от бронзового века к железному и ранний железный век)** 184
Бийкенская культура *(А.А. Тишкин)* 186
Майэмирская (майемерская) культура *(А.А. Тишкин)* 201
Большереченская культура *(Д.В. Папин)* 210
Староалейская культура *(Я.В. Фролов)* 220
Быстрянская культура (*Я.В. Фролов*) 234
Пазырыкская культура *(А.А. Тишкин)* 243
Каменская культура *(Я.В. Фролов, А.А. Тишкин)* 255
Кулайская культура *(В.В. Горбунов)* 272
Майминская культура *(В.В. Горбунов)* 281
Булан-кобинская культура *(А.А. Тишкин, С.С. Матренин, В.В. Горбунов)* 286
Заключение *(А.А. Тишкин)* 308

РАЗДЕЛ III. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПОХА (СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Введение *(А.А. Тишкин)* 310
Глава 1. **Раннее средневековье: тюркское и кыргызское время** 312
Одинцовская культура *(В.В. Горбунов)* 312
Тюркская культура *(Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин)* 322
Сросткинская культура *(В.В. Горбунов)* 333
Кыргызская культура на Алтае *(П.К. Дашковский, А.А. Тишкин)* 345
Глава 2. **Развитое средневековье: монгольское время** 354
Кызыл-болчокская культура *(А.А. Тишкин)* 358
Кармацкая культура *(А.А. Тишкин)* 366

Заключение *(А.А. Тишкин)* 375

Библиографический список 378
Список сокращений 389
Сведения об авторах 390

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том подготовленного издания «Истории Алтая» имеет свою специфику, с которой необходимо ознакомить всех читателей. Он создан коллективом авторов главным образом на основе изучения археологических источников и отличается своим информационным наполнением. Это связано с объективным отсутствием прямых письменных свидетельств событийного характера о древнейшем, древнем и средневековом прошлом населения Алтая в его широком историко-культурном понимании. В этом плане стоит указать, что исторические сведения об эпохе камня вообще могут быть получены только при изучении сохранившихся археологических памятников, объектов и предметов. К настоящему времени накоплены материалы, позволяющие в определенной мере реконструировать значительную часть далекого прошлого одного из ключевых регионов Азии. Это произошло благодаря исследователям, которые в течение более 150 лет осуществляли поиск свидетельств жизни и деятельности различных человеческих коллективов, давно освоивших горные районы Алтая и территории, прилегавшие к ним с севера.

Есть и другие особенности. На них тоже следует остановиться. Но прежде чем представить концептуальные и частные моменты вводного характера, важно отметить, что попытки создания научных и научно-популярных трудов, где излагались обобщенные данные о страницах истории нашего региона, уже предпринимались. В «Истории Сибири» [1968], вышедшей 50 лет назад, отражен значительный объем сведений, накопленный к тому времени. Данный труд стал важным опытом демонстрации особенной истории огромной территории нашей страны [Тишкин, 2007а, с. 76]. Следующие издания, касающиеся только истории Алтая, были подготовлены сотрудниками Алтайского государственного университета в основном в виде учебных пособий [История Алтая, 1983, 1995; Очерки истории Алтайского края, 1987; Горбунов и др., 1997а–б; и др.]. Выходили и другие отдельные книги подобного плана, где были отражены обобщенные данные по археологии [История Республики Алтай, 2002; Соенов, Трифанова, 2013; и др.], а также материалы по отдельным территориям, эпохам или периодам [Кунгуров, 1993; Тишкин, Дашковский, 2004; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011; и др.]. Они учитывались при подготовке данного тома, структура которого приведена в соответствие с современной историко-археологической периодизацией. В настоящее время она может быть отражена в виде следующей схемы, демонстрирующей последовательность представления исторического процесса от общего к частному и единичному, в зависимости от уровня реализованных исследований: **эра – эпоха – период – время – культура – этап – стадия – фаза – событие – миг** [Тишкин, 2014].

Согласно сложившейся христианской традиции, вся история человечества делится на две части – до нашей (новой) эры (до Рождества Христова) и наша (новая) эра (после Рождества Христова). Базовой точкой их деления является год

рождения Иисуса из Назарета, первоначально вычисленный игуменом Дионисием Малым в VI в. н.э. Пасхальная таблица, составленная им на учете полученной даты, была одобрена и вводила в употребление эру «от рождества Христова». Наша (или новая) эра начинается с первого года (и по юлианскому, и по григорианскому календарю). Все, что было до него, относится ко времени до нашей (новой) эры (до н.э.) и может обозначаться в научных изданиях BC – (англ. *B.C. Before Christ* (до Христа)) или до Р.Х. (до Рождества Христова). Следующая часть истории считается, как уже отмечено, от Рождества Христова (от Р.Х). В западноевропейских языках используется в этом же плане латинское сочетание «Anno Domini», что буквально означает «год века Господня», и сокращенно пишется AD. Понятия «до нашей (новой) эры» и «наша (новая) эра» широко используются при указании относительных и абсолютных датировок (например: IV в. до н.э. или II в. н.э.), а также при характеристике отдельных исторических событий или процессов, что найдет отражение и в настоящем томе. Следует также указать, что в археологии применяется хронологическое исчисление в виде «лет назад» (л.н.), которое более обычно для древнейших периодов истории (палеолит, мезолит, неолит).

Понятие «эра» имеет устойчивое применение в исторических исследованиях. Оно шире, чем следующая культурно-хронологическая категория, определяемая как «эпоха». Согласно современным представлениям, история Евразии разделена на пять эпох: Древнейшая, Древняя, Средневековая, Новая и Новейшая. В названии каждого из разделов данного тома указаны конкретные эпохи, которые охватывают значительные отрезки времени, характеризующие в основном бесписьменную историю. Стоит заметить, что Древнейшая и Древняя эпохи дублируются обозначениями, которые используются в рамках сугубо археологической периодизации. Средневековая и последующие эпохи в исторических и археологических исследованиях совпадают. Следует также упомянуть о том, что в зарубежной научной практике используются несколько обозначений для отражения времен первобытности – доистория, преистория, предыстория. И этот огромный пласт материалов не рассматривается в рамках истории человечества, а представляется как отдельная область знаний. Есть и другие культурно-хронологические и периодизационные схемы [Тишкин, 2007а], но в данной работе материал будет отражен в рамках отечественных традиций, сложившихся, правда, не без влияния европейских концепций и понятий.

Прежде чем обозначить дальнейшую схему изучения истории, важно условно определить ее исходную точку. Хорошо обоснованным началом является производство и использование очень архаичных каменных орудий, которые датируются уже более 2,5 млн. лет тому назад и связываются с так называемой олдувайской (или олдованской) культурой. Такие находки обнаружены в одном из ущелий Танзании (Восточная Африка), они определяются ранним палеолитом. На Алтае к данному этапу древнейшей эпохи относится стоянка Карама, обнаруженная в долине Ануя (левый приток Оби), неподалеку от широко известной Денисовой пещеры. Материалы, относящиеся к раннему палеолиту, позволяют именно с них начать повествование истории Алтая, что демонстрируется в первой главе первого раздела.

Изложение сведений, накопленных специалистами за многие десятилетия, будет представлено в данном томе в виде авторских очерков, которые последовательно отражают сложившуюся культурно-хронологическую схему и резуль-

таты изучения археологических памятников. Как уже отмечено, особенность истории Алтая заключается в том, что письменных свидетельств чрезвычайно мало, и они в основном имеют косвенный характер. Поэтому большинство представленных глав в трех обозначенных разделах отражают описания и анализ обнаруженных и исследованных базовых археологических комплексов. Опираясь на данный материал, делаются и демонстрируются осуществленные реконструкции разного плана. Археология Горного и Лесостепного Алтая изучена неравномерно, поэтому есть еще «белые пятна». Наполняемость конкретных исторических отрезков имеет отличия и отражает современный уровень проведенных исследований.

В главах разделов представлены отдельные периоды перечисленных эпох. Они конкретизируются названиями с использованием давно принятых обозначений. Внутри глав дается характеристика отдельных археологических культур и демонстрируются их особенности. В рамках повествований могут использоваться и другие культурно-хронологические термины, позволяющие более точно определить суть зафиксированного явления или обнаруженных находок.

Периоды отражают обобщенные закономерности исторических изменений. Их систематизация расширяет культурно-хронологические возможности для отражения имеющихся данных на определенном уровне и представлена следующим образом:

– ранний, развитый и поздний периоды древнейшей эпохи;

– ранний, развитый и поздний периоды древней эпохи (ранняя, развитая и поздняя древность);

– ранний, развитый и поздний периоды средневековой эпохи (ранее, развитое и позднее средневековье);

– ранний, развитый и поздний период новой эпохи;

– ранний, развитый и поздний период новейшей эпохи.

Как уже было отмечено, обозначенные позиции исторической периодизации могут быть приведены в соответствие с археологическими понятиями более конкретного характера. Так древнейшая эпоха соответствует эпохе камня. Древность (древняя эпоха) сопоставима с медно-бронзовым и ранним железным веками (эпоха палеометалла). Средневековье в обоих случаях совпадает, как и дальнейшие эпохи (новая и новейшая), в изучении которых археология также играет определенную роль. Можно продемонстрировать приведение соответствий исторических и археологических обозначений на уровне периодов:

– ранний период древнейшей эпохи – палеолит;

– развитый период древнейшей эпохи – мезолит;

– поздний период древнейшей эпохи – неолит;

– ранний период древней эпохи (ранняя древность) – энеолит и ранняя бронза;

– развитый период древней эпохи (развитая древность) – развитая и поздняя бронза;

– поздний период древней эпохи (поздняя древность) – переходный период от бронзы к железу и ранний железный век;

– ранний период средневековой эпохи (раннее средневековье) – развитый железный век;

– развитый период средневековой эпохи (развитое средневековье) – поздний железный век;

С позднего периода средневековой эпохи (позднее средневековье) исчерпываются несколько расширенные возможности представленной археологической периодизации. Попытки продолжить ее, опираясь на первоначальный «технологический» принцип, не принесли оптимальных результатов. Эта фиксируемая ограниченность концепции не должна стать преградой для исследовательской практики, так как археологическая деятельность в рамках изучения истории позднего средневековья, новой и новейшей эпохи широко осуществляется. Поэтому есть смысл археологам перейти в рамки указанной исторической канвы, что собственно уже наметилось с использования обозначений «раннее, развитое и позднее средневековье» [Тишкин, 2014].

Следующие используемые категории создают возможности для схематического решения проблем учета неравномерности, многолинейности и других моментов в историческом развитии. Данная миссия возлагается на понятия «время» и «культура», известные в науке. Их археологическое наполнение с определенного момента сопоставимо с принятыми историческими подходами, отражающими династийный, военно-политический, экономический и другие показатели. В таком случае последовательно демонстрируются разнообразные особенности указанных периодов, а также локальное своеобразие историко-культурных проявлений на территории Горного и Лесостепного Алтая. Если широко применяемое понятие «время» в историческом наполнении, скорее всего, не вызовет вопросов у читателей, то по отношению к категории «археологическая культура» нужно дать некоторые пояснения.

«Археологическая культура», как и любая научная дефиниция, является искусственной и абстрактной, но имеет колоссальный потенциал для реконструкции исторических, социально-экономических, военно-политических и других процессов на разных этапах развития человечества и освоения жизненного пространства нашей планеты. С ее помощью выявляются не только существовавшие традиции, но и определяются многогранные особенности существования человеческих коллективов в прошлом.

Археологическая культура – это любые остатки и следы жизнедеятельности реальных людей или социумов разного уровня в рамках бесписьменной истории, что нашло отражение в материальных памятниках и находках, получаемых специалистами в ходе полевых исследований. Дальнейшее изучение всех фактов, наблюдений и определений позволяет осуществить объективную реконструкцию многих сфер жизни ушедших поколений. Для ученых «археологическая культура» – это один из инструментов изучения бесписьменной истории. Она может быть выделена на основе нескольких важных признаков, среди которых есть доминирующие показатели. Исходя из специфики полученных археологических материалов, обозначается та или иная культура. Данный момент очень важен, так как в основном содержании этого тома нашли отражение именно результаты изучения выделенных культур, которые вполне соотносятся с результатами деятельности населения, проживавшего на Алтае и оставившего после себя стоянки, поселения, погребальные и другие комплексы. Таким обстоятельством и обусловлена специфика изложения материалов в первом томе. Это не событийная история, а в основном констатация того, что найдено археологами к настоящему времени и имеет интерпретацию на основе исследований специалистов различных научных знаний. Некоторые культуры хорошо изучены и даже определены этапы их развития, стадии и фазы. Другие

только обозначены. В некоторых периодах и на отдельных территориях они вообще пока не выявлены. Процесс выделения культур продолжается. Имеет место и переосмысление ранее сделанных обоснований. Это также найдет отражение в данном томе, где, как уже неоднократно отмечено, рассматриваются территории, в свое время получившие наименования «Горный Алтай» и «Лесостепной Алтай» (рис). Такие во многом условные обозначения отражают главным образом историко-культурный контекст, а не их географический смысл [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 3–5]. По современному административному делению указанный обширный регион включает Алтайский край и Республику Алтай*.

Горный и Лесостепной Алтай на картах-схемах

* В советское время эта территория называлась Горно-Алтайской автономной областью, и она входила в состав Алтайского края.

Алтайский край расположен на юге Западной Сибири. Его протяженность с запада на восток составляет около 600 км, с севера на юг – почти 500 км. Территория края частично относится к Западно-Сибирской равнине и Алтае-Саянской горной стране. Горные массивы обрамляют Верхнее Приобье с восточной (Салаирский кряж) и южной (предгорья Алтая) сторон. Большая часть территории Алтайского края имеет преимущественно равнинный характер – Приобское плато, Кулундинская степь, Предалтайская равнина, Бийско-Чумышская возвышенность, Присалаирье. На ней также присутствуют такие природные зоны, как степь и лесостепь, тайга и горы. Равнинные районы характеризуются развитой степной и лесостепной растительностью, а также ленточными борами, балочно-овражной сетью, озерами и колками. Наиболее крупные реки Алтайского края – Обь, Бия, Катунь, Чумыш, Алей и Чарыш. Река Обь почти меридионально разделяет два географических массива, несколько отличающихся между собой природными условиями, – Приобское плато (со степными, лесостепными районами и ленточным бором) и Бийско-Чумышскую возвышенность (с преобладанием лесостепных и лесных участков). Каждая такая территория является своеобразной культурно-экологической областью [Тишкин, 2007б]. Между ними находится широкая пойма Оби, которая рассматривается специалистами в качестве самостоятельной орографической единицы.

Алтайские горы определяют в рассматриваемом регионе естественную границу, проходящую от низовьев Бии на запад до верховьев Алея, а затем на юго-запад в сторону Верхнего Иртыша. Эта зона представлена и постепенными переходами, и резко выраженными уступами [Петров, 1952]. Ширина предгорий небольшая. К Алтайским горам на юго-западе подходят отроги Тянь-Шаня, на западе – степи Казахстана, на северо-западе – Кулундинская степь, на севере – Предалтайская равнина, на северо-востоке – Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау, на востоке – Западный Саян и горные системы Тувы, на юге – Монгольский Алтай [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 3].

Республика Алтай представляет собой уникальную в ландшафтном и экологическом отношении территорию. Ее рельеф характеризуется высокими хребтами, разделенными узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами. Самая известная гора – Белуха (Кадын-Бажы). Она является высочайшей точкой Сибири (4506 м). Крупные реки Катунь и Бия, сливаясь, образуют Обь. Самое большое озеро – Телецкое (Алтын-Кёль) – с площадью водного зеркала 230,8 кв. км и глубиной до 325 м.

В литературе по археологии уже привычным стало использование не совсем удачного обозначения «Горный Алтай», которое часто ассоциировалось с административными рамками сначала Горно-Алтайской автономной области, входившей в состав Алтайского края, а затем Республики Алтай. На самом деле данный регион несколько шире. Он включает в себя Алтайские горы, предгорья и прителецкую тайгу. Эта обширная территория сама по себе специфична и существенно отличается от других частей Центральной и Северной Азии.

Изучение археологических памятников демонстрирует стабильный характер границ указанной культурно-экологической области от начала становления древнейших культур до этнографической современности. В свою очередь, Алтай имеет внутреннее районирование, основанное на специфике строения и других географических показателях [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98]. В строении по-

верхности Алтая отмечены следующие закономерности: преобладание двух направлений в простирании хребтов; общее увеличение высот с северо-запада на юго-восток; асимметрия склонов; ступенчатость горной системы, выражающаяся в смене низкогорий среднегорьями, а затем высокогорьями. Эти орографические особенности определяются его тектонической структурой. Перечисленные закономерности позволили разделить Алтай на Южный, Восточный, Центральный, Северо-Западный и Северо-Восточный [Петкевич, 1971]. В этих районах отмечается специфика природно-климатических условий разнопланового характера, что, например, оказывало влияние на особенности существования и развития отдельных локально-территориальных групп животноводов в древности и средневековье. Несомненно, что Алтай может рассматриваться в качестве особой культурно-экологической области. Между ним и вышеобозначенными территориями Верхнего Приобья (Лесостепной Алтай) существует довольно обширная зона (северные предгорья и Предалтайская равнина), которая тоже имеет свою специфику, что найдет отражение в материалах настоящего тома.

Историко-культурное наследие Алтайского региона уникально. Особое место в нем занимают памятники, повествующие о древнейшей, древней и средневековой истории. На территории Алтайского края и Республики Алтай сосредоточено значительное количество археологических комплексов (погребально-поминальные объекты, наскальное искусство, каменные стелы, антропоморфные изваяния и др.) [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 5]. Именно такие свидетельства, полученные в ходе исследований, создали основу для написания первого тома. Изучение древнейших страниц освоения Алтая неразрывно связано с геологическими исследованиями, поэтому в тексте приводятся специфические термины (плейстоцен, голоцен и др.). Но их пояснение легко можно найти в Интернете на современных сайтах. Палеолит представляет собой ранний период древнейшей эпохи. Он традиционно делится на нижний, средний и верхний. Это соответствует обобщенному стратиграфическому положению залегаемых культурных слоев и основным этапам развития каменной индустрии. Палеолиту посвящена первая глава первого раздела. Она подготовлена доктором исторических наук, членом-корреспондентом РАН, директором Института археологии и этнографии СО РАН М.В. Шуньковым. Над остальными главами в основном работала группа специалистов Алтайского государственного университета, которые представляют кафедру археологии, этнографии и музеологии, Лабораторию междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Музей археологии и этнографии Алтая и другие подразделения. Весь авторский коллектив первого тома представлен на обороте титульного листа и на последней странице, а также на специально отведенных листах в конце тома. После каждой выделенной части (введение, глава, параграф и др.) во всех разделах указано конкретное авторство. В конце тома приведен библиографический список работ, использованных при написании глав, а также указаны дополнительные позиции, опираясь на которые можно расширить круг знаний по возникающим вопросам.

Издание рассчитано на широкий круг читателей – от старшеклассников до представителей взрослых поколений, которые изучают прошлое Алтая или только им интересуются.

А.А. Тишкин

РАЗДЕЛ I
ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА
(эпоха камня)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение древнейшей истории Алтая насчитывает уже много десятилетий. Однако пока мало издано специализированных научно-популярных работ по данной теме, демонстрирующих процесс научных открытий и уровень современного осмысления полученных материалов. В данном разделе такая информация будет представлена в обобщенном виде и ее следует начать с указания имен и деятельности тех исследователей, которые внесли свой вклад в расширение границ о знании прошлого человечества.

Необходимо подчеркнуть, что только со 2-й половины XIX в. начинается этап профессионального изучения истории нашего региона. Однако до его начала уже существовал интерес к алтайским древностям, и он был связан с активностью известных путешественников, естествоиспытателей, ученых, а также местных любителей старины. Среди них отметим только некоторые имена: руководитель первой научной экспедиции в Сибирь немец Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735) и его помощник пленный офицер шведской армии Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг (1676–1747), старший горный мастер Колывано-Воскресенских заводов Иван Иванович Лейбе (1724–1782), немецкий ученый-энциклопедист Петр Симон Паллас (1741–1811), горный инженер Александр Иванович Кулибин (1798–1837), академик Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885), немецкий естествоиспытатель Федор Федорович Брандт (1802–1879) и др. [Демин, 1989; Кунгуров, Цыро, 2006; Тункина, Савинов, 2017; и др.]. Именно ими и другими исследователями сделаны первые находки плейстоценовой фауны в пещерах Северо-Западного Алтая, что в дальнейшем послужило поводом для более детального изучения данных объектов и, как следствие, открытию в некоторых из них палеолитических стоянок [Шуньков, 1987].

В 1861 г. экспедиция под руководством французского исследователя Г. Менье, воспользовавшись правом выданного «Открытого листа», проводила разведочные раскопки в семи пещерах Алтая, которые были известны в долине р. Ини (приток Чарыша). В результате оказались обнаружены останки древних животных и костяные наконечники стрел. После этих работ осматривались пещеры, расположенные по р. Ханкаре (приток Ини), а также обследовались три пещеры около д. Чагира. Недалеко от деревни, в месте, где крестьяне добывали глину, члены экспедиции обнаружили остов мамонта [Тишкина, 2010, с. 43]. Археологические работы 1861 г.

считаются первым опытом научного изучения алтайских древностей [Бородаев, Кирюшин, Кунгуров, 1983].

Рис. 1.1. Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884)

Отдельно стоит упомянуть графа Алексея Сергеевича Уварова (рис. 1.1). В 1881 г. в Москве вышла его книга «Археология России. Каменный период». В шестой главе Алексей Сергеевич высказал предположение о том, что некоторые палеонтологические находки по рекам Чарыш и Ханхара на Алтае связаны с палеолитическими стойбищами. Подробно изучив описания, сделанные в разное время П.С. Палласом и А.И. Кулибиным, А.С. Уваров [1881, с. 194–197] пришел к выводу, что карстовые полости вполне могли служить жилищем для первобытного человека: «…эти пещеры не могут быть причислены к звериным, так как кости найденных здесь хищников не преобладают над остатками других животных и, по описанию Брандта, количество их свидетельствует о весьма незначительном числе отдельных экземпляров». Ученый сделал заключение, что кости хищников, как и кости мамонта, носорога и других животных, никогда не живших в пещерах, занесены туда человеком. Взяв эти рассуждения за основу, он высказал догадку, что собранные коллекции костей – это кухонные отбросы первобытного человека.

В дальнейшем это смелое предположение блестяще подтвердилось. Через два десятилетия будут найдены первые каменные орудия, а еще через 50 лет некоторые стоянки региона официально будут признаны палеолитическими [Вистингаузен, 1982]. При обследовании карстовых полостей Алтая и сейчас можно обнаружить следы предыдущих раскопок разного происхождения. Например, такие свидетельства до сих пор хорошо видны в пещерах Загонная и Три Окна (рис. 1.2).

В начале XX в. благодаря стараниям и энтузиазму местных исследователей Михаила Дионовича Копытова (1869 – после 1932), Сергея Михайловича Сергеева и Александра Павловича Маркова (рис. 1.3) были сделаны открытия, которые привлекли внимание к нашему региону специалистов-археологов [Сергеев, 1939; Лапшин, 1982]. Обнаруженные ими каменные орудия подтолкнули центральные научные учреждения страны организовать экспедицию на Алтай под руководством Георгия Петровича Сосновского (рис. 1.3). В результате проведенных работ были открыты памятники каменного века, что признали многие специалисты. В ходе разведочных раскопок получены коллекции изделий, датированных палеолитом, и предприняты первые попытки интерпретировать эти находки [Сосновский, 1940, 1941].

В 1950-х гг. на Алтае работала археологическая экспедиция под руководством известного отечественного исследователя Сергея Ивановича Руденко (рис. 1.4).

В 1954 г. на правобережье Верхнего Чарыша была открыта и исследована палеолитическая стоянка в Усть-Канской пещере (рис. 1.5). Тогда же экспедицией проводились раскопки курганов на Туэктинском участке долины реки Урсул (левый приток Катуни), где также были обнаружены архаичные каменные орудия.

Рис. 1.2. Пещеры на р. Чарыш: *1* – Загонная; *2* – Три Окна (пещера Летучих Мышей)

Открытие Усть-Канской палеолитической стоянки значительно расширило представления археологов о каменном веке на Алтае и отодвинуло его нижнюю границу на несколько тысячелетий в глубь веков [Руденко, 1960; Анисюткин, Астахов, 1970].

Среди местных исследователей необходимо отметить сотрудника, а затем директора Бийского краеведческого музея Бориса Хатмиевича Кадикова (рис. 1.6), которым в конце 1950-х – 1-й половине 1960-х гг. в результате интенсивных разведочных работ был открыт ряд палеолитических стоянок и местонахождений [Кадиков, Лапшин, 1978; Лапшин, Кадиков, 1981].

Начальный период в истории изучении эпохи камня на Алтае характеризуется как время накопления фактического материала. Кроме этого, появляются публикации и попытки интерпретации обнаруженных находок, а Алтай превращается в регион, дополнивший археологическую карту Сибири [Абрамова, 1984; 1989]. Несомненным является вклад в этот процесс, сделанный Алексеем Павловичем Окладниковым (рис. 1.7), одним из крупнейших советских исследователей азиатских древностей. Под руководством А.П. Окладникова проводились археологические раскопки на палеолитической стоянке Улалинка в Горно-Алтайске, в пещерах Страшная и Денисова. В ходе этих работ впервые применялся комплексный естественнонаучный анализ культурных слоев [Окладников, 1966; Окладников, Муратов, Оводов и др., 1973].

Рис. 1.3. Исследователи каменного века Алтая (*слева направо*): С.М. Сергеев (1879–1947), А.П. Марков (1904–1976), Г.П. Сосновский (1899–1941)

В 60-е гг. XX в. десятки палеолитических местонахождений были открыты и обследованы геологами Западно-Сибирского геологического управления [Кунгуров, Цыро, 2006]. В 1976–1977 гг. в долинах Бии и Катуни, верхнем течении Оби и низовьях Чарыша бийский археолог Борис Иванович Лапшин провел разведочные работы и зафиксировал свыше 10 палеолитических и мезолитических памятников [Лапшин, 1982]. С 1978 г. в центральной части Алтая под руководством М.В. Шунькова, впоследствии сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН, стал работать палеолитический отряд Томского государственного университета. Им исследовались три мустьерских местонахождения на Тюмечинском археологическом комплексе в долине Урсула (левый приток Катуни). Первые же палеолитические находки там были сделаны в 1976 г. преподавателем Алтайского государственного университета Владимиром Александровичем Посредниковым [Шуньков, 1987, 1990]. В указанные годы к исследованию археологического прошлого Алтая приступили сотрудники Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы [Кунгуров, Цыро, 2006]. Можно отметить еще ряд сделанных открытий и осуществленных экспедиций, но важен факт, что к началу 1980-х гг. период накопления археологического материала, датируемого эпохой камня, закончился.

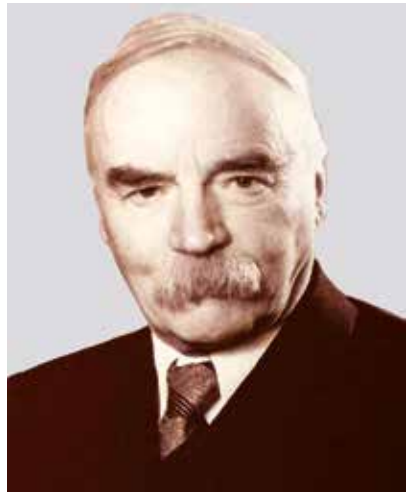

Рис. 1.4. Сергей Иванович Руденко (1885–1969)

Научные сведения, полученные на протяжении следующего периода работ, значительно увеличили источниковедческую базу для продуктивных исследований. Была выявлена широкая сеть палеолитических объектов, охватившая примерно половину территории Алтая. Вместе с тем многие районы оставались не обследованными, в том числе почти весь высокогорный юг региона. Полевая изученность большинства памятников оставалась предварительной, что значительно снижало на тот момент уровень культурно-хронологической интерпретации полученных данных и ограничивало возможность проведения внутри- и межрегиональных сравнений. В 1980-х гг. начинается качественно новый период в изучении древнейшей эпохи Алтая. С того времени ново-

Рис. 1.5. Усть-Канская пещера

Рис. 1.6. Борис Хатмиевич Кадиков (1932–2010)

Рис. 1.7. Алексей Павлович Окладников (1908–1981)

Рис. 1.8. Анатолий Пантелеевич Деревянко

сибирские археологи приступили к планомерному изучению палеолита Горного Алтая. Основное внимание было уделено исследованию пещер Денисова, Каминная и Сибирячиха и стоянкам Кара-Бом, Ануй-1, Усть-Каракол, а также высокогорным памятникам Чуйской котловины [Деревянко, Маркин, 1987, 1992; Деревянко и др., 1998].

Огромный вклад в изучение палеолита Алтая внес академик РАН Анатолий Пантелеевич Деревянко (рис. 1.8). В ходе многолетних исследований под его руководством было сделано немало важных открытий, что найдет отражение в первой главе данного издания. Особое значение в научной деятельности А.П. Деревянко имеет междисциплинарный подход при решении фундаментальных проблем древнейшей истории человечества.

После приезда в 1977 г. в Барнаул Юрия Федоровича Кирюшина в Алтайском государственном университете стало развиваться научное направление, связанное с изучением эпохи камня. На протяжении многих лет экспедициями АлтГУ проводились крупномасштабные полевые работы, в ходе которых открыты комплексы каменного века в Горной Шории, на реке Чумыш, в нижнем течении Катуни, в высокогорных долинах, предгорьях и других местах Горного и Лесостепного Алтая [Кирюшин, Кунгуров, 1983; Кунгуров, 1993, 2002, 2004; Кирюшин, Кунгуров, Неверов, 1995].

Таким образом, к концу XX в. в распоряжении ученых оказался огромный фактический материал, требующий осмысления и интерпретации. С начала 1990-х гг. начался современный этап изучения древнейшей эпохи Алтая. Результаты его найдут отражение в представленных главах этого раздела. Они значительным образом отличаются от предыдущих исследований и наполнены данными, полученными при активном внедрении в археологию естественнонаучных методов и подходов. Это обеспечило увеличение существенного объема объективной научной информации. В настоящее время перед исследователями стоит главная задача – всесторонний анализ полученных сведений, который позволил бы структурировать накопленные материалы и создать наиболее целостную и живую картину каменного века на территории Алтая.

А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

Глава 1

ПАЛЕОЛИТ
(ранний, средний и верхний/поздний)

На территории Алтая наиболее важные результаты в изучении первобытной истории получены для его северо-западной части по материалам междисциплинарных исследований многослойных палеолитических памятников, расположенных в долине верхнего течения Ануя [Деревянко и др., 2003]. В отложениях Денисовой пещеры, стоянок Карама, Усть-Каракол и других археологических объектов вместе с многочисленными каменными изделиями, орудиями и украшениями из кости зафиксированы массовые палеонтологические материалы, позволяющие проследить процесс развития палеолитической культуры и реконструировать условия обитания первобытного человека на различных палеогеографических этапах геологической эпохи плейстоцена. Кроме того, новейшие палеоантропологические открытия в этом районе связаны с основными проблемами происхождения и формирования человека современного физического облика.

Наиболее древнейший период проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия, обнаруженные в отложениях нижнего неоплейстоцена на стоянке Карама [Деревянко и др., 2005] (рис. 1.9). В толще пролювиально-аллювиальных осадков, вскрытых на участке пологого склона долины Ануя с отметками 50–60 м над урезом реки, зафиксирована культурная последовательность из четырех горизонтов обитания раннепалеолитического человека. Два верхних уровня находок залегают в толще красноцветных осадков, представленной валунно-глыбовым материалом с суглинистым заполнителем, обильно насыщенным гравием и песком. Нижняя часть разреза, вмещающая еще два уровня раннепалеолитических находок, выполнена толщей переслаивающихся супесчаных и глинистых осадков с двумя горизонтами ископаемых почв типа слитоземов. На территории Сибири ископаемые почвы семейства слитоземов характерны, как правило, для отложений нижнего неоплейстоцена, что свидетельствует об относительной древности этих отложений.

Археологические материалы стоянки Карама представлены галечными орудиями (рис. 1.9), изготовленными из крупных обломков вулканических пород, преимущественно сферолитовых эффузивов. В техническом отношении для них характерны приемы бессистемного и параллельного скалывания заготовок. Среди продуктов расщепления представлены обколотые гальки в виде нуклеусов с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, а также сколы с субпараллельной огранкой и подготовленной площадкой. Самой представительной категорией инвентаря являются скребла на уплощенных гальках с естественным обушком и приостренным лезвием. К другой ведущей группе изделий относятся

массивные гальки, оббитые поперек длинной оси как рубящие орудия – чопперы. Следующую по значению группу образуют орудия с зубчатым, выемчатым или клювовидным лезвием, оформленным, как правило, глубокими широкими выемками. Остальную часть инвентаря составляют галечные изделия с выделенным шиповидным выступом в виде носика, галечные скребки с высоким крутым лезвием, ножи на долечных сколах с обушком-гранью и массивные острия с широкоугольным рабочим элементом. В целом караминская индустрия имеет раннепалеолитический галечный облик, вместе с тем в ее составе вверх по разрезу прослежена определенная прогрессивная динамика. Среди изделий из двух верхних культуросодержащих горизонтов по сравнению с инвентарем из нижележащих слоев представлены нуклеусы с негативами параллельных снятий, трехгранное острие с утонченным прокалывающим элементом и концевой скребок высокой формы, оформленный микропластинчатыми снятиями.

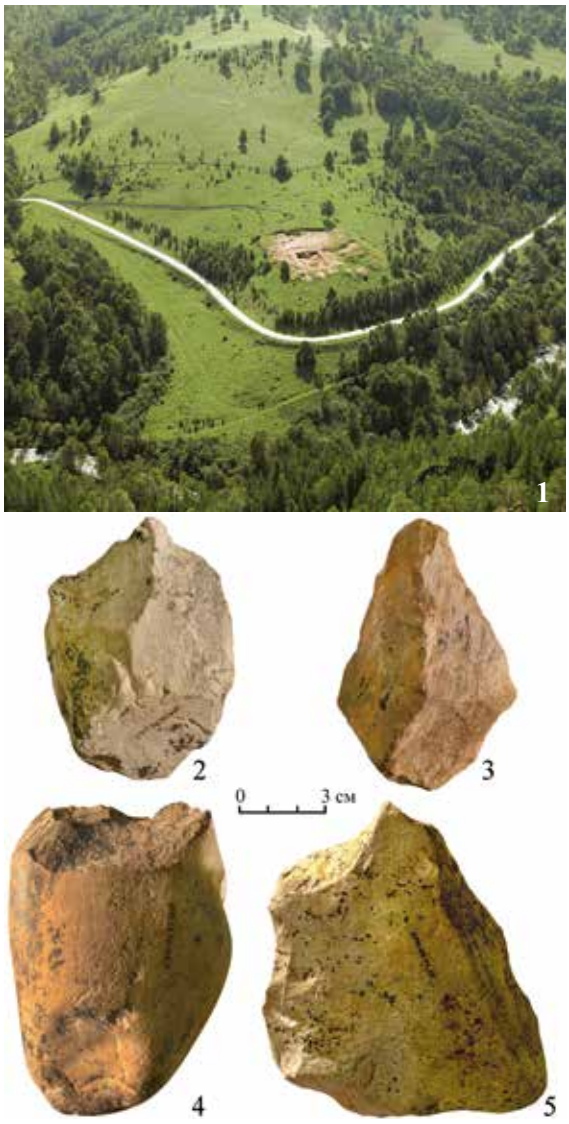

Рис. 1.9. Стоянка Карама: *1* – вид на раскопки древнейшего памятника Алтая; *2–5* – раннепалеолитические галечные орудия

По результатам палинологического исследования установлено, что пыльцевые спектры из отложений Карамы содержат значительное число экзотических элементов дендрофлоры [Болиховская, Шуньков, 2005]. В их числе неморальные европейские и дальневосточные таксоны – граб сердцелистный *Carpinus cordata*, грабинник *C. orientalis*, хмелеграб *Ostrya sp.*, дуб черешчатый *Quercus robur*, липа сердцелистная *Tilia cordata*, липа амурская *T. amurensis* и липа маньчжурская *T. mandshurica*, вяз мелколистный *Ulmus pumila* и шелковица *Morus sp*. Наличие пыльцы этих растений и эколого-ценотические особенности обнаруженных экзотических таксонов позволяют определить возраст вмещающих отложений не моложе раннего неоплейстоцена.

Согласно данным палеоботанических исследований, процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в достаточно благоприятных климатических условиях. В то время в окрестностях Карамы произрастали березовые

и сосновые леса с участием темнохвойных пород и широколиственных видов – вяза, граба, липы, дуба, маньчжурского ореха, лещины и шелковицы. Основой существования древнейших обитателей Алтая являлись, по всей видимости, охота и собирание съедобных растений. Люди охотились главным образом на мелких и средних животных, таких как барсук, сурок, суслик, заяц. Промышляли они также сбором остатков добычи хищников – волка, гиены, медведя. Другим источником питания была, очевидно, растительная пища. Орехи, ягоды, грибы, коренья и другие съедобные растения занимали важное место в рационе раннепалеолитического человека.

Результаты климатостратиграфического расчленения отложений Карамы и палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этой толщи во время четырех палеогеографических этапов нижнего неоплейстоцена, отвечающих сменам двух теплых межледниковых и двух холодных ледниковых эпох [Bolikhovskaya, Derevianko, Shunkov, 2006]. В совокупности материалы палинологического анализа и другие аналитические данные позволяют предположить, что накопление отложений в месте стоянки Карамы соответствует стадиям 16–19 изотопно-кислородной шкалы четвертичного периода, т.е. можно определить их возраст в диапазоне 600–800 тыс. лет. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные на территории Северной Азии.

Другим подтверждением проникновения раннепалеолитического человека на территорию Алтая служат архаичные галечные изделия со стоянки Улалинка, расположенной в бассейне нижнего течения Катуни, на юго-восточной окраине Горно-Алтайска [Окладников, 1972]. Найденные там изделия из расколотых галек кварцита залегали в пестроцветных отложениях, датированных геологическими и физическими методами средним–нижним плейстоценом. Среди многочисленных кварцитовых предметов из нижнего слоя стоянки к бесспорным артефактам относятся нуклевидно обколотые гальки с подготовленной ударной площадкой и негативами субпараллельных снятий; массивные гальки, оббитые поперек длинной оси в виде чопперов и чоппингов; скребловидные инструменты на уплощенных гальках с естественным обушком и лезвием, оформленным ступенчатой обработкой, а также галечные орудия с выделенным шиповидным выступом овальной формы. Нижний слой с находками датирован палеомагнитным и термолюминесцентным методами в широком хронологическом диапазоне – от 300–400 тыс. до 1,5 млн лет [Окладников и др., 1985]. Необходимо отметить, что если достоверность нижней временной границы вызывает серьезные сомнения, то верхний хронологический рубеж выглядит достаточно обоснованным и позволяет уверенно оценивать возраст стоянки Улалинки древнее 300 тыс. лет.

Раннепалеолитические галечные индустрии Карамы и Улалинки свидетельствуют о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus* (человек прямоходящий). Они пришли, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки [Деревянко, 2009]. Первая волна древнейших мигрантов двигалась в двух основных направлениях: первое – через Ближний Восток на юг Европы – на Кавказ и в районы Средиземноморья; второе – через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток гоминины двигались двумя путями. Один из них пролегал, видимо, южнее Гималаев и Тибетского нагорья через Индостан в Восточную и Юго-Восточную Азию. Другой (северный) миграционный путь проходил, скорее всего, через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что представители первой миграционной волны обитали в долине Ануя на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена, за исключением фазы относительного похолодания, отвечающей изотопно-кислородной стадии 18. После холодного максимума следующего оледенения (изотопная стадия 16) в связи с общим ухудшением природной обстановки ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила существование. В любом случае на рассматриваемой территории наступает длительный перерыв в развитии палеолитической культуры, который закончился около 300 тыс. лет с появлением на Алтае носителей принципиально иных культурных традиций, основанных на леваллуазском и параллельном принципах расщепления камня.

Следующий документированный период древнейшей истории представлен археологическими материалами из нижней части отложений Денисовой пещеры (рис. 1.10), а также из аллювиальных осадков, выполняющих основание разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол, находящейся неподалеку. Физическими методами датирования возраст этих отложений определен в пределах 133–282 тыс. лет, что соответствует второй половине среднего плейстоцена.

В начальный период заселения пещеры в окружающих ландшафтах были широко развиты разнотравно-злаковые степи, служившие пастбищем для многочисленных копытных – бизонов, сайгаков, благородных оленей, лошадей. Стада этих животных являлись главным объектом охоты палеолитического человека. Нижнюю часть горных склонов покрывали смешанные сосново-березовые леса с примесью дуба, клена, липы и вяза. В этих местах паслись косуля, марал и медведь. Верхнюю часть крутых склонов занимали каменистые осыпи, прикрытые кустарником и травянистой растительностью. У гребней хребтов обитали архар и сибирский горный козел.

Из отложений среднего плейстоцена получены типологически устойчивые наборы каменных изделий, которые по своей морфологии соответствуют ранним этапам среднего палеолита. Главным технологическим завоеванием человека среднего палеолита стали особые приемы обработки камня, названные техникой леваллуа. С их помощью от специально подготовленного обломка исходного каменного сырья – нуклеуса – откалывались крупные пластины и острия с симметричными острыми краями. Эти сколы, тонкие в сечении и очень удобные в работе, использовались в качестве орудий практически без дополнительной обработки. Технические достижения в расщеплении камня позволили значительно усовершенствовать форму и рабочие свойства двух основных типов орудий – остроконечника и скребла.

Для индустрий из нижних слоев Денисовой пещеры характерны признаки леваллуазского расщепления, преимущественное использование отщепов в качестве заготовок орудий, преобладание в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм. В наиболее древней индустрии стоянки Усть-Каракол большинство сколов имеют признаки параллельного расщепления, в составе орудий присутствуют скребла с продольно и конвергентно расположенными лезвиями, шиповидные и выемчатые изделия.

Появление на Алтае около 300 тыс. лет носителей среднепалеолитических культурных традиций является, скорее всего, следствием глобальной волны миг-

рантов из Африки с прогрессивной ашельской каменной индустрией, распространившейся около 1,5 млн лет на Ближний Восток. На рубеже 600 тыс. лет она проникла в Европу, а около 450–350 тыс. лет начала продвигаться на восток Евразии [Деревянко, 2009]. Представители новой миграционной волны принесли на вновь освоенные территории более совершенные способы производства каменных орудий – приемы параллельного и леваллуазского расщепления, а также технику двусторонней обработки камня. Истоки этих технических традиций прослеживаются в ашельских индустриях из западных по отношению к Алтаю регионов – на Ближнем Востоке и Кавказе.

Широкое освоение среднепалеолитическим человеком территории Алтая относится к первой половине верхнего плейстоцена, в период 120–50 тыс. лет. Согласно палеогеографическим данным, на протяжении этого периода постепенно сокращались площади лесов и расширялись степные биотопы. В сообществах млекопитающих уменьшалась численность лесных видов, а доля обитателей степей, напротив, возрастала. В свою очередь, с деградацией лесной растительности была тесно связана возросшая активность первобытных людей. Сокращение лесов, увеличение площади луговой и степной растительности с густым травянистым покровом привели к росту численности крупных травоядных животных – главного объекта охотничьего промысла того времени.

В период среднего палеолита человеческие популяции активно заселяют естественные убежища – пещеры, гроты, площадки под скальными навесами. Самыми древними жилищами подобного рода являются алтайские пещеры Денисова (рис. 1.10) и Усть-Канская. На Алтае известны также хорошо стратифицированные средне-

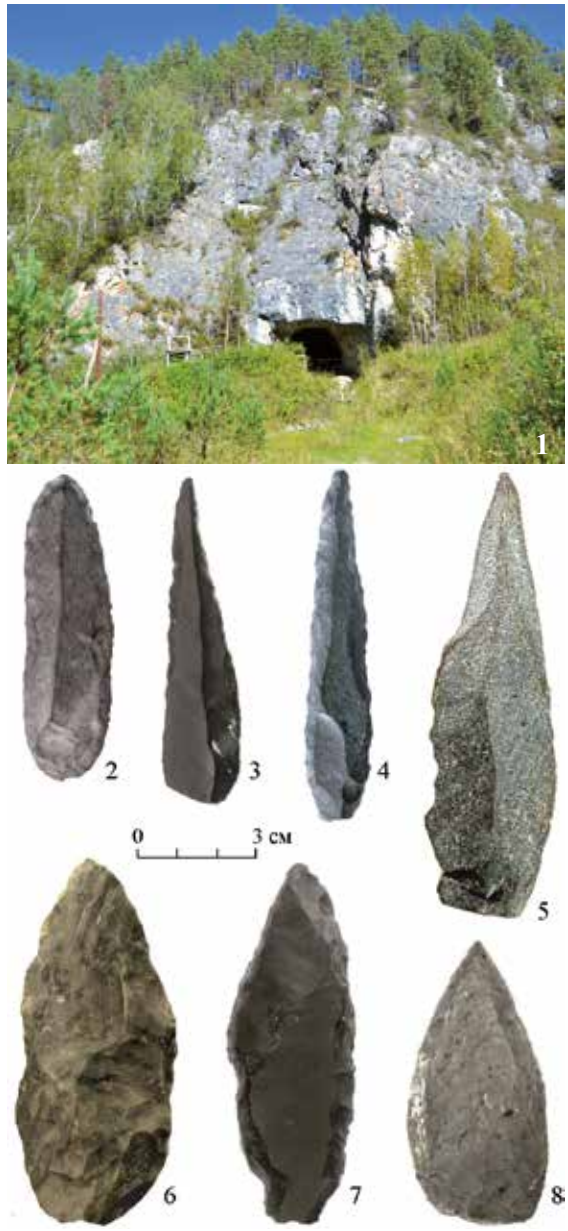

Рис. 1.10. Денисова пещера: *1* – вид на известный археологический комплекс; *2–8* каменные орудия среднего (*нижний ряд*) и верхнего (*верхний ряд*) палеолита

палеолитические стоянки под открытым небом – Усть-Каракол, Ануй-3, Кара-Бом. Жизнь среднепалеолитического человека в основном протекала на долговременных поселениях в пещерах и на сезонных охотничьих стойбищах. В сезонных лагерях изготавливался в основном специальный охотничий инвентарь в виде треугольных и листовидных остроконечников. В наборах орудий из пещер доминируют универсальные скоблящие и режущие инструменты (скребла), а также орудия с выемками и зубчатыми лезвиями.

Основой хозяйства среднепалеолитического человека являлась охота – надежный и главный источник существования. Охотничье-собирательское хозяйство в среднем палеолите становится более продуктивным и устойчивым, чем в предыдущий период. Об этом свидетельствуют обнаруженные на стоянках скопления многочисленных костей плейстоценовых животных. Люди охотились преимущественно на копытных животных – бизона, лошадь, оленя, горного козла. Относительное несовершенство охотничьего вооружения во многом компенсировалось как обилием плейстоценовой фауны, так и коллективными формами охоты. В безморозный период человек, очевидно, активно занимался также сбором растительной пищи. Съедобные растения являлись существенным дополнением к продуктам охотничьего промысла.

Ведение коллективного охотничье-собирательского хозяйства, совместное проживание в закрытых пещерных убежищах требовали достаточно развитой социальной организации среднепалеолитических сообществ: разделения труда по полу и возрасту, определенных норм распределения продуктов питания, упорядоченного взаимоотношения полов.

Комплексные исследования Денисовой пещеры (рис. 1.11) показали непрерывное развитие среднепалеолитических традиций в течение как минимум 250 тыс. лет. Обитатели пещеры для расщепления камня использовали главным образом приемы параллельного и радиального раскалывания. Леваллуазский метод расщепления представлен в достаточно развитом виде, однако заметного влияния на облик каменной индустрии он не оказал. Подавляющее большинство орудий изготовлено на средних и укороченных сколах. В составе инвентаря преобладают разнообразные скребла, а также зубчатые и выемчатые орудия. Сколы леваллуа представлены достаточно яркими формами, однако их доля среди изделий незначительна.

Рис. 1.11. Современные раскопки в Денисовой пещере

Более выразительный облик имеют среднепалеолитические индустрии стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3, Усть-Канской пещеры и пещеры Страшная, объединенные специалистами в кара-бомовский технико-типологический вариант. Для первичной обработки камня в этих индустриях использовалось главным образом леваллуазское расщепление, в основном техника пластинчатого скола. Среди каменного инвентаря доминируют пластины и остроконечники леваллуа, которые сочетаются с разнообразными зубчато-выемчатыми орудиями. В рамках этого технического варианта выделяются среднепалеолитические индустрии многослойных стоянок Ануй-3 и Усть-Каракол, в составе которых присутствуют тщательно обработанные с двух сторон орудия листовидной формы – бифасы.

Денисовский и кара-бомовский индустриальные варианты развивались в рамках единой среднепалеолитической культуры [Деревянко, Шуньков, 2002]. Согласно новейшим палеогенетическим исследованиям антропологических останков из Денисовой пещеры, носителем этой культуры был ранее не известный науке ископаемый человек, получивший такое название: «человек алтайский» или денисовец [Slon et al., 2017]. Индустриальные различия в рамках этой культурной традиции были связаны, скорее всего, с разным сочетанием сезонных, ландшафтных, сырьевых, производственно-хозяйственных и других факторов.

В самостоятельную технико-типологическую группу выделены индустрии мустьерского облика из пещер Окладникова и Чагырская (рис. 1.12), представляющие сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. Они отличаются от других алтайских индустрий хорошо выраженной радиальной технологией расщепления и массовым производством мустьерских орудий, главным образом скребел угловатой формы и двусторонне обработанных изделий – бифасов (рис. 1.12). Подобные орудия присутствуют также в материалах других среднепалеолитических памятников Алтая, но там они относительно малочисленны и не образуют устойчивых серий.

Культурная дифференциация мустьерских индустрий от остальных алтайских комплексов среднего палеолита подтверждается данными антропологических и палеогенетических исследований останков ископаемого человека, обнаруженных в пещерах Окладникова и Чагырская. Результаты морфологического изучения и генетического анализа антропологических материалов из этих пещер свидетельствуют, что носителями сибирячихинской индустриальной традиции были неандертальцы [Бужилова, 2013; Медникова, 2011; Krause et al., 2007]. На сегодняшний день это самая восточная в первобытной ойкумене популяция неандертальцев.

Таким образом, в среднем палеолите на северо-западе Алтая обитали по соседству две разные группы первобытных людей – денисовцы и неандертальцы. При этом последние пришли сюда, скорее всего, с территории западной части Центральной Азии. А корни культуры, носителями которой были денисовцы, как уже выше упоминалось, прослеживаются в древнейших слоях Денисовой пещеры, т.е. денисовцы являлись автохтонным населением.

Около 50 тыс. лет назад у денисовцев появляются новые технологии обработки камня, наборы личных украшений и предметы символической деятельности, что свидетельствует о начале качественно нового этапа древнейшей истории – верхнего палеолита.

Становление верхнего палеолита на Алтае наглядно демонстрирует преемственность технологических традиций среднего и верхнего палеолита. Ранние верхнепалеолитические индустрии формировались на основе местного среднепалеолитического технокомплекса, сохраняя при этом ряд общих технических компонентов. Так, у средне- и верхнепалеолитических индустрий была единая сырьевая база, основу которой составляли гальки осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков. Правда, на раннем этапе верхнего палеолита древние обитатели Алтая эпизодически стали использовать более качественный материал, который доставлялся на стоянки в виде галек яшмоидов сургучного цвета. Однако это обстоятельство, хотя и явилось определенным маркером перехода к качественно новому этапу обработки камня, тем не менее практически не изменило сложившихся принципов отбора каменного сырья, направленных на утилизацию главным образом местного галечного материала.

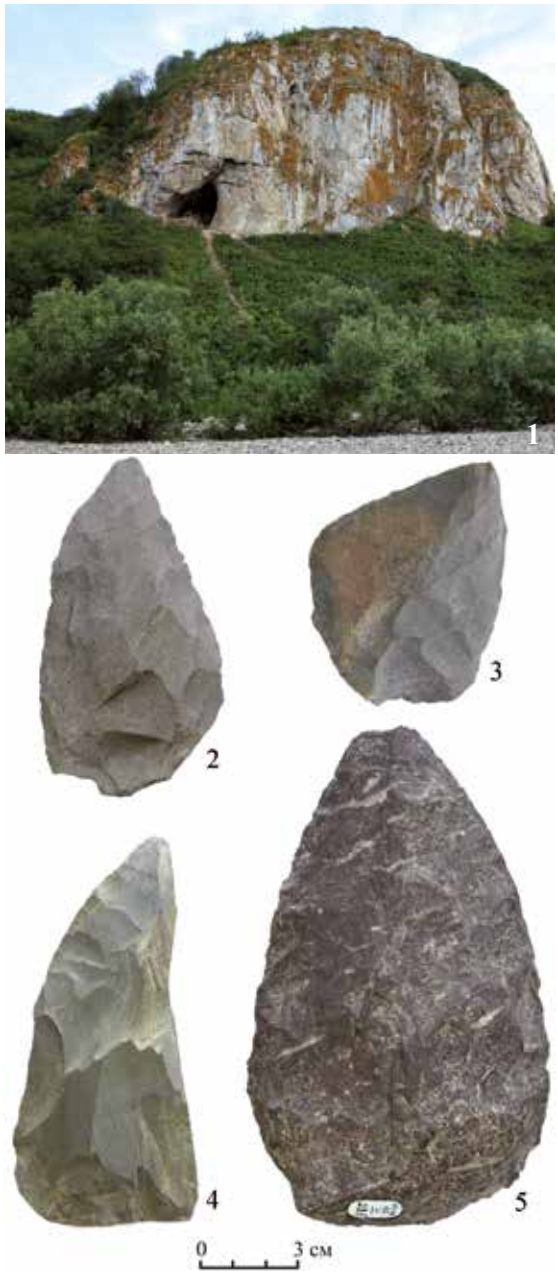

Рис. 1.12. Чагырская пещера:
1 – вид на памятник; *2–5* – каменные орудия неандертальцев из пещеры

Другим общим показателем для индустрий среднего и верхнего палеолита является перманентное использование техники параллельного расщепления. Параллельное скалывание заготовок с плоских площадочных нуклеусов активно применялось на разных стадиях среднего палеолита наряду с левалуазским и радиальным расщеплением. В последовательном развитии приемов параллельного расщепления переход к верхнему палеолиту отмечен серийным скалыванием заготовок с объемных нуклеусов призматической, конусовидной и клиновидной формы, включавшим скалывание микропластинок с торцовых нуклеусов.

Типологическая связь с ранним этапом верхнего палеолита отчетливо прослеживается в индустриях финальной стадии среднего палеолита

Денисовой пещеры. В этих индустриях выделяются орудия с хорошо выраженной верхнепалеолитической типологией, в том числе концевые и стрельчатые скребки, угловые, поперечные и двойные резцы, угловые проколки, ножи с ретушированным обушком, крупные ретушированные пластины и небольшие пластинки с притупленным краем. Еще одним связующим звеном с индустриями предшествующего периода в коллекциях ранней поры верхнего палеолита являются немногочисленные, но достаточно выразительные изделия, выполненные в канонах техники леваллуа.

Становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе подтверждается не только культурной, но и генетической непрерывностью у первобытного населения Алтая. Антропологические находки из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере свидетельствуют, что носителем верхнепалеолитической культуры был «денисовский человек» [Krause et al., 2010; Reich et al., 2010]. При этом способы и приемы жизнедеятельности денисовцев не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно и то же время с ними на других территориях.

Вместе с тем в период 50–40 тыс. лет назад у неандертальцев, обитавших в пещерах Окладникова и Чагырской (рис. 1.12), бытовали мустьерские традиции, которые не оказали заметного влияния на развитие других алтайских индустрий, что свидетельствует, скорее всего, об ассимиляции мигрантов автохтонным верхнепалеолитическим населением [Деревянко, Шуньков, 2012].

Начало верхнего палеолита на Алтае представлено в двух индустриальных вариантах – усть-каракольском и кара-бомовском [Деревянко, Шуньков, 2004]. Усть-каракольский вариант объединяет индустрии стоянок Усть-Каракол, Денисова пещера (рис. 1.10), Ануй-3, Тюмечин-4 и, видимо, Ушлеп-6 и пещеры Страшная. В этих индустриях начали широко использоваться приемы серийного снятия удлиненных заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в том числе клиновидной формы. Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий. В типологических списках этих индустрий самую выразительную часть орудийного набора образуют концевые скребки на пластинах; скребки высокой формы, образованные микропластинчатыми снятиями; срединные резцы, в том числе многофасеточные; крупные пластины с регулярной ретушью по продольному краю, а также микропластины с притупленным краем. Характерным элементом этих индустрий являются орудия со следами двусторонней обработки, в первую очередь бифасиальные остроконечники листовидной формы.

Другой важной особенностью этого круга индустрий являются орудия и украшения из кости (рис. 1.13). В культурных слоях начальной стадии верхнего палеолита Денисовой пещеры найдены миниатюрные иглы с ушком, в том числе уплощенное изделие с обломленным острием, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений, и острия-проколки из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих. Особо следует отметить целую костяную иглу длиной 75 мм, изготовленную из стенки трубчатой кости млекопитающего. Технологический и трасологический анализы костяных игл показали, что при их изготовлении использовались следующие приемы – сначала из стенки трубчатой

Рис. 1.13. Костяные иглы и украшения ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры

кости вырезалась заготовка, затем она строгалась и шлифовалась до нужной формы, после чего двусторонним сверлением проделывалось ушко, и в конце изделие тщательно полировалось.

Иглы с просверленным ушком являются одним из наиболее ярких инновационных типов костяных орудий начала верхнего палеолита. Широкое распространение этих изделий в верхнем палеолите Евразии явилось, скорее всего, следствием достижения существенного прогресса в развитии целого ряда промыслов и технологий – высокопродуктивной охоты на крупных и мелких млекопитающих, тонкой выделки шкур при помощи концевых скребков, пошива одежды из кожи и меха, специализированной обработки кости, рога и бивня, изготовления нитей из жил и волос животных или растительных волокон. В верхнем палеолите традиция изготовления одежды была тесно связана с практикой использования украшений из камня и кости, которые крепились к костюму при помощи разнообразных нитей и ремешков.

Среди массового разнообразия палеолитических материалов из Денисовой пещеры особое внимание привлекают находки, отражающие духовную и социальную стороны жизни первобытного человека – индивидуальные украшения и предметы символической деятельности, изготовленные из кости, бивня мамонта, зубов животных и скорлупы яиц крупных птиц. В составе этих изделий стоит указать подвески из зубов лисицы, бизона и оленя с биконически просверленным отверстием или с прорезанной по периметру бороздкой в корневой части; пронизки из полых трубчатых костей, орнаментированные симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок; бусины и кольца из бивня мамонта с биконически просверленным отверстием; небольшие плоские бусины из обломков трубчатых костей; заготовки бусин – фрагмент бивня мамонта с двумя просверленными широкими отверстиями и вырезанной между ними перемычкой и обломки бивня мамонта и трубчатой кости неправильно-овальной формы с тщательно заполированной поверхностью и широким отверстием посредине; тонкостенное колечко, образованное поперечным срезом с трубчатой кости крупной птицы; фрагмент ребра крупного копытного с тремя веерообразно расположенными нарезками; стержни из стенок трубчатых костей млекопитающих, в том числе медиальные фрагменты с полированной поверхностью и дистальный фрагмент с уплощенным окончанием; фрагменты костей крупных млекопитающих с просверленным отверстием, а также плоские бусины-колечки из уникального для палеолита Алтая материала – окаменевшей скорлупы яиц страуса.

Другой примечательный компонент этой коллекции составляют украшения из поделочного камня и раковин моллюсков – браслет из темно-зеленого хлоритолита, кольцо из белого мрамора, подвески из зеленого каолинитового агальматолита и светлого талька-стеатита с биконически просверленным отверстием у одного из поперечных краев, бусины из талька, желтовато-зеленого серпентина и глинистого сланца, а также украшения из раковин пресноводных моллюсков *Corbicula tibetensis* с просверленным отверстием в основании. Трасологическое и технологическое изучение каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашпиля [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

В коллекции индивидуальных украшений из Денисовой пещеры, которая на сегодняшний день является наиболее представительной и древней в палеолите Северной и Центральной Азии, особое место занимает браслет из темно-зеленого хлоритолита (рис. 1.14). Привлекает внимание высокий производственный уровень изготовления браслета – хорошее качество практически всех выполненных операций, тщательный характер отделки, оригинальные решения существовавших технологических проблем. Это изделие демонстрирует достаточно развитые трудовые навыки и устойчивую практику подобных работ у обитателей Денисовой пещеры на ранней стадии верхнего палеолита. Общая реконструкция изделия (рис. 1.14) свидетельствует о высоких эстетических свойствах браслета. При ярком освещении он эффектно отражал солнечные лучи, при свете костра отливал глубоким темно-зеленым цветом. Браслет вряд ли относился к предметам повседневного пользования. Эта хрупкая изящная вещь носилась, вероятно, достаточно редко, в особых случаях. Благодаря исключительной редкости исходного материала и тщательной ювелирной отделке, браслет принадлежал к числу эксклюзивных дорогих украшений, определявших, скорее всего, высокий социальный статус его владельца.

Кара-бомовский вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриями стоянок Кара-Бом, Кара-Тенеш и, возможно, Малояломанской пещеры. Их технические особенности носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большинство нуклеусов имеют параллельные грани и предназначены для получения удлиненных сколов. Сохраняют свою роль отдельные элементы техники леваллуа. Вместе с тем отмечены новые технические приемы, характерные для скалывания микропластин, в том числе с торцовых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. Ведущее положение в составе ин-

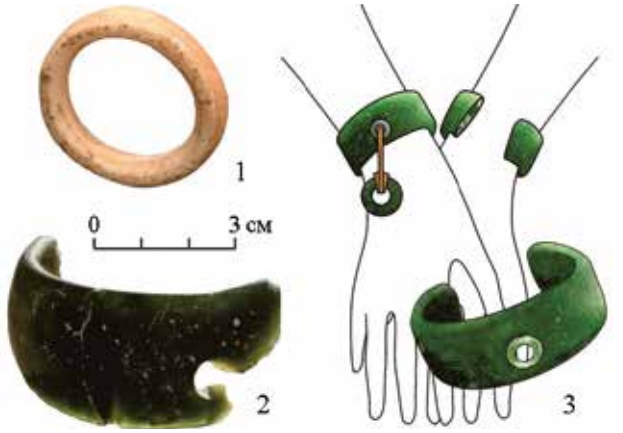

Рис. 1.14. Мраморное кольцо и браслет из хлоритолита ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры

вентаря занимают орудия верхнепалеолитической группы, оформленные главным образом на крупных пластинчатых заготовках – концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники и пластины с ретушью продольных краев. В этих индустриях отмечены также единичные образцы бифасиальных изделий и украшений из зубов животных. В целом облик этого индустриального варианта определяется серийным производством крупных пластин и орудий на их основе.

Характер среднего этапа верхнего палеолита на Алтае лучше всего отражают материалы нижних культурных горизонтов многослойной стоянки Ануй-2, расположенной рядом с Денисовой пещерой. Абсолютный возраст культуросодержащих отложений определен серией радиоуглеродных дат в диапазоне от 23 до 27 тыс. лет. Основная часть нуклеусов этой индустрии сработана с помощью приемов параллельного расщепления, в том числе призматического и торцового. Особую группу составляют небольшие нуклеусы клиновидной и призматической форм, предназначенные для снятия микропластин. О развитой пластинчатой технике свидетельствует также относительно высокая доля удлиненных заготовок, среди которых широко представлены микропластины. В составе инвентаря наибольшим разнообразием отличаются скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки. Не менее значимую группу составляют зубчатые и выемчатые изделия, образованные в основном ретушированными выемками. Еще одну характерную черту индустрии представляют скребла различных модификаций – от простых продольных до двойных конвергентных типа лимасов. Вместе с тем главной типологической особенностью, придающей самобытный облик индустрии, является выразительная серия микроизделий, в число которых входят острия с притупленным краем, миниатюрные скребки, проколки и микропластины с лезвиями, отделанными крутой краевой ретушью.

Заключительный этап верхнего палеолита Алтая наиболее полно характеризуют материалы пещерных комплексов. Позднепалеолитические индустрии пещер Денисовой и Каминной демонстрируют дальнейшее развитие технических приемов пластинчатого расщепления. В них по сравнению с более ранним этапом заметно увеличилось количество удлиненных сколов, среди которых возросла доля микропластин. Пластины служили в качестве основ для изготовления продольных разновидностей скребел, концевых скребков, резцов, долотовидных, зубчатых и выемчатых орудий. В составе орудий особенно выразительны микропластины с притупленным краем и листовидные бифасы. Дополняет коллекцию достаточно яркая серия орудий и украшений из кости и зубов животных – иглы с ушком, острия-проколки, подвески из зубов оленя, обработанные костяные пластины, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, цилиндрические бусины-пронизки и плоские бусины-колечки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

Для верхнего палеолита на Алтае характерны два крупных этапа в развитии природной среды. Начало этого периода отмечено общим смягчением климата, расширением площади лесов и лугов, высокой степенью мозаичности ландшафтов. На склонах речных долин в это время обитали животные разных экологических групп – архар, сайга, дзерен и сибирский горный козел паслись по соседству с «шерстистым» носорогом, бизоном и маралом. Заключительный этап верхнего палеолита – 24–12 тыс. лет назад – сопровождался прогрессирующим похолоданием, что привело к самому ощутимому за весь период плейстоцена ухудшению

природных условий. В то время максимально возросла доля травянистых растений и кустарников, небольшие участки леса состояли в основном из темнохвойных пород – ели, лиственницы и кедра. Среди животных преобладали обитатели скал и сухих степей – сибирский горный козел, архар и сайга.

Основой существования верхнепалеолитических коллективов являлась охота. Она обеспечивала людей, помимо пищи, еще и сырьем в виде костей, рогов, зубов, кожи и шкур, которые они могли использовать для изготовления орудий и украшений, шитья одежды, утепления скальных жилищ. Причем преобладание на отдельных стоянках остатков двух-трех видов промысловой фауны указывает на специализацию охотничьей деятельности. Летом и осенью, кроме охотничьего промысла, человек, скорее всего, также собирал съедобные ягоды, грибы, орехи, коренья.

Главными центрами производственной и хозяйственной деятельности, центрами общинной жизни являлись долговременные поселения в скальных убежищах. Наличие долговременных поселений указывает на высокую социальную зрелость верхнепалеолитических коллективов – без половозрастного разделения труда, пропорционально обеспечивающего потребления, и без регламентации половых отношений совместная жизнь людей в пещерных убежищах была бы невозможной. Вместе с тем долговременные поселения с насыщенным культурным слоем не свидетельствуют о прочной оседлости верхнепалеолитического человека. Специфика хозяйственной деятельности заставляла его отправляться в охотничьи экспедиции, совершать сезонные перекочевки вслед за стадами животных, что подтверждается наличием временных стойбищ с относительно немногочисленными остатками расщепленного камня.

С началом верхнего палеолита связано дальнейшее усовершенствование технологий обработки камня. На смену приемам, характерным для среднепалеолитической техники изготовления каменных орудий, пришли новые, более эффективные. С тщательно подготовленных нуклеусов скалывались крупные пластины с относительно ровными и острыми краями, служившие заготовками для разнообразных специализированных орудий – скребков, резцов, остроконечников. Среди инвентаря появились микропластины, служившие сменными лезвиями в составных инструментах. Вместе с новыми формами орудий продолжали использоваться массивные скребла, чопперы, зубчатые и выемчатые изделия.

Орудия стали изготавливать также из более пластичных органических материалов – кости и рога. Среди первых костяных орудий наиболее примечательны миниатюрные иглы с просверленным ушком. При обработке сырья стали применяться принципиально новые технологии – сверление, внутренняя расточка, шлифование. Расширение ассортимента производственного инвентаря свидетельствует о разнообразии и усложнении трудовой деятельности верхнепалеолитического человека, росте его хозяйственно-бытовых потребностей.

Одним из важных проявлений культуры первобытных племен Алтая в начале верхнего палеолита следует считать формирование мировоззренческих представлений. Наиболее ярко это выразилось в появлении орнаментированных украшений и других продуктов символической деятельности, свидетельствующих о достаточно высоком уровне эстетических представлений их создателей.

М.В. Шуньков

Глава 2

МЕЗОЛИТ
(ранний, развитый, поздний, финальный)

Переход от палеолита (древнего каменного века) к мезолиту (среднему каменному веку) сопровождался серьезными климатическими изменениями. Около 13 тысяч лет тому назад началось глобальное потепление. Земли, ранее покрытые толстым слоем льда, постепенно освобождались от него. Огромные объемы растаявшей воды стали менять формы и очертания первобытного рельефа. В IX–VIII тыс. до н.э. уровень Мирового океана достиг наивысшей отметки за всю историю своего существования. Наиболее сильно поднялись такие моря, как Балтийское, Черное и Каспийское. Процесс формирования новых ландшафтов был длительным и закончился лишь в V тыс. до н.э.

Практически все исследователи определяют мезолит от X до VI тыс. до н.э. (в некоторых районах до V тыс. до н.э.). Археологические культуры и памятники этого периода соотносятся с тремя климатическими фазами послеледникового времени:

– пребореал – 9610–8690 гг. до н.э. (11610–10690 л.н.);

– бореал – 8690–7270 гг. до н.э. (10690–9270 л.н.);

– начало атлантического периода (атлантикума) – 7270–3710 гг. до н.э. (9270–5790 л.н.).

На территории Алтая природно-климатические процессы имели достаточное своеобразие. В пребореальный период таяние горных ледников приводило к резкому увеличению стока пра-Оби. Даже в наше время незначительное повышение уровня главной реки Алтайского края приводит к тяжелым и необратимым последствиям. А на рубеже плейстоцена (четвертичный период) и голоцена (современный геологический период) данная ситуация усугублялась тем, что таяние северных ледников осуществлялось медленнее, и они сдерживали стоки с Алтайских гор. Избытки воды уходили по руслам рек в Кулундинскую низменность, образуя в данном регионе обширные водоемы, остатки которых представлены современными озерами. Степные и лесостепные зоны Алтая и раньше человеком осваивались медленно из-за отсутствия сырья для изготовления каменных орудий. На сегодняшнее время известны кратковременные стоянки с крайне бедными культурными слоями и каменными изделиями, которые первобытные охотники использовали максимально полно. Подобные артефакты (рис. 1.15) происходят со стоянки Мохнатушка-I вблизи Барнаула.

Использование костяных орудий в полной мере не могло заменить камень в экономике древнейших охотников. Поэтому, несмотря на изобилие биоресурсов, равнины Алтая, в отличие от гор и предгорий, в палеолитическое время были заселены людьми очень слабо. А в начале потепления голоценового периода этот регион вообще оказался залит водой и заболочен. Значительные пространства перекрывались озерными и водно-ледниковыми отложениями (пески, илы, гравий с галькой) и стано-

вились малопригодными для обитания диких животных – основной охотничьей добычи человека.

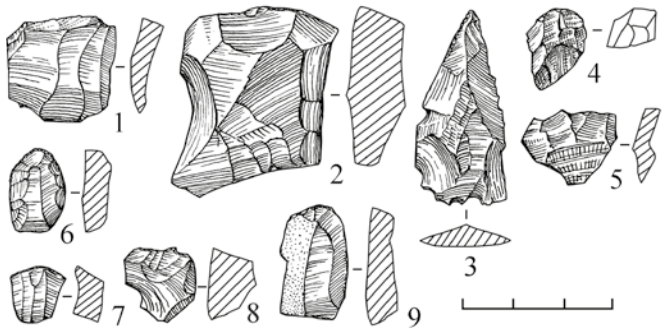

Рис. 1.15. Каменные изделия завершающего этапа палеолита со стоянки Мохнатушка-I (окрестности Барнаула)

Другой проблемой для первобытного общества рассматриваемого периода стало вымирание крупных стадных животных, на забой которых при загонной охоте была ориентирована экономика палеолита. Весь инвентарь палеолитического времени сформировался для добывания и переработки именно крупных животных – мамонтов, бизонов и туров, гигантских и северных оленей, лошадей и др. Часть четвертичных животных вымерла, не сумев адаптироваться к очередному потеплению, другие мигрировали с Алтая в более южные или более северные регионы. Прекрасно адаптированное к загонной охоте хозяйство палеолитического

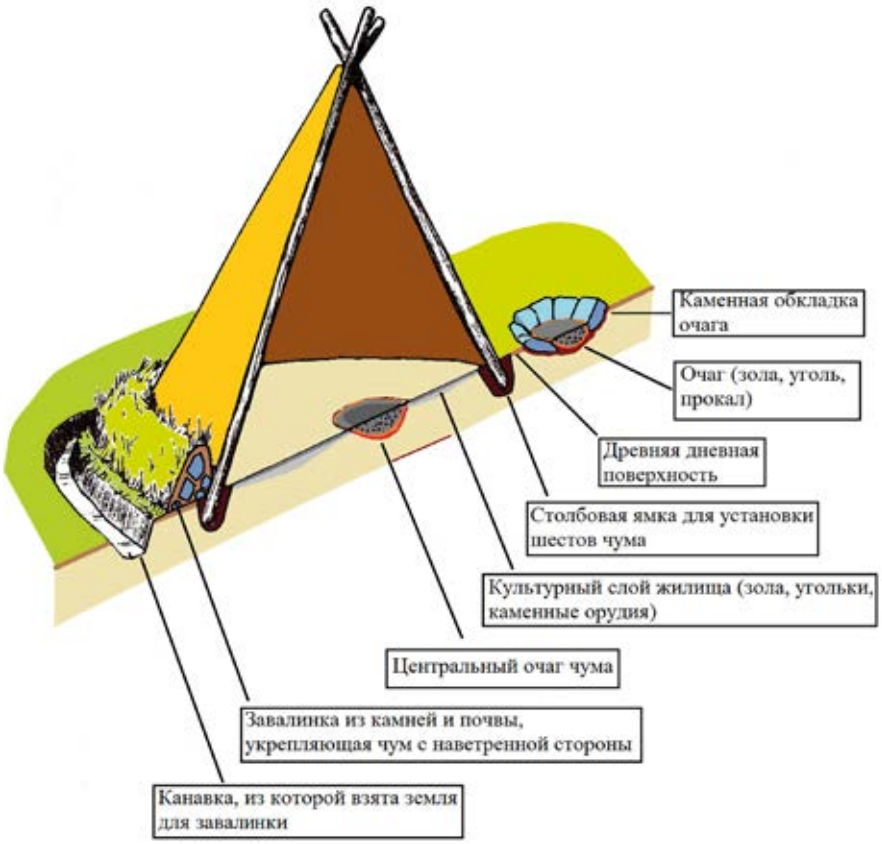

Рис. 1.16. Реконструкция мезолитического переносного жилища-чума (по материалам раскопок стоянки Усть-Сема)

времени прекратило свое существование в течение нескольких десятилетий. Эффективные и совершенные для его реализации орудия (тяжелые копья с каменными и костяными наконечниками, крупные пластины – ножи и кинжалы для добивания поверженных зверей и обваловки добытых туш, скребла для обработки гигантских шкур) оказались ненужными. Добыча измельчала, и с копьем охотиться на косулю или лося, на этих быстрых и относительно немногочисленных животных, стало сложно. Достаточно отметить, что на Алтае стоянок завершающего этапа палеолита известно в десятки раз больше, чем в послеледниковое время, чтобы понять, насколько тяжелой была адаптация человека к новым условиям.

Как же люди выжили? Прежде всего, изменилась сама структура первобытного общества. Из крупных монолитных объединений охотников, живших в основном оседло и занимавшихся загонной охотой, стали формироваться небольшие и мобильные группы, постоянно передвигавшиеся по своей кормовой территории. В науке такое состояние общества получило наименование «дисперсное» (распыленное). Указанный момент, несомненно, преобразовал племенную структуру, но способствовал формированию более совершенных взаимоотношений внутри общин. Подвижный образ жизни привел к сложению совершенно нового комплекса орудий и приспособлений, необходимых для подвижной охоты, охоты «скрадом», для устройства засад на тропах животных и т.п. Основное требование к ним – мобильность, легкость, простота починки и обновления. Подвижность отразилась и на устройстве жилищ (рис. 1.16).

Основой мезолитического орудийного комплекса стала мелкая призматическая пластина (рис. 1.17). Технология получения подобной заготовки появилась еще в палеолите. Однако более ранние пластины отличались крупными размерами и массивностью, так как предназначались для других технологических целей, прежде всего для разделки добычи и кроя кожаных изделий. Были и другие функции, но это основные.

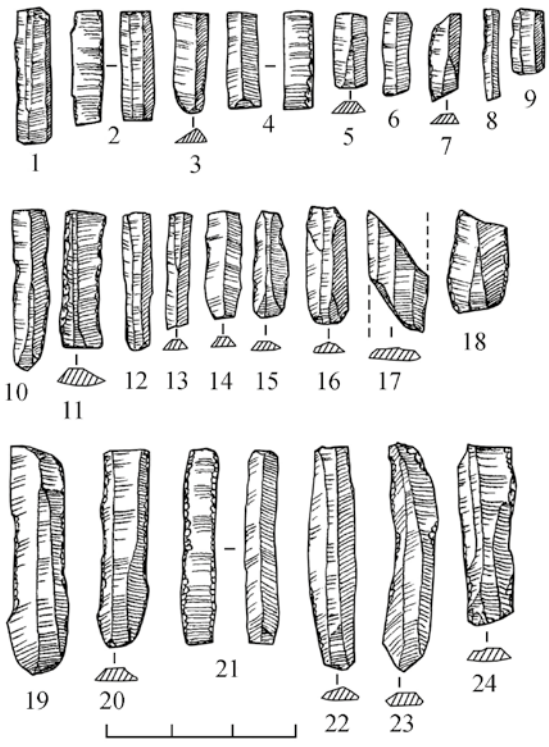

Рис. 1.17. Стоянка Усть-Сема. Призматические пластины

Мезолитическая пластина (даже крупная), по сравнению с мелкой пластиной верхнего палеолита, – настоящий микролит (маленький камень). Именно по этой причине технику расщепления в период мезолита называют микролитической. Пластины получали из специально подготовленных нуклеусов (рис. 1.18).

Пластины использовались не сами по себе. Ими оснащали разнообразные орудия труда с вырезанными продольными желобками-пазами, куда пластины вставлялись и там же прочно закреплялись. Основа для таких инструментов могла изготов-

ляться мастером из кости, рога или древесины. Законченные орудия в данном случае были значительно легче, чем полностью сделанные из камня. Археологи неоднократно находили подобные сложные изделия.

Алгоритм изготовления вкладышевого инструмента такой (рис. 1.19). Первым делом мастер осуществляет расщепление нуклеуса, который мог иметь призматическую, конусовидную или клиновидную форму. Нуклеус, подготовленный к разработке, зажимался в деревянной основе (часто в вырезе бревна или специальной крепежной конструкции), затем с помощью рычага, оснащенного отжимником из рога или мягкого (рогового) отбойника, мастер снимал с него пластины-заготовки.

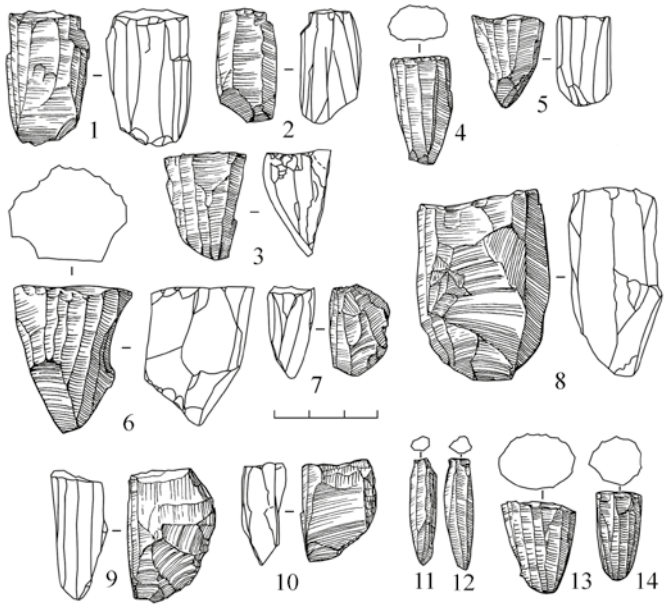

Рис. 1.18. Стоянка Усть-Сема.
Нуклеусы для получения призматических пластин

Рис. 1.19. Реконструкция отжимания с клиновидного нуклеуса пластин при помощи «мягкого» рогового отбойника (*1–4*). *Экспериментально-трасологическая школа (Зарайск, 2010 г.)*

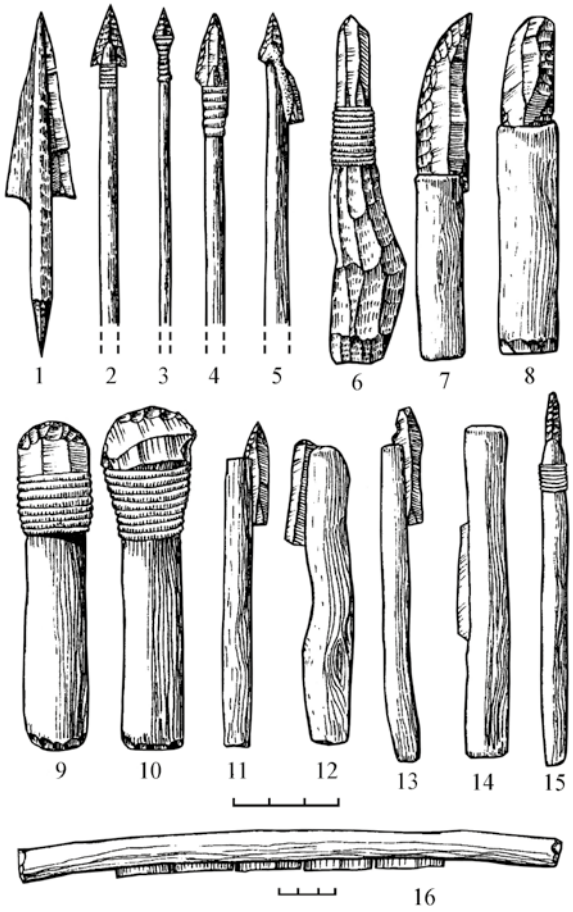

Рис. 1.20. Реконструкции вкладышевых орудий (по материалам мезолитических памятников Алтая)

И форма нуклеуса, и схема его утилизации зависели от того, какую пластину мастер намеревался получить. Даже самая совершенная заготовка имела определенный изгиб, мешавший поместить ее в ровный паз. Поэтому начинался второй этап создания инструмента. Пластину фрагментировали, отсекая утолщение (ударный бугорок), неровности и изгибы. Затем получившиеся фрагменты подгоняли друг к другу с помощью вторичной обработки (ретуши), которая наносилась ретушером, сделанным из приостренного рога. На третьем этапе оформления орудия мастер вырезал на костяной, роговой или деревянной заготовке изделия (наконечники копья, дротика, ножа, кинжала и др.) паз и заливал его разогретой мастикой, подготовленной из воска и смолы хвойных деревьев. Затем там формировалось лезвие из заранее подобранных пластин с острым краем. Мастика застывала, и орудие было готово к использованию. Вкладышевая техника позволила существенно увеличить количество специализированных орудий труда (рис. 1.20).

Кроме наконечников стрел, ножей и кинжалов, это могли быть скребки и боковые скребла, пилы и резцы, раскроечные и другие скорняжные инструменты, а также деревообрабатывающие орудия. Относительно легкие рукояточные изделия обладали еще одним неоспоримым достоинством. В них эффективно соединялась эластичность органической основы с остротой и прочностью кремня. При этом починка орудия после использования или поломки была достаточно проста: мастер или охотник просто разогревал около костра мастику, вынимал сломанные пластины (или другие микролиты) и заменял их целыми. Подготовленные к замене детали всегда имелись в наличии, так как весили совсем немного и были достаточно компактны. Призматические вкладышевые технологии для адаптации присваивающей экономики оказались настолько удачны и эффективны, что в кратчайшее время вытеснили традиционные палеолитические, когда получали крупные орудия (например, скребла и скребки) путем расщепления соответствующих крупных заготовок (прежде всего, от плоскостных нуклеусов). При анализе состава каменных индустрий из палеолитических памятников пластины составляют обычно несколько процентов от общего

количества изделий. А, например, в позднемезолитическом культурном слое стоянки Усть-Сема доля призматических пластин достигала почти 60%. При этом типы орудий палеолитического облика практически отсутствовали. Единственные изделия продолжали существовать без серьезных изменений – скребки. Такие небольшие скорняжные инструменты характерных форм применялись для мездрения шкур животных, которые служили основой для изготовления одежды, амуниции, разнообразных хозяйственных изделий – от мешков и емкостей для кипячения воды нагретыми камнями до подстилок и детских пеленок. Поэтому скребков было много, и они отличались чрезвычайным разнообразием (рис. 1.21).

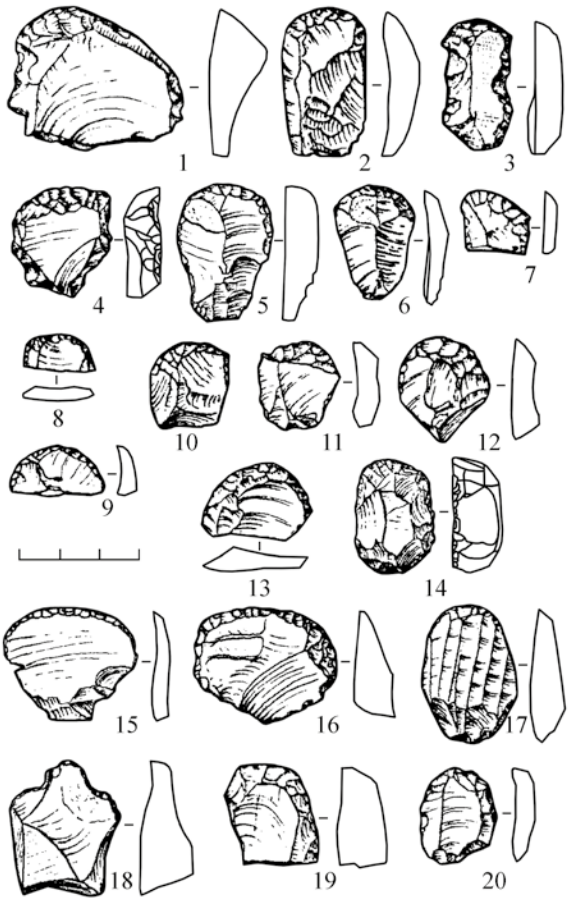

Рис. 1.21. Мезолитические скребки со стоянок Усть-Сема и Тыткескень-III

Еще одним ярким достижением мезолитического охотничьего хозяйства стало распространение орудий дистанционного применения, прежде всего лука и стрел. Несомненно, были и такие новации, как праща или другие метательные приспособления (палицы-бумеранги, болос и т.п.). Однако наиболее выразительные материальные свидетельства оставил именно первый тип дистанционного оружия, что выражалось в массовом появлении каменных наконечников стрел (рис. 1.22). Их форма и назначение очень узнаваемы. Человек

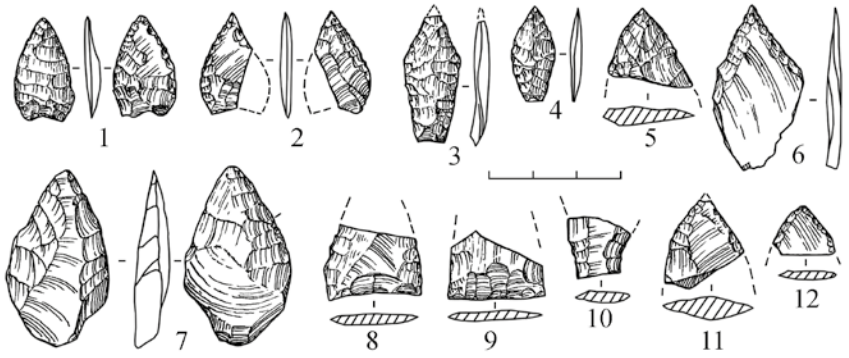

Рис. 1.22. Каменные наконечники стрел со стоянки Усть-Сема

без специальной подготовки легко идентифицирует такие находки. Вне всякого сомнения, лук появился еще в палеолите. Известны и изображения стрел. При этом схема та же, что используется и сейчас, когда указывается направление движения («иди туда»). Таким образом, человек как запустил стрелу в верхнем палеолите, так она и полетела сквозь века. Однако каменные наконечники стрел ранних периодов известны не везде и их распространение далеко от повсеместного. В то же время любая мезолитическая индустрия демонстрирует очень яркие образцы изделий данной группы, оформленные из сколов, отщепов или пластин. Достаточно рано появились и костяные изделия такого типа.

Размеры наконечников стрел мезолитического времени очень невелики. Трудно представить, что их использовали для охоты на крупных копытных или хищных зверей. Скорее всего, добычей лучников становились мелкие и средние животные, а также птицы. Находки в других регионах свидетельствуют о появлении специальных тупых стрел (томаров), предназначенных для оглушения мелких пушных животных, чтобы не портить ценную шкурку.

Другой не менее важной новацией мезолитической экономики следует считать появление рыболовства. Люди и раньше прекрасно знали о том, что в озерах и реках обитает рыба. При случае они могли добыть этих водных обитателей. Однако специализированных орудий для их ловли длительное время не существовало. Рыбалка была просто разновидностью охоты, при этом гораздо менее продуктивной и со своими сложностями. Мы настолько привыкли к такому виду добывания природного биологического ресурса, что не видим в нем ничего необычного. Однако в то время формировался совершенно новый сегмент присваивающей экономики со своей инфраструктурой, инновационными технологиями, специфичными навыками и даже целыми ремесленными направлениями. Для успешного рыболовства с помощью удочки необходимы леска, крючок, способный выдержать вес сопротивляющейся рыбы, грузило, погружающее крючок с нацепленной наживкой в воду, поплавок для контроля поклевки. Все это надо изготовить на основе каменной и костяной индустрии. А для сетевого рыболовства требуется сама сеть. Если с грузилом и поплавками человек мог легко справиться, используя камень, кость, древесину или кору, то для изготовления сети требовались подготовленный материал, набор инструментов и новые навыки. Не каждый материал можно использовать для плетения, так как он должен выдержать длительное нахождение в воде. Само плетение требует наличия специфичных навыков и орудийного набора. Использование сети и ее заменителя в виде разнообразных плетеных ловушек (морд и заколов) требует появления еще одного навыка – умения плавать по поверхности воды. Вряд ли в ранних этапах использовался плот, хотя и этот вариант возможен. Сделать плот и управлять им – это тяжело, трудоемко и неудобно в эксплуатационном плане. Лодка является более эффективным способом использования водной поверхности. При наличии подходящих пород дерева делалась долбленка, а при появлении более продвинутых навыков – каяки, байдарки, каноэ, обласки. А это означало появление целой отрасли деревообработки. Было ли рыболовство на Алтае в период мезолита? Можно с уверенностью об этом утверждать только применительно к его заключительным этапам, когда наряду с микролитической индустрией появились настоящие деревообрабатывающие инструменты, что зафиксировано находками при исследовании финальномезолитического слоя стоянки Тытке-

скень-III и 8-го культурного слоя стоянки Тыткескень-II (рис. 1.23). Однако первый примитивный утяжелитель составного рыболовного крючка обнаружен на памятнике Усть-Сема. Такие утяжелители обычно состоят из отшлифованного каменного стерженька-грузика и прикрепляемого к нему костяного крючка или когтя хищной птицы.

Еще один момент экономического развития мезолитических племен заключается в том, что рыболовство, давая достаточно стабильный продукт, кроме всего прочего, требует относительной оседлости племен, которые его практикуют. Этот момент отмечается уже на следующем этапе древнейшей истории Алтая.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ

Как уже выше отмечалось, степная и лесостепная зона для охотников периода мезолита была менее благоприятной из-за обширных водоемов, заболоченных низин и отсутствия необходимого камня. Впрочем, последняя причина была преодолима при использовании микролитической вкладышевой техники, что произошло в следующий неолитический период. Наверняка какие-то группы охотников проникали на указанные территории и раньше, но достаточных и убедительных свидетельств этому у нас пока нет. В настоящее время памятники мезолита выявлены в основном на территории северной части Горного Алтая и Бийского Приобья (рис. 1.23).

История изучения археологических памятников раннеголоценового времени в долине нижнего и среднего течения Катуни, а также в Лесостепном Алтае имеет почти вековую историю. В ходе исследований археологами накоплен огром-

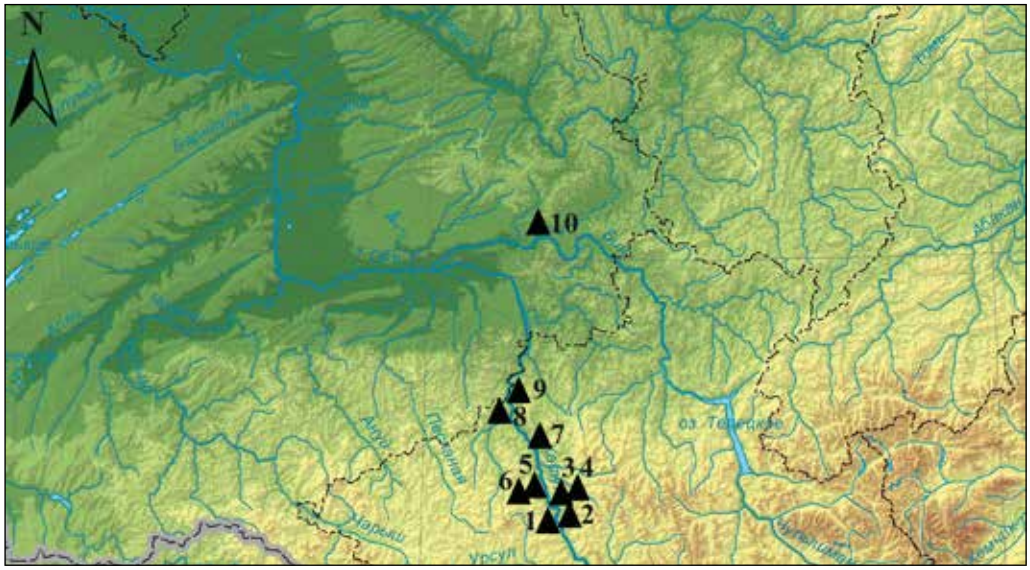

Рис. 1.23. Основные археологические памятники Алтая периода мезолита:
1 – стоянка Усть-Карбан-I; *2* – стоянка Верх-Тельтехмень-V; *3* – стоянка Усть-Бийке-I; *4* – многослойная стоянка в пещере Бийке-I; *5* – многослойные стоянки Тыткескень-III и Нижнетыткескенская пещера (НТП)-I; *6* – многослойная стоянка Тыткескень-II; *7* – многослойная стоянка Усть-Куюм; *8* – многослойная стоянка Усть-Сема; *9* – многослойная стоянка Манжерок-II; *10* – комплекс многослойных стоянок Камешки-I–III

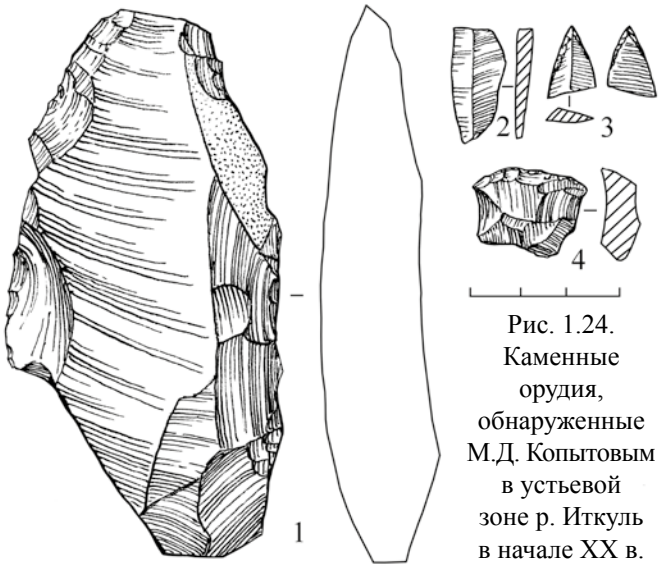

Рис. 1.24. Каменные орудия, обнаруженные М.Д. Копытовым в устьевой зоне р. Иткуль в начале XX в.

ный фактический материал, однако степень изученности различных памятников и древнейших исторических периодов далеко не одинакова. К сожалению, до настоящего времени в силу ряда объективных и субъективных причин крайне слабо исследованными остаются памятники предгорно-равнинной части региона, представленные незначительными сборами и рекогносцировочными раскопками.

Первые материалы, которые можно с некоторой осторожностью отнести к мезолитическому периоду, были получены в начале XX в. М.Д. Копытовым. Это были сборы подъемного материала с многослойного поселения в устье р. Иткуль (памятник ошибочно отнесен некоторыми исследователями к палеолиту) (рис. 1.24), а также призматические пластины, наконечники стрел и сколы со стоянки Фоминское. Оба объекта в настоящее время утрачены.

В 1929 г. в долине Катуни при проведении работ, связанных с прокладкой полотна Чемальского тракта, был обнаружен Куюмский могильник – первый памятник Усть-Куюмского археологического комплекса. Впоследствии там проводили раскопки Г.П. Сергеев (1932 г.) и Г.П. Сосновский (1936 г.). В 1960-е гг. работы на памятнике возобновил Горно-Алтайский отряд ИИФиФ СО АН СССР под руководством Е.М. Берс. По результатам раскопок были выделены слои трех культурно-исторических периодов: палеолита, медно-каменного и раннего железного века. Активное участие в изучении Усть-Куюмского комплекса принимал академик А.П. Окладников (рис. 1.7), который выделил четыре культурных горизонта и датировал их наиболее поздним этапом палеолита.

Следующие находки памятников раннего голоцена связаны с именем Б.Х. Кадикова (рис. 1.6), выпускника Пермского университета и ученика О.Н. Бадера. В начале 1950-х гг. Борис Хатмиевич приехал на Алтай и после устройства научным сотрудником в Бийский краеведческий музей развернул активный поиск археологических памятников, исследуя некоторые из них. С 1959 по 1961 г. он изучал поселение Усть-Сема, открытое П.П. Хороших. В результате работ двумя раскопами была вскрыта общая площадь 404 кв. м. Б.Х. Кадиков также проводил разведки и практиковал осмотр мест случайных находок древних предметов. В 1950–1960-е гг. им открыты памятники на горе Камешок, на Красной Горе и в других местах. Поисковая работа и раскопки, проведенные Б.Х. Кадиковым, сыграли большую роль в накапливании сведений о мезолитических комплексах Алтая и дальнейших исследованиях.

Впервые проблему мезолита на юге Западной Сибири поднял академик А.П. Окладников. Исходя из анализа имевшихся, но не до конца изученных комплексов, ученый пришел к заключению об отсутствии такого периода на Алтае

и переживании палеолита (эпипалеолита) без особых изменений в технике расщепления и орудийном наборе вплоть до появления афанасьевских племен в медно-каменном веке. Это положение нашло отражение в разных публикациях, в том числе и в крупном обобщающем томе «Мезолит СССР» [1989] серии «Археология СССР», куда не вошли уже известные тогда материалы, полученные при раскопках мезолитической стоянки Усть-Сема.

Вновь вопрос о мезолите Алтая был поднят в 1980–1990-е гг. барнаульскими археологами Ю.Ф. Кирюшиным, А.Л. Кунгуровым, В.П. Семибратовым и А.А. Тишкиным. В то время и позже были опубликованы основные материалы, отражающие этапы развития мезолитических традиций в горных и равнинных районах Алтая (см. библиографический список в конце тома: [Кирюшин, 1983, 1987; Кунгуров, 1993, 1995, 2001, 2008 и др.; Кунгуров, Тишкин, 1993; Семибратов, 1995; Семибратов, Майчиков, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005; и др.]). К настоящему времени разработана хронология рассматриваемого периода, определены истоки мезолитических традиций и результаты их развития. Выделена и обоснована *усть-семинская культура* в долине Катуни.

Основными проблемами изучения мезолита на сегодняшний день являются следующие:

– достоверное определение традиций и инноваций в технологии первичного расщепления камня и вторичной обработке, что позволит определить регионы, оказавшие влияние на развитие автохтонной линии;

– выявление и обоснование хозяйственных особенностей, позволивших обитателям региона ответить на природные вызовы конца плейстоцена – начала голоцена, которые привели к явным кризисным явлениям в обществе конца древнекаменного века;

– определение эволюционных технологических достижений, приведших к вызреванию элементов неолитической культуры, а также вычленение в этом процессе инновационных элементов и их влияния на традиционное хозяйство.

Решение указанных проблем достаточно актуально для создания непротиворечивой реконструкции мезолита – этого важнейшего периода истории, являвшегося во многом ключевым для понимания особенностей развития более поздних культур.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ДОЛИНЫ КАТУНИ

Такие памятники обнаружены в долине р. Бийке – правого притока Катуни, впадающего в нее в 7 км выше по течению от с. Еланда (Чемальский район Республики Алтай). Абсолютная отметка в районе слияния рек – 460 м. Северные склоны долины этой небольшой речки покрыты таежной растительностью и густым травостоем. Южные склоны, как правило, открытые, и там произрастает преимущественно сухолюбивая флора.

Стоянка (поселение) Усть-Бийке-I. Памятник открыт Б.И. Лапшиным. Он находится в устье Бийке (рис. 1.25), на ее правом берегу. Долина реки в этой части сложена аллювиальными (намытыми) отложениями Катуни. Стоянка занимает поверхность второй надпойменной террасы на площади около 1500 кв. м. Высота террасы 15–20 м. Над урезом воды поверхность террасы имеет небольшой уклон (10–15º) в сторону Катуни и одновременно в сторону русла Бийке. В настоящее время памятник находится в аварийном состоянии. Часть культурного слоя в северной части террасы была разрушена находившейся там деревней. На поверхности до настоящего времени просле-

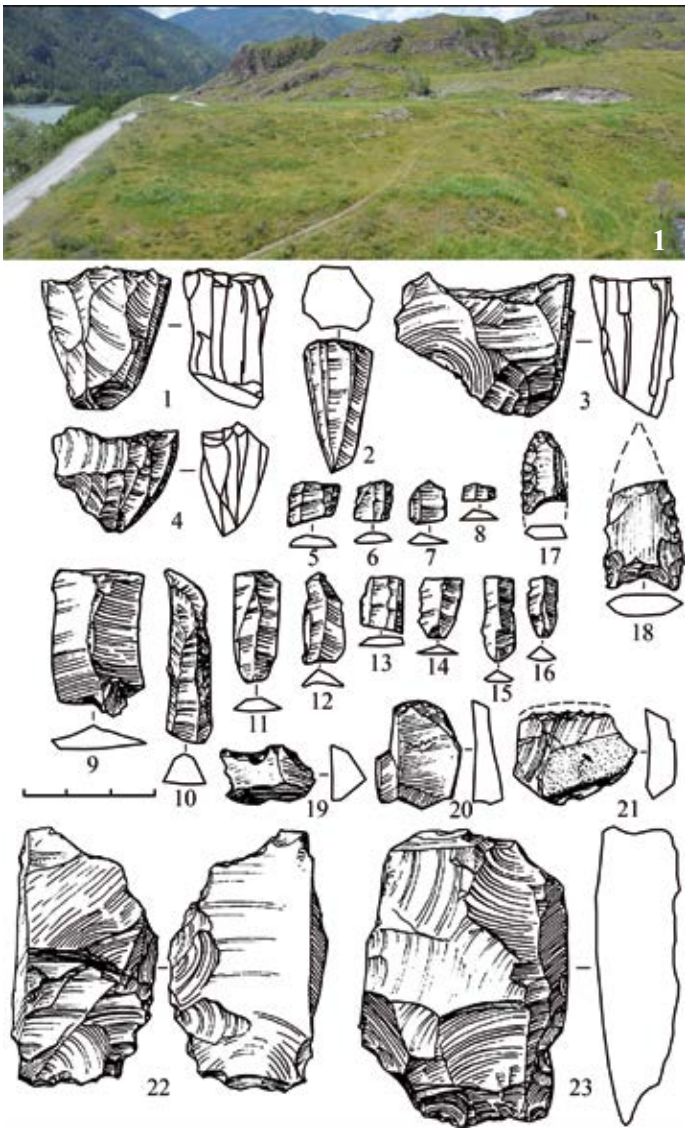

Рис. 1.25. Стоянка Усть-Бийке-I
и некоторые обнаруженные находки

живаются западины от домов и хозяйственных построек. Значительная часть южной стороны террасы снесена в ходе строительства автодороги Чемал–Куюс. В 1995 г. строителями при сооружении мостового перехода через р. Бийке была срезана и восточная часть террасы. Сборы подъемного материала осуществлялись А.А. Тишкиным с 1989 г. Для выяснения стратиграфии и датировки памятника в южной части террасы под руководством В.П. Семибратова в 1997 г. был заложен раскоп площадью 24 кв. м (длиной 12 м и шириной 2 м) вдоль обрыва террасы, образовавшегося в результате строительства автодороги. Общее количество находок, представленных каменными изделиями разных типов, составило около 3 тысяч изделий. В процессе исследований выявлены два культурных слоя. Более ранний, относящийся, судя по характеру и набору инвентаря, к развитому мезолиту (техника призматического расщепления нуклеусов, отходы их расщепления и пластины составляют более 34% всего инвентаря). Верхний культурный слой – позднемезолитический. Призматическая составляющая его индустрии вдвое меньше – всего чуть более 15%. Орудийный набор – наконечники стрел, скребки, ножи, рубящие и другие орудия (рис. 1.25) – характерен для мезолита Алтая.

Пещера Бийке-1 расположена на правом склоне р. Бийке в 6 км от ее устья [Петрин и др., 1995]. Высота пещеры относительно русла речки 17 м, ближайших водоразделов, находящихся выше по течению, – до 700 м, ниже по течению – до 540 м. Вход пещеры ориентирован на юг. Общая длина пещеры, пригодная для прохож-

дения, – 45 м, длина всех ходов – 76 м. В процессе раскопок новосибирскими археологами во главе с Валерием Трофимовичем Петриным (1943–2002) выделены четыре горизонта находок, один из которых был отнесен к мезолиту. В нем обнаружены 10 очагов различной конфигурации и размеров. Площадь их, как правило, насыщена золой, углем, мелким кремнем (чешуйки, отщепы). Материалы представлены 413 предметами, типичными для завершающего периода мезолита.

Стоянка (поселение) Усть-Карбан-I. Памятник расположен на левом борту долины Катуни по обоим берегам речки Карбан. Материалы из разрушений берега были собраны участниками новостроечной археологической экспедиции БГПУ в 1990-х гг. Несмотря на незначительное количество материала (рис. 1.26), памятник предположительно можно отнести к периоду позднего мезолита.

В долине р. Тыткескень (левого притока Катуни) за период работ с 1983 по 2006 г. было открыто более 20 различных памятников. При этом исследователи неоднократно отмечали факт необходимости дополнительного и более тщательного изучения данного микрорайона. Дело в том, что специальное и сплошное археологическое обследование всей долины р. Тыткескень не проводилось. Все известные археологические объекты были открыты во время проведения стационарных работ, в ходе познавательных экскурсий или хозяйственной деятельности, при осмотре пещер и т.п. Вероятнее всего, памятников различных эпох в дальнейшем будет открыто значительно больше. Есть несколько причин для такого прогноза. Скопление древних объектов в долине небольшой речки (скорее, даже крупного ручья) под звучным наименованием Тыткескень обусловлено несколькими факторами [Барышников, Кирюшин, 1990].

1. Долина имеет доступный и удобный выход на Сема-Катунский водораздел, т.е. не является замкнутой, как большинство долинок левобережья Катуни. Именно поэтому здесь в свое время проходил участок Чуйского тракта, при строительстве и эксплуатации которого пострадала северная оконечность поселения Тыткескень-VI.

2. Речка Тыткескень на разных участках своей долины пересекает массивы девонских карстующихся известняков, изобилующих пещерами. Нет никакого

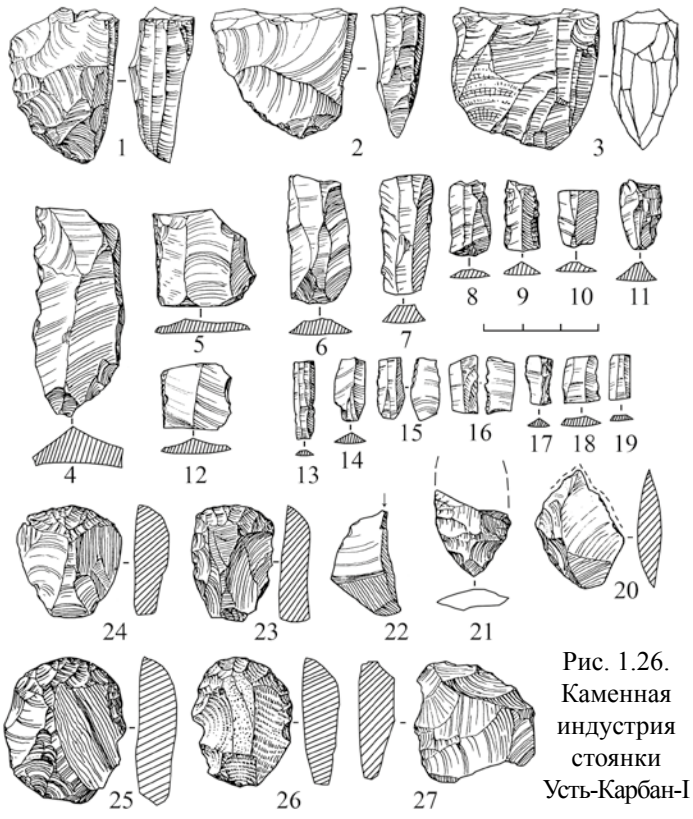

Рис. 1.26. Каменная индустрия стоянки Усть-Карбан-I

сомнения в том, что исследователям известны не все карстовые полости. Мало того, даже известные до настоящего времени пещеры и гроты не проверены на наличие культурных слоев. Исследованы только Нижнетыткескенские пещеры (НТП)-I и IV. В остальных археологические артефакты зафиксированы на поверхности.

3. Присутствие в долине нескольких обширных выходов кремнистых пород высокого качества, на которых зафиксированы штольни, каменоломни и мастерские. Данный минеральный ресурс имел высокую востребованность на всем протяжении каменного века, а также в энеолите и раннем бронзовом веке.

4. Долина р. Тыткескень отличается большим количеством урочищ и микродолин, насыщенных ботаническим разнообразием и значительными популяциями различных зоологических видов. Существенную роль в сложении указанного биологического разнообразия сыграл «сквозной» характер речки, имеющей свои истоки на водоразделе. Для древнего человека данные биологические ресурсы были очень важны, особенно на фоне отмеченных ранее особенностей.

Наиболее активные археологические раскопки были проведены в районе устья р. Тыткескень, где планировалось возведение плотины Катунской ГЭС. Там зафиксированы и изучались поселенческие комплексы Тыткескень-II и III со слоями мезолита, а также Нижнетыткескенская пещера-I, давшая разновременные находки, среди которых выявлены артефакты представляемого периода (рис. 1.27).

Поселение Тыткескень-II. Многослойное поселение занимает участок долины, ограниченный с севера Тыткескенем, с востока – Катунью, а с запада – известняковым скальным массивом (рис. 1.27). Общая вскрытая площадь памятника составила 1136 кв. м. Зафиксированы восемь культурных слоев – от финального мезолита до средневековья [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2008]. Находки восьмого культурного горизонта мезолитического времени были сконцентрированы в северо-восточной части раскопа вокруг четырех очагов, по-видимому, являющихся остатками единой конструкции наземного типа. Материал представлен 2274 артефактами. Техника призматического расщепления составляет более половины от общего количества артефактов, при этом доля пластин – 29,7%. В составе индустрии, кроме традиционных мезолитических орудий труда (скребки, резцы,

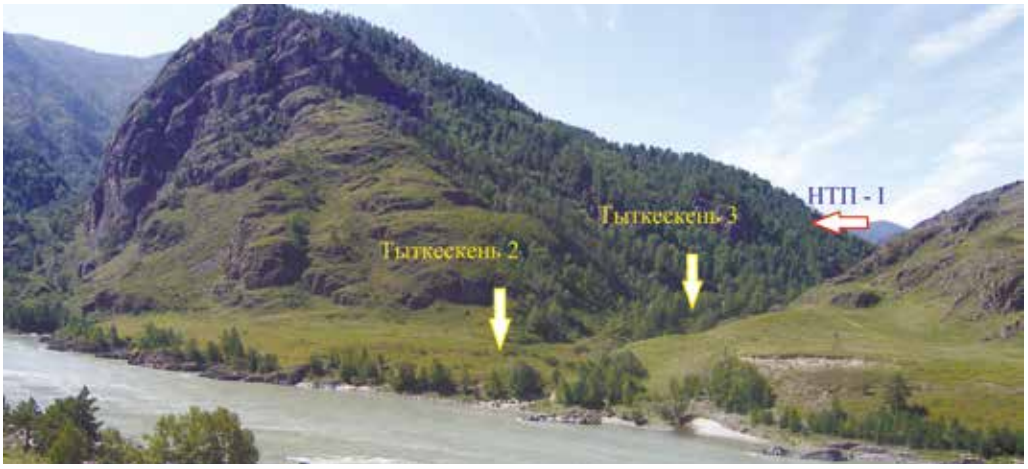

Рис. 1.27. Расположение памятников Тыткескень-II, III и Нижнетыткескенской пещеры-I в устьевой зоне р. Тыткескень (левый приток Катуни)

проколки, скобели и т.п.) (рис. 1.28), представлены крупные деревообрабатывающие инструменты (рис. 1.29). По всей видимости, этот культурный слой маркирует момент перехода мезолитического общества от традиционной «дисперсной» подвижной экономики к полуоседлому образу жизни, требующему достаточно большого количества обработанной древесины. Не исключен факт начала появления рыболовства. Вместе с тем найденные макролиты (рис. 1.29) выглядят достаточно примитивно, что подтверждает самое начало отмеченного процесса.

Поселение Тыткескень-III. Находится на высоте 492 м над уровнем моря. Многослойный памятник располагается в 300 м выше устья р. Тыткескень (рис. 1.27), на 10-метровом террасовидном уступе его правого берега (30 м выше уреза Катуни). Общая площадь комплекса составляет около 5000 кв.м. В ходе раскопок 1989–1990 гг. было вскрыто около 600 кв. м площади памятника. Зафиксировано шесть культурных слоев, залегавших на глубине от 0,1 до 1,8 м. Они

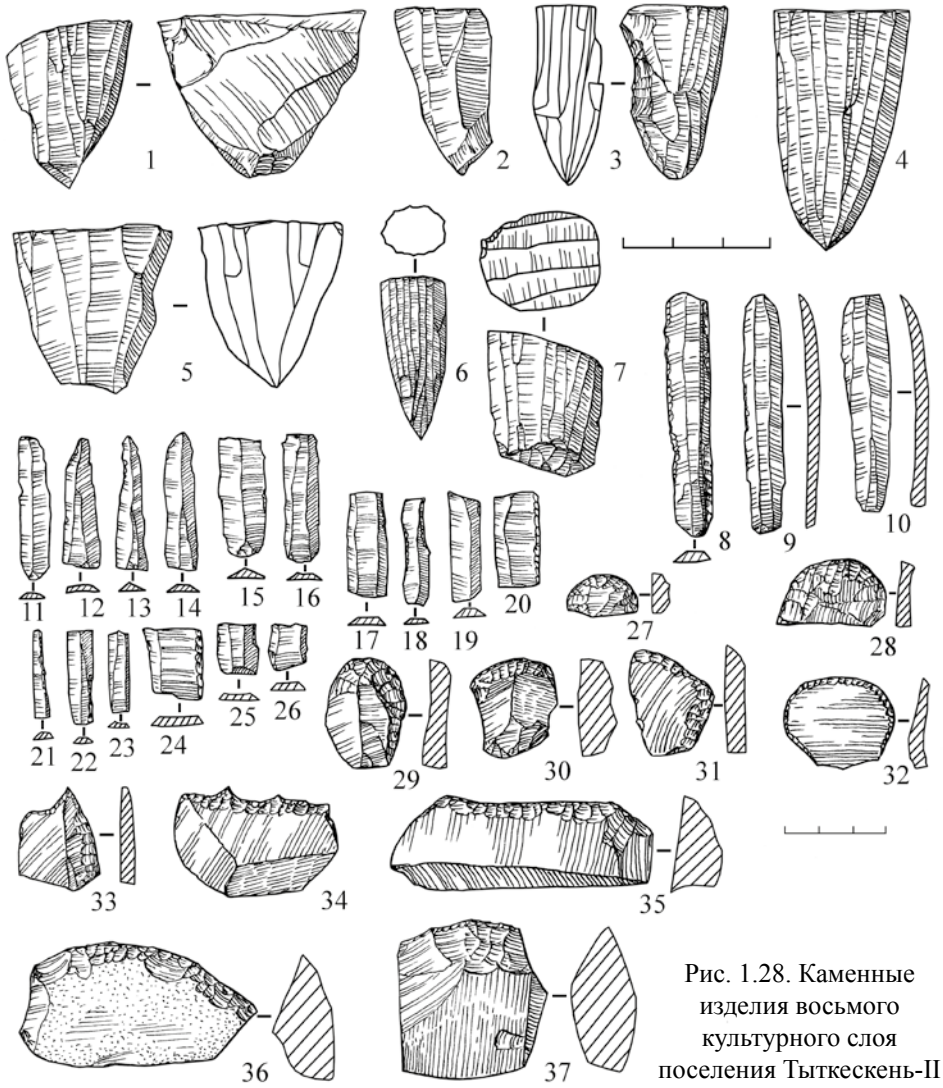

Рис. 1.28. Каменные изделия восьмого культурного слоя поселения Тыткескень-II

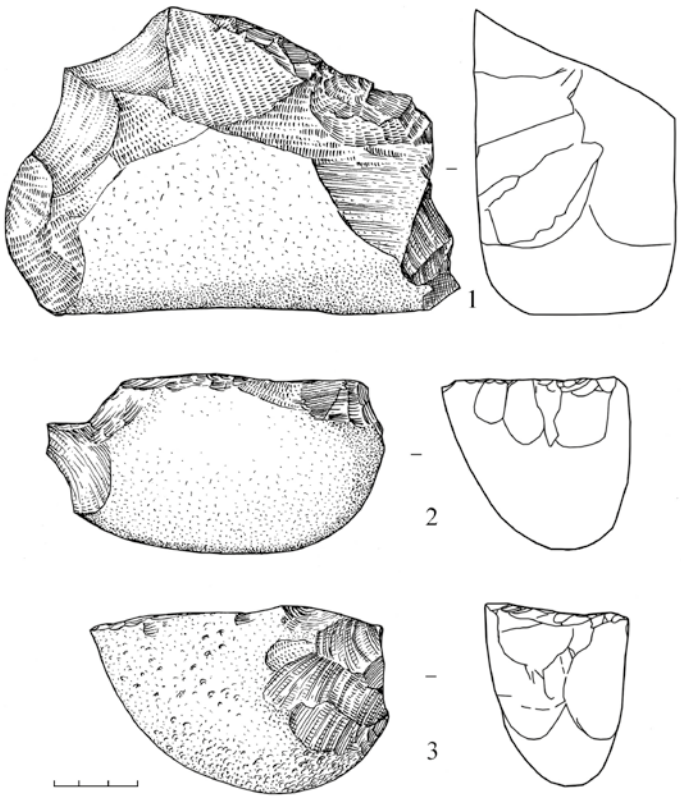

Рис. 1.29. Каменные орудия из валунов восьмого культурного слоя поселения Тыткескень-II

датированы временем от периода поздней древности (1 культурный слой) до нижнего верхнепалеолитического горизонта, находившегося на речном песке.

Пятый культурный слой характеризует ранний этап развития мезолитической культуры древнейшего населения Нижней Катуни и представлен, прежде всего, комплексом каменной индустрии, который концентрировался вокруг наземных очагов. Этот горизонт исследован на площади в 100 кв. м, где получена коллекция, насчитывающая 471 артефакт, в том числе такое редкое изделие, как трубочка из кости птицы (рис. 1.30). Более 23% от общего числа находок составлял комплекс призматического расщепления. И нуклеусы, и пластины имели в рамках мезолитических традиций достаточно архаичный облик, да и условия залегания непосредственно над палеолитическим горизонтом свидетельствуют о раннемезолитической датировке материала.

Четвертый культурный слой определен финальным мезолитом. Он содержит большое количество каменных изделий, остатков наземных очагов и каркасно-

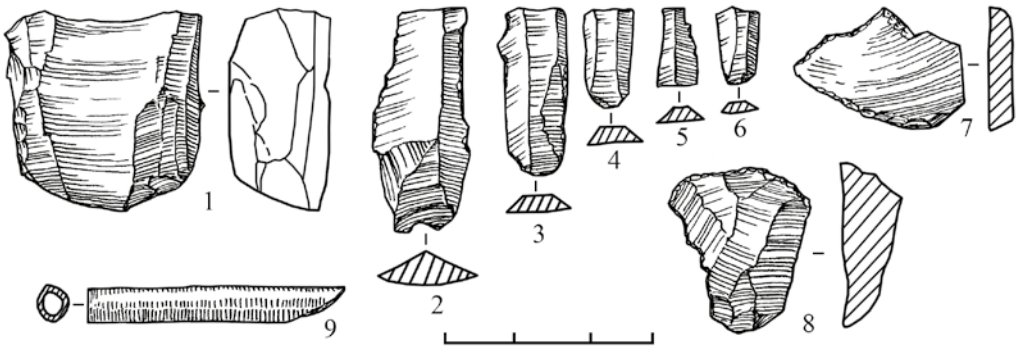

Рис. 1.30. Тыткескень-III. Материал раннемезолитического пятого культурного слоя

столбовых конструкций (навесов). Индустрия этого культурного горизонта представлена 2817 артефактами. Техника призматического расщепления составляет почти 17% (пластины – 12,5%) от общего количества каменного инвентаря, что характерно для завершающего этапа периода мезолита (рис. 1.31). Особенностью является так же, как и в нижнем культурном слое памятника Тыткескень-II, наличие крупных деревообрабатывающих инструментов (рис. 1.32). По-видимому, потребность в них вызвана уже отмеченной необходимостью, связанной с распространением рыболовства и усилением оседлости. Все эти струги, тесла и скобели,

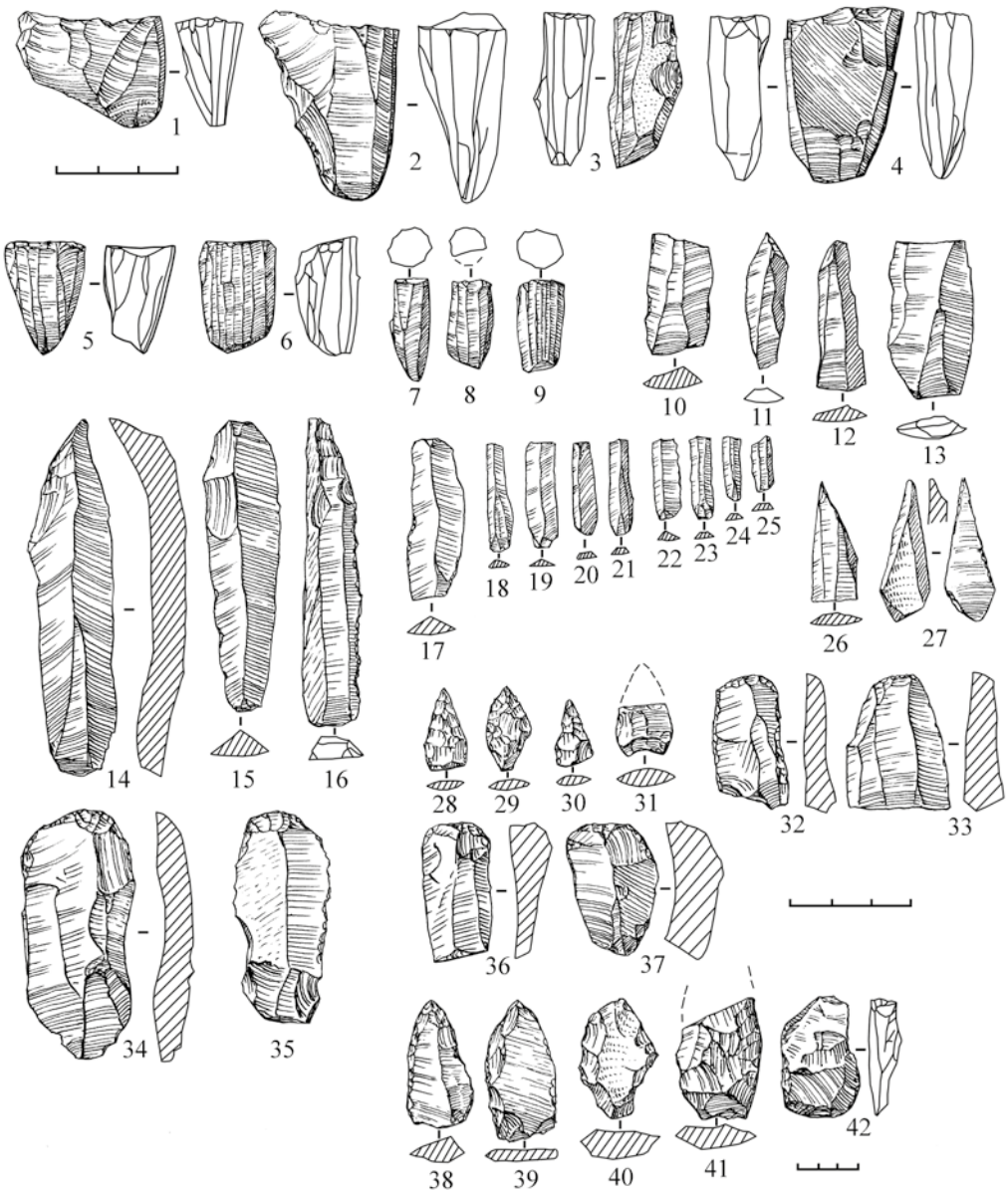

Рис. 1.31. Тыткескень-III. Техника расщепления и орудия из четвертого культурного слоя

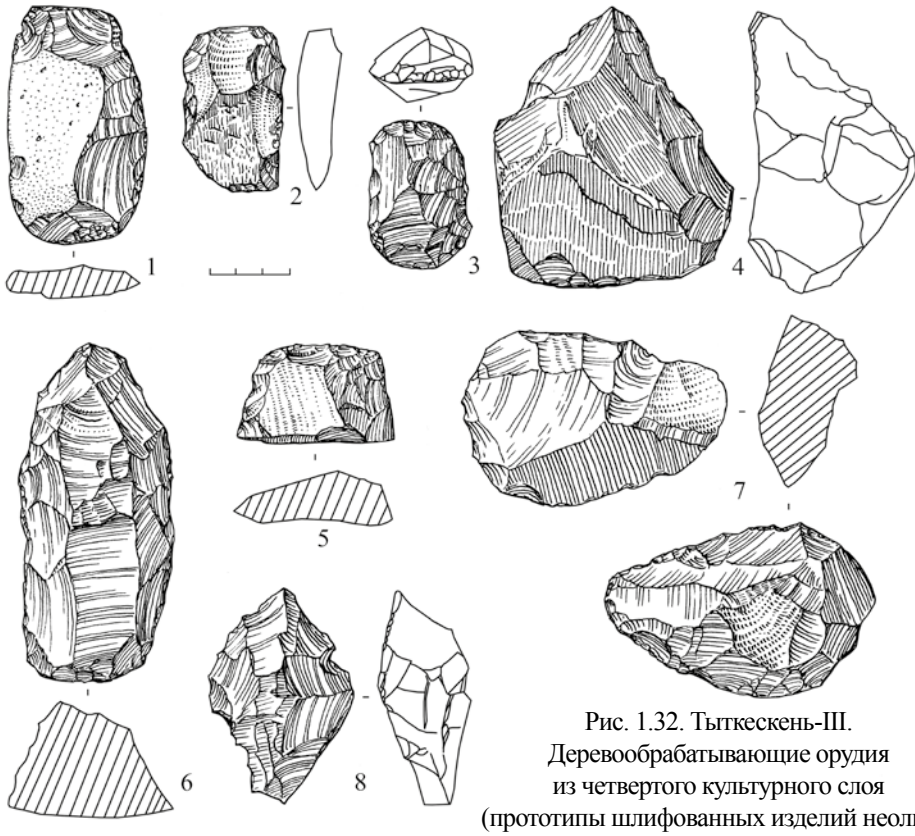

Рис. 1.32. Тыткескень-III.
Деревообрабатывающие орудия
из четвертого культурного слоя
(прототипы шлифованных изделий неолита)

по сути дела, являются прототипами шлифованных изделий, распространившихся на Алтае в неолите.

Нижнетыткескенская пещера-I (географические координаты памятника – 51°11′59.36″ с.ш., 86°04′24.08″ в.д., высота – 535 м над у.м.). Тип пещеры горизонтальный, площадь рыхлых отложений 25 кв. м. Экспозиция входа северная. Полностью раскопана. Зафиксированы культурные слои от финального мезолита до средневековья. Однако основным материалом стал комплекс погребения шамана, который датирован 1-й половиной IV тыс. до н.э. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. При его сооружении культурный слой мезолитического периода был сильно смешан. Тем не менее выделено 158 каменных изделий (рис. 1.33), которые свидетельствуют о проживании в пещере небольшой группы мезолитических охотников. Их материальная культура аналогична той, что представлена в четвертом культурном слое поселения Тыткескень-III (завершающий этап мезолита).

Стоянка (поселение) Верх-Тельтехмень-V. Памятник находится в 0,8 км к юго-востоку от устья р. Эдиган, у подножия горы Верх-Тельтехмень. Он расположен на мысовидном выступе второй надпойменной террасы. Открыт в 1989 г. Н.Ф. Степановой в результате раскопок курганного могильника Верх-Тельтехмень-IV, расположенного на территории данного поселения. Собственно раскопки стоянки не проводились, культурный слой выбирался только под насыпями курганов. В основном он не потревожен при их сооружении. Коллекция полученных находок насчитывает 1966 артефактов [Семибратов, Степанова, 1993]. Техника

призматического расщепления представлена 11,6% от общего количества всех экземпляров коллекции (пластины – 6,9%). Общий облик материала свидетельствует о сходстве с изделиями из вышеуказанных культурных слоев памятников Тыткескень-II и III, отражающих особенности позднемезолитического хозяйства.

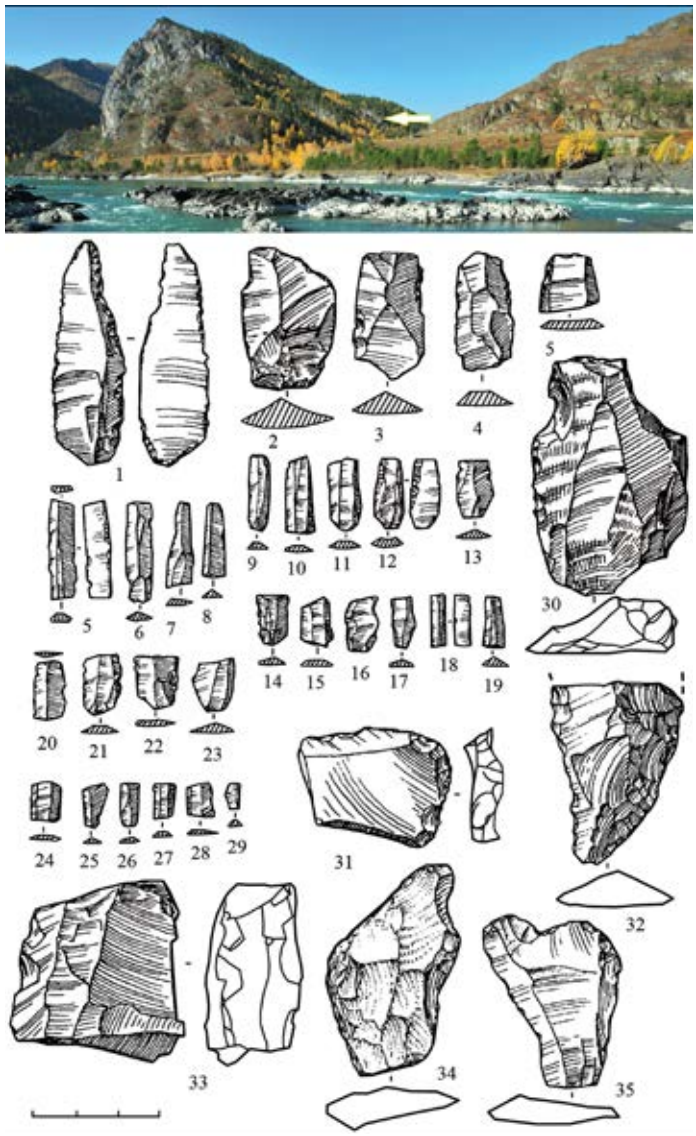

Рис. 1.33. Материалы из Нижнетыткескенской пещеры-I

Поселение Усть-Куюм. Памятник расположен на мысе, образованном правым бортом долины Катуни и левым бортом ее правого притока р. Куюм. Он исследовался на протяжении 1986–1990 гг. экспедициями Алтайского государственного университета. Культурный слой раннеголоценового времени был стратиграфически выделен на памятнике Н.Ю. Кунгуровой в 1989 г. при проведении выборки западных квадратов на глубине 85–90 см в слое супеси. В сопредельных квадратах он, по-видимому, был уничтожен в ходе строительства жилищного комплекса неолитического времени. Мезолитический слой Усть-Куюма маркирует время раннего мезолита. Доля техники призматического расщепления 31,2%, доля пластин 23,2% от общего количества инвентаря.

Стоянка Усть-Сема. Многослойный памятник занимал пологий цокольный мыс, образованный левым бортом долины р. Семы и поймой левобережья Катуни (рис. 1.34). Мощность рыхлых отложений не превышает 1–1,5 м. К кровле лёссовидного суглинка приурочено расположение среднего мезолитического слоя, а к подошве гумусовой голоценовой пачки – верхнего. В начале 1960-х гг. Б.Х. Кадиков исследовал памятник, получив коллекцию, насчитывающую несколько тысяч артефактов (БКМ, колл. №153). До начала 1980-х гг. материалы не были про-

анализированы и описаны. В 1980–1981 гг. А.Л. Кунгуров обработал коллекцию, поставив вопрос о существовании на Алтае мезолитической культуры [Кунгуров, Кадиков, 1985]. В 1987 г. в результате хоздоговорных работ исследована оставшаяся часть памятника, общая вскрытая площадь которого составила 1,5 тыс. кв. м. Во многих отношениях стоянка Усть-Сема является опорным памятником для характеристики мезолитической культуры, названной *усть-семинской.*

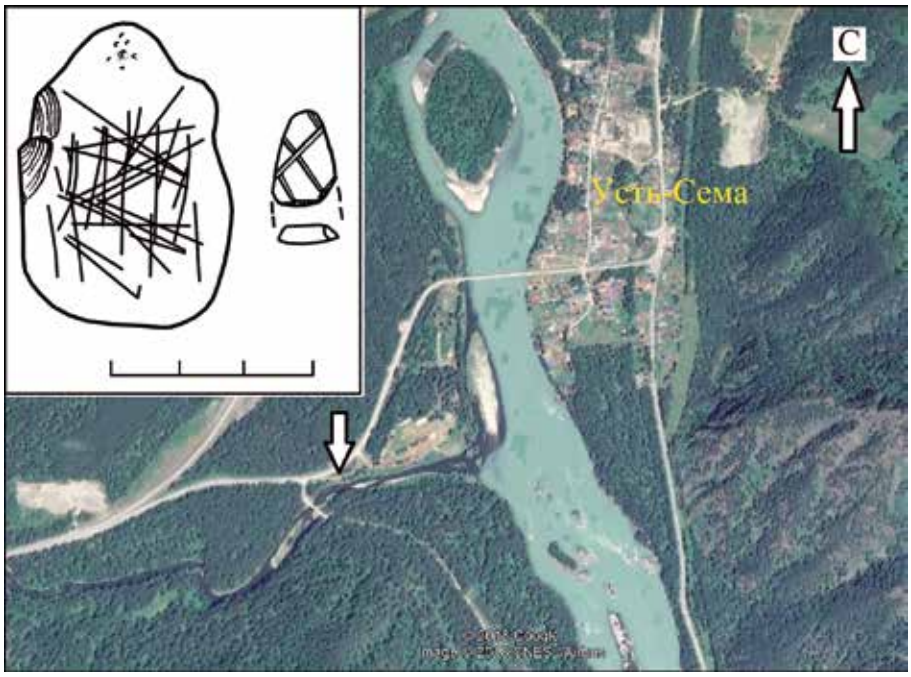

Рис. 1.34. Расположение многослойного поселения Усть-Сема
и каменные украшения с гравировкой из верхнего культурного слоя

Эта мезолитическая культура была распространена в долине Катуни в ее нижнем течении и прошла четыре этапа эволюции, отражавшие процесс адаптации человеческого общества и его экономики к природно-климатическим изменениям послеледникового времени.

Первый этап (раннемезолитический) – около 12–10 тыс. лет назад, представлен материалами пятого культурного горизонта памятника Тыткескень-III. Особенностью данного этапа является то, что характерные для него материалы имеют много общих черт с индустриями позднепалеолитических памятников, таких как Каратурук, нижние горизонты Усть-Семы и Усть-Куюма. Из орудий наиболее характерны скребла и скребки из отщепов, проколки. В то же время налицо определенные различия индустрий данного этапа с позднепалеолитическими материалами: преобладающей становится призматическая техника расщепления, а основной заготовкой – пластина мелких и средних размеров (38,7–42,3%), снятая с призматических нуклеусов. В то же время резко уменьшается доля галечных орудий.

Второй этап (развитый мезолит) – 10–9 тыс. лет назад. Наиболее показательным комплексом является средний культурный слой памятника Усть-Семы и нижний слой стоянки Усть-Бийке-I. На данном этапе наблюдается бурное развитие призматической

техники расщепления. Ведущими типами нуклеусов становятся призматические, клиновидные, конусовидные и карандашевидные. В орудийном наборе фиксируется рост многообразия типов изделий. Увеличивается количество орудий, выполненных на пластинах: пластины с дорсальной ретушью по одному и двум краям, скребки, скребла, скобели, угловые резцы. Заметно увеличивается доля долотовидных орудий, пластин с обработкой одного продольного края и торца, острия и проколок, резцов, наконечников стрел и орудий, обработанных с двух сторон (бифасов).

Третий этап (позднемезолитический) – 9–8 тыс. лет назад. Представлен материалами памятника Усть-Куюм, верхнего слоя стоянки Усть-Бийке-I, поселений Усть-Карбан-I и Верх-Тельтехмень-V, восьмого культурного слоя комплекса Тыткескень-II, верхнего слоя Усть-Семы и мезолитическими находками из Нижнетыткескенской пещеры-I. В индустрии сохраняются все типы нуклеусов, характерные для предыдущего этапа, но полностью исчезают плоскостные нуклеусы (наследие верхнего палеолита). В орудийном наборе продолжали использоваться типы орудий, выработанные на предыдущем этапе. Маркируют данный этап такие изделия, как ножи-бифасы, ромбические наконечники стрел, многофасеточные резцы с широкой рабочей кромкой и орудия с подшлифовкой, представленные стерженьками составных рыболовных крючков, отсутствовавшими на предыдущих этапах. Появились макролитические инструменты из валунов.

Четвертый этап (финальномезолитический) – 8–7 тыс. лет назад. Представлен материалами четвертого культурного слоя памятника Тыткескень-III. Техника расщепления на данном этапе достигла наивысшего расцвета. Увеличилась доля двухплощадочных нуклеусов и уменьшилась доля клиновидных. Типологический набор орудий на отщепах остался прежним, но продолжилась его дальнейшая микролитизация. Наряду с этим распространились выработанные формы крупных деревообрабатывающих инструментов. Хотя они появились в предшествующий период, их облик отличался простотой и примитивностью. Материалы данного этапа представляют заключительную стадию развития раннеголоценовой мезолитической культурной традиции. По сути дела, это уже практически неолитическая индустрия или то, что некоторые исследователи именуют «бескерамическим» неолитом.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ

Комплекс Камешок-I–III. Стоянки расположены в месте слияния Нени и Бии. На участке долины Бии от устья Нени до устья Катуни выделяется от четырех до пяти террас, образование которых относится исследователями к позднекаргинскому времени.

Многослойный памятник Камешок-I расположен на северо-восточном выположенном склоне цокольной горы Камешок, в 200 м к востоку от с. Новиково Бийского района Алтайского края, в 2,5 км к северо-востоку от устья р. Неня. Ровная площадка, занятая памятником, возвышается над урезом воды на 40 м, что соответствует IV надпойменной террасе. Культурные слои этого памятника, как и культурные слои поселений Камешок-II и III, залегают в нижней части гумусовой толщи, начало образования которой приурочено к раннеголоценовому времени. Последние объекты связаны с мысами надпойменной цокольной террасы Нени высотой до 10 м. Комплекс памятников был впервые зафиксирован Б.Х. Кадиковым в 1960-х гг. Локализацию и документирование культурных слоев осуществил А.Л. Кунгуров

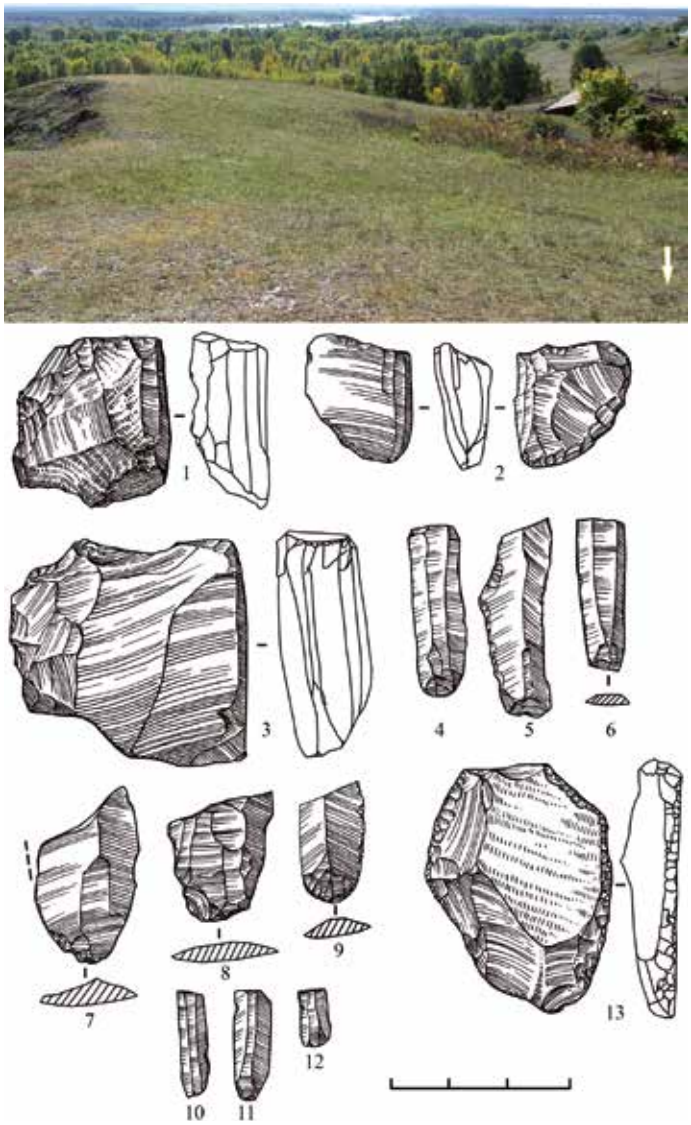

Рис. 1.35. Многослойное поселение Камешок-I в устьевой зоне р. Неня (Бийский район)

в 1988 г. Каменная индустрия стоянок на горе Камешок имеет выраженный позднемезолитический характер и основана на призматической технике расщепления и преобладании в качестве заготовки мелкой пластины (рис. 1.35, 1.36). В наиболее представительном комплексе индустрии – стоянке Камешок-III – доля мелкой призматической пластины составляет более 37%. Остальной орудийный набор полностью соответствует характеру индустрии мезолитического времени. Не исключена возможность в процессе дальнейшего изучения данного материала отнесения его к усть-семинской культуре.

Археологический материал рассмотренных памятников свидетельствует о поэтапном развитии единой культурной традиции, которая заполняет собой пробел между блоком культур финального плейстоцена и неолитом. Сочетание в индустриальных наборах верхнепалеолитических и неолитических черт в технологии и типологии инвентаря указывает на то, что данный переход происходил на основе последовательного, эволюционного развития, без резких скачков и изменений.

Археологические материалы, аналогичные катунским, прослеживаются в целом ряде памятников Монголии. Сходный, но в то же время особенный, путь развития Алтая и Монголии отмечал в свое время А.П. Окладников. Сходство памятников Гобийского Алтая и долины Нижней Катуни неоднократно отмечалось и другими исследователями. Аналогии могут быть проведены и с памятниками Приангарья, такими как Лисиха и Царь-Девица. Отдельное сходство с катунским

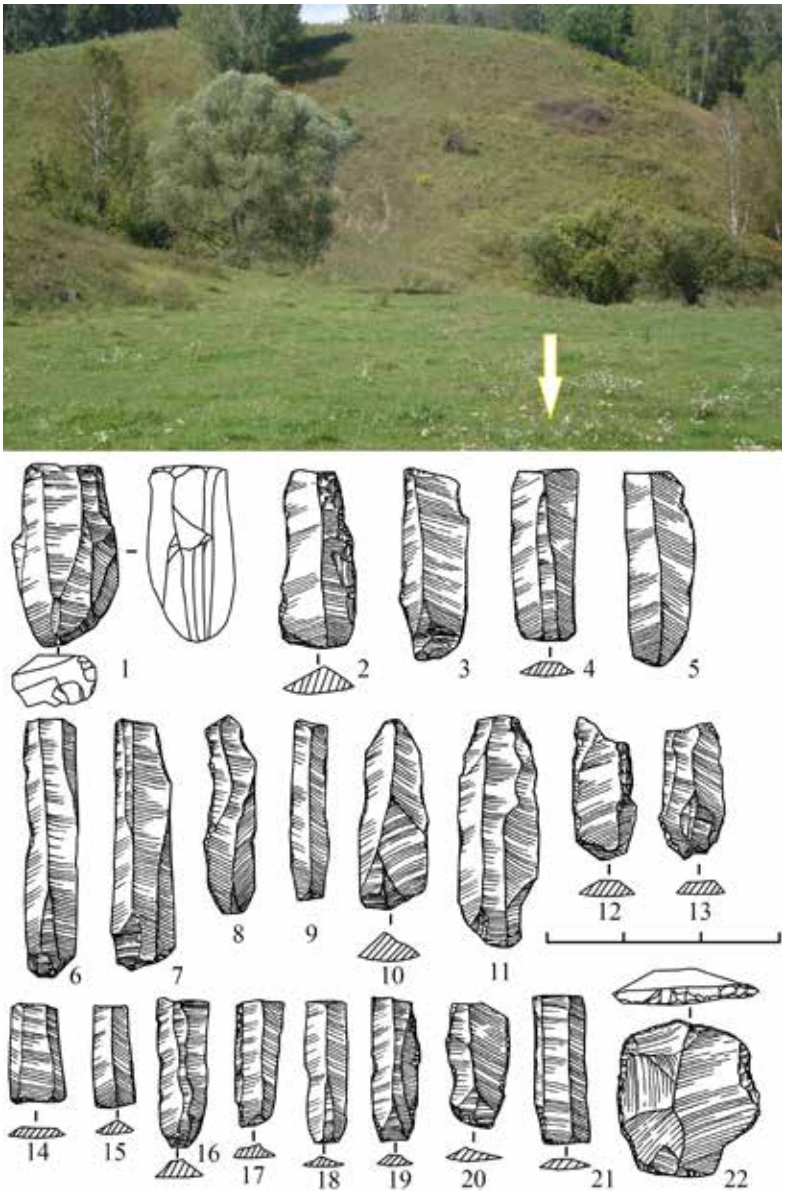

Рис. 1.36. Многослойное поселение Камешок-III
в устьевой зоне р. Неня (Бийский район)

материалом прослеживается на стоянках с микролитическим инвентарем Восточного Зауралья и Западно-Сибирской равнины, а также со стоянками Барабы, Кулунды и равнинного Алтая. На примере памятников на территории нижнего течения Катуни мы имеем образец развития своеобразной культурной традиции, существовавшей во время раннего голоцена.

А.Л. Кунгуров

Глава 3

НЕОЛИТ
(ранний, развитый, поздний, финальный)

Неолитический период, определяемый хронологическими рамками с VII по IV тыс. до н.э., стал для населения Горного и Лесостепного Алтая временем расцвета присваивающей экономики. Все виды традиционного хозяйства – охота, рыболовство и собирательство – получили свое полное развитие, которое могло бы быть при использовании каменных орудий. Люди успешно реализовали свои возможности в процессе обработки различных горных пород. Такая индустрия достигла в неолите наивысшей точки. Кроме филигранной системы расщепления и обработки кремня и яшмы, мастера периода неолита широко применяли шлифовку и полировку многочисленного минерального сырья, порой изготавливая из камней настоящие шедевры. В то же время широко распространилась технология изготовления керамических изделий. Налаженное производство обеспечивало население посудой. Применение ее в процессе различной переработки биологических ресурсов расширило возможности приготовления пищи и увеличило потребительские качества еды. Именно тогда появились разнообразные супы, в том числе уха, а также настойки и компоты, травяные чаи и многие другие яства, полученные при варке. Высокого уровня развития у неолитических племен достигло рыболовство, адаптированное к условиям горных и равнинных рек, озер и стариц. Из камней, костей и рогов изготавливались практически все виды орудий такого промысла – грузила для сетей, утяжелители и жальца рыболовных крючков, остроги, инструменты для плетения сетей и морд, пешни. Рыболовство в определенной мере способствовало развитию деревообработки. Для успешной реализации рыболовных мероприятий требовались лодки или плоты, мосты и переходы, жерди для устройства запоров на основных руслах рек и протоках, ловушки и другие приспособления. Стали появляться долговременные поселения со стационарными жилищами, так как высокий уровень использования биоресурсов уже не требовал постоянных перекочевок с места на место, как это было в период мезолита.

Результаты исследований поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI (рис. 1.37) свидетельствуют о том, что в позднем и финальном неолите в жизни населения Алтая происходили существенные изменения, связанные с началом перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Животноводство стало той отраслью экономики, которая позднее изменила систему деятельности человеческих коллективов, проживавших на рассматриваемой территории.

Изучение неолита Алтая насчитывает более 100 лет. Летом 1917 г. писарь из с. Фоминского, краевед М.Д. Копытов, обнаружил и раскопал в окрестностях села четыре погребения с сопровождавшими их каменными орудиями. Позднее кремневые изделия и керамика неолитического облика были найдены Михаилом Диа-

Рис. 1.37. Алтай. Вид на устье р. Тыткескень (левый приток Катуни) и поселения Тыткескень-II и Тыткескень-VI

новичем в окрестностях Фирсово, Рассказихи, Акутихи, Савиново и других селах на берегах Оби, Катуни, Бии и их притоков. В 1924 г. на Алтае начала работу экспедиция Государственного Русского музея, руководимая С.И. Руденко (рис. 1.4). В ней участвовали М.П. Грязнов и М.Н. Комарова, которые внесли свой вклад и в изучение неолита. В середине 1920-х гг. были проведены археологические разведки и раскопки в бассейнах Бии и Катуни, а также в верхнем течении Оби. М.П. Грязнов и М.Н. Комарова продолжили исследования в начале 1950-х гг., когда в предполагаемой зоне затопления Новосибирской ГЭС были выявлены 15 пунктов с остатками поселений и могильников неолитического времени.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. сотрудник Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиков (рис. 1.6) провел раскопки грунтовых могильников Усть-Иша и Иткуль (Большой Мыс). В 1960–1990-е гг. исследование памятников Алтая неолитического времени осуществляли новосибирские археологи под руководством А.П. Окладникова (рис. 1.7), А.П. Деревянко (рис. 1.8) и В.И. Молодина. Уникальное погребение в пещере Каминная открыто и изучено С.В. Маркиным. В тот же период времени на территории Алейской степи сотрудниками местных музеев и краеведами выявлены разные памятники новокаменного века. С середины 1970-х гг. основные археологические комплексы, позволяющие охарактеризовать культурные традиции неолита Алтайского региона, зафиксированы и исследованы сотрудниками Алтайского государственного университета, в том числе некоторыми авторами данного тома. В начале XXI в. к изучению неолитических памятников подключилась экспедиция Кемеровского государственного университета. С 2014 по 2016 г. в ходе совместных работ сотрудников АлтГУ и КемГУ на могильнике Чумыш-Перекат в Залесовском районе Алтайского края раскопаны 12 погребений.

Основные результаты кратко перечисленных работ отражены в многочисленных публикациях, часть из которых представлена в библиографическом списке в конце раздела I. Далее будут рассмотрены наиболее информативные археологические комплексы неолита, обнаруженные в разных районах Горного и Лесостепного Алтая. Демонстрируемые находки позволят представить уровень развития культуры населения региона на завершающем периоде древнейшей эпохи (эпохи камня).

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Уникальные материалы, характеризующие культуру неолита Алтая, получены при многолетних раскопках поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI, которые расположены на левом берегу Катуни (рис. 1.37), около устья одноименной речки (территория современного Чемальского района Республики Алтай).

На этих поселениях исследованы остатки жилищ, хозяйственных сооружений и производственных объектов. При раскопках найдено несколько десятков тысяч каменных изделий и отходов от их производства, зафиксированы обломки глиняных сосудов и кости диких животных, свидетельствующие об охоте живших там людей. Для археологии огромное значение имеет то обстоятельство, что слои, содержавшие эти находки, разделены друг от друга стерильными песчаными прослойками, которые образовались при разрушении ветром береговых кромок. Благодаря этому получена четкая относительная хронология, а современные радиоуглеродные даты по костям животных позволяют дать абсолютную датировку отдельных комплексов и построить периодизацию неолита Северного Алтая.

В долине р. Тыткескень на поверхность выходит горизонт кварцита высотой до 300 м. Этот массив протянулся в длину примерно на 15 км. Из такого камня жители ближайших поселений изготавливали орудия труда. Главной целью мастеров того времени было получение тонких и ровных призматических пластин шириной от 5 до 15 мм, с острыми режущими краями. Такие заготовки после минимальной доработки использовались в виде вкладышей в сложносоставные изделия: ножи, кинжалы, копья и др. Образцы подобных предметов обнаружены в неолитических могильниках Усть-Иша и Солонцы-5 в северных предгорьях Алтая, о чем будет изложено отдельно.

Из пластин при соответствующей обработке делали скребки, резцы, острия, проколки, наконечники стрел, которые в своей совокупности ярко характеризуют памятники периода неолита (рис. 1.38).

Пластины снимали с заранее оформленных заготовок. Их специалисты называют нуклеусами или ядрищами (рис. 1.39). Изготовление нуклеусов – сложный технологический процесс, состоявший из множества последовательных действий, которые начинались с выбора исходного каменного блока. Постепенно после серии сколов кусок камня превращался в преформу, потом в пренуклеус и, наконец, в нуклеус. После каждого последующего действия от него отделялись пластинчатые отщепы, чешуйки, сколы (реберчатые, диагональные, боковые) и ударные площадки. Данные операции осуществлялись для обновления нуклеуса и получения качественных пластин.

Большую часть отщепов исследователи относят к отходам каменной индустрии, т.е. к сколам, которые не являлись основной целью расщепления, но по своим качественным и метрическим характеристикам, в принципе, могли использоваться для изготовления орудий. В коллекциях всех горизонтов неолитического времени поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI отщепы с ретушью составляют представительные серии в составе орудийного набора. Как показывает практика, при трасологическом изучении* многие из отщепов без ретуши тоже оказываются орудиями. Причем выявленные среди них функциональные группы зачастую становятся многочисленными и разнообразными.

* Трасологические исследования в археологии направлены на выявление с помощью микроскопа и других приборов следов на изделиях для определения их функции при использовании. Кроме этого, осуществляются многие другие заключения и реконструкции (прим. – *Ред.*).

Куски породы со сколами, преформы, пренуклеусы, обломки нуклеусов, пластинчатые отщепы, реберчатые, диагональные и боковые сколы, ударные площадки – все эти находки археологи относят к продуктам первичного расщепления. Размеры и их внешний вид (морфологические показатели) могут многое рассказать специалистам о традициях использования камней у неолитического населения.

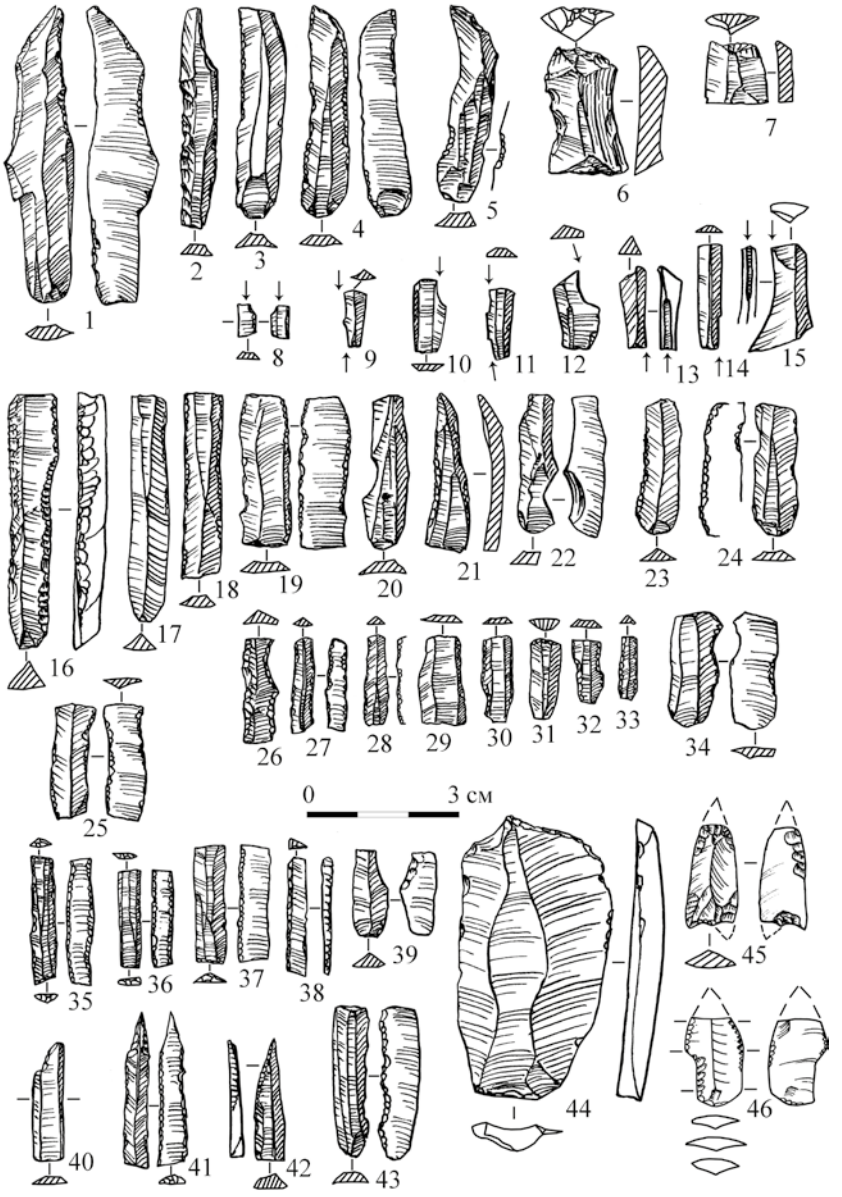

Рис. 1.38. Поселение Тыткескень-II. Каменные артефакты из седьмого (1–44) и шестого (45–46) горизонтов: *1–5, 16–34* – пластины с ретушью; *6–7* – скребки; *8–15* – резцы; *35–36* – геометрические микролиты; *37–38* – пластины с подработкой торца; *39* – резчик; *41–42* – острия; *44* – проколка; *45–46* – наконечники стрел

Наиболее ранние материалы периода неолита Алтая получены в процессе раскопок 7-го и 6-го культурных горизонтов поселения Тыткескень-II. Серия радиоуглеродных дат, полученная по образцам из этих слоев, позволяет датировать зафиксированные комплексы раннего неолита концом VIII – 1-й половиной VI тыс. до н.э. В процессе их раскопок были обнаружены очаги из камней, прокаленные участки (следы от горевших костров) и столбовые ямки, рядом с которыми концентрировались находки. Видимо, это следы каких-то легких летних мобильных жилищ типа шалашей или чумов.

Коллекции каменных изделий раннего неолита имеют много общего с материалами памятников предыдущего периода (мезолита) Алтая. Среди находок из вышеуказанных горизонтов поселения Тыткескень-II встречены нуклеусы, форма которых практически ничем не отличается от таких же мезолитических ядрищ. Различия заключаются в размерах. Для раннего неолита характерно большое количество ну-

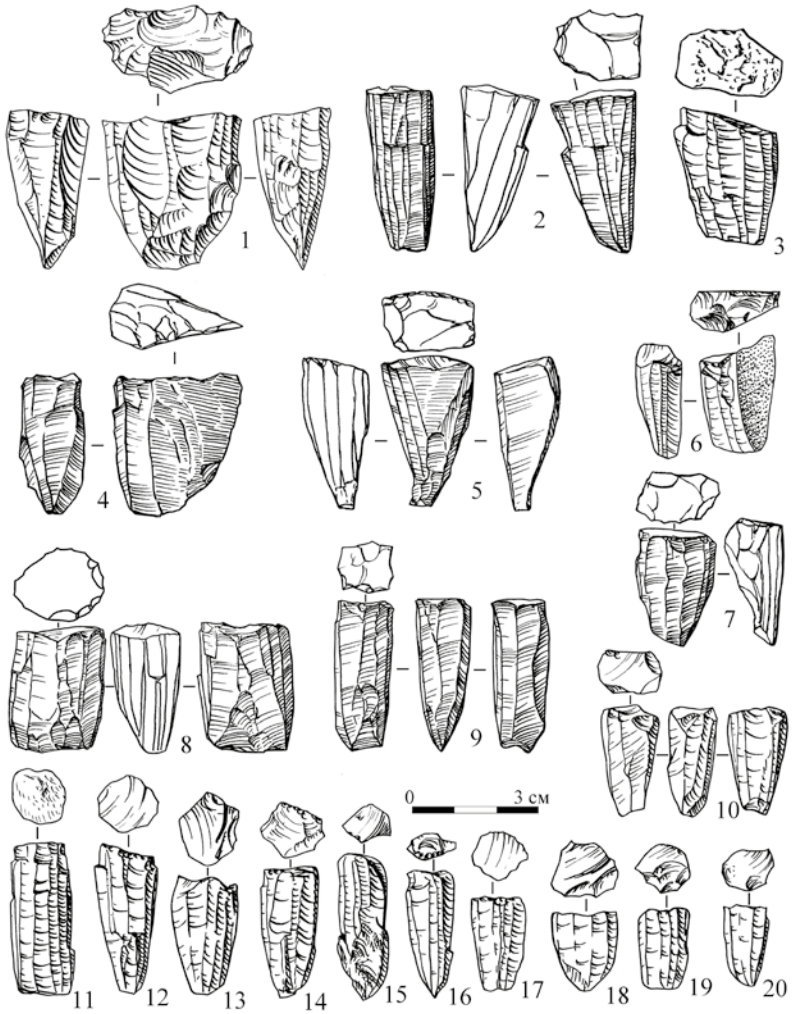

Рис. 1.39. Поселение Тыткескень-II: *1–20* – нуклеусы
(1–9 – седьмой горизонт; 10–20 – шестой горизонт)

клеусов мелкого и среднего размера (рис. 1.39). Еще одной особенностью является то, что подавляющее большинство нуклеусов очень сильно «сработаны», с них уже практически невозможно снять пластину. Несомненно, что это культурная традиция существовала в течение длительного времени (не менее 1000–1500 лет). При обилии сырья, имевшегося, говоря современным языком, «в шаговой доступности», подобная «экономия» вызывает удивление и наводит на некоторые размышления.

В составе орудийного набора преобладают орудия на пластинах мелких размеров (большая часть шириной 5–8 мм). Среди всех памятников периода неолита Алтая ранненеолитические материалы поселения Тыткескень-II выделяются предельным уровнем микролитизации нуклеусов, пластин и орудий на пластинах. Большая часть пластин фрагментировалась (разламывалась) в процессе изготовления из них орудий. Исходную длину пластин установить невозможно, поэтому ширина считается более надежным показателем при определении размеров. Пластины дорабатывали особым приемом (ретушью) и использовали как вкладыши составных орудий. Также делали скребки, резцы, геометрические микролиты, резчики, острия и проколки (рис. 1.38).

Орудия на отщепах (скребки, скобели, резцы, острия, проколки) по своему внешнему облику практически ничем не отличаются от аналогичных изделий периода мезолита.

Отличительной особенностью комплексов раннего неолита является наличие в составе орудийного набора крупных, массивных, галечных орудий (рис. 1.40). Это сравнительно немногочисленная, но довольно выразительная группа орудий. В материалах 7-го горизонта найдено 6 экз., а в 6-м горизонте – 16 экз. Их внешний облик и размеры более характерны для изделий мезолита и даже палеолита. В коллекциях более позднего времени поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI аналогичные предметы отсутствуют. Типология подобных орудий разнообразна. В коллекциях представлены изделия с односторонней и двусторонней обработкой, с прямым рабочим краем, треугольным и выпуклым (рис. 1.40).

В материалах 7-го и 6-го культурных горизонтов поселения Тыткескень-II выявлены серии своеобразных орудий: округлые скребла (рис. 1.41) и ножи на сланцевых плитках (рис. 1.42),

Рис. 1.40. Поселение Тыткескень-II. Седьмой горизонт. Галечные орудия

выполненные при помощи удара и отжима. Подобные изделия отсутствуют в коллекциях из памятников мезолита, зато они имеются практически во всех представительных собраниях из неолитических комплексов Алтая и встречены в материалах энеолитического времени. Новые орудия оказались на удивление эффективными, несмотря на то, что они делались из достаточно мягкого камня, который в процессе работы сильно срабатывался и истирался, образуя своеобразный порошок – «шлам». Шлам выступал в роли абразивного материала, при участии которого лучше обрабатывались шкуры, легче можно было распилить кость или рог. Как показывают исследования специалистов (трасологов), изделия с округлым рабочим краем (рис. 1.41) использовались для выделки шкур. Круглый рабочий край эффективно убирал остатки жира и мяса, а также позволял избегать ненужных порезов, повреждавших шкуру. Орудия с прямым рабочим краем из мягкого камня (рис. 1.42) использовались как пилки по рогу или кости. Изделия, сделанные из твердого и плотного окремненного сланца, применялись в качестве ножей для разделки мяса. Согласно исследованиям трасологов, такие орудия удерживались в руке без каких-то специальных приспособлений (рукоятей). Находки орудий из сланцевых плиток позволяют сделать вывод о том, что в раннем неолите население Алтая сделало еще один шаг в процессе освоения полезных свойств камня.

В неолите распространились и другие приемы обработки камня: пиление, сверление, шлифование и полирование. В материалах 7-го и 6-го культурных горизонтов поселения Тыткескень-II обнаружены обломки орудий с подшлифовкой. Эти находки позволяют сделать вывод, что население Алтая уже в раннем неолите освоило такой прием обработки камня, но по каким-то причинам шлифованные орудия не получили распространения у неолитического населения, оставивших памятники Тыткескень-II и Тыткескень-VI. Отдельные обломки и осколки шлифованных изделий не представляют сколько-нибудь значимого количества в составе орудийного набора этих поселений.

Рис. 1.41. Поселение Тыткескень-II. Шестой горизонт. Орудия на сланцевых плитках с округлым рабочим краем

Отбойники и ретушеры, с помощью которых раскалывали и обрабатывали камень, составляют устойчивые серии в орудийном наборе комплексов раннего неолита. Имеются единичные находки абразивов. Ими могли обрабатывать камень и другие материалы с помощью шлифования.

Но самая главная находка, которая сделана в комплексах раннего неолита, – это керамика, один из первых материалов, искусственно созданных человеком. Традиционно керамика считается одним из главных признаков, отличающих памятники неолита от объектов предыдущего периода.

На поселении Тыткескень-II в слоях раннего неолита обнаружены два вида посуды: 1) тонкостенная и неорнаментированная; 2) утолщенная и с декором из оттисков гребенчатого штампа. Были ли традиции керамического производства принесены на территорию Алтая из других регионов или люди научились делать посуду из глины самостоятельно, пока непонятно. Коллекции керамики крайне фрагментарны, но очевидно то, что древнейшие гончары Алтая достигли высокого мастерства. В период неолита глиняную посуду делали вручную. Толщина стенок у неорнаментированных сосудов составляла всего 2–3 мм. Это параметр практически как у современной китайской фарфоровой чашечки. Изготовить такую керамику без гончарного круга или специальных форм очень сложно. Чтобы добиться нужного результата, мастер использовал выработанные приемы.

Один из таких приемов – выбивка, когда стенки сосуда выбивались одновременно изнутри и снаружи двумя плоскими камешками. Выбивая глиняные жгуты, ленты или лоскуты, гончар превращал отдельные кусочки глины в единое целое – сосуд с очень тонкими стенками. Чтобы добиться подобного эффекта, нужно было обладать разносторонними знаниями о свойствах глин и о том, как повлияют на конечный результат искусственные добавки в исходное мягкое сырье.

Более толстостенная керамика декорировалась отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1.43). Особенностью этой посуды является армирующая (связывающая) добавка в виде волос животных. Они добавлялись в глиняное тесто на этапе конструирования горшка.

Различия между найденной керамикой в 7-м и 6-м горизонтах поселения Тыткескень-II прослеживаются в орнаментации. Если для нанесения орнамента на посуду в седьмом горизонте использовался прямой и длинный узкий гребенчатый штамп с мелкими зубцами, то в шестом горизонте – широкий с крупными зубцами, слегка изогнутый, прямой, короткий или длинный (рис. 1.43).

К сожалению, керамика раннего неолита представлена очень фрагмен-

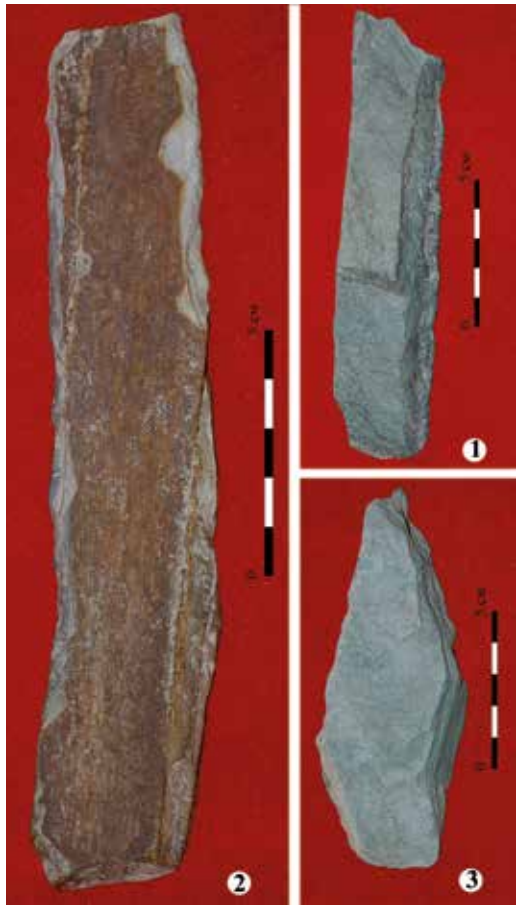

Рис. 1.42. Поселение Тыткескень-II. Шестой горизонт. Орудия на сланцевых плитках с прямым рабочим краем

тарно. Нет ни одного сосуда, у которого бы полностью реконструировалась форма. Фиксируются только отдельные элементы внешнего вида керамических емкостей: отогнутый венчик, сужение в придонной части, приостренное днище. В теории и практике археологических исследований различия в технологии производства

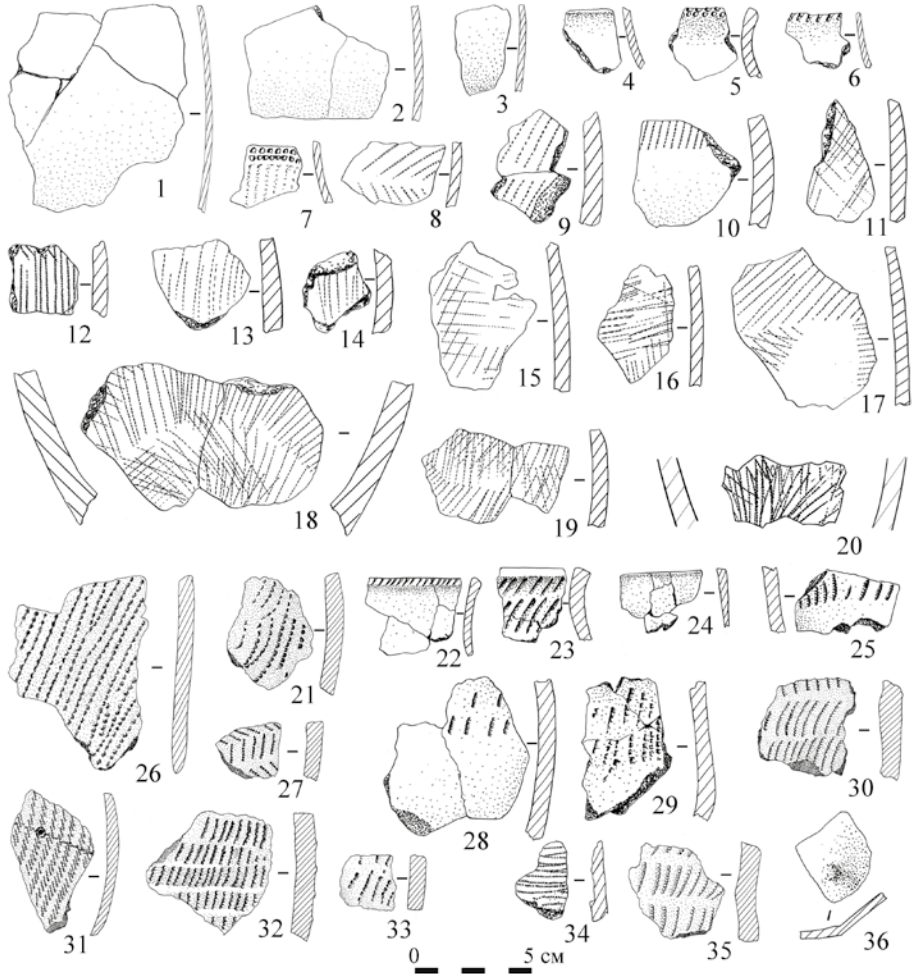

Рис. 1.43. Поселение Тыткескень-II. Фрагменты керамической посуды (1–20 – седьмой горизонт; 21–36 – шестой горизонт): *1–3* – неорнаментированные фрагменты стенок; *4, 24* – неорнаментированные венчики; *5–7* – фрагменты венчиков, орнаментированные по срезу вдавлениями; *8–17, 34* – фрагменты стенок сосудов, орнаментированные отпечатками мелкозубчатого гребенчатого штампа; *18–20* – придонные части сосудов, орнаментированные отпечатками мелкозубчатого гребенчатого штампа; *21, 29, 30, 32, 33, 35* – фрагменты стенок, орнаментированные отпечатками изогнутого гребенчатого штампа; *22* – фрагмент венчика, орнаментированный по срезу насечками; *23* – фрагмент венчика, орнаментированный отпечатками короткого гребенчатого штампа; *25* – придонная часть сосуда, орнаментированного отпечатками короткого гребенчатого штампа; *26* – фрагмент, орнаментированный отпечатками длинного гребенчатого штампа; *27, 28, 31* – фрагменты, орнаментированные отпечатками короткого прямого гребенчатого штампа; *36* – днище

и технике орнаментации керамической посуды рассматриваются как смешения групп населения с разными культурными традициями. Это позволяет осуществлять реконструкции другого уровня.

Материалы 7-го и 6-го горизонтов поселения Тыткескень-II свидетельствуют о существовании в конце VIII – 1-й половине VI тыс. до н.э. очень своеобразной ранненеолитической культуры. Ее отличают следующие признаки: высочайший уровень техники первичного расщепления и, соответственно, самый высокий на Алтае уровень микролитизации пластинчатой индустрии; галечная индустрия; керамическое производство, в котором прослеживаются несколько культурных традиций. На данном этапе исследования на сопредельных с Алтаем территориях синхронные и аналогичные памятники пока неизвестны. А те, которые имеют схожие черты, находятся на значительном удалении от рассматриваемого региона и не обладают подобным набором признаков. К сожалению, проблемы генезиса (происхождения) этой своеобразной культуры пока далеки от разрешения. Единственное заключение, не вызывающее сомнения, может отражаться в том, что ранненеолитическая группа людей, проживавших на поселении Тыткескень-II, приняла участие в формировании культуры следующего этапа неолита Алтая.

Представление о развитом неолите дают материалы 5-го горизонта поселения Тыткескень-II и горизонта 3А поселения Тыткескень-VI, для которого получена радиоуглеродная дата (СОАН-6763) – 6200+210 л.н. (калиброванные значения* по сигме 2 (вероятность 95,4%) дают интервал 5600–4600 ВС, а по сигме 1 (вероятность 68,2%) – 5400–4850 ВС).

Находки из 5-го горизонта поселения Тыткескень-II представлены коллекцией, в которой всего 57 каменных артефактов и фрагменты керамики не менее чем от четырех емкостей, среди которых наиболее показательный сосуд, орнаментированный прочерченными линиями. Орнаментальная композиция состоит из вертикально расположенных асимметричных, зигзагообразных и волнистых линий (рис. 1.44), различающихся по длине и ширине (имеются случаи их пересечения). Длина изгиба шага в верхней части сосуда примерно одинакова, но постепенно она уменьшается в направлении к нижней части. В орнаментации сочетаются плавный угол изгиба и острый. Все это придает динамизм композиции.

У данного сосуда имеется утолщение по срезу венчика, рассеченное внутри и снаружи насечками (рис. 1.44). По мнению специалиста по керамике, работавшего с материалами поселения Тыткескень-II, данная ситуация отражает важный технологический признак способа формовки сосуда. Формовка сосуда, по-видимому, начиналась с устья, а днище присоединялось в последнюю очередь. Утолщение по венчику образовалось в результате проседания под тяжестью сосуда. Насечки по венчику – также технологический прием, направленный на предотвращение растрескивания сосуда в процессе сушки.

Керамика 5-го горизонта поселения Тыткескнь-II резко отличается от материалов предшествующего и последующего времени. В научной литературе уже выдвигалось предположение, что появление такой керамики в материалах памятника связано с проникновением на территорию Алтая населения из Средней Азии или Казахстана.

В процессе раскопок горизонта 3А поселения Тыткескень-VI собрана коллекция, состоящая из 9414 каменных артефактов и 988 фрагментов керамики. Имеющиеся материалы позволяют дать общую характеристику комплексу развитого неолита.

* Калибровка радиоуглеродных дат заключается в переводе их в современную хронологическую систему с определенной долей вероятности (прим. – *Ред.*).

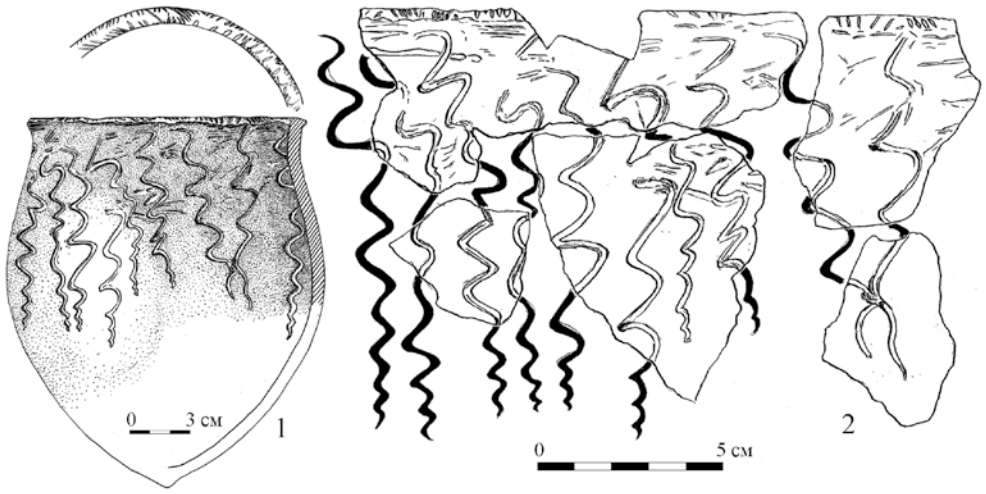

Рис. 1.44. Поселение Тыткескень-II. Пятый горизонт. Керамика развитого неолита:
1 – графическая реконструкция сосуда; *2* – горизонтальная развертка орнамента

В составе орудийного набора исчезли галечные орудия. Немного изменились нуклеусы, и сократилось количество орудий на пластинах. Увеличилось количество пластин средних разметов. В остальной технике изготовления каменных орудий и в их типах сохранялись традиции предшествующего времени.

Особый колорит материальной культуре развитого неолита придают своеобразные наконечники стрел, изготовленные из призматических пластин. Отличительным признаком таких изделий является асимметричная боковая выемка (рис. 1.45).

Подобные наконечники стрел известны в Средней Азии и на Урале под названием «кельтеминарские». Такие находки могут свидетельствовать о проникновении на территорию Алтая в середине VI – 1-й половине V тыс. до н.э. населения из других регионов.

Рис. 1.45. Кельтеминарские наконечники стрел:
1 – поселение Тыткескень-II (горизонт 5А, развитый неолит);
2 – поселение Тыткескень-VI (горизонт 3А, развитый неолит)
(по: [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2011])

Коллекция керамики, полученная в процессе исследования горизонта 3А поселения Тыткескень-VI (рис. 1.46), довольно разнообразна и информативна. Большая часть посуды орнаментирована только по венчику, лишь изредка встречается декор на тулове. У некоторых сосудов орнаментированы верхняя и придонная части. Встречен обломок остродонной глиняной емкости, орнаментированный насечками.

Один из сосудов, отличающийся особо высокой узкой горловиной, декорирован вертикальным налепом в верхней части. Встречены фрагменты стенок, орнаментированные отпечатками гладкой качалки, короткого прямого гребенчатого штампа и насечками.

Можно констатировать, что наиболее показательной для рассматриваемого комплекса является остродонная и тонкостенной посуда с отогнутым наружу и иногда высоким венчиком (рис. 1.46). Срез венчика приострен, украшен насечками или оформлен защипами пальцев. Декор мог составлять пояс из вертикальных параллельных линий или оттисков гладкой качалки. У нескольких сосудов частично восстанавливается форма.

У одного сосуда на тулове имеются неглубокие разнонаправленные линии, происхождение которых непонятно (рис. 1.46.-*5*). Это может быть результатом специальных действий по декорированию сосуда или остатками плохо заглаженных следов от шпателя (при формовочных операциях). Примечательно, что на венчике этого сосуда имеется утолщение по срезу венчика, рассеченное внутри и снаружи насечками. Аналогичный технологический прием зафиксирован при анализе способов формовки керамики 5-го горизонта поселения Тыткескень-II

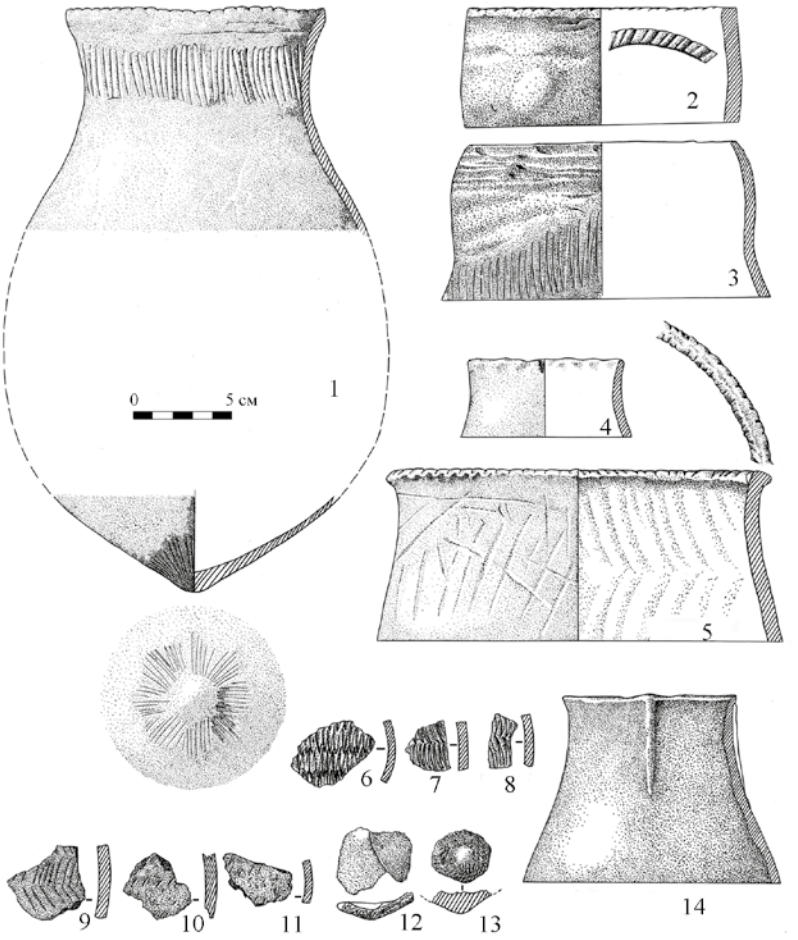

Рис. 1.46. Поселение Тыткескень-VI. Керамика развитого неолита (горизонт 3А)

(рис. 1.46). Сходство в формовочных операциях позволяет сделать вывод, что материалы 5-го культурного горизонта поселения Тыткескень-II и горизонта 3А поселения Тыткескень-VI синхронны и относятся к одной культурной традиции. Об этом же свидетельствуют и находки кельтеминарских наконечников стрел.

Очень информативен фрагмент от сосуда, у которого высокий венчик загнут внутрь (рис. 1.46.-*3*). Керамические емкости подобной формы крайне редко встречаются в коллекциях неолита и энеолита Сибири. А вот для маханжарской неолитической культуры Торгайского прогиба в северной части Казахстана посуда с такой формой венчика является культурно-диагностирующим признаком. В научной литературе исследователи уже обращали внимание на морфологическое сходство фрагмента керамики горизонта 3А поселения Тыткескень-VI с маханжарской посудой.

Находки своеобразной керамики и кельтеминарских наконечников позволяют выдвинуть предположение, что культурная традиция развитого неолита формировалась на основе местной ранненеолитической, но при участии каких-то групп мигрантов с территории Средней Азии или Казахстана.

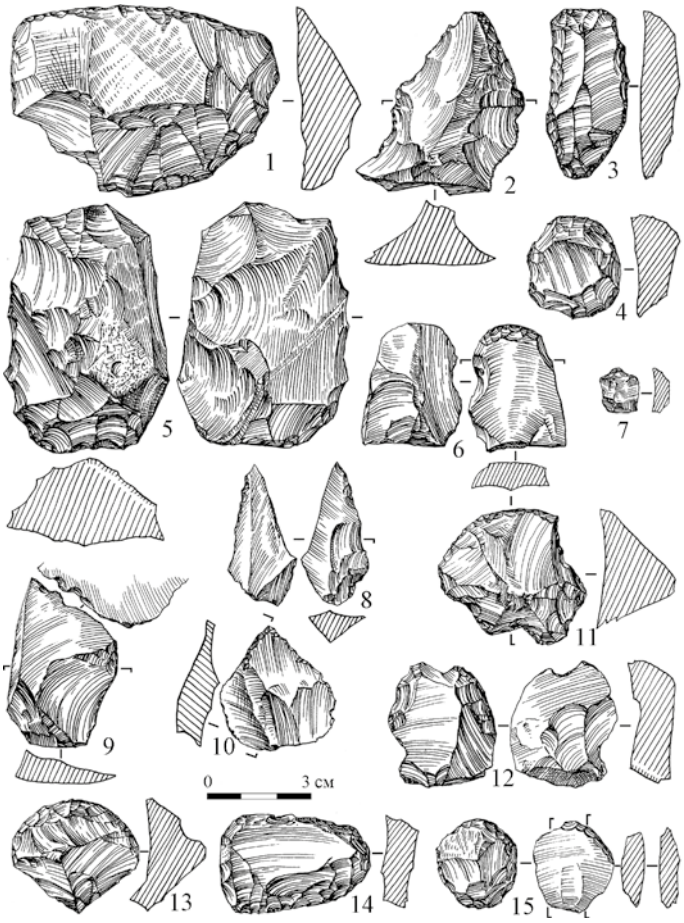

Рис. 1.47. Поселение Тыткескень-II.
Каменные артефакты позднего неолита (горизонт 4А):
1 – скребло; *2* – скобель; *3, 4, 6, 10, 11–15* – скребки;
5 – долотовидное орудие; *7* – проколка; *8–10* – острия

Знания о позднем и финальном неолите Алтая формируют комплексы источников, полученные при исследовании горизонтов 4 и 4А поселения Тыткескень-II и горизонтов 3Б, 2А и 2Б поселения Тыткескень-VI.

Наиболее полно материалы позднего неолита представлены в коллекции горизонта 4А поселения Тыткескень-II (рис. 1.47–1.48). Во время раскопок там зафиксированы следы наземных жилых сооружений. Скорее всего, это были легкие летние мобильные наземные жилища, очень похожие на чумы, которые широко распространены у современных народов Сибири, или на вигвамы у североамериканских индейцев.

Каменная индустрия горизонта 4А поселения Тыткескень-II в основных своих показателях немногим отличается от

комплексов развитого неолита. Она содержит стандартный набор орудий на пластинах, отщепах (рис. 1.47), сланцевых плитках. Различия небольшие и в основном связаны с процентным соотношением тех или иных типов в составе орудийного набора.

Во время раскопок горизонта 4А на поселении Тыткескень-II получена немногочисленная, но достаточно выразительная коллекция керамики не менее чем от шести сосудов (рис. 1.48). У одного из них практически полностью реконструируется форма. Еще у трех форма восстанавливается частично. Посуду этого горизонта можно разделить на декорированную отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1.48.-*1*–*6*) и тонкостенную с неорнаментированным туловом (рис. 1.48.-*7*–*8*). Керамика последней группы оформлена только насечками по венчику. При изготовлении тонкостенного сосуда (толщина стенок 2 мм) с высокой горловиной использовалась выбивка (прием, характерный для раннего неолита).

Наиболее важен сосуд, у которого практически полностью восстанавливается форма и можно подробно рассмотреть манеру орнаментации (рис. 1.48.-*5*). Эта емкость имеет вытянутые пропорции, высота сосуда почти в два раза больше ширины. Высокий венчик немного отогнут наружу. Он плавно переходит в тулово, диаметр ко-

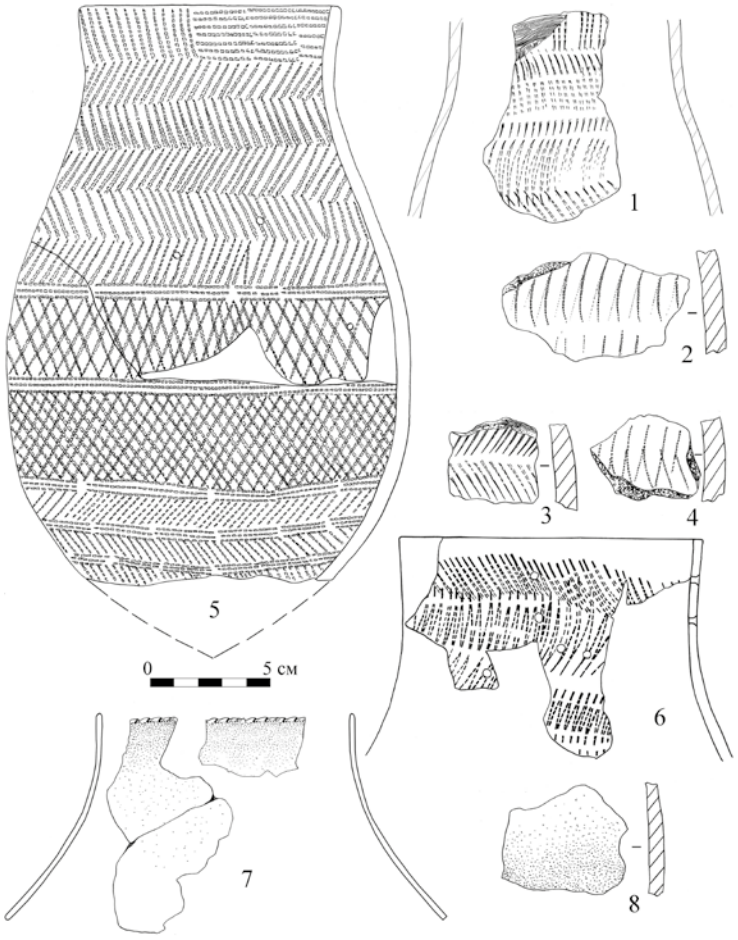

Рис. 1.48. Поселение Тыткескень-II. Керамика позднего неолита (горизонт 4А)

торого в наибольшей точке примерно в полтора раза шире диаметра по венчику. Тулово сосуда плавно переходит в придонную часть. Днище отсутствует, но, скорее всего, оно было приостренное. Орнаментальное поле делится на несколько зон. По венчику половина диаметра украшена вертикальными, слегка наклоненными отпечатками гребенчатого штампа, а другая половина орнаментирована горизонтальными отпечатками. Верхняя часть тулова украшена рядами елочки, которая плавно переходит в «шагающую гребенку». Средняя часть тулова декорирована сеточкой, а нижняя – елочкой. Орнаментальные зоны подчеркнуты рядами отпечатков штампа, образовавшими горизонтальные линии, которые разделили верхнюю и среднюю часть тулова, а также отметили середину. Ниже горизонтальные линии разрезают ряды от елочки.

К этой же группе относятся фрагменты еще от двух сосудов (рис. 1.49.-*1, 6*). В их орнаментации также использовался длинный гребенчатый штамп. Толь-

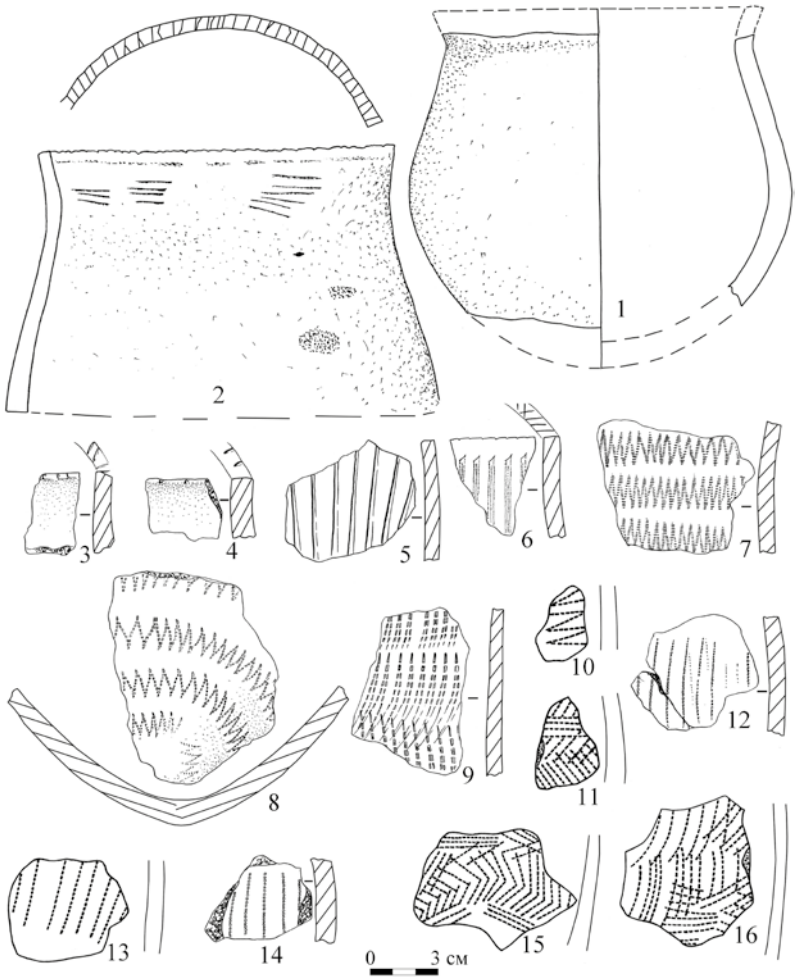

Рис. 1.49. Поселение Тыткескень-II. Керамика финального неолита (горизонт 4):
1–4 – толстостенная керамика с неорнаментированным туловом и насечками по венчику;
5–6 – керамика, декорированная прочерченным орнаментом;
7–16 – керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа

ко при декорировании посуды данной подгруппы применялся слегка изогнутый штамп. Керамические емкости украшены отпечатками «шагающей гребенки», ряды которой ориентированы вертикально, но с небольшим наклоном и немного накладываются друг на друга.

Сосуды закрытой удлиненной формы с высоким отогнутым наружу венчиком (рис. 1.48.-*1, 5–7*) имеют несомненные черты морфологического сходства с керамикой развитого неолита горизонта 3А поселения Тыткескень-VI. Подобные находки керамики были зафиксированы под насыпями энеолитических курганов возле устья р. Куюм в 1936 г. экспедицией Г.П. Сосновского (рис. 1.3). Коллекция горизонта 4А поселения Тыткескень-II относительно немногочисленная, и это затрудняет проведение сравнительного анализа. Но создается впечатление, что, в отличие от керамики развитого неолита, посуда горизонта 4А поселения Тыткескень-II морфологически более однородна. Сходство и отличие с материалом развитого неолита заключаются в процентном соотношении посуды с орнаментированным и неорнаментированным туловом. Хотя объективности ради стоит отметить, что такие наблюдения могут объясняться небольшой исследованной площадью комплексов того времени и при продолжении раскопок выводы могут быть скорректированы.

Различия между поздним и финальным неолитом выражены более заметно и прослеживаются буквально во всем: в керамике, на уровне первичного расщепления, в составе орудийного набора, в размерах орудий на пластинах. Наиболее ярко выражены эти показатели на материалах 4-го горизонта поселения Тыткескень-II, где зафиксированы остатки долговременного стационарного жилища шириной 6 м и длиной около 21 м, у которого котлован был врезан в грунт примерно на глубину 50–60 см. Оно, скорее всего, походило на полуземлянку. Подобные сооружения до сих пор встречаются у народов Сибири. Очень может быть, что это не одно сооружение, а несколько вытянутых в одну линию и стены у них плотно примыкали друг к другу. В исследованном жилище зафиксирована производственная площадка, на которой происходил полный цикл изготовления каменных орудий, начиная с первичного расщепления и последующей вторичной обработкой и завершающей отделкой. В центре площадки находилась наковальня (большой плоский камень со следами забитости), а рядом с ним, кроме изделий и отщепов, лежали отбойники (рис. 1.50.-*1–2*) и ретушеры. Археологам удалось сложить часть найденных сколов в обратном порядке в единое целое, это называется *ремонтаж* (рис. 1.51.-*10*). Полученные «складни» позволяют сделать вывод о том, что неолитическое население Алтая прекрасно разбиралось в свойствах минерального сырья. С помощью нескольких пробных ударов человек выбирал камень, который хорошо кололся и не имел внутренних скрытых трещин. Проведенные исследования показывают, что люди могли эффективно управлять плоскостью расщепления (фронтом), действуя целенаправленно и избирательно, не полагаясь на волю случая. При наличии в камне скрытых микротрещин даже опытный мастер оказывался бессильным. Бывали случаи, когда практически готовое орудие оказывалось непригодным для использования. Не испытывая недостатка в сырье, человек не тратил время на попытки отремонтировать или переработать сломавшееся изделие. Вместо этого он брался за изготовление нового.

Внутри исследованных конструкций зафиксированы очаги, выложенные из мелких камней. Особенность их в том, что нет признаков долго горевшего боль-

шого костра. По всей видимости, жилища могли быть не зимними, а использоваться в более теплое время года. Исследованные конструкции однозначно свидетельствуют об относительно большей оседлости населения, по сравнению с более ранними периодами. Видимо, эти изменения были не случайными и каким-то образом связаны с трансформацией форм хозяйственной деятельности.

Для 4-го горизонта поселения Тыткескень-II получены две радиоуглеродные даты, по результатам калибровки которых можно определить материалы финального неолита 2-й половиной V тыс. до н.э.

Отличия от комплексов более раннего времени хорошо заметны уже на уровне анализа продуктов первичного расщепления (рис. 1.51). Отличительной чертой

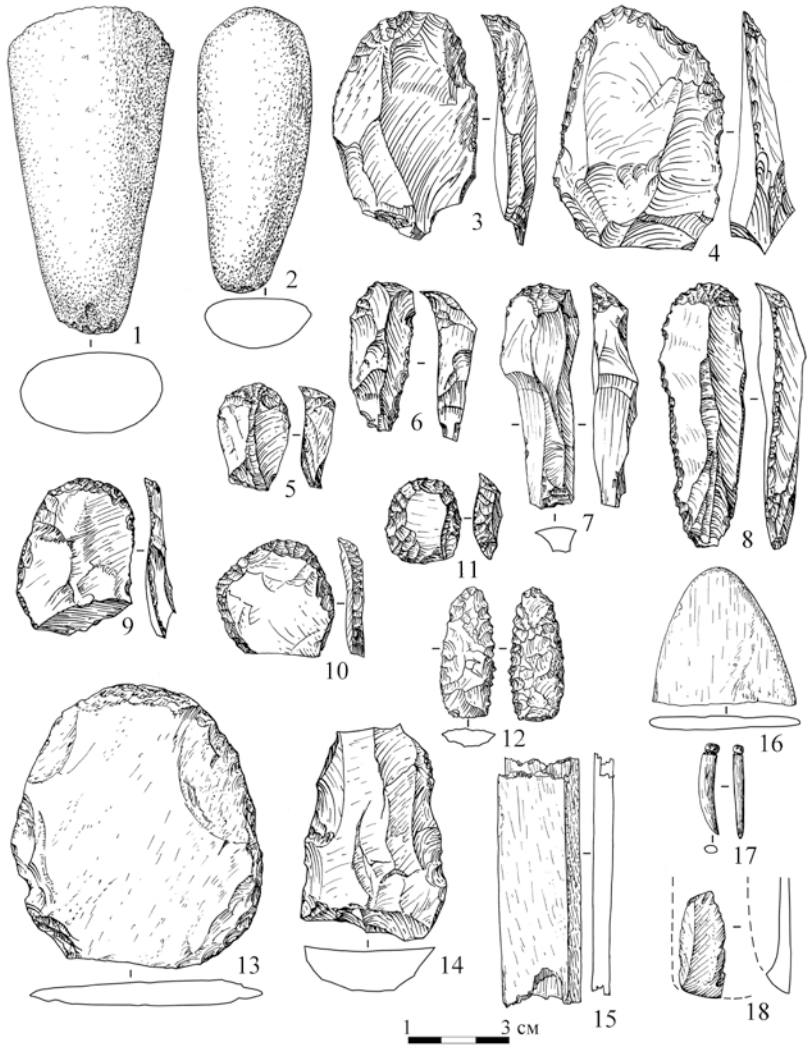

Рис. 1.50. Поселение Тыткескень-II. Каменные изделия финального неолита (горизонт 4):
1–2 – отбойники; *3–4* – скребла; *5–11* – скребки; *12* – вкладыш;
13 – орудие на сланцевой плитке (дисковидное скребло); *14* – скобель;
15–16 – абразив; *17* – жальце рыболовного крючка; *18* – обломок тесла

данного комплекса является появление реберчатых сколов, пластин, пластинчатых отщепов и боковых сколов крупного размера. Среди находок более раннего времени технические сколы с нуклеусов с подобными метрическими характеристиками отсутствуют. В материалах 4-го горизонта поселения Тыткескень-II заметно увеличиваются размеры нуклеусов. Причем крупные пластины и нуклеусы встречаются наравне со средними, мелкими и даже миниатюрными (рис. 1.52).

Орудийный набор представлен разнообразными орудиями на пластинах (рис. 1.52), отщепах, сланцевых плитках, а также шлифованными изделиями, отбойниками и разнообразными абразивами (рис. 1.50).

Орудия на пластинах – самая представительная группа в составе орудийного набора (969 экз.) и содержит типы, традиционные для всех комплексов неолита посе-

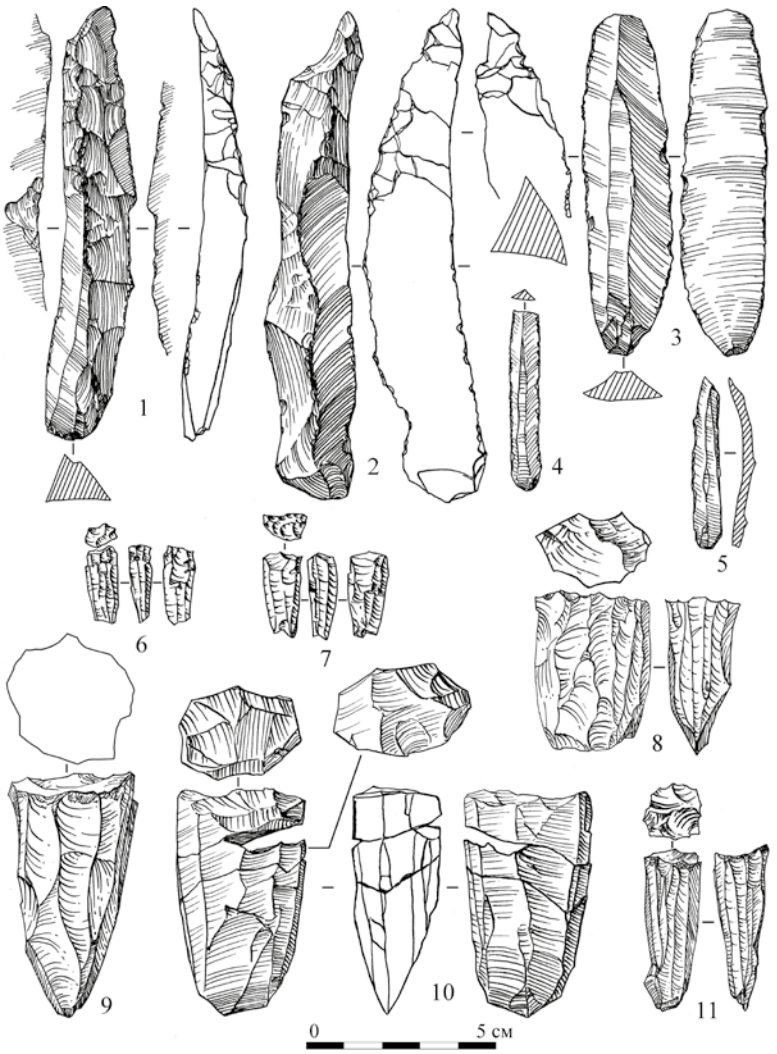

Рис. 1.51. Поселение Тыткескень-II. Каменные изделия финального неолита (горизонт 4): *1–2* – реберчатые сколы; *3–5* – полные пластины с ретушью; *6–9, 11* – нуклеусы; *10* – ремонтаж (складень) нуклеуса

лений Тыткескень-II и Тыткескень-VI, начиная от раннего. Важной является находка кельтеминарского наконечника стрелы (рис. 1.52.-*8*). Особенностями орудий на пластинах финального неолита являются метрические показатели изделий. В раннем, развитом и позднем неолите изделия, выполненные на крупных пластинах, единичны. В 4-м горизонте поселения Тыткескень-II орудия, выполненные на крупных пластинах, представлены сериями (рис. 1.52.-*2–7, 11*). Причем орудия на крупных пластинах встречаются вместе с аналогичными изделиями мелких размеров.

Орудия на отщепах составляют четвертую часть всего орудийного набора. Набор изделий на отщепах традиционен для памятников неолита и включает скребки, скребла, вкладыши, скобели (рис. 1.50), а также резцы, острия, проколки, резчики, отщепы с ретушью и т.д. В составе орудийного набора представлены шлифованные изделия: стерженек рыболовного крючка (рис. 1.50.-*17*) и обломок тесла (рис. 1.50.-*18*). Отметим изделие на сланцевой плитке с круглым рабочим краем (рис. 1.50.-*13*), а также обломок плитки (абразив), на котором сохранились остатки краски (рис. 1.50.-*16*).

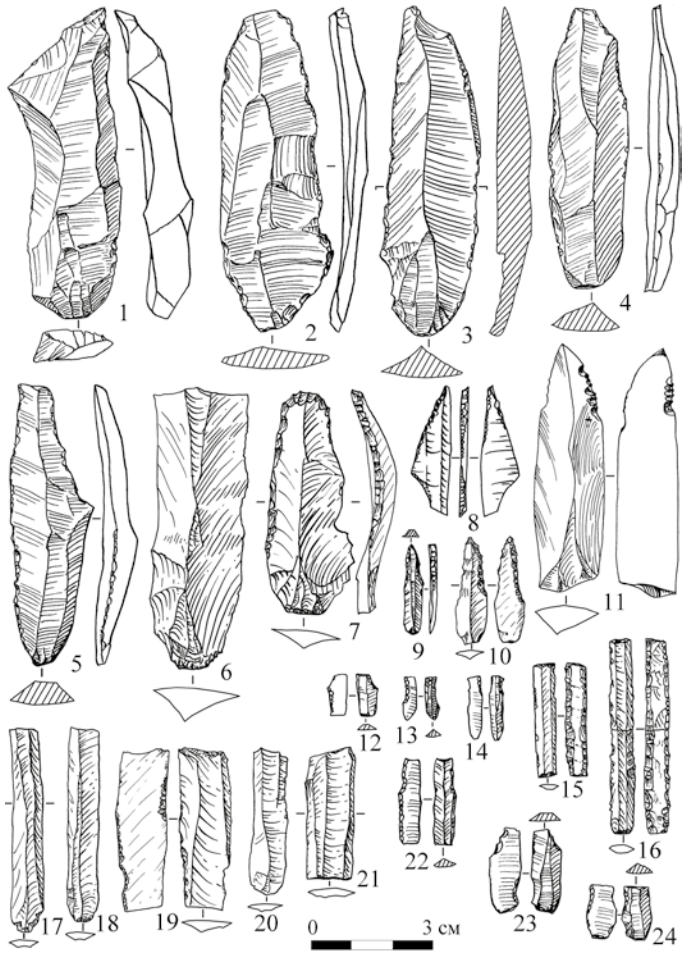

Рис. 1.52. Поселение Тыткескень-II. Каменные изделия финального неолита (горизонт 4): *1* – полная пластина без ретуши; *2–5* – полная пластина с ретушью; *6, 17, 18, 20* – проксимальный фрагмент без ретуши; *7* – скребок на пластине; *8* – наконечник стрелы кельтеминарского типа; *9–11* – острие; *12–14, 23, 24* – резчик; *15–16* – геометрический микролит; *19, 22* – медиальный фрагмент с ретушью; *21* – медиальный фрагмент без ретуши

К сожалению, керамика в материалах 4-го горизонта представлена крайне фрагментарно. Только у трех сосудов частично реконструируются формы. Можно указать две группы керамической посуды: неорнаментированная по тулову и орнаментированная.

Посуда с неорнаментированным туловом (рис. 1.49.-*1–4*) декорирована насечками по венчику. Сосуды этой группы имеют высокий отогнутый наружу венчик. Емкости изготовлялись в технике жгутового налепа, в некоторых слу-

чаях – с использованием лент. Во второй группе остродонные сосуды с тонкими стенками имеют орнамент в виде прочерченных линий (рис. 1.49.-*5–6*) и отпечатков гребенчатого штампа (рис. 1.49.-*7–16*). Несмотря на фрагментарность материала, можно сделать вывод, что при орнаментации использовался штамп разной длины, прямой или слегка изогнутый (рис. 1.49). Отпечатки гребенчатого штампа создавали ряды «шагающей гребенки» (рис. 1.49.-*7–11*), ряды параллельных линий (елочка?) (рис. 1.49.-*12–14*) или ряды елочки (рис. 1.49.-*16*), в некоторых случаях разделенные на зоны горизонтальными линиями (рис. 1.49.-*11, 15*).

Анализ глиняной посуды включает в себя не только изучение форм и декора, но и исследование технологии изготовления (рис. 1.53). Изучение ее на основе неолитической керамики поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI дает исследователям важную информацию о традициях древнейшего населения. Оказалось, что от раннего до финального неолита люди при изготовлении сосудов использовали в качестве армирующей добавки волос животных. В процессе обжига волос выгорал, и образовывались полые каналы, которые придавали прочность готовому изделию. Особенно важно, что такая традиция связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. Этот базовый прием формовочной (культурной, этнографической) традиции неолитического населения в той или иной степени проявился при исследовании горизонтов от раннего до финального неолита. За пределами долины Катуни эта традиция практически не известна.

Период неолита – это довольно длительный отрезок истории Алтая. На протяжении нескольких тысячелетий происходили изменения в технике обработки камня, в формах и орнаментации керамики. Часть этих изменений (техника обработки камня), скорее всего, связана с внутренним развитием общества. Некоторые изменения в формах и орнаментации керамики, по всей видимости, – результат проникновения инокультурного населения из других регионов, что могло быть связано с миграциями или брачными контактами. При всем этом не происходило полной за-

Рис. 1.53. Поселение Тыткескень-II. Керамика (горизонт 4А, развитый неолит):
1 – общий вид; *2–3* – следы волоса в горизонтальных изломах; *4–6* – следы расслоения по спаям (горизонтальные изломы) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков, 2012])

мены местного населения. Исторические судьбы неолитических племен Алтая пока плохо прослеживаются и не совсем понятны. Не исключено, что какая-то их часть приняла участие в формировании энеолитических культур Алтайского региона.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АЛЕЙСКОЙ СТЕПИ

Неолит до сих пор остается менее всего изученным периодом в древнейшей истории Лесостепного Алтая. Во многом это связано с характером источников, имеющихся в распоряжении исследователей. На территории Алейской степи поселенческие комплексы неолита в основном представлены подъемными материалами с разрушенных памятников вдоль ленточного бора или с дюнных приозерных стоянок. В сборах неолитические артефакты встречаются вместе с находками более позднего времени. Отсутствие стратифицированных и эталонных комплексов неолита на рассматриваемой территории Лесостепного Алтая приводит к тому, что пока нет критериев для сравнительно-типологического анализа археологических коллекций каменных артефактов и керамики. Все это создает проблемы для исторической интерпретации собранных материалов.

В результате работ местных краеведов, музейных работников и сотрудников Алтайского государственного университета в Лесостепном Алтае выявлено более ста памятников археологии, из которых происходят разные собрания неолитических артефактов. Наиболее представительные коллекции керамики и каменных находок получены на поселениях Павловка-I, Рубцовское и Алексеевка-I, расположенных в зоне Алейской степи.

Стоит указать, что в Лесостепном Алтае отсутствуют выходы качественного камня, который можно было бы использовать для массового изготовления орудий. Поэтому важной стороной в деятельности неолитического населения являлась доставка исходного сырья с территории Северо-Западного Алтая и Казахского мелкосопочника. По всей видимости, первоначальные этапы отбора и расщепления камней реализовывались за пределами рассматриваемого района. В результате на поселения поступали уже качественные заготовки и соответствующие полуфабрикаты. При этом использовались сколы со шлифованных орудий, обломки изделий, сильно сработанные нуклеусы и другие отходы, которые были востребованы в производстве. Подобная ситуация характерна для материальной культуры коллективов, удаленных от источников минерального сырья.

Каменная индустрия собранных коллекций имеет ярко выраженный призматический облик. Анализ техники первичного расщепления свидетельствует о том, что основной задачей, стоявшей перед мастером, являлось получение прямой в сечении призматической пластины шириной от 5 до 8 мм и длиной от 2 до 4 см, с практически идеально ровными параллельными краями. Разнообразные орудия на пластинах составляют основу орудийного набора рассматриваемых памятников. Основные наблюдения продемонстрируем на примере материалов с поселения Рубцовское [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999], где выделяется большое количество типов орудий на пластинах, в том числе геометрические микролиты, вкладыши с притупленной спинкой и торцом, двусторонне обработанные вкладыши и т.д. (рис. 1.54.-*5, 10–12, 14–15, 17–22, 24*). На пластинах оформлялись зубчато-выемчатые скобели – орудия для обработки кости и дерева (рис. 1.54.-*7, 9*), проколки и шилья (рис. 1.54.-*8, 16, 23*), вкладыши режущих инструментов

(мясных и разделочных скорняжных ножей) (рис. 1.54.-*7*), резцы (рис. 1.54.-*13*), резчики и наконечники стрел (рис. 1.54.-*35–46*). Проксимальные и дистальные фрагменты пластин составляют существенный процент в составе отходов производства. Значительная часть скребков (скорняжные инструменты для обработки кожи) также оформлена на фрагментах крупных пластин.

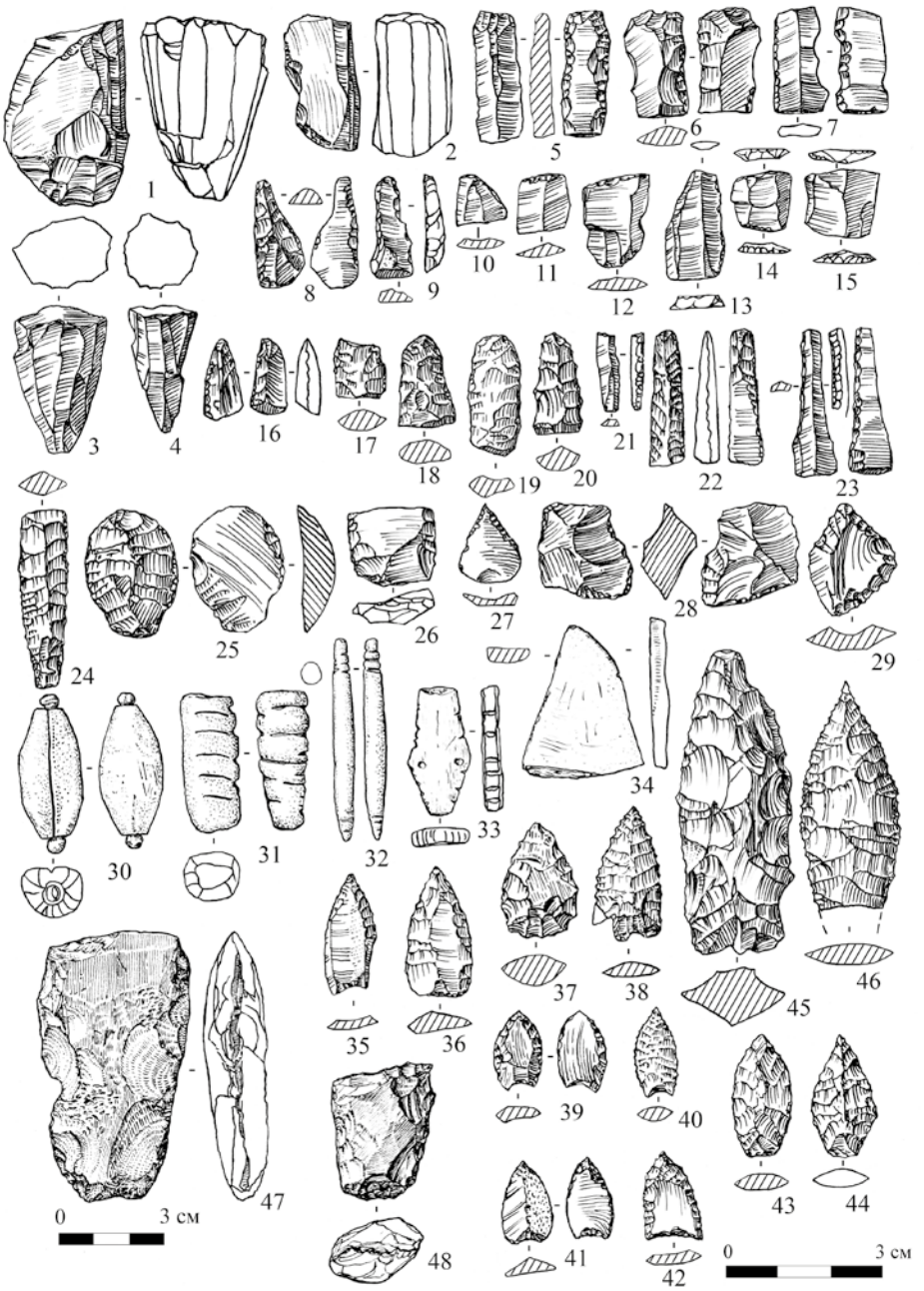

Рис. 1.54. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты

Все нуклеусы, как правило, мелких (до 3 см) или средних размеров (от 3 до 6 см) и предназначены для получения ровной двух- или трехгранной пластины (рис. 1.54.-*1–4*). Скребки на отщепах, занимающие ведущее место в индустриальном наборе, характерны для неолитических индустрий Лесостепного Алтая. Их типология исключительно разнообразна. Часть этих орудий имеет достаточно оригинальные формы (рис. 1.54.-*25, 26, 29*) и является комбинированными с режущими и «прокалывающими» кромками. Присутствуют также острия на отщепах (рис. 1.54.-*27*), отличающиеся наличием жальца, которое выделено ретушировкой сходящихся краев или резцовыми сколами.

В отличие от неолитических памятников Северного Алтая в материалах поселенческих комплексов Алейской степи широко представлены орудия для обработки дерева: тесла, топоры и долота (рис. 1.54.-*28, 47–48*). Топоры и тесла имеют подшлифовку, местами сбитую в ходе их использования. Шлифованные двусторонне обработанные ножи также являются своеобразным маркером неолитического периода Лесостепного Алтая. На всех поселениях широко представлены наконечники стрел самых разнообразных типов (рис. 1.54.-*35–46*). Отметим такие находки с выделенными в нижней части шипами (рис. 1.54.-*38*), с зубчатыми краями (рис. 1.54.-*37, 38, 40, 46*), с атипичными выемками у основания (рис. 1.54.-*35*).

В материалах поселенческих комплексов Лесостепного Алтая пока имеются два кельтеминарских наконечника. Обломок такого изделия встречен на поселении Кривое-1. Этот образец является практически полным аналогом наконечников с поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI (рис. 1.45). Он также выполнен на пластине, таким же способом оформлены острие и асимметричная боковая выемка.

Рис. 1.55. Поселение Перешеечное-VI (Гульбище). Кельтеминарский наконечник стрелы южно-кызылкумского типа

Целый наконечник стрелы с поселения Перешеечное-VI (Гульбище) (рис. 1.55) существенно отличается от тыткескенских экземпляров. Он относится к южно-кызылкумскому варианту кельтеминарских наконечников. Определяющим признаком для этого типа являются заостренное основание и округленное очертание боковой стороны противолежащей выемки, ретушь с брюшка широко используется при отделке всего наконечника, применение пологой ретуши, в том числе и ретуши, формирующей выемку сплошной двусторонней обработкой всего наконечника или отдельных его частей. Подобные находки свидетельствуют о контактах населения Лесостепного Алтая и Средней Азии.

На многих памятниках найдены стерженьки рыболовных крючков. На поселении Рубцовское встречены изделия, интерпретированные как утяжелители рыболовных снастей, отличающиеся

по конструкции и внешнему облику от традиционных утяжелителей составных рыболовных крючков Алтая (рис. 1.54.-*30–33*). Скорее всего, это были снасти типа переметов, к которым с одной стороны прикреплялся линь, а с другой – крючок, но тоже на лине. В рассматриваемой коллекции представлены скребки из сланцевых плиток (рис. 1.54.-*34*), сходные по способу использования с дисковидными.

На поселениях найдено довольно большое количество «утюжков» или продольно-желобчатых изделий, как их называют исследователи.

Керамика, найденная на поселениях Лесостепного Алтая, отличается большим разнообразием. Так, на памятнике Рубцовское по особенностям орнаментации выделены десять групп керамики (рис. 1.56) [Тишкин, Кирюшин, Шмидт,

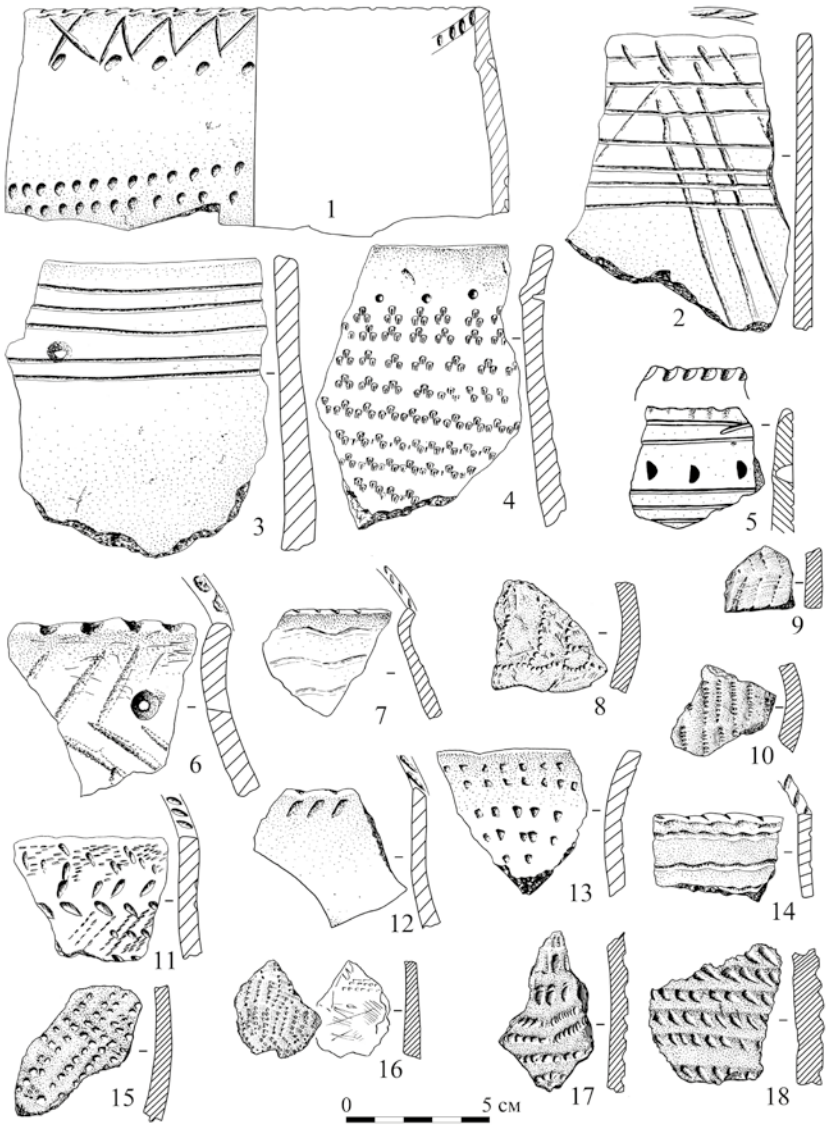

Рис. 1.56. Керамика, обнаруженная на поселении Рубцовское

2016]. В них сочетаются орнаментальные традиции, связанные с разными культурными образованиями неолита и энеолита юга Западной Сибири.

В составе керамических коллекций поселения Алексеевка-I выделяется группа посуды, декорированной «жемчужником» по венчику (рис. 1.57.-*1–4*). Этот орнаментальный прием встречен на четырех сосудах, украшенных отпечатками гребенчатого штампа, ямками, наколами, оттисками веревочки и «псевдозубчатого» штампа. Особенностью этой группы посуды является большое количество органики, визуально фиксируемой в сломах. Ряд аналогов в материалах юга Западной Сибири и сопредельных территорий позволяет датировать данные находки керамики неолитическим временем.

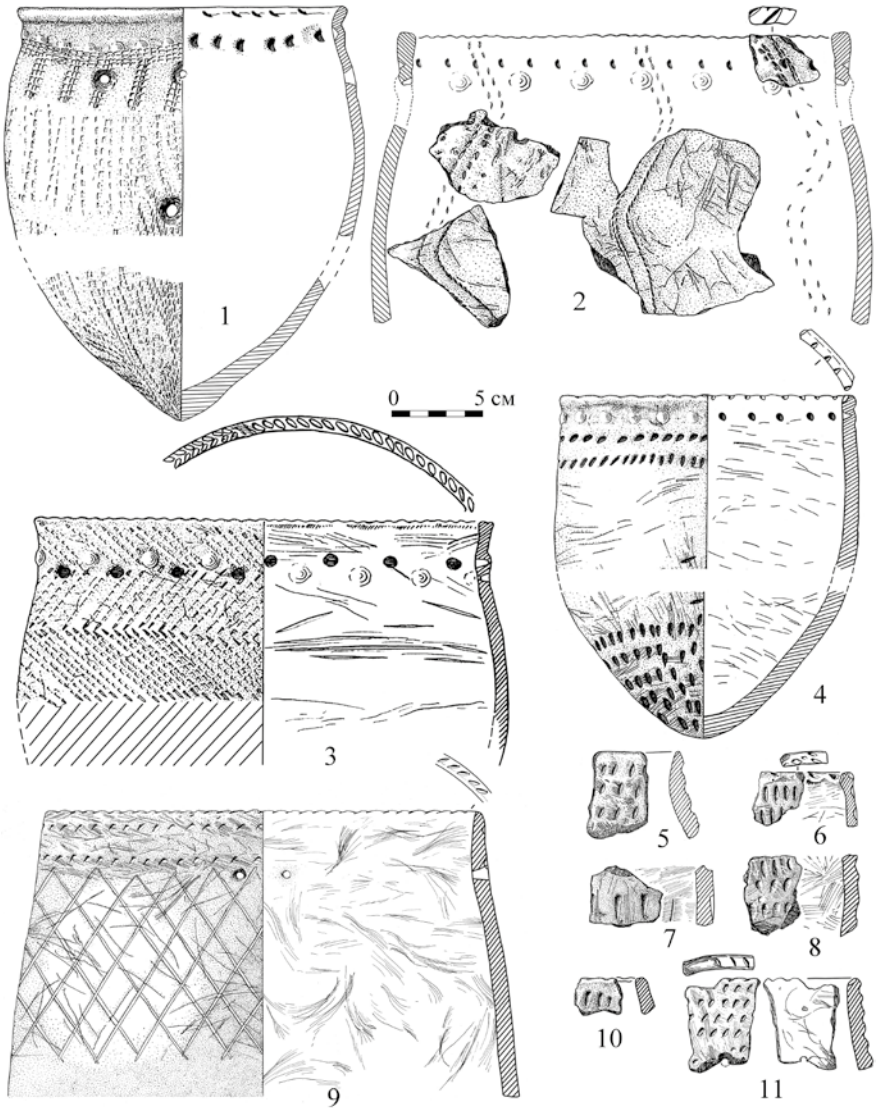

Рис. 1.57. Керамика периода неолита:
1–4 – поселение Алексеевка-I; *5–11* – поселение Павловка-I

В материалах поселенческих комплексов Лесостепного Алтая, в частности, на памятнике Павловка-I, встречается керамика (рис. 1.57.-*5–11*), имеющая черты сходства с посудой боборыкинской культуры лесостепного и лесного Зауралья, что позволяет допустить возможность проникновения носителей боборыкинской культуры на эту территорию.

Как уже было отмечено, смешение орнаментальных традиций, как правило, рассматривается как результаты контактов различных групп населения. Можно сделать вывод о том, что историко-культурные процессы в период неолита на территории Лесостепного Алтая были сложными и представлены несколькими линиями развития.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ

Кулундинская степь – это равнина, приподнятая над уровнем моря на 100–200 м. Она имеет плоскую с небольшими уклонами поверхность. Там встречаются многочисленные бессточные впадины, занятые солончаками и озерами, участки с бугристым и грядовым рельефом эолового происхождения. Реки Кулунды имеют неглубокие долины, извилистое русло, невысокие и широкие уступы террас. Наиболее крупными и многоводными реками Кулунды являются Бурла, Суетка, Кулунда и Кучук. На территории Кулундинской степи находятся многочисленные озера разнообразной площади – от трех–пяти до десятков тысяч гектаров. Наличие речных артерий, системы озер и ленточных боров на территории Кулунды привлекало человеческие коллективы еще в глубокой древности.

Изучение памятников каменного века Кулунды началось в 1969 г., когда в Карасукском районе Новосибирской области стал работать Западно-Сибирский отряд Института археологии Академии наук СССР под руководством М.Ф. Косарева. В 1969–1971 гг. было открыто более 20 местонахождений керамики и каменных орудий, в том числе три стоянки с культурным слоем.

В 1970–1990-е гг. благодаря работам местных краеведов выявлены десятки памятников периода неолита. Как правило, они располагались по берегам озер или в поймах рек Кулунда, Бурла, Касмала. Особенно много поселений обнаружено по берегам озер в Завьяловском, Егорьевском, Волчихинском и Мамонтовском районах Алтайского края. К сожалению, почти все собранные коллекции представлены сборами подъемного материала с разрушенных памятников, культурный слой которых оказался поврежден водной или ветровой эрозией. Как правило, такие поселения являлись многослойными. В результате уничтожения культурного слоя материалы периода неолита оказались смешанными с комплексами более раннего и более позднего времени. Разделить находки каменного инвентаря на мезолитические и неолитические или энеолитические практически невозможно. Большинство видов каменных изделий (например, скребки, скобели и резцы) существовали тысячи лет без каких-либо изменений. Можно разложить по группам и типам керамику, но, чтобы определить ее возраст и культурную принадлежность, нужны эталонные комплексы, хорошо изученные и надежно датированные.

Отдельные сборы подъемного материала с разрушенных памятников, полученные в 1970–1990-е гг., дают достаточно мозаичную картину. Только в начале XXI в. в Барабинской лесостепи, Кулундинской степи и на северо-восточной территории современного Казахстана начались исследования поселенческих и погребальных комплексов периода неолита, которые можно рассматривать в качестве базовых при реконструкции древнейшего прошлого Лесостепного Алтая.

В 2012 и 2014 гг. в Хабарском районе Алтайского края в процессе исследования энеолитических поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI выявлены неолитические комплексы. К сожалению, коллекции, полученные при раскопках этих памятников, немногочисленны и крайне фрагментарны. Однако их ценность состоит в том, что они происходят со стратифицированных памятников с сохранившимся культурным слоем. Есть все основания предполагать, что при продолжении работ будут отмечены более представительные результаты. Наличие органики вместе с керамикой и каменными изделиями позволяет рассчитывать на получение абсолютных датировок для исследуемых комплексов.

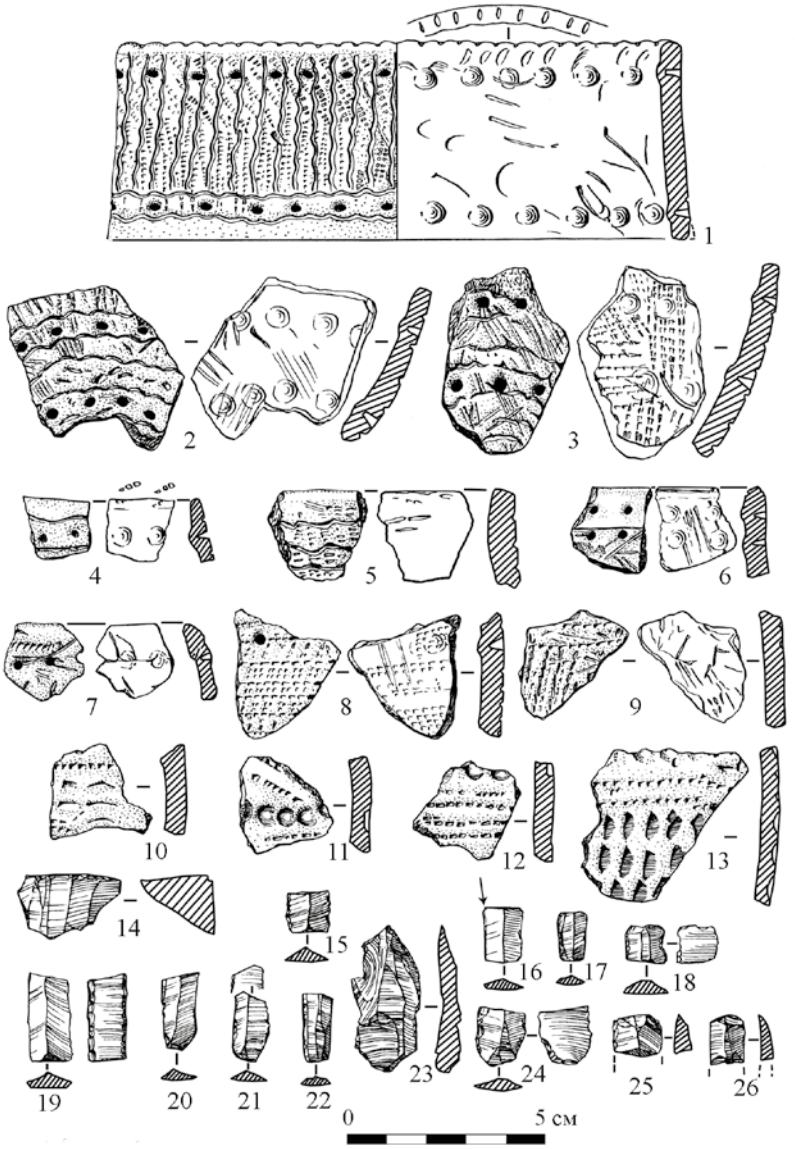

Рис. 1.58. Материалы неолита поселения Новоильинка-VI:
1–13 – керамика; *14–26* – камень

На данный момент наибольший интерес представляют материалы неолитического комплекса поселения Новоильинка-VI. В ходе исследования этого памятника установлено, что энеолитические жилища были врезаны в более ранний неолитический слой. В межжилищном пространстве зафиксирована небольшая коллекция керамики (50 экз.) и каменных артефактов (143 экз.) (рис. 1.58).

По технике орнаментации и композиционному построению орнамента выделяются две группы керамики. Керамика первой группы представлена фрагментами сосудов (рис. 1.58.-*1, 4–7*), орнаментированных прочерченными вертикальными и горизонтальными, прямыми и волнистыми линиями и рядами ямок (рис. 1.58.-*1–6*). В нескольких случаях сосуды декорированы горизонтальными рядами отступающей палочки с элементами накалывания (рис. 1.58.-*7*). Прочерченные линии и ряды ямок часто нанесены поверх горизонтальных рядов «шагающей гребенки» (рис. 1.58.-*1, 8*), отпечатки которой часто фиксируются на внутренней поверхности сосудов (рис. 1.58.-*3, 8*). На внутренней поверхности и в сломах стенок сосудов фиксируются следы органики (рис. 1.58.-*1–3*). Керамика второй группы более фрагментарна. На всех фрагментах гребенчатым штампом выполнены горизонтальные ряды (рис. 1.58.-*10, 12–13*), которые в одном случае сочетаются с диагональными (рис. 1.58.-*11*). На трех экземплярах гребенчатый штамп встречается вместе с отпечатками, нанесенными полой косточкой (рис. 1.58.-*11–13*). На одном из этих трех фрагментов еще имеются горизонтальные ряды оттисков лопаточки (рис. 1.58.-*13*).

Керамика, обнаруженная в третьем горизонте поселения Новоильинка-VI, немногочисленна, но достаточно информативна. В ней наблюдается смещение неолитических и энеолитических орнаментальных традиций. Аналоги этим находкам обнаруживаются в материалах поселенческих комплексов неолита и энеолита Северной Кулунды, Барабы, Верхнего Приобья и Северо-Восточного Казахстана.

Будущие исследования дадут возможность более точно определить место материалов 3-го горизонта поселения Новоильинка-VI в кругу памятников неолита и энеолита Горного Алтая, Западной Сибири и Казахстана, но уже сейчас нет сомнений, что неолитическое население Северной Кулунды принимало участие в формировании энеолитических культур Лесостепного Алтая и сопредельных территорий.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

До настоящего времени период неолита был наименее исследованным на территории Верхнего Приобья в пределах Алтайского края, несмотря на находки М.Д. Копытова в начале XX в. В 1920-е гг. сотрудники Бийского краеведческого музея А.П. Марков, С.М. Сергеев (рис. 1.3) и участник Алтайской экспедиции Государственного Русского музея М.П. Грязнов проводили археологические разведки в пойме Оби на участке от Бийска до Барнаула.

В 1952–1954 гг. в Верхнем Приобье работала Новосибирская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством М.П. Грязнова. Одним из наиболее информативных памятников, выявленных исследователями, стало поселение около д. Киприно, где на песчаных дюнах, раздутых ветром, были собраны представительные коллекции керамики и каменного инвентаря [Комарова, 1956, с. 96, рис. 40]. Материалы поселения Киприно имеют большую известность и используются практически во всех обобщающих работах по неолиту и энеолиту Алтая и Западной Сибири. В Алтайском государственном университете и в Шелаболихинском районном краеведче-

ском музее хранятся археологические коллекции керамики и каменных артефактов, полученные на поселении Киприно в 1970–1990-е гг. Собрания каменных артефактов представлены в основном отходами производства: чешуйками, отщепами и осколками. В составе орудийного набора имеются изделия на пластинах и отщепах, встречены шлифованные орудия. Среди орудий на отщепах фиксируется большое количество разнообразных скребков, много наконечников стрел и обломков орудий. Продукты первичного расщепления представлены несколькими преформами, нуклевидными изделиями, нуклеусом, многочисленными сколами с нуклеусов: ударными площадками, пластинчатыми отщепами и реберчатыми сколами.

Большая часть керамики в коллекциях музеев Алтайского края – это обломки крупных сосудов периода энеолита. Но выделяются выразительные фрагменты неолитической посуды. Значительная ее часть орнаментирована отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные и диагональные ряды «шагающей гребенки» (рис. 1.59.-*1*). Отпечатки рядов «отступающей гребенки» встречаются

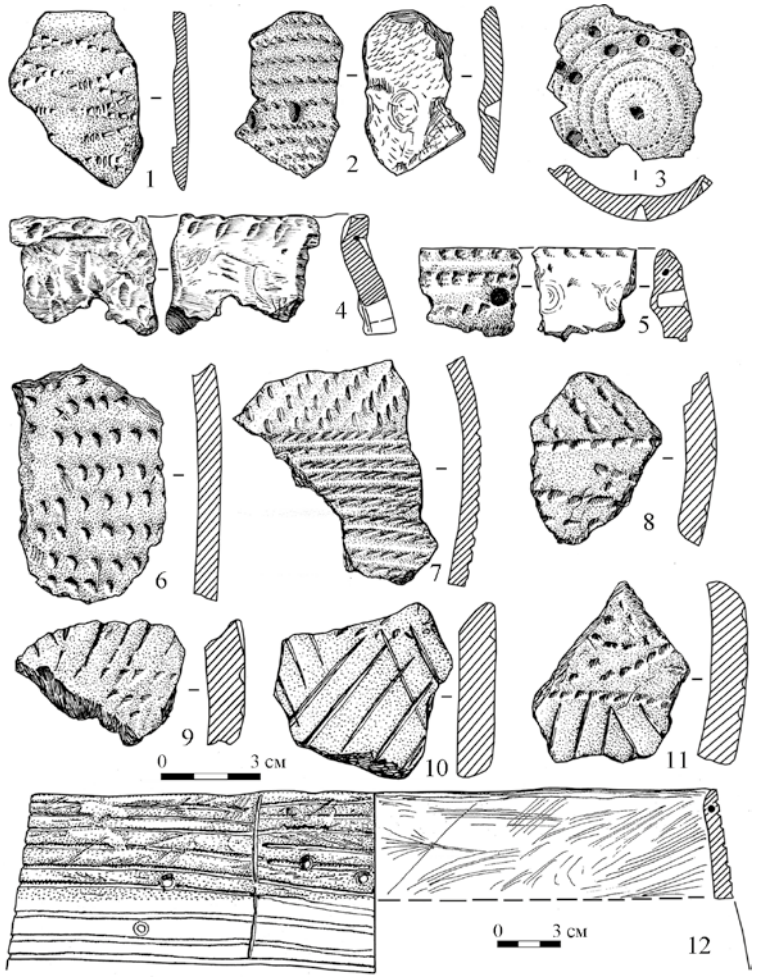

Рис. 1.59. Поселение Киприно: *1–11* – фрагменты сосудов периода неолита; *12* – графическая реконструкция верхней части сосуда

на внешней поверхности сосудов, орнаментированных отпечатками «отступающей палочки» (рис. 1.59.-*2*).

Очень информативны обломки небольших тонкостенных сосудов (толщина стенок 5–6 мм). В сломах фрагментов керамики невооруженным взглядом фиксируется большое количество органики. Техника орнаментации этой посуды близка к отступающе-накольчатой. Разница состоит в том, что на данных фрагментах отступание переходит в прочерчивание (рис. 1.59.-*2, 3*). Приостренное днище от небольшого сосуда (рис. 1.59.-*2*) является наиболее типичным и показательным примером керамики этой группы. Подобная керамика находит аналогии в материалах артынской неолитической культуры Барабинской лесостепи. Очень похожая керамика обнаружена в материалах 3-го горизонта поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде.

Отдельную группу составляют фрагменты сосудов, орнаментированных рядами наколов каплевидной (рис. 1.59.-*4, 6, 7*), овальной (рис. 1.59.-*8, 9*) либо подтреугольной формы (рис. 1.59.-*10–12*). Отличие накольчатой керамики от линейно-накольчатой заключается в том, что ориентация наколов не совпадает с направлением линий, на которых они расположены. Наколы создают горизонтальные (рис. 1.59.-*4, 5, 7*) и диагональные (рис. 1.59.-*6, 8, 9*) ряды прямых линий. В последнем случае отпечатки наколов сочетаются с прочерченным орнаментом (рис. 1.59.-*11–12*). У двух сосудов (рис. 1.59.-*4–5*) фиксируется использование шнура из свитых нитей или сухожилий, проходившего по венчику. Подобная керамика широко представлена в материалах боборыкинской неолитической культуры Западной Сибири. Керамика, орнаментированная бессистемными наколами, обнаружена на памятниках юго-западных районов Алтайского края.

Очень выразителен развал небольшого сосуда, декорированного прочерченными прямыми и волнистыми линиями (рис. 1.59.-*13*). В сломе венчика фиксируется шнур из свитых нитей или сухожилий. Керамика с прочерченным орнаментом находит аналогии в материалах поселений завьяловского типа на территории Новосибирского Приобья [Молодин, 1977] и боборыкинской неолитической культуры Западной Сибири. Керамика, орнаментированная прочерченными прямыми и волнистыми линиями, встречается на памятниках юго-западных районов Алтайского края.

Поселенческие комплексы периода неолита известны и на правом, и на левом берегу Оби в пределах Алтайского края, но все материалы получены либо в результате сборов подъемного материала, либо раскопок памятников более позднего времени. В результате исследований сотрудников Алтайского государственного университета сформированы представительные коллекции керамики и каменных артефактов. Одна из таких коллекций собрана на левом берегу Бойнихи (на правобережье Оби), между селами Рассказиха и Малая Речка.

На поселении Бойниха обнаружены фрагменты археологически целого сосуда (рис. 1.60). Полностью собралась стенка небольшой толстостенной емкости (от венчика до днища), у которой очень своеобразная форма, – максимальное расширение тулова приходится на нижнюю треть. Также специфичны его орнаментальная схема и способы нанесения орнамента.

Судя по сохранившейся части, при декорировании использована вертикальная орнаментальная схема. Вертикальные ряды ямок чередуются с линиями отпечатков отступающей палочки с элементами накалывания. Все тулово сосуда покрыто горизонтальными и диагональными отпечатками гребенчатого орудия. Скорее всего, это отпечатки шпателя – технологические следы, образовавшиеся в процессе формовки сосуда.

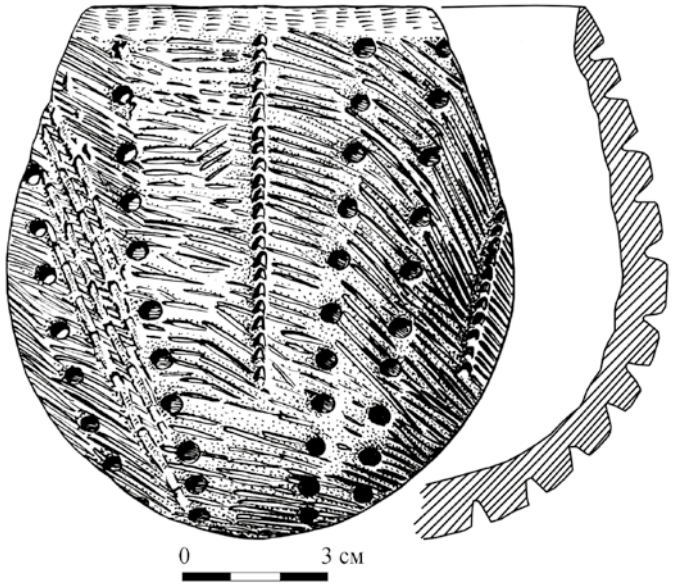

Рис. 1.60. Поселение Бойниха. Целый керамический сосуд

Определения, выполненные специалистами-палеозоологами, показали, что ряды вертикальных ямок на сосуде нанесены трубчатой костью (суставом) мелкого млекопитающего (семейство *Sciuridae* – беличьи), размером с суслика. Использование в качестве орнаментиров костей птиц и мелких млекопитающих зафиксировано на неолитической керамике поселения Иня-11 в Новосибирской области [Зах, 1990, с. 5–6]. Керамику с фигурно-штампованной орнаментацией исследователи относят к изылинскому этапу верхнеобской неолитической культуры. Использование костей животных для орнаментации посуды зафиксировано и в материалах ямочно-гребенчатой керамики периода неолита лесной зоны европейской части России.

Очень информативны фрагменты керамики, которые позволяют частично реконструировать форму у сосуда закрытой формы. У него тулово шире немного отогнутого наружу венчика (рис. 1.61). Снаружи вся поверхность покрыта диагональными отпечатками предположительно шнура или веревочки. Подобные отпечатки имеются на внутренней поверхности в районе венчика. Орнамент выполнен прокатыванием веревочки, намотанной на палочку. В сломах венчиков прослеживаются следы полого канальчика от выгоревшего шнура или веревочки. По тулову сосуда проходят два ряда ямок. Ямки глубокие и образуют жемчужины на внутренней поверхности. Ближайшие аналогии керамике, орнаментированной комбинированным штампом, можно найти в материалах поселения Шипуново на правобережье Оби, в Усть-Пристанском районе Алтайского края. Очень похоже, что находки керамики, которая орнаментирована прокатыванием веревочки, намотанной на палочку (комбинированный штамп), в Барнаульско-Бийском Приобье являются отражением связей неолитического населения с представителями прибайкальского неолита.

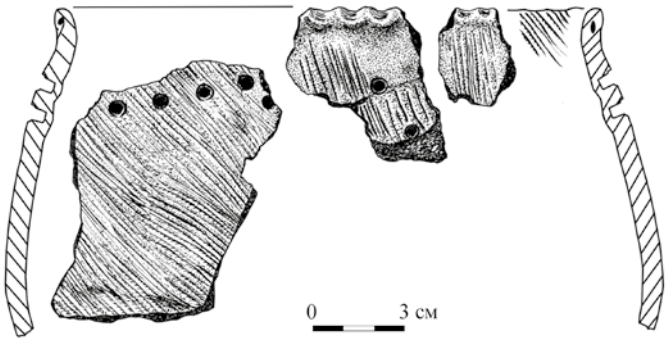

Рис. 1.61. Поселение Бойниха. Фрагменты керамики

Несмотря на достаточно фрагментарные материалы по неолиту на территории Верхнего Приобья, можно сделать вывод, что это была свое-

образная контактная зона, на которой оставлена керамика самых разных археологических культур с огромной территории Западной и Восточной Сибири. Видимо, это связано с тем, что на протяжении тысячелетий Обь и ее притоки служили своеобразными транспортными коридорами. По ним происходило передвижение людских коллективов, идей и элементов материальной культуры.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПРИЧУМЫШЬЯ

Первые неолитические находки в Причумышье связаны с краеведческой деятельностью учителя с. Победа Целинного района Алтайского края П.Ф. Рыженко, который создал сначала школьный, а затем сельский краеведческий музей. Обследование мест находок неолитических предметов в окрестностях села привело к открытию первых стратифицированных многослойных поселений, имеющих неолитические культурные слои. Сейчас известно свыше 30 как однослойных (Корначак-I и II, Широкий Лог-I и IV), так и многослойных поселений – Куюк-I, Улус-I, Широкий Лог-II, Октябрьский-III, Усть-Васиха-II, Коврижка-I и II и т.п.

В 1991 г. на памятнике Корначак-II сотрудниками АлтГУ был заложен раскоп площадью 20 кв. м, выявивший однослойное неолитическое поселение с мощным культурным слоем. По скоплению угля в очаге была получена радиоуглеродная дата 7340±175 лет (5390±175 л. до н.э.) (СОАН-2990).

В 1991 г. на поселении Усть-Васиха-II исследовано 87 кв. м площади. В результате получена коллекция каменных артефактов (500 экз.). Керамический комплекс неолита поселения Усть-Васиха-II представлен 150 обломками (не менее чем от 19 сосудов). Несмотря на разнообразие орнаментации, можно отметить некоторые общие моменты. Поверхность всех фрагментов неолитической керамики сильно разрушена (химическое выветривание). В тесте прослеживается примесь травы, оставляющая при выгорании во время обжига характерные следы. При орнаментации керамики использовались различные орнаментиры. Посуда декорирована оттисками гребенчатой и гладкой качалки, прочерченными тонкими линиями, неровными семечкообразными ямками, коротким гребенчатым штампом. Сходные приемы орнаментации, элементы декора и композиции также прослеживаются в неолитических культурах Зауралья и Западной Сибири.

По форме сосуды подразделяются на слабопрофилированные горшки, плоскодонные банки и, видимо, сосуды с приостренным и округлым дном.

Наиболее близкие аналогичные неолитические комплексы для поселений Корначак-II и Усть-Васиха-II находятся в долине Ини в Новосибирской области. Исследователи, анализировавшие эти неолитические материалы, отметили, что они отличаются от памятников Барабинской лесостепи и Верхней Оби. Тем не менее определенное сходство корначакских коллекций с поселенческими комплексами неолита и энеолита Алтая и сопредельных территорий прослеживается. Видимо, в сложении традиций изготовления корначакской керамики участвовало несколько групп. Более сильное взаимодействие населения, оставившего памятники в Причумышье, с коллективами, проживавшими в период неолита в долине Ини, было связано с тем, что рассматриваемый регион частично изолирован с востока, юга и запада и имеет хороший «выход» по долине Чумыша и в северном направлении, откуда и приходили носители фиксируемых традиций. Керамика неолита южных и западных районов значительно отличается от корначакской. Сделанные выводы носят предварительный характер, так как найденные керамические коллекции немногочисленны.

Каменная индустрия имеет выразительный микропластинчатый призматический характер. Особенностью изученного комплекса является его двухкомпонентность (рис. 1.62–1.64). Часть изделий изготовлена из традиционных поделочных пород каменного века: кремня, порфира, кварцитовидного сливного песчаника, халцедона, горного хрусталя, яшмовидных минералов. Другая часть представлена алевролитовыми ядрищами и соответствующими им сколами. Использование породы, слабо отвечающей требованиям камнеобработки, связано с отсутствием пригодного для расщепления сырья в рассматриваемом регионе. Для успешного расщепления алевролита применялись приемы, напоминающие архаичную среднепалеолитиче-

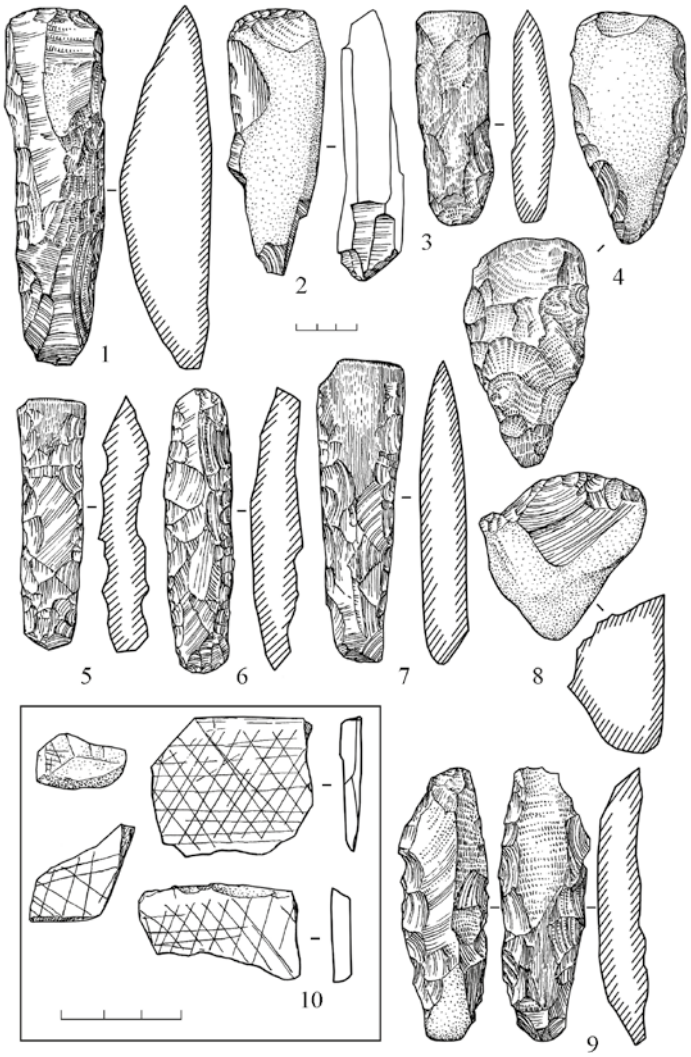

Рис. 1.62. Каменные изделия с памятников и местонахождений Верхнего Причумышья. Ранний культурный слой Кытмановского могильника (1, 3); стоянка Усть-Васиха-II (2, 4, 8, 9); сборы в окрестностях с. Победы (5–7); Корначак-II (10): *1, 3, 5, 7* – каменные топоры-бифасы с подшлифовкой рабочей кромки; *2, 4, 6, 9* – долота-бифасы; *8* – галечное скребловидное орудие; *10* – песчаниковые плитки с граффити

скую технику расщепления камня. Усматривать в этом какие-либо древние традиции было бы ошибкой. Другие приемы расщепления для подобной рыхлой и мягкой породы неприменимы. Из-за наличия двух столь различных техник обработки камня создается ложное впечатление неоднородности индустриального ансамбля.

Основой «традиционной» техники расщепления являются призматические и конусовидные нуклеусы (рис. 1.63). Представлены также отходы их утилизации: реберчатые сколы, снятия площадок, сколы-подправки фронта снятия. Нехватка качественного сырья вынуждала людей использовать для трудовых операций даже эту категорию инвентаря. Все сколы обновления имеют дополнительную (вторичную) обработку.

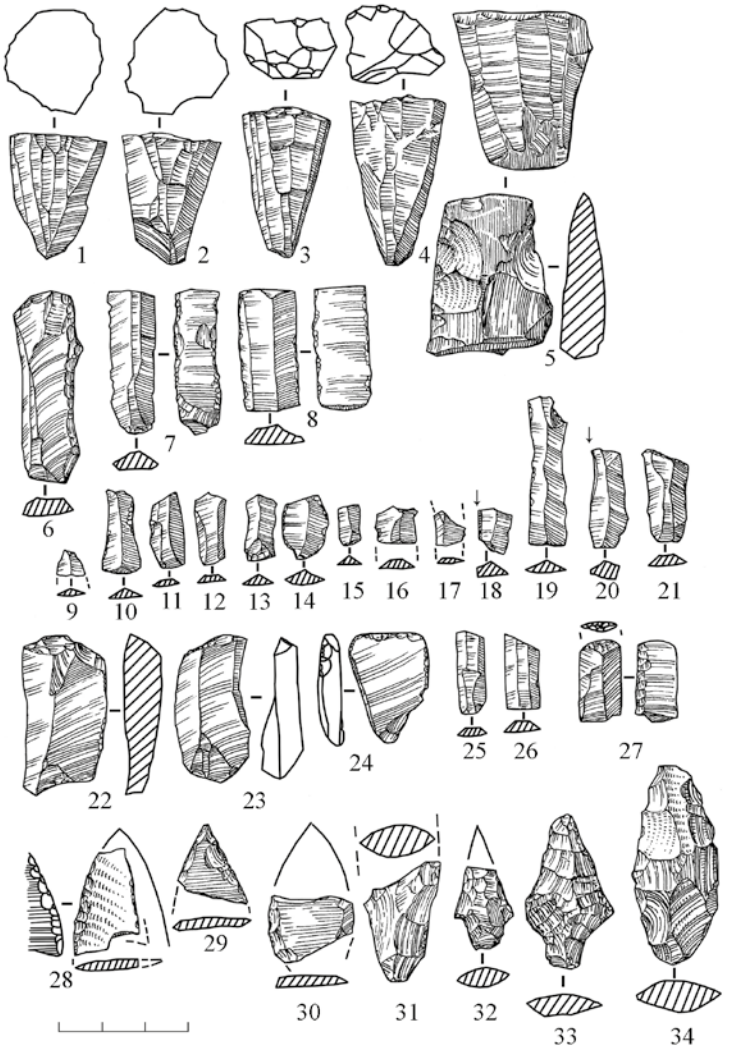

Рис. 1.63. Каменные изделия из неолитических стоянок Верхнего Причумышья. Стоянка Усть-Васиха-II (1–3, 5–32, 34); ранний культурный слой Кытмановского могильника (4); стоянка Корначак-II (33): *1–4* – призматические нуклеусы; *5* – долото с подшлифовкой, изготовленное из призматического нуклеуса; *6–21, 25, 26* – призматические пластины; *22–24, 27* – концевые скребки; *28–34* – наконечники стрел

Наиболее ярко это выразилось в оформлении небольшого тесла с подшлифовкой из призматического нуклеуса (рис. 1.63). Размеры изделия позволяют предположить то, что нуклеус до конца сработан не был. Возможно, получившаяся в процессе расщепления форма артефакта надоумила мастера камнеобработки превратить его в тесло.

Призматические пластины предельно утилизованы и изношены (вплоть до завальцованности кромок). Не употреблялись в работе только мельчайшие отщепы и чешуйки, составляющие до 20% всех находок.

«Алевролитовое» расщепление принципиально иное. Наиболее крупный нуклеус является десятикилограммовой плитой, с которой сбивались крупные заготовки, а возможно, и преформы для дальнейшего мелкого расщепления. Иногда мастерство «алевролитообработчиков» позволяло им скалывать пластиноподобные предметы средних и мелких размеров. К сожалению, соответствующих нуклеусов не встречено. Часть заготовок скалывалась с плоскостных «псевдолеваллуазских» нуклеусов. Они имеют остатки ударных площадок, иногда фасетированных. Форма предметов вызывает явные «леваллуазские» ассоциации. Не чужд был древним «корначакцам» и долечный способ расщепления алевролита («псевдоцитрон»). Интересно то, что долечная техника применялась и для раскалывания небольших кремнистых галек с бичевника Чумыша. Судя по специфике некоторых сколов, для алевролитового расщепления применялась также техника раскалывания радиальных нуклеусов. Непрочность исходного материала приводила к разрушению остаточных ядрищ, что не позволяет достаточно подробно охарактеризовать это интереснейшее явление каменного века.

Раскалывание осуществлялось с помощью удлиненных галек, несущих следы многочисленных ударов. Вероятно, для получения призматической пластины применялись роговые и костяные инструменты, однако кость в неолитическом слое практически не сохраняется, поэтому указанные предметы не зафиксировались. Отдельную категорию представляют орудия из целых галек и каменных природных обломков. Подработка их минимальна, часть превращена в рубящие орудия, часть является терочниками и абразивами.

Вторичная обработка достаточно разнообразна. Наиболее архаичные традиции, как понятно из ранее сказанного, фиксируются на алевролитовых изделиях. Это уни- и бифасиальное оформление, фасетирование ударных площадок, поперечная вертикальная оббивка сколов и т.д. Некоторые из этих разновидностей обработки перенесены и на «традиционные» породы камня. Прежде всего, это оббивка. Этим способом обработки, судя по снятиям и поверхности шлифованных тесл (рис. 1.62), подправлялись изношенные кромки орудий. Мелкая оббивка, приближающаяся по размерам фасеток к крупной формообразующей ретуши, применялась для «чернового» оформления орудий и подправки нуклеусов. Ретушь представлена практически всеми разновидностями: приостряющая и притупливающая, прерывистая и чередующаяся, разнофасеточная прерывистая и регулярная. В целом, это характерно для неолитической индустрии.

Как уже было отмечено в начале главы, на Алтае период неолита – время наивысшего расцвета камнеобработки. Это справедливо и для корначакской индустрии. Особо следует отметить мастерскую обработку очень различных по своим «технологическим» параметрам пород: от горного хрусталя до алевролита и песчаника. Новым для каменного века является широкое применение техники шлифования камня. Шлифовка осуществлялась с помощью цельных абразивов

и, возможно, путем воздействия абразивного порошка (песок, толченый песчаник). Фиксируется грубая и «вторичная» чистовая шлифовка. Полированные изделия не встречены, но имеются сколы, сбитые при их обновлении, очень мелких размеров.

Если исключить из типологического реестра «алевролитовый компонент», станет очевидным, что основой индустрии корначакского неолита Усть-Васихи-II является мелкая и средняя призматическая пластина. Это характерная черта неолита Горного Алтая и Западной Сибири. Выделяются изделия с односторонне ретушированными краями, боковые резцы, резчики, вкладыши с притупленным торцом и притупляющей ретушью по одному краю и т.д. (рис. 1.63). Все пластины без обработки носят следы утилизации и фрагментирования. На пластинах изготовлены выразительные концевые скребки. Встречены боковые резцы на отщепах, выемчатые и «прямые» скобели, ножи-бифасы. Часть отщепов ретушировалась и использовалась как разовые орудия. Весьма выразительной частью коллекции являются рубящие инструменты, чопперовидное орудие из кремневой гальки, тесло-бифас из гальки кремнистого сланца, уже охарактеризованный предмет из кремневого нуклеуса, своеобразное орудие (бифас из уплощенной гальки) и обломок крупного изделия с подшлифовкой (рис. 1.62). Предпоследнее орудие является оригинальным, так как его края не заострены, хотя зашлифованы. Не исключено, что основным его назначением являлась не рубка и тесание дерева, а раскалывание (заостренным концом) деревянных чурок.

Алевролитовые сколы, за исключением двух резцов, использовались для разовых режущих и скребущих операций. Единично представлены найденные в разных местах и на разных памятниках широкие кремневые ножи-бифасы, утяжелители рыболовных крючков (рис. 1.64). На поселении Корначак-II в культурном слое зафиксированы обломки плиток песчаника с прочерченным орнаментом – «сеточкой» (рис. 1.62).

По-видимому, наиболее специфической чертой поселенческих комплексов неолита Причумышья являются своеобразные наконечники стрел. В Горном и Лесостепном Алтае для периода неолита характерны наконечники стрел с прямой и выемчатой основой. В Причумышье встречаются наконечники с черешками и овальным насадом (рис. 1.63). Традиционная краевая обработка наконечников обычна для культур Алтая. Она свидетельствует об определенных связях характеризуемой индустрии с горными и лесостепными культурами.

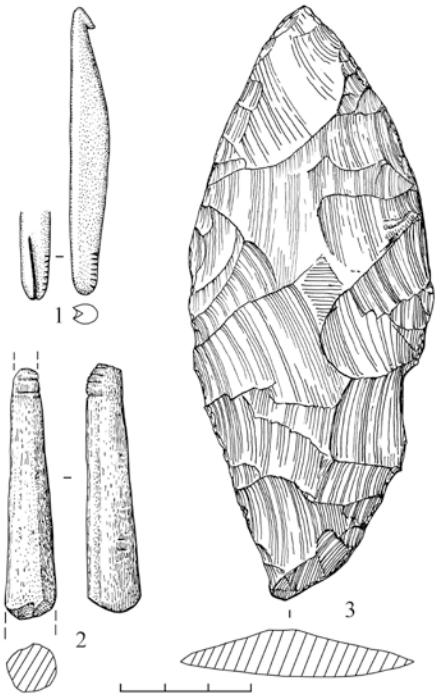

Рис. 1.64. Каменные изделия из неолитических стоянок Верхнего Причумышья. Сборы на отмелях около сел Победа (1) и Локоть (3); ранний культурный слой Кытмановского могильника (2): *1, 2* – утяжелители составных рыболовных крючков; *3* – нож-бифас

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ АЛТАЯ ПЕРИОДА НЕОЛИТА

Большое количество самой разнообразной информации о повседневной жизни, материальной и духовной культуре, внешнем облике, антропологическом типе и даже о занятиях неолитического населения получено в результате раскопок грунтовых могильников. К сожалению, таких памятников на территории Горного и Лесостепного Алтая раскопано тоже немного и крайне неравномерно.

У исследователей не вызывает сомнения отнесение к неолиту четырех некрополей на территории Лесостепного Алтая и нескольких одиночных погребений. Относительно крупные могильники – Фирсово-XI (8 погребений), Усть-Иша (11 погребений) и Солонцы-5 (9 погребений). В последние несколько лет проводятся раскопки могильника Чумыш-Перекат в верховьях Чумыша. Как уже было отмечено, на этом памятнике в 2014–2016 гг. исследованы 12 погребений периода неолита, о чем свидетельствуют не только находки, но и полученные радиоуглеродные даты.

К настоящему моменту материалы двух могильников введены в научный оборот в полном объеме – Усть-Иша (рис. 1.65) и Солонцы-5. На этих памятниках исследователи могут опираться на целый комплекс данных, характеризующих различные стороны погребального обряда неолитического населения.

Нет никаких сомнений, что выбор места для организации могильника был связан с религиозными представлениями населения того времени. Огромное значение для реконструкции верований имеет точная фиксация ориентации погребений относительно сторон света и природных объектов. В расположении неолитических могильников Алтая (кроме погребения в пещере Каминной) прослеживается общая черта. Они все устроены вблизи рек либо находятся на берегах

Рис. 1.65. Расположение неолитического могильника Усть-Иша в долине нижнего течения Катуни

пересохших проток и стариц. В ориентации погребенных людей также имеется общая тенденция. Умершие лежали головой на север или северо-восток либо вниз по течению реки. Случаи, когда погребенный человек лежал по-другому, объясняются тем, что сравнительно недалеко от сакрального пространства могильника находится место слияния двух рек и ориентация совпадает с течением более крупной водной артерии. Подобная тенденция носит явно неслучайный характер. Все основные реки Сибири текут на север. Согласно этнографическим данным, в представлении коренного населения Сибири север – это страна, где полгода длится ночь, это холодное место, куда уходят души умерших.

Огромное значение имеет взаимное расположение погребений на сакральном пространстве могильника. На памятнике Усть-Иша выделяются участки, на которых хоронили мужчин (рис. 1.66), и участки, где хоронили женщин. Найденное погребение мальчика оказалось помещено обособленно между этими двумя группами. Такая ситуация может свидетельствовать о том, что мужчины и женщины принадлежат к разным родам. Подобные традиции у народов Сибири также широко описаны в этнографической литературе.

Иногда даже сохранность находок способна дать важную информацию о религиозных представлениях неолитического населения Алтая. При анализе каменных изделий могильника Усть-Иша бросается в глаза то, что у многих наконечников стрел, копий, дротиков и ножей обломаны кончики (рис. 1.67), а также сломаны костяные вкладышевые кинжалы (рис. 1.68). Согласно этнографическим данным, в представлении коренного населения Сибири, чтобы вещь, положенная в погребение, попала вслед за умершим человеком в иной мир, ее надо было «убить» (сломать или надломить).

Источниками для реконструкций археологам служит информация о погребениях людей, обнаруженных находках и расположении предметов в могилах. Человеческие скелеты позволяют определить пол, возраст и антропологический тип умершего.

Сопроводительный инвентарь мужских и женских погребений имел существенные различия. Женские погребения бедны и безынвентарны. В погребениях мужчин, как правило, найдены промысловые инструменты, среди которых чаще всего встречается охотничье

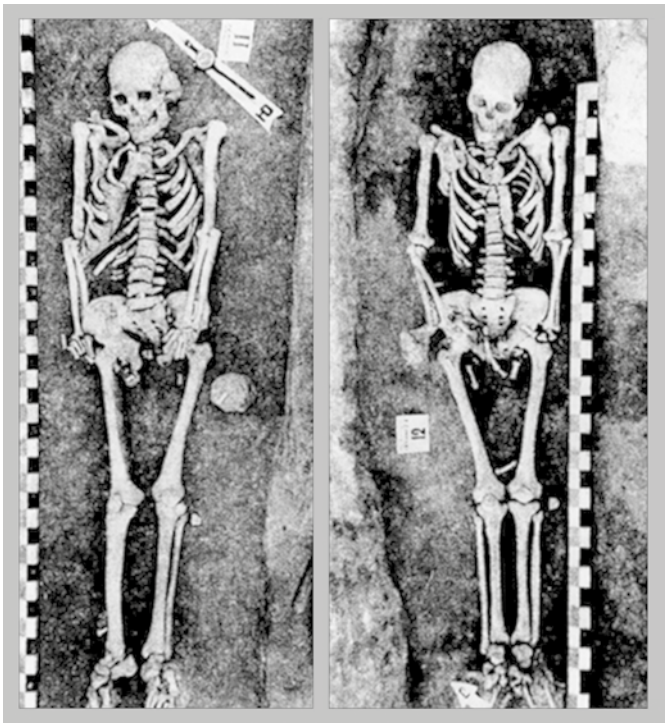

Рис. 1.66. Мужские погребения могильника Усть-Иша (по: [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. 40])

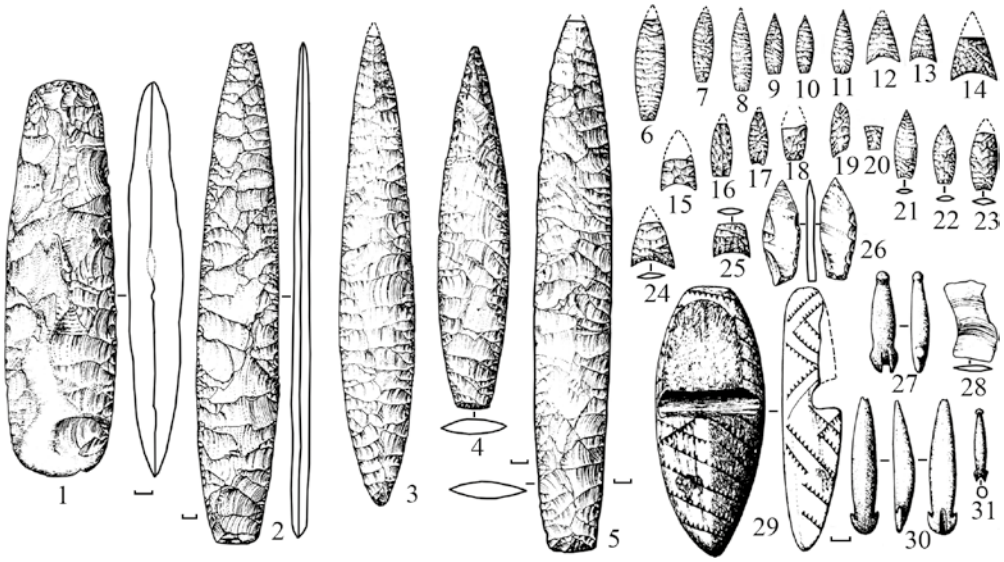

Рис. 1.67. Каменные изделия неолитического времени из могильника Усть-Иша
(по: [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. 20, 21, 25])

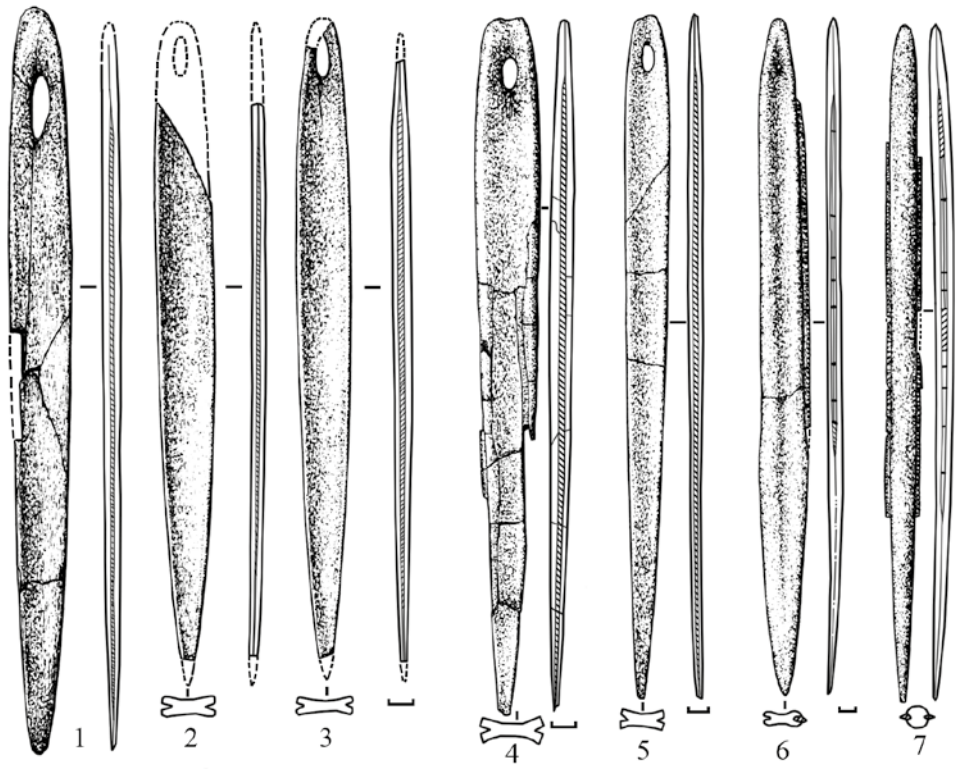

Рис. 1.68. Костяные вкладышевые кинжалы из неолитического могильника Усть-Иша
(по: [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. 22–23])

и боевое оружие. Как считают исследователи, судя по сопроводительному инвентарю, мальчик считался охотником с самого раннего возраста, пусть даже в сакральном значении. В погребении самого старшего мужчины (в возрасте 50–60 лет) встречен нестандартный сопроводительный инвентарь. Кроме вкладышевого кинжала, в погребении найдены стерженьки рыболовных крючков, утюжок (рис. 1.67) и наконечник гарпуна. Обнаруженный инвентарь свидетельствует о занятии человека рыболовством и промыслами, не требующими длительных передвижений. Видимо, в силу возраста человеку трудно было заниматься охотой. Как свидетельствуют находки, этот мужчина занимал особое место среди соплеменников. Анализ находок из погребений могильника Усть-Иша позволяет сделать вывод о существовании в обществе разделения труда, пусть даже в начальной стадии.

К сожалению, одежда и предметы сопроводительного инвентаря, выполненные из органических материалов, не сохраняются в погребениях периода неолита. Однако прекрасно сохранились украшения из кости, рога, камня и перламутра (рис. 1.69). Проанализировав их расположение в погребениях и сопоставив с орудийным комплексом, исследователи выполнили реконструкцию одежды, длинных луков и колчанов со стрелами (рис. 1.70). Богатое украшение мужской одежды совпадает с представлениями о мужской душе «суп». На теле выделялись четыре области (голова, грудь, пояс, ноги), где обитала душа. Украшения выступали как обереги души. Одежда состояла из штанов, короткой куртки и головного убора, похожего на эвенкийский или корякский капор. Куртка запахивалась на левую сторону, а верхняя пола орнаментировалась.

Как считают исследователи, охотники, похороненные на могильнике Усть-Иша, использовали луки в рост человека – до 160 см (рис. 1.70). Для стрельбы из таких луков применялись соответствующие стрелы длиной до 80–100 см. При этом длина колчана для таких стрел, чтобы не мялось оперение, могла достигать 65–75 см.

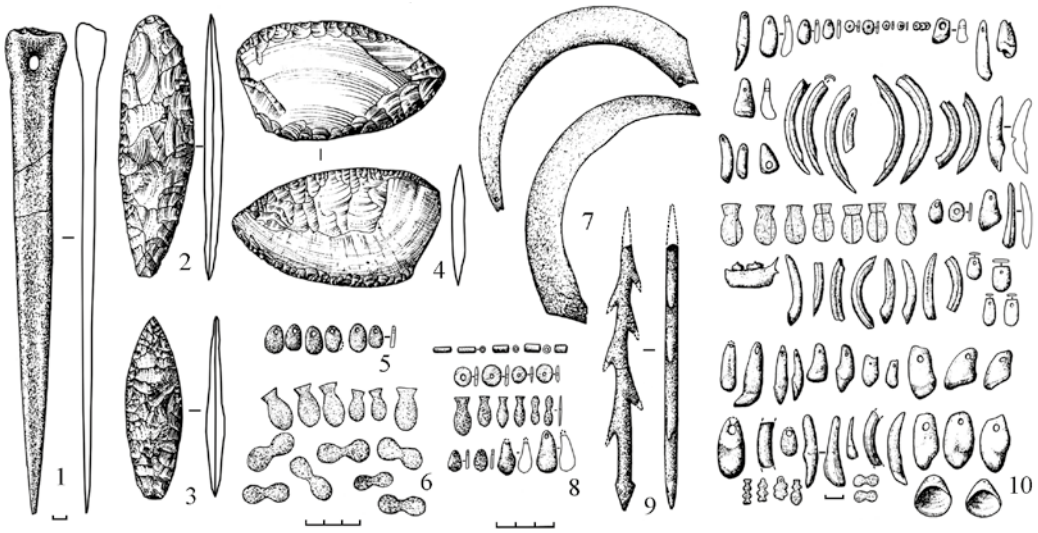

Рис. 1.69. Каменные и костяные изделия, украшения из перламутра, кости, раковин моллюсков и зубов животных неолитического времени из могильника Усть-Иша (по: [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. 15, 24, 26])

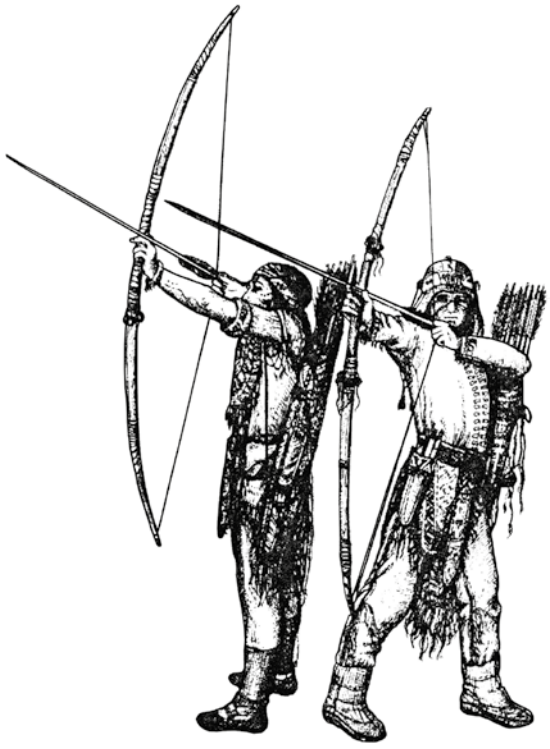

Рис. 1.70. Реконструкция охотничьего снаряжения (по материалам могильника Усть-Иша: [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, рис. II])

Вопрос о хронологии, периодизации и культурной принадлежности ранних могильников Алтая вызывает дискуссии, которые возобновляются по мере появления новых материалов или результатов радиоуглеродного датирования. Сложившаяся ситуация связана с целым комплексом причин, которые имеют как объективный (слабая изученность огромных территорий и как следствие недостаточное количество фактического материала; небольшое количество радиоуглеродных дат и т.д.), так и субъективный характер (различные подходы к определениям терминов *неолит, энеолит, ранний металл, археологическая культура* и т.д.).

Одна из наиболее серьезных проблем, стоящая перед исследователями, заключается в том, что в ранних погребениях отсутствует такой важный этнокультурный индикатор, как керамика. Из-за этого пока сложно или даже невозможно соотнести погребальные комплексы с поселенческими.

В научной литературе высказывались предположения, что для древнейших захоронений Верхнего Приобья характерны традиционность и консервативность, что привело к идентичности погребений неолита и энеолита. Подобное предположение не лишено оснований, и похоже, что вопросы культурной принадлежности погребальных памятников Алтая периода неолита пока далеки от разрешения.

Вполне возможно, что наши представления о неолите Алтая могут существенно поменяться в ближайшее десятилетие. Широкое распространение методов палеогенетического исследования костных остатков уже принесло сенсационные результаты. Судя по определениям специалистов-антропологов, неолитическое население Алтая было метисным, у людей присутствовали черты и монголоидов, и европеоидов. По территории нашей страны и современного Казахстана проходит граница между европеоидами и монголоидами. Поэтому выводы о метисном населении вполне соответствуют существующим представлениям о формировании современных народов, народностей и различных этнических групп. Вполне возможно, что в период неолита на Алтае проживали люди, принадлежавшие к своеобразной проторасе, изначально содержавшей гены, которые присущи современным антропологическим группам европейцев и монголоидов. Этим и другим научным проблемам ученые уже ищут решения, и представленная история будет существенно дополнена.

ХОЗЯЙСТВО НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

К сожалению, в распоряжении ученых слишком мало объективных данных для реконструкции форм хозяйственной деятельности и системы жизнеобеспечения неолитического населения Алтая. Убедительные данные получены только по материалам поселений Тыткескень-II и Тыткескень-VI, а также могильника Усть-Иша. На всех остальных территориях можно строить разные предположения на основании аналогий с синхронными памятниками других культурно-исторических областей. В археологической литературе традиционно считается, что в неолите население Западной Сибири занималось рыболовством, охотой и собирательством. Судя по материалам могильника Усть-Иша, неолитическое население, проживающее в северных предгорьях Алтая, действительно занималось охотой и рыболовством. Об этом свидетельствует сопроводительный инвентарь погребений. Эти выводы совпадают с этнографическими данными, свидетельствующими, что в начале XX в. коренное население северных предгорий Алтая вело комплексное хозяйство. Большую роль в нем играли различные виды активной и пассивной охоты и рыболовства.

Неолитическое население Верхнего Приобья не могло не использовать биоресурсы Оби. В пользу подобного предположения свидетельствуют памятники в пойме этой крупной реки, около проток, стариц или пойменных озер. Отдельные находки позволяют реконструировать некоторые формы хозяйственной деятельности населения Барнаульского Приобья. Например, на памятнике Фирсово-XI была обнаружена каменная пешня (рис. 1.71). Это орудие для пробивания лунок во льду, которое однозначно свидетельствует о зимней рыбалке древнейшего населения. Скорее всего, это свидетельство «запорного» рыболовства. Запорное рыболовство основано на использовании различных загородей – «запоров», которые строились на небольших реках. В таком «запоре» оставляли проход, который перекрывали различными сетками или мордушками. Очень часто подобные сооружения делали на протоках в пойме Оби, соединяющих пойменные озера с рекой. Часто «запоры» ставились после половодья, когда рыба заходила в озера и созданные сооружения не позволяли рыбе уйти обратно вместе с отступающей водой. Согласно этнографическим данным, рыба, попавшая в подобные «садки», набирала вес до поздней осени, и ее массовый вылов начинался глубокой осенью после того, как водоемы покрывались льдом. Тогда рыбу вылавливали, потрошили и сушили, как сушат белье на морозе. Лишняя влага уходила под влиянием холода и ветра. Рыбу могли хранить в специальных ямах, перекладывая льдом и ветками деревьев. В таких ямах, как в морозильниках, рыба без особых проблем могла храниться в течение года. Подобные формы хозяйственной деятельности существовали у населения Верхнего Приобья с неолита и вплоть до этнографического времени.

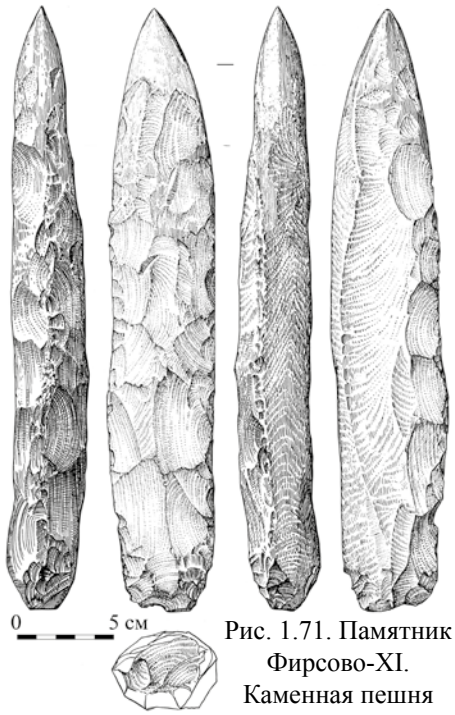

Рис. 1.71. Памятник Фирсово-XI. Каменная пешня

Основу хозяйства неолитического населения Горного Алтая, судя по находкам, сделанным на поселениях Тыткескень-II и Тыткескень-VI, составляла охота на копытных животных. Объектом охоты являлись представители среднегорья (косуля, кабарга, благородный олень) и высокогорья (сибирский горный козел, муфлон, горный баран). В этнографической литературе описываются два основных способа охоты, существовавших у населения Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. Один из видов – это индивидуальная охота с привлечением собаки на пушных и копытных животных, при помощи капканов, петель, самострелов, лука и огнестрельного оружия. Другой способ – это коллективная охота на копытных животных. Подобный способ охоты был распространен и в Горном Алтае, и на Урале. Это связано с сезонными миграциями животных в горных районах с одного склона на другой. На путях миграций люди ставили загороди, устраивали завалы до 5–10 км в длину. В загородках оставляли проходы, в которых ставили петли, самострелы или вырывали ямы. Загородки являлись коллективной собственностью села. Все жители участвовали в ремонте этих изгородей, и все получали свою долю мяса от добычи. По долине р. Тыткескень проходят тропы, по которым мигрируют косули и кабарга. Именно эти животные были основным объектом охоты неолитического населения. Видимо, наличие миграционных троп стало одним из факторов, привлекавших неолитическое население в долину Тыткескеня.

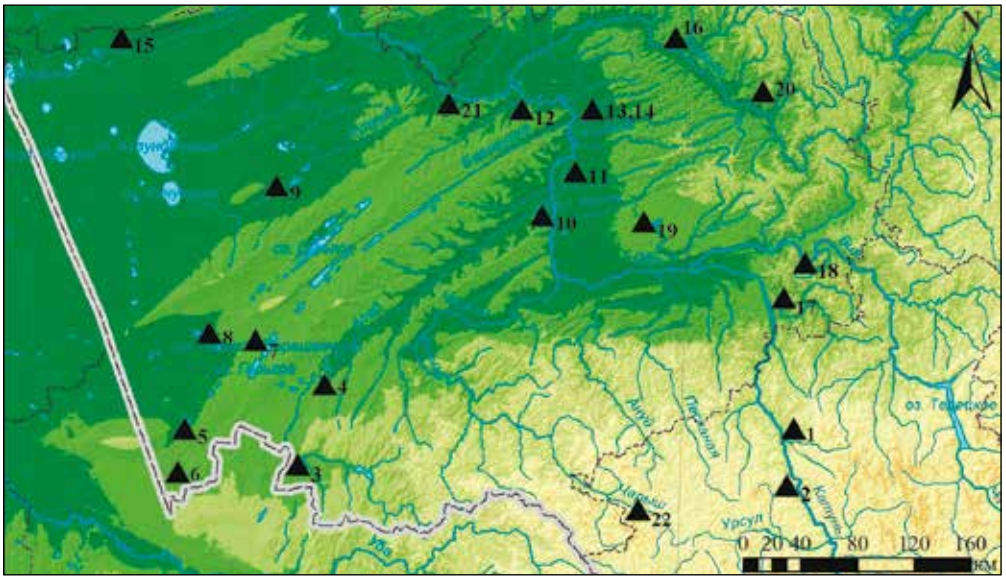

Рис. 1.72. Расположение основных неолитических памятников на карте-схеме: *1* – поселение в устье Куюма; *2* – поселение Тыткескень-VI; *3*– комплекс памятников у оз. Новенькое; *4* – Рубцовское; *5* – комплекс памятников у сел Павловка и Алексеевка; *6* – поселение Беленькое-1; *7* – комплекс памятников на Перешеечном озере; *8* – комплекс памятников на Белом и на Валовом озерах; *9* – комплекс памятников на оз. Круглом, Кривом и Пестряковом; *10* – грунтовый могильник Усть-Алейка-5; *11* – поселение Бойниха; *12* – поселение и грунтовый могильник Чудацкая Гора; *13* – грунтовый могильник Фирсово-XI; *14* – грунтовый могильник Фирсово-XIV; *15* – поселения Новоильинка-III и Новоильинка-VI; *16* – грунтовый могильник Чумыш-Перекат; *17* – грунтовый могильник Усть-Иша; *18* – грунтовый могильник Солонцы-5; *19* – грунтовый могильник Большой Мыс; *20* – комплекс памятников у с. Победа; *21* – поселение Киприно; *22* – погребение в пещере Каминная

На поселении Тыткескень-VI были отобраны образцы грунта для проведения почвенных исследований. В образцах развитого неолита нет явных признаков пожарищ, часто встречаемых в культурных слоях поселений. Это значит, что жилища не горели и люди покидали их добровольно в силу изменения ресурсной или природно-климатической базы. Видимо, в условиях присваивающего хозяйства обеспечить получение постоянного достаточного продукта в какие-то периоды было невозможно, что вынуждало людей покидать место проживания.

При исследовании стоянки позднего неолита Мелкое-II на территории Новосибирской области в раскопе были обнаружены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Эти находки позволили исследователям сделать вывод о комплексном характере хозяйства древних кулундинцев, совмещавшим зачаточное скотоводство с рыболовством, охотой и собирательством. Исследования последнего десятилетия зафиксировали наличие костей лошади в слоях IV тыс. до н.э. поселений Тыткескень-II, Тыткескень-VI и Новоильинка-III. На начальном этапе животноводства лошадь использовалась преимущественно для получения мяса. Видимо, животных содержали в загоне с минимальным приручением.

Вопрос о месте и времени приручения и одомашнивания лошади в настоящее время является предметом дискуссий. Начавшиеся исследования ДНК и изотопный анализ костей лошадей с поселений Тыткескень-II, Тыткескень-VI и Новоильинка-III позволяют надеяться на получение новых объективных данных, проливающих свет на наиболее ранние этапы становления животноводства на территории Алтая.

Подводя итог, нужно отметить, что не все археологические памятники Алтая периода неолита были представлены при изложении данной главы. Часть из них отмечена на карте-схеме (рис. 1.72). Имеются и другие.

Стоит надеяться, что дальнейшие археологические исследования и современные естественнонаучные методы позволят более содержательно наполнить сведениями важнейший период в истории нашего региона.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, А.Л. Кунгуров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты археологических исследований разных лет, отраженные в первом разделе, позволяют продемонстрировать сотни стоянок, местонахождений, некрополей, мастерских и каменоломен разных периодов каменного века. При работе с материалами, полученными в ходе раскопок, и с данными естественнонаучных анализов были разработаны схемы периодизации изученных памятников, апробированы методы и методики реконструкции культурных, социально-экономических и других процессов. Научные идеи и концепции опубликованы в виде многочисленных статей и монографий.

В качестве итога кратко можно отметить следующее. На протяжении тысячелетий от раннего палеолита до финального неолита на Алтае сменилось множество культур, часть из которых еще не выявлена. При этом археологи документировали такие важнейшие этапы первобытной истории, как появление в нашем регионе архантропов, распространение в среднем палеолите культур неандертальцев и денисовцев, предпосылки и этапы становления человека современного физического типа.

Достаточно полно реконструируется 40-тысячелетняя история верхнего палеолита от его начала до завершения. Тем не менее на Алтае имеется еще ряд

перспективных для исследований регионов и памятников, в том числе мастерских, каменоломен, многослойных и однослойных стоянок, пещер и мест разделки добычи. Важным является и сплошное обследование территории на предмет фиксации комплексов эпохи камня и дальнейшего изучения.

В настоящее время основные исследования древнейших периодов истории Алтая осуществляют археологи Института археологии и этнографии СО РАН под руководством директора доктора исторических наук, член-корреспондента РАН М.В. Шунькова и научного руководителя доктора исторических наук, академика РАН А.П. Деревянко. Базовыми регионами для систематических раскопок являются долина верхнего течения Ануя в Солонешенском районе Алтайского края (Денисова пещера, Карама, Ануй-1–3, Усть-Каракол и др.), долина р. Чарыш (Чагырская пещера) и отроги Тигирекского хребта (пещера Страшная) в Краснощековском районе Алтайского края. Внимание ученых именно к пещерным стоянкам объясняется исключительно хорошей сохранностью органических остатков (кости животных, спорово-пыльцевые и палеокарпологические материалы), уникальными антропологическими находками и относительно слабым антропогенным и природным нарушением целостности культурных слоев. Все исследования носят исключительно комплексный характер. К осуществлению анализа материалов привлекаются специалисты самых разных научных направлений – от палеонтологов и геологов до физиков и химиков. Проводятся палеогенетические исследования в передовых исследовательских центрах мира. Осуществленная работа создает основу для углубления и расширения комплекса объективных знаний о ранних этапах освоения человеком Алтая.

В период мезолита (после таяния последнего четвертичного ледника) на Алтае происходил процесс интенсивной адаптации людей к изменившимся природно-климатическим условиям. Исследователи отметили не только распространение новых типов охотничьего инвентаря, основанного на вкладышевой технике расщепления и оснащения орудий, но и появление нового типа добывания биологических ресурсов – рыболовство. Также обычной находкой стали каменные наконечники стрел, свидетельствующие о широком распространении охоты с луком. Кроме этого, отмечено появление мезолитических стоянок на территории Лесостепного Алтая, которая ранее не была освоена человеком из-за отсутствия там выходов камня, пригодного для обработки.

Следующий период (неолит) представлен как многочисленными поселениями и местонахождениями, так и редкими некрополями, а также одиночными захоронениями. В то время распространились совершенно новые типы изделий – керамическая посуда и шлифованные орудия труда (топоры, тесла, долота), а также разнообразные предметы с резным орнаментом. Человеческие коллективы того времени не только освоили все возможные биологические и минеральные ресурсы региона, но и разработали эффективные обменные пути получения качественного кремня, кварцитовидного сливного песчаника, поделочного камня и т.п.

И мезолит, и неолит требуют более тщательного дальнейшего изучения. Это касается анализа орнаментальных композиций на керамике и камне, реконструкции погребального обряда и антропологических особенностей умерших людей, поиска и раскопок новых объектов, которые создадут возможности для реализации научно-исследовательской программы на современном уровне.

А.Л. Кунгуров

РАЗДЕЛ II
ДРЕВНЯЯ ЭПОХА
(эпоха палеометалла)

ВВЕДЕНИЕ

В данном разделе представлены зафиксированные культуры народов, которые проживали на территории Лесостепного и Горного Алтая в разные периоды древней эпохи. Он начинается с характеристики энеолита или халколита (меднокаменного века), а затем последовательно отражает информацию о ранней, развитой и поздней бронзе. Завершает презентацию динамичной эпохи палеометалла ранний железный век. Указанные культурно-хронологические отрезки отличаются продолжительностью и содержанием. Все они наполнены конкретными археологическими материалами. За исключением одного. До сих пор в Горном Алтае не зафиксированы памятники, которые относятся к развитой бронзе. Данной ситуации пока нет хорошо аргументированных объяснений. Но исследования продолжаются, и такая загадка может быть разрешена.

Древняя эпоха для рассматриваемой территории определяется такими хронологическими рамками: 2-я половина IV тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э. Она условно делится на три больших периода, которые соотносятся с археологическими обозначениями развития человечества, что найдет отражение в излагаемых материалах.

Важным для детального изучения является энеолит – переходный период между неолитом и ранней бронзой. В самом его начале люди научились из самородной меди, обрабатываемой холодной, а позднее и горячей ковкой, изготавливать небольшие шилья, ножи и другие предметы. При этом основной арсенал орудий был сделан по-прежнему из камней. В конце энеолита человек освоил способ выплавки меди из руды и стал разливать расплавленный металл в специально подготовленные формы для производства необходимых изделий.

Материал с таким разнообразием качеств, поддающийся обработке и способный с точностью воспроизводить почти любой предмет, был раньше неизвестен. Кроме того, использование металла представляло собой практически безотходное производство. Любое орудие из камня рано или поздно приходило в полную негодность. А медный нож можно было затачивать и применять много-много раз. Когда он окончательно изнашивался, остатки пускали в переплавку. Таким образом, после выплавки металла из руды все последующие этапы, такие как производство, использование и переплавка, представляли собой непрерывный процесс.

Выявить начальный этап культуры энеолита очень сложно, так как сломанные или сильно сработанные вещи регулярно переплавлялись. В процессе архео-

логических раскопок поселенческих комплексов чаще всего встречаются мелкие металлические предметы (шилья, ножи, украшения), вероятнее всего, случайно оброненные и потерянные. В погребальных комплексах металлические предметы встречаются чаще. Но это, как правило, небольшие украшения, проволочные крепления или те же самые шилья и ножи. Случайные находки или клады дают нам реальное представление об уровне развития металлургии меди в период энеолита.

Так, например, уникальный клад из трех медных топоров был найден у с. Клепечиха Шипуновского района Алтайского края (рис. 2.1). Эти изделия двух типов: два – клиновидные (рис. 2.2), третий относится к типу топоров-молотов. Такие яркие находки расширяют наши знания о производстве и использовании разных топоров в период энеолита.

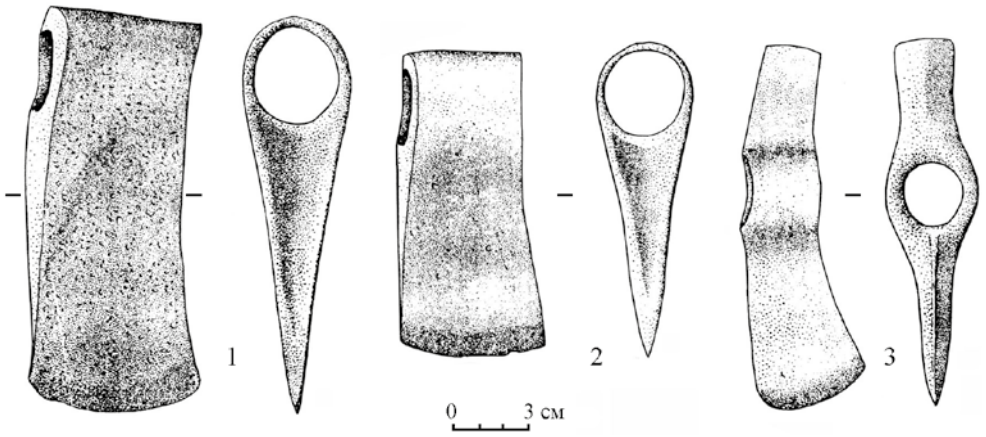

Рис. 2.1. Клад из трех топоров, найденный у с. Клепечиха в Шипуновском районе

В археологическом материале исследователи фиксируют начальные этапы культуры энеолита чаще всего по косвенным признакам. Так с появлением металлических изделий исчезают многие категории каменных орудий.

С возникновением металлургии были связаны не только различные инновации технико-технологического характера, но и произошли перемены в социальной структуре обществ различных природно-экологических зон или областей. Сформировались группы профессиональных металлургов. Начиналось существенное имущественное расслоение. В энеолите на просторах степей Евразии широко распространилось производящее хозяйство в форме продуктивного животноводства. Как считают исследователи, именно в этот период изобретены колесо и рычаг, которые со временем стали составной частью самых разных механизмов. В энеолите широко распространились повозки и колесницы. Фиксируется развитие связей на далекие расстояния и в разных направлениях. До этого люди в основном использовали для передвижений водные пути, а основные реки Евразии текут либо с юга на север, либо с севера на юг. С появлением транспорта сформировались и широтные магистрали (с запада на восток и наоборот). Изобретение рычага сыграло не меньшую роль, чем колесо. Без этого открытия и внедрения невозможно было бы строительство пирамид и храмов.

При изучении различных памятников энеолита Алтая фиксируются использование колеса и рычага, а также многие другие особенности регионального и эпо-

Рис. 2.2. Шипуновский районный краеведческий музей. Медные топоры из клада (по: [Грушин, Тюрина, Хаврин, 2006, цв. вкл. II])

хального плана, которые предстанут в начале первой главы. В ней же будут отражены не менее важные материалы периода ранней бронзы. Среди них наиболее изученной является елунинская культура. Эпоху бронзы и ранний железный век можно считать приоритетными темами исследований, которые осуществляются на территории Горного и Лесостепного Алтая. Всемирно известны афанасьевская, андроновская и пазырыкская общности. Но не меньшим информационным потенциалом обладают другие выявленные культуры, которые и будут представлены во втором разделе тома. Кстати, наибольшее количество исследованных археологических объектов относится к булан-кобинской культуре, которая демонстрирует влияние трех мощных кочевых империй Внутренней Азии, созданных такими исторически известными объединениями, как хунну (сюнну), сяньби (сяньбэй) и жужани.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, К.Ю. Кирюшин

ГЛАВА 1

РАННЯЯ ДРЕВНОСТЬ (энеолит и ранняя бронза)

БОЛЬШЕМЫССКАЯ КУЛЬТУРА

Энеолитические памятники Лесостепного Алтая были открыты около 50 лет назад в результате работ Б.Х. Кадикова (рис. 1.6) в предгорной зоне, но длительное время они оставались неизвестными или без достаточной аргументации относились к неолиту. Сейчас в Барнаульско-Бийском Приобье известно около 50 комплексов, давших энеолитические материалы. Эти памятники объединены в *большемысскую культуру* [Кирюшин, 2002, с. 15–38], названную по могильнику Большой Мыс на оз. Иткуль в Зональном районе Алтайского края и датируемую 2-й половиной IV – серединой III тыс. до н.э. Рядом обнаружены другие памятники (Костенкова Избушка, Коровья Пристань-3 и Комарово-1), на которых в течение ряда лет проводились стационарные археологические работы. Наиболее массовый материал получен на поселении Костенкова Избушка, где вскрытая площадь составила 2412 кв. м. На памятниках Коровья Пристань-3 и Комарово-1 исследовано более 1000 кв. м.

Среди находок на поселении Костенкова Избушка преобладают керамические сосуды с острым или реповидным днищем (рис. 2.3.-*1, 2, 4–8*). Все они тонкостенные, тщательно выделанные. Более толстостенная, круглодонная и с уплощенным дном посуда появилась в позднем энеолите. Видимо, это было связано с постепенным переходом от остродонных к круглодонным, а затем и к плоскодонным керамическим емкостям. В орнаментации преобладала «зубчатая» и «гладкая качалка», «шагающая» (рис. 2.3.-*5, 6*) или «отступающая гребенка». По венчику и шейке иногда наносились резной техникой треугольники (рис. 2.3.-*4*), сетки (рис. 2.3.-*7, 8*), зигзаг. Эти приемы орнаментации часто встречаются на посуде из памятников Горного Алтая афанасьевской общности. В единичных случаях фиксируются сосуды с печатно-гребенчатой орнаментацией, более характерной для энеолита Кулундинской степи. Толстостенные емкости иногда покрыты текстильным орнаментом, рядами «жемчужин» или ямок (реже).

Каменный инвентарь самый разнообразный (рис. 2.4.-*1–4, 25–31*): шлифованные (рис. 2.4.-*30*) и сверленые топоры, многочисленные тесла (рис. 2.4.-*25–29*), ножи (рис. 2.4.-*1*), наконечники дротиков и стрел, долота, скребла, скребки, резцы, отбойники и точильные бруски, стерженьки для рыболовных крючков (рис. 2.4.-*3, 4*), сверла, ножевидные пластины и вкладыши. Особенностью энеолитических памятников Барнаульско-Бийского Приобья являются шлифованные ножи с прямым и вогнутым лезвием (рис. 2.4.-*31*) и комбинированные орудия, представляющие собой сверла-пилки (рис. 2.4.-*2*) и развертки-ножи. Из кости

(рога) сделаны мотыги, долота, гарпуны (рис. 2.4.-*5, 17–19*), наконечники стрел, лощила. Из меди изготовлены клинки составных ножей и небольшие квадратные в сечении шилья. Подобные изделия получили широкое распространение в IV–III тыс. до н.э. в энеолитических культурах Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

Прослеживаются два типа поселений. Летние, вероятно, были с легкими наземными жилищами, которые четко не фиксируются, но их наличие можно предполагать по скоплениям находок. Зимние формировались из жилищ полуземляночного типа небольших размеров. Такой характер поселений, видимо, обусловливался особенностями хозяйства энеолитического населения. Значительную долю в нем составляли животноводство и охота. Преобладающей отраслью могло быть коневодство, а на втором месте – овцеводство. Можно отметить и какие-то начальные этапы разведения крупного рогатого скота.

Коневодство в сочетании с овцеводством было наиболее приемлемым видом хозяйства в тех климатических условиях, которые тогда существовали. Важное значение имела способность лошади добывать себе корм из-под снега. Если судить по костным остаткам, то доля домашних животных составляла всего 27,9%. Тогда как остеологические материалы от дикой фауны насчитывают 72,1%. Причем из них только 34,4% приходится на кости крупных мясных животных (лось, зубр, кабан, благородный олень, косуля и медведь), а 37,7% – мелких пушных зверей (барсук, лиса, бобр, сурок и заяц). Подсобную роль играло рыболовство, причем, скорее всего, крючковое и гарпунное. Совершенно нет ни каменных, ни керамических грузил. Такой тип хозяйства требовал определенных условий, главным из которых становилось наличие пастбищ в летнее и зимнее время и хороших водопоев с пресной водой в теплый период времени.

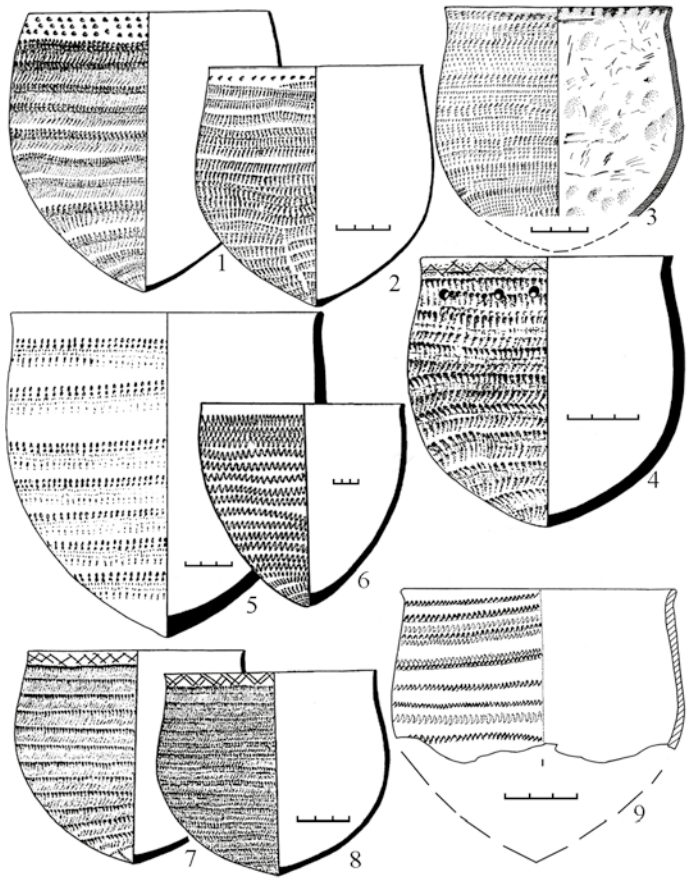

Рис. 2.3. Керамические сосуды большемысской культуры: *1, 2, 4–8* – поселение Костенкова Избушка; *3* – грунтовый могильник Тузовские Бугры-1, заполнение могилы №7; *9* – поселение Тыткескень-2, 3-й культурный горизонт

В энеолите происходил своеобразный демографический взрыв. Интенсивно заселялись степные и лесостепные

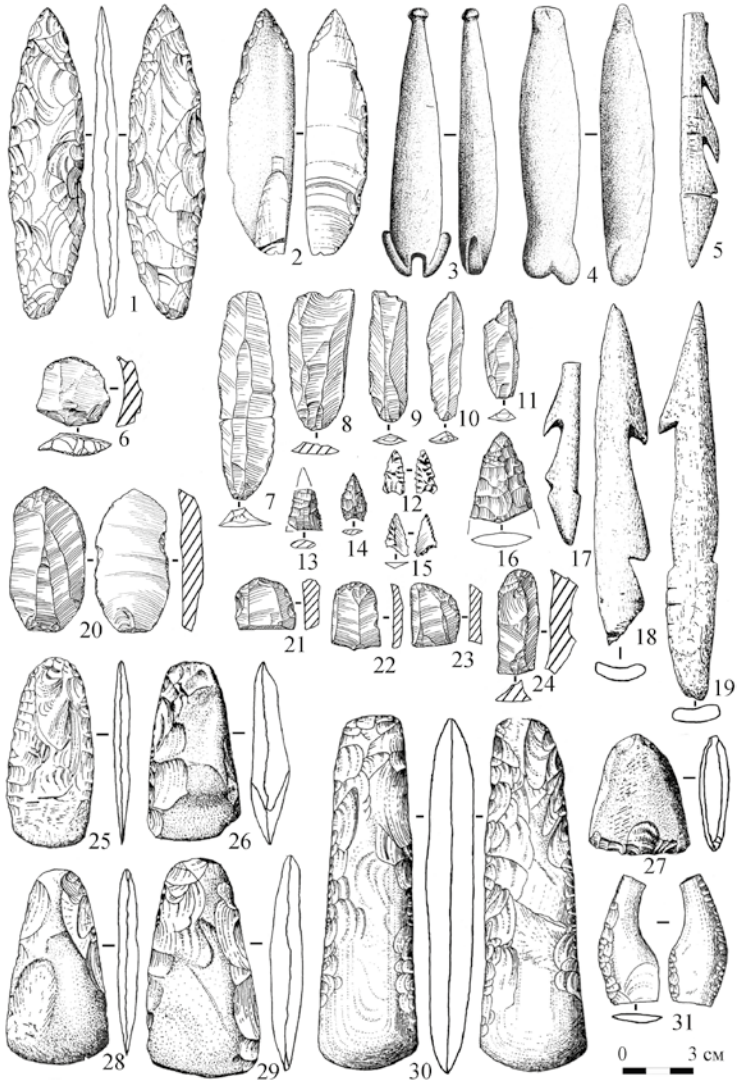

Рис. 2.4. Находки изделий на поселениях Костенкова Избушка (1–5, 17–19, 25–29), Тыткескень-II, 3-й культурный горизонт (6–16, 20–24) и грунтовом могильнике Большой Мыс (30–31): *1–4, 6–16, 20–31* – камень; *5, 17–19* – кость (рог)

пространства, а также предгорная зона Алтая, которые в предшествующее время были еще слабо освоены. Видимо, это стало возможным благодаря появлению производящей формы хозяйства – животноводству.

Большемысские материалы встречены на археологических памятниках Нижней Катуни: Малый Дуган, Тыткескень-II и VI. Причем на поселении Тыткескень-II выявлен сугубо энеолитический комплекс, относящийся к большемысской культуре [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. При исследовании 3-го культурного горизонта расчищены остатки нескольких легких наземных жилищ подквадратной формы, где найден многочисленный каменный инвентарь (рис. 2.4.-*6–16, 20–24*) и характерна керамика (рис. 2.3.-*9*). По-видимому, удалось зафиксировать остатки летних сезон-

ных жилищ, напоминающих по конструкции современные чумы и яранги народов Сибири. Можно предположить, что перекрытием для них служили шкуры животных, которые прижимали к земле небольшими камнями. Благодаря этим камням, выложенным по периметру, удалось зафиксировать контуры небольших жилищ размерами примерно 3,5×3,5 м. В каждом из них мелкими камешками был выложен очаг овальной формы, который смещен от центра в сторону восточной части дома. Можно уверенно утверждать то, что у населения большемысской культуры существовали и более долговременные жилища. Остатки такого сооружения прямоугольной формы, слегка углубленного в грунт, исследованы на поселении Тыткескень-VI.

К настоящему времени известно несколько могильников того времени в Верхнем Приобье – Большой Мыс, Фирсово-XI и Тузовские Бугры-1 (рис. 2.5), из которых происходит определенный массив находок. Отдельные захоронения исследованы на поселении Костенкова Избушка, а также на грунтовом могильнике Новоалтайск-Развилка (рис. 2.6). В Горном Алтае исследовано уникальное погребение этого времени в Нижнетыткескенской пещере-1 [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995].

В погребальном обряде энеолитического населения Лесостепного Алтая существовал определенный стандарт. Фиксируются и определенные отклонения от него. Как правило, погребенных людей укладывали на спину в вытянутом положении, руки лежали на поясе. Все захоронения – грунтовые. Глубина могил – от 0,6–0,7 до 1,45 м. Большинство погребений – одиночные. Ориентация умерших различна. На могильниках Большой Мыс и Тузовские Бугры-1 она северо-восточная, на Фирсово-XI – северная, а на Костенковой Избушке – западная. Голова часто наклонена к правому или левому плечу. Отличительной чертой погребального обряда являются обилие украшений (рис. 2.5.-*2–11*) и небольшое количество каменного инвентаря (в основном наконечники стрел, каменные топоры или тесла). В погребениях на могильниках большемысской культуры встречены многочисленные подвески и нашивки, изготовленные из зубов кабана, бобра, сурка (рис. 2.5.-*11*), лисы, соболя, лося (рис. 2.5.-*6*), косули, благородного оленя, марала, кулана, медведя и барсука (рис. 2.6.-*3*). Украшения нашивались на головные уборы, одежду и пояс. Носились они на груди и на шее. Подобный погребальный обряд являлся традиционным и для предшествовавшего неолитического населения северных предгорий Алтая, что неоднократно отмечали исследователи. Это позволило сделать вывод, что в формировании большемысской энеолитической культуры приняли участие неолитические коллективы региона. Так же, как и в предшествующее неолитическое время, в погребениях практически полностью отсутствует важный этнокультурный маркер – керамика. Хотя по сравнению с предшествующим периодом некоторые изменения прослеживаются. Типично большемысская керамика встречается в межмогильном пространстве грунтового могильника Новоалтайск-Развилка (рис. 2.6.-*5*) и памятника Костенкова Избушка. В заполнении могилы №7 грунтового могильника Тузовские Бугры-1 развал небольшого сосуда большемысского облика (рис. 2.5.-*3*) был обнаружен вместе с фрагментами керамики, орнаментированной в отступающе-накольчатой технике, которая характерна для энеолитической посуды в Кулундинской степи.

В погребениях могильника Тузовские Бугры-1 и в межмогильном пространстве встречено большое количество бусин из раковин *Colletopterum* и фрагменты этих же раковин (рис. 2.5.-*4, 5*). Подобные украшения широко распространены в погребениях неолита и энеолита Северной Евразии. Кроме этого, в материалах могильника Тузовские Бугры-1 обнаружены пронизки усеченно-конической фор-

мы из раковин *Dentalium* (рис. 2.5.-*2*) и подвески из створок *Corbicula* (рис. 2.5.-*3*), которые распространены в настоящее время в горных районах Центральной Азии, Восточного Казахстана и бассейне Амударьи и Сырдарьи. Вероятно, раковины были собраны людьми в ископаемом или полуископаемом состоянии. Традиции изготовления украшений из подобных материалов прослеживаются в ранних памятниках лесостепной зоны Обь-Иртышья.

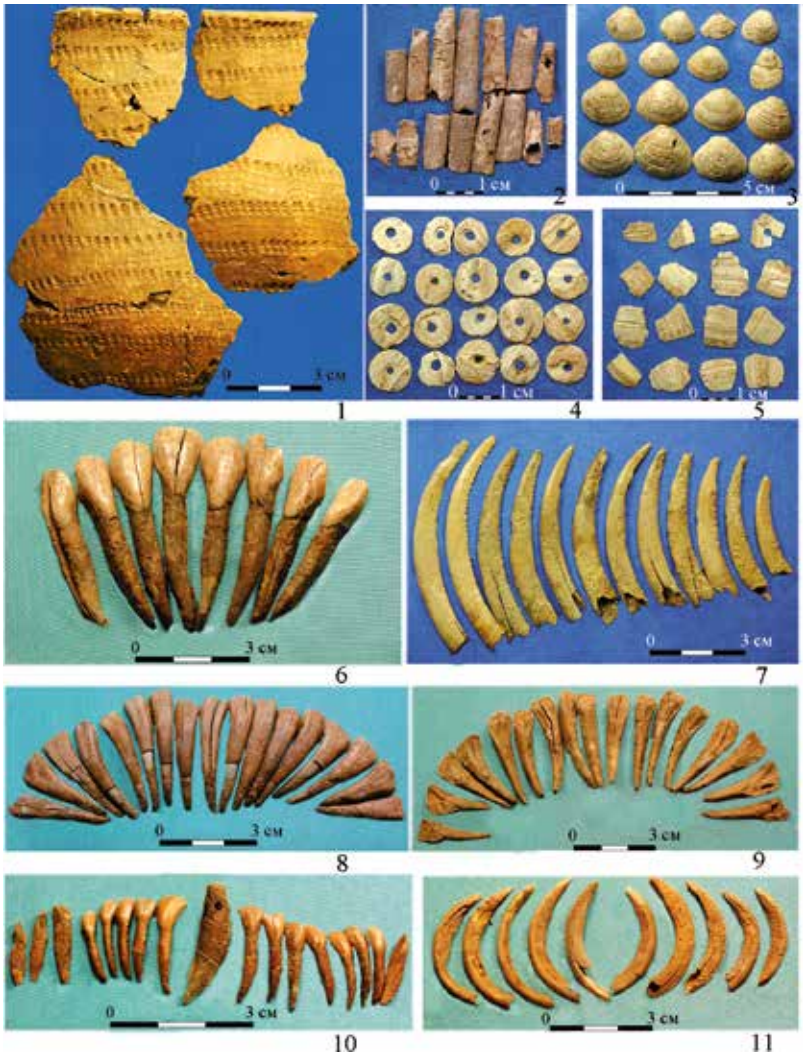

Рис. 2.5. Тузовские Бугры-1: *1* – фрагменты керамики (погребение №7); *2* – украшения из раковин *Dentalium* (погребение №9); *3* – подвески из створок раковин *Corbicula* (погребение №32); *4* – бусины из раковин *Colletopterum* (погребение №24); *5* – фрагменты раковин *Colletopterum* и обломок бусины из такой же раковины (межмогильное пространство; выкид из погребения №24(?)); *6* – украшения из резцов лося (погребение №8); *7* – украшения из клыков кабарги с нарезками (погребение №33); *8–9* – украшения из резцов горного козла или барана (погребение №10); *10* – подвески из верхнего клыка барсука и мелких резцов кабарги (погребение №33); *11* – украшение из резцов сурка (погребение №33)

В тех же погребениях встречены украшения из клыков кабарги (рис. 2.5.-*7*) и горного козла или барана (рис. 2.5.-*8–9*). Такие животные не обитали на территории Лесостепного Алтая. Кабарга распространена в горно-таежных лесах Горного Алтая и Восточного Казахстана. Горные козлы и бараны – типичные представители высокогорья. В прошлом северная граница их ареала проходила по р. Чемал. Изделия из зубов диких животных указывают на связи с Горным Алтаем. Скорее всего, в процессе формирования большемысской культуры участие приняли энеолитические племена Горного Алтая. Видимо, подобные контакты не всегда были мирными. Об этом косвенно может свидетельствовать погребение мужчины, обнаруженное на поселении Костенкова Избушка. Мужчина был убит стрелой, которая вошла ему в рот, выбив зубы и застряв в позвонках гортани. По каким-то причинам наконечник стрелы не извлекли из тела умершего.

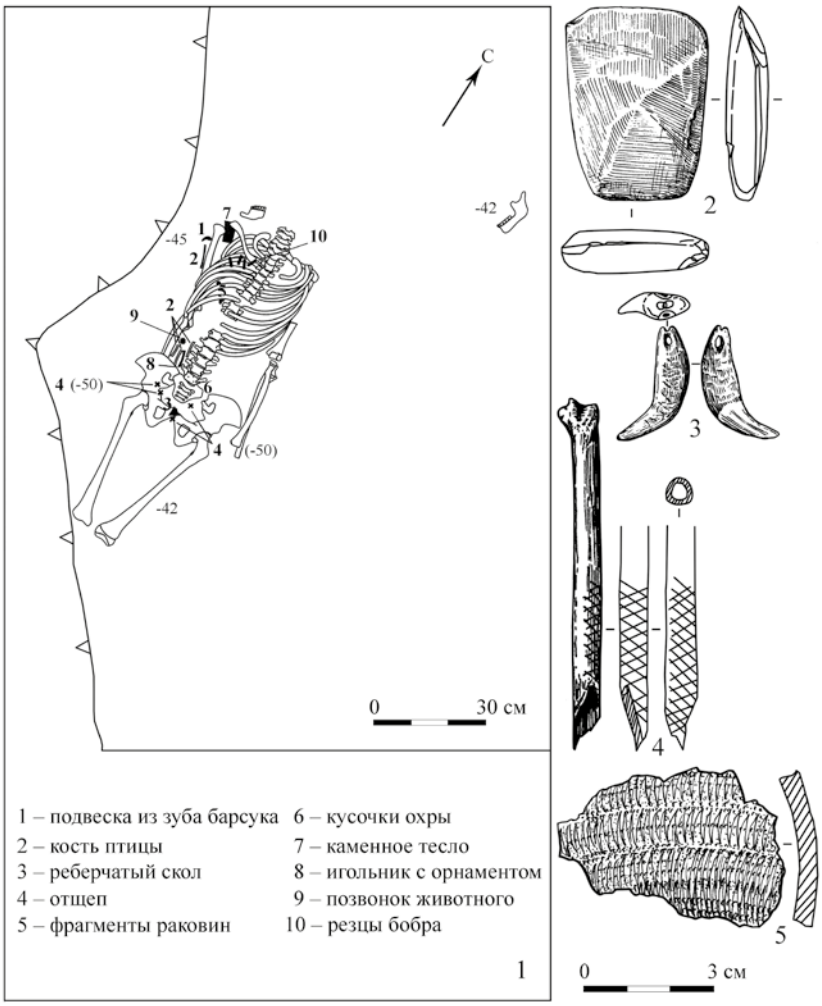

Рис. 2.6. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка:
1 – план погребения; *2* –каменное тесло; *3* – подвеска из зуба барсука;
4 – игольник из кости птицы с орнаментом; *5* – фрагмент керамики

Свидетельства контактов с населением хорошо известной афанасьевской общности отмечены на поселениях предгорной зоны. В частности, фрагменты типичной афанасьевской керамической посуды встречены на памятнике Ляпустин Мыс (оз. Иткуль). Взаимодействия могли иметь место и на территории самого Горного Алтая, куда «большемысцы» периодически проникали по долинам крупных рек, стекающих с гор.

Еще одной особенностью погребального обряда населения большемысской культуры является достаточно высокий процент вторичных погребений, которые встречаются и в Лесостепном, и в Горном Алтае. Наиболее яркое и информативное вторичное погребение раскопано в Нижнетыткескенской пещере-1 [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Сопроводительный инвентарь из него насчитывает около 200 предметов, которые лежали скоплениями в трех сумочках. По мнению исследователей, соплеменники считали мужчину, похороненного в пещере, шаманом, способным общаться с духами темного подземного мира. Именно поэтому для его захоронения выбрали пещеру (рис. 1.28), которая, согласно представлениям народов Сибири, считалась входом в подземный мир.

Большемысское население представляло собой смешанный антропологический тип. Внешний облик представителя рассматриваемой культуры восстановлен в ходе создания портретной скульптуры по лицевым костям черепа из погребения могильника Большой Мыс в Лаборатории пластической реконструкции, созданной известным отечественным специалистом М.М. Герасимовым в Институте этнографии Академии наук СССР.

Сейчас отчетливо очерчивается ареал расселения племен большемысской культуры, который протянулся полосой по предгорной и лесостепной зоне Алтая: от границы с Казахстаном на западе до предгорий Салаирского кряжа на северо-востоке, где поблизости, на территории Новосибирской области, раскопаны поселенческие комплексы, давшие прекрасные материалы большемысской культуры. Западная часть Верхнего Приобья в энеолите, видимо, являлась зоной, где происходили контакты большемысского населения с энеолитическими коллективами Кулундинской степи. Характер подобных взаимодействий установить достаточно сложно, но в целом они могли носить комплиментарный характер. Совместное нахождение большемысской и отступающе-накольчатой керамики в составе погребальных и поселенческих комплексов может служить аргументом в пользу подобного предположения. По-видимому, с этим связаны находки в Новосибирской области на поселении Танай-4А, где на большемысском поселении обнаружено жилище, в котором найдена керамика, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике, характерной для энеолита Кулундинской степи. Создается впечатление, что коридорами для передвижения населения являлись долины рек Алей и Бурла. По ним происходили перемещения от Оби в сторону Иртыша и обратно. По долинам крупных рек, вытекающих с Алтайских гор, какая-то часть большемысского населения проникала на территорию Горного Алтая.

По энеолитическому погребению из Нижнетыткескенской пещеры-1 получены пять радиоуглеродных дат, в соответствии с которыми возраст могилы определяется 2-й половиной IV тыс. до н.э. Это один из наиболее ранних памятников большемысской культуры. В целом большемысское население проживало на Алтае и северных сопредельных территориях до середины III тыс. до н.э.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин

ЭНЕОЛИТ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ

Памятники энеолита (переходного периода от каменного к бронзовому веку) до недавнего времени были практически неизвестны на археологической карте Кулундинской степи. Только в последнее десятилетие на территории Хабарского района Алтайского края стали проводиться исследования поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI, где выявлены соответствующие культурные слои. Это позволяет изложить результаты изучения обнаруженных материалов.

В процессе раскопок поселения Новоильинка-III археологам повезло. Они практически сразу наткнулись на хозяйственные ямы, в которые население периода энеолита складывало мусор и пищевые отходы. Вся глиняная посуда, обнаруженная на памятнике, является остродонной (рис. 2.7.-*2, 7, 9*; 2.8.-*2, 3, 5*) или круглодонной (рис. 2.7.-*8*). Сосуды сильно отличаются по размерам. Их объем варьирует от 0,15 до 8–10 л. Причем стенки у таких емкостей достаточно тонкие – от 7 до 10 мм. Как правило, поверхность сосуда полностью покрыта орнаментом от днища до венчика (рис. 2.7.-*1–10*; 2.8.-*1–5, 10*). Специфику керамике придают ряды ямок, которые располагаются горизонтальными рядами (иногда сдвоенными, иногда зигзагообразными). Эти ряды ямок чаще всего полностью покрывают поверхность сосуда (рис. 2.7.-*1–8, 11*; 2.8.-*1–4*), но иногда украшают только венчик (рис. 2.7.-*9, 10;* 2.8.-*5, 10*). Такую керамику археологи обычно называют «гребенчато-ямочной».

Среди керамических коллекций указанного памятника найдены фрагменты сосуда, у которого был сформирован фриз со схематично изображенными птицами (рис. 2.9). Рисунки предельно схематичны. Но достаточно хорошо просматриваются голова на длинной шее, туловище из трех горизонтальных линий и нога в конце его. Судя по всему, это гагара – мифопоэтическая птица у большинства народов Северной Евразии от Оби до Финляндии. Согласно многочисленным мифам, гагара со дна Мирового океана достала кусочек грязи, из которого двое братьев-демиургов сотворили всю землю, весь окружающий мир. Похожие изображения птиц на керамических сосудах встречаются от Северного Казахстана до Прибалтики и датируются от неолита до конца эпохи бронзы.

Посуда сделана без гончарного круга при помощи так называемого лоскутного налепа. Следы лоскутов хорошо заметны в местах разломов сосудов (рис. 2.8.-*7*). Чтобы емкости не разваливались по стыкам, эти места нужно было как следует проработать, т.е. сделать так, чтобы два разных куска глины полностью соединились в единое целое. Добиться такого эффекта непросто. Глина быстро подсыхала, и фрагменты не всегда хорошо слепливались. Из-за того, что соединение было непрочным, после сушки и обжига сосуд в местах стыков начинал слоиться (рис. 2.8.-*7*). Если глина была чрезмерно влажная, то она текла и не держала форму.

Чтобы добиться качественного соединения лент, энеолитическое население Северной Кулунды использовало один очень специфический прием. На стыки древний мастер наносил пух птиц (рис. 2.8.-*8, 9*). В процессе обжига пух выгорал. Образовывались полые пространства, которые играли роль своеобразной арматуры. Использование пуха птицы зафиксировано и на поселении Новоильинка-VI. Видимо, этот показатель может рассматриваться в качестве своеобразного этнокультурного маркера энеолитического населения Северной Кулунды.

Чтобы добиться максимального соединения глины в единое целое, гончары использовали гребенчатые штампы, которыми обрабатывали всю поверхность со-

суда снаружи, а очень часто и внутри (рис. 2.7.-*9*; 2.8.-*6*). После такой обработки поверхность сосуда приобретала довольно привлекательный вид. Посуду, у которой поверхность обработана подобным образом, специалисты выделяют в отдельную группу и называют «керамикой, орнаментированной шагающей гребенкой» (рис. 2.7.-*9*; 2.8.-*5*). Иногда внешнюю поверхность сосуда древний мастер обрабатывал рядами «шагающей гребенки» несколько раз: сначала горизонтальными рядами, а затем диагональными. В результате поверхность сосуда становилась своеобразной (рис. 2.7.-*10*; 2.8.-*10*). Создавалось впечатление, что на ней отпечаталась ткань или какая-то плетеная сеточка. Истинная картина открывается только во время осмотра под большим увеличением и при контрастном освещении.

Очень специфичен один из сосудов, обнаруженный на поселении Новоильинка-III (рис. 2.7.-*10*; 2.8.-*10*). Его изготовили на специальной болванке, которую обмотали веревочкой. Отпечатки этой веревочки хорошо сохранились на внутренней поверхности сосуда (рис. 2.8.-*11*). Использование болванки улучшало качество емкости. Это позволяло выбить стыки лент, чтобы глина в этих местах хорошо соединилась, а также получить тонкие (4–5 мм) и прочные стенки, которые бы не пропускали влагу. После этого внешнюю поверхность обработали отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2.8.-*10*). И только на заключительном этапе наносили по венчику два ряда ямок.

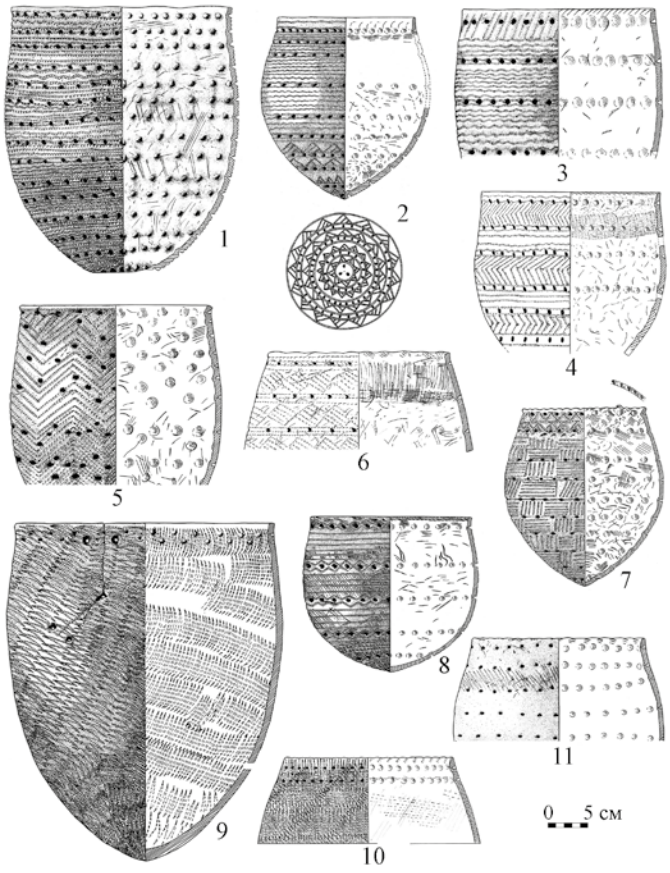

Рис. 2.7. Керамические сосуды, найденные на поселении Новоильинка-III. Графические реконструкции

После формовки сосуда наступал этап декорирования. Орнамент наносился по сырой, еще не высохшей до конца глине. Зафиксированный прием называют «отступающей палочкой» или «отступающей палочкой с элементами накалывания» (рис. 2.7.-*1–8*; 2.8.-*1–4*). «Палочка» – это довольно условное обозначение орнаментира. Реально в качестве инструмента, которым наносился декор, могли выступать грифельные кости коней или специально изготовленные орудия из кости или рога.

При нанесении орнамента отступающие движения мастер чередовал с поступательными и накалывающими. При

этом инструмент, которым наносился орнамент, не поднимался над поверхностью сосуда. Искусство гончара прослеживается в его умении четко следовать заданному направлению и высоком чувстве ритма. Данный прием был настолько отработан, что фиксируемые отпечатки удивительно ровные и одинаковые. Это создает впечатление, что мастер как будто использовал гребенчатый штамп. За такой керамикой укрепился термин «гребенчато-ямочная», хотя керамику, найденную на поселении Новоильинка-III, правильнее назвать «отступающе-накольчато-ямочной».

Отпечатки «отступающей палочки» чаще всего образуют довольно простые орнаменты: горизонтальные прямые и волнистые ряды, которые могут чередо-

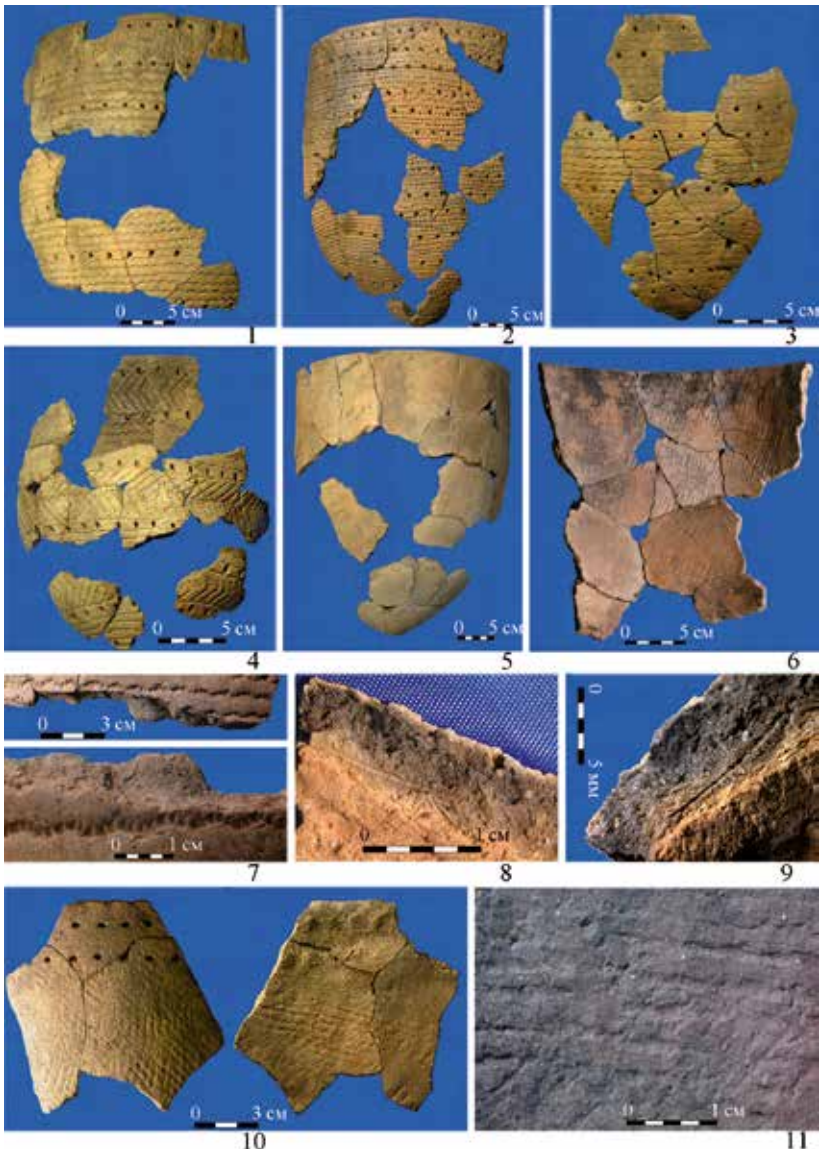

Рис. 2.8. Поселение Новоильинка-III. Реконструируемые части, технологические и орнаментальные особенности найденной керамической посуды

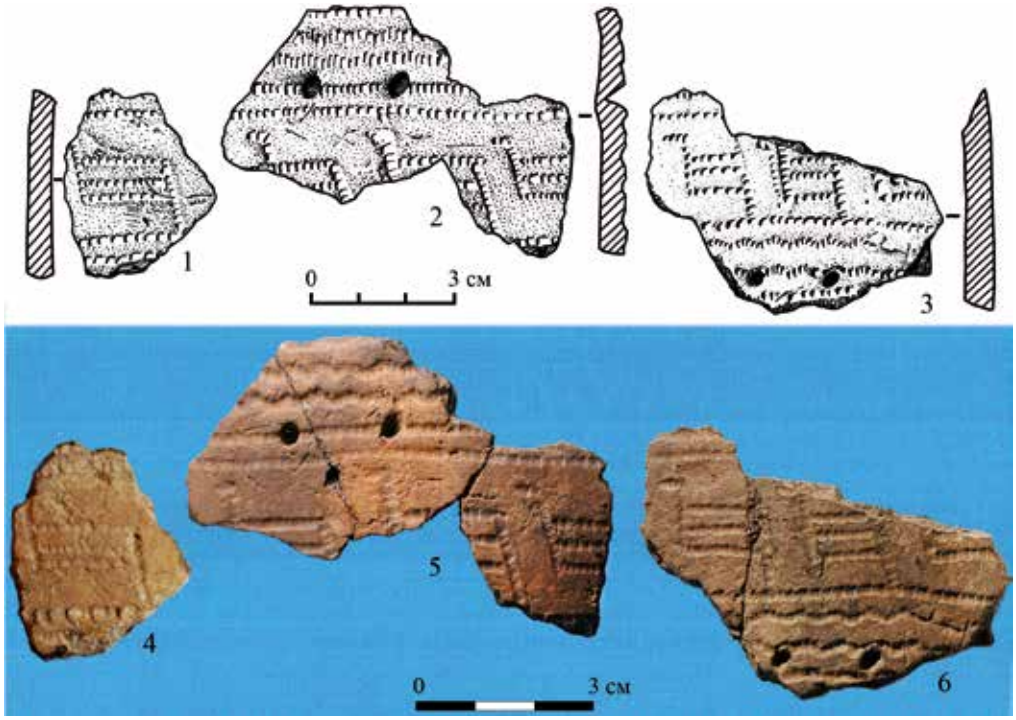

Рис. 2.9. Поселение Новоильинка-III.
Фрагменты керамики с орнитоморфным орнаментом

ваться (рис. 2.7.-*1;* 2.8.-*2, 3*). Иногда они сочетались с вертикальными прямыми и волнистыми линиями (рис. 2.7.-*2*; 2.8.-1). В некоторых случаях отпечатки формировали ряды «елочки» (рис. 2.7.-*5*) или более сложные геометрические узоры (рис. 2.7.-*2, 4-8;* 2.8.-*4*). Такое декорирование охватывало всю поверхность сосуда (рис. 2.7.-*4, 6, 7;* 2.8.-*4*). Оно могло локализоваться в районе венчика или придонной части (рис. 2.7.-*2*).

В процессе раскопок поселения Новоильинка-VI обнаружены материалы, которые дополняют и расширяют информацию, полученную при исследовании памятника Новоильинка-III. На поселении Новоильинка-VI, как и на Новоильинке-III, очень много изделий из кости (рис. 2.10). Такая ситуация типична для животноводов. Сырья для подобных орудий у них было в избытке. Очень выразительны костяные острия или «копьевидные орудия», выполненные из обломков верхних частей стенок диафизов плюсневых костей лошади (рис. 2.10.-*1–3*). Из нижних челюстей лошадей сделаны трепала (рис. 2.10.-*4–6*). Одно из них оказалось со сквозным отверстием в рукояти, в которое, вероятно, продевалась ременная петля для подвешивания (рис. 2.10.-*6*). Рабочее лезвие дугообразной формы. Отдельные выступающие части заглажены и даже имеют легкий блеск. Своеобразна серия изделий из первых фаланг лошадей: наковальни (рис. 2.10.-*4–13, 15*), утяжелители (рис. 2.10.-*14*) и 12 изделий, условно названных «подшипниками» (рис. 2.10.-*8–10*), которые представляют собой детали скольжения, являющиеся самой верхней частью лучкового станка. Вероятно, эти изделия также могут стать одним из этнокультурных признаков энеолитических памятников Кулундинской степи.

Вызывают пристальное внимание кости со следами обрезывания, лощила (рис. 2.10.-*7*), шпатели (рис. 2.10.-*11*), круглые наконечники стрел (один целый (рис. 2.10.-*12*) и шесть обломков), острие, кость с орнаментом.

На поселении Новоильинка-VI в площадь археологического раскопа сразу полностью попало одно жилище и части еще двух. Жилище (типа полуземлянки) было углублено в грунт примерно на полметра. Особенно важно то, что котлован жилища оказался врезан в более ранний неолитический слой. Столбы и жерди, поддерживавшие перекрытие и кровлю жилища, давным-давно истлели, но на светлом фоне глины от них фиксируются следы в виде темных округлых пятен

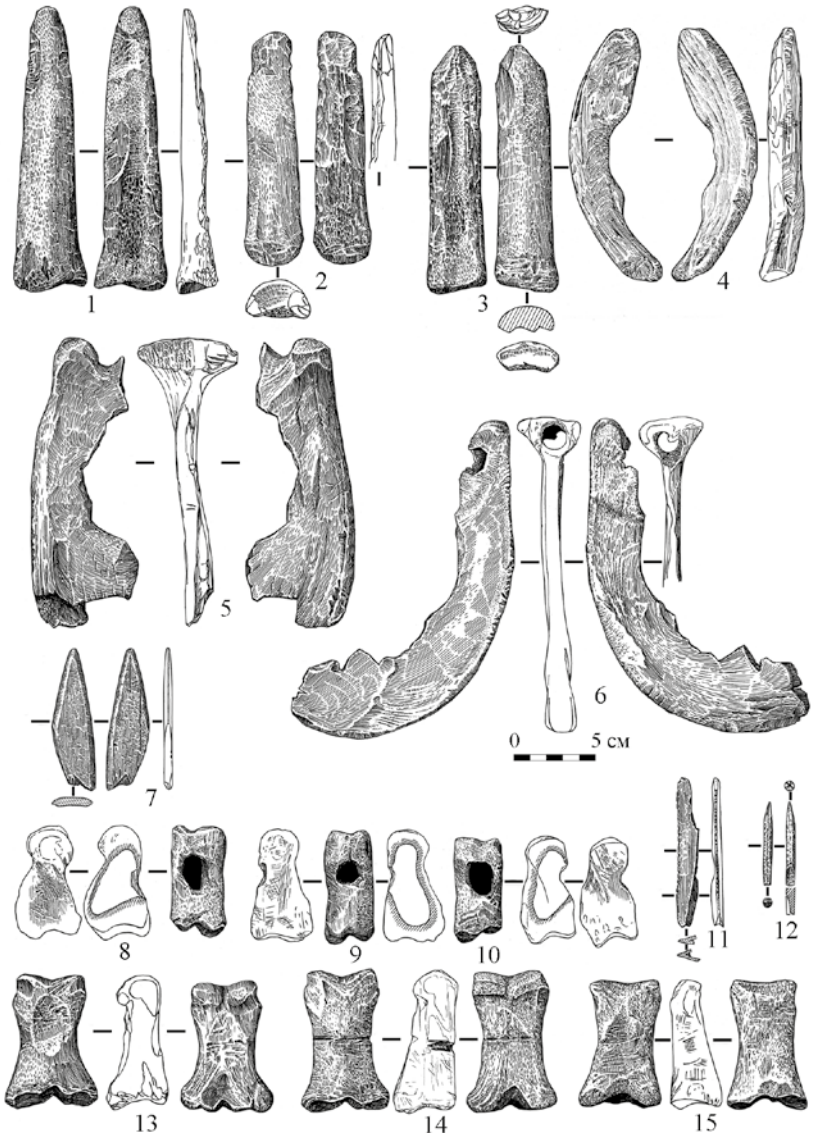

Рис. 2.10. Костяные находки на поселениях
Новоильинка-III (1) и Новоильинка-VI (2–15)

(«столбовые ямки»). Судя по многочисленным столбовым ямкам по периметру, это сравнительно небольшое жилище (размерами примерно 8×6 м), в чем оно напоминает традиционный конусообразный аил алтайцев. Такой дом состоит из 50–60 жердей, поставленных по периметру круга и сходящихся кверху. Для перекрытия подобного жилища чаще всего использовали кору лиственницы, иногда бересту или шкуры животных. Данный тип жилища под названием «чум» известен у народов Сибири, а у североамериканских индейцев – «вигвам».

В жилище нет следов от очага или прокала. По всей видимости, оно было летним и у людей не было необходимости его обогревать. В теплое время года пищу готовили на улице за пределами дома. В летний период люди жили стационарно на одном месте. Это являлось необходимостью. Нужно было каждый день доить коров и кобылиц, заготавливать продукты впрок. Например, коптить и вялить сыр.

В процессе раскопок жилищ возникало чувство, что часть орудий и изделий из камня и кости и даже часть глиняной посуды люди преднамеренно оставили в жилище. В хозяйственных ямах, сделанных в полу жилища, были найдены крупные орудия из камня: скребла, скребки (рис. 2.11.-*14*), наконечники дротиков (рис. 2.11.-*9, 10*), песты, лощила (рис. 2.11.-*16*), диски (рис. 2.11.-*17*). Вместе с ними обнаружены орудия из кости и археологически целые сосуды.

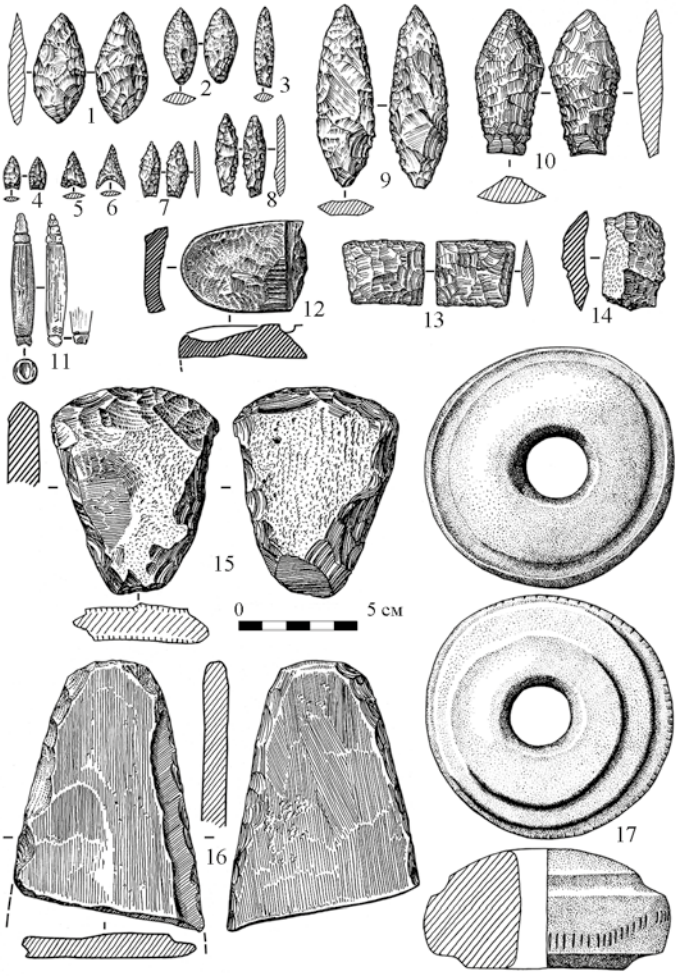

Рис. 2.11. Поселение Новоильинка-VI. Каменные находки

На территории Кулундинской степи отсутствуют выходы камня, необходимого для изготовления орудий. Люди вынуждены были приносить заготовки издалека. Нет никаких сомнений, что каменные орудия имели для них определенную ценность. На памятниках неолита и энеолита Лесостепного Алтая наблюдается такая картина – сломанные каменные изделия шли в переработку, они переиспользовались неоднократно. В условиях дефицита каменного сырья процесс утилизации изделий приводил

к появлению миниатюрных форм скребков, наконечников стрел (рис. 2.11.-*4–8*) и других орудий. Объяснить обнаруженную картину можно только тем, что люди уходили в места, где камень был в избытке, и нести его с собой не было никакого смысла. На Казахском мелкосопочнике много выходов качественного поделочного камня. Приходя весной в Кулунду, люди приносили с собой с Иртыша каменные орудия, а осенью, возвращаясь обратно, оставляли их в жилищах до следующего сезона.

Обнаруженные находки костей животных позволяют уверенно констатировать о производящем характере экономики населения этого региона. Нет никаких сомнений, что энеолитическое население Кулунды, проживавшее на поселениях Новоильинка-III и Новоильинка-VI, занималось животноводством. Об этом свидетельствует многое. Анализ пригаров на внутренней поверхности сосудов показал, что в них хранилась молочная пища. На зубах коней обнаружены следы сработанности от узды. На костях быков (первые фаланги) имеются различные деформации, которые образуются только в двух случаях: 1) если животное стоит в стойле без движения; 2) если животное испытывает повышенные нагрузки. Второй вариант более реалистичен. Эти быки тянули повозки.

У азиатских коней (особенно у монгольских и казахских лошадок) есть одна особенность, которой они обладают. Ее называют «тебеневкой». Лошади разгребают копытами снег и добывают себе корм зимой. Следом за ними могут идти коровы и мелкий рогатый скот. При таком способе животноводства можно было не заготавливать корм на зиму.

Согласно данным современных метеорологов, на Оби выпадает в два раза больше осадков, чем на Иртыше. Большинство осадков выпадает зимой в виде снега. Видимо, в период энеолита животноводческое население Кулундинской степи с наступлением тепла передвигалось от Иртыша к Оби, а осенью в обратном направлении. Летом на пастбищах в Кулунде было больше травы, а зимой на Иртыше меньше снега. Такой сезонный способ кочевания максимально адаптирован к условиям окружающей среды.

Аналогии керамики с поселения Новоильинка-VI имеются на территории Северного и Центрального Казахстана, Павлодарского Прииртышья и Барабинской лесостепи. Видимо, подвижный образ жизни наложил отпечаток на материальную культуру энеолитического населения Кулундинской степи. В результате в керамических коллекциях поселения Новоильинка-VI прослеживаются черты смешения различных орнаментальных традиций. Энеолитическое население Северной Кулунды, видимо, вступало в контакты с большемысским населением Барнаульско-Бийского Приобья. В материалах первого горизонта поселения Новоильинка-VI обнаружена большемысская керамика. Ее немного, но она очень своеобразная и хорошо выделяется в составе керамического собрания.

Для поселения Новоильинка-III и для первого горизонта поселения Новоильинка-VI получены серии радиоуглеродных дат, по которым эти комплексы можно датировать концом IV – началом III тыс. до н.э. Исследование памятников энеолита на территории Кулундинской степи по сути дела только начинается, и можно рассчитывать, что в ближайшие годы будут получены новые высокоинформативные материалы, которые помогут в реконструкции древнего прошлого рассмотренного региона.

К.Ю. Кирюшин

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

В конце IV – 1-й половине III тыс. до н.э. в жизни древних племен, населявших Алтай и Минусинскую котловину, произошли большие перемены. В тот период времени племена, проживавшие на территории Алтае-Саянской горной страны, изготовляли и использовали орудия из меди, а животноводство стало основной отраслью хозяйства. Данные изменения связаны с населением, оставившим самые древние в Южной Сибири памятники эпохи палеометалла, объединенные в афанасьевскую культуру или общность. Указанное наименование связано с первыми находками, сделанными в долине Енисея под Афанасьевой горой в 1920-е гг.

В настоящее время археологические комплексы афанасьевской общности выявлены на огромной территории, которая включает Горный Алтай и предгорья, Хакасию, Туву, Северо-Западную Монголию (рис. 2.12). Кроме того, предметы, имеющие аналогии в афанасьевских памятниках, обнаружены на территории Северо-Западного Китая (в Синьцзяне) и неподалеку от Самарканда в долине Зеравшана.

На Алтае памятники рассматриваемой общности открыты еще в 1865 г. благодаря раскопкам В.В. Радлова. Однако культурная принадлежность их была определена только в 1930-е гг. после проведения исследований около устья р. Куюм (правый приток Катуни) и в долине р. Куроты (левый приток Урсула). Основная часть памятников выявлена в Центральном и Северном Алтае. Несколько реже они встречаются в юго-восточных и северо-западных районах указанного региона.

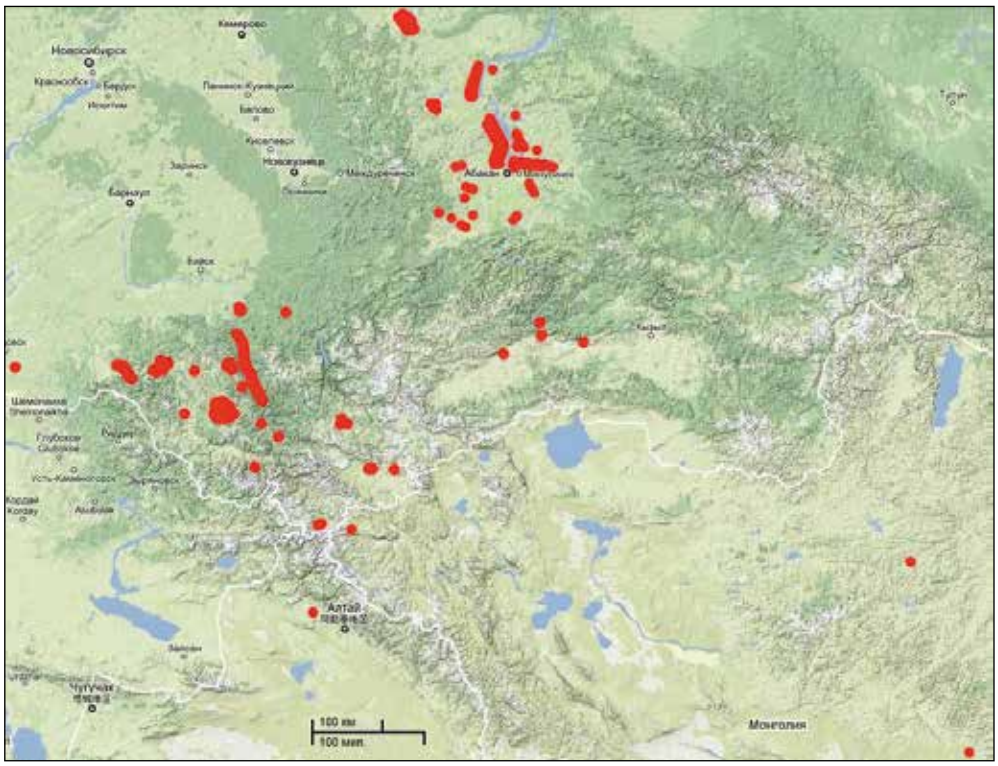

Рис. 2.12. Карта распространения памятников афанасьевской общности (по: [Афанасьевский сборник, 2010, обложка 2])

«Афанасьевцы» жили по берегам крупных рек и их притоков (Катунь, Урсул, Ело, Куюм и др.). Об этом свидетельствуют их многочисленные кладбища и поселения, расположенные на высоких надпойменных террасах. Известно более 80 могильников и 40 поселений. Следы жизнедеятельности афанасьевского населения зафиксированы в пещерах Алтая. Обнаружены и места, где совершались культовые действия. В общей сложности раскопано более 200 захоронений.

Погребальные сооружения внешне заметно различаются между собой. Все они круглой формы, но большинство из них имеют вид оград из крупных вертикально установленных каменных плит, которые часто называют кромлехами. В настоящее время они возвышаются над землей на 0,15–0,8 м (рис. 2.13), а ранее высота, судя по всему, была больше 1 м (рис. 2.14). Меньшая часть объектов представлена небольшими земляными курганами из рваных камней, иногда заметных лишь по нескольким едва выступающим из земли камням. Такие сооружения у археологов получили название оградок-стенок. Нынешний их вид – результат разрушения в течение нескольких тысячелетий. Первоначально они представляли собой округлые ограды, стенки которых были сложены из обломков плит или рваных камней, устроенных плашмя в несколько слоев. Высота стенок таких оград могла составлять 1 м. В настоящее время иногда сохраняются кладки высотой до 0,4–0,45 м (рис. 2.15). Внутреннее пространство оград обустраивалось по-разному. Оно могло быть и в виде сложного сооружения, например, из дополнительных колец из камней и плит, и вообще не иметь никакой возвышающейся конструкции в центре.

Ограды обоих типов различаются размерами: от совсем маленьких (диаметром 0,8–1,0 м) до крупных (диаметром 16–18 м). В центре надмогильной конструкции, как правило, находилась одна могила, крайне редко две, ориентированные обычно по направлению с юго-запада на северо-восток. Могильные ямы часто перекрывались массивными каменными плитами, реже тонкими плашками или жердями. Поверх такого перекрытия иногда устраивался небольшой земляной холм, поверхность которого обкладывалась камнями.

В каждой могиле обычно хоронили по одному человеку, изредка по два, как правило, взрослого и ребенка или двух детей. Умерших укладывали на спину, реже на пра-

Рис. 2.13. Могильник Нижний Тюмечин-I, современный вид
(по: [Афанасьевский сборник 2, 2012, обложка 1])

Рис. 2.14. Могильник Первый Межелик-I. Надмогильные конструкции из вертикально установленных плит, выявленные во время раскопок (по: [Погребальные и поселенческие комплексы…, 2006, обложка 2])

вый бок, с согнутыми в коленях ногами (рис. 2.16). В ряде случаев установлено, что первоначально ноги были согнуты и поставлены коленями вверх. Считается, что для того, чтобы придать такую позу умершему человеку, его помещали на какое-то время в сидячем положении, возможно, связывали, а затем укладывали в могилу на спину, лицом к восходу, головой на юго-запад и запад. Как правило, погребенных окрашивали охрой (рис. 2.17). Кроме того, нередко охру помещали в могилу в специальных мешочках. Возможно, наличие охры связано с представлениями древнего человека о крови, которая символизировала жизнь. «Афанасьевцы» иногда расчленяли своих

Рис. 2.15. Могильник Бойтыгем-II. Надмогильная конструкция в виде оградки из камней, уложенных плашмя (по: [Ларин, 2005, обложка 2])

погребенных. На нескольких памятниках выявлены захоронения, в которых у погребенных людей не было головы, а остальные кости находились в анатомическом порядке. Это позволило предположить, что существовал культ головы умершего. Погребальные сооружения в виде круга и ориентация погребенных людей головой на запад или юго-запад, очевидно, связаны с культом солнца.

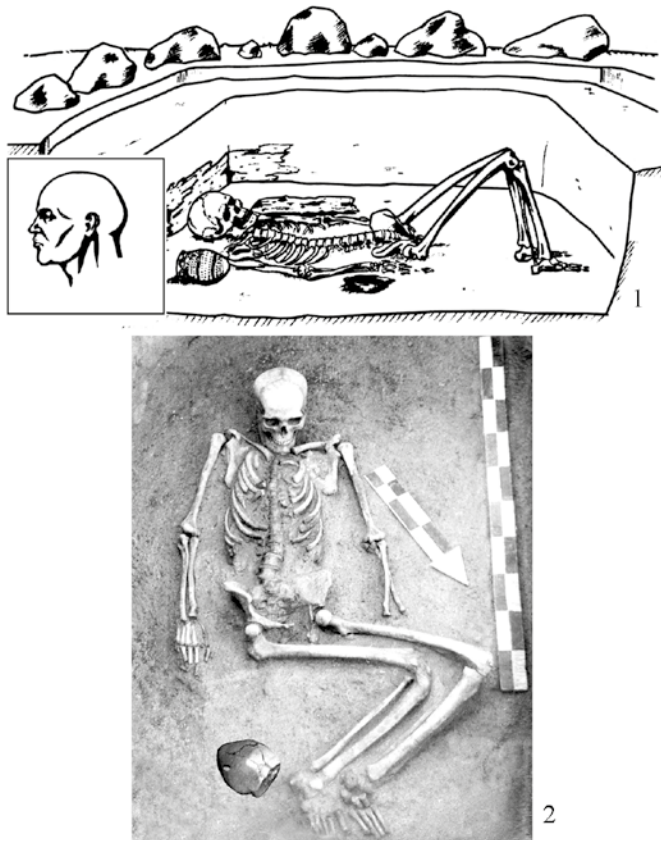

Рис. 2.16. Погребения афанасьевской культуры: *1* – Тыткескень-VI, реконструкция (по: [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]); *2* – Нижний Тюмечин-I

Из предметов, которые сопровождали умершего человека в загробный мир, сохранились изделия, изготовленные из глины, металла, камня и кости (рога). Только в трех захоронениях сохранились вещи из органических материалов. Большую часть находок составляет глиняная посуда (рис. 2.18). Сосуды с пищей ставились в ногах или у головы погребенного. Из других категорий вещей чаще других находят каменные жезлы и песты (рис. 2.19.-*1–3*). Назначение жезлов остается неясным. Следы обработки или сработанности на них, как правило, не выявлены. Вероятнее всего, это предметы ритуального характера. К редким находкам относятся украшения (серьги, браслеты, пронизки), медные шилья, ножи и оковки, костяные гвоздики, пронизки и проколки (рис. 2.20). Украшения сделаны из металла (меди, метеоритного железа и самородного золота), камня, кости и рога. Из крупных предметов в оградах или над могилами в нескольких случаях обнаружены зернотерки, куранты (рис. 2.19.-*5, 6*), терочники. На перекрытиях могил встречаются рога марала. В пределах надмогильной конструкции на одном объекте найдены кирки из рогов крупного животного. Стрелы, по-видимому, в могилы не клали. Каменные наконечники были обнаружены всего дважды среди костей человека. По-видимому, они остались не вынутыми из ран. Обломки каменных наконечников стрел изредка находят в костях человека. Это может свидетельствовать о том, что отношения афанасьевского и местного населения не всегда были мирными.

Из домашних производств у «афанасьевцев» было гончарное, выделка кожи, резьба по дереву, прядение, что подтверждается соответствующими находками. Наиболее полное представление сложилось об изготовлении керамики. Глиняная по-

Рис. 2.17. Тыткескень-VI, курган № 95. Погребение человека, покрытое охрой (по: [Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010, рис. 4; фото 11])

суда различается формой, размерами, орнаментом, цветом (рис. 2.18). Использовались «афанасьевцами» остродонные яйцевидные и круглодонные шарообразные сосуды и очень редко – плоскодонные. Большую часть составляют горшки с острым или приостренным дном. Для того чтобы сварить пищу в таких сосудах, по-видимому, необходимо было их закопать в кострище. Возможно, остродонные сосуды использовались не для варки, а для хранения пищи. К такому выводу приводит ряд наблюдений на нескольких поселениях, на которых неподалеку от кострищ найдены остродонные сосуды, углубленные на 2/3 в землю. В них, видимо, находилась или уже приготовленная пища, или та, которую не требовалось варить. Кроме того, ряд исследований также показывает, что «афанасьевцы», скорее всего, коптили мясо, а не варили. Как остродонные, так и шаровидные сосуды различаются размерами. На поселениях встречаются очень крупные изделия (до 8–10 л) и мелкие (около 0,5 л). В целом, как на поселениях, так и в погребениях преобладают горшки, объем которых составляет около 1 л. Сосуды большого объема встречаются только на поселениях. Очевидно, что одним из функциональных признаков разделения глиняной посуды были ее размеры.

По форме выделяются необычные глиняные сосуды в виде вазочки на ножке-поддоне, которые часто называют светильнями или курильницами. Их назначение до сих пор до конца неясно (рис. 2.21). Предполагается, что изделия использовали в первую очередь в ритуальных целях. В них могли растирать охру, так как по стенкам и на дне часто фиксируются остатки красной краски. В курильницах также могли находиться вещества, применяемые для ароматического окуривания или одурманивания во время ритуальных обрядов. Эти сосуды размещались непосредственно в погребениях или у края могилы. Они найдены почти на всех поселениях. Однако их намного меньше, чем сосудов других форм.

Для изготовления глиняной посуды выбирали глины с большим количеством естественных примесей в виде обломков разнообразных минералов, размер которых нередко достигал до 1×1,5 см (рис. 2.18.-*10*). В такое сырье искусственно вводили органику и иногда добавляли шамот*. Лепили горшки из лент или жгутов, составленных из небольших лоскутов. Стенки сосудов заглаживали по-разному: иногда тем же инструментом, которым наносили орнамент, или предметом, оставляющим узкие бороздки на поверхности изделия. В таких случаях сосуд покрыт параллельны-

* В археологии так называют искусственную добавку в глину при производстве посуды. Шамот представлял собой раздробленные фрагменты от керамических изделий, куски обожженной и измельченной глины (прим. – *Ред.*).

ми и пересекающимися линиями, напоминающими следы от «гребенки», протащенной по глине. Иногда горшки заглаживали предметами, не оставляющими видимых следов на поверхности. Обжигали сосуды на костре, после того как они были украшены и высушены. В одних случаях мастера украшали всю внешнюю поверхность горшка, а в других – половину. Редко не орнаментировали совсем. Последняя группа сосудов заглажена инструментами, оставляющими узкие параллельные бороздки (до 8–10 шт.), что придавало нарядный вид изделию и, возможно, также являлось наиболее простой разновидностью орнамента. Подобные изделия обычно встречаются на поселениях и изредка в захоронениях. Узор наносили разными инструментами, например, с коротким и длинным очень тонким рабочим краем, имеющим от 3–5 до 35 мелких зубчиков; или палочкой, лопаточкой, грифельной косточкой и др. Из-за того, что орнамент наносился разными предметами и способами, сосуды выглядят нарядно украшенными. Визитной карточкой «афанасьевцев» является орнамент «качалка» (рис. 2.18.-*11*), который наносился движением штампа, не отнимающимся полностью от поверхности сосуда при поочередном развороте инструмента на одном и другом конце. Ряды оттисков орнаментиров имеют наклон в одну сторону или в противоположные. В последнем случае они образовывали узор, называемый «елочкой» (рис. 2.18.-*9*). По венчику часто орнамент состоит из треугольных зон. Иногда встречаются сосуды, украшенные необычно. Например, отпечатки образуют волну или составляют сложную композицию (рис. 2.18.-*7*). Есть несколько сосудов, орнаментированных плавными прочерченными линиями, напоминающими личины. Иногда такой орнамент называют растительным (рис. 2.18.-*6*).

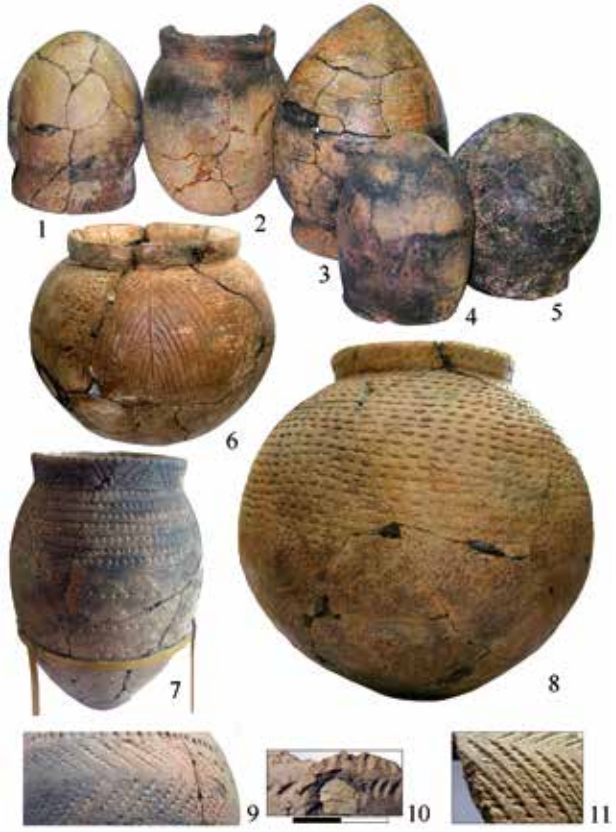

Рис. 2.18. Глиняные сосуды афанасьевской культуры Горного Алтая и их особенности:
1–8 – из разных памятников (частично по: [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 41; 57.-*5*; 62.-*1*]);
9 – орнаментальная композиция «елочка»;
10 – естественные минеральные примеси в формовочной массе; *11* – орнамент «качалка»

«Афанасьевцы» пользовались и деревянной посудой, которая, как правило, не сохранилась. О том, что она была и ее помещали в захоронения, свидетельствуют находки в одном из погребений остатков деревянного ковша и берестяного сосуда.

Важнейшим культурным приобретением афанасьевских племен стало овладение металлом. Известно, что металл использовался для изготовления украшений (серег, браслетов), оковок для починки деревянных сосудов, а также предметов быта – игл, шильев, ножей. Металлические изделия изготовлены как из меди, так и из золота, и метеоритного железа. Эти находки доказывают, что афанасьевское население уже знало несколько металлов и добывало их. Изделия из металла находят не только в мужских захоронениях, но и в женских и детских. Это можно объяснить тем, что данные предметы не являлись дефицитными.

«Афанасьевцы» применяли и каменные орудия, например песты, колотушки, зернотерки, куранты (рис. 2.19.-*3*–*6*), и некоторые предметы, которые, по мнению ученых, были изготовлены не афанасьевскими мастерами, а на несколько тысячелетий раньше, еще в эпоху камня. Однако афанасьевское население их находило на местах более древних поселений и приспосабливало для своего быта. В этом плане, например, можно указать ножевидные пластины (рис. 2.19.-*7*). В целом изучение каменной индустрии с поселений привело к выводу, что технология расщепления камня у «афанасьевцев» крайне примитивна и рассчитана на производство вспомогательных инструментов для домашних производств, в первую очередь, связанных с переработкой биоресурсов и сооружением котлованов, навесов и т.п. Основой каменной индустрии являлась инновационная технология изготовления изделий различными методами пикетажа, шлифовки, пиления и сверления, существенно отличающимися от более древних местных техник камнеобработки. Из-за отсутствия умений и навыков раскалывания каменного сырья появилась традиция использовать в хозяйственной деятельности камни естественных форм (гальки и валуны). Такая значительная утрата навыков обработки камня у «афанасьевцев» свидетельствует о том, что металл уже занял прочное место в их жизни.

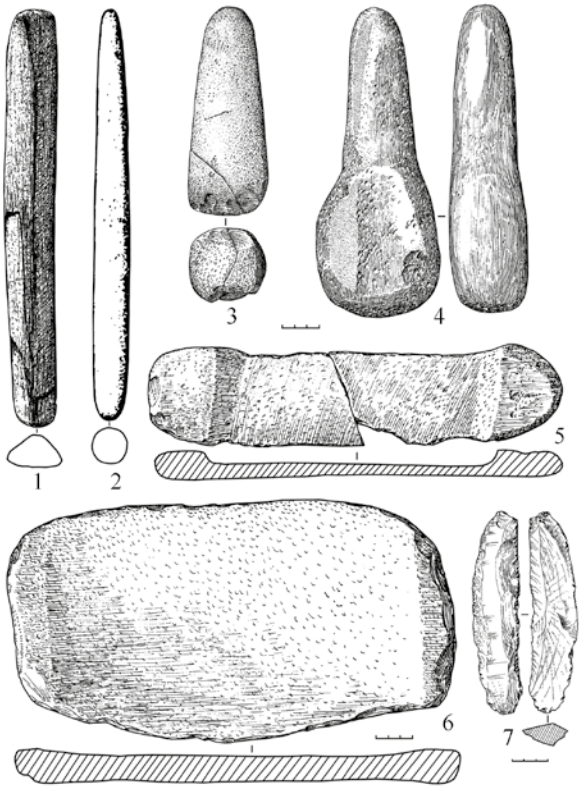

Рис. 2.19. Вещи из погребений могильников Нижний Тюмечин-I (1, 3), Чепош (2), Улита (7) и с поселения Узнезя-1 (4–6): *1–3* – каменные жезлы и пест; *4–6* – каменные колотушка, курант и зернотерка; *7* – ножевидная пластина (по: [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 15.-*7*; 16.-*13*; 34.-*7*; 52.-*7*; Погребальные и поселенческие комплексы…, 2006, рис. 15.-*1*; 18])

Другим важнейшим приобретением «афанасьевцев» было животноводство. О том, что у них был домашний скот, свиде-

тельствуют остатки мясной пищи, которую иногда помещали в могилы. «Афанасьевцы» разводили все основные виды домашних животных (лошадей, мелкий и крупный рогатый скот). Однако как на поселениях, так и изредка в погребениях находят кости диких животных (например, косули, благородного оленя и др.). Это свидетельствует о том, что охота сохраняла свое значение.

Дискуссионным остается вопрос о занятиях «афанасьевцами» земледелием. Поскольку земледелие, как правило, развивается с ранней формой скотоводства, то вполне возможно, что его зачатки были и у «афанасьевцев». Не исключено, что каменные зернотерки и куранты (рис. 2.19.-*5, 6*) служили для растирания не только дикорастущих злаков, но и выращенных «афанасьевцами». В Горном Алтае местные коллективы людей до появления «афанасьевцев» не использовали в своем быту зернотерки, куранты и песты. Поэтому появление подобных предметов оказалось важным приобретением для населения этой территории.

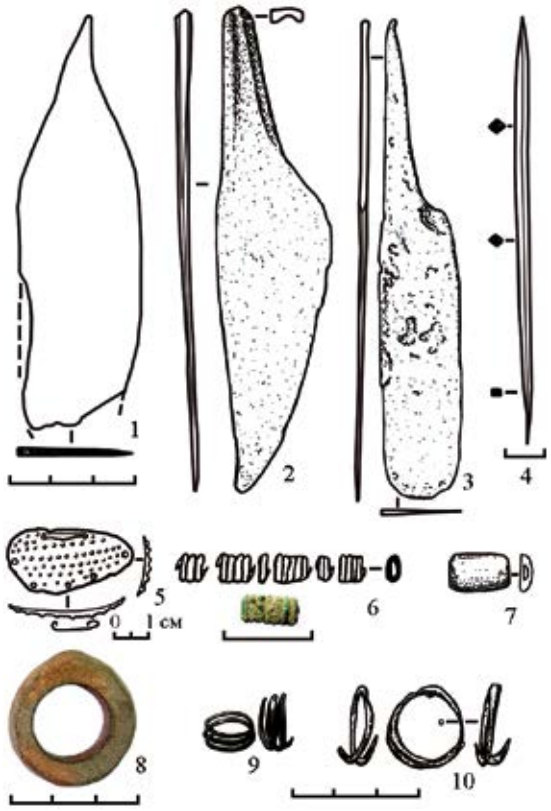

Рис. 2.20. Вещи из погребений могильников Айрыдаш-I, Урускин Лог-1, Усть-Куюмский, Первый Межелик-I, Чемал-3, Кара-Коба-1, Сальдяр-1: *1–4* – медные ножи и шило; *5* – оковка; *6, 9–10* – украшения из металла; *7* – украшение из кости; *8* – каменное кольцо (по: [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 37.-*1*; 68.-*2, 5, 6*; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 8.-*9*; 10.-*6*; 19.-*9*; 20.-*6*; 27.-*9*; 39.-*3*; 51.-*3*])

Неизвестно, какую роль играло в жизни афанасьевского населения рыболовство. Находок, свидетельствующих о занятиях рыболовством, практически нет. Изотопные исследования неожиданно показали, что афанасьевское население из Горного Алтая, в отличие от родственных племен с Енисея, практически не употребляло рыбу. Сложно сказать, с чем это связано, так как добыть рыбу в те времена не составляло большого труда.

Жили «афанасьевцы» в небольших поселках, состоявших, вероятнее всего, из полуземлянок или жилищ наземного типа. На поселениях сохранились небольшие очаги диаметром около 1 м, слегка заглубленные в землю, оконтуренные камнями или мелкими плитками.

Представление о величине поселков обычно составляется по количеству погребенных на кладбище людей. На большинстве афанасьевских могильников раскопано небольшое количество объектов. Визуальный осмотр памятников позволяет предположить, что в основном они содержат приблизительно одинаковое число ог-

Рис. 2.21. Глиняные курильницы из могильников Кор-Кобы-1 (1); Усть-Муны-3 (2) (по: [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, обложка)]

рад, а следовательно, и погребенных людей. В данном случае показательны материалы наиболее полно исследованного могильника Сальдяр-1. Там похоронен 41 человек – 13 взрослых, 28 детей и подростков. Захоронения последних составляют 63%. Это указывает на высокий уровень смертности детей, который в целом находится приблизительно в том же соотношении с числом взрослых, что и на могильниках эпохи бронзы. Вероятнее всего, такое кладбище действовало менее 50 лет. Однако у афанасьевских погребальных комплексов есть особенность: они находятся на расстоянии 0,5–2 км один от другого. Так же расположены и поселения. Наличие похожих сосудов на разных некрополях и поселениях, судя по всему, изготовленных в один промежуток времени, позволяет считать, что и памятники функционировали одновременно. Имеющиеся данные свидетельствуют о высокой плотности заселения афанасьевским населением речных долин Горного Алтая. Видимо, «афанасьевцы» жили небольшими поселками, но располагались эти поселки в непосредственной близости, что создавало возможность постоянных контактов.

Возраст смерти мужчин и женщин различается. Средний возраст смерти мужчин 36 лет, женщин – 31 год. Большинство мужчин умирали моложе 50, а женщин – моложе 35. Мужчин старше 45 лет больше, чем женщин, которые редко доживали до 45 лет. Детская смертность особенно высока в 1–2 года и 5–10 лет. Кроме того, отмечается значительная смертность в возрастной группе от 13 до 19 лет, включающей подростков, женщин и мужчин.

Исследованиями установлено, что на состояние здоровья мужчин в большей степени оказывали влияние неблагоприятные последствия их хозяйственной деятельности, обусловленные повышенным травматизмом и переохлаждением, а женщин – последствия недоедания, особенно чувствительные в детском возрасте и в период беременности. Большая смертность детей в афанасьевское время, как, видимо, в целом и в первобытном обществе, была из-за тяжелых условий жизни и плохого питания.

По основным показателям, характеризующим состояние здоровья у афанасьевского населения Горного Алтая, обнаружено сходство с населением, экономической основой которого было животноводство. Однако есть и особенности. Например, у «афанасьевцев» Горного Алтая отмечено отсутствие кариеса зубов и наличие признаков цинги. У детей происходили задержки роста. Это было связано с тем, что обеспечение пищей было недостаточно стабильным. Дети сильно страдали от недостатка витаминов, хотя вокруг афанасьевских поселков имелось много источников витаминов. Инфекционные заболевания в детском возрасте нередко заканчивались

летальным исходом. Отмечено, что девочки получали более ограниченный доступ к пищевым ресурсам, чем мальчики. Выявлены и патологические последствия холодового стресса на «афанасьевцев». В целом на продолжительность жизни влияли пищевой стресс и болезни, пережитые в период роста и развития.

«Афанасьевцы» Горного Алтая выделялись высоким ростом. Длина тела в среднем составляла 175,9 см у мужчин и 167,5 см у женщин. Это одна из самых высокорослых групп среди евразийских популяций эпохи палеометалла. Адаптивные особенности скелетной конституции афанасьевского населения Горного Алтая формировались под воздействием холодового стресса и гипоксии (кислородного голодания). Признаков имущественного неравенства или зависимого положения мужчин и женщин пока не прослежено. Погребения двух человек встречаются редко. Как правило, это захоронения взрослого и ребенка, двух детей или подростков и, как исключение, встречаются совместные погребения мужчины с женщиной. Однако какими-либо отличительными признаками или богатым инвентарем парные захоронения не выделяются. В погребениях в оградах, значительно различающихся размерами, например, диаметром 1 м и 16,5 м, по инвентарю каких-либо различий не прослежено. Размер оград не связан и с возрастом погребенных, так как в небольших оградах (диаметром до 3 м) хоронили не только детей, но и взрослых. В целом, детей хоронили так же, как и взрослых, особого обряда для них не было. Хоронили их как в отдельных оградах, так и со взрослыми в одной могиле. Тем не менее различия между жителями все же были. Об этом свидетельствует то, что в нескольких могилах было по 3–5 сосудов, а приблизительно в 40% захоронений глиняной посуды не было вообще. На особый статус погребенных, видимо, указывает наличие жезлов, пестов, ножей и некоторых других вещей в могилах.

Как отмечалось выше, афанасьевские памятники найдены в разных регионах. Основное их количество обнаружено в Горном Алтае и минусинских степях Енисея. Между ними имеются различия и по погребальному обряду, и по инвентарю. Например, на Енисее, в отличие от Алтая, чаще хоронили умерших в оградах из плит и камней, уложенных плашмя друг на друга. В ограде нередко сооружалось по две и больше могилы, ямы перекрывали массивными бревнами. В ряде случаев погребено от 3–4 до 8 человек. Удалось установить, что коллективные захоронения на Енисее совершались весной. Тех, кто умер зимой, временно помещали в наземных укрытиях, которые иногда нарушались дикими животными. Различается и глиняная посуда – афанасьевские сосуды с Енисея более вытянутые, меньше высота венчика, часто украшались инструментами, аналогий которым на Алтае не обнаружено. Однако в целом между афанасьевским населением этих двух регионов много общих черт. В частности, это проявлялось в традициях сооружать круглые ограды с высокими стенками из плит и камней, хоронить умерших людей на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад и запад, помещать с ними остродонные и круглодонные профилированные сосуды, часто украшенные «качалкой» и др. Очевидно, эти две области были населены разными племенными группами с одинаковой в общих чертах культурой. Эти группы различались между собой некоторыми обычаями и этнографическими особенностями. Необходимо отметить, что различия между памятниками разных регионов связаны не только с тем, что они оставлены разными этнографическими группами, но и, безусловно, с тем, что у афанасьевского населения разных регионов были разные исторические судьбы (Горный Алтай, Средний Енисей, Тува, Монголия).

Афанасьевское население характеризовалось ярко выраженным европеоидным типом. По своему внешнему облику афанасьевские племена не имели ничего общего с населением, занимавшим более восточные и северные территории, а на западе наиболее близкие аналогии имеются в степях Поволжья. Афанасьевские племена Алтая и Енисея представляют крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии. Их объединяет сходное хозяйство, а также, по-видимому, происхождение.

Происхождение «афанасьевцев» по-прежнему остается загадкой. На сегодняшний день выдвинуты разные гипотезы. Первоначально предполагалось, что афанасьевское население было местным. Однако это мнение не нашло подтверждений. Большинство данных свидетельствует о том, что афанасьевское население пришлое, хотя не исключено, что в его формировании могли принять участие и местные племена. По крайней мере, отмечено влияние на афанасьевское население инокультурного, в частности, в традициях изготовления посуды. Остается не ясным, откуда пришли «афанасьевцы» на Алтай и на Енисей. Существует несколько точек зрения по этому поводу. Одна из них предполагает, что сложение афанасьевской культуры произошло в Центральной Азии – в северной части Монголии и Тувы, откуда население и мигрировало. Более популярна точка зрения, что «афанасьевцы» пришли на Алтай и Енисей из Волго-Уральского междуречья и более западных территорий, где проживали древнеямные племена, получившие свое название из-за того, что хоронили своих умерших в простых грунтовых ямах и, как правило, без инвентаря. Именно с этим населением отмечают наиболее близкое сходство антропологи и палеогенетики. Однако существенные различия в материальной культуре, погребальном обряде делают маловероятным непосредственную миграцию древнеямного населения из Волго-Уральского междуречья на Алтай и Енисей, но не исключают общего происхождения афанасьевского и древнеямного населения. Существует еще одна точка зрения, что был единый центр, из которого племена мигрировали в разных направлениях (на восток и на запад), в результате образовались древнеямная и афанасьевская группы населения. Подобное предположение объясняет выявленные различия в культуре афанасьевского населения из двух регионов. Однако район, из которого произошла миграция, не установлен. В целом, пока ни одна из этих точек зрения не приобрела решающего перевеса, но в результате исследований последних лет появляются все новые доказательства, подтверждающие пришлый характер афанасьевского населения в Горном Алтае.

Н.Ф. Степанова

ЕЛУНИНСКАЯ КУЛЬТУРА И УТКУЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

Хронологический отрезок с XXV по XVIII в. до н.э. в древней истории Алтая принято обозначать как период ранней бронзы – время появления и распространения технологии искусственных сплавов из цветных металлов. В то время в евразийских степях происходили существенные изменения в этнокультурной и социально-экономической жизни многих народов. Начались они с миграций индоевропейских племен в восточные и южные районы Евразии. В результате разнообразных взаимодействий многие элементы культуры мигрантов оказывали большое влияние на местные сообщества. Население Лесостепного Алтая, находившееся на восточной периферии таких процессов, также испытало на себе указанное воздействие.

Переселенцы, среди которых преобладали мужчины европеоидного (средиземноморского) типа, стали проникать в Обь-Иртышское междуречье, по всей видимости, с юго-западных территорий. Они взаимодействовали с местными энеолитическими племенами охотников, рыболовов и собирателей, основу которых составляли люди монголоидного антропологического облика. Наладившиеся контакты в основном носили мирный характер, что отразилось в заключении брачных союзов и обмене различной продукцией. Но не обходилось и без вооруженных стычек, о чем свидетельствуют погребения людей со следами насильственной смерти. В результате системного взаимодействия на территории Лесостепного Алтая уже к XXII в. до н.э. сформировалась своеобразная культура, впитавшая в себя традиции пришлых и местных племен. Первые нашли отражение в социально-экономической и духовной сферах деятельности: в распространении бронзолитейного производства, развитии продуктивного животноводства, формировании мировоззренческих представлений, реализации погребально-поминальной обрядности, влиянии мобильного искусства. Поскольку носителями местных культурных традиций выступали преимущественно женщины, то это заметно проявлялось в такой области деятельности, как гончарное производство, особенно в украшении керамических сосудов отличительными приемами и специфическим орнаментом.

Археологическая культура получила название «елунинская» по месту расположения древнего могильника, раскопанного экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина [2002] у с. Елунино в Павловском районе Алтайского края. Племена этой культуры расселились на территории степной и лесостепной зоны южного Обь-Иртышья, а также северных предгорий Алтая. На востоке границей распространения памятников *елунинской культуры* является правобережье Оби, на севере – Барабинская лесостепь, на юге – горы Алтая, на западе – левобережье Иртыша (рис. 2.22).

Как уже было отмечено выше, елунинская общность сформировалась в результате взаимодействия двух основных компонентов, что проявилось не только в материальной культуре, но и в антропологическом составе населения. Произош-

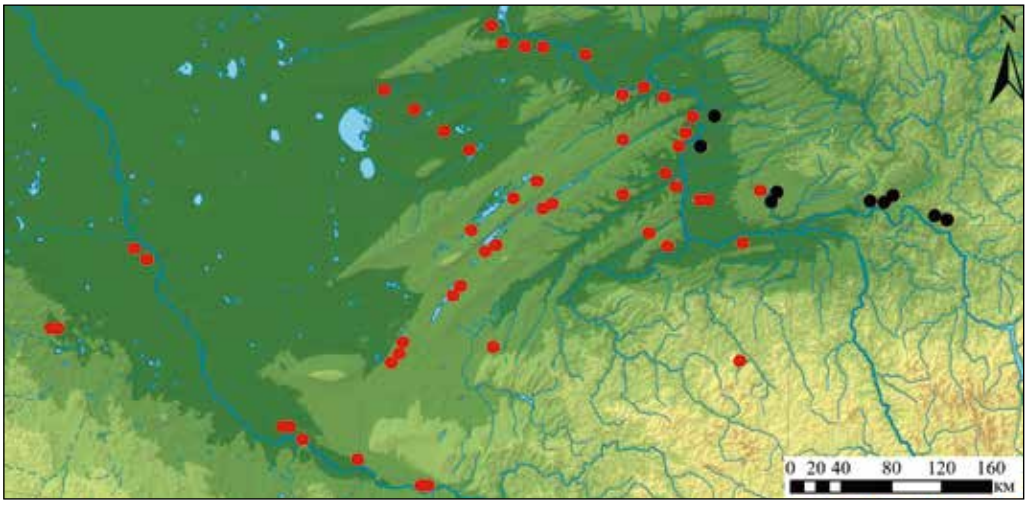

Рис. 2.22. Ареал памятников елунинской культуры (красные точки) и уткульской группы (черные точки)

ло смешение людей европеоидного (рис. 2.23.-*1*) и монголоидного (рис. 2.23.-*2*) типов, что затем отразилось в особом европеоидно-монголоидном облике древнего населения рассматриваемого региона (рис. 2.23.-*3*).

Наиболее крупные раскопки проводились на памятниках Колыванское-I в Змеиногорском районе и Березовая Лука в Алейском районе Алтайского края. Поселение Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011] являлось стационарным, долговременным и круглогодичным местом проживания елунинских животноводов, где обнаружено значительное количество разных находок (рис. 2.24). Жилища, раскопанные на нем, можно отнести к типу наземных сооружений каркасно-столбовой конструкции, слегка углубленной в материк.

Дома в поселке располагались рядами, вытянутыми вдоль реки. Входом жилища были обращены на восток. В той же стороне от них размещались хозяйственные постройки. Иногда жилища пристраивались друг к другу и имели одну общую стену. Зафиксированы постройки овальной или подчетырехугольной формы с сильно закругленными углами. Площадь таких объектов составляла около 160 кв. м.

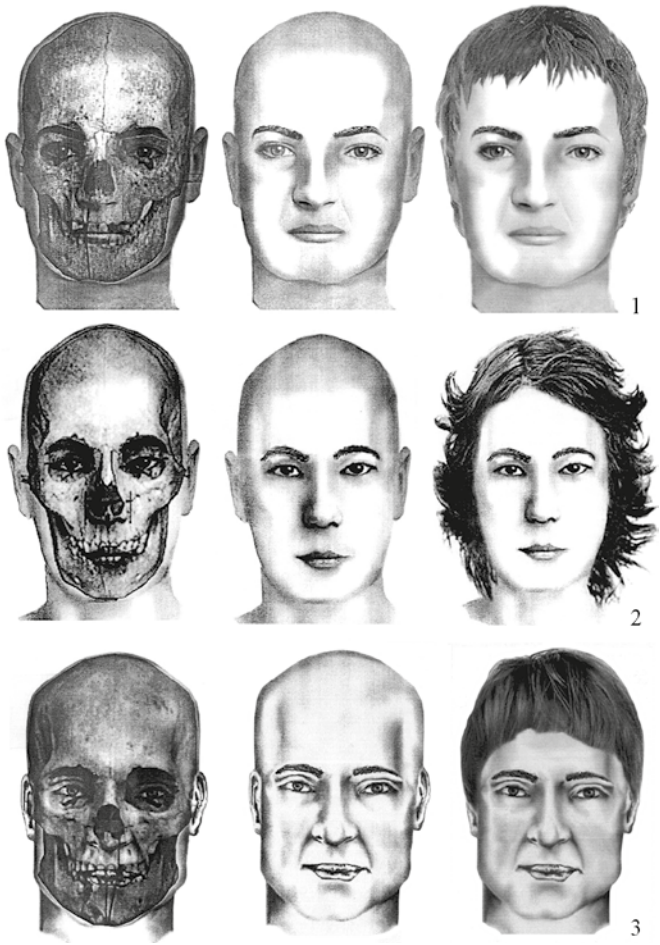

Рис. 2.23. Реконструкция внешнего облика представителей елунинской культуры (по: [Елунинский археологический комплекс…, 2016, рис. 73, 74, 76])

Жилища имели три структурно-функциональные зоны. Первая – это входной тамбур, расположенный у восточной стенки строения. Он имел четырехугольную форму размерами 5×4 м и выступал за пределы основного котлована. Выход оформлялся навесом-козырьком, который держался на нескольких опорных столбах. Функции данной зоны были связаны не только с доступом в жилище, но и с обеспечением температурной изоляции основного помещения, выступая в качестве температурного барьера между жилой и внешней средами.

Вторая зона (хозяйственно-кухонная) располагалась в центре и в самой углубленной части котлована. Ее размеры имели

участок 10×6 м, и его площадь, соответственно, составляла около 60 кв. м. Центром этой зоны и всего жилого комплекса в целом была очажная яма, которая могла перестраиваться по мере необходимости. Четырехугольный очаг имел глиняную обмазку и бортики. Вокруг него размещались отопительные ямы грушевидной в разрезе формы, которые располагались между очагом и спальной зоной. В хозяйственно-кухонной зоне была сосредоточена вся основная деятельность людей по приготовлению пищи и поддержанию необходимого комфортного температурного режима в постройке.

Третья зона (спальная) размещалась по периметру хозяйственно-кухонного участка, вдоль стенки жилища и представляла собой ступеньку шириной 1,5–3 м, расположенную выше уровня пола хозяйственно-кухонной зоны на 10–15 см. Общая площадь спальной зоны составляла около 60 кв. м. Она могла иметь стенки-перегородки, которые оформляли отдельные жилые комнаты-боксы. Данная зона использо-

Рис. 2.24. Исследование поселения Березовая Лука и некоторые находки: *1* – общий вид на раскоп; *2* – костяные наконечники стрел; *3* – каменные наконечники стрел (по: [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, фото 8, 15, 19])

валась не только для сна и отдыха обитателей жилища, но и для хранения продуктов питания, необходимых материалов, одежды и проч. Об этом свидетельствуют многочисленные ямы, размещенные на рассматриваемом участке. Можно предположить, что спальные места оформлялись в виде нар, поднятых над полом жилища. Они размещались вдоль стен жилища. Кроме того, в качестве подстилок могли использоваться плетеные «матрацы» и подстилки из ивы, бересты и других растительных материалов. Производственная деятельность была рассредоточена внутри жилого пространства, но большая ее часть осуществлялась за пределами жилища.

Доминирующей отраслью, обеспечивающей продуктами питания, у елунинского населения являлось животноводство. Основу стада составляли лошади, мелкий и крупный рогатый скот. Вспомогательный характер носили охота, рыболовство и собирательство. Хозяйство создавало сырьевую базу для домашнего производства и изготовления орудийного набора для многих форм деятельности. Камнеобработка имела ограниченное распространение и базировалась на местном или привозном сырье.

Другой сферой жизнедеятельности, в которой «елунинцы» добились значительных результатов, стала металлургия бронзы. Они первые не только на Алтае, но и в Сибири в целом освоили и распространили технологию производства искусственных сплавов на основе меди, используя местную горнорудную сырьевую базу Западного Алтая. Металлургия носила экспериментальный характер, древние мастера в процессе своей деятельности вырабатывали оптимальные рецепты искусственных сплавов и их пропорции. Предметы изготавливались из меди, сплавов меди с оловом, свинцом, цинком. Орудия труда и оружие отливались с использованием таких прогрессивных для того времени техник, как литье с «глухой» втулкой, с ребрами жесткости, художественное литье.

Определенное значение имели такие занятия, как деревообработка, ткачество, изготовление берестяных изделий и др. Выработанная населением елунинской культуры система жизнеобеспечения была оптимально адаптирована к природно-ландшафтным условиям степи и лесостепи, которые позволили определить соответствующую стратегию развития.

В рассматриваемый период времени происходило общественное разделение труда, которое выразилось в хозяйственно-культурной специализации елунинских поселений. Выделяются поселки металлургов и животноводов, жители которых обменивались результатами своего производства, создавая эффективную систему социально-экономических отношений.

Предметный комплекс, обнаруженный при исследовании археологических памятников, составляют десятки тысяч находок, которые дают представление о многообразии материальной культуры елунинского населения.

Керамическая посуда представлена разными емкостями: «туалетными» сосудиками высотой от 1 до 6 см, погребальными (12–18 см) и поминальными (30–35 см) изделиями. Все сосуды – плоскодонные, баночной и баночно-горшечной формы (рис. 2.25). Для елунинской манеры декорирования характерны устойчивые способы нанесения орнамента: горизонтальные ленты, покрывающие полностью стенки сосуда и выполненные в техниках «шагающей гребенки», «гребенчатой качалки», «отступающей палочки». Особо выделялась зона под венчиком. Она украшалась диагональными и вертикальными лентами «гребенки». На посуде отмечен такой орнаментальный элемент, как налепной валик, иногда волнистый

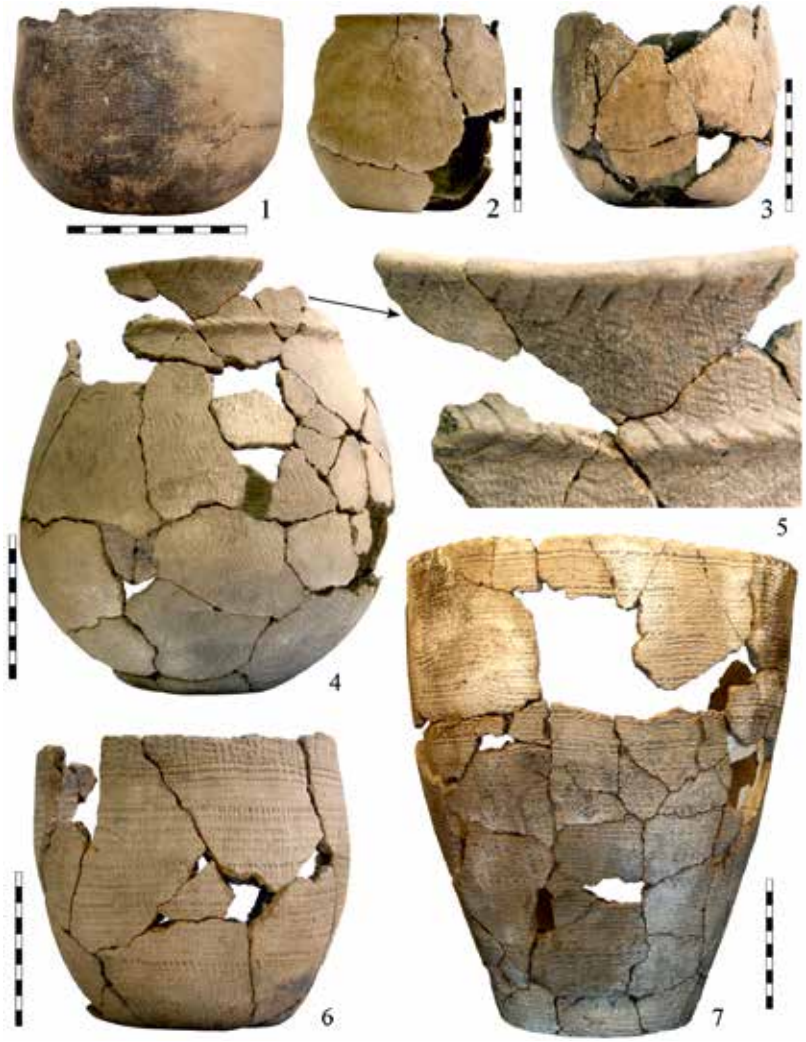

Рис. 2.25. Керамическая посуда елунинской культуры из могильника Телеутский Взвоз-I (по: [Елунинский археологический комплекс…, 2016, рис. 57])

и рассеченный гребенчатым штампом. Изготавливалась она лепным способом. При этом в глину клали различные добавки (песок, дробленый камень и керамику) для улучшения качества изделий.

Среди орудий труда известны костяные копьевидные орудия, наконечник стрелы для самострела, гарпуны, костяные трубочки, различные орудия для гончарного производства (орнаментиры, лопаточки для формовки посуды и заглаживания поверхности в процессе изготовления), орудия для обработки кожи (лощила-скребки для скобления и разминания кожи; скребки-ножи для снятия мездры; кочедыки, изготовленные из лопатки животных, для разминания и разрыхления растительных волокон; проколки и др.) (рис. 2.26). Известны изделия, предназначенные для земляных работ (роговые мотыги). Каменные орудия представлены скребками, дисками, оселками и другими абразивами, пестами, отбойниками,

теслами, шлифованными ножами, ядрами для пращи (?), грузилами, наковальнями. Среди бронзовых изделий необходимо отметить ножи без рукоятки, четырехгранные шилья с деревянной ручкой. В целом, комплекс характеризуют орудия, связанные с домашним производством, различными ремеслами и промыслами: гончарное, металлургическое, скорняжное и косторезное дело, дерево- и камнеобработка и др.

К оружию относятся бронзовые выгнутообушковые ножи с цельнолитой рукоятью и навершием, оформленным в виде головы лошади или кольца, а также без них (рис. 2.27.-*1–5*). На поселении Березовая Лука обнаружена костяная накладка с вырезом (рис. 2.26.-*5*), что может свидетельствовать о наличии у «елунинцев» сложносоставного лука. К категории предметов вооружения можно отнести крупные костяные (рис. 2.24.-*2*; 2.26.-*6*), каменные (рис. 2.24.-*3*; 2.26.-*1*) и бронзовые наконечники стрел (рис. 2.27.-*9*). Костяные изделия характеризуются многогранными черешковыми наконечниками с сужением в нижней части пера или без него.

Каменные предметы представлены черешковыми, а бронзовые – втульчатыми и двухлопастными изделиями.

Набор найденных украшений немногочисленный. Имеются свинцовые серьги в один и полтора оборота (рис. 2.27.-*6*), браслет из костяных и пастовых бусин-колечек.

«Елунинцы» достигли высокого уровня мастерства в изготовлении каменных предметов мобильного искусства, где с успехом применялись техника шлифования, пиление, сверление [Кирюшин, Грушин, 2009].

Великолепными образцами елунинской каменной скульптуры являются изделия с художественным оформлением навершия. В материалах эпохи бронзы Обь-Иртышья и за его пределами они трактуются исследователями как «жезлы» или «песты» и представляют собой каменные стержни со скульптурным изображением на одном конце. На Алтае найдено несколько экземпляров подобных вещей. Четыре песта-жезла происходят из разрушенного погребения могильника Шипуново-V (рис. 2.28.-*1–4*). Одно изделие увенчано головой лошади, другое – барана, третье – со сложным скульптурным оформлением стержня, четвертый – змеи (?). Пест в виде головы быка происходит с поселения Колыванское-I [Алехин, 1999, рис. 5.-*1*], известна скульптура навершия в виде головы человека (рис. 2.28.-*5*). Такая категория предметов связывается исследователями с ритуальной практикой, а владельцы пестов-жезлов – с высоким социальным статусом в обществе.

Среди изделий, которые использовались в ритуальных целях, можно отметить орнаментированное роговое навершие «Г-образной» формы. Находка такого предмета известна с территории Причумышья (рис. 2.29). Навершие имитирует голову птицы – ворона с загнутым клювом. Одна (лицевая) сторона изделия хорошо заполирована и украшена орнаментом. На изгибе навершия резными линиями нанесены три «S»-видные фигуры со спирально закрученными окончаниями. В центральной части вертикального стержня имеются поперечные пояски, два из которых (верхние) заполнены вырезанными треугольниками. Это придает рисунку вид изгибающейся змейки [Кунгуров, Горбунов, 2001, с. 117].

Исследователи связывают такие «жезлы-посохи» с тотемными атрибутами родоплеменной власти. Их носителями были мужчины с высоким общественным статусом, в функции которых входило отправление определенных религиозных ритуалов. Использование таких изделий, как наверший посохов, подтверждают

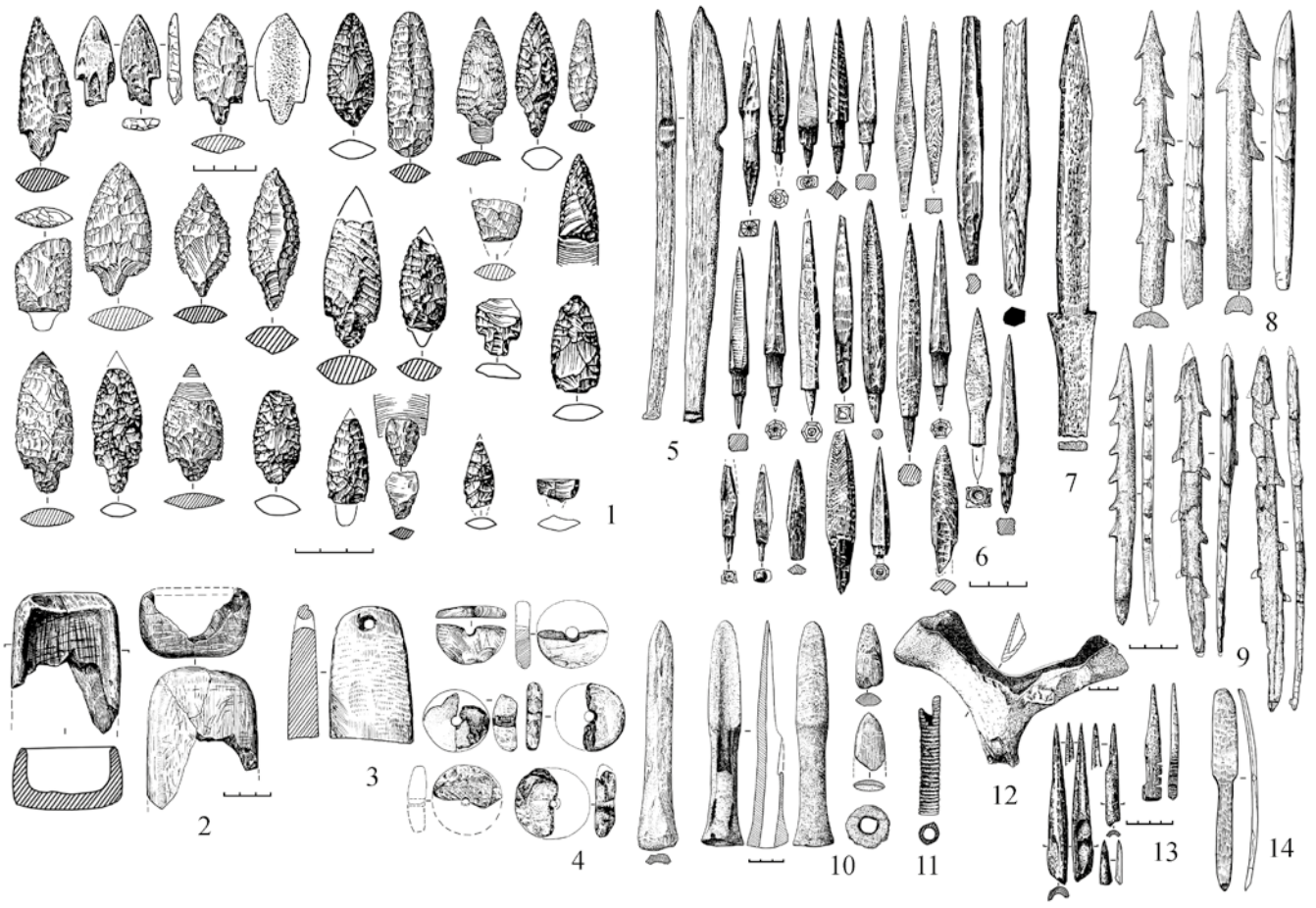

Рис. 2.26. Каменные (1–4) и костяные (5–14) изделия елунинской культуры с поселения Березовая Лука:
1, 6 – наконечники стрел и их заготовки; *2* – ступка; *3* – оселок; *4* – диски; *5* – концевая накладка на лук (?); *7–9* – наконечники гарпунов; *10* – пешни и их фрагменты; *11* – игольник; *12* – тупик; *13* – проколки; *14* – лощило (по: [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, рис. 4])

и многочисленные параллели в наскальных изображениях Северной Евразии бронзового века [Кирюшин, Грушин, 2009].

Особое значение имеют находки художественной бронзы. Ярким таким примером служит навершие уже упомянутого ножа (рис. 2.27.-*1*) в виде головы солнечного коня (рис. 2.30.-*1*).

Оригинальная подвеска из бурой яшмы в виде скульптуры сидящей хищной птицы со сложенными крыльями была обнаружена на поселении Березовая Лука (рис. 2.30.-*2*). Высота изделия 2,5 см. Птица имеет сильно выступающую грудку, хорошо выраженную голову, крылья и живот. Нарезками обозначены перья. В центре скульптуры просверлено биконическое отверстие для крепления. Осо-

Рис. 2.27. Металлические изделия елунинской культуры с памятников Елунино-1 (1), Цыганкова Сопка-2 (2, 8), Телеутский Взвоз-I (2, 4, 6, 7, 9, 10), Нижняя Суетка (5): *1–5* – ножи; *6* – серьги; *7* – шилья; *8–9* – наконечники стрел (по: [Грушин и др., 2009, цв. вкл.; Елунинский археологический комплекс…, 2016, рис. 64])

бенности изготовления и декорирования, а также следы износа амулета указывают на способ его крепления. Вероятнее всего, предмет достаточно жестко крепился к кожаной основе – головной убор (?). Левая сторона изделия заполирована сильнее правой, это может свидетельствовать о том, что скульптура птицы крепилась в профиль и была устремлена взором в левую сторону. Такой ракурс, вероятнее всего, был узнаваем и востребован. Это подчеркивается и большей выраженностью образа птицы именно в профильном варианте рассмотрения скульптуры.

К другой категории ритуальных предметов относится случайная находка каменного сосуда в Угловском районе Алтайского края [Кирюшин, 2002, рис. 132–136]. На тулове баночного сосуда изображена сцена охоты на быка, которого держат две собаки, одна из которых вцепилась в морду, а вторая – в заднюю часть (рис. 2.30.-*3*). На дне сосуда вырезана фигура человека, стреляющего из лука в быка. Изогнутый лук со стрелой изображен в придонной части под брюхом быка. В загривке быка торчит еще одна стрела. Исходя из семантики изображений, подобные предметы могли использоваться в ритуалах, связанных с охотничьей магией. Традиция использования подобных каменных сосудов отражает контакты Алтая в XXIII–XVIII вв. до н.э. с населением более южных территорий Центральной Азии – Западной Монголии, Синьцзяна, Тувы, где подобные находки имели наибольшее распространение.

Рис. 2.28. Каменные песты-жезлы елунинской культуры: *1–4* – песты с памятника Шипуново-V; *5* – обломок изделия из с. Саввушка (по: [Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 2])

В ритуальной практике использовались каменные «алтари», один из которых был обнаружен на святилище Телеутский Взвоз-1 в Павловском районе Алтайского края [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, рис. 60]. Такой предмет, как показали исследования, использовался для растирания мяса, растений в процессе жертвенных ритуалов, связанных с культом солнца. Особую категорию вещей составляют астрагалы с различными следами обработ-

Рис. 2.29. Роговое навершие посоха с р. Чумыш (по: [Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 7])

ки, однако их функциональная принадлежность остается до сих пор спорной.

При определении мест под кладбища «елунинцы» выбирали господствующие по высоте и выразительности в ландшафте мысы и террасы. Большинство погребальных комплексов расположено на высоком левом берегу Оби [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003]. С территории памятников открывается великолепный вид на обскую пойму. В грунтовых некрополях погребения группируются параллельными рядами, вытянутыми по линии ЮВ–СЗ или Ю–С. Возможно, они представляют собой группы захоронений, принадлежавшие членам одного рода, т.е. это были своеобразные родовые микрокладбища в рамках общего комплекса. В границах одного ряда прослежено несколько скоплений могил, которые фиксируют, вероятно, погребения ближайших родственников.

Рис. 2.30. Предметы искусства елунинской культуры: *1* – скульптурное навершие бронзового ножа в виде головы лошади из могильника Елунино-1; *2* – каменная подвеска птицы с поселения Березовая Лука; *3* – каменный сосуд с изображением сцены охоты из с. Лаптев Лог (по: [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, фото 19; Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 4; 9.-*4*])

Умерших хоронили в деревянных рамах или ящиках, сооруженных и оформленных прямо в могиле. На перекрытие из продольных плах иногда помещались берестяные листы. Тело умершего человека укладывалось на специально подготовленную подстилку, которая состояла из веточек, камыша или плашек, лежавших продольно по дну могилы, а сверху могла располагаться береста в несколько слоев.

Известны как одиночные, так и коллективные захоронения. Например, на памятнике Староалейка-II в могиле обнаружено более десятка погребенных [Кирюшин, 2002]. Доминирующим ориентиром при определении положения умершего человека в могиле, вероятно, была точка восхода солнца. В большинстве случаев тела укладывались головой на восток или северо-восток. Преобладало положение погребенных людей на левом боку с согнутыми ногами.

Известна практика вторичных и впускных захоронений. До погребения тело умершего могло помещаться на специально сооруженный над могилой погребальный помост. После разложения мягких тканей и связок человеческие останки укладывались в мешок или беспорядочно ссыпались в могилу. В погребальном обряде «елунинцы» широко использовали животных в качестве погребальной и поминальной пищи, а также жертвенных подношений. Находки представлены костями овец, коров, лошади, птицы, рыбы. Отдельно необходимо отметить птичьи яйца, обнаруженные в двух могилах. «Елунинцы» практиковали сожжение тела на стороне с последующим погребением праха и разведением костра на перекрытии погребальной камеры после того, как тела умерших были уложены по всем канонам погребального обряда.

На материале изученных памятников можно указать на ритуальную практику обращения с головой человека. Об этом свидетельствует нахождение черепа в отдельном погребении, в канавках на дне могилы, на уровне материка или в заполнении могильной ямы. Такие действия связаны с погребениями детей (нахождение черепов взрослых с детскими костяками). Во всех исследованных могильниках рассматриваемого времени обнаружены погребения со следами охры в виде отдельных кусочков, точек на отдельных костях скелета человека, окрашенного древка стрелы. Зафиксирована зольная и меловая подсыпка. На поселении Березовая Лука за стенами жилищ или в непосредственной близости обнаружены захоронения младенцев.

Среди найденного погребального инвентаря можно отметить следующие категории предметов: керамические сосуды; стрелы с костяными, роговыми, каменными, металлическими и деревянными наконечниками; бронзовые боевые и хозяйственные ножи, шилья; каменные песты, оселки и диски; обработанные астрагалы овцы и др. Среди украшений зафиксированы свинцовые серьги, найденные в детских захоронениях, и браслет из бусин.

Для мужских захоронений характерны преимущественно предметы вооружения и охотничьего снаряжения – наконечники стрел, ножи, для женских – предметы быта: бронзовые шилья, проколки. Имеется категория предметов, характерная только для детских погребений, – свинцовые колечки.

На могильниках выделяются погребения, которые можно трактовать как социально значимые. Они занимают центральное положение в группе могил, отличаются более крупными размерами и подквадратной формой с дополнительными элементами устройства могильной ямы, наличием деревянной погребальной ка-

меры, относительным «богатством» погребального инвентаря. Как, правило, такие погребения принадлежали мужчинам зрелого возраста.

На памятниках зафиксированы жертвенники, поминальники и святилище. На археологическом комплексе Телеутский Взвоз-I поминальники сооружались в 3–5 м к востоку, северо-востоку от могил. Они представляли собой яму с сосудом или клад предметов. Емкости использовались для «кормления» умерших. Сакральным центром указанного памятника являлось культовое сооружение, расположенное в центре мыса. Оно представляло собой систему объектов, центром которой был вертикально стоящий деревянный столб. От данного сооружения отходили в радиальном направлении три рва. К северу от него фиксировались два прокала от костра и большое скопление костей животных. В том месте, по всей видимости, происходили ритуальные жертвоприношения и другие действия.

Разнообразие элементов, зафиксированное в исследованных погребальных комплексах, свидетельствует о формировании сложной религиозной картины мира у населения, проживавшего на территории Алтая в период ранней бронзы. Во многом это связано с наличием металлургии и производящего хозяйства, где основную роль играло разведение овец, коров и лошадей; сложным многокомпонентным характером формирования культуры данного населения.

Исследование планиграфии могильников в комплексе с материалами раскопок и полученными в процессе полевого наблюдения астрономическими ориентирами позволило утверждать, что сакральное пространство памятника являло собой, в понимании его создателей, конкретную модель Мира и создавалось в соответствии с этими представлениями. Потому оно имело строго организованную в соответствии с горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекцией Вселенной пространственную и временную структуру.

Из базовых мировоззренческих установок «елунинцев» можно отметить:

– культ огня (широкое использование огня в ритуально-погребальной практике в качестве «очистительной» стихии);

– культ солнца (солярные изображения на керамических сосудах и навершиях бронзовых ножей; привязка ритуально-погребальных мероприятий к важным астрономическим событиям, связанным с движением солнца);

– почитание основных видов домашних животных: лошадь, баран, бык (навершия голов животных на каменных жезлах и бронзовых ножах; широкое использование животных в ритуально-погребальной практике в качестве жертв, погребальной и поминальной пищи).

Такой комплекс мировоззренческих установок хорошо согласуется с животноводческим типом хозяйства елунинского населения и определенным мужским началом в культуре, религиозных представлениях и социальном устройстве общества. Отмеченные основы скотоводческих племен на Алтае получили дальнейшее развитие на протяжении последующих периодов бронзового века. Елунинская культура просуществовала до XVIII в. до н.э., когда ее носители были ассимилированы и вытеснены в более северные и западные регионы андроновскими племенами развитого (среднего) бронзового века.

Влияние пришлых европеоидных племен на местное энеолитическое население Алтая в различных природно-экологических зонах было не одинаковым. Если равнинные степные левобережные участки Верхнего Приобья испытали на себе существенное воздействие, результатом чего стало формирование елунинской

культуры, то правобережные, лесные и предгорные таежные зоны практически остались не тронутыми. В результате чего в этой зоне сохранилось преимущественно автохтонное население с сильными энеолитическими традициями во всех сферах жизни. Памятники данной группы предложено рассматривать отдельно. Они хорошо изучены по берегам оз. Уткуль в Зональном районе Алтайского края. Культура представлена материалами поселенческих комплексов, которые распространены в правобережье Верхней Оби, занимая лесные и лесостепные ландшафты (рис. 2.22).

Посуда «уткульского» типа существенно отличается от елунинской своей более богатой орнаментацией, прежде всего в композиционном плане (рис. 2.31.-*1, 3, 6*). Сосуды имеют баночную форму и переходную к горшковидной. Их характеризует комбинированная техника орнаментации. На сосуды нанесены прямые и волнистые линии, ромбы, зигзаги, прямые и наклонные линии.

Существенным образом от левобережных елунинских комплексов отличается каменный и костяной уткульский инвентарь (рис. 2.31.-*2, 7, 9–13*). Каменные наконечники стрел характеризуются изделиями с прямой или выгнутой базой, отсутствием наконечников с черенком, сохраняются, по сути, неолитические традиции в камнеобработке – пластинчатая техника расщепления. В инвентаре встречены ножевидные пластины, наконечники стрел и скребки, выполненные на пластине, каменные стерженьки.

Основу экономики уткульского населения составляла охота на крупных копытных животных. Основным объектом охоты был лось. Кости этого животного составляют 88,7% от общего количества определимых костей, что может свидетельствовать о формировании на Алтае уже в период неолита специализированной охоты на лося. Большое значение также имело рыболовство, снасти в виде рыболовных стерженьков и крючков найдены при раскопках.

Погребальная практика уткульского населения может быть документирована материалами могильника Тузовские Бугры-I в Первомайском районе Алтайского края. Умерший человек был похоронен вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 2.31.-*1–5*). В заполнении могилы были найдены каменный нож, наконечник стрелы. С погребенным обнаружены два свинцовых височных кольца, сосуд, украшенный под венчиком резными линиями, рядом ямок и ногтевыми насечками, костяной гарпун и накладка на лук.

Специфика данных культурных образований, вероятно, проявляется и в мировоззренческой сфере. Большую роль играли культы промысловых животных, о чем свидетельствует, в частности, каменный жезл с навершием в виде головы медведя, обнаруженный на оз. Уткуль. У елунинского населения ритуальная символика была связана с домашними животными – находки каменных пестов с навершием в виде головы барана, лошади, быка подтверждают этот факт.

Население, оставившее памятники уткульской группы, было связано с таежными районами Западной Сибири, заходило далеко на юг по правобережной лесной зоне вплоть до северных предгорий Алтая. В формировании уткульских культурных традиций значительную роль сыграли местные неолит-энеолитические традиции, которые демонстрируют нам не только преемственность в материальной культуре (прежде всего каменная индустрия) и традиционном природопользовании, но и в отсутствии какой-то значительной смены состава населения. Культурные уткульские традиции на территории правобережья Верхней Оби со-

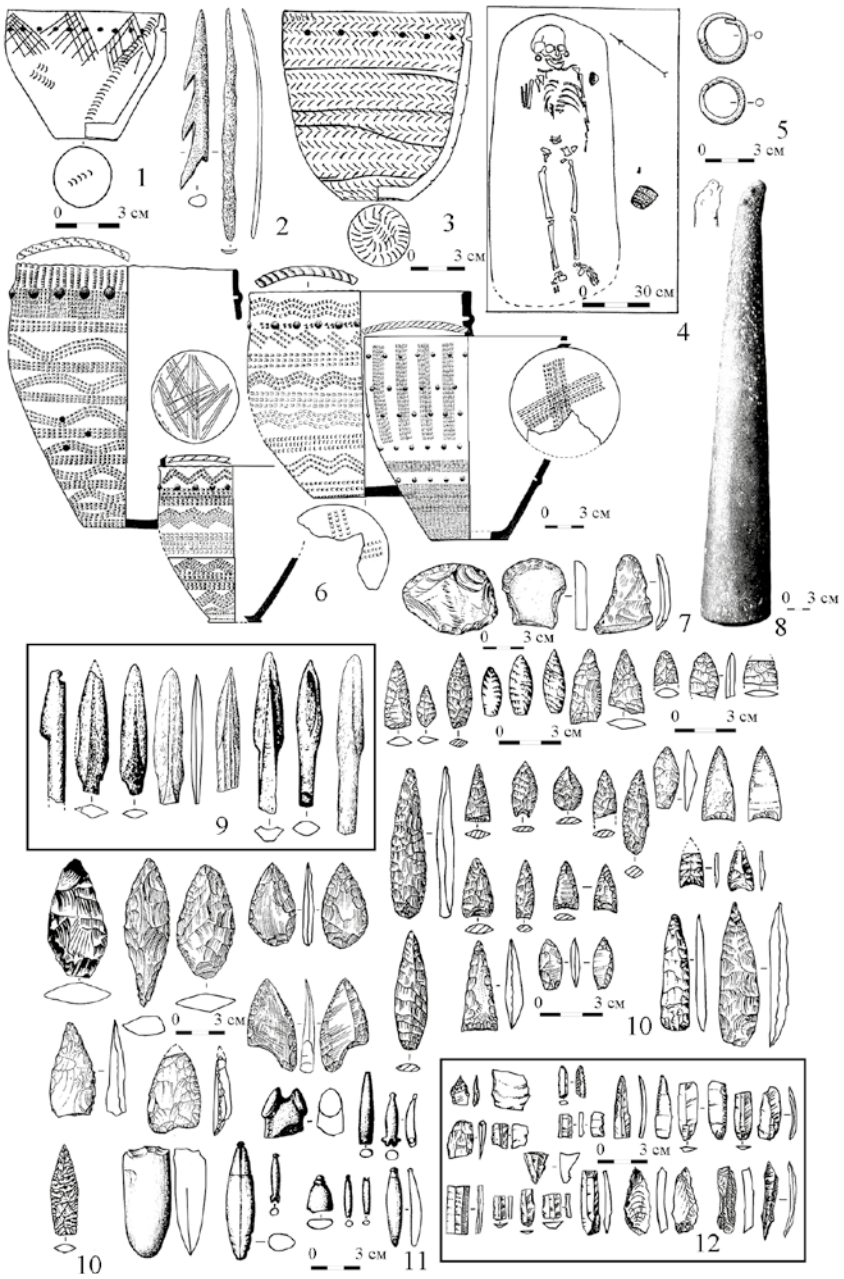

Рис. 2.31. Археологический комплекс уткульской культуры могильника Тузовские Бугры-I (1–5), поселений Костенкова Избушка и Коровья Пристань-III (6, 7, 9–13), случайная находка оз. Иткуль (8): *1, 3, 6* – керамическая посуда; *2* – наконечник костяного гарпуна и костяная накладка на лук; *4* – план погребения; *5* – металлические серьги; *7* – каменные скребки; *8* – каменный пест-жезл с навершием в виде головы медведя; *9* – костяные наконечники стрел; *10* – каменные наконечники стрел; *12* – каменные стерженьки для крючков; *13* – каменные пластины и орудия на них (по: [Грушин, 2014, рис. 1])

хранялись на протяжении почти всего бронзового века. На их основе сформировалась корчажкинская культура позднего бронзового века, а лесной (охотничье-рыболовно-животноводческий) многоотраслевой тип хозяйства в этом регионе стал основой для развития экономики в последующие исторические периоды, вплоть до этнографической современности.

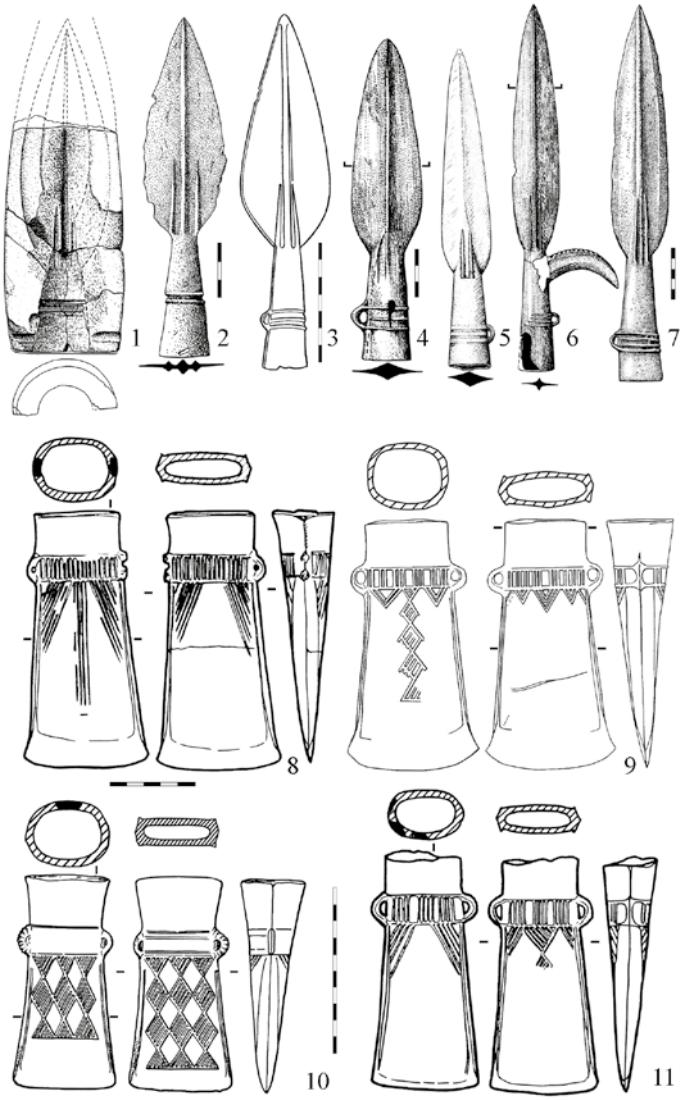

Рис. 2.32. Литейная форма (1), бронзовые наконечники копий (2–7) и кельты (8–11) сейминско-турбинского типа: *1* – Калантырь-II (по: [Кирюшин, 2002, рис. 154]); *2* – Соузга (по: [Кочеев, 1997, с. 171–173]); *3* – Клепиково (по: [Грязнов, 1956, рис. 5.-*2*]); *4* – Устьянка; *5* – Парфеново; *6* – р. Чарыш (по: [Кирюшин, 2002, рис. 151, 152]); *7* – Новиково (по: [Тишкин, Семибратов, 2013, рис. 1]); *8* – Смоленское (по: [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 19.-*3*]); *9* – Николаевка (по: [Уманский, 1992, рис. 4]); *10* – Косиха ([Черных, Кузьминых, 1989, рис. 78.-*4*]); *11* – Иткульский завод ([Грязнов, 1956, рис. 5.-*2*])

Лесостепной Алтай в эпоху бронзы был включен в культурный ареал влияния так называемых племен сейминско-турбинского типа. Свое название они получили благодаря ярким бронзовым изделиям, обнаруженным в наиболее крупных могильниках Сеймино и Турбино в Восточной Европе. К сейминско-турбинскому комплексу относятся три основные категории вооружения: ножи, наконечники копий и кельты. Причем для каждой категории бронзового оружия характерен определенный набор признаков, делающий ее узнаваемой и особенной.

Сейминско-турбинскими металлургами были изобретены революционные технологические новшества, что позволило изготавливать самые совершенные для того времени предметы вооружения, которые распространились на обширной территории Северной Евразии. Среди них необходимо отметить литье изделий с «глухой» втулкой (кельты, наконечники копий и стрел); ребра жесткости в виде «вилки» (наконечники копий); ребра жесткости с «Т-образным» расширением обушка (ножи); литье по восковой модели; использование наиболее эффективных оловянных бронз.

Распространение характерных металлических изделий на огромной территории лесостепной полосы Евразии, протянувшейся от Финляндии до Монголии и Китая, позволило исследователям обозначить сейминско-турбинский межкультурный (транскультурный) феномен. Его сложение происходило, по всей видимости, на основании синтеза двух основных компонентов: «алтайские» племена металлургов и коневодов (степи, лесостепи, предгорья Алтая) и «таёжные» племена подвижных охотников и рыболовов, населявших пространство от Енисея до Байкала, с которыми связан богатый каменный и костяной инвентарь, а также украшения из нефрита [Черных, Кузьминых, 1989, с. 270].

Рис. 2.33 Случайная находка бронзового наконечника копья в с. Новиково (по: [Тишкин, Семибратов, 2013, рис. 2])

На территории Алтая обнаружена серия великолепных бронзовых предметов вооружения сейминско-турбинского типа (рис. 2.32–2.33). Среди них можно отметить находки характерной литейной формы, а также копья и двуушковые кельты, орнаментированные ромбами и треугольниками.

Отметим крупные бронзовые ножи. Они представлены пластинчатыми черешковыми двулезвийными «ножа-

ми», например из Клепиково [Грязнов, 1956, рис. 5.-*2*], и однолезвийными ножами с цельнолитыми рукоятями и оформленными навершиями (рис. 2.27.-*1, 2*).

В настоящее время есть основания полагать, что формирование сейминско-турбинского феномена на Алтае было связано с носителями елунинской культуры [Кирюшин, 1992]. Об этом свидетельствуют факты нахождения предметов сейминско-турбинского типа в закрытых погребальных комплексах, а также близкий состав металла обоих групп предметов. В целом, анализ металлических предметов с Алтая, связанных с сейминско-турбинскими стереотипами металлообработки, показывает, что они морфологически неоднородны [Грушин, 2008а–б; 2012]. Выделяется несколько групп изделий, которые могут отражать локально-хронологические особенности развития сейминско-турбинских бронзолитейных традиций.

Таким образом, археологический материал елунинской культуры отражает важный период древней истории значительной территории Евразии. Его дальнейшее изучение позволит выйти на реконструкцию многих этнокультурных процессов.

С.П. Грушин

КАРАКОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И НАХОДКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Эпоха бронзы без преувеличения остается «белым пятном» в древней истории Горного Алтая. Первые поселения и могильники периода ранней бронзы фактически были открыты только в середине 1970-х гг. К этому времени относится и ряд памятников первобытного искусства: плита из с. Озерного, стелы «окуневского типа», каменная голова с р. Елангаш, а также многочисленные наскальные рисунки.

Большинство раскопанных погребений, относящихся к эпохе бронзы, сильно разрушены в результате хозяйственной деятельности людей. Кроме того, в захоронениях крайне редко находят вещи, в том числе и керамику. Все это затрудняет определение культурной и хронологической принадлежности многих памятников, а также соотнесение между собой погребальных и поселенческих комплексов.

На изученных поселениях, как правило, нет четко выраженных культурных слоев. Находки сделаны на 15 археологических объектах и представлены в основном немногочисленными фрагментами керамики. Сосуды преимущественно баночной формы, и всех их объединяет наличие плоского дна. Это же отличает их от керамики афанасьевской культуры, для которой характерны профилированные изделия с острым или округлым дном (рис. 2.18). В целом коллекция керамики с каждого памятника оригинальна и не имеет аналогий, что не позволяет соотнести их между собой.

Материалы изученных поселений не дают возможности составить представление о конструктивных особенностях жилищ, очагов и хозяйственных комплексов. Памятники, безусловно, оставлены племенами с разной культурной принадлежностью и в разное время. Малочисленность находок не позволяет составить целостное представление о населении, проживавшем на территории Горного Алтая в рассматриваемое время.

Наиболее перспективными для изучения являются погребальные комплексы *каракольской культуры*, название которой связано с одним из могильников, раскопанных в Центральном Алтае. Всего на территории Горного Алтая исследовано около 30 полуразрушенных каракольских захоронений (рис. 2.34).

Жили «каракольцы» в долинах притоков Катуни. Судя по сохранившимся надмогильным сооружениям, можно предположить, что для каракольских некрополей характерны подпрямоугольные ограды из каменных плит, поставленных на ребро (рис. 2.35). Внутреннее пространство объекта заполнялось камнями. В ограде обычно сооружалось несколько могил. Захоронения совершались в каменных ящиках, которые устанавливались в неглубоких грунтовых ямах. Стенки могил обкладывались подпрямоугольными плитами, тщательно ограненными, плотно подогнанными друг к другу, сверху перекрывались также каменными плитами.

Некоторые плиты, составляющие каменные ящики, изнутри расписаны оригинальными изображениями животных, птиц и антропоморфных существ (рис. 2.36).

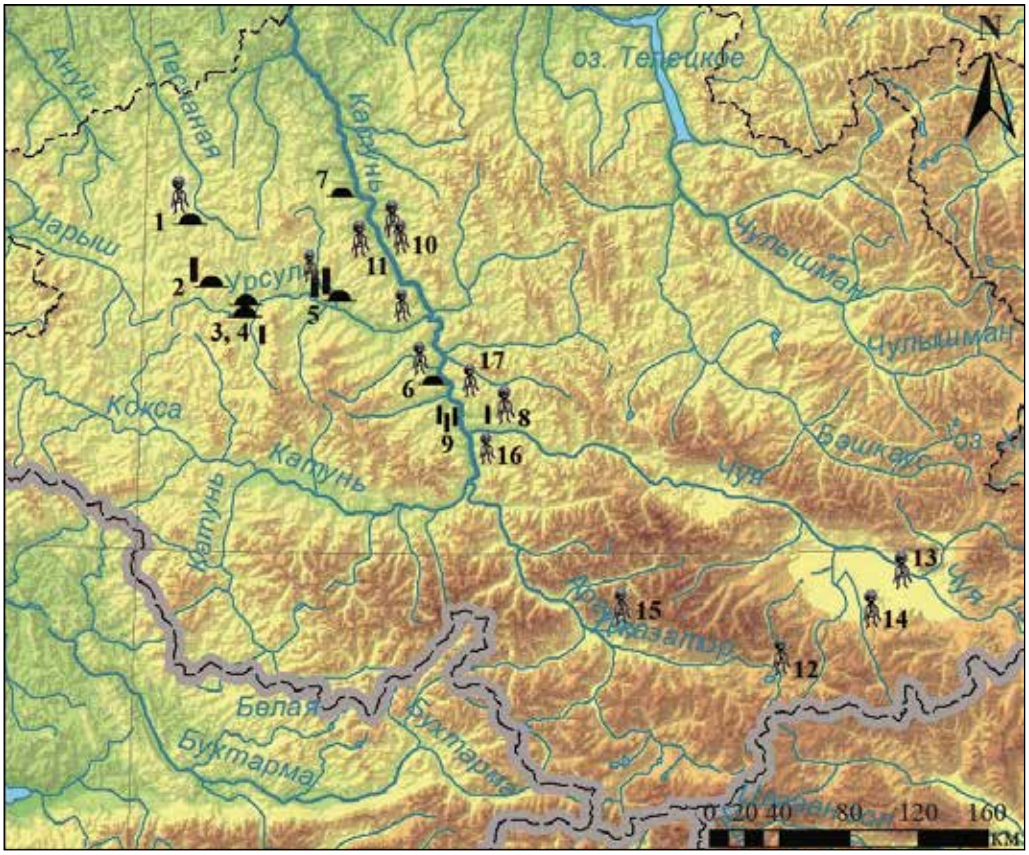

Рис. 2.34. Памятники каракольской культуры. Карта-схема: *1* – могильник, петроглифы и стелы, с. Беш-Озек; *2* – могильники, стела и наскальные изображения, с. Озерное; *3–4* – могильники Кара-Коба-1, Первый Межелик-1, Нижний Тоботой-I; *5* – могильник и стелы, с. Каракол; *6* – могильники Сальдяр-1 и святилище Большой Яломан-III; *7* – могильник Тыткескень-VI; *8* – наскальные рисунки Калбак-Таш-I, II и изваяние; *9* – каменное изваяние и стелы, с. Иня; *10* – петроглифы, с. Куюс; *11* – петроглифы, р. Каянча, Сумульта, Карбан; *12* – петроглифы, р. Кара-Чад; *13* – Тархатинский мегалитический комплекс; *14* – петроглифы, р. Карагем, бассейн р. Аргут; *15* – петроглифы, р. Елангаш; *16* – петроглифы, р. Ашха-Яхта; *17* – петроглифы, урочище Бошту (Бош-Туу) у подножия горы Хрустальной

Рисунки часто перекрывают друг друга. Они выполнены в разной технике – выбивкой, гравировкой и полихромными росписями.

Могильные ямы ориентированы по линии З–В, иногда с небольшими отклонениями от этого направления. В погребениях сохранились остатки дерева и бересты, а также охра. Умерших людей укладывали вытянуто на спину, головой на запад. Погребения обычно одиночные, но в одном захоронении были похоронены двое взрослых мужчин, а в другом – пять человек. Детей хоронили по такому же погребальному обряду, что и взрослых, в отдельных могилах, а иногда и в специально сооруженных оградах. На черепах погребенных зафиксированы следы красной и черной краски. Это может свидетельствовать о том, что перед погребением умерших людей раскрашивали. Инвентарь не богат. Коллекция, собранная со всех памятников, в общей сложности включает глиняный и каменный сосуды, литейную форму, нож, каменный оселок, украшения из когтей медведя (рис. 2.37). Признаков имущественного неравенства, зависимого положения мужчин и женщин не прослежено.

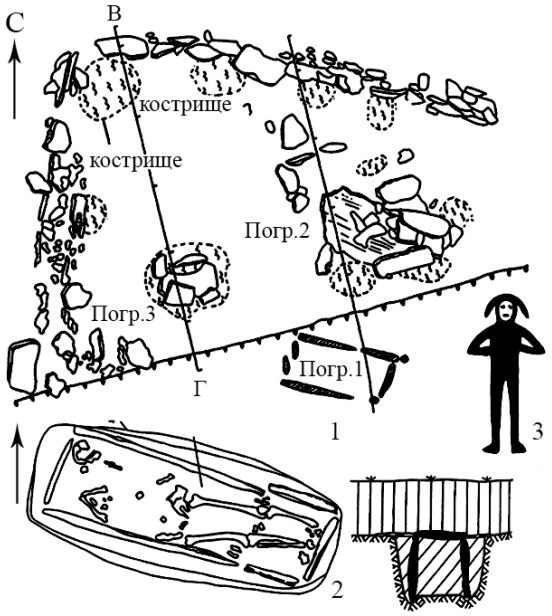

Рис. 2.35. Могильник Озерное. Погребальное сооружение и рисунок на одной из плит (по: [Кубарев, 1998, рис. 1; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 45])

По немногочисленным находкам из погребений можно сказать, что «каракольцы» использовали в своем быту изделия из металла и были знакомы с бронзо-

Рис. 2.36. Могильник Каракол. Рисунки на плите одного из захоронений (по: [Кубарев, 2009, рис. 29])

Рис. 2.37. Инвентарь из погребений каракольской культуры (по: [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 46.-*3, 4, 6*; Кубарев, 2009, рис. 122])

литейным производством. Посуду из глины они также изготавливали, однако в захоронения помещали ее редко. Сосуды имели баночную форму, украшены оттисками гребенчатого штампа, образующими «елочку» (рис. 2.38).

Особое место для характеристики каракольского населения имеют оригинальные и яркие рисунки, выполненные как красками, так и выбивкой. Это изображения животных, птиц и антропоморфных существ (рис. 2.39–2.40). Аналогии изображениям на стенах каракольских погребальных камер имеются среди наскальных рисунков.

На каменных плитах саркофагов обнаружены композиции и отдельные изображения антропоморфных «солнцеголовых» и «быкоголовых» фигур, людей в масках, животных, птиц и др. Образцы выполнены не только точечной выбивкой и гравировкой, но и впервые в Сибири встречены яркие образцы полихромной живописи.

Из антропоморфных изображений на плитах некрополей чаще других встречаются изображения солнцеголовых существ; несколько реже быкоголовые, в том числе с овально-кольцевыми

Рис. 2.38. Каменный и глиняный сосуды (по: [Кубарев, 2009, рис. 119; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 46.-*1*])

рогами, еще реже – изображения с ушками, а достаточно редко – в грибовидных шляпках или конических головных уборах, с прямыми рожками. Наряду с мифологическими образами, в каракольском искусстве имеют место изображения животных (лось, козел, собака), переданных в реалистической манере.

Антропоморфные образы наделены различными атрибутами и головными уборами. Трактовка семантики их неоднозначна. Сторонники реализма приходят к выводу, что солнцеголовость – это отражение доступными древним художникам средствами вполне реальной натуры, например, короны из перьев или других головных уборов: рогатых, колпакообразных, грибовидных и т.п. Однако есть мнение, что таким образом обозначено божественное сияние образа. Быкоголовость отдельных образов также можно истолковать двояко. Поскольку бычьи рога являлись атрибутом масок шаманов, то и на каракольских сюжетах могли изображать именно шаманов.

Таким образом, изучение наскальных рисунков и изображений на плитах позволяет составить впечатление об обрядах «каракольцев», о головных уборах, в которых эти обряды совершались, а также дополняет сведения о хозяйстве таких

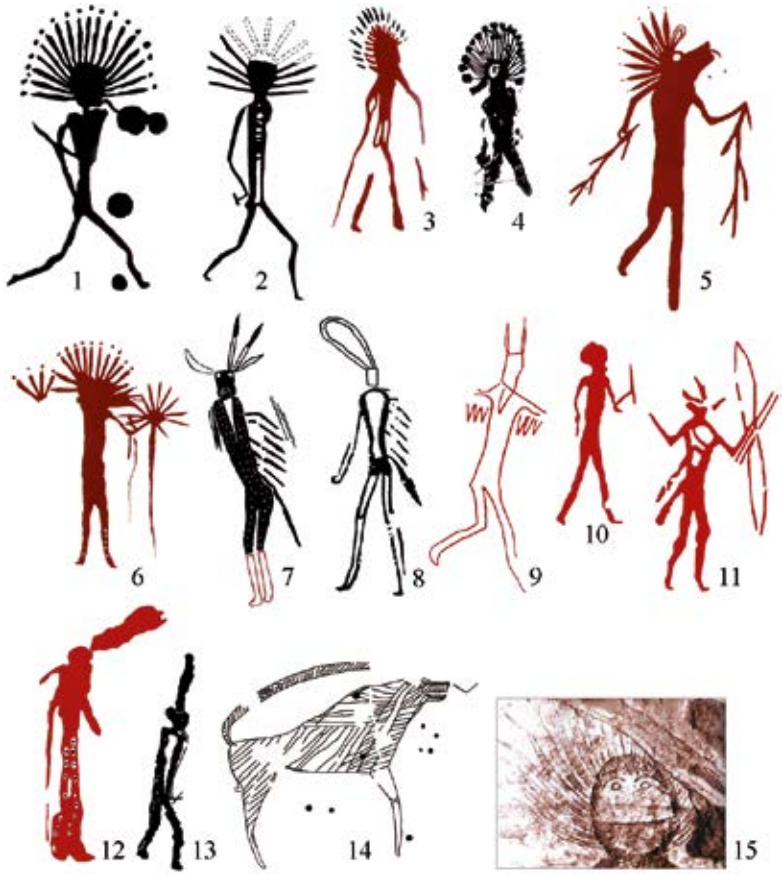

Рис. 2.39. Изображения солнцеголовых существ (1–7) и зооантропоморфных фигур с различными типами масок и головных уборов (8–14) из Каракола и изображение животного и головы антропоморфного существа на плитах из погребения в Беш-Озеке (по: [Кубарев, 2009, рис. 123–124, 128, 134.-*1–6, 8*])

коллективов. В целом можно сказать, что в жизни «каракольцев» существенную роль играла охота, в том числе на такого животного, как медведь. Находки когтей медведя (рис. 2.37.-*5*) свидетельствуют и о культе этого животного. По совокупности с данными из других источников можно сказать, что «каракольцы» были также скотоводами, хотя окончательное представление о составе стада делать пока преждевременно.

Каракольское население, в отличие от афанасьевского, было монголоидным. Для решения вопросов происхождения «каракольцев» имеют особое значение исследования антропологов, которые прослеживают генетическую преемственность между населением Горного Алтая периода неолита и эпохи бронзы. В формировании каракольской общности принимали участие несколько компонентов населения: помимо местного, еще, как минимум, и население, проживавшее в северных предгорьях Алтая. Кроме того, отмечается антропологическая близость каракольского населения с окуневским. Наличие каменных ящиков, рисунки на плитах, семантическая близость изображений сближают также каракольское, окуневское и чемурчекское население.

Датировку каракольских памятников можно установить на основании относительных аналогий и нескольких радиоуглеродных дат. В ряде случаев обнаружены каменные ящики, впущенные в афанасьевские погребения, это подтверждает, что каракольские погребения сооружены позднее афанасьевских. Радиоуглеродные даты определяют время проживания каракольского населения в Горном Алтае во 2-й половине III – начале II тыс. до н.э.

В III–II тыс. до н.э. на территории Горного Алтая проживало не только афанасьевское и каракольское население. Эпохой бронзы датируются случайные находки, например, бронзовые ножи-кинжалы срубно-андроновского типа у устьев рек Узнезя и Куюм, наконечники копий из устья р. Чепош, насыпи могильника Бике, оригинальная фигурка в виде головы медведя в устье р. Куюм и др. (рис. 2.41.-*1*; 2.42). Первоначально предполагалось, что скульптурка, названная последней, использовалась как льячка для отливки изделий из металла. Однако обнаруженные аналогичные вещи на поясе погребенных людей в памятниках кротовской культуры Барабинской лесостепи свидетельствуют о том, что этот предмет имел другое назначение. Находки аналогичных поясных пряжек уточняют датировку куюмского изделия и указывают на связи населения в эпоху бронзы с удаленными территориями.

Рис. 2.40. Наскальные рисунки из окрестностей с. Куюс

К елунинской культуре относятся развалы горшков на поселении в устье р. Куюм, отдельные фрагменты керамики с поселения Кара-Тенеш, а также рукоять ножа с навершием в виде головы лошади, найденная в окрестностях с. Усть-Мута (рис. 2.41.-*2, 3*). Исследован ряд погребений, не относящихся

к афанасьевской, каракольской или елунинской культурам. Прежде всего это захоронения с банками, раскопанные на территории Нижней Катуни и в Центральном Алтае, отнесенные к куротинскому типу погребений, и несколько аналогичных им захоронений по погребальному обряду, но безынвентарные (в общей сложности насчитывающие не менее 10 объектов). Они были совершены в оградах округлой формы, сложенных из рваных камней, по конструкции, видимо, близких к афанасьевским оградкам-стенкам. Умерших людей помещали в грунтовые могилы на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток, восток, северо-восток-восток, посыпали охрой. В загробный мир покойного сопровождали сосуды баночной формы (рис. 2.41.-*5*). Иногда вместо банок в погребениях находят профилированные горшки с плоским дном. Орнаментированы сосуды глубокими оттисками штампов как с зубчатым, так и с гладким рабочим краем, длиной около 1 см. Ряды отпечатков таких инструментов составляют «елочку». От афанасьевской глиняной посуды их отличают как форма изделий, так и рабочие края орнаментиров. Афанасьевские гончары использовали инструменты с длинным рабочим краем, и отпечатки на сосудах были неглубокими.

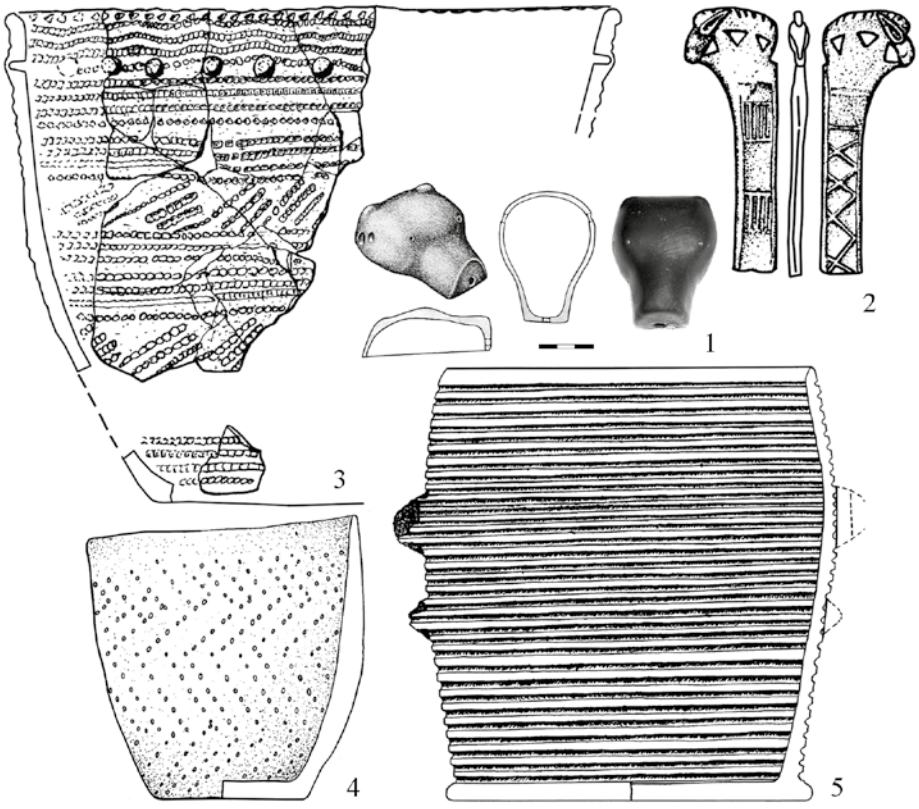

Рис. 2.41. Находки эпохи бронзы из Горного Алтая: *1* – скульптурка в виде головы медведя, устье р. Куюм; *2* – рукоять металлического ножа, с. Усть-Мута; *3–5* – глиняные сосуды, устье р. Куюм, могильники Улита и Нижний Тюмечин-5 (по: [Молодин, 2006, рис. 10; Степанова, Соенов, 2009, фото 3; Киреев, Кудрявцев, 1988; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 198.-*7, 32*])

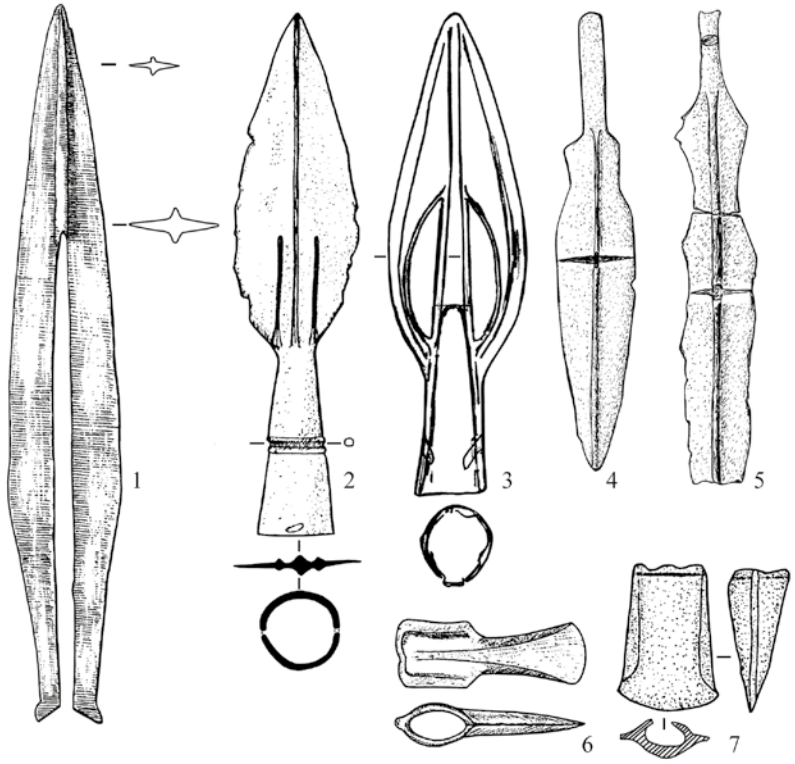

Рис. 2.42. Случайные находки эпохи бронзы из Горного Алтая: *1* – насыпь кургана могильника Бике-II; *2* – с. Соузга; *3* – с. Чепош; *4* – около устья р. Куюм; *5* – вблизи устья р. Узнезя; *6* – с. Каракол; *7* – урочище Карасук (по: [Степанова, Соенов, 2009, рис. 7, 20, 36; Кочеев, 1997; Трифанова, 2003; Кудрявцев, 1993])

Известны и другие захоронения с банками, но выполненные по другому погребальному обряду. Прежде всего погребение, совершенное в одной ограде с афанасьевским, к стенке которого примыкал каменный ящик. Эта группа захоронений с банками получила название улитинского типа. Погребения совершались в грунтовых могильных ямах, умерших укладывали вытянуто на спину, головой чаще на юго-запад. Из вещей в могилах найдены только сосуды баночной формы (рис. 2.41.-*4*). Они орнаментированы зубчатыми штампами, оттиски которых составляют «елочку». Дополнительным исследованиям был подвергнут один из сосудов. Удалось выяснить, что при его изготовлении в формовочную массу была добавлена шерсть животного. Подобная традиция была зафиксирована у населения периода неолита Горного Алтая. Кроме того, на поселениях в Горном Алтае обнаружена керамика, датируемая ранней бронзой, при изготовлении которой в глину также добавляли шерсть животных. Подобная традиция относится к числу необычных. Она зафиксирована на памятниках неолита и ранней бронзы Алтая и сопредельных территорий. Видимо, наличие в эпоху ранней бронзы в Горном Алтае керамики с добавлением такой искусственной примеси, может быть связано с преемственностью традиций в изготовлении глиняной посуды.

Н.Ф. Степанова

ГЛАВА 2

РАЗВИТАЯ ДРЕВНОСТЬ (развитая и поздняя бронза)

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В период развитой бронзы обширные территории степей Евразии занимали племена андроновской культурно-исторической общности. Археологические памятники, оставленные этим населением, известны от Волги на западе до Енисея на востоке, от таежной зоны на севере до высокогорных районов Тянь-Шаня и Памира на юге. Проживали андроновские племена и на территории Лесостепного Алтая. Погребальные и поселенческие комплексы обнаружены во всех зонах этого региона. Но в Горном Алтае их нет вообще.

Первые находки, позже отнесенные к андроновской культуре, были получены барнаульским архивариусом Н.С. Гуляевым в конце XIX в. Сама же *андроновская культура* выделена археологом С.А. Теплоуховым в 1920-е гг. по материалам раскопок на Енисее. Наиболее интенсивно памятники Лесостепного Алтая периода развитой бронзы начали изучаться с 1980-х гг., благодаря усилиям местных исследователей. На сегодняшний день ученым известно 62 могильника и более 70 поселений.

Андроновская общность – одно из наиболее ярких культурных явлений на территории евразийских степей во II тыс. до н.э. С ней связано появление и распространение на широких пространствах отраслевого животноводства, использование колесниц, формирование стратифицированной системы общества, развитой религии и мифологии. Большинством исследователей признается принадлежность андроновских племен к индоиранской или индоарийской ветви индоевропейских народов. Потомки «андроновцев», пройдя длинный путь, расселились на территории современных Индии и Ирана. На территории Западной Сибири андроновское население стало основой ряда образований так называемых андроноидных культур периода поздней бронзы. Внутри андроновской культурно-исторической общности принято выделять две культуры (алакульскую и федоровскую), а также различные локальные варианты. Памятники периода развитой бронзы Лесостепного Алтая относят к верхнеобскому варианту андроновской культуры. Данные памятники имеют в целом облик, схожий с комплексами федоровской культуры. Но также в них присутствуют и многие алакульские черты.

Андроновские племена для рассматриваемой территории Лесостепного Алтая являются переселенческими. На данный момент ученые не пришли еще к единому выводу относительно района, из которых происходила миграция. Тем не менее мно-

гими отмечается близость приобских памятников к восточно-казахстанским комплексам. Скорее всего, «андроновцы» расселились по южному Обь-Иртышскому междуречью и далее на северо-восток из областей современного Казахстана. Приход андроновских племен обозначил переход к новому типу хозяйства, а также смену религиозных воззрений. Можно отметить ряд изменений в материальной культуре.

Хозяйство андроновских племен было животноводческим, отчетливо прослеживается различная направленность отдельных отраслей. В то время происходило активное освоение всех направлений животноводческой деятельности: разведение крупного и мелкого рогатого скота, а также коневодство. На начальном этапе освоения Алтайской лесостепи в животноводстве прослеживалась молочная направленность, в стаде резко преобладал крупный рогатый скот. На позднем этапе заметно увеличение мясной направленности. В стаде возросла доля лошадей и овец. В разведении мелкого рогатого скота, по всей видимости, преобладало овчинно-шубное направление. Коневодство выступало как самостоятельная отрасль животноводства. Об этом свидетельствует большое количество костей лошади на всех андроновских поселениях. Коней использовали в качестве тягловой силы, а также употребляли в пищу.

Охота в андроновском хозяйстве носила подсобный характер. В рационе дикие животные занимали незначительное место – 1–2%. Охотились на пушных и мясных животных (косуля, кулан, лось, кабан и др.), а также на птиц.

Кроме всего, известно, что «андроновцы» знали примитивные формы земледелия. Однако занималось ли земледелием население Лесостепного Алтая, пока не установлено. У исследователей есть лишь косвенные свидетельства его наличия.

Поселения андроновской культуры на рассматриваемой территории на сегодняшний день остаются, к сожалению, малоизученными. Известно, что свои поселки «андроновцы» размещали по берегам рек и других водоемов. Эти поселки можно разделить на две группы: зимние и летние. На зимниках устанавливались долговременные и прочные жилища, на летниках сооружались более легкие постройки. Летние поселения располагались в поймах рек: в местах, где были хорошие условия для скотоводства. Животные обеспечивались удобными выпасами и водопоями.

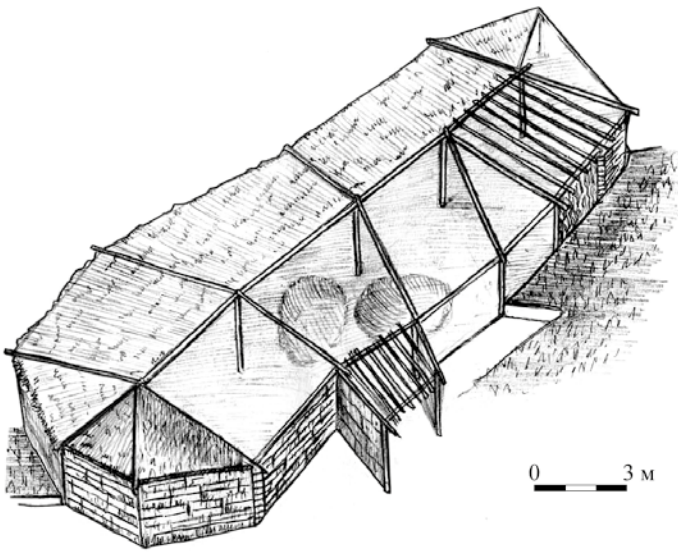

Рис. 2.43. Графическая реконструкция андроновского жилища (по: [Федорук А.С., Папин, Федорук О.А., 2018])

Андроновские жилища, как правило, состояли из двух камер-отсеков, прямоугольной или подпрямоугольной формы. В них выделялась жилая и хозяйственная часть. Жилища были достаточно большими по площади – 160–250 кв. м. На стационарных поселениях сооружали полуземлянки. Техника строи-

тельства подобных жилищ была каркасно-столбовой с несущими конструкциями в виде продольных балок, опиравшихся на столбы. Стены были наклонными или вертикальными. Крыша могла быть либо плоской – в форме усеченной пирамиды, либо наклонной – односкатной (рис. 2.43).

В нежилой части домов располагались хозяйственные ямы, которые использовались для хранения продуктовых запасов. Там же находился колодец. В зимний период (во время сильных морозов) в доме могли содержать и домашний скот. В центре жилой части обустраивали очаги, которых могло быть несколько. Они служили не только для приготовления пищи, но и для обогрева.

Найденные на поселениях артефакты позволяют судить о повседневных занятиях «андроновцев». Различные орудия труда изготавливались из кости, рога, камня и металла. Изделия из кости (они представлены лощилами, проколками, трепалами и обработанными астрагалами мелкого рогатого скота) служили, в основном, для обработки кожи и шерсти животных, изготовления одежды. Из камня делали терочники, лощила, зернотерки. С их помощью «андроновцы» могли обрабатывать как культурные растения, так и дикорастущие.

С андроновской культурой связана одна из наиболее ярких традиций металлургии и металлообработки эпохи бронзы. Период ее существования характеризуется становлением стабильной металлургии, основанной на массовых разработках медных и полиметаллических рудников, золотых месторождений, освоением мастерства выплавки металла из руд и разнообразных приемов обработки. Металлические изделия представлены в основном украшениями, оружие и орудия труда изучены хуже. На Алтае известны изделия из оловянных бронз и золота. Орудия изготавливались с помощью литейных форм, как правило, каменных. После отливки орудия могли дополнительно обрабатывать, проковывать. С приходом «андроновцев» связано широкое распространение в Сибири втульчатых топоров или так называемых кельтов, а также копий сейминско-турбинского типа. Одновременно с кельтами распространялись и вислообушные топоры. Также из металла изготавливали тесла с уступом, ножи, кинжалы, наконечники стрел, крючки, иглы и т.п. (рис. 2.44).

Рис. 2.44. Кинжал из могильника Самарка-IV (по: [Археология Алтая…, 2017, с. 4, рис. 1])

Особым разнообразием отличаются металлические украшения. «Андроновцы» были достаточно искусными ювелирами. Украшения изготовлялись с помощью ковки и литья, зачастую с использованием биметаллической техники, когда на бронзовую основу накладывалась золотая фольга. Также известны и цельнолитые изделия из золота. Женщины носили различные виды серег, браслеты и кольца со спиралевидными навершиями на концах, бусы (рис. 2.45–2.46). Особой красотой выделялись сложносоставные украшения, которые состояли из множества деталей. Головные уборы представляли собой шерстяные или кожаные шапочки, на которые нашивались бусины, бляхи и пронизи. Сзади волосы, заплетенные в косы, украшали шнурками с продетыми в них бусинами, пластинами, листовидными привесками. Обувь расшивали бронзовыми бусами. Кроме металла, украше-

ния также изготавливали из пастового стекла (бусы, пронизи) и раковин моллюсков (подвески, нашивки). Мужчины тоже носили украшения, но более скромные: в уши продевали кольцевидные серьги, в редких случаях пояс или обувь украшали бронзовыми бусинами. Дети могли носить подвески из раковин, простые бусы.

В ходе изучения андроновских погребений были сделаны уникальные открытия, позволившие детально реконструировать способ ношения некоторых женских украшений. Так, на могильнике, расположенном недалеко от Барнаула, был обнаружен подвергшийся мумификации фрагмент уха захороненной женщины. На нем в нетронутом состоянии сохранилось сложносоставное украшение. Благодаря этому открытию удалось установить, что андроновские женщины делали в ушах сложный пирсинг: в ушную раковину на равном расстоянии продевались серьги в виде спирали в полтора оборота, сквозь них пропускался кожаный ремешок, расширявшийся книзу. К нему пришивались трубчатые пронизки. Эта конструкция могла дополняться серьгами в виде кольца и так называемыми лапчатыми привесками, которые крепились к мочке уха (рис. 2.47). Также, благодаря исследованиям на другом алтайском памятнике, был реконструирован нагрудник, состоящий из множества металлических и пастовых трубочек-пронизей и лапчатых привесок, нашитых на кожаную основу (рис. 2.48).

Рис. 2.45. Украшения андроновской культуры:
1 – сложносоставное ушное украшение на черепе погребенной женщины; *2* – бронзовый браслет со спиралевидными навершиями; *3* – бронзовая листовидная привеска и бронзовая обойма, покрытая золотой фольгой (украшение для кос); *4* – кольчатые бронзовые серьги, покрытые золотой фольгой (по: [Кирюшин и др., 2015])

Следует отметить, что в целом Алтайский регион распространения андроновской культуры выделяется среди соседних территорий наличием в погребениях большого количества золотых и бронзовых украшений. Возможно, это связано с тем, что именно здесь находились основные металлургические источники. Скорее всего, Лесостепной Алтай был неким центром, из которого шла ювелирная «мода».

В древнем обществе ювелирные изделия имели не только и не столько эстетическое значение, но и выполняли ряд важных функций. Они должны были оберегать их владельца от злых сил и наделять особыми способностями. Кроме того, изменение элементов и деталей костю-

ма свидетельствовало о переходе человека в другую возрастную или социальную группу, т.е. символизировало его новый статус (положение) в обществе.

Особое значение «андроновцы» придавали головному убору, поскольку именно голова являлась, по их мнению, центром сосредоточения всех жизненных энергий. Многие элементы головного убора были «шумящими», они при движении издавали звон и шум, который должен был отпугивать злых духов, а также способствовать привлечению счастья, удачи и благополучия. Большинство украшений имели определенную символику. В частности, серьги в виде спирали в полтора оборота имитировали рога барана – символ богатства и благополучия. Подвески на косах повторяли форму листа – символ женского плодородия. Да и сам цвет ювелирных изделий (желтый, золотой) также ассоциировался с плодородием.

Отдельного внимания также заслуживает андроновская керамическая посуда. Сосуды, изготовленные «андроновцами», можно разделить на две основных группы: горшки и банки. Баночные сосуды чаще всего украшались простыми орнаментами в виде «елочек», зигзагов, насечек и т.п. (рис. 2.49). На горшки наносили более сложные узоры, так называемые *ковровые* орнаменты. Венчики горшков, как правило, украшали рядами треугольников, на шейку и тулово наносили меандровые узоры или украшали фестонами из треугольников и других фигур. Изредка рисунок наносили на дно или придонную часть сосуда. Обычно там изображали солярные символы. Чаще всего орнамент наносили зубчатым штампом, использовались также гладкий штамп и палочки, с помощью которых наносили вдавления различной формы, канелюры (рис. 2.50).

Само керамическое производство носило домашний характер, т.е. каждая семья изготавливала посуду для своих нужд. Для изготовления сосудов использовали пластичную глину, в которую добавляли шамот (дробленые кусочки старых сосудов), а также навоз или другую органику. Горшки лепили вручную,

Рис. 2.46. Украшения андроновской культуры: *1* – цельнолитые золотые серьги с раструбом; *2* – кольчатые бронзовые серьги, покрытые золотой фольгой; *3, 4* – бронзовые серьги с раструбом; *5* – бронзовые бусы; *6* – бронзовый браслет со спиралевидными навершиями; *7* – бронзовые серьги в полтора оборота, покрытые золотой фольгой (по: [Кирюшин и др., 2006])

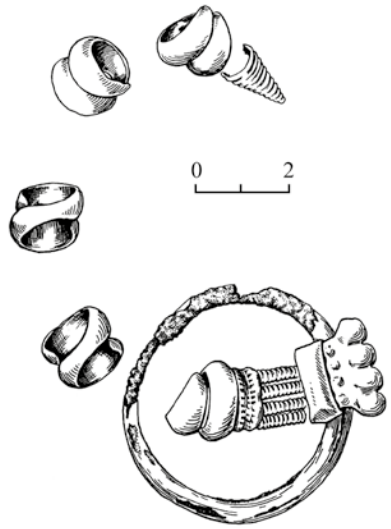

Рис. 2.47. Сложносоставное ушное украшение (по: [Кирюшин и др., 2006])

накладывая на основу по спирали небольшие лоскуты глины. Использовали «андроновцы» также деревянную и берестяную посуду, о чем свидетельствуют находки из погребений сопредельных с Алтаем территорий.

Среди всех культур бронзового века андроновская общность, несомненно, выделяется пышностью и разнообразием орнаментации керамики. По мнению некоторых исследователей, орнамент таких сосудов представлял собой некий текст, в котором были зашифрованы древние мифы и представления о мироустройстве. Зональная орнаментация горшков символизировала представления о трехчастной системе мироздания.

Религиозные воззрения в андроновскую эпоху сложились в довольно сложную систему. Для реконструкции этих представлений ученые используют древнеиндийские и древнеиранские письменные источники, такие как Ригведа, Авеста, Атхарваведа, зороастрийские тексты. В целом, андроновская космологическая модель, скорее всего, была близка к индоиранской. Согласно последней, солнце представлялось в виде зоо- или антропоморфного существа, облетающего по небосводу землю на огромной колеснице и погружающегося на ночь в океан, через который оно переправляется с запада на восток, чтобы утром вновь подняться на небо. Многие герои ведийской и иранской мифологии, такие как Индра, Варуна, Митра, вероятно, имели свои прототипы уже в андроновскую эпоху.

Основные представления «андроновцев» о загробном мире можно воссоздать благодаря изучению погребального обряда.

Подавляющее большинство андроновских кладбищ на территории Лесостепного Алтая были грунтовыми, т.е. не имели видимых наземных сооружений. В то же время на других территориях распространения андроновской общности часто встречаются курганы. Кладбища устраивали по берегам рек и озер, вдали от поселений. Наибольшая концентрация могильников зафиксирована по берегам рек Обь, Алей, Чарыш, Бия, Чумыш, а также их притоков. Некрополи располагали на открытых возвышенностях, в основном на высоких участках берега, мысах. Кромка берега являлась естественной прегра-

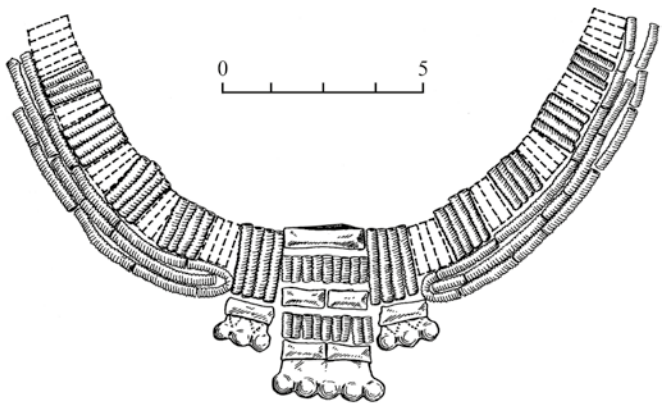

Рис. 2.48. Графическая реконструкция нагрудника (по: [Кирюшин и др., 2006])

дой, ограничивающей территорию могильника. Могилы на кладбище размещали рядами, вытянутыми по линии ЮЗ–СВ либо ЮВ–СЗ с небольшими отклонениями. Иногда погребения располагались небольшими группами.

Глубина могилы зависела от возраста покойного: для детей рыли неглубокие могилы, для взрослых – глубиной до 2 м. Внутри могильную яму обкладывали деревянными плахами, сверху иногда делали перекрытие. Редкими являются захоронения в каменных ящиках, которые были найдены в предгорьях Алтая.

Обычно погребения были одиночными. Парные захоронения встречаются достаточно редко. Совместно могли хоронить женщину и мужчину, женщину или мужчину с ребенком. Коллективные погребения (более двух человек в одной могиле) – также большая редкость. Чаще всего это погребения нескольких детей или женщины с детьми (рис. 2.51).

Способы погребения у «андроновцев» были различные: тело погибшего сородича могли класть в могилу либо сжигать на погребальном костре, а потом уже захоранивать пепел.

Чаще всего умершего просто помещали в могилу в позе «эмбриона» или в позе спящего: ноги согнуты в коленях и прижаты к туловищу, руки также согнуты, кисти рук рядом с лицом. Обычно тело укладывали на левый бок, но встречается положение и на правом боку (рис. 2.52).

Погребения с кремацией встречаются редко. Сожжение умершего человека совершалось в специально отведенном месте. После сожжения тела кости тщательно выбирались. Затем кремированные останки помещали в могилу. Сожженными костями набивали куклу, имитирующую умершего, либо заворачивали пепел в одежду. Затем ее укладывали в могилу по правилам, действующим при обряде трупоположения.

Рис. 2.49. Фотоснимок (1) и прорисовка (2) андроновского сосуда (банки) (по: [Кирюшин и др., 2015])

Рис. 2.50. Фотоснимок (1) и прорисовка (2) андроновского сосуда (горшка) (по: [Кирюшин и др., 2015])

Ритуальная символика «неординарных» андроновских погребений неоднократно рассматривалась исследователями. Например, парные погребения мужчины и женщины символизировали особую значимость семейно-брачных отношений. Вероятно, подобные захоронения должны были восстанавливать статус умерших

Рис. 2.51. Андроновское коллективное погребение трех детей (по: [Кирюшин и др., 2015])

в загробной жизни и способствовать стабильности сложившихся общественных устоев в реальном мире. Особого внимания заслуживают кремации. Культу огня в индоиранской мифологии придавалось особое значение. В частности, он наделялся большой очистительной силой. Возможно, кремации подвергались служители культа, религиозные лидеры.

На многих могильниках фиксируются следы так называемого ограбления погребений – проникновение в могилу после захоронения и нарушение целостности скелета. Подобные факты свидетельствуют о том, что «андроновцы» по истечении некоторого времени после похорон проводили какие-то обряды, связанные с телом умершего.

Сопроводительный инвентарь андроновских погребений Лесостепного Алтая представлен в основном керамическими сосудами и металлическими украшениями. В большинстве случаев умершему ставили один сосуд, который располагали за его головой, однако встречаются погребения и с двумя-тремя сосудами или вовсе без них. В горшках, скорее всего, находилась молочная и другая пища для пропитания человека в загробной жизни.

Рис. 2.52. Андроновское одиночное погребение (по: [Кирюшин и др., 2015])

Достаточно редко в погребениях встречаются отдельные кости животных. В основном это кости мелкого и крупного рогатого скота, чаще всего они являлись остатками поминальной пищи, которой снабжали умершего сородича.

Помимо захоронений, на андроновских кладбищах были встречены и другие объекты: деревянные конструкции типа навеса (беседки), ямки с сосудами, а также кострища. Скорее всего, это свидетельства древних обрядов и жертвоприношений, которые совершались во время похорон или религиозных празднований с целью почитания предков и задабривания духов.

Внешний облик «андроновцев» был европеоидный, типичный для всего ареала распространения андроновской культурно-исторической общности. В то же время в рассматриваемых материалах наблюдается примесь компонентов, характерных для населения периода ранней бронзы данной территории. Это свидетельствует о том, что местные племена приняли достаточно ощутимое участие в формировании населения развитой бронзы. То есть пришлые андроновские племена постепенно смешиваются с местным елунинским населением, ассимилируя его и частично вытесняя. Характер проникновения андроновских племен пока достоверно не определен. Возможно, имели место небольшие военные стычки с местным населением, однако конкретных свидетельств серьезных боевых столкновений не обнаружено.

Средняя продолжительность жизни андроновского населения на территории Лесостепного Алтая составляла 35,3 года (без учета детской смертности), у мужчин – 37,3 года, у женщин – 27,5 лет. У мужчин пик смертности приходился на возрастной отрезок 25–35 лет, у женщин выделяются два пика: первый приходился на возраст 18–25 лет, а второй – 35–50. Первый пик смертности для женщин может объясняться осложнениями во время родов. Наиболее высокая смертность среди детей (66,3%) наблюдалась на протяжении первого года жизни. Это могло быть связано с неблагоприятными условиями беременности, а также с инфекционными заболеваниями, плохим питанием. Касаясь социальной организации андроновских племен, можно указать, что четких признаков имущественного или гендерного неравенства на территории Лесостепного Алтая не прослежено. В то же время следует отметить, что погребения некоторых индивидуумов выделялись способом захоронения (например, кремация) или особым богатством украшений. Такие люди, возможно, при жизни занимали особое положение в обществе. Они также могли быть связаны с религиозной сферой (например, отправлением культов). Основой андроновского общества являлась половозрастная градация. Каждая возрастная группа населения занимала определенную позицию в обществе. Это можно проследить по погребальному инвентарю. Например, детям, как правило, ставили в могилу баночные сосуды небольшого размера с простым орнаментом, а взрослым – горшки с богатым «ковровым» орнаментом. Для мальчиков и девочек, скорее всего, существовали разные возрастные ступени, которые они проходили по мере взросления. Мы можем проследить их по изменениям в костюме. Так, типично женские украшения появлялись у девушек с 13–15-летнего возраста. В то же время мужские украшения (кольцевидные серьги) обнаруживались уже в погребениях младенцев. Наиболее многочисленным и сложным был набор украшений женщин, находящихся в фертильном периоде – от 20 до 35–40 лет. По мере старения и выхода из детородного возраста количество и типовое разнообразие украшений сокращалось.

Несмотря на то, что основные признаки андроновской культурно-исторической общности были едины для всего обширного ареала ее распространения, в каждом регионе есть свои характерные особенности. Так, особенностью алтайских памятников является преобладание грунтовых могильников и погребений в грунтовых ямах. Могильники Лесостепного Алтая отличаются также содержанием значительного количества золотых и бронзовых украшений. В то же время на некоторых памятниках встречаются черты, характерные для других регионов. Таким образом, в период развитой бронзы Алтай являлся связующим звеном между различными культурно-экологическими зонами.

О.А. Федорук

ИРМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

На заключительном этапе эпохи бронзы – в период поздней бронзы – на территории Лесостепного Алтая сложилась культура, охватывавшая значительные пространства юга Западной Сибири – от зоны тайги на севере до Алтайских гор на юге, от Иртыша на западе и до Томи на востоке. Скорее всего, именно Алтайское Приобье стало одним из центров формирования нового культурного образования. За короткий срок были освоены Верхнее Приобье, Кузнецкая котловина, Барабинская низменность, Кулундинская равнина и Омское Прииртышье. Памятники, которые оставили племена этой общности, принято объединять в *ирменскую археологическую культуру*. Большинству ученых представляется, что ее носители продолжили предыдущие андроновские традиции и они отожествляются с индоиранским населением. В антропологическом плане «ирменцы» относились к разным вариантам европейской расы.

В пределах Лесостепного Алтая памятники рассматриваемой культуры распространены прежде всего в долине Оби и ее притоков, на Бийско-Чумышской возвышенности, в Предсалаирской равнине, предгорном Алтае, по долинам Бии и Катуни. Отдельные находки сделаны в Денисовой пещере. На левобережье Оби (в зоне Приобского плато, по ленточным борам, от р. Касмалы до низовьев р. Чарыш) археологические комплексы обнаруживаются до центральной части Кулундинской равнины, где примерно проходила граница взаимодействия с носителями саргаринско-алексеевской общности и отмечен бурлинский тип памятников (рис. 2.53). На правобережье Оби фиксируются объекты корчажкинской культуры периода поздней бронзы, о которой речь пойдет ниже.

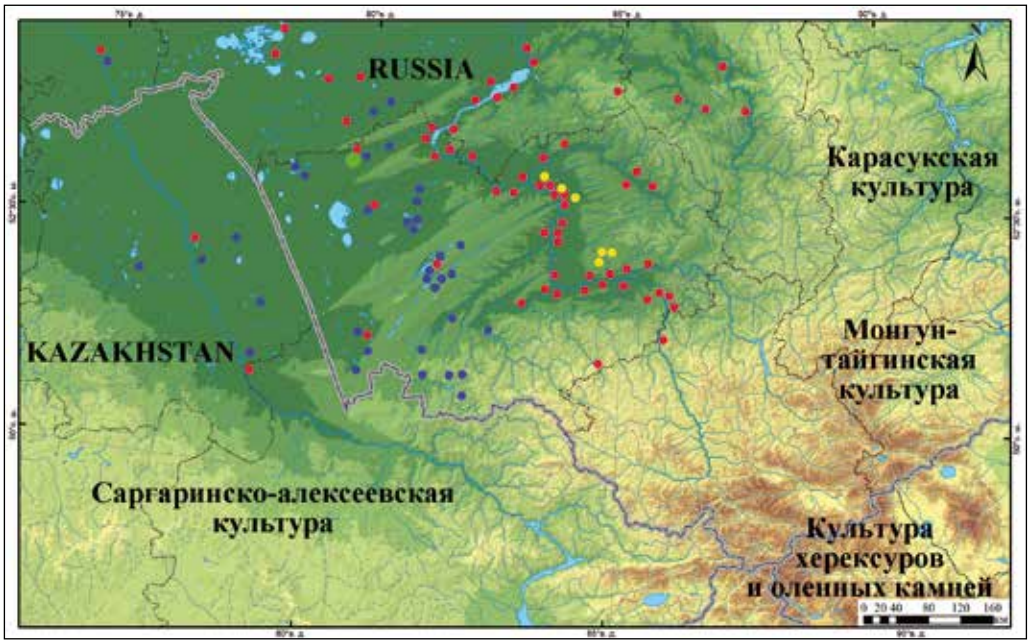

Рис. 2.53. Карта-схема: красными точками обозначены памятники ирменской культуры; желтыми – памятники корчажкинской культуры; синими – памятники саргаринско-алексеевской общности; салатовой крупной точкой – памятники бурлинского типа

Открытие первого памятника ирменской культуры на Алтае связано с именем архивариуса Главного управления Алтайского округа Н.С. Гуляева. В 1895 г. барнаульский краевед обнаружил памятник в урочище Ближние Елбаны около с. Большая Речка (современное с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края), где им неоднократно проводились сборы подъемного материала и осуществлены небольшие раскопки. В 1912 г. Н.С. Гуляев вскрыл более 10 погребений, в том числе, видимо, несколько таких объектов периода поздней бронзы. Ряд памятников того времени в начале XX в. в верховьях Оби открыл волостной писарь из с. Фоминского М.Д. Копытов, впоследствии научный сотрудник Бийского краеведческого музея. В частности, он выявил поселения Фоминское на Оби, Енисейское и Малоугренево на Бие и другие объекты в окрестностях Бийска, с которых им был собран подъемный материал, хранящийся ныне в Бийском краеведческом музее. Принадлежность к рассматриваемой культуре этих памятников Алтайского Приобья была обоснована в 1955 г. Н.Л. Членовой. В настоящее время период их сооружения определяется в хронологическом промежутке (XIV) XII–VIII вв. до н.э.

В 1946–1949 гг. ленинградский археолог М.П. Грязнов провел изучение в Барнаульском Приобье комплекса памятников в урочище Ближние Елбаны. В частности, им исследовался грунтовый могильник Ближние Елбаны-IV, где были раскопаны пять могил. В 1968, 1969 и 1971 гг. А.П. Уманский осуществил раскопки грунтового могильника у ст. Плотинная на севере Барнаульского Приобья. Всего там зафиксировано 49 погребений. В конце 1960-х – 1-й половине 1970-х гг. Н.Л. Членова проводила в Лесостепном Алтае раскопки могильников Камышенка и Суртайка-I, а также поселения Долгая Грива. Курганный могильник Камышенка (рис. 2.54) был исследован в 1969, 1970 и 1973 гг. В общей сложности Н.Л. Членова раскопала на этом памятнике 49 курганов.

«Куст» позднебронзовых поселений корчажкинской и ирменской культур был исследован Ю.Ф. Кирюшиным в 1978–1981 гг. на оз. Иткуль в Троицком и Зональном районах Алтайского края (памятники Дергач, Костенкова Избушка, Коровья Пристань-III). В.Б. Бородаев и А.Л. Кунгуров под руководством Ю.Ф. Кирюшина в 1978 г. провели разведку на комплексе археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон. В том же году было открыто поселение Малый Гоньбинский Кордон-III.

Рис. 2.54. Вид на археологический комплекс Камышенка (Усть-Пристанский район Алтайского края). *Фотоснимок автора*

Рис. 2.55. Вид на поселение Цыганкова Сопка-I
(Быстроистокский район Алтайского края). *Фотоснимок автора*

В 1984 и 1985 гг. Ю.Ф. Кирюшиным исследованы ирменские поселения Быково-I и III в Шелаболихинском районе Алтайского края. А.Б. Шамшин в 1983–1985 гг. провел раскопки на ирменском поселении Заковряшино-I в Крутихинском районе, а в 1979, 1980 и 1984 гг. исследовал памятники поздней бронзы в окрестностях с. Речкуново Тальменского района Алтайского края (Речкуново-III и IV). В 1983 и 1984 гг. в окрестностях Барнаула А.Б. Шамшиным осуществлены исследования ирменского поселения Казенная Заимка. Кроме того, им же изучались другие памятники рассматриваемой культуры: Катунское, Аллак-I, Красный Плакат-II, Раздумье-Va, Новоалтайское, Фирсово-IV, Усть-Чумышская Пристань-I. В 1986, 1990 и 1991 гг. экспедициями АлтГУ проводились раскопки на поселениях Цыганкова Сопка-I и III (рис. 2.55).

В 1986 г. Г.Е. Иванов на территории Кулундинской степи исследовал позднеирменское поселение Крестьянское-IX.

Образование в 1988 г. кафедры археологии, этнографии и источниковедения позволило выйти на качественно новый уровень развития археологии в АлтГУ. Это выразилось в обширной специализации, а также в создании собственной научной школы. Такое оформление дало новый импульс изучению памятников периода поздней бронзы и позволило осуществить ряд реконструкций, касающихся ирменской культуры.

Ирменские племена селились по берегам рек и озер, на краю террас, на останцах коренного берега (елбанах), приуроченных к пойменным лугам. Поселки были неукрепленные, площадью до 20 тыс. кв. м, застроены рядами или по окружности жилищами и хозяйственными постройками. Важной частью организации пространства селищ являлось обязательное наличие зольника (мощностью до 3 м), который, как правило, располагался в непосредственной близости от поселка (в ложбинах, на берегу, а иногда и в заброшенных жилищах). Находки в зольниках целых бронзовых предметов, человеческих останков позволили сделать предположение, что они играли важную роль в ритуальной практике «ирменцев».

Котлованы конструкций были углублены в материк на 0,1–0,8 м, что указывает на присутствие как наземных строений, так и полуземлянок и землянок площадью 50–200 кв. м. Они имели оформленные выходы-коридоры. Ближе к центру располагался очаг в виде углубления в полу до 0,1–0,2м. Он использовался для обогрева помещения и разогревания пищи. Столбовые ямки располагались преимущественно по периметру и в центре камер, что позволяет считать сооружения каркасно-столбовыми. Несущая конструкция включала ряды вертикально вкопанных столбов, параллельно стенам и ближе к середине котлована, на которые крепились продольные и поперечные жерди, образующие каркас крыши, края

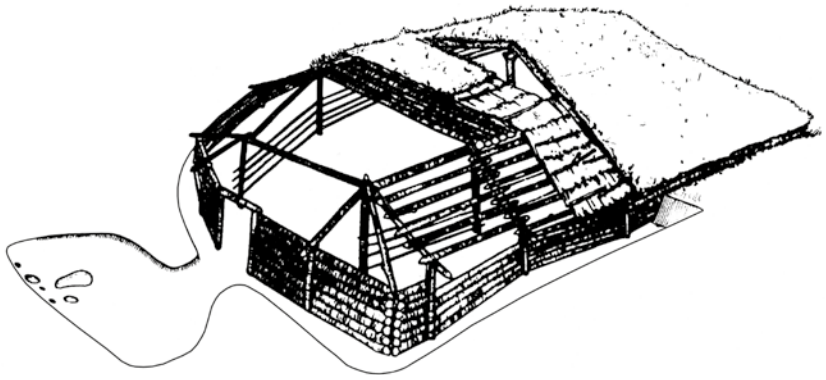

Рис. 2.56. Реконструкция ирменского жилища (по: [Матвеев, Сидоров, 1985, рис. 1])

которой опирались на срубные стены. Кровля такого дома была четырехскатной, усеченно-пирамидальной формы, закрывалась дерном (рис. 2.56).

В целом культурный слой ирменских поселений достаточно плотно насыщен артефактами, что свидетельствует об их постоянном использовании либо указывает о переработке значительной части продукции на месте.

Экономика «ирменских» племен базировалась на разных отраслях животноводства. Находки костей домашних животных составляют 90–99% от всех экземпляров в составе фаунистических коллекций с поселений. В основе стада были лошади и крупный рогатый скот, они представлены примерно в равных долях, на третьем месте идет мелкий рогатый скот (овцы и козы). Обнаружение на крупных поселениях Фирсово-XVIII и Цыганкова Сопка-I каменных зернотерок и курантов свидетельствует о том, что определенную роль в хозяйственной жизни играли собирательство и переработка растительных ресурсов.

Природные условия региона обеспечивали благоприятный уровень кормовой базы ирменского стада – это пойменные луга Барнаульско-Бийского Приобья и степные участки Приобского плато. Наличие крупных построек земляночного типа подразумевает, что в зимнее время скот содержался в жилищах, а также была организована заготовка кормов на стационарных зимних поселениях.

Дискуссионным является вопрос: занимались ли ирменские племена земледелием? Долгое время исследователи делали предположения о его существовании в первую очередь на основе находок зернотерок. Однако в середине 1980-х гг. новосибирскими археологами при раскопках ирменского поселения Милованово, расположенного на границе с Алтайским Приобьем, были обнаружены отпечатки голозерной гексаплоидной пшеницы на керамике. В последние годы в связи с внедрением в археологию современных аналитических методов и на основе подходов изотопной геохимии были проведены исследования с целью реконструкции системы питания людей в период поздней бронзы. Они показали наличие в человеческих костях изотопов, свидетельствующих о структуре питания с потреблением проса. Можно предположить земледельческий компонент у населения Лесостепного Алтая периода поздней бронзы, но в данный момент затруднительно оценить его масштабы.

Подсобную роль в хозяйстве «ирменцев» играла охота. Основными промысловыми видами были лось, олень, косуля, кабан, барсук, бобр и водоплавающие птицы. Орудиями охоты являлись лук и стрелы с крупными костяными наконечниками. Воз-

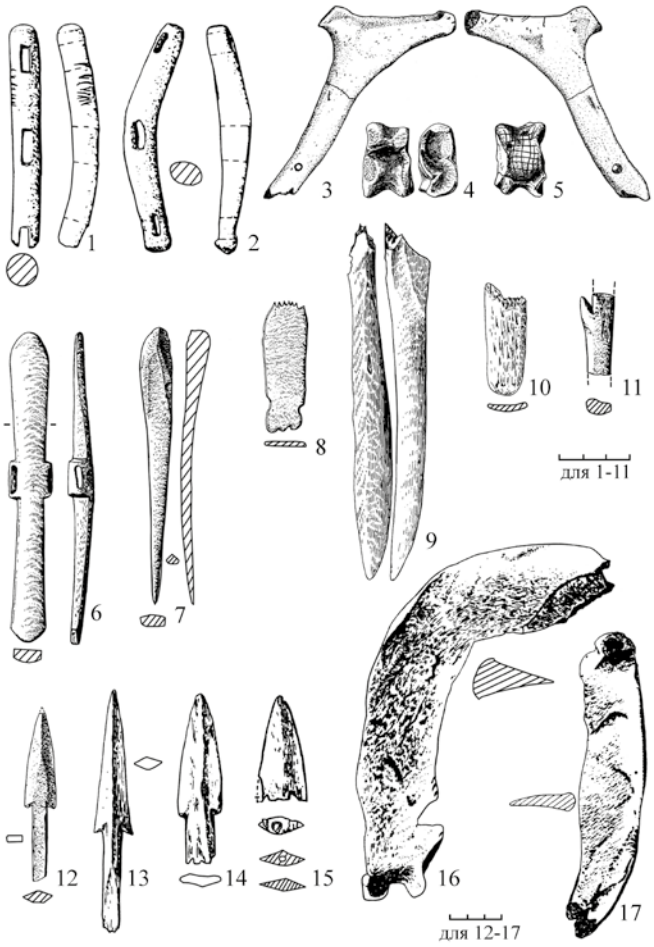

Рис. 2.57. Поселение Фирсово-XVIII. Изделия из кости (рога): *1, 2* – псалии; *3* –накладка; *4, 5* – альчики; *6* – деталь снаряжения; *7, 9* – проколки; *8* – орнаментир; *10* – пластина; *11* – фрагмент гарпуна; *12–15* – наконечники стрел; *16, 17* – трепала (по: [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 15])

можно, применялись охотничьи самострелы, о чем свидетельствуют крупные черешковые наконечники (рис. 2.57.-*12–15*). Они использовались против крупных животных, оставляя широкие и глубокие раны. Свидетельством существования сетевой рыбной ловли являются находки каменных и глиняных грузил.

По сравнению с предыдущим андроновским периодом, в структуре «ирменского» животноводства происходят существенные изменения. На смену доминирования крупного рогатого скота приходит увеличение доли мелкого рогатого скота (козы и овцы) и лошади. Это является важным показателем того, что придомное животноводство меняется на более подвижное. Увеличение мобильности не могло быть без повышения значения использования лошади для верховой езды и оформления коневодства в отдельную отрасль. Об этом свидетельствуют находки трехдырчатых псалиев (рис. 2.57.-*1, 2*) для формирования узды на поселениях ирменской культуры. Ранее такой элемент конского снаряжения не фиксировался на памятниках археологии Алтая.

Уровень производств ирменского населения носил выраженный домашний характер. Деревообработка, камнеобработка, косторезание, ткачество, гончарство, бронзолитейное производство были направлены на удовлетворение потребностей жителей поселка-общины.

Дерево являлось основным строительным материалом, для его обработки использовались разнообразные по форме кельты и долота (рис. 2.58.-*5, 6*), что свидетельствует о развитых навыках в деревообработке. Его использовали как при строительстве жилищ и хозяйственных помещений, так и для изготовления бытовых предметов. В быту широко применялись предметы из кости и рога, из них делали охотничьи наконечники стрел (рис. 2.57.-*12-15*), гарпуны (рис. 2.57.-*11*), проколки

(рис. 2.57.-*7, 9)*, различные гончарные инструменты (рис. 2.57.-*8*), элементы конского снаряжения (рис. 2.57.-*1, 2*, *6*), пластины (рис. 2.57.-*10)*, трепала (рис. 2.57.-*16, 17),* ременные пряжки, нашивки и накладки на одежду. Обнаружена серия металлических предметов разного назначения (рис. 2.58–2.59).

Использование камня в качестве орудий труда носило ограниченный характер. В первую очередь, отметим зернотерки с курантами (встречаются практически на всех поселениях) и небольшие каменные бруски (оселки) для заточки бронзовых ножей (рис. 2.58.-*1–4*). Находки каменных пестов, как правило, связаны с дроблением камня, для получения дресвы, необходимой добавки при гончарном производстве. Находки керамических пряслиц свидетельствуют о занятии ткачеством, одежда также делалась из кожи и меха животных.

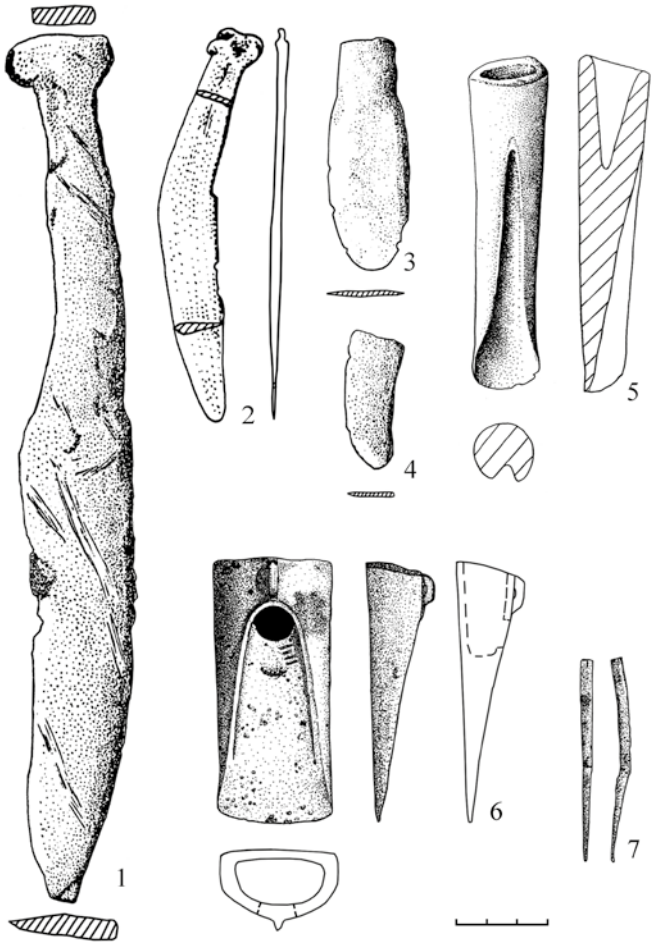

Рис. 2.58. Поселение Фирсово-XVIII. Изделия из цветного металла: *1–4* – ножи; *5* –долото; *6* – кельт; *7* – проколка (по: [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 13])

Изготовлением глиняной посуды для собственных нужд занимались в каждой семье. Сначала из специально подготовленного глиняного сырья (так называемая формовочная масса: смесь глины и различных добавок) вручную лепился горшок. Затем на него наносился орнамент, потом он сушился и подвергался обжигу. Большинство современных специалистов считают, что ирменский орнамент происходит от андроновского геометрического декора – использование ромбов, треугольников, зигзага, выполненных как гребенчатой, так и резной техникой орнамента. Вместе с тем появились новые элементы: насечки, выдавленные «жемчужины», сеточка (рис. 2.60–2.62). Как правило, декором покрывались верхняя половина или треть сосуда.

В подавляющем большинстве посуда имела плоское дно. По форме керамические сосуды делятся на банки, горшки и небольшие полусферические чаши. Если два первых типа использовались для хранения и приготовления пищи, то последний, скорее всего, – для ее употребления. Также наблюдается различие между керамикой, которая встречается в погребениях (это чаще всего небольшие сосуды (рис. 2.60)),

Рис. 2.59. Металлические находки: *1* – долото; *2* – кинжал; *3* – кельт; *4–6* – наконечники стрел (по материалам поселений Ильинка-III (1, 2, 4–6) и Фирсово-XVIII (3)) (по: [Археология Алтая…, 2017, с. 6, рис. 1–3])

и находками на поселениях так называемой столовой посуды (рис. 2.61).

Ирменская культура, завершавшая бронзовый век Лесостепного Алтая, продемонстрировала самый высокий уровень развития бронзолитейного производства, которое базировалось на алтайских рудах и обеспечивало ресурсами не только собственно племена Лесостепного Алтая, но и всю ирменскую культурно-историческую общность, импортируя и за ее пределы. Бронзовая продукция представлена самыми разнообразными категориями инвентаря – долотами (рис. 2.58.-*5*; 2.59.-*1*), ножами (рис. 2.58.-*1–4*), копьями, боевыми наконечниками стрел (рис. 2.59.-*4–6*), топорами-кельтами (рис. 2.58.-*6*; 2.59.-*3*), кинжалами (рис. 2.59.-*2*), зеркалами, проколками (рис. 2.58.-*7*), бляхами-накладками (рис. 2.63.-*1–18*), подвесками (рис. 2.64.-*43, 44, 49, 50)*, обоймами-пронизями (рис. 2.64.-*17–42*), нашивками, гвоздевидными серьгами (рис. 2.64.-*1–16*), браслетами (рис. 2.63.-*19–20*). Единично найдены золотые украшения. Как правило, на поселениях встречаются следы плавки цветного металла в виде шлака или обломков глиняных форм для литья бронзовых предметов. Так как пока в Алтайском Приобье не обнаружены металлургические горны, можно предположить импортное поступление металлических заготовок. В материалах ирменской культуры впервые фиксируются находки железных предметов.

Наиболее сложной является реконструкция военного дела ирменских племен. Все найденные предметы вооружения происходят с поселений или являются случайными находками. Некоторыми учеными было выдвинуто предположение о том, что у «ирменцев» в погребальном обряде существовал запрет на помещение оружия в могилы. Достоверно известно, что ирменские воины Лесостепного Алтая использовали лук и стрелы для ведения дальнего боя. Наконечники стрел были бронзовыми втульчатыми и листовидной формы, достаточно крупных параметров. В ближнем бою использовались боевые топоры-кельты, копья и кинжалы.

Отдельные находки роговых прямоугольных пластин позволяют предположить наличие панцирей, состоявших из подобных пластин и соединенных меж-

ду собой ремешками. Такие средства индивидуальной защиты прикрывали грудь и спину бойца. Основу воинского формирования ирменских племен составляли пешие отряды легковооруженных воинов, среди которых была специализация на лучников и бойцов, способных вступать в ближний бой, вооруженных ударным оружием и защищенных панцирем. Таким образом, военное построение ирменского общества было основано на родоплеменном ополчении, в которое входило все боеспособное мужское население. Тем не менее развитие коневодства не могло не повлиять на выделение конницы, о чем свидетельствуют находки элементов конского снаряжения. В целом, нужно отметить, что период поздней бронзы имел

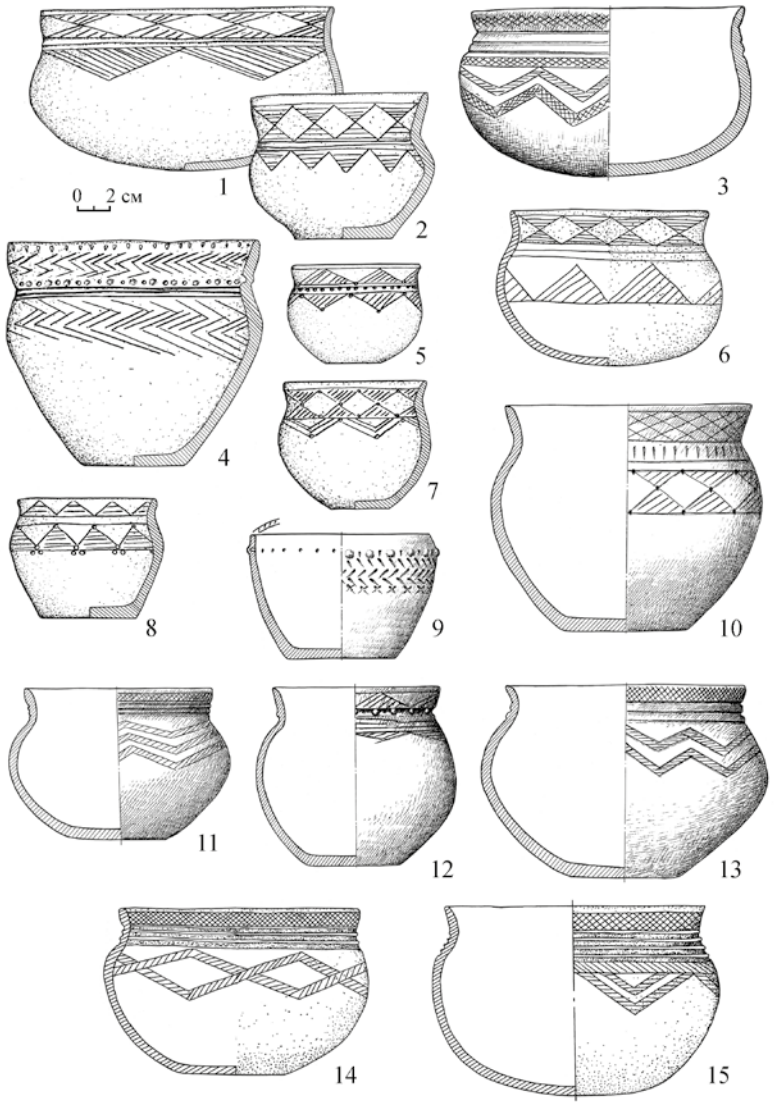

Рис. 2.60. Керамическая посуда ирменской культуры: *1, 2, 4–8* – могильник Плотинная; *3, 6, 9–15* – курганные могильники Новотроицкое-1 и 2 (по: [Уманский, Демин, 1974, табл. I, II; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 19.-*5*; 36.-*1, 2*; 37.-*3, 4*; 43.-*11, 17, 18*])

достаточно мирный характер. Антропологи не зафиксировали у носителей ирменской культуры следов военного травматизма, а археологи не обнаружили на поселениях следов военных действий.

Как уже было отмечено выше, «ирменцы» являются наследниками традиций андроновской общности и, соответственно, их мировоззрение базировалось на целом комплексе древних индоиранских верований, включавших культ умерших, предков и героев, культ диких и домашних животных. Важнейшей частью погребально-поминальной практики было сопровождение умерших сородичей в загробный мир. Некрополи сооружались на высоких местах, на краю речных и озерных террас. Существуют два типа погребений: грунтовые и подкурганные. Курганы образовывали группы, насыпи, как правило, небольших размеров (диаметром 5–6 м и высотой не более 1 м), под ними размещалось от одной до нескольких могил (могильники Камышенка, Новотроицкое-1 и 2, Телеутский Взвоз-I). На грунтовых могильниках поля погребений образуют ряды, сгруппированные с помощью ритуальных рвов и ям (Плотинная, Фирсово-XIV).

Захоронения совершались в неглубокой яме или на уровне древнего горизонта, нередко устанавливалась деревянная рама с перекрытием. Умерших хоронили по способу трупоположения, скорченно на правом боку, головой в южной сектор. Встречаются одиночные и коллективные захоронения, очень редко – кремация (помещение в могилу кремированного праха). Нередко в погребальном ритуале фиксируются следы огня, когда костры разводились над уже совершенными захоронениями или рядом с ними.

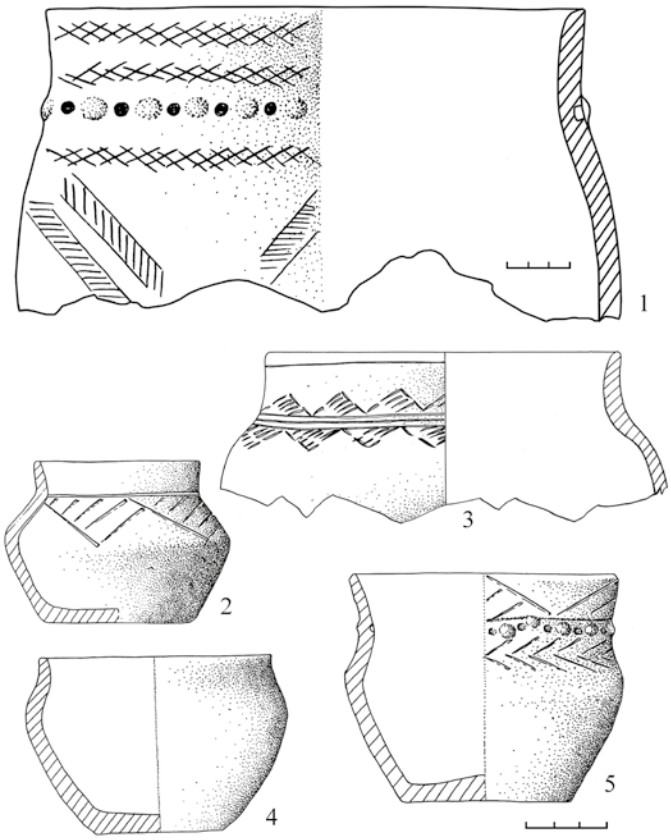

Рис. 2.61. Поселение Фирсово-XVIII. Керамическая посуда ирменской культуры (по: [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 4])

Важной частью погребального ритуала было помещение вместе с умершим человеком сопроводительного инвентаря – орудия труда, посуда, личные украшения и детали костюма. Поминальная тризна проводилась непосредственно рядом с могилой, о чем свидетельствуют обнаруженные колотые кости животных и битая посуда в ритуальных ямах и рвах.

Рис. 2.62. Керамические сосуды из памятников ирменской культуры: *1, 2* – поселение Фирсово-XVIII; *3* – могильник Фирсово-XIV. *Фотоснимок автора*

Об особой роли в ирменском обществе лошади указывает тот факт, что она становится одним из ведущих ритуальных животных. Кроме находок отдельных костей, во рвы помещали целые черепа и части туловища. На поселении Малый Гоньбинский Кордон-1/3 была раскопана постройка, внутри которой на приступке находилось скопление костей лошади в анатомическом порядке, включая череп и конечности. Сама конструкция непосредственно примыкала к синхронному могильнику Малый Гоньбинский Кордон-1/5 и, по всей видимости, играла важную роль в погребально-поминальной практике «ирменцев». Почитание лошади в первую очередь касалось таких сфер жизнедеятельности, как животноводство и война.

Большие по размерам поселки с организованным внутренним архитектурным пространством и крупные могильники свидетельствуют о существовании родовой общины как основной хозяйственной и социальной единицы. В «ирменском» обществе практически не наблюдается социальная и имущественная дифференциация. Встречаются женские погребения с более «богатым» инвентарем, в которых можно увидеть исполнительниц культовых обрядов. Остальные могилы содержат более однородный материал и, видимо, представляют взрослых рядовых членов семей. Примечательно, что, как правило, в мужских погребениях из сопроводительного инвентаря встречаются бронзовый нож или его замена (обломок клинка) в сочетании с керамическим сосудом. Малое число инвентаря характерно для детских и подростковых погребений. Можно сказать, что признаки профессиональной специализации наблюдаются только для металлургии и металлообработки.

На севере, северо-западе и на востоке «ирменцы» Лесостепного Алтая взаимодействовали с родственными племенами той же культурной традиции, которых в археологии объединяют в «ирменскую культурно-историческую общность». Этот союз племен занимал лесостепную часть юга Западной Сибири – от р. Иртыш на западе до р. Томи на востоке, от таежной зоны на севере до алтайских гор на юге. Данное образование носило, скорее всего, этнокультурный характер, нежели политический. Структурообразующими связями были общность происхождения, мировоззрение, верование и, вероятно, язык. Это единство выражалось в погребально-поминальной практике, принципах домостроительства и организации поселенческого пространства, базовой основе скотоводства в экономике, форме бронзового оружия и украшений, в орнаментации керамической посуды.

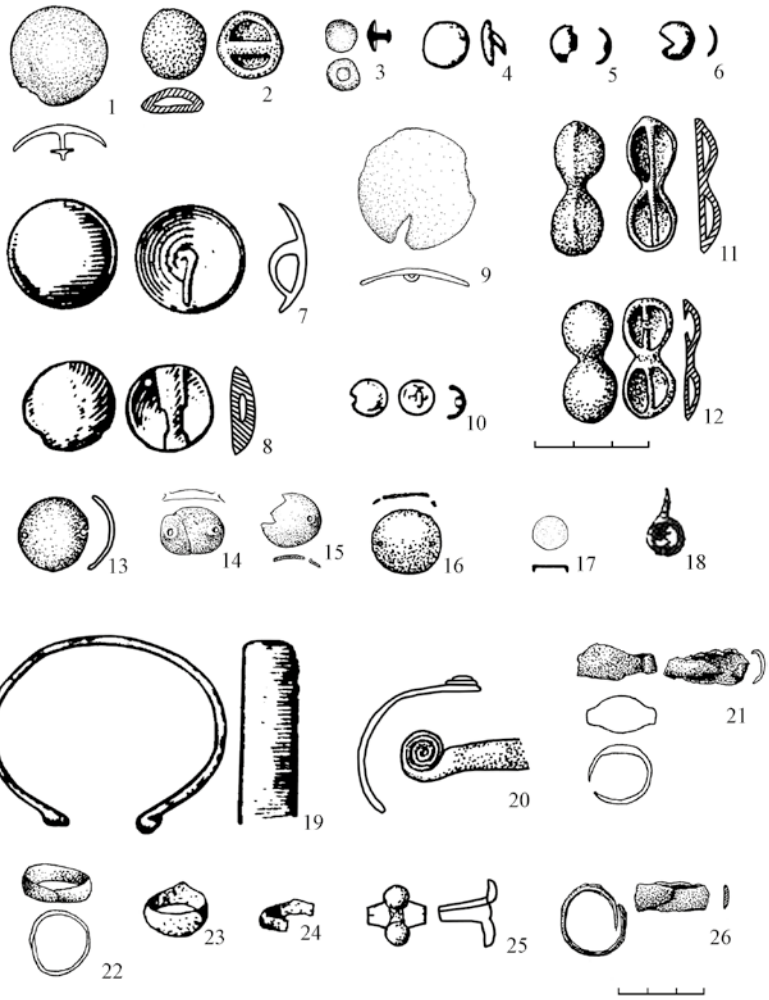

Рис. 2.63. Металлические украшения ирменской культуры: *1–18* – бляхи; *19, 20* – браслеты; *21–26* – кольца (1 – пос. Курейка-III; 2, 21, 26 – мог. Телеутский Взвоз-I; 3, 17 – пос. Чекановский Лог-1; 4 – мог. Баево-2; 5–8, 10, 19 – мог. Камышенка; 9 – пос. Калиновка-II; 11, 12, 16, 20, 25 – мог. Осинки; 13 – пос. Крестьянское-II; 14, 15 – мог. Кытманово; 18, 23, 24 – Фирсовский археологический микрорайон; 22 – мог. Староалейка-II) (по: [Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009, рис. 23])

Некоторые категории инвентаря, в первую очередь бронзовые ножи и кинжалы, находят параллели в материалах карасукской культуры Минусинской котловины. Данные вещи можно рассматривать как импорт, появившийся как результат устойчивых товарообменных связей.

На юге и западе ирменские племена граничили с населением саргаринско-алексеевской общности, занимавшим территорию Кулундинской степи, Центрального и Восточного Казахстана. Данное направление было очень важным, так как в зоне влияния «саргаринцев» находились месторождения Рудного Алтая. Кулунда являлась, по сути, переходной зоной между двумя культурами, где формировались свое-

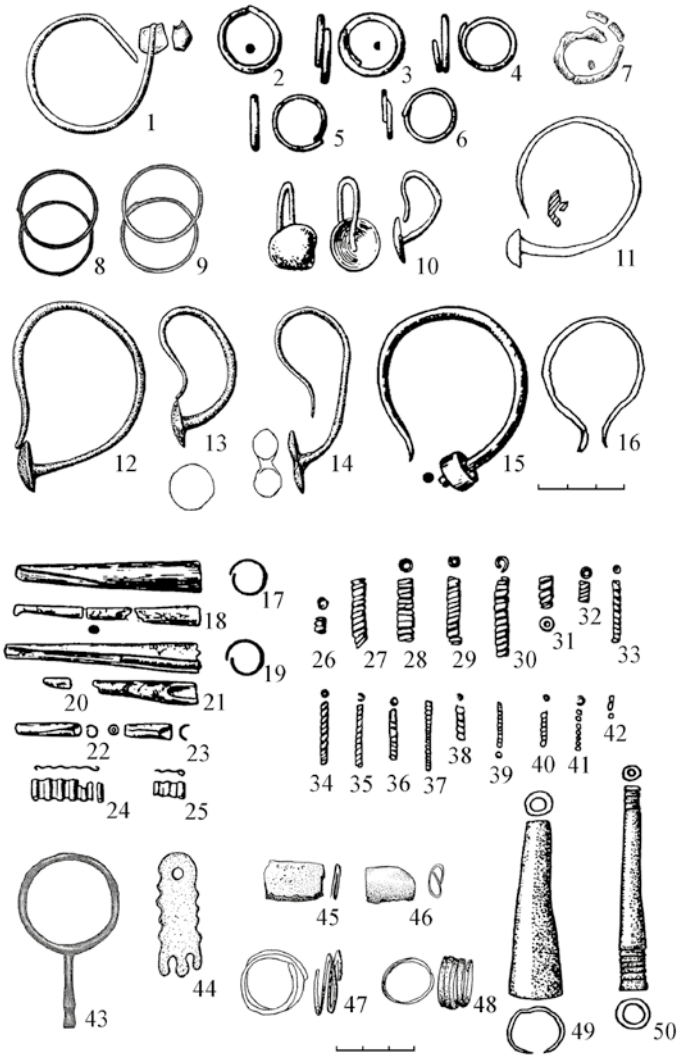

Рис. 2.64. Металлические украшения ирменской культуры: *1–16* – серьги; *17–42, 45, 46* – пронизи; *43, 44, 49, 50* – подвески (1–6, 10, 11, 15–42 – мог. Камышенка; 7, 45–46 – мог. Кытманово; 8, 9 – мог. Осинки; 12–14 – пос. Быково-III; 43, 49, 50 – мог. Осинки; 44 – пос. Моховое-III; 47, 48 – мог. Староалейка-II) (по: [Грушин, Папин, Позднякова и др., 2009, рис. 22)

образные комплексы, несущие признаки обеих культур. Взаимовлияние было достаточно глубоким, и усилилось оно в конце бронзового века, когда такой характерный элемент декора степных культур, как валик, стал распространяться в керамике ирменской культуры Верхней Оби. Начиная с IX в. до н.э. в результате внутренних процессов происходит распад ирменской культурной исторической общности на региональные образования. К этому добавляется усиление давления западных соседей, увеличение военных конфликтов и смены общего вектора развития.

Д.В. Папин

КОРЧАЖКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Материалы периода поздней бронзы, не относящиеся к ирменской культуре (общности), стали известны на территории Лесостепного Алтая со времени работ Б.Х. Кадикова на оз. Иткуль и раскопок А.Б. Шамшиным поселения Фирсово-XVII. С тех пор количество подобных свидетельств значительно увеличилось и прежде всего за счет раскопок поселений, давших большие серии керамической посуды. Культурная принадлежность этих находок долгое время была спорной, частично их относили к карасукским (ирменским) комплексам, затем стали называть еловскими и, наконец, корчажкинскими.

Памятники *корчажкинской культуры* локализуются в Барнаульско-Бийском Приобье довольно узкой полосой по Оби и ее притокам, преимущественно в их устьях, а также на проточных озерах, входящих в систему Оби, каким, например, является оз. Иткуль (рис. 2.53). К настоящему времени известно около 40 памятников, на которых обнаружены корчажкинские материалы. Среди них преобладают поселения, могильники единичны. Большинство памятников представлено лишь сборами подъемного материала либо исследовано небольшими разведочными раскопами. Отметим, что существенная часть корчажкинских памятников выявлена на правобережье Оби и лишь отдельные – на левобережье. Целая группа археологических объектов зафиксирована по берегам оз. Иткуль. Среди памятников, подвергшихся крупным раскопкам и давших основные находки рассматриваемой культуры, назовем поселения Костенкова Избушка и Корчажка на оз. Иткуль, а также Фирсово-XVII, расположенное на границе коренного берега и обской поймы.

Наиболее распространенной категорией инвентаря, на основе которой и была выделена культура, стала керамика. Абсолютное большинство ее получено при раскопках вышеуказанных поселений. Поселение Корчажка дало самый выразительный материал и стало эпонимным памятником (давшим название культуры).

Качество керамики очень хорошее. В отдельных микрорайонах (например, у оз. Иткуль) для ее изготовления в сырье добавлялась слюда. Сосуды тщательно выделаны. Многие из них имеют следы лощения. Некоторые можно даже назвать нарядными. Цвет их варьирует от светло-коричневого (большинство) до темно-серого и даже черного. На внутренних стенках многих сосудов сохранились следы нагара, подтверждающие, что перед нами обычная кухонная посуда. Форма сосудов различна: от баночной до горшковидной. Различаются и способы нанесения орнамента. Наряду с широко применявшимся гребенчатым штампом, хорошо был известен и гладкий штамп. Встречаются также резные линии. Значителен процент накольчатой техники (прежде всего ямок). Орнаментальная композиция обычно очень богата. Украшалась большая часть стенок сосуда, иногда вся поверхность от венчика до днища (рис. 2.65–2.66). В целом, в керамических комплексах присутствуют компоненты, которые связаны с доандроновскими традициями, но подвергшиеся андроновскому влиянию.

Находки других предметов единичны. Изделия из бронзы представлены наконечником стрелы (рис. 2.67.-*1*), немногочисленными простыми украшениями в виде серег и колец (рис. 2.67.-*7–9, 14*), четырехгранным шилом (рис. 2.67.-*5*). Из рога и кости изготавливались элементы конского снаряжения и предметы вооружения: трехдырчатый псалий (рис. 2.67.-*15*), втульчатый пулевидный наконечник стрелы (рис. 2.67.-*3*), накладка на лук (рис. 2.67.-*13*). Из стенок разбитых кера-

мических сосудов сделаны разного рода скребки (рис. 2.67.-*10–12*). Обнаружены и другие предметы (рис. 2.67.-*2, 4, 6*). Из глины делались пряслица.

Как уже было отмечено, поселения корчажкинской культуры известны, прежде всего, по сборам подъемного материала. Раскопкам подверглись всего несколько памятников, в том числе довольно крупные – поселения Костенкова Избушка, Фирсово-XVII и Корчажка. Причем поселение Фирсово-XVII исследовано в значительной своей части, а остальные – полностью. Все указанные памятники располагались у воды. Так, поселение Корчажка находилось на берегу оз. Иткуль; Костенкова Избушка – на мысу, образованном тем же озером и протокой, соединяющей озера Большой и Малый Иткуль. Поселение Фирсово-XVII выходит к ныне широкой обской пойме (раньше там проходило русло реки). Большинство памятников невелики по размерам. Исключение составляет лишь поселение Костенкова Избушка. Мощность культурного слоя на поселении Фирсово-XVII незначительная (до 60 см). Плотность находок также невелика. На Костенковой Избушке культурный слой достигает 1 м и более. Однако этот памятник является многослойным, а корчажкинские материалы залегали там преимущественно на третьем-четвертом слоях. Мощность культурного слоя на поселении Корчажка достигала в жилищах от 1 до 2,2 м (в хозяйственных ямах).

Визуально жилищные западины не просматривались ни на одном из памятников. Достоверно корчажкинские жилища, углубленные в землю, встречены на поселении Корчажка. Жилища подквадратной формы, размерами 5,5×6 м (без входа). Площадь их примерно равна и составляет более 30 кв. м. С северной стороны оба жилища имеют

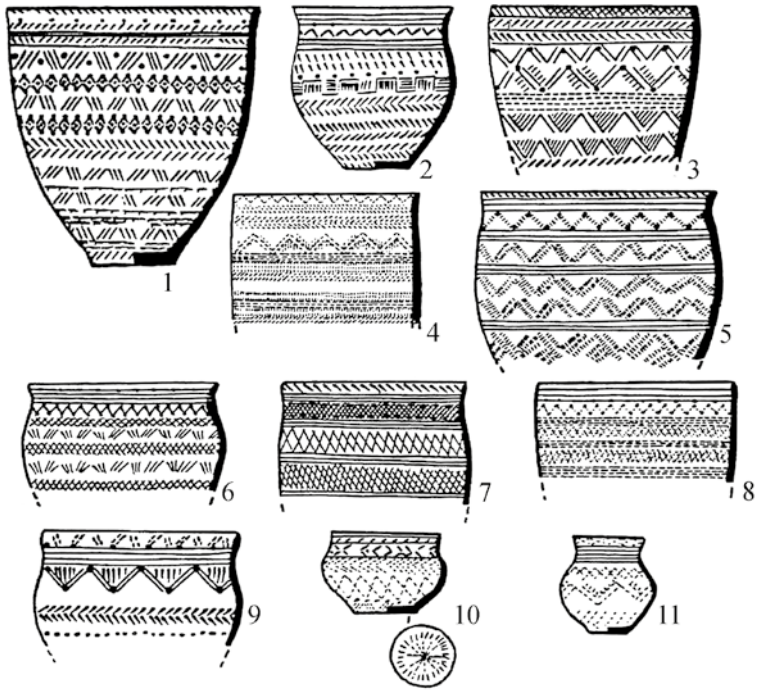

Рис. 2.65. Керамическая посуда корчажкинской культуры
(по материалам поселения Костенкова Избушка)
(по: [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 1.-*1, 3, 4*; 2.-*1, 2*; 3.-*1, 2*; 4.-*2, 3*; 5.-*3, 5*])

узкий (шириной до 2 м) коридорообразный выход длиной 4–6 м, идущий к берегу озера. Оба жилища имеют углубленные в землю котлованы глубиной 1,4–1,7 м. В центре были обнаружены очаги.

Данные по погребальному обряду в настоящее время практически не известны, за исключением единичных погребений на могильниках Фирсово-XIV и Цветы Алтая. Спорным является отнесение к рассматриваемой культуре хорошо известного могильника Осинки. В настоящее время практически всеми специалистами не признается его корчажкинская принадлежность.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что у «корчажкинцев» одинаково хорошо были развиты все отрасли хозяйства, в разное время имевшие различный удельный вес. В связи с чем хозяйство можно назвать многоотраслевым. В нем животноводство занимало лидирующее место. Этот вывод позволяет сделать анализ археозоологического материала корчажкинских поселений. Так, процент костей домашних животных на зимнем поселении Корчажка составил 53,3%. Среди костей диких животных там присутствовали лишь кости мясных животных (лося). Кости пушных зверей вообще не обнаружены. На летнем поселении Фирсово-XVII количество костей домашних и диких мясных животных оказалось близким друг к другу. Что касается видового состава разводимых домашних животных, то здесь наблюдается устойчивое соотношение видов, прослеживаемое как по материалам

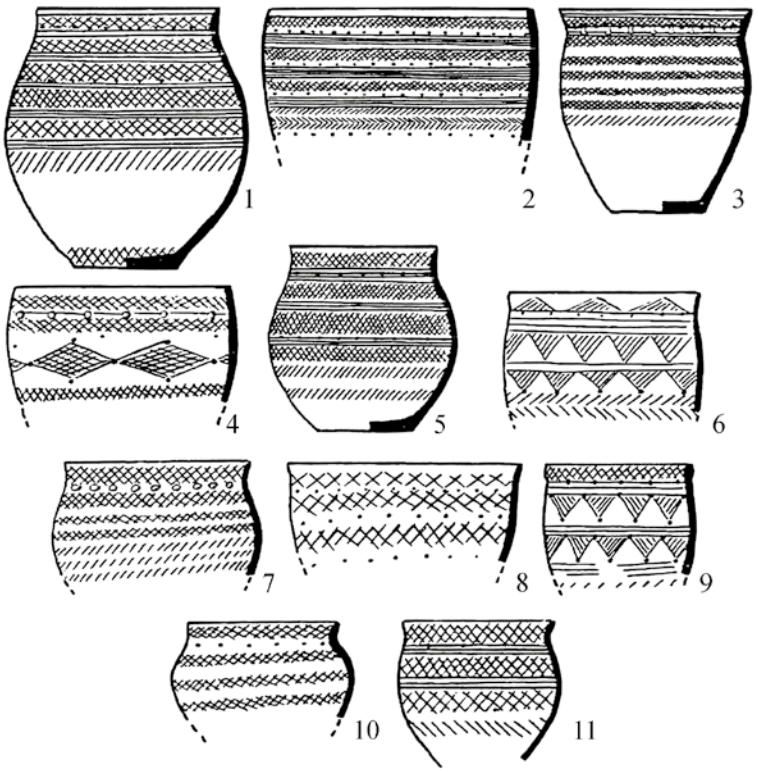

Рис. 2.66. Керамическая посуда корчажкинской культуры
(по материалам поселений Костенкова Избушка, Корчажка-V, Фирсово-XVII)
(по: [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 6.-*2, 3, 4*; 7.-*1, 2, 3, 5*; 8.-*1, 3*; 9.-*4*; 10.-*6*])

зимников, так и летников. Первое место занимала лошадь, второе – крупный рогатый скот, а последнее – мелкий рогатый скот (овцы).

Охота, наряду с животноводством, являлась важнейшим занятием «корчажкинцев». Занятия охотой также хорошо документированы большим количеством костных остатков диких животных, найденных на поселениях. Охота «корчажкинцев» имела два ярко выраженных направления. Первое – это мясная охота. Животные добывались с целью пропитания. Основным объектом был, безусловно, лось. Так, на поселении Корчажка кости лося являлись показателем основного объекта охоты. На поселении Фирсово-XVII кости мясных животных составили больше двух третей от костей всех диких особей. При этом костей лося было 57,3%, а косули – 23,3% (от всех мясных). Второе место занимал пушной промысел.

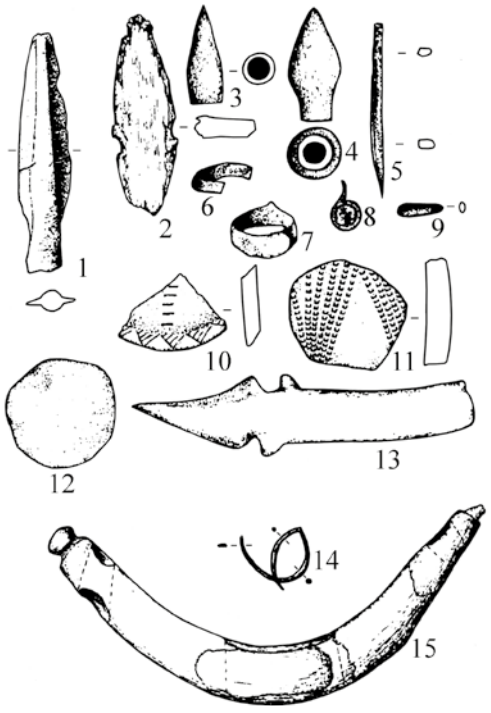

Рис. 2.67. Инвентарь корчажкинской культуры из памятников Барнаульско-Бийского Приобья: *1* – Новообинцево; *2, 3, 5, 10* – Фирсово-XVII; *4* – Милованово-3; *6–9* – Фирсово-I; *11–13* – Речкуново-IV; *14* – Фирсово-XIV; *15* – Костенкова Избушка (по: [Горбунов и др., 1997б, рис. 48])

Непосредственным свидетельством рыболовства у корчажкинского населения являются кости рыб, находимые на поселениях, а также остатки рыбацкого инвентаря. Кости рыб, прежде всего крупные позвонки, обнаружены на поселениях Костенкова Избушка и Фирсово-XVII. Скорее всего, рыболовство имело вспомогательный характер, что, однако, не исключает его важной роли в хозяйстве.

Подводя итог характеристике корчажкинского хозяйства, хотелось бы еще раз подчеркнуть его многоотраслевой характер. Что касается относительной хронологии корчажкинской культуры, то здесь важное значение имеет то, что она надежно синхронизируется с ирменской культурой. Это подтверждается совместным залеганием керамики на целом ряде памятников (например, на поселении Казенная Заимка), в том числе и в закрытых комплексах (могильник Кытманово, могила №17). На ряде памятников прослежено тесное взаимодействие ирменской и корчажкинской керамических традиций (ирменские поселения Речкуново-III и Малоугренево). Население корчажкинской культуры локализовалось и в приобском бору, что во многом было обусловлено спецификой экономики. Тесная связь со своей экологической нишей и низкая мобильность позволили сохранить доандроновские культурные традиции. Вместе с тем постоянные контакты с носителями ирменской культуры в итоге привели к стиранию различий в процессе формирования большереченской культуры переходного времени от бронзы к железу.

Д.В. Папин, А.Б. Шамшин

САРГАРИНСКО-АЛЕКСЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА И БУРЛИНСКИЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ

На территории Лесостепного Алтая, кроме ирменских и корчажкинских памятников, хорошо фиксируются археологические комплексы *саргаринско-алексеевской культуры* (рис. 2.53), население которой в период поздней бронзы занимало огромные степные пространства от Уральских гор до Оби. В XIII в. до н.э. некоторые племена мигрировали в наш регион из районов современного Казахстана. Проживавшие на тот момент «андроновцы» в скором времени были ассимилированы переселенцами с более адаптированным хозяйством и социальной организацией.

«Саргаринцы» быстро освоили большую часть Кулундинской равнины. Как правило, они не создавали новых поселков, а обосновывались на местах, уже освоенных «андроновцами». Поэтому нередко на поселениях археологами обнаруживаются как «андроновские», так и «саргаринско-алексеевские» материалы. Большинство таких памятников расположено на участках, где сопрягаются степь и лесостепь. При этом обязательным условием для существования поселка было круглогодичное наличие достаточного количества для жителей и скота питьевой воды (озера, реки, протоки). В тех случаях, когда ощущался недостаток доступной воды, жители рыли колодцы внутри жилищ или возле них.

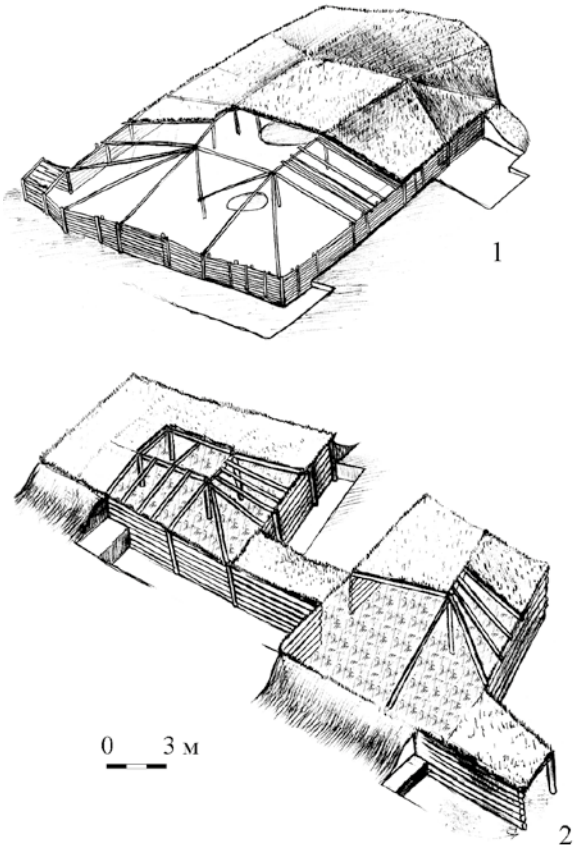

Рис. 2.68. Реконструкции саргаринско-алексеевских сооружений: *1* – поселение Жарково-3 (Баевский район); *2* – поселение Рублево-VI (Угловский район) (по: [Федорук А.С., Папин, Федорук О.А., 2018, рис. 4, 5])

Поселки периода поздней бронзы представляли собой скопление до полутора десятков отдельных жилищ, расположенных по кругу или в одну-две линии. Возводившиеся постройки довольно разнообразны, но в целом они схожи с андроновскими традициями возведения жилищ. Наиболее распространенным типом жилища у «саргаринцев» были полуземлянки (рис. 2.68). Это крупные (площадью 100–300 кв. м) строения прямоугольной формы, с одной или двумя отдельными камерами (отсеками).

Каркас жилища возводился из столбов, установленных в подготовленном котловане глубиной иногда более 1 м. Пол в постройках был ровный, часто посыпался песком или обмазывался глиной. Стены жилищ делались вертикальными. Они сооружались из горизонтально уложенных жер-

дей, закрепленных между столбами каркаса. Кровля была двух- или четырехскатная. Для утепления стен и крыши использовались имевшиеся поблизости строительные материалы – дерн, береста, зола, тростник. К внешним стенам основной камеры снаружи пристраивались навесы, а над выходами из жилищ и переходами между камерами сооружались крытые коридоры, защищавшие внутреннее пространство домов от холода, осадков и грязи.

Материальная культура населения периода поздней бронзы рассматриваемого региона изучена благодаря многочисленным находкам керамической посуды, бронзовых, костяных и каменных предметов быта, орудий труда, оружия и украшений.

В быту «саргаринцы», как правило, пользовались толстостенной, небрежно изготовленной посудой. Для ритуальных целей применялись емкости более высокого качества (рис. 2.69), а также импортная керамика – нарядная бегазы-дандыбаевская или «круговая» среднеазиатская.

Для изготовления посуды гончарами использовались глина, шамот (раздробленная керамика) и органика. Лепили плоскодонные горшки, банки и кувшины (различных форм и размеров) из лент или жгутов-лоскутов, которые скреплялись друг с другом. Стенки сосудов заглаживали мягким материалом, не оставлявшим заметных следов на поверхности. Обжигали сосуды на кострах, а перед обжигом украшали несложным узором, наносимым пальцами, ногтями, различными предметами либо специальными инструментами (штампами). Одним из наиболее часто используемых «саргаринскими» гончарами декоров был валик – жгутик глины, прилепляемый снаружи к вылепленному сосуду. Часто валик дополнительно украшался. Сочетания элементов орнамента образовывали узоры в виде поясков, лент, сеточек, елочек, зигзагов, треугольников, ромбов. При этом сосуды украшались довольно скромно и преимущественно лишь в верхней трети высоты (рис. 2.70).

Широкий набор «саргаринских» изделий из бронзы, камня, глины и кости позволяет рассмотреть основные направления их повседневной жизни. Помимо изделий широкого назначения, таких как бронзовые ножи (рис. 2.71.-*1, 2*), обнаружено большое количество узкоспециализированных орудий труда. О занятии животноводством и переработкой получаемого сырья свидетельствуют многочисленные находки костей и трепал (орудий для мездрения шкур), изготовленных из нижних челюстей крупного рогатого скота или лошадей (рис. 2.71.-*3*). Обнаружение проколок (рис. 2.71.-*4*) и шильев (рис. 2.71.-*5*) из кости и бронзы, а также глиняных пряслиц указывает на домашнее производство одежды. Костяные наконечники стрел (рис. 2.71.-*6*), копий и дротиков – прямое указание на занятие охотой. Каменные молоты (рис. 2.72.-*1*), терочники, литейные формы для выплавки предметов (рис. 2.72.-*2, 3*), бронзовые чеканчики демонстрируют остатки бронзолитейного производства. Металлические тесла (рис. 2.73.-*1*), долота (рис. 2.73.-*2*) и кельты использовались для деревообработки. Бронзовые серпы, каменные зернотерки и мотыжки могут отражать знакомство с земледелием. Найденные металлические зеркала (рис. 2.73.-*3*), серьги, бляхи, бусы (украшения и детали одежды) позволяют реконструировать костюм «саргаринцев». Бронзовые кинжалы (рис. 2.74.-*1–3*), наконечники стрел (рис. 2.74.-*4, 5*) и, вероятно, топоры (рис. 2.74.-*6–7*) являлись элементами специфического комплекса вооружения. Роговые псалии (элемент конской узды) свидетельствуют о верховой езде (рис. 2.75).

Основным направлением хозяйственной деятельности населения саргаринско-алексеевской культуры было многоотраслевое животноводство. На это указывает зна-

Рис. 2.69. Керамические сосуды саргаринско-алексеевской культуры: *1–4* – могильник Рублево-VIII (по: [Папин, Федорук, 2007, рис. 2.-*1, 2, 4*; Кирюшин и др., 2007, рис. 2.-*1*]); *5* – поселение Рублево-VI (по: [Папин, Федорук, 2013, рис. 1.-*2*])

чительный объем костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошади и собаки), обнаруживаемых во время раскопок на всех поселениях региона того времени. Больше всего остеологического материала принадлежит крупному рогатому скоту. В меньшем количестве встречены остатки мелкого рогатого скота (козы и овцы) и лошадей. Такое соотношение животных в стаде – продолжение андроновских традиций в хозяйстве. Изучая животноводство, исследователи пришли к выводу, что оно носило придомно-отгонный характер. Зимой скот содержался на постоянных поселениях, где мог дополнительно подкармливаться заготовленными в летний период кормами. Летом основная часть стада отгонялась на летние выпаса. Там также сооружались небольшие поселки, функционировавшие только в теплое время года. Это давало возможность людям, оставшимся в стационарных поселках, заниматься огородничеством, не боясь потравы посевов скотом.

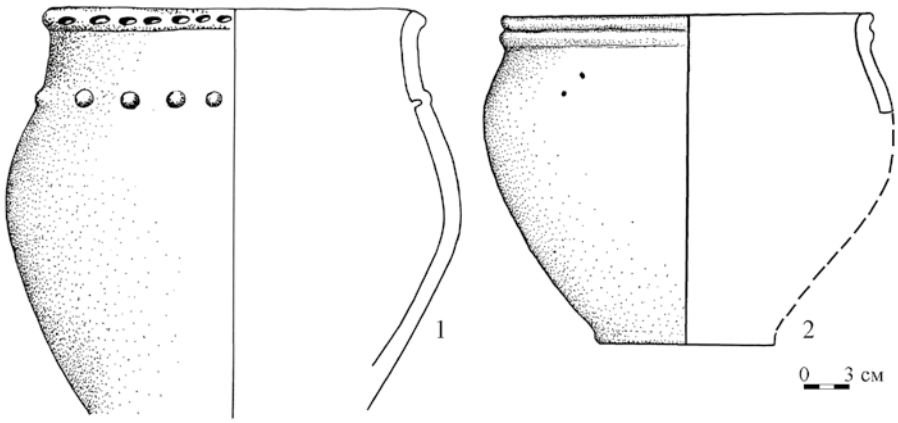

Рис. 2.70. Керамика периода поздней бронзы с поселения Жарково-3 (по: [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008а, рис. 4.-*1;* 9.-*1*])

Рис. 2.71. Орудия труда: *1, 2, 5* – бронза (поселение Рублево-VI (по: [Папин, Дураков, Федорук, 2006, цв. вкл. VI.-*6*, рис. 2.-*1, 2*]); *3, 4, 6* – кость (поселение Жарково-3) (по: [Кирюшин, Папин, Федорук, 2009, рис. 1.-*1*; Федорук, Вальков, 2015, рис. 1.-*3, 5*])

Интересным фактом, указывающим на связи с более южными районами Азии, стала находка на поселениях Кулунды костей верблюдов.

Среди немногочисленных остатков диких животных преобладают кости копытных, что свидетельствует об охоте на «мясные» виды дичи. Наиболее часто объектом охоты становились лоси, косули, бизоны и кабаны. Заметно реже охотились на пушных зверей (лисицу, зайца, барсука) и птиц.

Важным направлением хозяйственной деятельности являлась бронзовая металлургия. Широкий набор обнаруживаемых при раскопках изделий, литейных форм, шлаков и сплесков, образовавшихся в процессе выплавки металла и изделий из него, – прямое свидетельство местного производства. На ряде древних поселений археологами исследованы участки, где происходил процесс выплавки бронзы и изделий из нее. Это свидетельствует о развитой технологии медеплавильного и бронзолитейного производства. Как считают исследователи, распространение на территории обитания племен саргаринско-алексеевской культуры морфологически близких бронзовых орудий и серийное изготовление изделий свидетельствуют о стандартизации приемов добычи и обработки руды, получения металла и изготовления необходимых изделий. Существуют предположения, что уже в то время из общества выделилась группа людей, специализировавшаяся только на металлургии.

Набор предметов вооружения, используемый населением Лесостепного Алтая в период поздней бронзы, указывает на начало становления снаряжения верхового воина и формирования кочевнического стиля ведения боя, распространившегося в последующее скифо-сакское время на обширной территории степей Евразии.

О погребальном обряде «саргаринцев» Алтая известно немногое. Связано это с трудностью обнаружения могильников того периода в регионе. В отличие от сопредельных территорий Казахстана, Барабы и Приобья, в западной части Алтайского края в период поздней бронзы, видимо, не сооружались хорошо заметные курганы. Умер-

Рис. 2.72. Каменный молот (1) с поселения Жарково-3 (по: [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008б, рис. 1.-*1*]) и фрагменты каменных литейных форм (2, 3) с поселения Рублево-VI (по: [Папин, Дураков, Федорук, 2006, цв. вкл. VI.-*3, 4*])

ших людей хоронили на небольших грунтовых могильниках, не выраженных в рельефе. Достоверно известны лишь три захоронения «саргаринцев»: два раскопаны в Угловском районе (грунтовый могильник Рублево-VIII) и одно в Суетском районе (грунтовый могильник Нижняя Суетка). Неглубокие могилы ориентированы по сторонам света (запад–восток или юг–север). Умершие люди лежали там в скорченном положении, на левом боку или вытянуто на спине. У головы стояли керамические сосуды, аналогичные посуде с поселений. Ученые предполагают, что немногочисленность погребений того времени могла быть связана с распространением в регионе традиции «воздушных» захоронений. Такой способ погребения, практически не оставляющий археологических свидетельств, в древности был широко распространен у многих народов на территории Индии, Ирана, Средней Азии и Сибири.

«Саргаринско-алексеевские» племена на территории рассматриваемого региона просуществовали до начала раннего железного века (IX–VIII вв. до н.э.), а после этого стали частью населения, сформировавшегося в скифо-сакское время.

Ярким событием в истории изучения бронзового века Кулунды стало выявление на территории современного Хабарского района группы поселений, основанных мигрантами из Средней Азии. Археологам известны три таких комплекса (под наименованием «памятники бурлинского типа»). Происхождение таких объектов специалистами связывается с приходом группы населения, имевшей более прогрессивный, по сравнению с животноводами Кулунды, тип хозяйства и освоившей гончарный круг. Пройдя длинный путь, эти люди обосновались на берегу Бурлы и привнесли в «саргаринско-алексеевский» регион целый ряд новшеств.

Поселки «бурлинцев» расположены компактно на территории нынешнего Хабарского района Алтайского края (рис. 2.53). Видимо, основное поселение было расположено на высокой террасе р. Бурлы, в 3,5 км к востоку от с. Хабары. Там располагался крупный стационарный поселок с десятками жилищ, хозяйственными и производственными участками и строениями. На поселении выплавлялись изделия из бронзы, в ремесленном масштабе производилась «круговая» посуда, которая предназначалась не только для внутренних нужд жителей поселка, но и для обмена с соседями («саргаринцами» и «ирменцами»), у которых она высоко ценилась.

Раскопки одного из поселений позволили реконструировать разнообразные постройки «бурлинцев». Основных типов было два. Первый – небольшие наземные каркасно-столбовые сооружения. Эти строения располагались близко друг к дру-

Рис. 2.73. Бронзовые изделия саргаринско-алексеевской культуры: *1* – тесло, *2* – долото (случайные находки из Ключевского и Рубцовского районов) (по: [Федорук и др., 2015, рис. 1.-*1, 3*]); *3* – зеркало (поселение Рублево-VI) (по: [Папин, Дураков, Федорук, 2006, цв. вкл. VI.-5])

гу, имели подквадратную форму, небольшие площади (33–42 кв. м) и коридорообразные выходы. Пол находился на уровне материка. По некоторым данным, столбовые ямы по периметру котлованов соединялись узкими канавками, что указывает на заплотную технику возведения стен. Сами стены были вертикальными, а крыша, скорее всего, – в виде усеченной пирамиды. Подобные постройки интерпретируются как хозяйственные, т.е. не предназначенные для проживания людей, а связанные с производством (бронзолитейное, гончарное и др.). Второй тип построек «бурлинцев» – полуподземные сооружения средних и крупных размеров. Эти здания подпрямоугольной формы, сделанные по среднеазиатской традиции, также очень близко располагались друг к другу, расстояние между ними составляло 1–2 м. Площадь прямоугольных построек составляла от 60 до 200 кв. м. Они углублялись в землю на 0,4–0,7 м. Пол во всех камерах был ровный, покрытый тонким слоем глины. Для соединения отдельных камер сооружались крытые коридоры-переходы. Такие же коридоры возводились и над выходами из жилищ. Археологам удалось реконструировать процесс создания этих строений. На первом этапе строительства на выбранном участке выкапывался котлован, в котором затем возводился каркас из мощных, глубоко врытых в землю столбов. В центре котлована будущего жилища устанавливалась прямоугольная рама, опиравшаяся на 4–6 высоких несущих столбов, а вдоль края на менее высоких столбах формировалась вторая рама. Между собой центральная и внешняя рамы связывались перекладинами. Затем возводились вертикальные стены. Они сооружались из бревен, соединенных со столбами каркаса техникой заплота. Стены были незначительно углублены в котлован. После возводилась кровля. Она опиралась с одной стороны на центральную раму, с другой – на каркас и бревна стен. В центральной части крыша могла быть плоской с дымовым отверстием над очагом, по краям – пирамидальной. Для теплоизоляции кровли и стен использовались дерн, тростник, кора (рис. 2.76).

Материальная культура «бурлинцев» известна преимущественно по находкам с поселения Бурла-3. Там обнаружено большое количество обломков керамических сосудов, предметов быта, орудий труда и даже оружие. Посуда жителей бурлинских поселений кардинально отличалась от керамики «саргаринцев»

Рис. 2.74. Бронзовое оружие поздней бронзы: *1–3* – кинжалы (1 – Поспелихинский район (по: [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, рис. 4.-*2*]); *2* – Мамонтовский район (по: [Иванов, 2016, рис. 27]); *3* – поселение Рублево-VI (по: [Папин, Дураков, Федорук, 2006, цв. вкл. VI.-*2*]); *4, 5* – наконечники стрел (4 – Алтайский край (по: [Федорук, 2018, рис. 1.-*3*]); 5 – Ключевский район (по: [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, рис. 1.-*7*]); *6, 7* – топоры (6 – Ключевский район; по: [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, цв. вкл. V.-*2*, рис. 5]); 7 – Волчихинский район (по: [Тишкин, Фролов, 2017, рис. 2])

и изготавливалась по традиционным среднеазиатским канонам. Основными формами посуды были стаканы, миски, кувшины, горшки, хумы (сосуды крупных размеров, используемые для хранения припасов). Эта керамика традиционно не декорировалась, поскольку красилась или ангобировалась, т.е. покрывалась сверху тонким слоем качественной и жидкой глины (рис. 2.77). В повседневной жизни «бурлинцы» использовали в основном те же орудия труда и предметы быта, что и их соседи: бронзовые серпы (рис. 2.78), тесла (рис. 2.79.-*1, 2*), чеканчики (рис. 2.79.-*3*), шилья и многие другие предметы. Возможно, эти вещи они получали от «саргаринцев» в обмен на свои керамические изделия.

Найдены предметы, нетипичные для «саргаринцев» и «ирменцев»: бронзовые багорчики (рис. 2.79.-*6*), крючки (рис. 2.79.-*5*), наконечники стрел (рис. 2.79.-*4*) и многочисленные глиняные подставки (рис. 2.80). Часть из этих вещей могла быть привезена переселенцами с собой, а другие уже изготавливались на месте.

Особого масштаба у «бурлинцев» достигло гончарное дело. Произ-

водимая ими керамика качественно отличалась от посуды «саргаринцев» и «ирменцев» и потому пользовалась большой популярностью у местных племен. На поселении Бурла-3 изготавливались сосуды различных форм и размеров. Гончарами тщательно подбирались и смешивались разные виды глин, поскольку какие-либо отощители (дресва, шамот) не использовались. Сосуды изготавливались на гончарном круге. Такая посуда получила название «круговая» или «станковая». Поверхность сосудов покрывалась красной краской или обмазывалась тонким слоем жидкой глины (ангобом), который при обжиге также придавал ей цвет желтых и красных оттенков. Для обжига использовались возведенные на высоком берегу реки специальные печи, позволяющие получить высокую температуру обжига. Очевидно, появление в регионе такой необычной, красивой и качественной посуды вызвало у «саргаринцев» спрос на нее, что и позволило «бурлинцам» начать производство своей керамики в больших масштабах, рассчитанных на обмен. Таким образом, уже в период поздней бронзы на территории Северной Кулунды появилось ремесленное производство глиняной посуды.

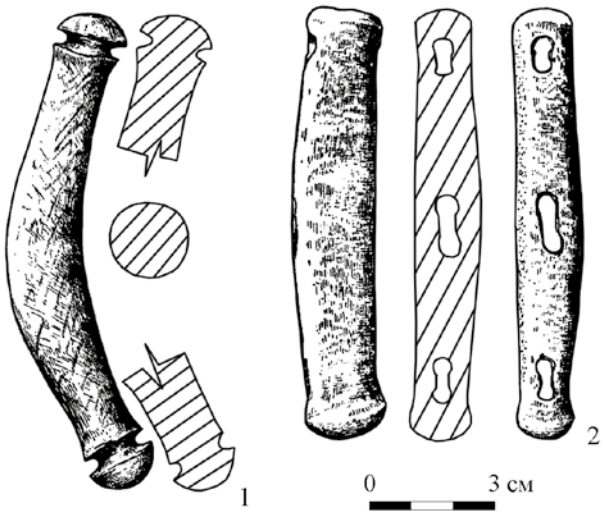

Рис. 2.75. Псалии с поселения Рублево-VI (по: [Кирюшин и др., 2002, рис. 1.-*1, 2*])

Можно отметить такой интересный факт. На поселениях Новоильинка и Бурла-3 в Северной Кулунде археологами обнаружены фрагменты круговой керамики, орнаментированной в традициях «саргаринцев», – пальцевыми защипами или оттисками ногтя. Сам факт появления такой посуды – яркое свидетельство смешения традиций различ-

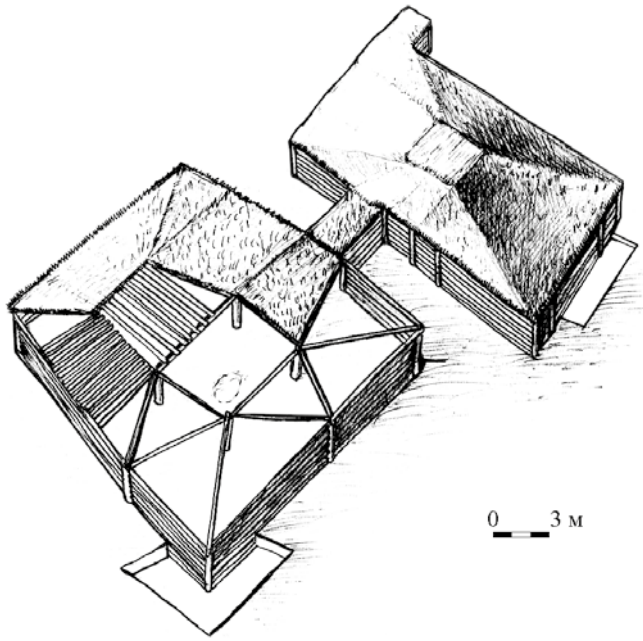

Рис. 2.76. Реконструкция сооружения на поселении Бурла-3 (Хабарский район) (по: [Федорук А.С., Папин, Федорук О.А., 2018, рис. 3])

Рис. 2.77. Круговая керамика «бурлинцев»
(по: [Ломан, Папин, Федорук, 2017, рис. 1.-*1–4, 6*])

Рис. 2.78. Бронзовый серп с поселения Бурла-3
(по: [Археология Алтая…, 2017, с. 5, рис. 2])

ных в культурном плане групп населения. Очевидно, делавший эти сосуды гончар заранее знал, что посуда будет использоваться «саргаринцами» и постарался украсить ее традиционным для последних нарядным орнаментом ритуальной посуды. Кстати, происходило и обратное влияние. Так на «саргаринско-алексеевских» поселениях Лесостепного Алтая обнаружена серия керамики, орнаментированной по подобию посуды, распространенной у носителей бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Бегазы-дандыбаевская керамика – немногочисленная серия сосудов, обнаруженных при раскопках поселенческих и погребальных памятников периода поздней бронзы Казахстана и Алтая. Сосуды достаточно специфичны. В большинстве случаев они представляют собой небольшие горшки, изготовленные методом выбивания из куска глины и искусно украшенные различным орнаментом. Такие сосуды имели высокое качество и, вероятно, ценились в период поздней бронзы.

Прогресс «бурлинцев» отражался и в животноводческом сегменте их хозяйства. Как показали палеоостеологические исследования, в составе стада преобладал крупный рогатый скот. Вторыми по численности были лошади, а третьими – овцы. При этом наблюдаются резкие отличия овцеводства и коневодства «бурлинцев» по сравнению с «саргаринцами». Во-первых, процент лошадей и овец в стаде увеличился. Во-вторых, «бурлинцы» освоили и практиковали гибридизацию этих животных. Ими велась работа над созданием пород полутонкорунных овец и верховой породы лошадей. Увеличение доли мелкого рогатого скота и лошадей в составе стада, в совокупности с породообразующей деятельностью, свидетельствует о том, что животновод-

Рис. 2.79. Бурла-3: *1, 2* – тесла; *3* – чеканчик; *4* – багорчик; *5* – крючок; *6* – наконечник стрелы (по: [Папин, Федорук, Ломан, 2017, рис. 2.-*4–8, 11*])

Рис. 2.80. Глиняные подставки с поселения Бурла-3 (по: [Папин, Федорук, Ломан, 2017, рис. 2.-*3*; Ломан, Папин, Федорук, 2017, рис. 1.-*5*])

ство начало выходить на принципиально новый уровень – формирование кочевого состава стада. Несомненно, в хозяйстве «бурлинцев» определенную нишу занимали охота и рыболовство. На это указывает само расположение поселений на границе степи и леса рядом с протекавшей Бурлой, одной из крупных в степном регионе Алтая водных артерий. Однако археологические свидетельства охоты и рыболовства специалистами пока не найдены. Видимо, эти виды хозяйства имели сугубо вспомогательное значение. Важной находкой на поселении Бурла-3 стало обнаружение на полу жилища бронзового серпа с сохранившимися на нем отпечатками растений. Это позволило предполагать наличие земледелия у жителей поселка. В пользу такой гипотезы свидетельствует происхождение переселенцев из Средней Азии, где много веков практиковалось земледелие. Не противоречит этому и выбор места для основания поселка – пойма Бурлы. По своим природным характеристикам она позволяет заниматься пойменным земледелием. Однако суровый климат региона существенно ограничивает такие возможности. Видимо, в хозяйстве «бурлинцев» земледелие было дополнительным занятием.

Могильники населения, оставившего «бурлинский тип» памятников, к настоящему времени не обнаружены. Их поиск и изучение остаются одной из главных задач для специалистов.

Как считают археологи, время существования бурлинских поселков может быть определено в рамках XIV–XI (X) вв. до н.э. На заключительном этапе своей истории потомки среднеазиатских переселенцев влились в «саргаринское» общество и полностью растворились в нем.

А.С. Федорук

ГЛАВА 3

ПОЗДНЯЯ ДРЕВНОСТЬ (переходный период от бронзового века к железному и ранний железный век)

В настоящее время результаты осуществленных исследований позволяют выйти на уровень рассмотрения этнокультурной ситуации, сложившейся в аржано-майэмирское («раннескифское») время на территории Центральной Азии. В этом процессе наиболее значимыми являются изученные и опубликованные материалы «царских» курганов Аржан-1 и Аржан-2 в Туве. Существенными следует признать сведения, полученные при раскопках многочисленных памятников рассматриваемого времени в предгорьях и горах Алтая, а также в других ближайших регионах Монголии, Казахстана и Китая. Прежде чем осуществить намеченный обзор выделенных культур начала периода поздней древности, необходимо дать характеристику такого условно используемого понятия, как «аржано-майэмирское время», которое рассматривается в следующих хронологических рамках: конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э. (с вероятной возможностью удревнения даты, указанной первой). Такое обозначение раньше всего вошло в обиход исследователей при изучении изобразительных традиций. Оно было дано по наиболее известным археологическим объектам (Аржан и Майэмирский клад), зафиксированным соответственно в Туве и на Алтае. Начало аржано-майэмирского времени определено на основании современного радиоуглеродного и археологического датирования базового археологического комплекса – «царского» кургана Аржан-1 (около 800 г. до н.э.) и синхронизируется с целым рядом известных исторических событий, которые отражены в китайских письменных источниках [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159; Тишкин, 2011; и др.]: 826–781 гг. – период правления Сюань-вана (держава Западное Чжоу), организовавшего походы на северные племена с целью их покорения; около 800 г. до н.э. – в степях Внутренней Азии разразилась жесточайшая засуха, спровоцировавшая подвижки населения; 781–770 гг. до н.э. – срок правления Ю-вана, закончившийся разгромом его войск кочевыми объединениями, переносом столицы Чжоу на восток и образованием государства Восточное Чжоу. Перечисленные события стали причиной миграций целых народов и отдельных групп людей. Примерно к 750 г. до н.э. завершился распад государственно-административной системы державы Западное Чжоу. После этого исследователями указывается период стабилизации в Китае, что, вероятно, способствовало и благоприятному развитию кочевых социумов. Еще одним положительным фактором стала смена экологических эпох в Азии, отмеченная после 750 г. до н.э.

Следует добавить еще один важный момент, демонстрирующий влияние процессов, которые происходили в Китае, на жизнь и деятельность ранних ко-

чевников, населявших территорию Монголии и Южной Сибири. Дело в том, что именно на рубеже IX–VIII вв. до н.э. крупные китайские уделы становятся политически самостоятельными царствами, что не могло не отразиться на действиях правителей ближайших народов. О том, что такие контакты имели место, демонстрируют отрывочные сведения в письменных источниках рассматриваемого времени, которые становятся дополнительной информацией для реконструкции истории кочевников (номадов), проживавших в период поздней древности на территории Алтае-Саянской горной страны.

В Передней Азии в указанный хронологический отрезок происходили события, также в определенной мере повлиявшие на этнокультурную ситуацию в восточных регионах. Для понимания исторического контекста и его синхронизации стоит указать на ряд известных дат. В 679 г. до н.э. киммерийцы совершили неудачный поход против Ассирии, а около 670–660 гг. до н.э. началась миграция всем известных скифов. Со 2-й половины VII в. до н.э. происходило формирование и развитие двух небольших государств, сыгравших свою историческую роль, – это Мидия (около 650–550 гг. до н.э.) и Лидия (около 650–546 гг. до н.э.). Отношения между ними составили цепь важных исторических повествований. Примерно в 644 г. до н.э. киммерийцы захватили столицу Лидии, а с 630 г. началась «гегемония скифов» в Передней Азии. Отметим и такие события, как падение Новоассирийской державы (612 г. до н.э.), «изгнание киммерийцев» (около 600 г. до н.э.) и завершение мидийско-лидийской войны (585 г. до н.э.). Окончание аржано-майэмирского времени в Центральной Азии маркируют ранние памятники пазырыкской культуры. Этот факт может соотноситься с предшествующими событиями и процессом образования державы Ахеменидов в Передней Азии (около 550 г. до н.э.), что отразилось в появлении на Алтае очередных мигрантов, радикально изменивших облик кочевого мира ближайших регионов. Основные сведения о многих сторонах жизни и деятельности животноводческих племен Центральной Азии дают результаты археологических исследований оставшихся памятников в виде курганов и других фиксируемых сооружений. В настоящее

Рис. 2.81. Археологические культуры аржано-майэмирского времени на территории Алтае-Саянской горной страны и юге Западной Сибири

время на Алтае относительно хорошо изучены погребально-поминальные комплексы аржано-майэмирского времени. Это позволяет частично реконструировать мировоззренческие представления древних номадов, их социальную организацию, систему жизнеобеспечения и многое другое.

На основе материалов исследованных археологических памятников выявлены основные культуры аржано-майэмирского времени на территории Горного и Лесостепного Алтая, а также на сопредельных историко-культурных областях (рис. 2.81). О трех из них (бийкенской, майэмирской и большереченской) речь пойдет в следующих материалах данной главы.

БИЙКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

В ходе раскопок в Горном Алтае курганов, сооруженных из камней, были выявлены объекты, которые выделялись своим внешним видом, устройством и рядом других особенностей [Кирюшин, Тишкин, 1997]. Основным отличительным признаком являлся просматривающийся в центре насыпи каменный ящик, в котором находились останки погребенного человека и сопровождавший его инвентарь (рис. 2.82.-*1, 2, 4, 6, 7*). Иногда к нему примыкала подобная или другая конструкция для захоронения лошади (или ее части) с предметами конского снаряжения (рис. 2.82.-*1*). Кроме этого, по периметру кургана фиксировалось кольцо в виде стенки, выложенной из плит (рис. 2.82.-*1, 2*), или крепиды, сделанной просто из крупных камней (рис. 2.82.-*4*). Рядом с погребальными камерами часто находили небольшие стелы-обелиски (рис. 2.82.-*3*), которые напоминали так называемые оленные камни* самого простого оформления с выбитыми изображениями или вообще без них.

Своеобразные курганные могильники в горах Алтая, которые ныне относятся к *бийкенской археологической культуре*, часто располагаются на террасах, ограниченных горами и рекой (рис. 2.83). На территории некрополя погребальные объекты обычно образуют отдельные микроцепочки (по два-три объекта) или небольшие группы. По всей видимости, такой порядок отражает хронологические различия и родственные отношения между погребенными, а сами сооружения представляют собой имитацию реально существовавших жилищ в поселках аильного типа. Такая организация стойбищ кочевников до сих пор сохранилась в Монголии (рис. 2.84).

На ряде памятников зафиксированы объекты разного ритуального характера (поминальники, жертвенники и др.). Они расположены отдельно или пристроены к курганам (рис. 2.82.-*5*), а также могут находиться в межкурганном пространстве. Это чаще всего небольшие сооружения в виде холмообразной или «плоской» невысокой каменной выкладки. Некоторые такие объекты представляют собой отдельно стоящий каменный ящик. Рядом с указанными объектами обнаружены вертикально вкопанные камни, следы огня, части зернотерок, кости, немногочисленные фрагменты керамики. Кратко охарактеризованные курганы впервые были частично раскопаны на территории Северного Алтая в 1930-е гг. около впадения Куюма в Катунь. Затем отдельные объекты изучались в других местах. Лишь в 1980-е и в начале 1990-х гг. археологические работы на памятниках аржано-майэмирского времени стали проводиться системно. Наибольшее их количество исследовано на территории предполагаемого строительства Ка-

* Краткие сведения об этих древних изваяниях будут изложены в конце данной части главы, где также помещены их изображения.

тунской ГЭС. Именно там, около устья р. Бийке (правый приток Катуни), располагается крупный археологический комплекс, давший название обозначенной культуре (рис. 2.83, 2.85–2.86). Центром этого памятника является выделяющаяся гора (рис. 2.85), у подножья которой зафиксированы петроглифы и чашевидные углубления.

Изученные базовые памятники Алтая (Бийке, Семисарт-I, Кызык-Телань-I, Тыткескень-I и VI; Бойтыгем-II и др.) содержат следы длительного почитания мест, где они расположены. Там имеются курганы предшествующих и последующих эпох, петроглифы, культовые пещеры, пункты астрономических наблюдений и т.д. Часть рассматриваемых комплексов бийкенской культуры являлась святилищами, совмещавшими функции некрополя и храма, на что указывают имеющиеся особенности расположения и устройства отдельных памятников, таких как, например, Бийке (рис. 2.86).

Для архаических обществ большое значение имела организация сакральной (священной, ритуальной) территории, в том числе и пространства кладбища. Помимо основного, погребальные комплексы имели и другие разные смыслы. Там совершались религиозные обряды, причем не только связанные с культом предков. Священные пространства довольно четко ограничивались. Проникновение в такое место без предварительной подготовки могло быть опасным для человека. Этим объясняется расположение отдельных изучаемых памятников в местах, куда доступ был определенным образом затруднен горами и рекой.

При организации сакральной территории имели значение не только его положение на

Рис. 2.82. Погребально-ритуальные объекты на памятниках бийкенской культуры (в ходе археологических исследований): *1–3* – Бийке; *4–5* – Усть-Бийке-III; *6–7* – Тыткескень-VI. *Фотоснимки автора*

Рис. 2.83. Горный Алтай. Долина Катуни. Вид на место расположения археологического комплекса Бийке. *Фотоснимок автора*

местности, но и пространственная структура. Ряд элементов расположения некрополей бийкенской культуры находит аналогии в традициях погребального обряда соседних и даже отдаленных народов, другие отражают самостоятельные представления об организации священной зоны.

Как уже было отмечено, под каменной наброской исследованных курганов бийкенской культуры по периметру насыпи отмечены кольца-стенки или кольца-крепиды. В центре находилось захоронение, как правило, в каменном ящике, установленном на уровне древней поверхности (рис. 2.82). Отмечаются и другие особенности реализации погребальной практики. Оформленная окружность кургана интерпретируется исследователями как имитация реального элемента конструкции переносных жилищ, а погребальные сооружения представлялись «своеобразными воротами в иной мир». В целом конструкция курганов в плане демонстрирует собой круг с вписанным в него «квадратом» (рис. 2.82.-*2*). Такая схема, по свидетельству письменных источников, лингвистических и религиоведческих исследований, являлась символом Вселенной и времени, универсальным для многих культур. Квадрат и круг – первичные геометрические фигуры, отражавшие древние представления о времени и пространстве. В силу специфики мышления древнего человека конструкция кургана (кольцевая выкладка и ящик) была прообразом жилища с очагом-жертвенником в центре него.

Рис. 2.84. Центральная Монголия. Стойбище современных кочевников. *Фотоснимок автора*

Представление о могиле как о жилище покойного широко распространено в архаических мифологиях, что зафиксировано в сохранившихся древних письменных источниках (Ригведа, Атхарваведа, Упанишады и др.). Конструкция погребальной камеры в виде каменного ящика или выкладки может рассматриваться как «алтарь», в котором было совершено жертвоприношение умершего человека. Этнографические материалы также фиксируют существование специальных квадратных очагов в жилищах. Жизнь у древних людей считалась жертвоприношением смерти, смерть – жертвоприношением жизни. В индоевропейских языках слово «жертвоприношение» по смыслу близко со словом «смерть». Погребальный обряд бийкенской культуры имеет ряд аналогий с погребальным

Рис. 2.85. Бийке. Отвесная скала с петроглифами в центре археологического комплекса. *Фотоснимок автора*

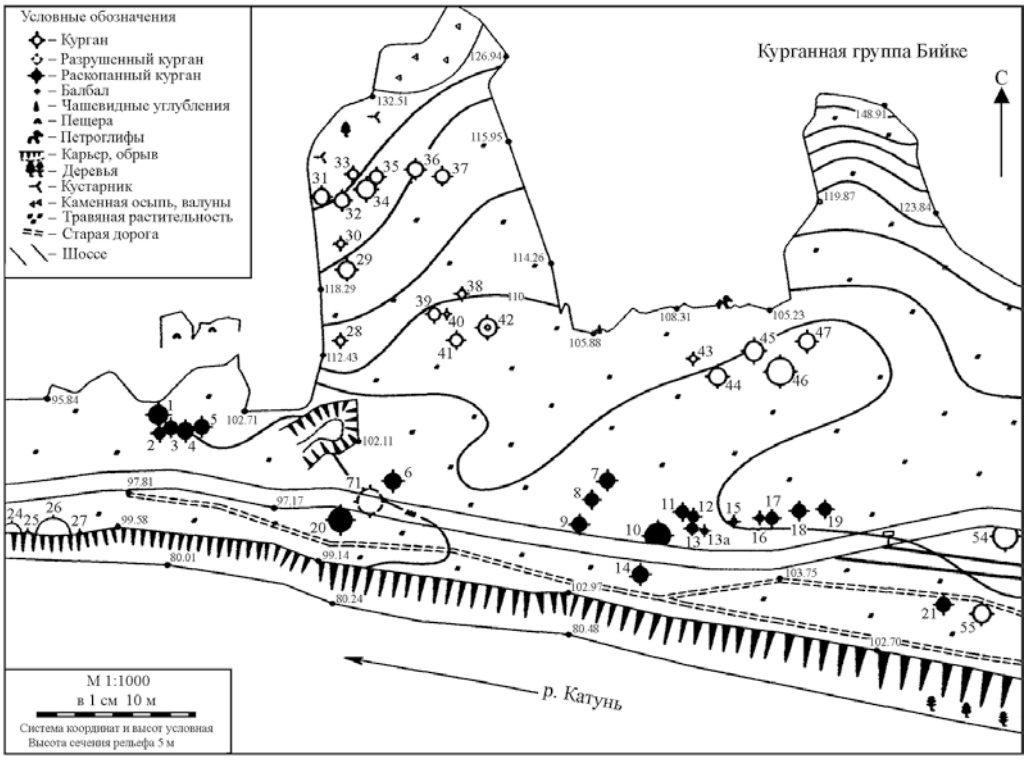

Рис. 2.86. Фрагмент плана археологического комплекса Бийке. Тахеометрическая съемка (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 53])

обрядом, зафиксированным в Ригведе, где он как раз и представлен как жертвоприношение [Тишкин, 2007а, с. 108–109].

Элементом погребальных конструкций является наличие каменных стел-обелисков (рис. 2.82.-*3*). На этих плитах отмечены антропоморфные черты. Такое схематическое изображение человека, являвшееся связующим звеном с загробным миром ушедших из реальной жизни предков, свидетельствует о различных ритуалах поклонения идолам. Именно поэтому стелы в первую очередь были опрокинуты при осквернении погребальных сооружений как факт надругательства над обычаями покоренного народа. Кроме стел, рядом с некоторыми курганами с западной и восточной стороны обнаружены вкопанные вертикально в землю плоские камни («балбалы»), выполнявшие функции находившихся вблизи с жилищем коновязей. На части исследованных могильников рядом с «балбалами» находилась яма, в которой была захоронена лошадь. Данный факт отражает наиболее раннее использование вертикально вкопанных камней вблизи курганов как имитацию реально существовавших коновязей.

Ориентация умершего человека в определенную сторону имеет различные значения. У многих народов покойных хоронят лицом туда, куда должна уйти душа после смерти тела. В погребениях носителей бийкенской культуры человек (и лошадь) чаще всего ориентированы головой на запад или северо-запад. Отмечены случаи и северной ориентировки. Наиболее вероятным признано соотнесение ориентации покойников с восходом и заходом солнца. У многих народов север считался стороной смерти, зла. Запад – классическое место расположения страны мертвых, что связано с заходом солнца. Традиционное положение погребенных людей бийкенской культуры головой на запад, северо-запад или север означало, что душа человека после смерти направится в тот сектор горизонта, где находилась страна мертвых. И в индоиранской, и в китайской традиции отмечается выражение «отправиться на запад» в значении «умереть» [Тишкин, 2007а, с. 111–113].

Из тех погребенных, скелет которых сохранился наиболее хорошо, в большинстве случаев люди были уложены скорченно и на левый бок, лишь некоторые – на правый. В архаических культурах противопоставление правое–левое наделялось комплексом смыслов. Наиболее типичным была демонстрация отражения «положительный»/«отрицательный». Положение на левом боку в погребальном обряде означало, что умерший человек отправлялся в некую иную, чужую и неизвестную реальность, противоположную миру живых и, вероятно, враждебную. В научной литературе предложено достаточно много толкований скорченной позе. Наиболее распространенным является мнение об имитации таким образом положения эмбриона, что должно было символизировать последующее возрождение. Археологические материалы Горного Алтая позволили зафиксировать следующие близкие позы погребенных: «скачущий всадник», спящий человек (при наличии каменной «подушки»), поза поклонения.

Для погребального обряда бийкенской культуры характерно захоронение вместе с человеком лошади или ее части, но в отдельной камере в виде каменного ящика (кольца), а также в яме либо на уровне древней поверхности. Животное чаще всего располагалось с юго-восточной стороны от погребенного человека. Следует подчеркнуть, что для коня сооружалась аналогичного вида отдельная камера, а животное имело такую же ориентацию, как и покойник. Наличие остатков лошадей в курганах можно объяснить по-разному: как заупокойные дары, пища для

умершего, остатки совместной родовой трапезы, средство передвижения, личный верховой (боевой) конь, имитация лошади. Зарождение рассматриваемой традиции связано с определенным типом ведения хозяйства, обычаями животноводов, с представлениями о загробном мире, где человек должен быть снабжен всем тем, что было у него при жизни. Главная суть захоронения коня выражена в его сонаправленности с человеком, а остатки костей копытного в могиле олицетворяли идею его воскрешения на том свете. Сооружение для лошади такой же погребальной камеры, что и для человека, свидетельствует о невыделенности последнего из мира природы, тесной связи его с данным животным и огромном значении коней в жизни древних кочевых племен. Лошадь играла важную роль в системе жизнеобеспечения носителей бийкенской культуры, что и нашло отражение в специфическом погребальном обряде. Важность внимательного отношения к душе не только умершего человека, но и животного отражают и этнографические данные.

Анализ элементов погребальной практики носителей бийкенской культуры Алтая позволил наметить ряд смысловых показателей, вложенных в них древними людьми. Эти представления имеют характерные особенности и находят параллели в китайской, индийской и индоиранской традициях соответствующего периода времени.

При раскопках бийкенских курганов обнаружен немногочисленный, но показательный комплекс предметов материальной культуры. Среди них особое значение имеют элементы конского снаряжения (рис. 2.87.-*1–14*; 2.88), которые являются хронологическими индикаторами, позволяющими определить датировку исследованных объектов. Найдена серия бронзовых ножей разного назначения (рис. 2.89.-*1–5*). Предметов вооружения обнаружено немного. В основном зафиксированы наконечники стрел (рис. 2.87.-*15, 16*; 2.89.-*9, 10*). При этом имеется достаточно представительная коллекция кинжалов, датированных в рамках аржано-майэмирского времени. Но почти все они относятся к категории случайных находок. Отметим аналогичный характер имеющихся металлических чеканов – боевого ору-

Рис. 2.87. Элекмонар-II. Металлические предметы:
1–14 – детали амуниции верхового коня (удила, уздечные бляхи для соединения и распределения ремней, подпружные пряжки, наносник); *15–16* – наконечники стрел; *17–25* – пронизи; *26* – фрагмент планки
(по: [Тишкин, 2011, рис. 4])

Рис. 2.88. Бронзовые удила (1) и псалии (2–3) для формирования узды из раскопок памятника Черный Ануй-I (по: [Тишкин, 2011, рис. 5])

Рис. 2.89. Металлические изделия разного назначения: *1–5* – ножи; *6–7, 11–12* – серьги; *8* – деталь пояса; *9–10* – наконечники стрел (частично по: [Тишкин, 2011, рис. 6], остальные – *фотоснимки автора*)

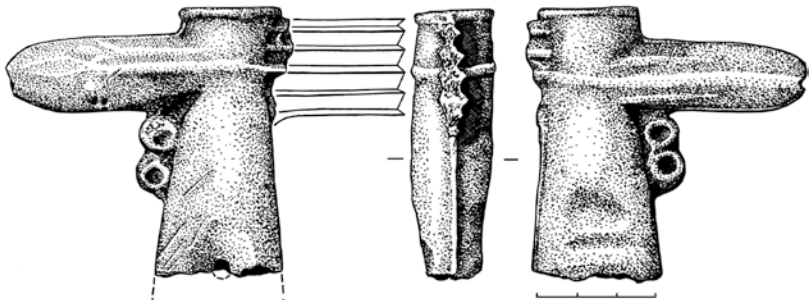

Рис. 2.90. Фрагмент чекана, найденный на памятнике Кур-Кечу-V
(по: [Бородовский, Тишкин, 2014, рис. 7])

жия «бийкенцев». Совсем недавно часть от такого изделия зафиксирована в контексте с конкретным археологическим объектом (рис. 2.90).

Также немногочисленными являются находки украшений и деталей костюма. На памятнике Тыткескень-VI зафиксированы простые (кольцевые) серьги (рис. 2.89.-*6, 7*). Там же обнаружена деталь от наборного пояса (рис. 2.89.-*8*), аналогии которой известны в материалах из других археологических комплексов аржано-майэмирского времени. Наиболее привлекательными являются золотые серьги, найденные в кургане памятника Бойтыгем-II (рис. 2.89.-*11, 12*). Они отличаются друг от друга. Одна серьга сделана опытным мастером-ювелиром, а вторая является «варварским» подражанием предыдущей [Тишкин, 1999]. Несмотря на небольшой набор предметного комплекса, связанного с костюмом, все же можно частично представить внешний вид отдельных взрослых мужчин и женщин бийкенского общества. Дополнительную информацию дают изобразительные источники, в том числе уже упомянутые «оленные» камни.

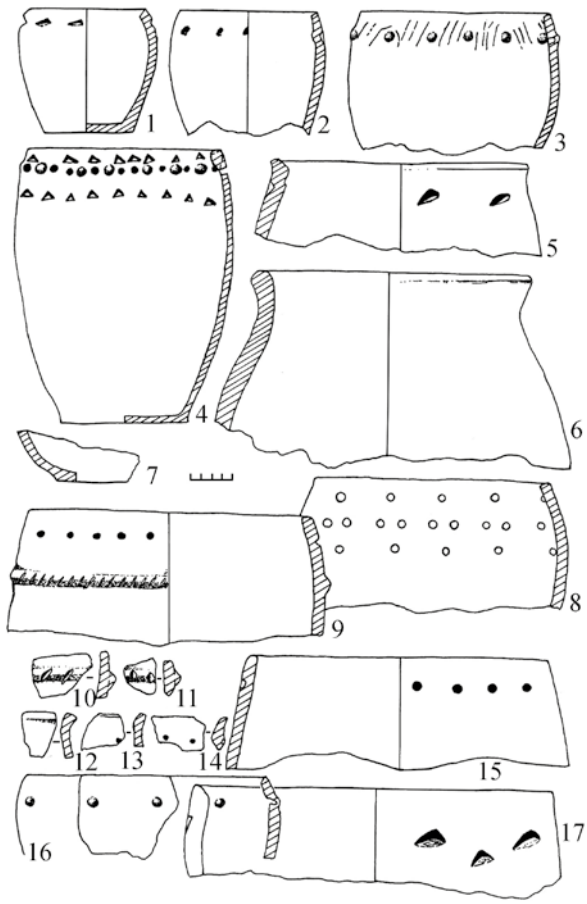

Рис. 2.91. Керамика из памятников
Бийкенского археологического микрорайона
(по: [Тишкин, 2011, рис. 7])

В ходе изучения бийкенской культуры в основном исследовались погребальные памятники. Однако в Горном Алтае известны немногочисленные поселе-

ния и стоянки, которые могут быть датированы аржано-майэмирским временем. Помогли их идентифицировать глиняные сосуды и отдельные фрагменты таких изделий, обнаруженные в курганных насыпях или рядом с ними (рис. 2.91). Этот важный археологический материал позволяет в определенной мере судить о гончарных традициях в ходе производства керамической посуды, а также о поступлении таких емкостей из ближайших регионов в процессе обмена или других связей. До недавнего времени считалось, что «бийкенцы» не использовали посуду в качестве погребального инвентаря. В какой-то мере это действительно так. Некоторые сосуды были зафиксированы в перевернутом виде на плитах перекрытия каменного ящика или в разбитом состоянии в насыпи кургана.

Удивительной находкой, которую можно связывать с бийкенской культурой, является крупный медный котел (рис. 2.92), случайно обнаруженный в Центральном Алтае (рядом с местом впадения Большого Яломана в Катунь). Датировать его можно по своеобразному изображению (рис. 2.92.-*5, 6*) свернувшегося кошачьего хищника, характерному для аржано-майэмирского времени.

Обнаруженный археологический материал позволяет кратко охарактеризовать хозяйственную деятельность бийкенского населения [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 98–110]. Несомненно, что главную роль в ней играло коневодство. Имею-

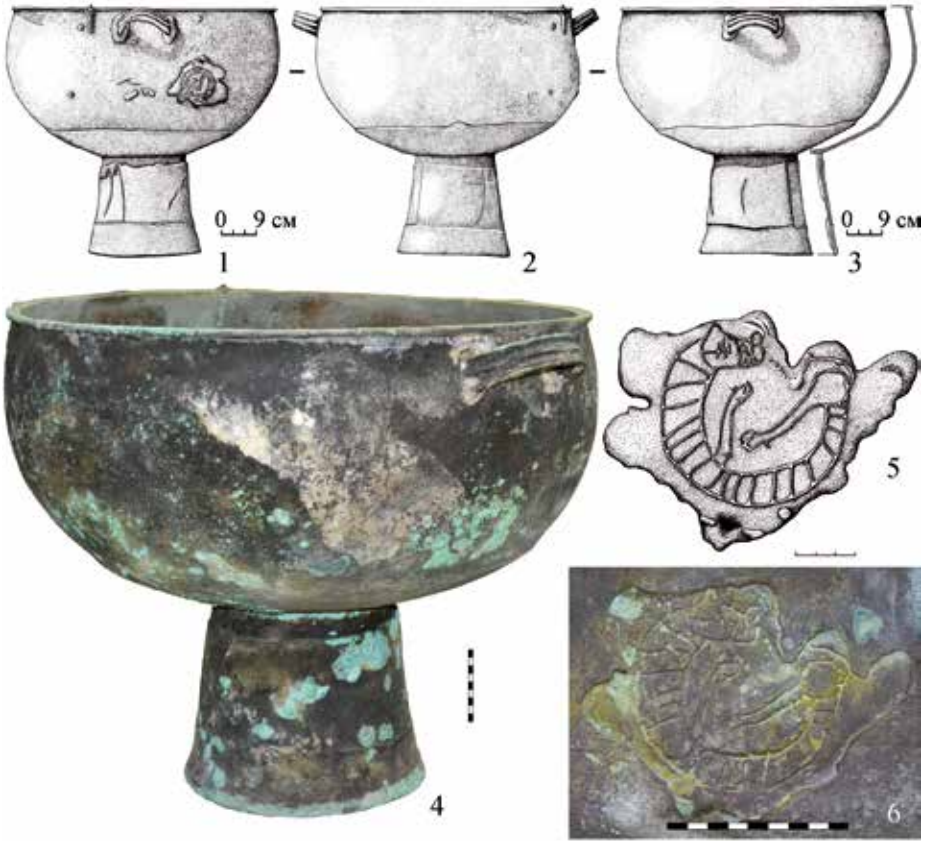

Рис. 2.92. Медный котел из Центрального Алтая (частично по: [Тишкин, 2010, рис. 2]).
Фотоснимки автора, рисунки А.Л. Кунгурова

щиеся данные (костные остатки, изображения на «оленных» камнях и в виде металлических изделий, конское снаряжение и др.) свидетельствуют о разведении лошадей различных пород, среди которых были и грацильные животные с особенным внешним видом. В настоящее время учеными осуществляются палеогенетические исследования коней аржано-майэмирского времени, что позволит расширить наши знания о них. Важное значение имело овцеводство. Об этом свидетельствуют находки костей этого мелкого рогатого скота, а также обнаруженные фрагменты шерстяных тканей. Скотоводство тоже имело место, но специальное изучение крупного рогатого скота рассматриваемого периода пока не осуществлялось. Что касается охоты, то таких свидетельств совсем немного, а о рыболовстве информация полностью отсутствует. Зато находки каменных зернотерок могут указывать на собирательство и переработку растительных ресурсов. Изучение палеодиеты «бийкенцев» еще предстоит выполнить.

Совершенно понятно, что в бийкенском социуме доминировало домашнее производство всего того, что было необходимо для сложившейся системы жизнеобеспечения. Открытым является вопрос о масштабах бронзолитейного производства и всего, что с ним связано. По всей видимости, такая деятельность осуществлялась на местном уровне, но не исключено поступление части металлических изделий из других регионов. Следует отметить высокое качество бронзовых сплавов с существенным содержанием такой легирующей добавки, как олово. Несомненно, что были развиты и другие виды хозяйственной деятельности, что найдет отражение в ходе дальнейших исследований.

Имеющееся количество выявленных и раскопанных курганов позволяет сделать наблюдения о социальной организации «бийкенцев». По всей видимости, базовой структурной единицей социума была большая патриархальная семья (семейная община). Об этом косвенно указывают общая планиграфия могильников, расположение и конструкция курганов. Локально-территориальные группы могли отражать родовые сообщества, которые объединялись в более крупные племенные и межплеменные структуры и имели своих лидеров. О дифференциации в бийкенском социуме довольно хорошо свидетельствуют параметры погребальных сооружений, особенности их конструкций, сопроводительные захоронения лошадей, зафиксированные находки и некоторые другие сведения.

Среди исследованных в Горном Алтае ранних курганов аржано-майэмирского времени выделяется комплекс Ак-Алаха-II, раскопанный на плато Укок [Полосьмак, 1993, с. 21–28]. Он демонстрирует высокий социальный статус представителя кочевой знати. Стоит отдельно обратить внимание на то, что на территории распространения памятников бийкенской культуры пока выявлен только один самый крупный и своеобразный курган. Он находится в Центральном Алтае и имеет схожие черты с распространенными в Монголии херексурами, у которых отмечаются особая конструкция и узнаваемая организационная структура. Так, в западной части от погребального сооружения херексура обычно располагаются «поминальники» в виде выложенных из камней небольших колец, а в восточной – «жертвенники» в виде маленьких курганчиков (в них фиксируют черепа лошадей). Упомянутый крупный курган находится в урочище Кур-Кечу на левом берегу Катуни, между селами Купчегень и Малый Яломан, рядом с Чуйским трактом, в Онгудайском районе Республики Алтай. Его можно увидеть на космических снимках (рис. 2.93), и он не совсем обычен для данной территории.

Рис. 2.93. Урочище Кур-Кечу с крупным курганом в центре. Снимок из космоса (по: [Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011, рис. 1])

В настоящее время памятник с рассматриваемым крупным курганом, имеющий свою историю изучения и получивший обозначение Кур-Кечу-II, зафикси-

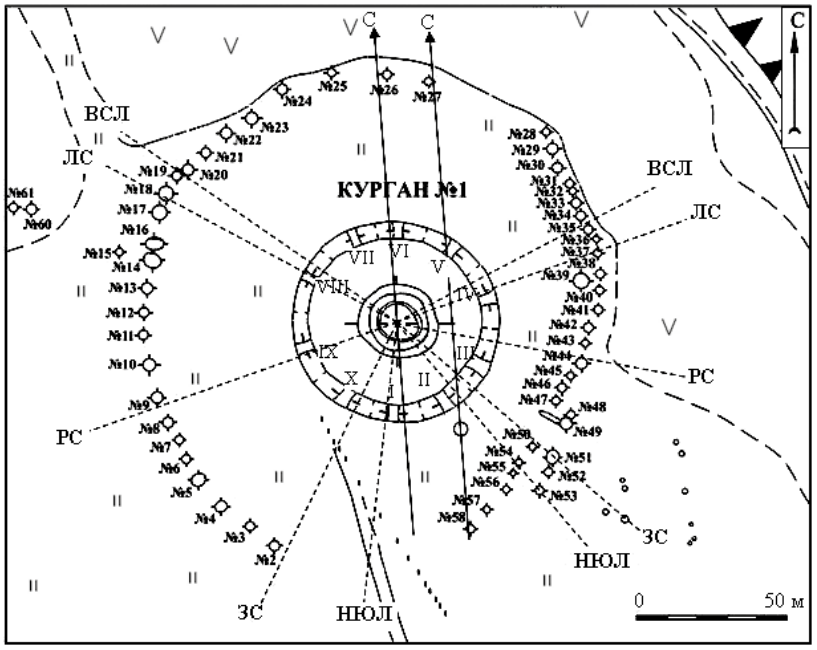

Рис. 2.94. Фрагмент плана памятника Кур-Кечу-II. Курган №1 и сопровождающие его объекты (по: [Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011, рис. 12])

рован с применением тахеометрической съемки [Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011]. Интересующий нас комплекс детально обследован (рис. 2.94), произведена всесторонняя фотофиксация его, включая отдельные сопроводительные объекты (рис. 2.95), с помощью GPS-приемника установлены географические координаты: N – 50º35.904′; E – 86º30.490′ (высота над уровнем моря 703 м).

Памятник Кур-Кечу-II представляет собой скопление различных сооружений вокруг крупного кургана, который находится почти в центре левобережной долины Катуни и имеет сложную конструкцию (рис. 2.93–2.95). Он состоит из центральной каменной насыпи диаметрами по линии Ю–С 24,7 м и по линии З–В 26,7 м (высотой 1,84 м от уровня современной окружающей поверхности). В центре данной части комплекса имеется грабительская яма глубиной до 2,8 м. По всей видимости, проникновения в погребальную камеру совершались неоднократно. Диаметры зафиксированной воронки следующие: по линии Ю–С – 13,5 м, по линии З–В – 14,75 м. Вокруг центральной насыпи была выложена своеобразная каменная «платформа» (рис. 2.94; 2.95.-*1–3*). Она местами задернована, поросла низкой степной растительностью и мелким кустарником. Сооружение имеет разную высоту от уровня современной поверхности. Диаметры рассматриваемой выкладки следующие: по линии

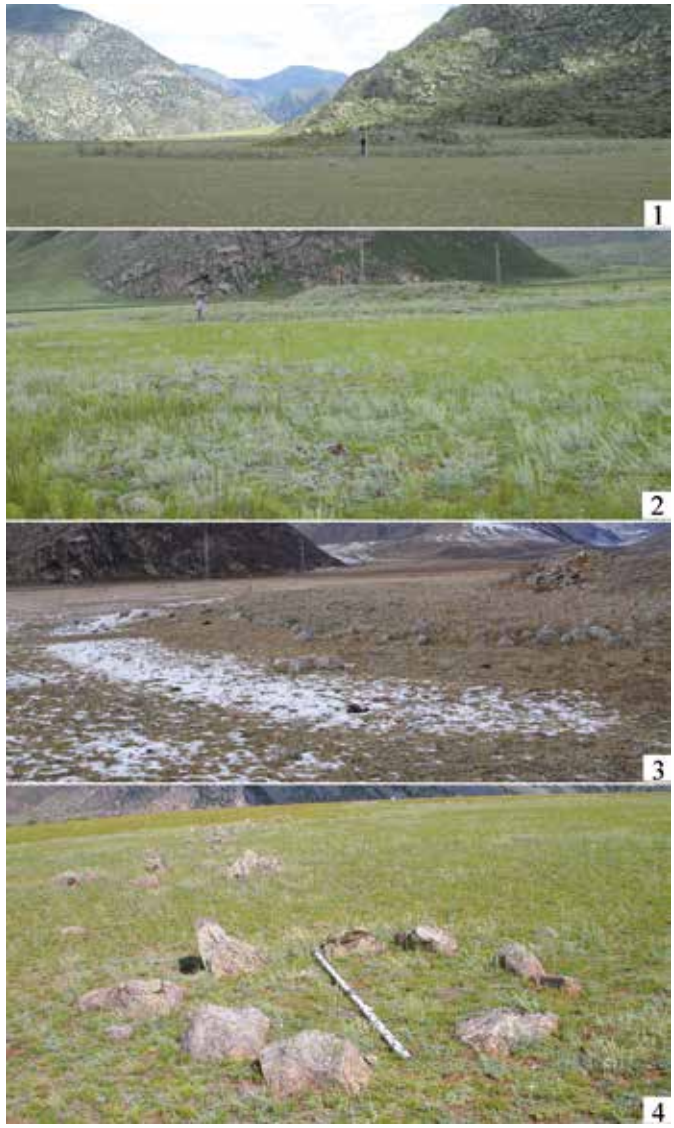

Рис. 2.95. Кур-Кечу-II. Курган №1: *1* – общий вид на погребальное сооружение с платформой; *2* – процесс тахеометрической съемки (на переднем плане «жертвенники», расположенные в восточной части комплекса); *3* – часть каменной платформы и рва с перемычками (вид после выпадения снега поздней осенью); *4* – цепочка «поминальников» в западной части комплекса (по: [Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011, рис. 2, 3, 5, 8, 9])

Ю–С – 56,3 м, по линии З–В – 58,4 м. По периметру она оконтурена более крупными камнями, образующими кольцо. Вокруг «платформы» хорошо фиксируется ров (рис. 2.94; 2.95.-*3*), который имеет 10 «перемычек», расположенных попарно так, что отражаются основные и промежуточные стороны света. Ширина заплывшего рва в разных местах колеблется от 5 до 5,8 м, а глубина – от 0,13 до 0,35 м. «Перемычки» выражены по-разному: где-то они фиксируются отчетливо и имеют ширину от 3,45 до 4 м, а где-то лишь слабо просматриваются. В некоторых местах как бы намечены «дорожки» от центральной насыпи к «перемычкам». Представляется, что данный объект типологически занимает промежуточное место между курганами с платформой периода поздней бронзы и херексурами с «лучами» аржано-майэмирского времени Монголии. Однако только раскопки смогут прояснить данную ситуацию, а также подкорректировать приведенные цифровые и описательные показатели. Весь курган, включая ров, имеет следующие диаметры: по линии Ю–С – 67,45 м, по линии З–В – 69,3 м. С западной стороны его (с юга на север) дугой располагаются 26 кольцевых выкладок, обозначенных как «поминальники» (рис. 2.94; 2.95.-*4*). С восточной стороны тоже дугой находятся объекты (около 30) в виде небольших курганчиков, скорее всего, «жертвенников» (рис. 2.94; 2.95.-*2*).

Как видно из приведенного описания и представленной части плана памятника Кур-Кечу-II, курган №1, имея свои особенности, находит аналогии среди херексуров Западной Монголии. Не хватает только «оленного» камня. Ближайшее подобное изваяние, по всей видимости в переиспользованном виде, зафиксировано неподалеку, на памятнике Кур-Кечу-V. Однако достоверно установить его контекст с представленным выше комплексом пока не представляется реальным, но и исключать такую возможность не стоит. Еще несколько изваяний найдены выше по течению Катуни (неподалеку от с. Иня), но они отличаются (рис. 2.96) от «оленных» камней, которые сосредоточены на территории Монгольского Алтая (рис. 2.97–2.98). Обследованный курган №1 памятника Кур-Кечу-II, несомненно, относится к аржано-майэмирскому времени и имеет схожие признаки с аналогичным крупным комплексом, который в настоящее время исследуется экспедицией Государственного Эрмитажа на памятнике Чинге-Тэй-I, расположенном в западной части Турано-Уюкской котловины Тувы, в 3,5 км к северо-западу от пос. Чкаловка.

В августе 2010 г. на памятнике Кур-Кечу-II выполнялись астрономические и геодезические исследования. Основной задачей этих работ являлось установление связи древних сооружений «царского» комплекса аржано-майэмирского времени с астрономически значимыми объектами [Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011]. По результатам визуального обследования памятника, астрономических измерений и вычислений было сделано заключение, что курганная группа в целом не предназначалась для отслеживания светил в течение года. Вероятно, отдельные астрономические направления необходимы были только для обустройства крупного кургана.

Теперь кратко сравним представленные данные с материалами того же периода, полученными на ближайших территориях. На наш взгляд, наибольшая вероятность формирования погребального обряда, зафиксированного в курганных могильниках бийкенской культуры, связана с древним населением северо-западных районов Монголии (вблизи с Тувой, Алтаем, Китаем и Казахстаном). Хотя там пока проведены немногочисленные исследования, все же не приходится сомневаться в общности исследуемых памятников. Курганы (херексуры) имеют схожие конструктивные элементы и устройство (рис. 2.99). Определенное значение в рассматриваемом комп-

лексе играли хорошо оформленные «оленные» камни (рис. 2.97–2.98). Их выявление и изучение имеют продолжительную историю. Эти монументальные памятники обнаружены в Монголии, Забайкалье, Туве, на Алтае, в Синьцзяне, Средней Азии, Казахстане, Приуралье, Причерноморье, на Кавказе и в некоторых других регионах Евразии. В ходе первых систематических фиксаций необычных изваяний, кроме характерных «летящих» оленей, отмечены разные предметы древнего вооружения (кинжалы, чеканы, топоры, лук с колчаном, щиты, боевые ножи и др.), позволяющие датировать такие памятники. С накоплением сведений стало понятно, что на многих скульптурах своеобразно запечатлен образ воина-кочевника. При этом были обнаружены каменные стелы с другими изображениями или с минимальным набором каких-либо существовавших реалий. Несмотря на имеющееся многообразие, все рассматриваемые археологические объекты объединяет один самый важный признак, который отече-

Рис. 2.96. Изваяние у пос. Иня в Горном Алтае. *Фотоснимок автора*

Рис. 2.97. «Оленный» камень у пос. Баян зурх (Монголия): *1* – при естественном освещении; *2* – микалентная копия. *Фотоснимки автора*

Рис. 2.98. «Оленный» камень с изображением меча и других реалий на памятнике Годон-Гол-VII в Баян-Ульгийском аймаке Монголии (по: [Тишкин, 2016, рис. 2])

Рис. 2.99. Херексуры Монгольского Алтая: *1* – в долине р. Годон-Гол (Баян-Ульгийский аймак); *2* – в долине р. Буянт (Ховдский аймак); *3* – раскопки центральной части объекта №10 на памятнике Улаан худаг-I (Ховдский аймак). *Фотоснимки автора*

ственный археолог В.В. Волков выразил так: «…антропоморфные черты в той или иной мере характерны для всех типов оленных камней и, видимо, заложены в них изначально». С данным утверждением стоит согласиться.

Многочисленные памятники, относящиеся к условно обозначенной в Монголии культуре херексуров и «оленных» камней (рис. 2.81), отражают высокий уровень консолидации кочевого общества, которое может рассматриваться в качестве архаичной кочевой империи, существенно влиявшей на народы соседних территорий. Формирование культур самых ранних кочевников было эпохальным явлением для огромной территории Евразии. Об этом уже не раз упоминали исследователи. Известный отечественный археолог М.П. Грязнов считал, что в сложившихся формах общая культура скифо-сакского облика появилась в разных частях Великого пояса степей почти одновременно в VIII в. до н.э. Население Горного Алтая, находясь в сфере таких процессов, наряду с собственным развитием, испытывало ряд внешних влияний, так как в аржано-майэмирское время имело место взаимопроникновение культурных традиций. Последнее обстоятельство довольно хорошо просматривается при анализе и сравнении алтайских и восточно-казахстанских материалов. Аналогии зафиксированным погребально-поминальным конструкциям бийкенской археологической культуры можно отметить на территории Казахстана и Южного Урала. Наиболее близкие черты найденного предметного комплекса фиксируются в материалах алды-бельской общности соседней Тувы. Особое значение имеет воп-

рос о соотношении близлежащих памятников бийкенской и майэмирской культур (рис. 2.81). Эта тема найдет отражение в следующем параграфе настоящей главы. А завершить данный очерк стоит указанием на дальнейшие перспективы и необходимость изучения памятников Горного Алтая аржано-майэмирского времени.

А.А. Тишкин

МАЙЭМИРСКАЯ (МАЙЕМЕРСКАЯ) КУЛЬТУРА

Анализ материалов, полученных при изучении археологических комплексов аржано-майэмирского времени Алтая и сопредельных территорий, позволяет выделить характерные особенности погребальных конструкций и поминальных объектов, традиции в ориентации и положении умершего человека, наличие сопроводительных захоронений лошадей и многое другое, а также наметить тенденции развития этнокультурной ситуации в крупном регионе в обозначенные хронологические рамки. Среди перечисленных культур (рис. 2.81) майэмирская* является пока менее всего изученной, хотя памятники и находки такой древней общности известны с 1-й половины XIX в. Процесс полноценного обоснования ее выделе-

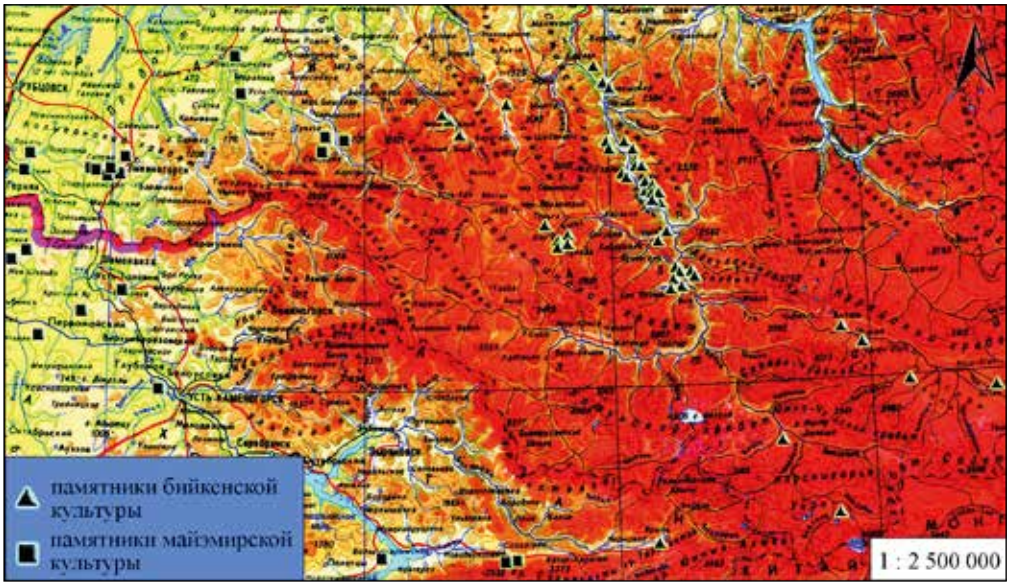

Рис. 2.100. Расположение памятников бийкенской и майэмирской (майемерской) культур на современной карте Алтая и его предгорий (по: [Тишкин, 2015, рис. 1])

ния затянулся по различным причинам. В том числе это было связано с поиском оптимальных интерпретаций имевшихся немногочисленных материалов.

Результаты современных исследований позволяют четко локализовать объекты бийкенской и майэмирской (майемерской) культур. Как показывает использование картографического метода (рис. 2.100), известные памятники этих культур занимают

* На наш взгляд, правильнее было бы обозначать эту культуру «майемерской» [Тишкин, 2003]. Село, рядом с которым раскопаны характерные памятники, по-казахски называется Майемер и находится в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

разные территории. При этом они отражают имевшие место контакты разного плана и единый характер происходивших эпохальных процессов. Археологические объекты бийкенской культуры пока преимущественно выявлены в основном в северной части Горного Алтая. Наибольшее их количество зафиксировано и раскопано в долине Нижней Катуни. Объекты майэмирской (майемерской) культуры располагаются на территории Юго-Западного, Западного и Северо-Западного Алтая, а также в предгорьях и на Предалтайской равнине.

Разграничение памятников одного и того же времени на конкретных территориях по археологическим культурам является закономерным исследовательским этапом. Однако для его объективной реализации необходима длительная и кропотливая работа по накоплению репрезентативной (достаточной) информации, а также по ее соответствующему осмыслению и оформлению. Данная ситуация нашла отражение в результатах многолетних исследований погребально-поминальных комплексов аржано-майэмирского («раннескифского») времени, обнаруженных в Горном Алтае и его предгорьях. При наличии достаточного количества атрибутированных археологических объектов появилась возможность с помощью картографирования не только очертить территорию, но и рассматривать центр, периферию и полупериферию каждой выделенной культуры, а также наметить дополнительные возможности для понимания и реконструкции характера имевших место контактов. Так, например, материалы представленных культур (бийкенской и майэмирской) демонстрируют относительно мирный характер существования пограничных групп населения, адаптировавшихся к природно-экологическим особенностям Горного Алтая и ближайших территорий.

Несмотря на довольно четкую границу по западным хребтам, взаимодействие между носителями указанных культур проявилось в зафиксированных типах погребений и вещевых комплексах на территории распространения рассмотренных памят-

Рис. 2.101. Намеченный ареал распространения памятников майэмирской (майемерской) культуры

ников не только в контактных (периферийных) зонах, но и в «центрах». Установленные соотношения позволяют объяснить выявленные ранее особенности отдельных объектов, миграционные пути, этнокультурные процессы и многое другое, а также наметить ареал распространения *майэмирской (майемерской) культуры* (рис. 2.101). При этом важно указать, что он будет уточняться и, в первую очередь, за счет данных о раскопках на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, где за последние десятилетия получены конкретные материалы рассматриваемой общности. Также дополнительные сведения могут появиться в ходе исследований в Восточном Казахстане, что, в свою очередь, позволит определить западные и северные границы рассматриваемого исторического явления и детально представить его соотношение с тасмолинской общностью.

Судя по архивным документам, первое погребение майэмирской (майемерской) культуры было обнаружено в начале XIX в. (до 1817 г.) при вскрытии кургана вблизи горы Кремлевой и Бухтарминского рудника (около современного села Усть-Бухтарма Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). Ярким подтверждением этого является находка бронзового зеркала, на обратной стороне которого имеются изображения животных в характерном аржано-майэмирском стиле (рис. 2.102). Данное замечательное изделие в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) в коллекции П.К. Фролова.

В начале 1840-х гг. горный офицер А. Остермейер раскопал курган на Мельничной Горе у Змеиногорска (между рудниками Петровским и Змеиногорским). Особенностью этого объекта стали погребение человека в каменном ящике и наличие сопроводительного захоронения лошади с характерными металлическими элементами конского снаряжения.

Следующая страница истории изучения памятников майэмирской (майемерской) культуры связана с деятельностью А.В. Адрианова, который в 1906, 1910 и 1911 гг. проводил археологические изыскания в тогдашней Семипалатинской области. Материалы раскопанных им курганов позже легли в основу представлений о ранних этапах формирования на Алтае культур скифо-сакского круга,

Рис. 2.102. Бронзовое зеркало из археологического собрания Государственного Эрмитажа (по: [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 5.-*1*]). *Фотоснимок из архива автора*

а также использовались при написании обобщающих научных трудов и до сих не потеряли своей значимости [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 11]. Впервые А.В. Адрианов исследовал кольцеобразные выкладки. В результате в одной из них был обнаружен знаменитый Майэмирский «клад», давший повод для обозначения рассматриваемой культуры, этапа, времени и художественного стиля. В «кладе» были обнаружены изделия (в том числе в виде свернувшегося кошачьего хищника), предназначенные для украшения конского снаряжения.

Интерпретацию и обобщение имевшихся немногочисленных материалов аржано-майэмирского времени в 1939 г. предложил М.П. Грязнов, что нашло отражение в параграфе «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана», написанном для коллективного труда – «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», который так и не был издан [Тишкин, 2007а, с. 82–83]. Один из обозначенных этапов «эпохи ранних кочевников» был назван «майэмирским» и датирован VII–V вв. до н.э. В 1947 г. М.П. Грязнов в своей статье предложил памятники указанного этапа выделять, опираясь на три основных признака: 1) конструкция узды (со стремечковидными удилами и трехдырчатыми псалиями); 2) форма бронзовых зеркал с вертикальной стенкой-бортиком по краю и петелькой в виде плоского полукольца посредине; 3) полное отсутствие железных орудий. При этом он перечислил ряд археологических комплексов, местонахождений и случайных находок. Но таких данных тогда было мало для сравнительного анализа, а большинство известных объектов локализовалось в западных и северо-западных предгорьях Алтая.

Еще один известный исследователь С.В. Киселев [1949], опираясь на имевшиеся археологические материалы, обозначил «скифообразную» майэмирскую культуру и указал две стадии ее развития: раннюю (VII–VI вв. до н.э.) и позднюю (V–IV вв. до н.э.). Идея выделения майэмирской культуры в 1980-х гг. была поддержана В.А. Могильниковым, но совершенно в другом наполнении и содержании. Она рассматривалась только в рамках «раннескифского» времени и с двумя этапами развития: куртуский (VIII–VII вв. до н.э.) и майэмирский (VII–VI вв. до н.э.). Кроме того, была обозначена территория распространения памятников майэмирской культуры в рамках двух локальных вариантов: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский).

С накоплением археологических материалов наметилась необходимость разграничения памятников аржано-майэмирского времени горных и предгорных районов Алтая. Но это произошло только после масштабных раскопок в зоне предполагавшейся Катунской ГЭС, где были исследованы многочисленные древние погребальные и другие объекты.

Как уже было отмечено, в настоящее время на территории Горного Алтая и его предгорий обозначены две археологические культуры (бийкенская и майэмирская), памятники которых отличаются целым рядом существенных показателей. Это проявляется и в погребальном обряде, и в обнаруженных предметах материальной культуры. Основные характеристики майэмирской (майемерской) культуры следующие: расположение курганов микроцепочками; наличие кольцевых выкладок по периметру насыпи или вообще отсутствие каменной наброски; погребальная камера в виде могильной ямы (порой довольно глубокой) с подбоем и каменным заслоном или с каменным ящиком; совместное захоронение человека с лошадью, овцой или с уздой (в северном или северо-восточном секторе); погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. Имеются и другие особенности,

Рис. 2.103. «Оленный» камень (по: [Марсадолов, Самашев, 2000, рис. 37]) и раскопанный курган у с. Майемер. *Фотоснимок автора*

что подтвердили современные раскопки казахстанских археологов у с. Майемер (рис. 2.103), где также зафиксирован характерный «оленный» камень и обнаружены находки, давшие возможность определить датировку исследованных объектов.

Раскопки на памятнике Машенка в Чарышском районе Алтайского края позволили П.И. Шульге изучить хорошо сохранившееся погребение человека в сооруженном подбое, в сопровождении лошади и барана (рис. 2.104.-*1, 2*). По определению С.С. Тур, умершая женщина оказалась носителем северокитайского антропологического типа. Вместе с ней было найдено характерное для рассматри-

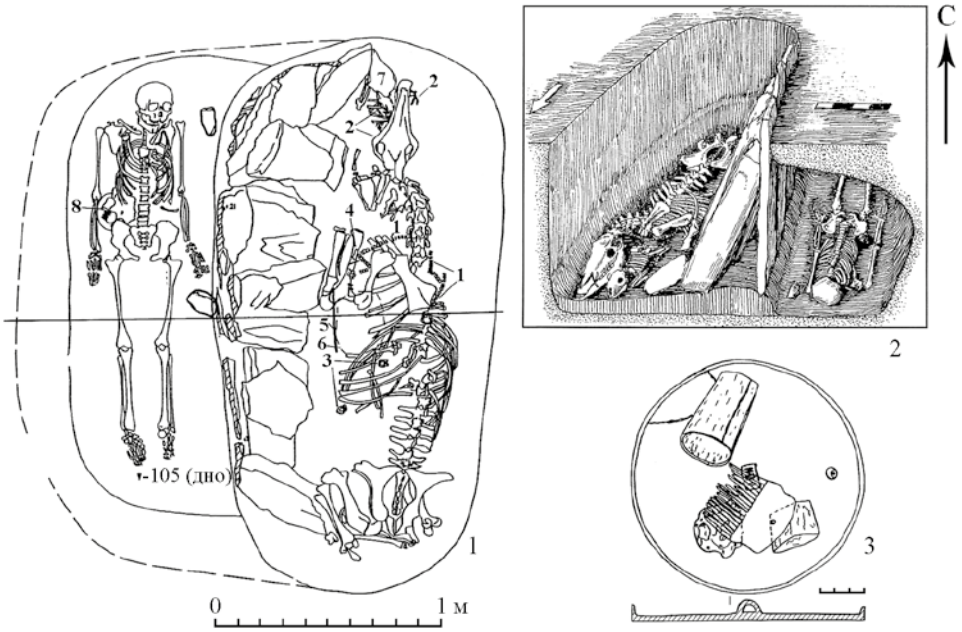

Рис. 2.104. Машенка-I. План погребения (1), его реконструкция (2) и бронзовое зеркало с разными принадлежностями (по: [Шульга, 2008, рис. 34.-*1–3*])

Рис. 2.105. Бронзовые детали конского снаряжения из местонахождения Гилевский мост (по: [Tishkin, 2017, fig. 6])

ваемой культуры бронзовое зеркало с набором косметических средств и приспособлений (рис. 2.104.-*3*). Все это лежало в специальной кожаной сумочке. Лошадь оказалась захоронена в полной амуниции.

Именно детали конского снаряжения являются своего рода «визитной карточкой» майэмирской (майемерской) культуры (рис. 2.105–2.107). Характерными и отличающимися элементами для формирования узды стали У-образные металлические псалии (рис. 2.105.-*4*; 2.106.-*1, 6, 11*). Находки этих и других изделий для использования снаряжения верховой лошади обнаружены на территории северо-западных предгорий Алтая неподалеку от Змеиногорска. Отметим неполный комплект из местонахождения Гилевский мост (рис. 2.105), который хранится в Музее археологии и этнографии Алтай АлтГУ. Серия металлических предметов указанной категории происходит из памятника Вакулиха-I, а также из частично разрушенного кургана около с. Карамышево (рис. 2.106). Полностью сохранившаяся узда (рис. 2.107) выявлена при исследовании кургана майэмирской (майемерской) культуры на памятнике Кондратьевка-XXI [Алехин, Шульга, 2003]. Перечисленные материалы в настоящее время экспонируются в Музее истории развития горного производства им. А. Демидова в Змеиногорске. Это одно из крупных собраний металлических предметов конского снаряжения рассматриваемой культуры.

Существенное количество находок зафиксировано при раскопках могильника Гилево-10. Эти сведения опубликованы и проанализированы [Шульга, 2008], что позволило дополнить содержание майэмирской (майемерской) культуры. Примером частной демонстрации могут служить металлические изделия, имеющие хорошо узнаваемые изображения (рис. 2.108). Опубликованный результат радиоуглеродного датирования фрагмента кожи из памятника Гилево-10 (GrA-24421, 2490±45 BR), «…несмотря на широкий диапазон калиброванных значений, не противоречит синхронизации…» этого комплекса с раскопанным в Туве курганом раннескифского времени Аржан-2 [Евразия…, 2005, с. 137].

Племена майэмирской (майемерской) культуры освоили не только предгорные районы Западного и Северо-Западного Алтая, но и продвинулись к северу

Рис. 2.106. Металлические части конской амуниции (по материалам экспозиции Музея истории развития горного производства им. А. Демидова, Змеиногорск). *Фотоснимки автора*

Рис. 2.107. Кондратьевка-XXI. Сохранившаяся узда в экспозиции Музея истории развития горного производства им. А. Демидова. *Фотоснимок автора*

в другие природно-географические зоны. Их пребывание маркируют характерные находки предметов вооружения, зеркал и уже отмеченные комплекты конского снаряжения. Эту информацию могут дополнить металлические изделия (рис. 2.109), которые поступили в 1959 г. в Алтайский краевой краеведческий музей (ныне – АГКМ). Два навершия с фигурными изображениями лося и удила были обнаружены при вспашке огорода в поселке Штабка, расположенном около Барнаула. Аналогии таких находок указывают на их использование в качестве элементов конской упряжи, предназначенной для соединения лошади с повозкой или другими тягловыми средствами.

Несмотря на наличие нескольких радиоуглеродных датировок, имеющихся у исследователей по объектам майэмирской (майемерской) культуры, и разработанных типологических схем разных категорий вещей, все же существует проблема выделения этапов ее развития и обоснования их хронологических рамок. Существенными являются вопросы происхождения и исчезновения рассмотренной (кратко) общности. Указанные моменты обеспечивают перспективу изучения фиксируемого явления в разных исследовательских направлениях.

В свое время Д.Г. Савиновым [1975, с. 49] в тезисной форме была высказана, на наш взгляд, глубокая мысль о том, что в аржано-майэмирское («раннескиф-

Рис. 2.108. Гилево-10. Бронзовые изделия конского снаряжения с изображениями (экспозиция МАЭА АлтГУ). *Фотоснимки Я.В. Фролова*

Рис. 2.109. Штабка. Комплект бронзовых изделий из АГКМ (колл. №9555). *Фотоснимки С.В. Семенова*

ское») время на территории Алтая и Казахстана существовала «…этнокультурная общность огромного исторического значения, отличавшаяся значительно более тесными внутренними связями по всей территории своего распространения, нежели участием в сложении последующих культур в отдельных регионах Азии». Действительно, имеющийся сейчас значительный материал по бийкенским, майэмирским (майемерским), тасмолинским, большереченским, алды-бельским

и другим памятникам, расположенным на территории Казахстана, Южной Сибири и Монголии, подтверждает это положение. В то же время, наряду с общими чертами – особенно в предметах материального комплекса, имеются и отличия, которые позволяют в определенной мере локализовать каждую из выделенных культур (рис. 2.101) и продолжить их изучение на качественно новом уровне.

А.А. Тишкин

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Конец эпохи бронзы ознаменовался началом широких изменений, охвативших степную полосу Евразии в IX(X)–VIII вв. до н.э. Повсеместно происходил переход к кочевому типу хозяйства. Этот процесс совпал с освоением человеком производства нового металла (железа) и сопровождался усилением миграционных процессов, участившимися конфликтами, перестройкой социальной структуры обществ и сменой системы мировоззрения. Данный период в археологической литературе принято именовать «переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку». Известный археолог-сибириевед Михаил Федорович Косарев [1981, с. 179] писал, что переход от бронзового века к железному – достаточно длительный процесс, сопровождавшийся затуханием или трансформацией многих элементов культуры эпохи бронзы и становлением, упрочением признаков и черт, характерных для культур железного века, и его следует выделять в особую историческую эпоху, а в силу своего «переходного» характера он должен происходить около рубежа ирменской и скифо-тагарской эпох, т.е. приблизительно в пределах VIII–VII или VII–VI вв. до н.э.

Начало использования железа в быту и хозяйственной жизни древних племен Лесостепного Алтая приходится на X–VIII вв. до н.э. Именно к тому времени относятся находки первых железных предметов в грунтовых могильниках. Рассматриваемый регион охватывает зону лесостепей и интерзональные участки сосновых боров и пойм рек. Стык природно-географических областей, наличие мощной водной артерии, открытость со стороны центральноказахстанских степей, непосредственное примыкание к Алтае-Саянской горной системе – все это способствовало протеканию активных миграционных процессов в древности как в широтном, так и в меридиональном направлении. По сути дела, это – контактная территория между трех крупных историко-культурных провинций: степные пространства Северо-Восточного Казахстана, горные и предгорные районы Алтая и Саян, лесная и лесостепная зоны Западной Сибири.

В предыдущей главе отмечено, что в период поздней бронзы обозначились и нарастали новые тенденции, связанные с увеличением роли кочевого животноводства и использованием лошадей в хозяйстве, а также с усилением мобильности. Поэтому нижняя граница переходного периода обусловлена появлением в памятниках финальной бронзы других традиций, а верхняя – формированием классических культур скифо-сакского облика. Хронологические рамки переходного времени от бронзового века к железному на территории Лесостепного Алтая охватывают период с X по VII в. до н.э.

В культурном плане в рассматриваемое время продолжился процесс аккультурации корчажкинских комплексов ирменскими традициями. Именно ирменская общность стала основой для складывавшейся *большереченской культуры* переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (рис. 2.100). Очень

важно, что этот процесс сопровождался развалом ирменского культурного единства, под влиянием которого прошел весь период поздней бронзы на юге Западной Сибири. На первый план вышла региональная специфика, выразившаяся в появлении новых синкретичных памятников. В Кулундинской степи формировались донгальские комплексы, связанные с деятельностью носителей саргаринско-алексеевской культуры. Одним из вариантов эволюции ирменской культуры стало появление так называемых позднеирменских памятников.

История исследования археологических объектов переходного времени от бронзового века к железному в Лесостепном Алтае началась в самом конце XIX в. и связана с именами краеведов-энтузиастов Н.С. Гуляева и М.Д. Копытова. Их исследования носили эпизодический характер, планомерные раскопки не производились. Николай Степанович Гуляев, будучи на должности архивариуса главного архива Алтайского округа, собрал археологические коллекции не только переходного времени, но и эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Ранней весной 1896 г. он побывал в с. Большая Речка (ныне – с. Чаузово Топчихинского района), где принял гряду дюн за остатки древнего городища и собрал большое количество подъемного материала, часть которого относится к переходному времени. Так был открыт широко известный археологический комплекс в урочище Ближние Елбаны (далее – БЕ).

Новый этап исследования связан с именем Михаила Петровича Грязнова. В 1946 г. он возглавил Северо-Алтайскую экспедицию Института истории материальной культуры для изучения комплекса памятников Ближние Елбаны. За полевые сезоны 1946, 1947 и 1949 гг. были проведены крупномасштабные раскопки разновременных объектов, в том числе переходного времени. На поселении БЕ-I были изучены пять землянок, на могильнике БЕ-VII открыты 63 могилы на площади 1173 кв. м, на БЕ-XII – 14 могил, на БЕ-XIV – 10 погребений, отнесенных к переходному времени. Полученный материал за эти годы позволил создать периодизацию культурного развития древних племен Алтая [Грязнов, 1956].

С 1978 г. в Барнаульском Приобье археологические работы проводил Александр Борисович Шамшин. Одним из направлений его деятельности стало изучение памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. В разные годы исследованы поселения, содержавшие материалы указанного периода: Аллак-III (Усть-Аллак), Обские Плесы-I, Казенная Заимка, Усть-Чумышская Пристань-I (Мостовой), Кукушкин Елбан-I. С 1983 по 1987 г. изучалось поселение Мыльниково, расположенное в Первомайском районе Алтайского края. Было вскрыто более 800 кв. м, получена большая коллекция инвентаря: металлические и костяные наконечники стрел, бронзовые ножи и кельт, развалы и фрагменты более чем от 2176 сосудов. В настоящее время это самый крупный объект переходного времени, исследованный на Верхней Оби [Папин, Шамшин, 2005].

В дальнейшем сотрудники Алтайского государственного университета не раз возвращались к рассматриваемой проблематике. Ими были изучены поселения Солонцы-3 и Енисейское-2, комплексы Малый Гоньбинский Кордон-I/3 и I/5, поселение Аллак и городище Пикет [Папин, Шамшин, 1998; Кунгуров, Папин, 2001; Папин и др., 2017].

Более чем за столетний период изучения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку выявлено и исследовано более 50 археологических памятников. Население того времени продолжило традиции, сформировавшие-

ся в период поздней бронзы. Все поселки приурочены к Обской речной системе и Приобскому лесному массиву, идут полосой вдоль Оби и ее притоков, по кромке боровых террас, коренному берегу и елбанам в пойме. Обращает внимание, что основная масса поселений и могильников расположена на правобережье Оби, а из семи левобережных поселенческих памятников три (Елбанка, Елунинское культовое место, Староалейка-IV) имеют ярко выраженные фортификационные сооружения. Но и для правобережных объектов зачастую выбирались естественно укрепленные места. Особое положение занимает группа объектов, сосредоточенных в междуречье рек Бии и Катуни. Именно здесь выделяется группа укрепленных поселков (городищ), среди них наиболее крупными являются Пикет, Королев Лог, Солонцы-3 и Усть-Иша-3а. С IX (VIII) в. до н.э. на территории Верхнего Приобья формировалась и реализовывалась традиция строительства фортификационных сооружений.

В целом домостроительство и принципы организации поселений продолжали предыдущие традиции в рамках сооружения больших жилищ. Но появляются конструкции малых размеров, характерные уже для раннего железного века. Так, на поселении БЕ-I большие жилищные западины расположены 3–4 параллельными рядами вдоль длинной оси дюны. А на указанных городищах, наоборот, концентрируются небольшие объекты. Незначительные размеры и характер расположения позволяют предположить, что это не места постоянного обитания, а городища-убежища (рис. 2.110).

Конструкцию построек можно восстановить по раскопкам на поселении БЕ-I. М.П. Грязнов сделал вывод о наличии сооружений площадью до 200 и более квадратных метров и глубиной до 1 м с кровлей в форме пирамидального бревенчатого сруба. На Елунинском культовом месте изучена постройка подпрямоугольной формы площадью до 25 кв. м и глубиной до 1 м от дневной поверхности, опорные столбы располагались по периметру жилища. На памятнике Малый Гоньбинский

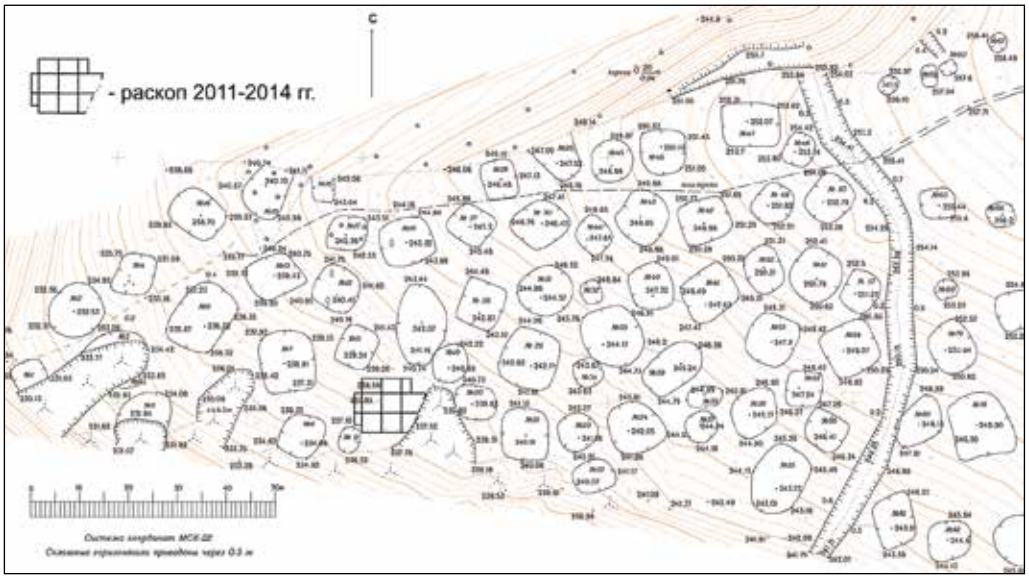

Рис. 2.110. Часть плана городища Пикет (по: [Папин и др., 2017, рис. 2.-*2*])

Кордон-I/3 была исследована конструкция размерами 10,5×14 м и глубиной 0,85 м. В центре ее находились два центральных несущих столба с подпорками, а столбовые ямки отмечены по краям котлована (рис. 2.111.-*1*). Однокамерное жилище полуземляночного типа (размерами 10×7,5 м) было раскопано на городище Пикет (рис. 2.111.-*2*).

Хозяйственную деятельность населения рассматриваемого переходного времени на Алтае впервые охарактеризовал М.П. Грязнов, описав его как скотоводческое, но не яйлажное, а оседлое и пастушеское. Впоследствии данную тематику разрабатывал А.Б. Шамшин, им был сделан вывод о том, что хозяйство большереченского населения являлось классическим многоотраслевым с преобладанием в нем скотоводства и наличием доли земледелия, охоты и рыболовства. При сравнении с материалами предшествующих культур периода поздней бронзы выясняется, что состав домашнего стада поселений во многом изменился в сторону многокомпонентности. Увеличивалась доля коров, мелкий рогатый скот не занимал сколько-нибудь заметного места в стаде. Основными объектами охоты были лось и благородный олень. Кроме этого, охотились на кулана, дзерена, косулю, медведя, волка, лису, зайца, бобра и выдру. Можно отметить, что, по сравнению со сведениями об охотничьих занятиях ирменского населения, значение этой отрасли выросло. О земледелии точных данных нет. Но, скорее всего, такой вид деятельности действительно существовал, но носил подсобный характер. Основной проблемой для жителей обских поселков являлось отсутствие земли, пригодной для обработки: на террасах они были заняты лесом, а в пойме – лугами. Таким образом, вопрос о наличии в переходное время развитого земледелия остается открытым. Обширная обская пойма с мно-

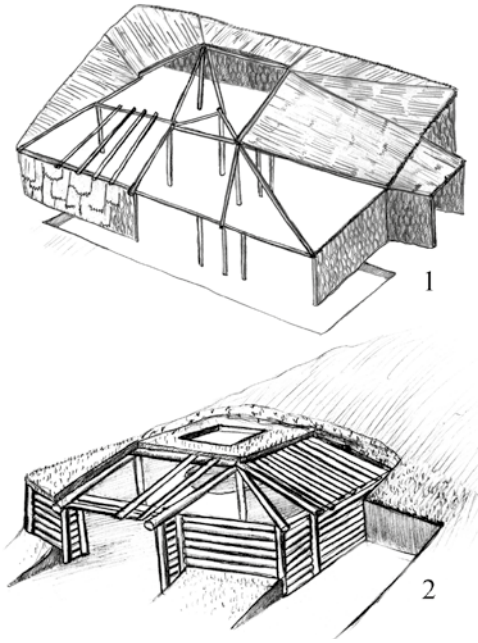

Рис. 2.111. Реконструкция жилищ большереченской культуры: *1* – поселение Малый Гоньбинский Кордон-I/3; *2* – городище Пикет (по: [Папин, Федорук, 2017, рис. 1; Папин и др., 2017, рис. 2.-*2*])

Рис. 2.112. Бронзовый топор-кельт из поселения Мыльниково. *Фотоснимок автора*

гочисленными речками, притоками, старичными озерами, неглубокими протоками позволяла применять самый широкий спектр рыболовных приспособлений. Находки на поселениях довольно часто рыбьих костей позволяют предположить, что этот вид деятельности имел определенное значение.

Остатки бронзолитейного производства зафиксированы на пяти объектах: БЕ-I, Мыльниково, Бобровка и Елунинское культовое место, Боровое-3. На Елунинском культовом месте существовала металлообработка на всех ее стадиях [Кирюшин, Шамшин, 1993, с. 171]. Что касается типа производства, то оно носило домашний характер. Отсутствие следов рудоплавильного производства, специально оборудованных горнов, серийного изготовления изделий свидетельствует о том, что в Лесостепном Алтае в переходное время еще не выделилась специализированная социальная группа металлургов. Из бронзы изготавливались в основном все предметы труда, быта и украшения: топоры-кельты (рис. 2.112), топоры (рис. 2.119.-*5*), ножи (рис. 2.119.-*2, 9*), шилья и иглы, долотца, бляшки, трехжелобчатые застежки, серьги, а также вооружение.

Рис. 2.113. Изделия из кости и рога: *1* – ручка; *2–4* – обломки псалиев; *5* – штамп; *6–8* – лопаточки; *9–11* – псалии (1–5, 7, 8 – поселение Мыльниково; 6 – Елунинское культовое место; 9–11 – Елбанка) (по: [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 38.-*1–3*]). *Фотоснимки автора*

В силу доступности сырья обработка кости и рога применялась широко для производства разных типов орудий. Изготавливались практически все необходимые изделия: от орудий труда, украшений и предметов быта до защитного и наступательного вооружения. Большой спектр самых разнообразных орудий, изготовленных из кости, указывает на то, что, кроме простых приемов обработки, применялись и требующие специальных технических навы-

Рис. 2.114. Костяные наконечники стрел, найденные на поселении Мыльниково. *Фотоснимок автора*

Рис. 2.115. Гарпуны из поселения Мыльниково. *Фотоснимок автора*

ков. Из орудий труда и предметов быта, выполненных из кости, обнаружены проколки, лопаточки, штампы, трепала, гарпуны, мотыга, иголка, пластины, астрагалы барана, подвески (рис. 2.113–2.115). Из рога изготавливался такой важный элемент конского снаряжения, как псалий (рис. 2.113.-*2–4, 9–11*).

Определения, выполненные по материалам поселения Мыльниково, свидетельствуют, что технология изготовления изделий из глины базировалась на разнокультурных компонентах. В целом керамический комплекс демонстрирует стремление к стандартизации, что проявилось в единых формах сосудов и существовании схожих орнаментальных моделей. Возможно, это указывает на возникновение определенной специализации в данной сфере. Сосуды делятся на несколько типов: горшки, кувшины, банки и полусферические миски. Орнамент являлся важнейшим культурно-диагностирующим индикатором и позволяет дифференцировать разные группы населения, существовавшие в рассматриваемое время, выявить миграционные процессы. Существовало две модели, которые восходят к традициям ирменской и корчажкинской культур поздней бронзы. Керамика фиксирует процесс синтеза этих традиций и появление новых черт в орнаментации, характерных для переходного времени, в частности, крестового штампа, маркирующего северные миграции. В орнаментальном плане, в противовес декору поздней бронзы, происходит обеднение орнаментальной схемы за счет снижения числа используемых мотивов при декорировании сосудов и зарождение элементов, которые реализуются в керамике раннего железного века (рис. 2.116–2.117).

В переходное время употребление изделий из камня было широким явлением. Они представлены скребками, пестом, зернотерками, лощилом, грузилом, абразивным инструментом, оселками, а также застежками и подвесками (рис. 2.118).

О военном деле населения большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Лесостепного Алтая можно судить по предметам вооружения (рис. 2.119), которые представлены наступательным и защитным оружием. По сравнению с периодом поздней бронзы, наблюдается рост «военных» находок, разнообразие форм и типов. Наиболее распространены наконечники стрел (как костяные, так и бронзовые). Они представлены изделиями разных форм: листовидные, подтреугольные, лавролистные, ромбические (рис. 2.119.-*6–8*). На поселении Мыльниково была сделана уникальная находка колчанного набора. По всей видимости, стрелы находились в колчане, так как все они лежали плотным пучком, острием в одну сторону. Все стрелы выглядят совершенно новыми, еще не побывавшими в употреблении. Всего в колчане найдено 46 наконечников стрел разных типов, в том числе один бронзовый. Наиболее массовой находкой являются наконечники стрел (в подавляющем большинстве из кости, реже из бронзы). К оружию ближ-

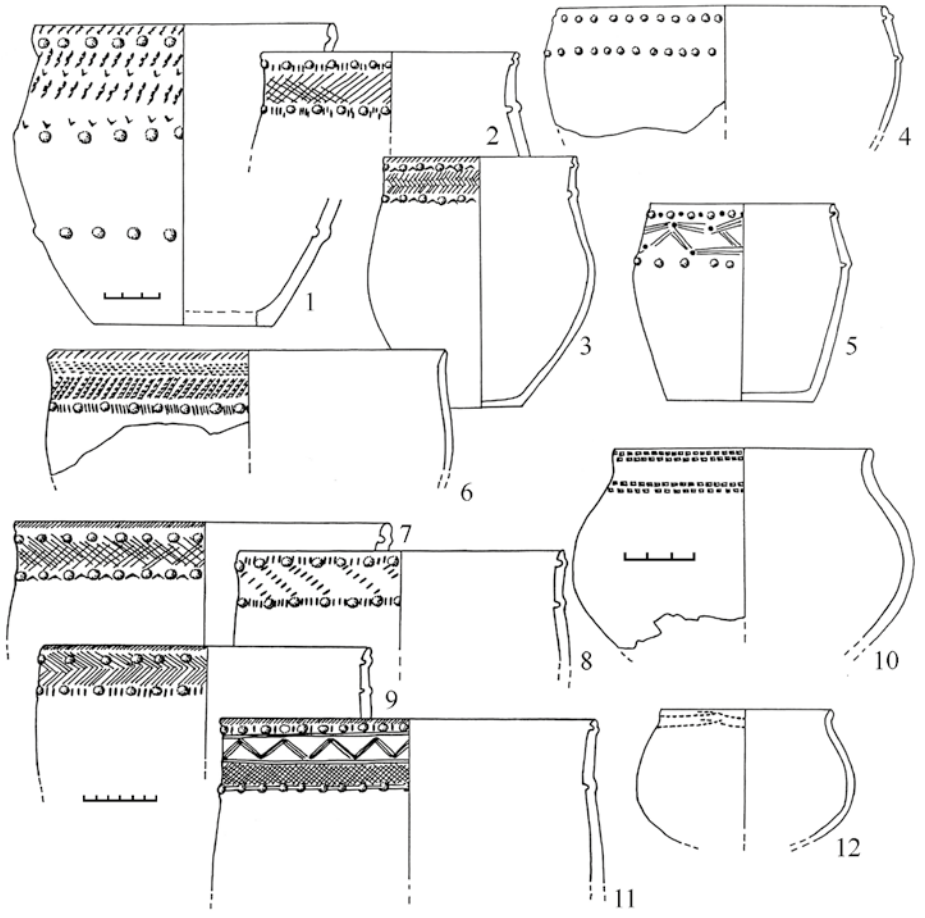

Рис. 2.116. Мыльниково. Керамика большереченской культуры
(по: [Папин, Шамшин, 2005, рис. 21, 24, 39, 40])

него боя относятся наконечники копий, кинжалы и топоры (рис. 2.119.-*1, 3–5*). Защитное воинское снаряжение представлено костяной панцирной пластиной. Таким образом, комплекс вооружения показывает, что древнее население Лесостепного Алтая изучаемого периода было знакомо с основными видами оружия, получившего наибольшее развитие в дальнейшем периоде. Основой военного формирования являлся легковооруженный пехотинец, на вооружении которого находились лук, копье и защитный доспех.

Рис. 2.117. Керамические сосуды большереченской культуры (1, 4, 5 – поселение Мыльниково; 2, 3 – Бобровский грунтовый могильник). *Фотоснимки автора*

Представления о мировоззрении древнего населения мы можем получить на основе данных, полученных по результатам раскопок древних некрополей, святилищ и культовых мест. При изучении культового комплекса на поселении Малый Гоньбинский Кордон-I/3 была исследована конструкция, связанная с ритуальной деятельностью. В северо-западной части котлована изучено скопление костей лошади (включая череп), находившихся на небольшом материковом выступе. В многочисленных рвах и ямах, на располагавшемся рядом синхронном могильнике, были найдены также многочисленные кости лошади

Рис. 2. 118. Каменные застежки и подвески (1 – Бобровский грунтовый могильник; остальные – поселение Мыльниково). *Фотоснимки автора*

и мелкого рогатого скота. Это свидетельствует о высокой роли этих домашних животных не только в повседневной жизни, но и о представлениях о загробном мире. Найденные там же на поселении глиняные фигурки (рис. 2.120) бобров (?) указывают на мифоритуальную связь с этими животными.

Реконструкция погребального обряда населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку выглядит следующим образом. Умершего хоронили скорченно на правом (реже на левом) боку, ориентируя головой на юг или юго-запад, в неглубоких грунтовых ямах. Иногда прослеживаются следы деревянного перекрытия либо рамы, зачастую над могилой разводился костер, о чем свидетельствуют следы трупообожжения. Довольно высокий процент покойников не имел сопроводительного инвентаря. В других случаях чаще всего найдены керамические сосуды, бронзовые нашивные бляхи и ножи. В целом погребальный обряд демонстрирует устойчивые связи с традициями населения периода поздней бронзы. Это выразилось в способе захоронения, положении и ориентации, присутствии следов огня в могиле, трупообожжении, сходстве некоторых категорий инвентаря (керамика и бронзовые бляхи). Отсутствие курганных насыпей и переход к сооружению грунтовых могил, появление в сопроводительном инвентаре предметов вооружения и актуализирование такой категории, как бронзовые ножи, зарождение нового элемента обряда захоронения (вытянуто на спине), помещение в могилу полусферических чашек – все это получило свое дальнейшее развитие в раннем железном веке. Но во многом эти черты не отражают какую-то культурную специфику, а скорее всего, являются

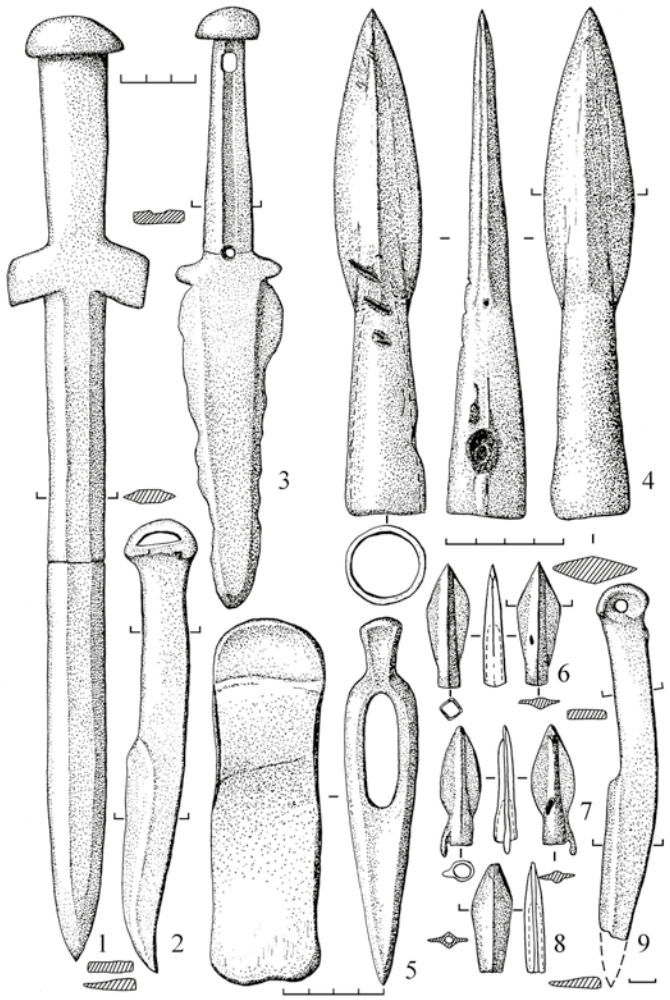

Рис. 2.119. Комплекс вооружения переходного времени от бронзового века к железному (случайные находки из фондов БКМ) (по: [Тишкин, Папин, 1998, рис. 1])

эпохальными и характерны для широкого круга скифо-сакских культур.

Культура населения Лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу характеризуется завершением традиций бронзового века и появлением элементов, ставших ведущими в последующем раннем железном веке. В материальной культуре это выразилось в новых типах изделий, прежде всего в предметах вооружения и деталях конской амуниции, в орнаментальной схеме, в постепенной утрате черт позднебронзового века и господстве баночных форм, происходит смена погребальной традиции. Хозяйственная деятельность стала иметь многоотраслевую направленность с основой на скотоводстве. Важно отметить, что данные процессы были характерны не только для региона исследования и Западносибирской лесостепи в целом, но и для всего евроазиатского пояса. Процессы изменений протекали в ограниченный промежуток времени и затрагивали все области деятельности древнего человека. Главной особенностью процессов, происходивших в Лесостепном Алтае, был синтез ирменских и корчажкинских традиций, при определенном участии северного компонента. Процесс инфильтрации в обозначенную среду пришлых северных групп носил эпизодический характер и уже не фиксируется в памятниках финала переходного периода.

Рис. 2.120. Поселение Малый Гоньбинский Кордон-1/3. Мелкая глиняная пластика (бобры?). *Фотоснимки автора*

Историко-культурная ситуация в Лесостепном Алтае реконструируется следующим образом. В начале переходного периода начинают появляться группы населения, отражавшие взаимодействие ирменской и корчажкинской культур. Отдельные их элементы возникли еще в период поздней бронзы, но окончательно сложились в IX в. до н.э. К концу IX в. до н.э. с севера проникали носители традиций фигурно-штампованной орнаментации (предположительно из районов Среднего Приобья). Этот процесс усилился к концу VIII в. до н.э. Распространение происходило по долине Оби и достигло даже среднего течения Бии. Наиболее ярко оно проявилось на завершающем этапе переходного периода в керамическом комплексе поселения БЕ-I. Дальнейшее развитие традиций переходного периода демонстрирует увеличение отдельных элементов раннего железного века. В то время четко фиксируется проникновение некоторых «раннескифских» элементов на территорию южной части Верхнего Приобья. Вероятно, верхней границей переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку является конец VII в. до н.э., когда территория Лесостепного Приобья вовлекается в зону влияния культур скифо-сакского времени.

Д.В. Папин

СТАРОАЛЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

В конце VII – VI в. до н.э. на территории Лесостепного Алтая произошло изменение этнокультурной ситуации, что было связано с массовыми миграциями в этот регион больших групп кочевников из Центральной Азии, Казахстана, Горного Алтая и Тувы. Новое население проникло не только в степные и лесостепные районы, а также продвинулось дальше на север в южно-таежную зону Западной Сибири. Данный всплеск передвижений номадов скифо-сакского круга, вероятнее всего, был связан с климатическими изменениями в степной зоне Евразии. Длительный засушливый период привел к вынужденному переселению значительных масс кочевников и смене мест их обитания. Это неизбежно обострило военные конфликты. Отдельные группы переселенцев освоили лесостепные районы Верхнего Приобья. Природные условия (леса и реки, как естественные преграды) позволяли им защищаться от военной угрозы. Засушливый период был благоприятным для содержания животных на подножном корму, так как зимой формировался небольшой снежный покров. Активно использовались в это время долина Оби и сопредельные с ней участки.

Миграции в VI в. до н.э. привели к тому, что носители традиций культур скифо-сакского круга окончательно вытеснили и ассимилировали население лесостепной зоны Верхнего Приобья, проживавшее там с поздней бронзы и в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку (позднеирменская и большереченская культуры). Основные особенности системы жизнедеятельности предшествующего времени кардинально изменились. Трансформировался и погребальный обряд. Характерная для бронзового века «скорченная» поза погребенного в могиле сменилась положением «вытянуто на спине» (рис. 2.121). Изменились основные типы предметов материальной культуры. В керамическом комплексе появились многочисленные сосуды баночной формы и кувшины (рис. 2.122). Исчезли поселки с существенным количеством крупных жилищ (полуземлянок), распространенных в переходное время от бронзового века к железному. По всей территории Лесостепного Алтая фиксируются большие по площади стоянки, где использовались временные жилища наземного типа и отсутствовали (за редким исключением) заглубленные в землю жилые постройки.

В результате кратко представленных изменений в Барнаульском Приобье сформировалась *староалейская культура*. Ее основные памятники обнаружены в долине Оби, на ее участке от устья Чарыша до Камня-на-Оби. На юге и востоке староалейское население граничило с группами, оставившими памятники быстрянской культуры (в Бие-Катунском междуречье и Причумышье), а на севере (в Новосибирском Приобье) соседствовало с представителями шеломокской (кижировской) культуры, «родственной» по происхождению со староалейской. На западе (на левобережье Оби) «староалейцы» взаимодействовали с группами кочевого населения, близкими к культурам сакского круга (рис. 2.123).

Староалейское население при преобладании во всем его культурном комплексе традиций культур скифского мира отличает наличие отдельных элементов, связанных с предшествовавшей большереченской общностью. Своеобразен обряд погребения умерших людей. Преобладают грунтовые могильники – кладбища, над погребениями которых отсутствовали надмогильные сооружения. Данный вид некрополей был характерен для большереченской культуры, в отличие от скифо-сакского круга культур, у которых преобладали курганные могильники.

Определенное сходство с предшествующими большереченскими формами имеют некоторые типы керамической посуды – закрытые банки и чашки (рис. 2.122).

Кочевые группы, участвовавшие в формировании староалейской культуры, после того как переселились в Верхнее Приобье, вынуждены были менять привычный образ жизни и приспосабливать животноводческое хозяйство к местным природным условиям. Достаточно ограниченные возможности круглогодичного содержания скота на подножном корму для долины Оби и сопредельных зон привели к тому, что население староалейской культуры постепенно утрачивало животноводческую ориентированность системы жизнеобеспечения и переходило к комплексному хозяйству. Продукты скотоводства, ставшегося основным видом хозяйства, дополнялись охотой, рыболовством, собирательством и в небольшой степени мотыжным земледелием. При использовании новых для при-

Рис. 2.121. Фирсово-XIV. Находки и погребение староалейской культуры:
1 – топор (МАЭА АГУ ОФ 74/1); *3–4* – подвеска (астрагал); *5* – пронизь;
6 – колчанный крюк; *7* – нож; *8–17* – наконечники стрел (по: [Фролов, 2008, рис. 135]);
18 – могила-319 (1, 5, 6 – бронза; 3–4, 8–17 – кость; 7 – железо). *Фотоснимок А.В. Мосина*

шельцев хозяйственных приемов мигранты вынуждены были перенимать ряд культурных традиций, связанных с хозяйственной деятельностью, у местного большереченского населения, включенного в состав нового староалейского объединения. Все это и позволило сохраниться архаичным культурным элементам в погребальной обрядности и традициях изготовления керамики.

В антропологическом отношении население, оставившее староалейские памятники, еще слабо изучено. Группы, участвовавшие в сложении староалейской

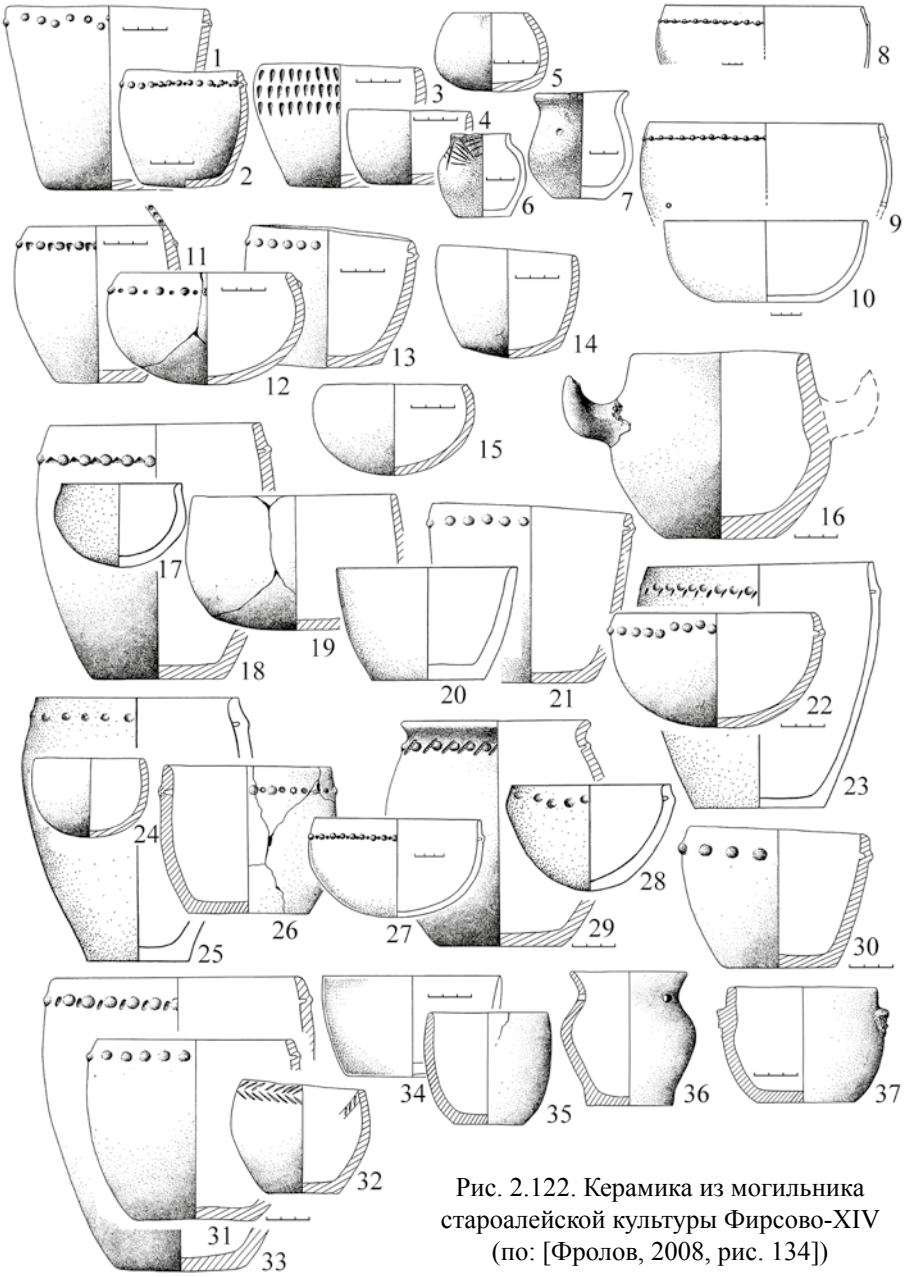

Рис. 2.122. Керамика из могильника староалейской культуры Фирсово-XIV (по: [Фролов, 2008, рис. 134])

культуры, принадлежали к населению европеоидного типа, имевшего отдельные монголоидные черты. В этническом плане представители староалейской культуры могли принадлежать к древним группам угров или самодийцев.

Хронологические рамки существования староалейской культуры определяются в рамках VI–IV вв. до н.э. Выделяются три этапа существования рассматриваемого исторического явления (рис. 2.124). Начальный этап связан с формированием староалейской культуры. Наиболее ярким археологическим объектом обозначенного периода является могильник 1 комплекса памятников Малый Гоньбинский Кордон-I, датирующийся концом VII – VI в. до н.э. Выделяется этап стабилизации (конец VI – V в. до н.э.), представленный могильниками Фирсово-XIV, Обские Плесы-II, Тузовские Бугры. Заключительный этап отражает трансформацию староалейской культуры в V–IV вв. до н.э., что хорошо демонстрируется материалами эпонимного (базового) памятника Староалейка-II.

Как уже было отмечено, кладбища населения староалейской культуры являются грунтовыми могильниками. В единичных случаях имеются свидетельства наличия курганных насыпей – ровики вокруг погребений. На могильном поле захоронения располагались рядами. Погребальная камера представляла собой неглубокую яму чаще всего прямоугольной формы с вертикальными стенками. Внутри погребения вдоль стенок ямы устраивалась деревянная обкладка из одного ряда досок или бревен. Очень редко встречается бревенчатое перекрытие. Умершие люди в могилах укладывались на спину, головой на юго-запад, с вытянутыми руками и ногами (рис. 2.121.-*18*). В некоторых случаях в мужских могилах зафиксирована «поза всадника» – ноги умершего были немного согнуты в коленях, а стопы сведены вместе, руки также были согнуты в локтях и немного разведены в стороны. Часто руки в мужских погребениях располагались на предметах вооружения.

Рис. 2.123. Границы ареалов культур скифо-сакского времени в Лесостепном и Горном Алтае

Состав погребального инвентаря хорошо разделяется в могилах умерших разного пола и возраста. Детские могилы, кроме сосудов и редких украшений, часто другого инвентаря не имели. Отдельные сережки и бусины, вероятно, про-

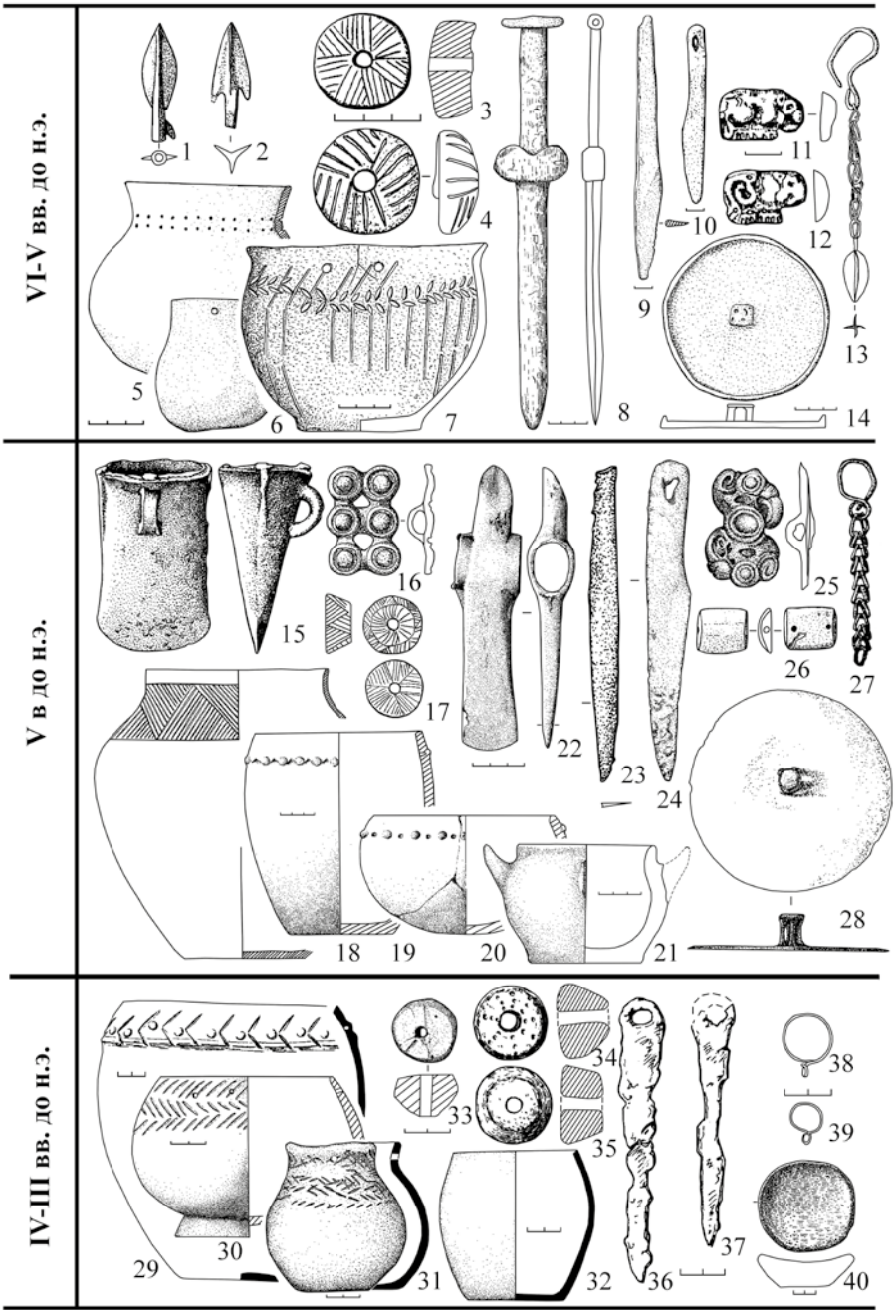

Рис. 2.124. Этапы развития староалейской культуры с демонстрацией предметного комплекса (по: [Фролов, 2008, рис. 152])

исходят из погребений девочек. В погребениях молодых мужчин и, видимо, мальчиков обнаруживаются отдельные астрагалы барана со следами обработки и без них, возможно, являвшиеся предметами, которые использовались в играх, или выступали в роли амулетов. Данная традиция у индоевропейских народов появилась еще в эпоху бронзы и сохранилась в более поздние периоды.

Для женских могил характерен так называемый женский набор, включавший украшения (шпильки, серьги, ожерелья из бусин), пряслица, курильницу и зеркало. Скопления шпилек-заколок в районе головы умерших женщин свидетельствуют о наличии у них высоких причесок или головных уборов. По своим общим формам высокие прически или головные уборы староалейских женщин похожи на пазырыкские, где основой всей конструкции являлась длинная железная шпилька с навершием (рис. 2.125.-*1–7*). Серьги в некоторых староалейских могилах имеют восьмерковидную форму и снабжены подвесками в виде цепочек (рис. 2.125.-*8–10*). Во многих могилах женщин обнаружены пряслица (грузики-утяжелители для веретена) с характерным только для староалейской культуры орнаментом из заштрихованных взаимопроникающих треугольников (рис. 2.125.-*11–15*). Зеркала из староалейских погребений женщин представляют собой крупные бронзовые диски с центральной ручкой, расположенной на одной стороне предмета (рис. 2.125.-*18–19*). Курильницы или алтарики представлены небольшими каменными изделиями овальной формы без ножек (рис. 2.125.-*16–17*). Использовались они, вероятнее всего, для сжигания травянистых растений (благовоний?) в ходе каких-либо церемоний.

В мужских погребениях староалейской культуры найдены предметы вооружения: кинжалы, проушный топор, бронзовые и костяные наконечники стрел в составе колчанных наборов (рис. 2.121). «Староалейцы» использовали, по всей вероятности, лук «скифского» типа, о чем свидетельствует находка обоймы – детали портупеи, выполненной в форме такого лука (небольшого сложносоставного изделия с выступающими перед рукоятью плечами) (рис. 2.126). Деталями стрелкового пояса, к которому крепились колчан и, вероятнее всего, горит (или налучье – футляр для лука), были колчанные крюки, обоймы и ворворки. Некоторые из них украшены изображениями, выполненными в традициях скифо-сибирского звериного стиля (рис. 2.126). Кинжалы находились в ножнах из дерева и кожи (рис. 2.127), крепившихся к поясу или к бедру, чаще всего с правой стороны. Вместе с кинжалом в этих же ножнах иногда помещали и нож. В мужских погребениях также встречены и кельты – топоры со втулкой, но без проушины и обуха, которые могли использоваться как орудия труда, а также применяться в бою (рис. 2.127).

Также в погребениях мужчин обнаружены детали наборных поясов – бронзовые пряжки и бляхи-накладки (рис. 2.128–2.129). Эти детали поясных наборов крепились на кожаный ремень с помощью ремешков, продетых в специальные петли. Подобные ремешки служили и завязками пояса, продевавшимися в центральные отверстия на пряжках. В большинстве случаев эти бронзовые детали пояса имели изображения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Излюбленными образами на таких предметах были парные изображения голов грифонов на «бабочковидных» бляхах, фигуры хищников или кабанов на бляхах и пряжках (рис. 2.128–2.129).

У женщин бронзовые бляхи-накладки использовались как украшения головных уборов или подвески, а также в виде «шумящих» привесок, в том числе вместе с колокольчиками и бубенцами (рис. 2.130).

И в женских, и в мужских могилах встречались ножи. Чаще всего они изготавливались из бронзы. Но уже были и железные изделия. Некоторые из них имитировали форму бронзовых ножей с кольцевым навершием (рис. 2.131).

Керамические сосуды – наиболее распространенные предметы инвентаря, встречающиеся в погребениях (рис. 2.122). В староалейских могилах найдены небольшие закрытые банки и круглодонные чашки, реже встречаются небольшие грушевидные кувшинчики. Кувшиновидные сосуды в основном встречены в погребениях и редко обнаруживаются на поселениях. Особым типом погребальной посуды являются сосуды с ручками-налепами, напоминающими «рога». Наиболее распространенный элемент орнамента староалейской керамики – это один ряд «жемчужника», сочетающийся с рядами ямочных вдавлений, насечек или реже елочки. Специфической староалейской орнаментацией являются ленты из заштрихованных взаимопроникающих треугольников.

Относительно редко в староалейских могилах встречены остатки заупокойной пищи. Обычно это кости овцы.

В отличие от других культур скифо-сакского времени (каменской, быстрянской и пазырыкской), в староалейских могилах детали конской амуниции найдены

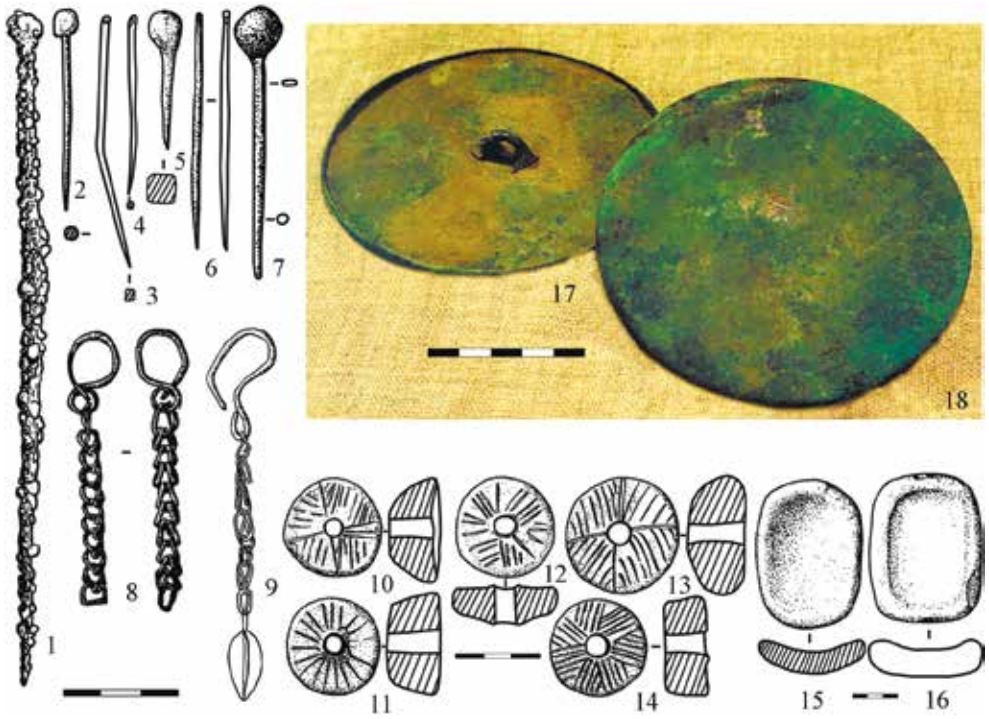

Рис. 2.125. Предметы из погребений женщин староалейской культуры: *1–7* – железные и бронзовые шпильки (Обские Плесы-II) (по: [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 11]); *8–9* – бронзовые серьги (Фирсово-XIV (по: [Фролов, 2008, рис. 136.-*11*]); могильник 1, Малый Гоньбинский Кордон-I (далее – м. 1 МГК-I) (по: [Кунгуров, 1999, рис. 2.-*35*])); *10–14* – керамические пряслица (Обские Плесы-II) (по: [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 9]); *15–16* – каменные курильницы (м. 1 МГК-I) (по: [Кунгуров, 1999, рис. 1-*26, 29*]); *17–18* – бронзовые зеркала (м. 1 МГК-I) (МАЭА АГУ ОФ 82/300, 302). *Фотоснимок А.В. Мосина*

Рис. 2.126. Бронзовые детали стрелкового пояса и наконечники стрел: *1, 4* – обоймы; *2* – колчанный крюк; *3* – ворворка; *5–8* – наконечники стрел (1, 7, 8 – Староалейка-II (МАЭА АГУ ОФ 35/493); 2, 5 – Обские Плесы-II (МАЭА АГУ ОФ 143/513,518); 3 – Клепиково-I (АГКМ ОФ 23/4); 4 – м. 1 МГК-I (МАЭА АГУ ОФ 82/311); 6 – Бобровский могильник (МАЭА АГУ ОФ 206/9)). *Фотоснимок С.В. Семенова (3)*

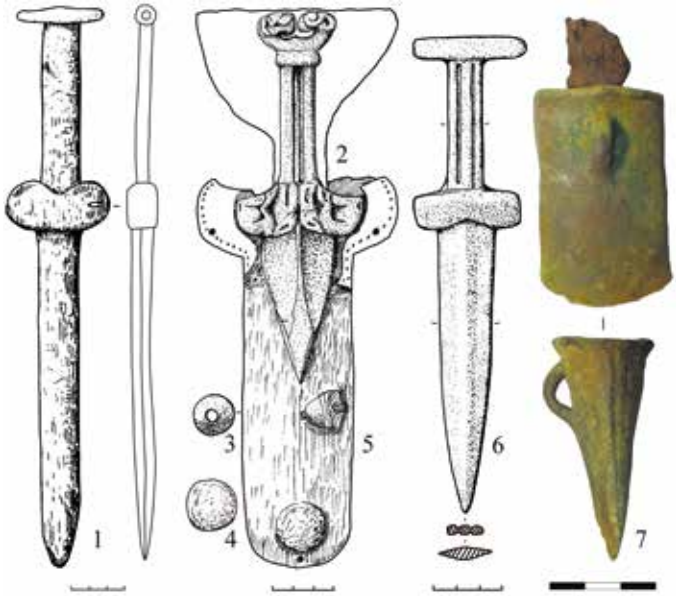

Рис. 2.127. Предметы из погребений мужчин: *1* – железный кинжал с бронзовыми деталями (м. 1 МГК-I) (по: [Кунгуров, 1999, рис. 1.-*1*]); *2–5* – бронзовый кинжал в кожаных ножнах; *6* – бронзовый кинжал (Староалейка-II) (по: [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9.-*2*; 16.-*1*]); *7* – бронзовый кельт с остатками деревянной рукояти (Тузовские Бугры-I) (МАЭА АГУ ОФ 567)

Рис. 2.128. Бронзовые детали наборных поясов из погребений староалейской культуры: *1, 5* – бляхи; *2* – пряжка; *3–4* – бабочковидные бляхи; *6* – костылек (1, 3–4 – Фирсово-XIV (МАЭА АГУ ОФ 74/7–8, 11); 2, 5 – Клепиково-I (экспозиция АГКМ ОФ 23/1–2); 6 – Обские Плесы-II (МАЭА АГУ ОФ 143/514)). *Фотоснимки С.В. Семенова*

в единичных случаях. Отдельные кости лошади встречены очень редко, и в основном они связаны с поминальниками на могильниках.

Наиболее массовым типом староалейских памятников являются обширные поселения, располагавшиеся по кромке надпойменных речных террас. Подавляющее число староалейских поселений располагалось по берегам Оби и ее притоков в зонах,

Рис. 2.129. Бронзовые детали наборных поясов староалейской культуры: *1– 6* – Фирсово-XIV (МАЭА АГУ ОФ 74/9-10, 13–14, 16–17); *7–13* – Обские Плесы-II (МАЭА АГУ ОФ 143/436–442). *Фотоснимки С.В. Семенова*

сочетавших широкие остепненные участки на верхних террасах, широкие пойменные луга и участки леса. Данный тип ландшафтных особенностей позволял населению, проживавшему на этой территории, сочетать в системе жизнеобеспечения несколько направлений хозяйственной деятельности: животноводство, охоту, рыболовство, собирательство и земледелие.

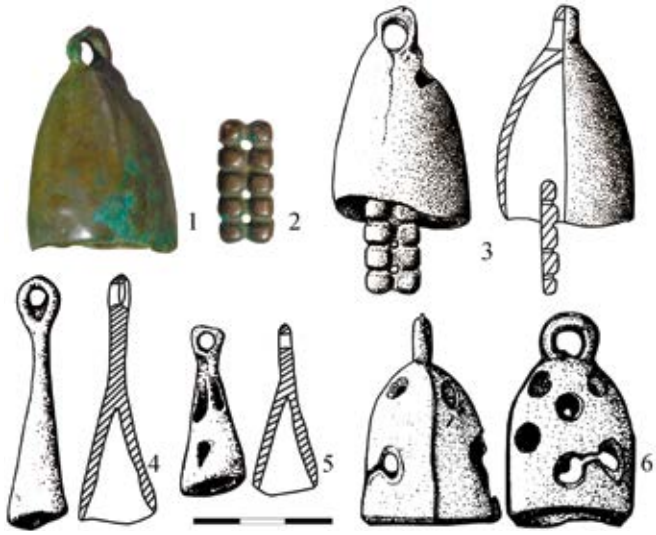

Рис. 2.130. Бронзовые шумящие привески из погребений староалейской культуры: *1–3* – колокольчик с язычком (Фирсово-XIV) (МАЭА АГУ ОФ 74/5, 12) (по: [Фролов, 2008, рис. 136.-*10*]); *4–6* – колоколовидные подвески (Обские Плесы-II) (по: [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 8.-*16*, 15.-*3, 4*]). *Фотоснимки С.В. Семенова*

Староалейские поселения по площади достигали нескольких гектаров и зачастую по протяженности вдоль края речной террасы превосходили 1 км. Культурный слой таких памятников беден, но встречаются отдельные участки, насыщенные находками, располагавшиеся, вероятно, в местах нахождения жилищ наземного типа. Из сооружений на подобных поселениях в основном встречены редкие хозяйственные ямы. Данный тип памятников представляет собой сезонные скотоводческие стоянки, где использовались наземные жилища.

Стационарных жилищ на поселениях староалейской культуры практически неизвестно. Можно назвать только одно поселение – Дмитриевская Грива, которое располагалось на юго-восточной границе ареала староалейской культуры. Там раскопаны два жилища полуземляночного типа. Одно из них, небольшое подпрямоугольное, слегка заглубленное в материк, с коридорообразным выходом, имело площадь 33 кв. м. В углу располагался заглубленный в землю очаг, вдоль стен размещались хозяйственные ямы. Другое крупное жилище имело площадь около 100 кв. м, подпрямоугольный заглубленный в землю котлован и широкий коридорообразный выход. В центре был сооружен очаг, имелись хозяйственные ямы. Вдоль стен прослежены многочисленные столбовые ямки. Данный тип жилища был распространен в Верхнем Приобье в период поздней бронзы. Наличие таких жилищ у «староалейцев» демонстрирует их связи с предшествующим населением позднеирменской и большереченской культур.

Основными находками на поселениях староалейской культуры являются фрагменты керамики (рис. 2.132). Наиболее часто встречающийся тип староалейской посуды – это закрытые плоскодонные банки разных размеров, от довольно крупных сосудов, имевших объем более 10 л, и до миниатюрных банок и чашек. Достаточно редко на поселениях встречены кувшиновидные сосуды, выступавшие для всех культур скифо-сакского времени (и в Лесостепном, и в Горном Алтае) чаще всего как погребальная посуда. Основной тип орнаментации поселенческой керамики –

Рис. 2.131. Орудия труда из могильников староалейской культуры: *1, 3, 4* – бронзовые ножи; *2* – железный нож; *5* – оселок (1 – Фирсово-XIV (МАЭА АГУ ОФ 74/2); 2 – поселение 1 МГК-I (по: [Кунгуров, Кунгурова, 2018, рис. 8.-*10*]); 3–5 – м. 1 МГК-I (МАЭА АГУ ОФ 82/304, 314–315))

один ряд «жемчужника», с разделением располагающегося по краю венчика или шейке сосуда. Иногда «жемчужник» сочетается с рядом ямочных вдавлений или «елочки». Из других артефактов на поселениях встречаются пряслица и каменные орудия – зернотерки, абразивы, скребки. Костяные изделия представлены наконечниками стрел, проколками, лощилами и другими изделиями. Достаточно редко на поселениях встречены бронзовые ножи, наконечники стрел и отходы бронзолитейного производства – бракованные изделия и сплески металла.

Основным видом хозяйства староалейского населения являлось скотоводство. О составе стада позволяют судить данные анализа костных остатков с поселений. У «староалейцев» преобладал крупный рогатый скот, несколько меньше было лошадей и только 10–15% овец. Такой состав стада, где значительную роль играл крупный рогатый скот, характерен для кочевников и полукочевников лесостепной зоны. Редкие находки костей диких животных (косули, лося) и в единичных случаях пушных животных (лиса, бобр

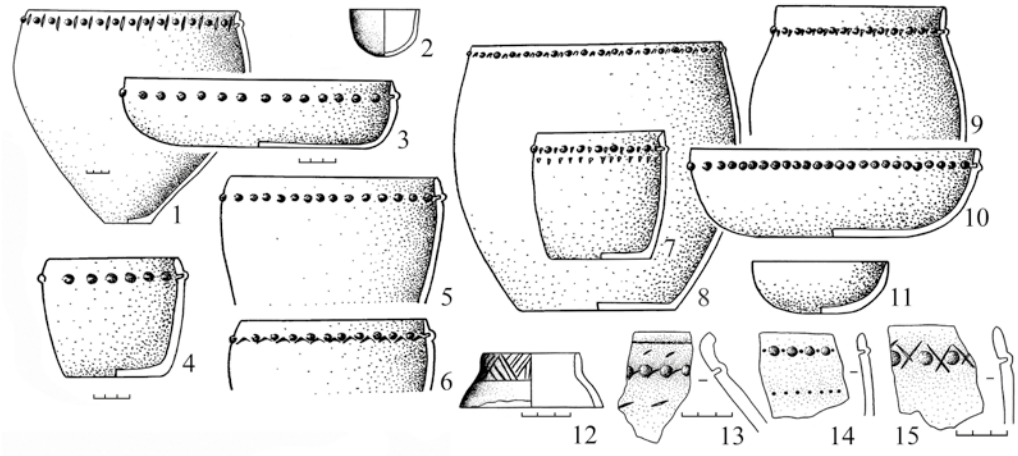

Рис. 2.132. Керамика с поселений староалейской культуры (по: [Степанова, Фролов, 2015, рис. 2.-*14–26*])

и хорь) свидетельствуют о занятиях охотой. Этот вид деятельности у «староалейцев» имел вспомогательное значение. Рыбная ловля также не играла большой роли в системе жизнеобеспечения староалейского населения. Данную ситуацию отражают единичные находки гарпунов.

Подсобный характер носили собирательство и мотыжное земледелие. На староалейских поселениях наиболее распространенными орудиями, которые связывают с собирательством и земледелием, были зернотерки. В условиях Алтайской лесостепи из-за резких климатических колебаний, засушливых условий в остепененных районах и неблагоприятной природной среды в долинах рек, с более холодными температурами и более частыми заморозками мотыжное земледелие не дает большого количества продукта и играет подсобную роль.

Важной отраслью системы жизнеобеспечения «староалейцев» являлось ткачество. Об этом свидетельствуют многочисленные находки пряслиц – утяжелителей для веретена. Пряслице является одним из основных атрибутов женского предметного погребального комплекса, что подчеркивает особое значение этого рода деятельности в половозрастном разделении труда у староалейского населения (рис. 2.125).

Кость и рог широко использовались в быту у населения староалейской культуры. Из этих материалов изготавливались разнообразные изделия: наконечники стрел, колчанные крюки, застежки, пронизи и др. Изделия, выполненные с разной степенью мастерства, свидетельствуют о том, что предметы из кости и рога делали индивидуально и кустарным способом.

Отсутствие выходов камня в Барнаульском Приобье обусловило малое количество изделий из этого материала на поселениях и в могильниках староалейской культуры. Некоторые предметы из камня и большинство их обломков подвергались вторичной обработке и переиспользованию. Наиболее массовыми находками являются различные абразивы, оселки, песты, молотовидные орудия, зернотерки. В погребениях встречены курильницы, чаще всего использующиеся для получения дыма при сжигании растений (рис. 2.125). На поселениях найдены многочисленные обломки курильниц, которые подверглись вторичной обработке и использовались как молоточки, наковаленки и абразивы.

Свидетельств особенностей деревообработки у «староалейцев» немного. Дерево достаточно активно использовалось в погребальной практике. В могиле устраивались деревянные сооружения из бревен, горбылей и досок, что свидетельствует о развитой деревообработке. В нескольких случаях в могилах обнаружены берестяные изделия – туески, находившие применение в качестве футляров для предметов и сосудов. Листы бересты использовались и как покрытия в погребениях.

Также мало сохранилось кожаных изделий в староалейских памятниках. В могилах обнаружены в основном отдельные фрагменты поясов и ножен от оружия (рис. 2.127).

Традиции в изготовлении керамики во многом продолжали способы предшествующего времени, что проявилось прежде всего в использовании рецептов теста для изготовления керамики, где преобладал шамот – измельченные фрагменты керамических изделий. Преобладание этого материала в рецептах формовочных масс опять же связано с отсутствием в районе формирования староалейской культуры выходов камня. Новое население скифо-сакского круга культур, явившееся основой формирования староалейской культуры, принесло другие формы посуды. Это прежде всего кувшиновидные типы керамики (рис. 2.122).

На начальных этапах существования староалейской культуры в VI–V вв. до н.э. в составе инвентаря преобладали предметы из бронзы. Встречены лишь редкие изделия из железа – это ножи и предметы вооружения. Важно то, что в тот период железные изделия копировали некоторые особенности бронзовых образцов. Так на клинках железных кинжалов формировалась нервюра – ребро жесткости, необходимое на бронзовых клинках для предохранения их от сгибания и совершенно не нужное на железных. На ножах из железа копировались очень трудные в изготовлении посредством ковки кольчатые навершия, что раньше довольно легко производилось с помощью литья бронзовых изделий (рис. 2.131). О переходном характере традиций металлообработки староалейской культуры свидетельствует и наличие биметаллических изделий, таких, например, как кинжал из могильника 1 комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I (рис. 2.127).

На площади поселений староалейской культуры находят следы бронзолитейного производства. Один из подобных памятников – поселение Ближние Елбаны-XII – интерпретируется как литейная мастерская. О производственном характере подобных объектов свидетельствуют находки глиняных форм для отливки предметов, литейный брак, сплески расплавленного металла. Не ясно: проводилась ли «староалейцами» плавка металла из руды или они в процессах литейного производства использовали только лом цветных металлов? Следов железоделательного производства на староалейских памятниках не обнаружено.

Мировоззрение староалейского населения было близко к общим традициям населения культур скифо-сибирского круга. Об этом свидетельствуют сходство погребальной обрядности, указывающее на единые представления в области культа предков, а также наличие и использование предметов, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Изображения на этих предметах (по наиболее распространенной версии) представляли образы тотемов – символов животных, выступавших в роли предков той или иной этнической группы. Особенности староалейской культуры проявляются в нетрадиционном применении некоторых бронзовых блях из поясных наборов и деталей конской узды. У «староалейцев» подобные предметы могли использоваться как отдельные украшения головных уборов, шейные привески, «шумящие» подвески. Данная особенность материальной культуры говорит о том, что староалейское население находилось на периферии культур скифо-сибирского круга и использовало предметы престижного характера не по прямому назначению. Пояса, детали головных уборов, конская узда выступали у кочевников, начиная со скифо-сакского времени, как важные символы принадлежности к определенной социальной и этнической группе. «Староалейцы» могли использовать подобные предметы в своем костюме как детали, символизирующие принадлежность к группе населения, имевшей более высокий статус.

Староалейская погребальная обрядность не демонстрирует серьезных социальных различий в обществе. Большинство погребений оставлены представителями рядовых членов коллектива.

Наиболее четко социальная дифференциация у «староалейцев» прослеживается по полу и возрасту. В отличие от ряда других культур скифо-сакского мира, у «староалейцев» достаточно четко разделяются мужские и женские роли в обществе. В женских погребениях не обнаружено предметов вооружения. Женщин-воинов («амазонок») в староалейском войске не было. Также не прослежены

явления травестизма и в мужских погребениях. В них нет предметов «женского набора» – серег, шпилек и заколок, пряслиц и зеркал.

Выявляются у «староалейцев» некоторые различия в статусе разных возрастных групп. Несколько выделяются погребения молодых и взрослых мужчин-воинов, снабженных предметами вооружения, и взрослых, вероятно, замужних женщин. Следует отметить погребения подростков, вероятнее всего, мальчиков, снабженных инвентарем, характерным для взрослых мужчин. Например, в захоронении подростка на могильнике Обские Плесы-II найден наборный пояс – символ высокого социального положения, включавший бляхи, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 2.129). Вполне вероятно, что инициация (получение подростком статуса взрослого человека) у мужской половины староалейского населения проходила достаточно рано – в промежутке от 12 до 16 лет. Отличались погребения взрослых женщин и девушек-подростков. Только у взрослых женщин прослежены остатки высоких головных уборов или причесок, которые были, вероятно, маркерами возрастного или семейного статуса женщин.

В захоронениях на староалейских могильниках, где обнаружен бедный инвентарь или находки отсутствовали, погребены представители общества с низким социальным статусом. Многие из этих погребений принадлежат мужчинам пожилого и старческого возраста, которые уже в силу физических причин не могли исполнять традиционные для мужчины функции воинов-защитников в обществе.

Отсутствие крупных захоронений с богатым инвентарем и золотыми изделиями, которые для скифо-сакского периода соотносятся с могилами знати, свидетельствует о том, что староалейский социум находился в подчиненном положении у групп кочевого населения, проживавших на сопредельных территориях левобережья Оби. Они населяли лесостепную и степную зону обского левобережья и Кулунду, где для периода VI–V вв. известны крупные курганные могильники с погребениями кочевой знати. Это такие некрополи в Кулунде, как Ключи-III и Нижний Кучук-I, могильники Кучук-I и Шелаболиха-III на обском левобережье, где раскопаны курганы диаметром 30–50 м и высотой до 3 м. Эти памятники демонстрируют сходство с погребениями саков Казахстана. Уже начиная со скифо-сакского времени в среде культур этого круга в степной и лесостепной зоне Западной Сибири начинала складываться система этносоциального подчинения. Более сильные и многочисленные группы кочевников подчиняли оседлое или полукочевое население лесостепной зоны.

Изменения этнокультурной ситуации в Лесостепном Алтае, повлиявшие на староалейскую культуру, происходили во 2-й половине I тыс. до н.э. Откочевавшие в начале V в. до н.э. в степи Кулунды и Верхнего Приобья группы нового населения из Казахстана и сопредельных регионов заняли Кулунду, районы обского левобережья и частично правобережья, вытеснив группы староалейского населения на правобережье Оби. Новое население смешивалось с группами кочевников, проживавшими до этого в Кулунде и на левобережье Оби. С того времени начинается формирование каменской культуры. У «каменцев» и «староалейцев» складывались отношения власти и подчинения. В IV–III вв. до н.э. «каменцы» постепенно ассимилируют староалейское население. «Староалейцы» перенимали более актуальный каменский комплекс традиций. Появились смешанные каменско-староалейские памятники. В дальнейшем самобытные черты староалейской культуры исчезли.

Я.В. Фролов

БЫСТРЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Передвижения кочевого населения Центральной Азии в VI в. до н.э. изменили этнокультурную ситуацию и на юго-востоке Лесостепного Алтая. В северные предгорья Алтая и на территорию Бийско-Чумышской возвышенности (в Причумышье) проникли разные группы мигрантов. Смешение пришельцев с местными племенами большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку привело к формированию нового этнического образования. Оставшиеся от него археологические памятники условно объединены понятием *быстрянская культура* (рис. 2.123), исходя из названия исследованного погребального комплекса около с. Быстрянка Красногорского района Алтайского края.

Специфическое расположение вышеуказанного региона способствовало появлению там маргинального населения на начальном этапе скифо-сакского времени. Это нашло отражение в эклектичности погребальной обрядности и материальной культуры и отмечено при раскопках археологических объектов. Разнообразные природные условия определили необходимость формирования «быстрянцами» нескольких адаптационных стратегий, что отразилось в реконструируемых системах жизнеобеспечения. В данной ситуации на сравнительно небольшой территории в разных экологических нишах проживали группы населения с отличавшимися хозяйственными укладами. Это, с одной стороны, могло благоприятно сказаться на сохранении локальных культурных особенностей, а с другой – способствовало процессам активных межкультурных контактов и смешению традиций разных культур.

Центром формирования быстрянской культуры в скифо-сакское время являлось междуречье Бии и Катуни, ставшее своеобразной контактной зоной, где происходило взаимодействие между западными степными группами кочевников, населением Верхнего Приобья, Салаира, Кузнецкой котловины, Горной Шории и Северного Алтая. Значительное влияние оказывали природно-климатические факторы. Северные предгорья Алтая и Причумышье расположены в зоне активного увлажнения, получая существенную долю осадков, которые поступают в ходе движения циклонов с запада и северо-запада на восток и юго-восток. Геоморфологическое расположение региона обеспечило более высокие температуры в этой зоне, по сравнению с северными территориями. Сформировавшиеся природные условия привели к тому, что в зимний период снежный покров был значительным, а в летний увлажненность в сочетании с относительно теплой погодой способствовала развитию растительности. В связи с тем, что кочевники в скифо-сакское время содержали скот на подножном корму, рассматриваемый регион благодаря наличию пастбищных угодий был пригоден только в летний период. Количество остепененных участков, где формировался небольшой снежный покров, там мало, чтобы позволить проживать большим группам кочевников постоянно и долгое время. В этом отношении значимую роль приобретала долина Катуни, в нижнем течении которой заканчивалась зона увлажненности северных предгорий Алтая. В этом районе зимой выпадает значительно меньше осадков, чем на более северо-восточных территориях Бийско-Катунского бассейна. Указанные обстоятельства привели к тому, что система животноводческого хозяйства в этом регионе имела определенное своеобразие. Яйлажный тип, который связан с использованием зимой пастбищ в долинах рек и на остепненных участках, а летом на высокогорьях, широко распространившийся в горах Алтая в скифо-сакское время, сочетался на территории Нижней

Катуни с перекочевками с севера на юг и обратно в весенне-летний и осенне-зимний периоды. Данные тенденции адаптации системы жизнеобеспечения к имевшимся условиям приводили к тому, что памятники скифо-сакского времени в долине Катуни вплоть до ее слияния с Бией демонстрируют кочевнические традиции, а зона в районе Бии и восточнее – традиции оседлости, сформированные населением, перешедшим к комплексному хозяйству. Все вышеприведенные факторы обусловили, с одной стороны, культурное разнообразие, которое фиксируется в различных типах погребальных памятников быстрянской культуры, а с другой – способствовали формированию новых собственных традиций. На это влияло пограничное расположение территории распространения памятников быстрянской культуры.

Ядро быстрянской культуры располагалось в Бийско-Катунском междуречье и частично в зоне нижнего течения Катуни. Большое количество исследованных поселений и могильников этой культуры входят в Майминский археологический комплекс, занимающий центральное положение в рассматриваемой зоне. Быстрянские памятники на северо-востоке ареала распространения обнаружены в среднем течении Чумыша, на юге Биийско-Чумышской возвышенности, западнее Салаирского кряжа. На северо-западе они встречены до района слияния Бии и Катуни, севернее Бийска и оз. Иткуль. Западным рубежом является долина Ануя и Бащелакский хребет. На юге быстрянские комплексы известны по долине Нижней Катуни до с. Манжерок.

Хронологические рамки быстрянской культуры укладываются в период с VI по III в. до н.э. Выделяются два этапа: ранний (VI–V вв. до н.э.) и поздний (IV–III вв. до н.э.). Для первого характерно наиболее широкое распространение памятников внутри обозначенного ареала (рис. 2.123). На втором этапе под давлением населения, оставившего памятники пазырыкской культуры, «быстрянцы» ушли из горно-долинной части Нижней Катуни. В IV–III вв. до н.э. появляются памятники, сочетавшие черты быстрянской и пазырыкской погребальной обрядности.

В антропологическом отношении материалы быстрянской культуры еще слабо изучены. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что «быстрянцы» были европеоидами с монголоидной примесью. По черепу из раскопок курганной группы Первомайская была сделана скульптурная антропологическая реконструкция внешнего облика женщины быстрянской культуры (рис. 2.133). Графическая реконструкция портрета мужчины из могильника Каменка была выполнена криминалистами (рис. 2.134).

Курганные насыпи на погребальных памятниках быстрянской культуры сложены из земли и реже из камня. Есть комбинированные варианты, когда земляные насыпи были с крепидой (кругом из крупных камней по краю полы кургана) или с каменным «панцирем» в виде одного слоя камней, закрывавшего определенную поверхность. Под курганами обычно располагалась одна могила. Случаи нахождения двух или более могил довольно редки.

Значительная часть быстрянских погребений сопровождалась захоронением лошади. Но встречаются могилы и без этих животных. Укладывали обычно одного коня, реже – двух. Они располагались к югу от умершего человека, на специальной приступке (рис. 2.135). В могилу обычно помещали взнузданную лошадь. Поэтому во многих захоронениях сохранилась узда, представленная удилами, псалиями, различными обоймами и бляхами. Конское снаряжение быстрянской культуры достаточно разнообразно. Найдены железные двусоставные кольчатые удила. Из бронзы, кости и рога изготавливались псалии, распределители уздечных ремней, подпруж-

Рис. 2.133. Антропологическая реконструкция по черепу женщины из курганной группы Первомайская (Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», НВФ №9). *Фотоснимок Ю.В. Ширина, автор реконструкции Е.В. Веселовская*

Рис. 2.134. Реконструкция внешнего облика по черепу мужчины из могильника Каменка (по: [Воронкин, 2016, фото 2])

ные пряжки и блоки. Находки в непотревоженных могилах позволяют реконструировать оголовье коня (рис. 2.136). Также внешний облик взнузданной лошади скифо-сакского времени можно представить по изображению на бронзовой поясной бляхе из могильника Сибирка (рис. 2.137). Обращают на себя внимание роговые псалии, украшенные изображениями, которые выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля. На концах псалия из могильника Аэродромный вырезаны головы длинноклювого ушастого орла и хищника с оскаленными зубами. На изделиях из могильника Красный Яр представлены разнонаправленные головы грифонов (рис. 2.138).

Традиции сооружения быстрянских погребальных камер и положение умерших в могилах характерны для обряда захоронения населения скифо-сакского времени. В ямах глубиной от 1,5 до 3 м устраивалась дощатая или бревенчатая обкладка (рама), реже устанавливались срубы. Над ними сооружались разные деревянные перекрытия. Покойника укладывали на спину, головой в западный сектор горизонта (на юго-запад преимущественно на севере ареала распространения культуры и на северо-запад – на юге). Иногда в одной могиле находились два или очень редко три-четыре человека.

Наличие на некоторых памятниках умерших, уложенных на бок с подогнутыми ногами, а также в каменных ящиках, свидетельствует о контактах «быстрянцев» с группами населения Горного Алтая.

В исследованных погребениях обнаружены керамические сосуды. Обычно это были кувшины. Относительно редко встречены банки. Особенностью орнаментации быстрянской керамики являлся декор в виде рассеченных валиков, имитировавших швы на кожаной посуде. Баночные сосуды обычно украшались рядом «жемчужника» или ямочных вдавлений. Также в декоре этой категории изделий встречены гладкие или рассеченные валики (рис. 2.139).

В могилу помещали заупокойную пищу. Очень часто это была задняя (курдючная) часть бараньей туши. Рядом с мясом укладывали бронзовый или железный нож. С умершими женщинами найдены серьги, бусы, шпильки-заколки для волос, гребни, зеркала (рис. 2.140), курильницы (каменные алтарики), подвески, бляхи и другие изделия. Шпильки из железа или бронзы формировали основу высокой прически или головного убора.

Важной является находка в курганной группе Первомайская бронзового дисковидного зеркала с боковой ручкой, с одной стороны украшенного композицией из фигур животных – так называемой «загадочной картинкой», где детали одного изображения животного дополняются частями другого. Там же на диске зеркала нанесена гравировка в виде фигуры женщины, держащей в руках чашу (рис. 2.140.-*2*). Данный рисунок перекликается с изображениями женщин на импортных зеркалах-погремушках из могильников каменской культуры Локоть-4а и Рогозиха-I (о каменской культуре см. далее). Находки подобных зеркал в быстрянских, каменских и пазырыкских погребениях, а также изображения на них подчеркивают статус женщин в социумах скифо-сакского круга, часто выступавших как служительницы культа, одними из атрибутов которых являлись бронзовые зеркала.

В мужских погребениях быстрянской культуры часто представлены предметы вооружения (рис. 2.141–2.142): бронзовые и железные кинжалы, клевцы (чеканы), наконечники стрел. В быстрянских некрополях были найдены как полноразмерные боевые изделия, так и их уменьшенные копии – вотивные предметы (рис. 2.142.-*2, 4*), выступавшие в виде символов, которые подтверждали статус мужчины-воина. «Заменители» предметов вооружения помещали в быстрянские погребения в V–III вв. до н.э. Эта традиция сближает быстрянскую культуру с пазырыкской, где использование вотивного оружия было одной из характерных особенностей погребальной обрядности.

Наличие большого числа предметов вооружения в погребениях мужчин свидетельствует о достаточно высокой степени милитаризации общества «быстрянцев». Это было связано с тем, что северные предгорья Алтая были местом соприкосновения разных культурных

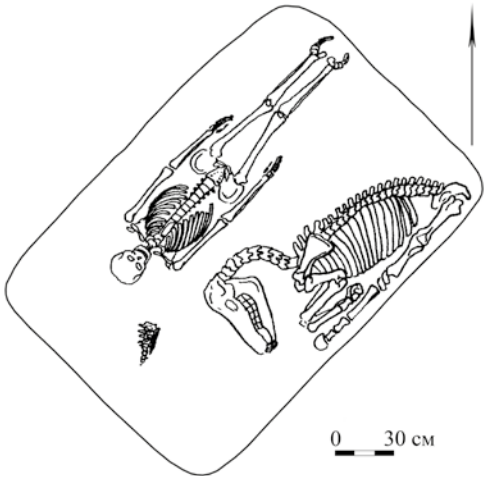

Рис. 2.135. Аэродромный. План могилы (по: [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 5.-*1*])

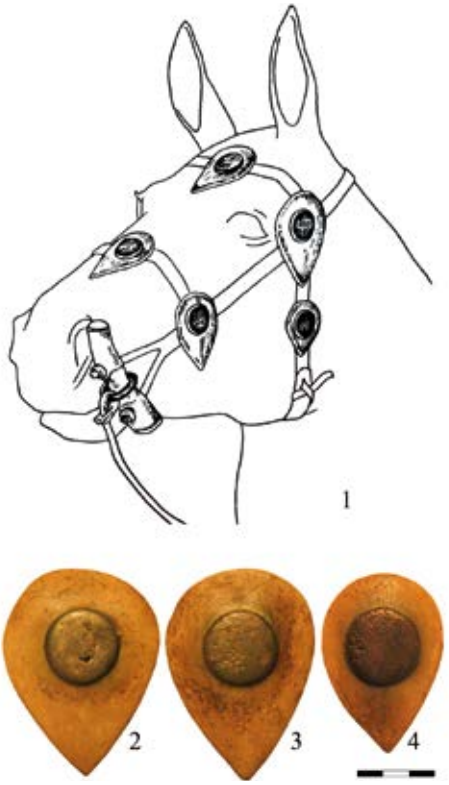

Рис. 2.136. Реконструкция и детали конского оголовья из могильника Бийск-I (*1* – по: [Завитухина, 1961, рис. 5.-*5*]; *2–4* – ГЭ ОФ 4410-69/1, 2, 5). *Фотоснимки автора*

Рис. 2.137. Бронзовые изделия (поясная бляха, наносник и пряжка): *1* – могильник Сибирка (по: [Полосьмак, 1990, рис. 5.-*1*]); *2* – могильник Бийск-II (ГЭ ОФ 4386-6); *3* – Енисейское-4 (по: [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 1.-*1*]; МАЭА АГУ ОФ 63/4)

Рис. 2.138. Роговые детали конского снаряжения из памятников быстрянской культуры: *1–2* – Красный Яр (по: [Абдулганеев, Тишкин, 1999, рис. 3.-*1, 2*]); *3–4* – Аэродромный (МАЭА АГУ ОФ 17/6-7); *5* – Бийск-I (ГЭ ОФ 4410-47). *Фотоснимки автора*

групп населения, что, вероятно, приводило к конфликтам. На могильнике Чултуков Лог-2 и других памятниках в долине Нижней Катуни (как в могилах быстрянской, так и в некрополях пазырыкской культуры) обнаружено большое количество умерших с боевыми травмами. Данные факты также свидетельствуют о высокой военной активности на этой территории в скифо-сакское время.

Кроме предметов вооружения, в быстрянских могилах встречены наборные пояса из блях-накладок и пряжек. Они изготовлены из бронзы или железа. Некоторые из предметов выполнены в зверином стиле. Наиболее распространенные сюжеты на щитках бронзовых блях и пряжек – противопоставленные стилизованные головы грифонов и кошачий хищник, терзающий копытное (рис. 2.143).

Большие «царские» курганы быстрянской культуры пока не исследовались. В основном быстрянские могильники представлены захоронениями рядовых кочевников, но встречены отдельные курганы, являвшиеся погребениями элиты общества, где обнаружены предметы из золота (в основном это обкладки изделий из золотой фольги).

Достоверно зафиксированных городищ быстрянской культуры не обнаружено. Но выделяется несколько крупных укрепленных поселений, которые, возможно, начали существовать в скифо-сакское время и активно функционировали в период существования майминской культуры (см. о ней

далее). Это такие памятники в центре ареала быстрянской культуры, как Березовка-2 и Усть-Карагуж-1, а также городище Манжерок-1 в горной долине Нижней Катуни.

На сегодняшний день большинство открытых в Бийско-Катунском междуречье поселений представляют собой обширные стоянки большой площади со слабо насыщенным культурным слоем, где отсутствуют следы жилищ землянночного или полуземляночного типа и редки хозяйственные объекты (оформленные очаги, хозяйственные ямы и др.). Эти поселения являются временными стоянками кочевников, где использовались наземные жилища. На отдельных памятниках быстрянской культуры известны небольшие прямоугольные жилища, слабо углубленные в почву. Самое крупное из таких поселений – Усть-Кажа-1. На этом памятнике, насчитывающем более 40 жилищных западин, раскопаны два жилых сооружения, которые можно однозначно сопоставить с быстрянской культурой. Жилища на поселении Усть-Кажа-1 представляют собой небольшие слабо заглубленные в материк прямоугольные конструкции площадью 30–35 кв. м, имевшие выходы-проемы шириной около 2 м с одной из сторон. Слева от входа находились очаги наземного типа. В одном из жилищ прослежены остатки деревянного настила на полу и центрального прямоугольного отверстия для выхода дыма из очага на месте обвалившейся крыши. Несколько жилищ раскопаны и на быстрянских поселениях Майминского археологического комплекса.

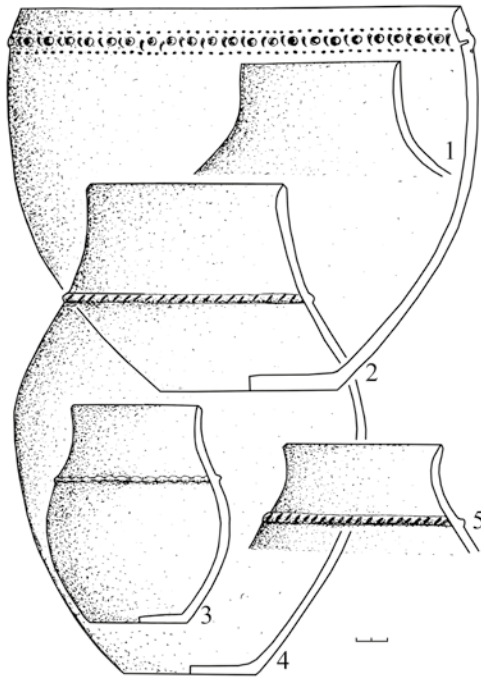

Рис. 2.139. Керамика из погребений памятника Енисейское-4
(по: [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 6])

Таким образом, для быстрянской культуры выделяются два типа поселений: это временные стоянки животноводов без следов углубленных в материк жилищ с редкими хозяйственными объектами и группа стационарных поселений, где встречены жилища. Находки на обеих группах поселений очень близки. Керамика в основном представлена плоскодонными баночными сосудами с орнаментом в виде «жемчужника», ямок и рассеченного валика (рис. 2.144). Данные типы поселений маркируют наличие групп населения быстрянской культуры с различным образом жизни. Первая группа временных стоянок оставлена коллективами, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни, а вторая – оседлым населением. Наличие поселенческих комплексов с жилищами также может свидетельствовать о преемственности между населением большереченской и быстрянской культур, в состав которой могли быть включены значительные группы аборигенов, оставивших памятники бийского типа (заключительного этапа развития большереченской общности).

Находки на поселениях керамики, орудий труда, костей животных позволяют реконструировать основные черты системы жизнеобеспечения быстрянского общества. Население по преимуществу занималось животноводством. В состав стада

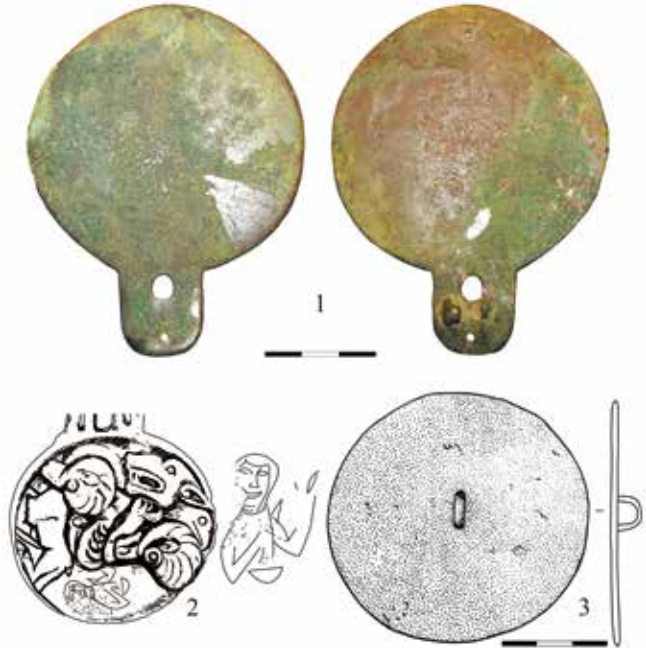

Рис. 2.140. Бронзовые зеркала из памятников быстрянской культуры: *1–2* – курганная группа Первомайская (*1* – по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XII-*1, 2*]; *2* – по: [Ширин, 2010, рис. 3.-*1*]); *3* – Точилинский Елбан (по: [Абдулганеев, Тишкин, 1996, рис. 5.-*10*])

входили лошади, крупный рогатый скот и овцы. Данные о животных, которых разводили «быстрянцы», получены на поселениях Майминского археологического комплекса. Они показывают, что лошадь в составе стада преобладала. На разных памятниках обнаружено от 40 до 80% конских костей от общих находок. Несмотря на то, что у «быстрянцев» было достаточно большое количество крупного рогатого скота (на отдельных памятниках кости составляли более 20%), все же в составе стада доминировали лошади и овцы, что указывает на достаточно подвижный характер хозяйства «быстрянцев».

Быстрянское население в хозяйственном плане было неоднородным. Так, отдельные коллективы, по разным причинам лишившись части стад, постепенно оседали на землю и переходили к комплексному хозяйству. Кроме этого, территория северных предгорий Алтая и Причумышья более благоприятна для развития основных отраслей такого хозяйства. Более высокие температуры и значительное увлажнение благоприятно сказывались на продуктивности роста растений, что обеспечивало развитие земледелия и собирательства, которые выступали в качестве дополнительных направлений в системе жизнеобеспечения «быстрянцев». О наличии их свидетельствуют редкие находки зернотерок на поселениях. По всей видимости, указанные отрасли имели свое значение, но так же, как и охота, носили вспомогательный характер по отношению к животноводству. Кости диких животных встречены на быстрянских поселениях Майминского археологического комплекса. Но по сравнению с домашними они составляют небольшое количество. Марал, косуля, кулан, волк, медведь, бобр – это основные животные, на которых охотились «быстрянцы».

Относительно немного имеется данных о распространении рыболовства у быстрянского населения. Отдельные кости рыб встречены в слоях периода раннего железа на поселениях Майминского комплекса. Рыболовный крючок и гарпуны найдены в отложениях того же времени Денисовой пещеры.

Производство изделий у «быстрянцев» носило в основном домашний характер. Глиняные пряслица (грузик для веретена), обнаруженные на памятниках, свидетельствуют о распространении ткачества в быстрянской культуре. Керамическая посуда хорошо и качественно сделана. Мастера использовали местные глины и до-

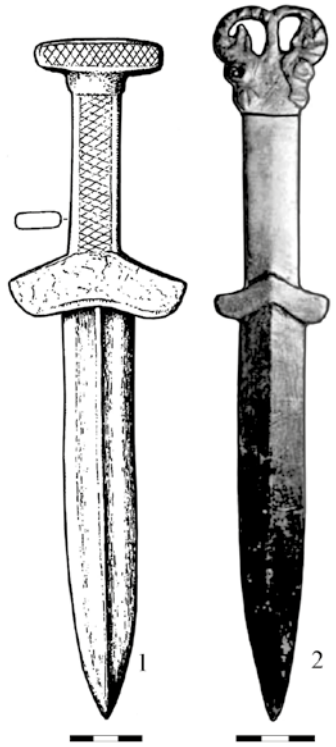

Рис. 2.141. Бронзовые кинжалы быстрянской культуры, случайные находки: *1* – с. Сростки (по: [Кунгурова, 2005а, рис. 14.-*3*]); *2* – с. Мало-Угринево (по: [Лихачева, 2017, рис. на с. 119])

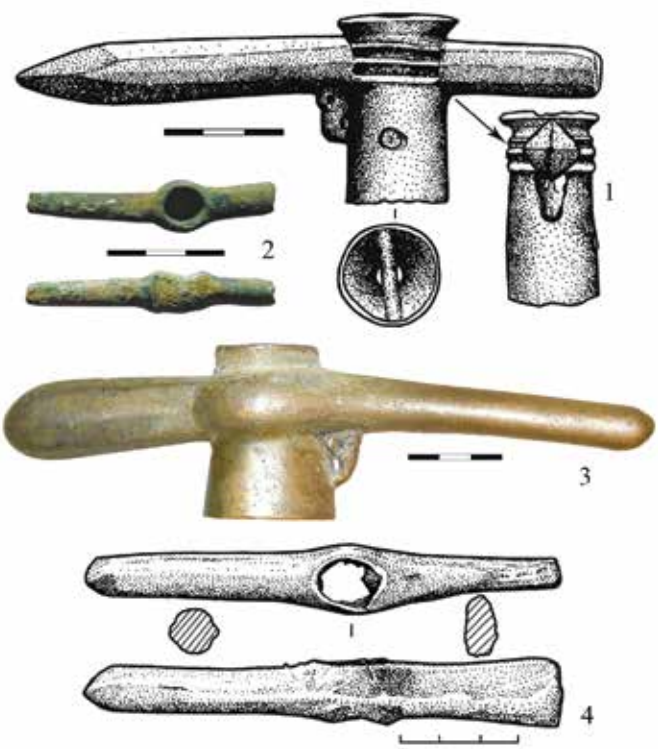

Рис. 2.142. Бронзовые чеканы быстрянской культуры: *1* – с. Горбуново (по: [Абдулганеев, Тишкин, 1999, рис. 3.-*4*]); *2, 4* – могильник Каменка (по: [Казаков и др., 2016, рис. 1.-*2*]; МАЭА АГУ ОФ 673/7). *Фотоснимок автора;* *3* – Бийск (экспозиция БКМ). *Фотоснимок О.С. Лихачевой*

бавляли в тесто дресву (измельченный камень). Так как выходы камня на территории существования быстрянской культуры были легко доступны, то дресва преобладала в большинстве рецептов изготовления керамики. Отдельные группы сосудов, в составе которых присутствует шамот (измельченные фрагменты керамики), свидетельствуют о связях «быстрянцев» с лесостепными культурами, где данная традиция изготовления посуды была широко распространена. Наличие изделий из кости и рога, в том числе с художественным оформлением (с изображениями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле), показывает высокое развитие косторезного дела. Резная кость демонстрирует сходство с традициями резьбы по дереву, рогу и кости у носителей пазырыкской культуры (рис. 2.138). Кожевенное производство на быстрянских материалах трудно проследить. Есть отдельные находки костяных изделий для обработки кожи (тупики, скребки и др.). Также мало данных о деревообработке, в основном зафиксированной по материалам изучения деревянных сооружений в погребениях. О наличии бронзолитейного производства свидетельствуют находки литейных форм на поселениях. Такие материалы известны на поселениях Майминского комплекса. Особенно их много обнаружено на памятнике

Рис. 2.143. Бронзовые поясные обоймы и бляхи: *1* – Бийск-I (по: [Завитухина, 1961, рис. 4.-*7*]; ГЭ ОФ 4410-9); *2* – с. Большеугренево (по: [Фролов, 2015, рис. 1]); *3* – могильник ЦРК (по: [Абдулганеев, Кунгуров, 1996, рис. 1.-*12*]); *4–5* – Аэродромный (по: [Кунгуров, Кунгурова, 1982, рис. 2.-*3, 4*]; МАЭА АГУ ОФ 17/3-4). *Фотоснимки автора*

Гробница-3 в Среднем Причумышье. Найденные там обломки литейных форм применялись для изготовления бронзовых блях, входивших в состав наборных поясов и других изделий. Литье, по всей видимости, производилось в основном из слитков или лома изделий. Объектов выплавки цветного металла из руды на быстрянских памятниках пока не обнаружено. В погребальном инвентаре «быстрянцев», наряду с бронзовыми, обнаружено много железных предметов: оружие, ножи, поясные бляхи, детали конского снаряжения и др. Железные вещи, скорее всего, для «быстрянцев» являлись предметами импорта. Следов железоделательного производства на памятниках быстрянской культуры не выявлено.

Исчезновение быстрянского объединения связано с общими этнокультурными процессами, протекавшими в среде культур скифо-сакского круга на юге Западной Сибири и Алтая. В IV–III вв. до н.э. активные контакты с населени-

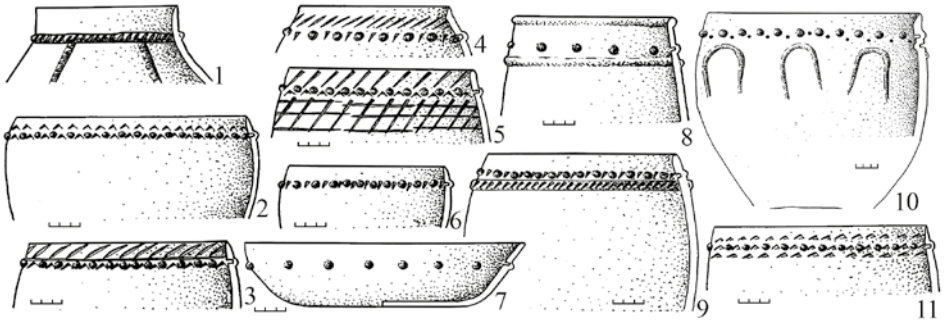

Рис. 2.144. Керамика с поселений быстрянской культуры (по: [Степанова, Фролов, 2015, рис. 2.-*27–37*])

ем пазырыкской культуры, а затем и непосредственное продвижение отдельных групп «пазырыкцев» в северные предгорья Алтая привели к ассимиляции части «быстрянцев». Дальнейшие события способствовали полной утрате самобытности быстрянской общности.

Я.В. Фролов

ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА

Изменение этнокультурной ситуации в горах Алтая в VI в. до н.э. связано с приходом нового населения и формированием своеобразной общности, оставившей яркий след в истории региона. Об этом свидетельствуют результаты исследований многочисленных погребальных комплексов, которые дали потрясающие свидетельства о культуре животноводов-кочевников. Ее условно обозначили «пазырыкской» по названию местности в Горном Алтае, где были раскопаны крупные курганы с каменной насыпью и замерзшими погребальными камерами. Там обнаружено много различных находок, в том числе изделия из органических материалов. Прямые письменные данные о зафиксированном археологами явлении пока отсутствуют. Хотя высказывается ряд мнений о возможном соответствии сведений, которые отражены в древних китайских источниках.

О *пазырыкской культуре* уже написано значительное количество статей и изданы десятки крупных научных монографий. Поэтому в данном кратком очерке будут отмечены лишь основные моменты из имеющейся огромной информации, и продемонстрированы уже сделанные реконструкции, позволяющие в определенной мере представить внешний облик людей и их систему жизнеобеспечения.

Открытие памятников, ныне относимых к пазырыкской культуре, связано с деятельностью известного отечественного ученого Василия Васильевича Радлова (рис. 2.145), который в 1865 г. частично вскрыл в горах Алтая два крупных кургана скифо-сакского времени: Катандинский и Берельский. Несмотря на то, что эти объекты оказались ранее ограбленными, в них были обнаружены удивительные находки из кожи, древесины, войлока, тканей и других органических материалов, которые сохранились благодаря образовавшейся подкурганной мерзлоте. Предметы, полученные В.В. Радловым во время раскопок, ныне хранятся в Государственном историческом музее (Москва). Особое место в экспозиции занимает кафтан, некогда расшитый бляхами, покрытыми сверху тонкой золотой фольгой, что создавало своеобразный визуальный эффект.

Существенный вклад в изучение ранее неизвестной древней культуры внесли экспедиции под руководством известного отечественного археолога Сергея Ивановича Руденко (рис. 1.4), которым зафиксированы и обследованы в 1924 г. крупные каменные курганы в урочище Пазырык (ныне – Улаганский район Республики Алтай). В 1927 г. был раскопан Шибинский курган, а в 1929 г. – Первый Пазырыкский, в котором найдены многочисленные культурные ценности. После Второй мировой войны исследования под руководством С.И. Руденко продолжились в Восточном Алтае (на памятнике Пазырык), а также в центральной части региона (в местности Башадар

Рис. 2.145. Василий Васильевич Радлов (1837–1918)

и у с. Туэкта). В некоторых из раскопанных «царских» курганов сохранились мумии представителей кочевой знати. На теле этих людей оказались татуировки, демонстрирующие образы скифо-сибирского звериного стиля. Материалы, полученные экспедициями С.И. Руденко, размещены в залах Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Среди них следует отметить огромный ковер и повозку, а также деревянные погребальные сооружения (сруб и колоды).

С накоплением различных сведений о пазырыкском феномене стали высказываться и обосновываться гипотезы о культурно-исторических процессах, происходивших на Алтае в скифо-сакское время. Сначала представленные реконструкции были построены преимущественно на материалах раскопок больших по размерам погребальных комплексов (Пазырык, Туэкта, Башадар, Берель, Катанда, Шибе). Это связано с тем, что курганы рядовых кочевников почти не попадали в сферу деятельности ученых, поскольку экспедиции ориентировались на изучение именно «царских» или «элитных» захоронений как наиболее информативных объектов. Ситуация стала серьезным образом меняться в 1960–1990-е гг. Исследователи переключили свое внимание на многочисленные памятники, оставленные основной массой «пазырыкцев». Такой подход и внедрение естественно-научных методов позволили существенным образом увеличить количество информативных и объективных источников. В разных направлениях были предприняты специальные изыскания академических и других учреждений ряда городов страны. Особое значение имели исследования, осуществленные Институтом археологии и этнографии СО РАН на высокогорном плато Укок [Полосьмак, 1994, 2001; Полосьмак, Молодин, 2000; Феномен алтайских мумий, 2000; и др.]. В течение ряда лет систематические раскопки курганов пазырыкской культуры на

Рис. 2.146. Каменные курганы на памятниках пазырыкской культуры: *1* – Второй Башадарский курган; *2* – Талда; *3* – Ханкаринский дол. *Фотоснимки автора*

памятнике Берел осуществляли экспедиции под руководством известного казахстанского специалиста З.С. Самашева [2011]. Важно отметить результаты работ монгольских и китайских археологов на территории Монгольского Алтая.

Полученные обширные материалы способствовали формированию более объективных представлений об этнокультурной ситуации на Алтае в середине VI – конце III в. до н.э. Основными маркерами распространения памятников пазырыкской культуры являются курганы, сооруженные из камней (рис. 2.146). Они хорошо отличаются от объектов других исторических периодов своими размерами, расположением на местности и особенностями планиграфического устройства. Самые крупные и многочисленные погребальные комплексы «царей» находятся в Центральном Алтае (рис. 2.146.-*2*), что отражает «ядро» рассматриваемой общности. Такие сооружения в других местах могут демонстрировать центры племен, входивших в пазырыкский союз, либо отражать изменения этнокультурной обстановки [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 3].

В настоящее время стало возможным обозначить этапы развития пазырыкской культуры, которые связаны с определенной военно-политической и социально-экономической ситуацией в Центральной Азии, где в то время доминировали юэчжи – основатели одной из архаичных кочевых империй, контролировавшей торговую артерию, широко известную как «Великий Шелковый путь». В китайских письменных документах имеются упоминания об этом объединении людей, которые, как отмечается, питались преимущественно мясом. Они описываются белыми людьми с длинными волосами, поставляющими в Китай нефрит, – важный для китайской культуры камень. Более детальная информация имеется в источниках, относящихся ко II в. до н.э. Некоторые исследователи ассоциировали «пазырыкцев» с юэчжами, царство которых во времена правления известного китайского императора Цинь Шихуанди (246–210 гг. до н.э.) процветало и постоянно враждовало с другими центральноазиатскими кочевниками, в частности с хунну (сюнну). Однако существенные доказательства обозначенного предположения пока не приведены в достаточном виде.

На основании археологических данных и результатов их изучения в обобщенном виде намечена культурно-хронологическая схема развития пазырыкской культуры, которая синхронизирована с известными историческими событиями [Тишкин, 2007а, с. 123–157]. Начальный (башадарский) этап становления рассматриваемой общности датирован 2-й половиной VI – 1-й половиной V в. до н.э. Совершенно ясно, что ее создание связано с приходом на Алтай нового населения, которое частично вытеснило местные племена, а затем примерно в течение века или более того освоило всю горную территорию, ассимилировав оставшихся жителей. Своеобразным символом такого положения дел стали «царские» курганы, сооруженные в Центральном Алтае. Среди них отметим один из ранних пазырыкских комплексов крупных размеров и специфической организацией околокурганного пространства – Второй Башадарский курган (рис. 2.146.-*1*). Смена существовавшего населения бийкенской культуры хорошо маркируется не только совершенно другим погребальным обрядом, но и отличительным предметным комплексом. Правда, на этом этапе еще можно встретить использование пережиточных изделий предыдущего (аржано-майэмирского) периода. Формирование и развитие пазырыкской культуры синхронизируются с созданием примерно в 550 г. до н.э. Ахеменидской державы. Походы царей этого государства способст-

вовали подвижкам народов, хотя в общем ситуация в Передней Азии стабилизировалась. Окончание башадарского этапа связано с началом эпохи «сражающихся царств» (Чжаньго) в Китае, датируемой 453 г. до н.э.

Развитый (кызыл-джарский) этап обозначен, чтобы не дублировать название культуры, так как важнейшее место при его характеристике занимают «царские» комплексы, раскопанные на памятнике Пазырык. Более массовый материал из рядовых курганов ранних кочевников был получен при изучении нескольких курганных групп в урочище Кызыл-Джар (Юго-Восточный Алтай). В настоящее время обработаны и изучены черепа умерших из этих исследованных памятников. Обобщенные результаты отражают реальности полиэтничной общности, сформировавшейся в ходе различных взаимодействий. На этом рассматриваемом этапе, датированном 2-й половиной V – 3-й четвертью IV в. до н.э., происходило дальнейшее развитие, а также расширение пазырыкской культуры, занимавшей важное место в Центрально-Азиатском регионе и контактировавшей с цивилизациями Китая, Индии и Передней Азии. Свидетельствами этого являются многочисленные археологические находки, обнаруженные при исследовании могильников в разных районах Алтая. Особенно яркими являются находки ковров переднеазиатского происхождения, а также другие «импортные» изделия [Руденко, 1953 и др.].

Нанесение на карту Западной и Южной Сибири археологических памятников скифо-сакского времени указывает на наличие довольно четких границ локализации существовавших объединений древних животноводческих и других социумов (рис. 2.123). Так, объекты пазырыкской культуры расположены почти строго в рамках Алтайских гор. Судя по всему, на сопредельных территориях существовали общества, близкие по уровню развития. К северо-западу от Алтая, в Обь-Иртышском междуречье, зафиксированы комплексы так называемой каменской культуры, курганы которой (в том числе «царские») отмечены в значительном количестве в степной и лесостепной зоне. К северо-востоку выявлены памятники быстрянской культуры, а далее – более известной тагарской. К востоку и юго-востоку располагался ареал саглынской культуры. К западу и юго-западу находятся объекты, оставленные различными сакскими племенами. Все эти обозначенные полиэтнические образования имели свои специфические черты. Изучение археологических памятников демонстрирует довольно высокий уровень развития и консолидации крупных кочевых народов Центральной Азии в пазырыкское время.

Около 330 г. до н.э. Ахеменидская империя пала, а походы Александра Македонского существенным образом содействовали изменению этнокультурной ситуации не только на Ближнем Востоке и на сопредельных территориях, но и в других отдаленных регионах. Созданная Александром Македонским держава распалась после его смерти в 323 г. до н.э. С того времени отмечены «темные» периоды истории, о которых чрезвычайно мало информации. На Алтае выделенный заключительный (шибинский) этап пазырыкской культуры, датированный последней четвертью IV – III в. до н.э., в какой-то мере является отражением данной ситуации. По всей видимости, «пазырыкцы» участвовали в каких-то военных кампаниях, которые проходили в указанный отрезок времени. Особенно ощутимое поражение населению Южной Сибири было нанесено центральноазиатской державой Хунну/Сюнну. Постепенная утрата могущества указанных общностей отразилась на этнокультурных процессах. С конца IV в. до н.э. происходило некоторое смещение ареала пазырыкской культуры на Северный и Северо-Западный Алтай, а после того,

как хунну (сюнну) завоевали в конце III в. до н.э. Алтае-Саянскую горную страну, часть населения мигрировала в нескольких направлениях. Оставшиеся «пазырыкцы» были покорены и позднее вообще утратили свою самобытность. Во II в. до н.э. на Алтай стали переселяться другие этнические группы, сыгравшие основную роль в становлении новой (булан-кобинской) общности (о ней речь пойдет далее).

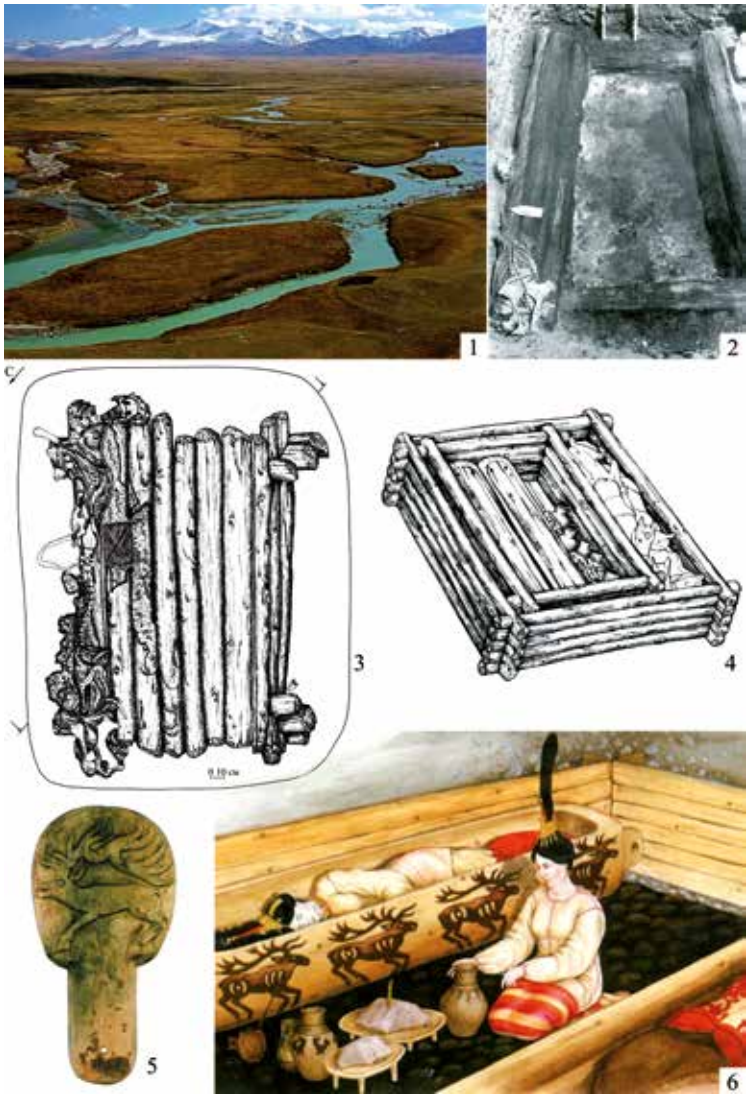

Рис. 2.147. Исследование «замерших» курганов пазырыкской культуры: *1* – вид на плато Укок (по материалам Интернета); *2, 5* – лед в погребальной камере и деревянный футляр для зеркала, курган №1 памятника Ак-Алаха-3 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 43.-*а*; 44]); *3* – деревянная погребальная камера и захоронение лошади, курган №1 памятника Олон-Курин-Гол-10 (Монголия) (по: [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, рис. 51]); *4, 6* – реконструкция интерьеров погребальных камер, курган №1 памятника Ак-Алаха-1 и курган №1 памятника Ак-Алаха-3 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 125])

Рис. 2.148. Погребения рядовых представителей общества пазырыкской культуры:
1 – курган №3 памятника Чобурак-II; *2* – курган №88 памятника Тыткескень-VI.
Фотоснимки В.П. Семибратова

Некрополи «пазырыкцев» представляют собой «цепочки» курганов (рис. 2.146.-*3*), вытянутые преимущественно в направлении юг–север, хотя есть и другие варианты их расположения в зависимости от рельефа местности и некоторых других факторов. Формирование таких цепочек осуществлялось по-разному. Известны случаи устройства могильника только из двух курганов (рис. 2.146.-*2*). Зафиксировано сооружение одиночных погребальных объектов, в частности, на хорошо известном памятнике Ак-Алаха-III (рис. 2.147), раскопанном на высокогорном плато Укок. Это связано с особым социальным статусом погребенного там человека. В основном фиксируемые погребальные объекты состоят из нескольких каменных сооружений и отражают усыпальницы членов больших семей. Таких курганных групп в отведенном месте может быть несколько. Некоторые курганы «пазырыкцев» с востока сопровождают сохранившиеся ряды вертикально установленных камней разной величины или больших стел. С запада располагаются ритуальные каменные выкладки (поминальники). В целом же топография и планировка могильников повторяли особенности расположения реальных жилищ номадов Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода. При этом изучение всей совокупности археологических источников и этнографических материалов позволило установить, что у «пазырыкцев», как и у других кочевых народов, наряду с куренной, преобладала аильная планировка поселков. Аналогичная традиция зафиксирована на Алтае начиная с аржано-майэмирского времени. Она до сих пор распространена в Монголии.

Погребальные сооружения кочевников, несмотря на определенную вариабельность в параметрах и конструктивных элементах, представлены преимущественно курганами с каменными насыпями, под которыми в одиночных могильных ямах сооружались деревянные срубы, реже каменные ящики и рамы (рис. 2.147–2.148), а также другие внутримогильные конструкции (каменная обкладка, деревянный ящик и др.). Умершего человека обычно укладывали на правый бок с по-

догнутыми ногами и ориентировали головой на восток. В «элитных» погребениях в двойных или одинарных срубах с колодами покойники обычно обнаружены в вытянутом положении, но с неизменной ориентацией головой в восточное направление. Примерно в 40% исследованных пазырыкских курганах были зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей (от одной и более) (рис. 2.147.-*3, 4, 6*; 2.148.-*1*). Отсутствие этого признака во всех погребальных объектах 2-й половины VI – III в. до н.э. обусловлено, по-видимому, особенностями социального и имущественного положения людей.

В «царских» и рядовых захоронениях фиксируется многообразие предметов материальной культуры, отражающих специфику животноводческой среды. Особое значение имеют находки различных элементов костюмного комплекса: рубахи, штаны, юбки, обувь, шубы, головные уборы и др. (рис. 2.149–2.150). Часть вещей относительно хорошо сохранилась и демонстрирует важные этнографические особенности пазырыкского населения, особенно элиты такого общества. В настоящее время детально реконструирован высокий женский головной убор-парик (рис. 2.147.-*6*; 2.150.-*1*), следы которого фиксируются и в ходе раскопок незамерзших курганов. Его основой была войлочная шапочка, на которой формировалось довольно сложное украшение [Полосьмак, 2001, с. 143–147]. Свое значение в жизни «пазырыкцев» имели шубы (рис. 2.149.-*4*; 2.150.-*2–4*; 2.151.-*1, 6*). Это связано с тем, что в рассматриваемый период на Алтае похолодало. Отмечается также увеличение влажности. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность определяли необходимую одежду (рис. 2.150; 2.151.-*1, 6*). Люди носили соответствующие головные уборы (рис. 2.150.-*2–5*; 2.151.-*1, 6*), которые можно рассматривать как один из этнографических показателей.

Рис. 2.149. Одежда, обнаруженная в курганах пазырыкской культуры: *1* – шелковая рубаха из памятника Ак-Алаха-3; *2* – мужские шерстяные штаны из памятника Ак-Алаха-1 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 84.-*а*; 87.-*а*]); *3* – войлочные сапоги после реставрации из кургана №1 памятника Олон-Курин-Гол-10 (по: [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, рис. 14]); *4* – шуба из кургана №3 памятника Верх-Кальджин-2 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 94])

В пазырыкских курганах в большом количестве обнаружены детали конского снаряжения. Это позволяет полностью и достоверно реконструировать амуницию верховых лошадей (рис. 2.151). Удила изготавливались из железа и цветного металла. Для формирования ремней оголовья и соединения его с удилами и поводом использовались двудырчатые псалии (рис. 2.51.-*4*). Они чаще всего изготавливались из древесины или рога. Уздечные ремни украшались вырезанными из дерева бляхами, которые иногда сверху покрывались золотой фольгой либо окрашивались, в том числе лаком. Такие комплекты хорошо сохранившихся изделий обнаружены в курганах с мерзлотой (рис. 2.151.-*3–5*). Важной частью конской амуниции было мягкое седло (рис. 2.151.-*2, 6*), которое «пазырыкцы» усовершенствовали по сравнению с предыдущим периодом. Хотя основные его элементы сохранились. Предметы конского снаряжения являются культурно-хронологическими маркерами и тщательно изучаются специалистами.

Рис. 2.150. Реконструкции пазырыкского костюма (по материалам раскопок курганов на плато Укок) (по: [Полосьмак, 2001, рис. на с. 137, 143, 157, 180, 185])

В раскопанных курганах в значительном количестве обнаружены предметы быта, украшения, орудия труда и многое другое. Отмечается такая особенность. В погребения мужчинам клали уменьшенные копии предметов вооружения (кинжалы, чеканы). При доминировании железа их делали из меди или бронзы, а иногда вообще из древесины. Реальные предметы вооружения встречаются редко. Из них необходимо отметить находки такой категории, как щиты (рис. 2.152), которые делали из цельной деревянной заготовки или собирали из специально подготовленных палочек. Указанные изделия декорировались разными способами. Обнаружены остатки луков и горитов (рис. 2.151.-6), металлические и костяные наконечники стрел. Выявленный комплекс вооружения, включая случайные находки, позволяет реконструировать воен-

ное дело «пазырыкцев». Основу войска могли составлять всадники, снабженные полным или частичным комплектом вооружения (лук со стрелами, чекан, кинжал, щит и др.).

Особое разнообразие демонстрирует пазырыкская посуда (рис. 2.153), которая изготавливалась из глины, кожи, рога и древесины. Часть керамических емкостей украшалась расписным орнаментом. В одном из курганов была обнаружена каменная курильница, на которой сохранились плоды кориандра. Такие предметы, более широко распространенные в степных культурах, служили для ритуальных практик во время реализации погребального обряда.

Отдельную массовую категорию предметов материальной культуры «пазырыкцев» представляют металлические зеркала (рис. 2.154). Аналогичные изделия были известны в более глубокой древности. В скифо-сакское время они стали широко использоваться в кочевых обществах. В ходе освоения цветных металлов было замечено такое их физическое свойство, как блеск, что обусловлено особенностями структуры металлической решетки. Однако изготовленные зеркала имели один существенный недостаток: естественная окраска меди или бронзы искажала цвет отражаемого объекта [Тишкин, Серегин, 2011, с. 3–4]. Пазырыкские зеркала носились в специальных сумочках или футлярах. Выявлены так называемые импортные изделия. Исследователи отмечают существенный арсенал всевозможных украшений, которые использовали и женщины, и мужчины. Отметим серьги, изготовленные из меди, бронзы, серебра и золота. У некоторых были подвески. Обнаружены различные бляхи и гривны. Многие изготавливались из древесины и были настоящими произведениями искусства. В качестве их обкладки использовалась золотая или оловянная фольга. Зафиксированы каменные и стеклянные бусы.

Рис. 2.151. Реконструкции конской амуниции
и пазырыкских всадников, украшения узды
(по: [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, рис. на обложке; Полосьмак, 2001, рис. 54.-*а*; 55; 57; 58, на с. 183])

Многие изделия, найденные в памятниках пазырыкской культуры, связаны с хозяйственной деятельностью, домашним и ремесленным производством. Деревянные находки, обнаруженные в замерзших могилах, а также погребальные срубы, колоды и другие сооружения позволили подробно представить направление постоянных занятий «пазырыкцев» в сфере деревообработки, выявить традиции и даже отдельных мастеров [Мыльников, 1999; 2011; и др.]. Несомненно, что основную роль в системе жизнеобеспечения играли пища и способы ее приготовления. В данной области еще предстоит провести более детальные исследования. Однако совершенно понятно, что керамическая посуда выполняла важную функцию. Производство ее также имело место. Хотя не исключено, что часть таких емкостей «пазырыкцы» получали в ходе обменных контактов. Рудная база Алтая позволяла наладить бронзолитейное и железоделательное производство. Можно обозначить и другие виды деятельности, связанные с переработкой продуктов животноводства (обработка кож, изготовление войлока, ткачество, косторезное дело и др.).

Пазырыкское искусство не раз становилось предметом изучения. Сделанные наблюдения и выводы позволяют указать на близость его с переднеазиатскими произведениями, а также с таким явлением, как скифо-сибирский звериный стиль. В этом плане нужно отметить, что искусство играло не только декоративно-прикладную роль, но еще являлось специфическим языком общения как внутри общества, так и за его пределами. Детальная расшифровка такой «письменности» является делом будущего. Она отражена не только в резьбе по дереву и при использовании разных материалов, но и в виде татуировок на теле мужчин и женщин (рис. 2.155).

Рис. 2.152. Щиты из курганов пазырыкской культуры Алтая, хранящиеся в Государственном Эрмитаже: *1–2* – курган №1 памятника Туэкта; *3–4* –курган №1 памятника Пазырык. *Фотоснимки автора*

В настоящее время проведена большая работа для осуществления реконструкции социальной структуры пазырыкского общества [Тишкин, Дашковский, 2003]. Имеющиеся фактические данные и приведенные характеристики позволяют рассматривать процесс формирования у «пазырыкцев» Алтая одной из ранних форм политического образования государственного уровня. Среди многообразия признаков государственности, в том числе применительно к кочевым социумам, оценивались следующие показатели: территориальное деление, численность и плотность населения, хозяйственно-культурные типы, ре-

месленная деятельность, наличие крупных центров консолидации населения (у кочевников отдельные районы), социальная стратификация, включая аппарат управления, налогообложение, внешнеполитические контакты, знаково-коммуникативная система (или письменность), система мировоззрений, положение женщин, наличие монументальной архитектуры и др. [Тишкин, Дашковский, 2005].

Отдельное внимание исследователи уделили реконструкции мировоззрения «пазырыкцев» [Полосьмак, 2001; Тишкин, Дашковский, 2003]. Данная тема требует продолжения. Мир представлений ранних кочевников еще до конца не раскрыт, хотя отмечен целый ряд важных наблюдений.

Кроме погребально-поминальных пазырыкских комплексов, выявлены поселения, характерные для скотоводческих и оседлых групп населения [Шульга, 2015]. К сожалению, изученность данного вида археологических памятников оставляет желать лучшего. Однако полученные материалы существенно дополняют сведения

Рис. 2.153. Керамическая посуда (1–6, 9–24), деревянная кружка (7), каменная курильница с плодами кориандра (8) (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011, рис. 10; 16; Полосьмак, 2001, рис. 48, 134])

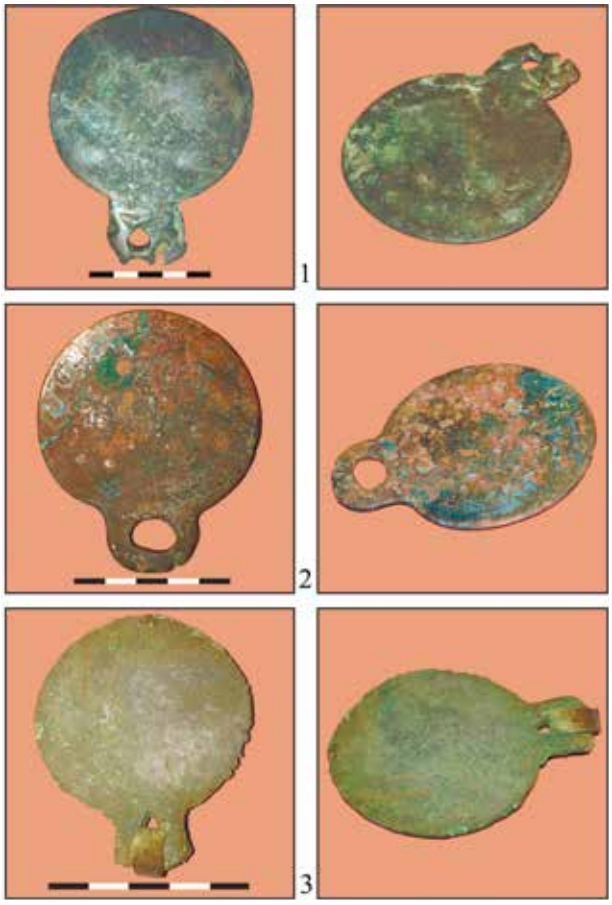

Рис. 2.154. Тыткескень-VI. Металлические зеркала (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011, рис. 12])

Рис. 2.155. Ак-Алаха-3. Татуировка на плече женщины (по: [Полосьмак, 2001, рис. 152])

о сформированной тогда системе жизнеобеспечения. Существует необходимость проведения на Алтае раскопок поселений пазырыкского времени. Важное значение для реконструкции рассматриваемого периода имеют многообразные изобразительные источники, в том числе образцы наскального искусства.

Ушедший XX в. можно рассматривать как время наиболее интенсивного археологического изучения пазырыкской культуры. За это время открыто и исследовано значительное число различных археологических памятников. Всемирно известными стали результаты раскопок знаменитых курганов в урочище Пазырык, исследования «замерших» и других могил на плато Укок, а также множества погребально-поминальных комплексов в разных районах Алтая.

История изучения основных аспектов скифо-сакского времени показала, что изменение научных представлений о культуре животноводов-кочевников рассматриваемого региона происходило под влиянием нескольких факторов. Исследование указанной проблематики было объективно обусловлено процессом накопления фактического материала, первичной его обработкой и систематизацией. Интерпретация полученных результатов и конкретные исторические реконструкции хозяйства, быта, религии, мировоззрения и социальной структуры номадов оказались сопряжены с особенностями развития самой археологической науки. На современном этапе значи-

тельную роль играет внедрение новых методов изучения материалов, полученных при археологических раскопках (молекулярно-генетический, радиоуглеродный, дендрохронологический и др.). Объективная информация позволит продолжить раскрытие тайн пазырыкской культуры, которая играла значительную роль в Центрально-Азиатском регионе, оказывая влияние на своих соседей (рис. 2.156).

Рис. 2.156. Этнокультурная ситуация и ареал распространения памятников пазырыкской культуры в IV в. до н.э. Карта-схема

В настоящее время по-прежнему актуальным является введение в научный оборот имеющихся археологических свидетельств, полученных на Алтае при исследовании разных объектов скифо-сакского времени. Необходимо их современное изучение. Еще предстоит сделать важные обобщения накапливаемых объективных результатов. Раскопки отдельных пазырыкских курганов пока систематически осуществляются на памятниках Северного и Северо-Западного Алтая, а также на территории горной части Восточного Казахстана и на севере Монгольского Алтая. Все вышесказанное определяет хорошие перспективы дальнейшего углубленного изучения пазырыкского феномена.

А.А. Тишкин

КАМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

В лесостепной зоне Алтая, начиная с заключительной стадии периода поздней бронзы, проживали социумы, которые стали переходить к кочевому типу животноводческого хозяйства. Кроме этого, волны мигрантов на протяжении 1-й половины I тыс. до н.э. привели к серьезным изменениям этнокультурной ситуации. Это способствовало формированию в конце VI – V в. до н.э. культуры, которая была обозначена известными археологами А.П. Уманским и В.А. Могильниковым как *каменская* по названию исследованного памятника Камень-II у Камня-на-Оби.

В VIII–VI вв. до н.э. в рассматриваемый регион проникали носители майэмирской (майемерской) и тасмолинской культур. Памятники, оставленные ранними кочевниками указанного хронологического отрезка, выявлены пока в небольшом количестве. Несколько могильников и единичных погребений аржано-майэмирского времени раскопано на территории юго-западных районов Алтайского края. В Кулунде их известно еще меньше. Там они представлены отдельными захоронениями, временными стоянками, случайными находками предметов вооружения и конской амуниции (рис. 2.157).

Рис. 2.157. Находки бронзовых предметов «скифской триады» (оружие, детали конского снаряжения и изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле) из разных мест Алтайского края: *1* – Завьяловский район (по: [Иванов, 2005, рис. 1]; ЗИКМ ОФ:132). *Фотоснимок А.Б. Шамшина*; *2* – с. Петухи, Ключевской район (по: [Иванов, 2005, рис. 1]); *3* – поселение Белое-III (МАЭА ОФ: 72/112). *Фотоснимок Я.В. Фролова*; *4–7* – могильник Рублево-VIII (по: [Фролов, Папин, 2004, рис. 2.-*1*]); *8* – поселение и могильник Урлапово (АГКМ ОФ: 12470/2). *Рисунки А.Л. Кунгурова*; *9* – бывшая д. Быкова, Павловский район (АГКМ ОФ: 14). *Рисунки А.Л. Кунгурова*; *10* – с. Урлапово, Алейский район (по: [Кирюшин, Иванов, 1996, рис. 3])

Небольшое количество имеющихся материалов объясняется тем, что в тот период юг Обь-Иртышского междуречья только начинал осваиваться кочевыми группами. При этом продолжала складываться система жизнеобеспечения, связанная с сезонными перекочевками, где ведущую роль играло круглогодичное содержание животных на подножном корму. Развитие данного типа хозяйства зависело от природно-климатических условий и прежде всего от величины снежного покрова в холодный период. Животноводы аржано-майэмирского времени выбирали такие пастбища, где их стада могли зимой сами добывать себе корм. Система перекочевок заключалась в том, что летом номады обитали со своими стадами в лесостепной зоне Алтая, а зимой перемещались в ближайшие степные районы (Кулунда, Восточный Казахстан и др.).

Время с IX по VII в. до н.э. характеризуется существенными колебаниями климата на территории Западной Сибири. Относительно теплый и более засушливый период во II тыс. до н.э. стал в конце эпохи бронзы меняться. Отмечены резкие скачки увлажнений и похолоданий. Кочевое хозяйство чутко реагировало на такую нестабильность, особенно в зимних условиях. При резком увлажнении и похолодании выпадало много снега и образовывался наст, что делало районы Обь-Иртышского междуречья неблагоприятными для ведения животноводства с содержанием стад на подножном корму. Существовал риск для населения этой территории в снежные и холодные зимы потерять весь скот. Поэтому неблагоприятная погодная обстановка в аржано-майэмирское время в Лесостепном Алтае не позволила сформироваться крупным кочевым объединениям.

На нестабильность культурного развития влияли и протекавшие в зоне евразийского пояса степей многочисленные миграции, связанные как с колебаниями климата, так и с военно-политическими событиями. О возросшей активности населения свидетельствует интенсивность военных конфликтов с участием кочевников в Центральной и Передней Азии.

По-иному протекали в аржано-майэмирское время этнокультурные процессы на территории Верхнего Приобья, северных предгорий Алтая и Присалаирья. В этих районах происходили контакты кочевников казахстанских степей и Горного Алтая с населением, проживавшим в долине Оби с конца бронзового века, и этническими группами из южно-таежной зоны Западной Сибири. Они находились на разных стадиях экономического и культурного развития. В степной зоне обитали объединения номадов скифо-сакского мира. У них уже широко были распространены железные изделия. Население же приобской зоны Алтая (большереченская культура) жило оседло и вело комплексное хозяйство. В основе их хозяйства было скотоводство, дополняемое охотой и рыболовством, собирательством и в небольшой степени мотыжным земледелием. «Большереченцы» пользовались в основном бронзовыми орудиями, железные предметы встречены в единичных случаях. Контакты большереченского населения с кочевыми раннесакскими группами фиксируются по археологическим материалам. На поселениях и в захоронениях встречены находки характерных предметов вооружения. Особенно широко распространены бронзовые наконечники стрел.

В IX–VII вв. до н.э. в Верхнем Приобье и Бийско-Катунском междуречье повсеместно стали возводиться укрепленные поселения (городища). Практически все они сейчас имеют следы земляного вала и рва. На многих из этих памятников зафиксированы следы пожаров: сгоревшие и разрушенные жилища, в которых найдено

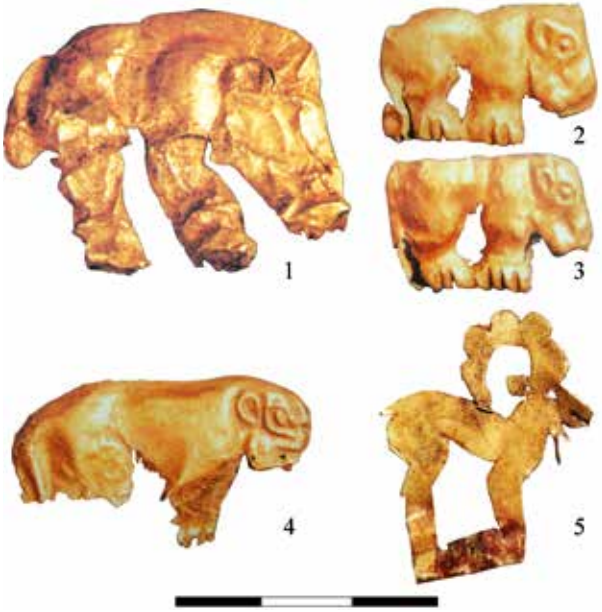

Рис. 2.158. Обкладки и аппликации из золотой фольги: *1–4* – Ключи-III (по: [Алтай в зеркале веков…, 2001, фото на с. 49]); *5* – Шелаболиха-III (МАЭА ОФ: 153/3). *Фотоснимок А.В. Мосина*

Рис. 2.159. Бронзовый котел из с. Серебренниково (Алейский район) (АГКМ ОФ: 12602/1). *Фотоснимок С.В. Семенова*

много археологических материалов, в том числе указанные наконечники стрел и снаряды для пращи. В большереченских могильниках нередки находки погребений убитых людей. Все это указывает на военные конфликты. Не исключено, что прекращение существования населения, проживавшего на территории Верхнего Приобья с конца бронзового века (большереченская культура), могло быть связано с каким-то единовременным крупным набегом кочевников.

Следующая существенная волна миграций произошла в VI в. до н.э. Кочевые объединения заняли территорию Лесостепного Алтая на обском левобережье. О размерах и силе новых групп номадов указывает наличие «княжеских» курганов. Такие некрополи в Кулунде, как Ключи-III и Нижний Кучук-I, где раскопаны курганы диаметром 30–50 м и высотой до 3 м, демонстрируют сходство с погребальными комплексами саков Казахстана. Крупные курганы, датирующиеся началом скифо-сакского периода, имеются и на Приобском плато. На могильниках Кучук-I и Шелаболиха-III изучены одиночные захоронения под большими земляными насыпями. В указанных объектах обнаружены характерные находки из золотой фольги (рис. 2.158).

В целом, памятников начала скифо-сакского времени в Кулунде и на обском левобережье раскопано немного. Кроме погребений знати, там обнаружены и захоронения ря-

довых кочевников. Хотя наличие множества случайных находок предметов вооружения, конского снаряжения, бронзовых котлов и сотен курганов на этой территории, которые еще не изучены археологами, позволяет сделать предположения о проживании многочисленных групп кочевого населения на юге Обь-Иртышского междуречья уже в самом конце VII и в VI в. до н.э. (рис. 2.159–2.162).

Так же, как и в предшествующий период, зимними пастбищами для кочевников служили степные районы Восточного Казахстана и Кулунды, а летом животноводы со своими стадами продвигались в лесостепную зону Алтая, вплоть до Оби. Начиная с конца VI в. до н.э. рассматриваемый регион заселила новая многочисленная группа кочевников. Данная миграция серьезно изменила культурный облик населения всей зоны юга Обь-Иртышья. Именно в то время стала формироваться *каменская культура*, просуществовавшая на территории Лесостепного Алтая около 500 лет (с конца VI в. до н.э. до рубежа эр).

Новое население в культурном отношении было близким кочевникам из степей Казахстана. С появлением «каменцев» в Лесостепном Алтае в V–III вв. до н.э. наступил период стабилизации в жизни людей. Курганные некрополи указанного времени являются самыми многочисленными памятниками древности на территории юга Обь-Иртышского междуречья. Это свидетельствует о большой численности сформировавшегося объединения. В Лесостепном Алтае произошел своеобразный демографический взрыв. Благоприятные природно-климатические условия позволили развиваться кочевому животноводству, обеспечивавшему стабильное развитие каменской культуры. Появившись в Лесостепном Алтае в конце VI в. до н.э., новое население, относящееся к скифо-сакскому кругу, подчинило и включило в свой состав проживавших на этой территории номадов, а также группы приобской зоны. В IV–III вв. до н.э. наблюдается постепенное растворение носителей староалейской культуры в каменской среде.

В период своего расцвета каменская культура занимала большую территорию юга Обь-Иртышского междуречья (рис. 2.123). На западе в Павлодарском Прииртышье «каменцы» взаимодействовали с саками Казахстана (тасмолинская общность), на северо-западе (в Барабе) – с населением, оставившим памятники саргатской культуры. На юге и юго-востоке прослеживается четкая граница между каменской и пазырыкской культурами. На востоке формировались отноше-

Рис. 2.160. Бронзовые изделия, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля: *1* – Новообинский комплекс (АГКМ ОФ: 13093а/19). *Фотоснимок С.В. Семенова*; *2* – могильник Завьялово-4 (по: [Фролов, 2013, рис. 6.-*5*]); *3* – с. Завьялово (экспозиция ЗИКМ). *Фотоснимок А.Б. Шамшина*

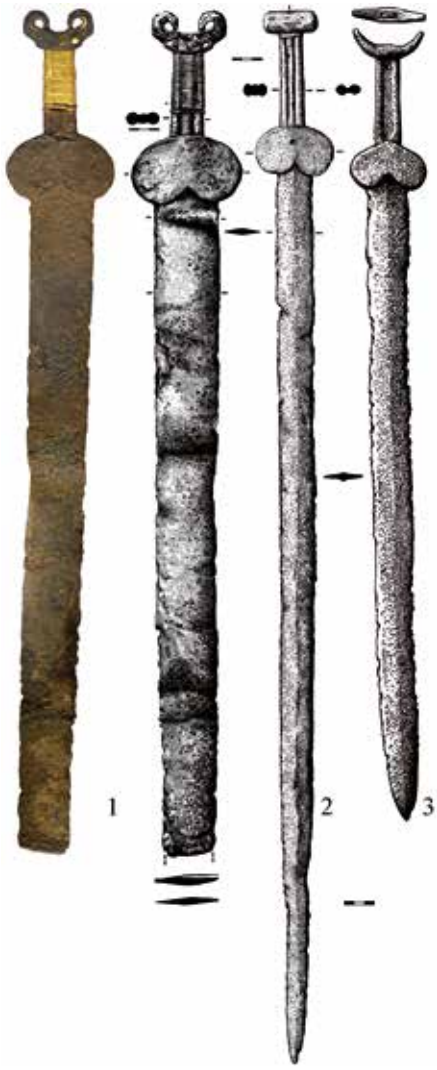

Рис. 2.161. Железные мечи:
1 – с. Ключи, Тюменцевский район;
2 – Новообинский комплекс;
3 – с. Горьковское, Шипуновский район (по: [Фролов, 2016, рис. 1])

ния с быстрянским населением. Каменскую общность от тагарской отделял Салаирский кряж с непроходимой тайгой. Памятники каменской культуры распространены по всей территории Верхнего Приобья. На севере они известны вблизи подтаежной зоны и выявлены на правобережье Оби вплоть до Присалаирья (по бассейнам Ини и Чумыша). На юге встречаются до северо-западных предгорий Алтая.

Выделяется время формирования культуры (конец VI – V в. до н.э.), период стабилизации (конец V – III в. до н.э.) и поздний этап трансформации (II в. до н.э. – начало I в. н.э.).

Наиболее хорошо изучены каменские могильники. Гораздо хуже исследовались поселения. Огромные курганные поля каменской культуры разбросаны по всей территории Алтайского края. Встречаются как довольно большие курганные насыпи (до 40–50 м в диаметре и высотой до 3–4 м), так и меньших размеров (в среднем 10–15 м в диаметре и высотой 0,5–1 м). В отдельных случаях в степной зоне обнаружены и грандиозные комплексы – диаметром свыше 100 м и высотой до 7 м. Параметры курганных насыпей указывают на социальное неравенство в каменском обществе. Выделяются группы «царских» курганов, в которых захоронены правители кочевого объединения «каменцев». Имеются погребения представителей знати и их родственников. Наибольшее количество могил принадлежит рядовым кочевникам. В своей основе каменское население было европеоидным. Но в то же время отмечаются и отдельные монголоидные компоненты.

В V–III вв. до н.э. распространился своеобразный погребальный обряд населения каменской культуры. Широко устраивались многомогильные курганы-усыпальницы семейных и родовых групп. На ограниченном кольцевым ровиком сакральном пространстве совершалось несколько захоронений. Они размещались вокруг центрального погребения (рис. 2.163). Под одной насыпью исследователи фиксировали до 30 могил. При сооружении кургана на погребальной площадке после совершения первых захоронений над ними долгое время не возводилась насыпь. Только после некоторого срока, возможно с появлением могил людей какого-то определенного социального ранга, сооружался курган, т.е. возводилась земляная насыпь.

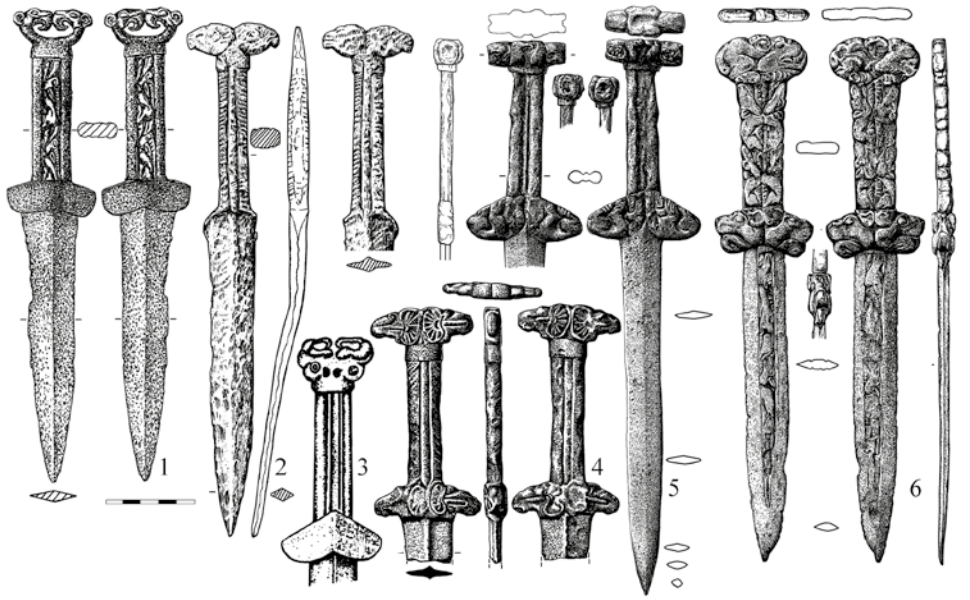

Рис. 2.162. Железные кинжалы, оформленные в традициях скифо-сибирского звериного стиля: *1* – с. Рогозиха, Павловский район; *2* – с. Шадрино, Калманский район; *3* – Барнаульский округ; *4* – пос. Укладочный, Первомайский район; *5* – с. Кочки, Родинский район; *6* – Мамонтовский район (по: [Фролов, Тишкин, Иванов, 2017, рис. 1, 2])

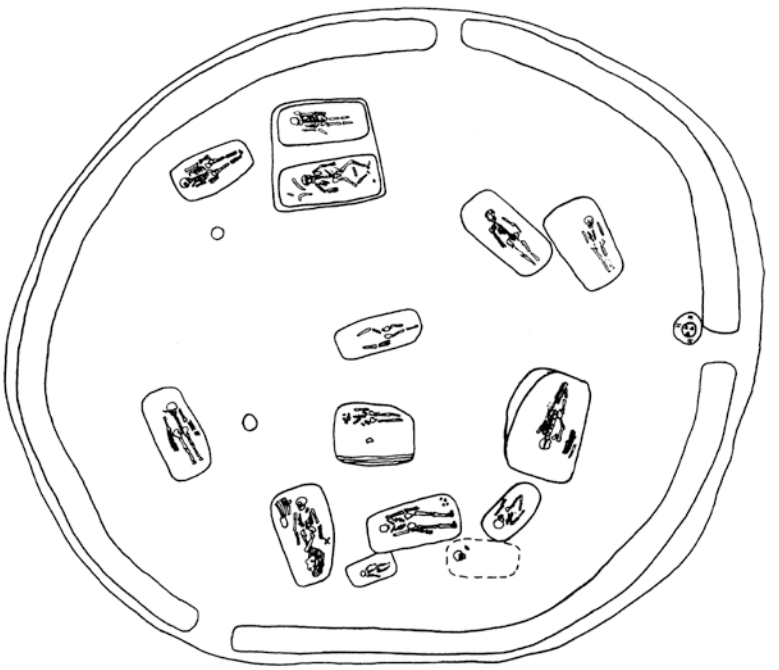

Рис. 2.163. План кургана №8 могильника Кирилловка-III (по: [Могильников, 1997, рис. 6])

В каменских погребальных камерах обычно устраивались одиночные захоронения, реже – парные, где были погребены мужчина и женщина или взрослый и ребенок. Умерший человек укладывался вытянуто на спину. Погребальная камера представляла собой обычно яму с обкладкой-рамой из досок или сруб в несколько венцов бревен (рис. 2.164). Сверху она имела деревянное перекрытие.

В погребении присутствовала заупокойная мясная пища, располагавшаяся на деревянном блюде. Рядом помещали железный нож. В каменских могилах находят кости овцы, реже лошади или крупного рогатого скота. Часто умерших людей сопровождала керамическая посуда. Для погребальной практики «каменцев» характерно использование кувшиновидных сосудов, реже – небольших закрытых банок. Орнамент на посуде представлен рядами ямочных вдавлений или «елочки» (рис. 2.165).

По набору погребального инвентаря выделяются могилы мужчин и женщин. В погребениях женщин встречаются украшения. Достаточно часто представлены серьги и ожерелья из разноцветных стеклянных, костяных и каменных бусин. В могилах взрослых женщин находят шпильки – заколки для волос, укреплявшие высокую прическу. Иногда женщину в захоронении сопровождает пряслице (грузик-утяжелитель для веретена). Реже встречаются находки зеркал и каменных алтарей-«курильниц» (рис. 2.165.-*13–14*; 2.166–2.167). Очень специфичны находки

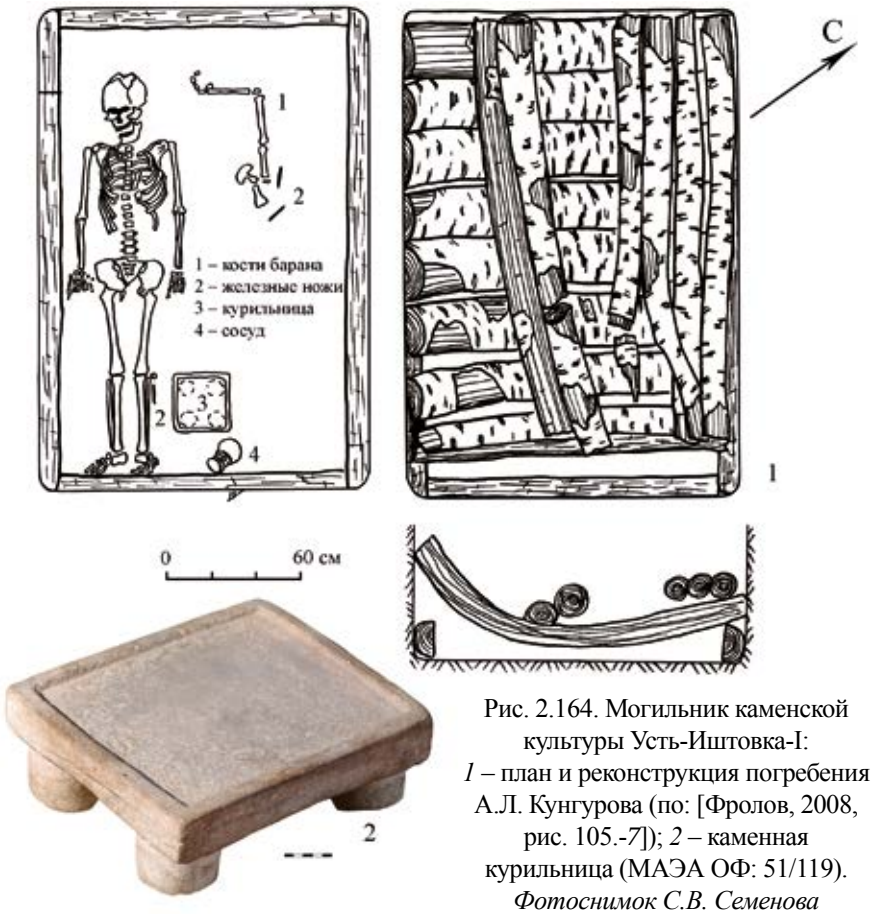

Рис. 2.164. Могильник каменской культуры Усть-Иштовка-I:
1 – план и реконструкция погребения А.Л. Кунгурова (по: [Фролов, 2008, рис. 105.-*7*]); *2* – каменная курильница (МАЭА ОФ: 51/119).
Фотоснимок С.В. Семенова

зеркал-погремушек, сделанных из двух бронзовых дисков, внутри которых размещались металлические шумящие элементы. Изображения на этих зеркалах ритуальных сцен, в которых участвуют женщины, свидетельствуют, что подобные изделия могли являться атрибутами жриц и относиться к предметам «импорта». На зеркале из могильника Рогозиха-I можно увидеть изображения слонов (рис. 2.167.-*1*).

В мужских захоронениях обнаружены детали поясной гарнитуры (пряжки, бляхи-накладки) и предметы вооружения (рис. 2.168–2.169). Наиболее распространенными находками вооружения являются наконечники стрел, реже встречены кинжалы и чеканы (клевцы). Замечено, что находок вооружения в каменских захоронениях достаточно мало. Это могло быть связано с особой погребальной традицией или слабой «милитаризацией» общества Лесостепного Алтая в скифо-сакское время. Для периода V–III вв. до н.э. на данной территории не обнаружены городища. Все это позволяет сделать вывод об отсутствии военной опасности и о мирной обстановке.

В подавляющем большинстве под насыпями курганов располагается несколько погребений рядовых кочевников. В таких некрополях выделяются центральные могилы с большими, чем у рядовых погребений, размерами и разнообразным инвентарем. По всей видимости, это захоронения родовой верхушки каменского общества. В некоторых погребениях IV–III вв. до н.э. обнаружено довольно много золотых изделий (в основном украшений). Но такие могилы не выделялись ни параметрами, ни особым положением.

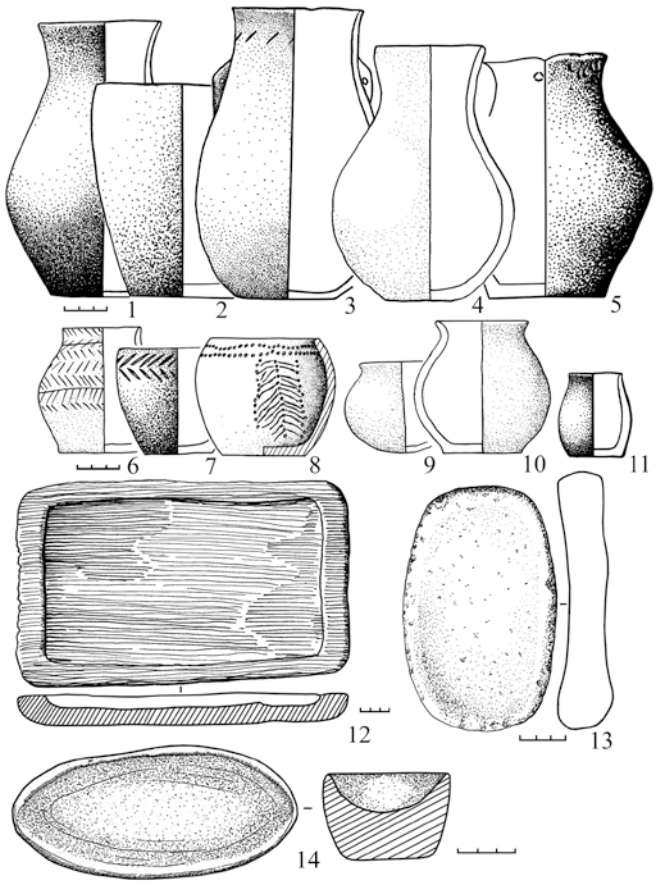

Рис. 2.165. Инвентарь из погребений: *1–11* – керамические сосуды; *12* – деревянное блюдо; *13–14* – каменные курильницы (по: [Кирюшин, Фролов, 2000, рис. 3])

В настоящее время в Алтайском крае выявлено больше сотни могильников, в составе которых имеются «элитные» или «элитарные» курганы. Выделяются и особо крупные «царские» комплексы. Например, раскопанный курган №1 могильника Бугры (Рубцовский район) был диаметром 115 м (рис. 2.179.-*1*). На этом памятнике имеются и другие подобные объекты (рис. 2.170.-*2*). Крупный

курган зафиксирован на могильнике Пятков Лог-1 (Волчихинский район). Его диаметр – 111 м. В Мамонтовском районе есть и более крупные погребальные сооружения верхушки кочевого общества. Для сооружения таких объектов требовались значительные трудозатраты большого коллектива. Иногда такие курганные некрополи образно называют «пирамидами» степей. Отмечено, что насыпям курганов их строители придавали различную, в том числе и пирамидальную, форму. Например, в исследованном кургане №1 могильника Михайловский-VI, имевшем диаметр 50 м, зафиксирована бревенчатая шатровая конструкция.

Помимо того, что такие некрополи «элиты» обладают впечатляющим внешним видом, огромное значение имеют факты обнаружения в них многочисленных древних артефактов. Погребения «царей» скифо-сакского времени ранее содержали уникальные богатства, которые в подавляющем количестве случаев не дошли до ученых-археологов. Это связано с тем, что большинство могил, находящихся под величественными курганными насыпями, практически полностью разграблены. Опустошали могилы в древности и в более позднее время. Особенно активно разрушались древние захоронения в XVIII в. русскими старателями-«бугровщиками».

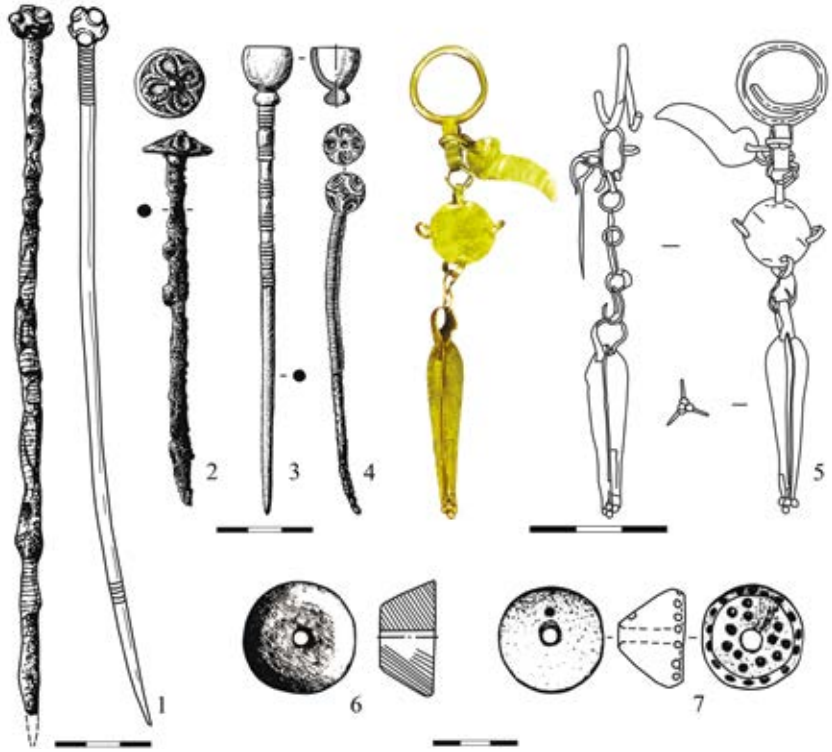

Рис. 2.166. Предметы из женских погребений разных памятников каменской культуры: *1* – Елунинский курганный могильник-I (по: [Кирюшин, Фролов, 2000, рис. 2.-*11*]); *2* – Новоалтайский могильник (по: [Фролов, 2008, рис. 140-*1*]); *3–4* – Новотроицкое-1 (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 123.-*6, 7*]); *5* – Елунинский курганный могильник-II (по: [Кирюшин, Фролов, 2000, рис. 1.-*2*]); *6–7* – Новотроицкое-2 (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 128.-*27, 28*])

О богатстве захоронений древних кочевников свидетельствует собрание золотых изделий «Сибирская коллекция Петра I», хранящаяся в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Она была сформирована из находок в степных районах Обь-Иртышского междуречья в начале XVIII в. – в период активной деятельности артелей, грабивших курганы на присоединенных к России территориях.

Курганы, в которых были обнаружены богатые находки, «бугровщики» называли «золотарями», а некрополи, где таких находок не было, – «злыдарями». Есть курган, который местные жители именуют «Пудовик». Происхождение этого обозначения объясняется тем, что при ограблении некрополя было добыто более 16 кг изделий из золота. Археологи же после раскопок курганов, ограбленных несколько раз, находят отдельные предметы, среди которых попадаются и уникальные изделия. Так, в полностью разграбленном кургане уже упомянутого могильника Михайловский-VI грабители потеряли навершие золотой гривны, выполненное в форме головы львиноголового грифона. Эта находка имеет аналогии в упомянутой «Сибирской коллекции Петра I» (рис. 2.171).

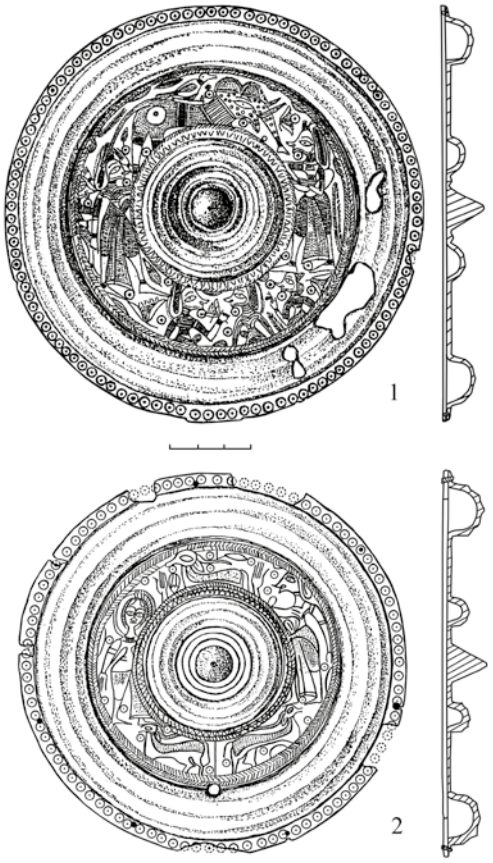

Рис. 2.167. Бронзовые зеркала-погремушки: *1* – Рогозиха-I (по: [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 12]); *2* – Локоть-4а (по: [Шульга, 2003, рис. 9])

Очень важные материалы получены в ходе многолетней работы археологов Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа на курганном могильнике Бугры (Рубцов-

Рис. 2.168. Бронзовые детали поясов: *1–2* –Новоалтайский могильник (АГКМ ОФ: 13471/1, 2); *3* – Бердск (АГКМ, б/н). *Фотоснимки С.В. Семенова*

Рис. 2.169. Железный меч (с. Ключи, Топчихинский район; АГКМ ОФ: 11885). *Фотоснимки С.В. Семенова*

ский район). В результате раскопок двух «царских» курганов на этом некрополе были получены уникальные артефакты из золота, серебра и древесины, в том числе предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 2.172). Среди находок из этого памятника значимыми являются мумифицированные останки человека, деревянные фигурки кошачьих хищников и воинов в доспехах, фрагменты одежды, различные украшения из тонкой золотой фольги и многое другое (рис. 2.173–2.175).

Очень редко исследователям попадаются неразграбленные «элитные» захоронения. Так, уникальная могила «золотого человека» была обнаружена в Локтевском районе Алтайского края, в некрополе Локоть-4а. В погребении мужчины-воина найдено множество предметов из золота (около двух тысяч изделий). Вся одежда была обшита бляхами из золотой фольги (рис. 2.176). Высокий головной убор украшен вырезанными из такой же фольги различными фигурами, в том числе и изображениями животных. Большинство изделий на костюме «золотого человека» сделано на деревянной или кожаной основе, обложенной золотой фольгой. Это придавало объем таким предметам и создавало впечатление, что они цельнолитые. Именно поэтому древнеримские авторы писали о «фальшивой роскоши» кочевых племен, населявших степи Евразии в период раннего железа.

Рис. 2.170. Курганы №1 и 2 на памятнике Бугры. *Фотоснимки А.А. Тишкина*

Яркими находками из захоронений каменской культуры являются предметы, украшенные изображениями, которые выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Встречаются уникальные произведения искусства, которые могут по своей художественной выразительности соперничать с произведениями современных художников (рис. 2.177).

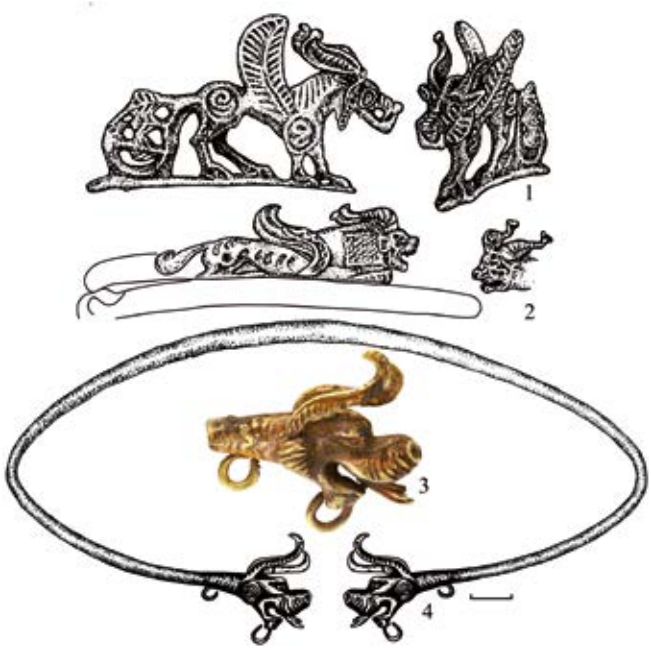

Рис. 2.171. Золотые гривны: *1–2* – Сибирская коллекция Петра I (ГЭ); *3–4* – навершие и реконструкция гривны из могильника Михайловский-VI (по: [Фролов, Чекрыжова, 1999, рис. 2.-*1, 2*; 4.-*3*]; МАЭА ОФ: 25/3). *Фотоснимок С.В. Семенова*

О хозяйстве населения Лесостепного Алтая скифо-сакского времени свидетельствуют материалы поселений. Известные крупные поселенческие комплексы каменской культуры представляют собой в большинстве случаев временные стоянки животноводов, которые концентрировались вдоль берега Оби, обычно в приустьевых зонах логов. Такие памятники, располагавшиеся по кромке надпойменных речных террас и по площади достигавшие нескольких гектаров, представляли собой летние стоянки. Фиксируют их в тех местах, где удобнее всего можно было содержать скот, были хорошие подходы к водопоям и заливным лугам. Основными находками на подобных поселениях являются обломки глиняных сосудов (рис. 2.178).

В свою очередь, многочисленные стоянки кочевников каменской культуры вдоль ленточных боров демонстрируют наличие зимних пастбищ. Основой хозяйства населения каменской культуры было кочевое животноводство. В составе стада присутствовали лошадь и овца, а также крупный рогатый скот, большое количество костей которого на поселениях в приобской зоне свидетельствует о том, что в лесостепных районах часть кочевых групп постепенно переходила к оседлому образу жизни. Связано это со сложными природными условиями. Кочевники, которые потеряли свои стада в результате природных катаклизмов (засухи летом, образование наста на пастбищах и наводнения весной, обильные снегопады, холода и метели зимой), были вынуждены искать разные источники питания. Процесс адаптации к новой системе жизнеобеспечения был постепенным. Многие кочевнические коллективы довольно долго продолжали придерживаться традиционного хозяйства, но неблагоприятные природные условия приводили к тому, что животноводство деградировало. В изменявшихся условиях многие общины отказывались от передвижений из-за уменьшения поголовья скота. Каменское население было вынуждено недостаток в пищевых ресурсах восполнять с помощью охоты

и собирательства, а также, возможно, перенимать некоторые приемы рыбной ловли и мотыжного земледелия. При всем этом скотоводство продолжало оставаться основным источником получения пищевых продуктов и других ресурсов.

Отдельные группы «каменцев», у которых уменьшилось количество животных, перешли на комплексное ведение хозяйства. Соответственно на поселениях они строили стационарные жилища, представлявшие собой небольшие по размеру прямоугольные постройки полуземляночного типа с коридорообразными выходами.

На многих поселениях скифо-сакского времени Лесостепного Алтая археологи находят следы бронзолитейного производства. В основном переплавлялся металлический лом и изготавливались небольшие предметы (ножи, наконечники

Рис. 2.172. Находки из кургана №4 могильника Бугры (по: [Тишкин, 2012, рис. 3])

стрел, детали поясной гарнитуры и другие изделия). Крупные металлургические центры по использованию имевшихся рудных источников пока на юге Обь-Иртышского междуречья не найдены. Не зафиксированы и следы производства железа. Но многочисленные находки на памятниках и наличие полиметаллических месторождений в северо-западных предгорьях Алтая дают основания предполагать существование производственных центров по металлообработке.

О широком распространении ткачества у «каменцев» свидетельствуют находки пряслиц. Обломки и целые зернотерки указывают на определенную роль собирательства и мотыжного земледелия.

Рис. 2.173. Результаты полевых исследований кургана № 4 памятника Бугры:
1 – магнитограмма; *2* – вид до раскопок; *3* – мумифицированная часть погребенного человека; *4–5* – подземный ход в центральную могилу; *6* – грабительская западина над могилой-1 в центре кургана; *7* – пятно могилы-1 по уровню материка; *8* – камни в могиле-1 на границе с дромосом; *9–10* – погребальная камера могилы-1 (по: [Тишкин, 2012, рис. 2])

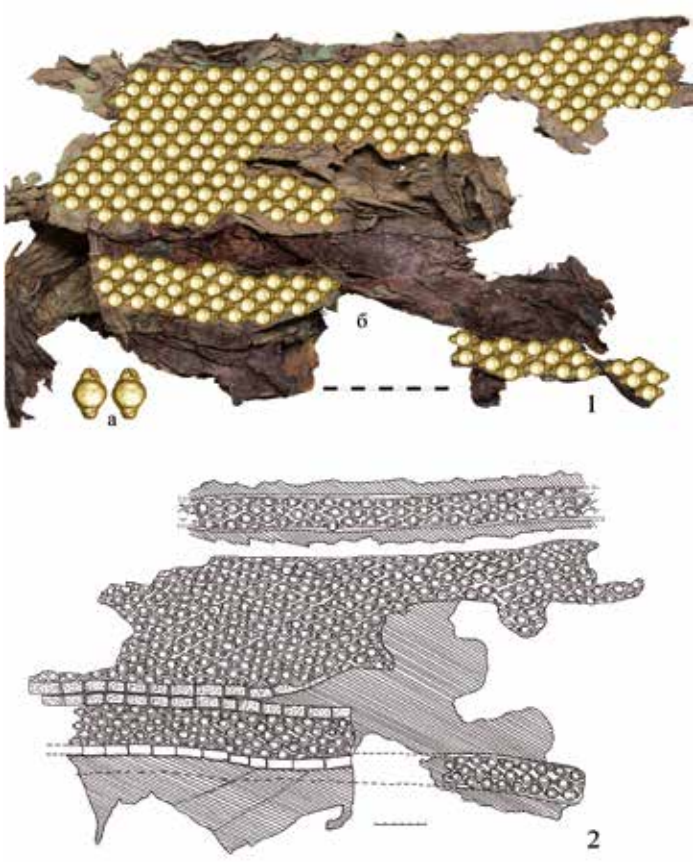

Рис. 2.174. Фрагменты верхней одежды с металлическими нашивками из кургана №4 могильника Бугры. *Фотоснимки и реконструкция А.А. Тишкина, рисунок А.О. Машезерской*

Рис. 2.175. Бугры. Предметы из кургана №1: *1* – деревянная фигурка воина; *2* – серебряная бляха с изображением крыльев и голов грифонов; *3* – золотая нашивка в форме головы человека (по: [Чугунов, 2014, илл. 1, 6, 9])

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что в скифо-сакское время (VI–III вв. до н.э.) на территории Лесостепного Алтая протекали довольно сложные этнокультурные процессы (крупные миграции, смешение разных групп населения). Этот период характеризуется расцветом животноводческой культуры, по своему уровню не уступавшей ни скифам Причерноморья, ни «пазырыкцам» Горного Алтая.

На последней стадии существования каменской культуры наблюдается ее упадок. Это было связано с изменившимися военно-политическими и природно-климатическими условиями, что привело к оттоку части населения с территории Лесостепного Алтая. Коллективы, оставшиеся в Верхнем Приобье, были вынуждены приспосабливаться к новым реалиям. Кризисные явления в системе жизнеобеспечения животноводов отразились на разных сферах деятельности. Это прослеживается по археологическим и антропологическим данным. Отдельными проявлениями обозначенных процессов стали такие показатели: уменьшение продолжительности жизни людей; появление специфичес-

ких заболеваний (например, кариеса, характерного для населения, часто употреблявшего растительную пищу); упрощение погребальной обрядности, связанное с необходимостью снижения трудозатрат на сооружение курганов.

Для последних веков I тыс. до н.э. на всей территории Лесостепного Алтая известны единичные памятники. Погребений каменской культуры, датирующихся II–I вв. до н.э., выявлено меньше в несколько раз по сравнению с предшествующим периодом. В этих захоронениях в значительно большем количестве, чем в предшествующее время, встречаются погребенные люди, погибшие от боевых травм. В курганах фиксируется увеличение числа могил под одной насыпью. Об усилении военной угрозы свидетельствует и появление уже с конца III в. до н.э. укрепленных поселений каменской культуры. На сегодняшний день в Барнаульском и Каменском Приобье известны два крупных городища – Чудацкая Гора и Раздумье. Эти памятники имеют значительную площадь. Они окружены рвами и валами. В материалах данных поселений прослеживается смешение традиций каменского населения и кулайских племен южно-таежных районов Западной Сибири. С III–II вв. до н.э. в ходе процессов взаимодействия каменского и кулайского населения в зоне обского правобережья происходила их активная интеграция. Это отражается в появлении памятников, где наблюдается смешение черт каменской и кулайской культур. Коллективы «каменцев», оседавших на землю, впитывали традиции кулайского населения, связанные первоначально с хозяйственной сферой. В свою очередь, происходили встречные процессы ассимиляции кулайского населения, которое перенимало ряд культурных элементов каменского комплекса традиций.

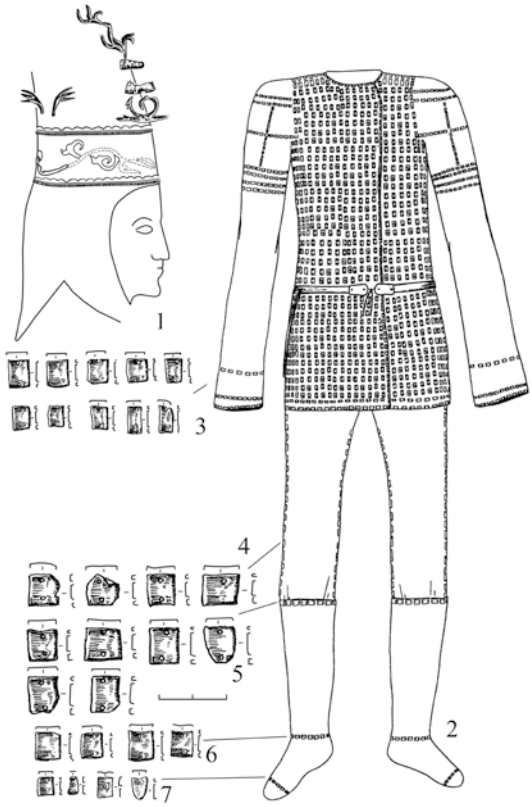

Рис. 2.176. Локоть-4а. Реконструкция костюма «золотого человека» (по: [Шульга, 2003, рис. 36.-*4*; 37])

Рис. 2.177. Изделия из рога: *1* – Гоньба-II (МАЭА ОФ: 235); *2* – Рогозиха-I (МАЭА ОФ: 141/177). *Фотоснимки С.В. Семенова*

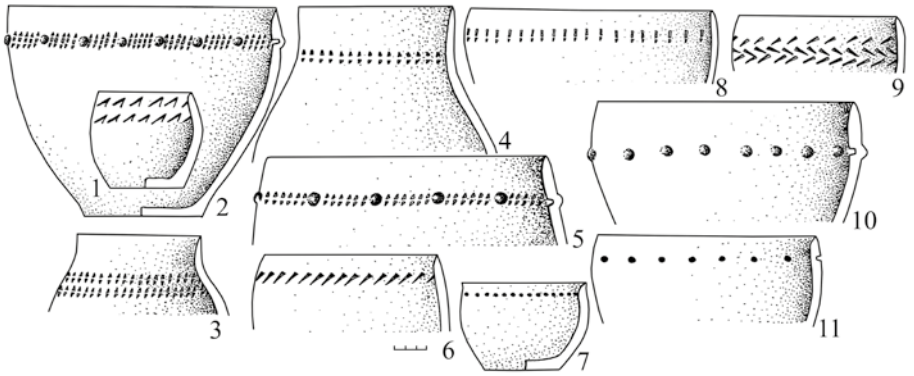

Рис. 2.178. Находки керамической посуды с поселений каменской культуры (по: [Степанова, Фролов, 2015, рис. 2.-*1-11*])

В результате оттока кочевых групп животноводов, с одной стороны, и перехода части населения к оседлому образу жизни в начале I тыс. н.э. – с другой, в Лесостепном Алтае формируются новые культурные образования, связанные с северным лесным кругом населения подтаежной и таежной зоны Западной Сибири.

Я.В. Фролов, А.А. Тишкин

КУЛАЙСКАЯ КУЛЬТУРА

На северных равнинных землях Лесостепного Алтая в I в. до н.э. так же, как и в предгорьях, происходила смена населения. Туда мигрировали племена охотников и рыболовов из западносибирской тайги. Данный процесс был вызван увлажнением климата, начавшимся на рубеже IV–III вв. до н.э., что привело к заболачиванию лесов в таежной зоне Западной Сибири и сокращению пригодного для жизни пространства. Появившееся избыточное население было вынуждено двинуться на юг вслед наступавшему на степь лесу. Это движение началось из Нарымского Приобья. За период III–II вв. до н.э. таежные племена заселили территорию Томского и Новосибирского Приобья, а с рубежа II–I вв. до н.э. началось их массовое проникновение в лесостепные районы Алтая. Аборигены, проживавшие там, были частично уничтожены или ассимилированы.

Таежные племена, переселившиеся на территорию Лесостепного Алтая, отождествляются учеными с этносом самодийцев, а общность, которую они составляли, называется в археологии *кулайская культура*. В пределах рассматриваемого региона памятники данной культуры распространены на правобережье Оби в боровых массивах ее притоков – от Чемровки до Аллака; на Бийско-Чумышской возвышенности и Предсалаирской равнине, а также на левобережье Оби в зоне Приобского плато по ленточным борам – от Касмалы до низовьев Алея, доходя до левого берега Бурлы, т.е. северо-восточной части Кулундинской равнины. Изучены следующие разновидности памятников: поселения, городища, могильники, ритуальные захоронения животных, клад. Первый памятник кулайской культуры на Алтае был открыт в 1916 г. М.Д. Копытовым, а принадлежность к этой культуре памятников из Алтайской лесостепи была обоснована в 1979 г. Т.Н. Троицкой. В настоящее время период их существования определяется с I в. до н.э. до середины IV в. н.э.

Самодийские племена селились по берегам рек и озер, на краю береговых террас, на выступавших в пойму мысах, на останцах коренного берега (елбанах) в пойме. Обязательным условием являлось наличие леса и воды. Поселки были небольшие и насчитывали обычно от двух до шести построек. Часть из них обносилась вокруг овальными в плане рвом и валом. Ров имел ширину 1,5–3 м и глубину 0,3–1,6 м. Интересно, что вал располагался на его внешней стороне. Подобные сооружения не могли успешно служить оборонительным целям и являлись, скорее всего, некой границей населенного пункта, возможно, предохраняющей его от диких животных. Только на одном памятнике встречена более сложная система из внешнего вала, рва и внутреннего вала, зафиксированы остатки частокола и выкладка дна рва досками.

Самодийские поселки включали жилые и хозяйственные сооружения. Жилища имели углубленный в землю на 0,35–0,55 м котлован прямоугольной формы с выходом наподобие короткого коридора. В углу такого помещения, ближе к выходу, располагался очаг в виде ямы, выкопанной в полу на глубину 10–20 см. Он служил в основном для обогрева помещения и разогревания пищи. Изредка встречаются жилища с двумя очагами. Несущая конструкция помещения включала два ряда вертикально вкопанных жердей с развилками, расположенных вдоль одной стены и ближе к середине котлована, на которые крепились продольные и поперечные жерди, образующие каркас крыши. Крыша такого дома была двухскатной, но не симметричной. Ее более короткая часть опиралась на высокую стену, а более длинная шла наклонно до края котлована. Выход оформлялся выступавшим каркасом из жердей. Крыша и стены закрывались вываренными и сшитыми в полосы листами бересты, края которых у земли прижимались дерном (рис. 2.179.-*2–3*). Левая от выхода-входа часть жилища была хозяйственной. Здесь находился очаг, размещались посуда с пищей и орудия труда. Правая часть была жилой. Там, видимо, устраивались лежанки (рис. 2.179.-*2*). Площадь жилища в среднем равнялась 30 кв. м, но встречаются и более крупные строения. Жилища располагались выходом к водоему, противоположной стеной – к лесу (рис. 2.179.-*1*).

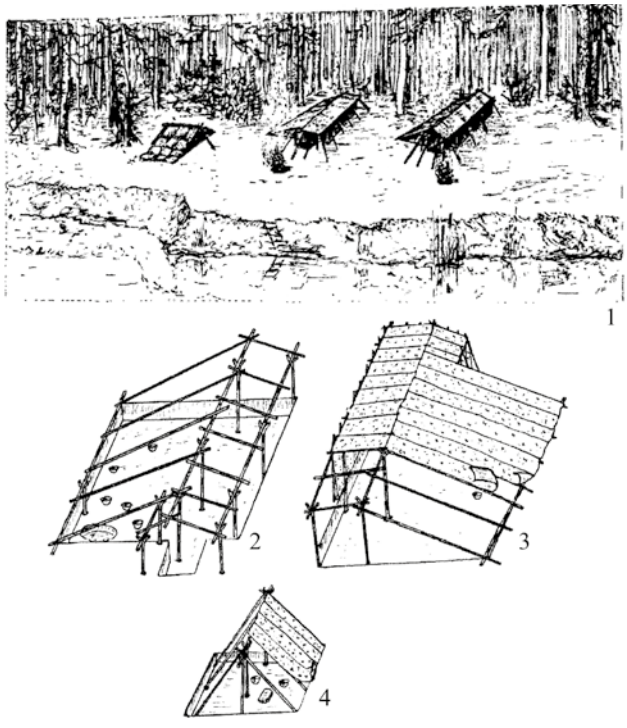

Рис. 2.179. Самодийский поселок, жилая и хозяйственная постройки. Поселение Малый Иткуль-1. III в. н.э. (по: [Абдулганеев, 2001, рис. 4])

Хозяйственные постройки отличаются отсутствием выделенного выхода и очага, а также меньшей площадью – 12–15 кв. м. Их конструкция была проще. Она включала один ряд вертикальных жердей по середине котлована,

на которые равномерно опирался каркас. В этом случае крыша была двухскатной и симметричной (рис. 2.179.-*4*). Встречаются и наземные постройки хозяйственного назначения, основу которых составляли вкопанные столбы. Такие помещения служили для хранения запасов пищи и инвентаря. На свободной от застройки территории поселков выявлены кострища для приготовления еды и хозяйственные ямы. В целом культурный слой самодийских поселений имеет слабую мощность, что указывает на их сезонное использование либо свидетельствует о переработке значительной части продукции за пределами населенных пунктов.

Основу хозяйства самодийских племен изначально составляли охота и рыболовство, к которым позднее добавилось животноводство. Охотились на лося, оленя, косулю, кабана, соболя, барсука, бобра и водоплавающих птиц. Основными орудиями охоты являлись лук и стрелы с крупными костяными наконечниками. Эти наконечники имели черешковый, изредка раздвоенный, насад и четырехгранное перо, часто с приостренными плечиками (рис. 2.180.-*1–8*). Они были особенно эффективны против крупных животных, оставляя широкие и глубокие раны, и долго держались в теле жертвы. Рыболовство носило характер удилищной, о чем свидетельствуют находки железных крючков с одним шипом, и сетевой (обнаружены каменные грузила из плоских галек и плиток) ловли. Для промысла крупной рыбы использовались гарпуны с роговыми наконечниками, имевшими перо с двумя шипами и упор на черешке. Видимо, определенную роль в хозяйстве играло и собирательство растительной пищи, на обработку которой указывают иногда находимые на поселениях каменные зернотерки и куранты. В разведении домашних животных основная роль отводилась коневодству. Лошадь прежде всего использовалась для верховой езды, о чем свидетельствуют находки конского снаряжения и изображения всадников на предметах торевтики. В небольшом числе разводили крупный и мелкий рогатый скот. Для охоты, выпаса скота и охраны жилья держали собак (лайкоидов).

Ремесленные занятия самодийского населения включали деревообработку, камнеобработку, косторезание, ткачество, гончарство, железоделательное и бронзолитейное производства. Вероятно, большая часть продукции изготавливалась на дому, и только металлургия должна была иметь определенную специализацию. Основными орудиями для обработки дерева служили железные тесла с несомкнутой втулкой. Дерево использовали при строительстве жилищ и хозяйственных помещений, для изготовления кибитей луков и древков стрел, рукоятей и ножен, ложек. Помимо древесины, обрабатывалась и берестяная кора, шедшая на покрытие стен и крыш помещений. Камень приме-

Рис. 2.180. Костяные наконечники стрел для охоты. Могильник Обские Плесы-II. III – 1-я половина IV в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 143). *Фотоснимок автора*

няли ограниченно, в основном из него изготавливались зернотерки с курантами, оселки (небольшие бруски для заточки железных лезвий), грузила и бусы. Гораздо шире применялись кость и рог. Из них делали охотничьи наконечники стрел, гарпунов, проколки, ножи для чистки рыбы, панцирные пластины, поясные пряжки, нашивки и накладки на одежду, гребни, косметические лопатки и туалетные футляры. Встречаются ожерелья из рыбьих позвонков. О занятии ткачеством свидетельствуют находки керамических пряслиц и фрагментов ткани. Одежда также шилась из кожи и меха животных. Среди редких материалов стоит упомянуть стекло. Поделки из него представлены бусами белого, золотого и голубого цвета.

Гончарное дело пользовалось у самодийских племен большим вниманием. Посуда лепилась вручную в так называемой жгутовой технике из специально подготовленного глиняного сырья. Еще до обжига на нее механически наносился орнамент из рядов ямок, насечек, волнистых линий, гребенчатого и фигурного (круги, треугольники, зигзаг в виде «Z» или «S», называемый «уточка») штампа, занимавший верхнюю половину сосуда или довольно часто только его горловину. В подавляющем большинстве посуда имела закругленное дно, хорошо подходившее для установки на земляной пол помещения. По форме керамические сосуды делятся на банки (рис. 2.181.-*1, 4, 8*), горшки (рис. 2.181.-*2, 5–7*) и бокалы (рис. 2.181.-*3*). Первые два типа большего объема предназначались для хранения и приготовления пищи, а меньшего – для ее употребления. Последний тип, видимо, служил для питья.

Находки на самодийских памятниках свидетельствуют о широком применении металлических изделий. Железная продукция представлена теслами, ножами, рыболовными крючками, боевыми наконечниками стрел, панцирными пластинами и кольцами кольчуги, обкладками ножен, удилами, котлом, поясными пряжками и застежками, распределителями ремней. Еще более разнообразны изделия из меди и бронзы: боевые топоры-кельты, наконечники стрел, полуфутляры на ножны, пряжки, застежки, бляхи-накладки, обоймы, подвески, пронизи, нашивки, серьги и предметы культового литья. Небольшое число украшений костюма сделано из золота: серьги и нашивки на одежду. Самодийские центры металлургического производства на территории Лесостепного Алтая пока не найдены. Обычные поселения не содержат следов выплавки железной руды или руд цветных металлов. Встречаются только об-

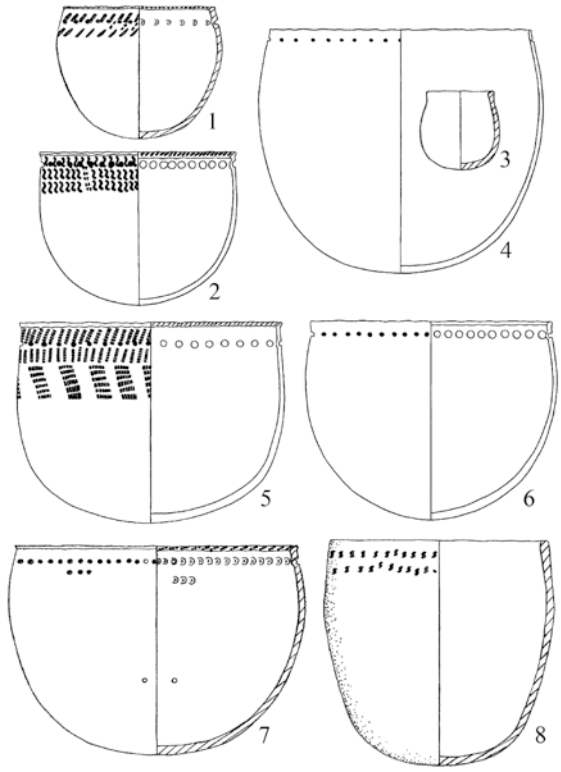

Рис. 2.181. Керамическая посуда. Поселение Троицк-1. Конец I – II в. н.э. *Рисунки автора*

ломки глиняных формочек для литья бронзовых предметов. Можно предполагать импортное поступление металлических заготовок.

Военное дело самодийских племен Лесостепного Алтая являлось необходимой сферой их жизнедеятельности. Однако предметы вооружения в археологических памятниках встречаются не часто. На раннем этапе развития общности (I в. до н.э. – II в. н.э.) самодийские воины использовали лук и стрелы для ведения дальнего боя. Наконечники стрел были бронзовыми втульчатыми ракетообразной формы, достаточно крупных параметров (рис. 2.182.-*1–6*). Их применение требовало больших луков, кибить которых, видимо, целиком изготовлялась из дерева. В ближнем бою использовались боевые топоры с деревянной «Г»-образной рукоятью и бронзовыми бойками. Для индивидуальной защиты отдельные воины применяли панцири из роговых прямоугольных пластин, соединявшихся между собой кожаными ремешками. Такой доспех закрывал только грудь и спину воина. Основу войска в это время составляли отряды пеших легковооруженных воинов-лучников, среди которых имелось небольшое число бойцов, способных вступать в ближний бой с противником за счет оснащения ударным древковым оружием и панцирной защитой корпуса (рис. 2.183).

С началом «эпохи Великого переселения народов» (III в. н.э.) в вооружении самодийского населения на территории Лесостепного Алтая происходили существенные изменения. Бронзовые наконечники стрел заменялись более эффективными железными. Они имели черешковый насад и трехлопастное перо ярусной и шестиугольной формы. Появился железный доспех: панцири-нагрудники из длинных пластин,

Рис. 2.182. Бронзовые боевые наконечники стрел. Новообинцевский клад. I в. до н.э. – I в. н.э. (АГКМ, колл. 14570). *Фотоснимок С.В. Семенова*

Рис. 2.183. Самодийский пеший воин I в. до н.э. – I в. н.э. *Реконструкция автора, рисунок О.С. Лихачевой*

соединенных несомкнутыми кольцами (рис. 2.184), и панцири, полностью собранные из колец, – кольчуги. Важно отметить, что на одной самодийской бляхе (Холмогорский клад) изображен воин-всадник в двойном доспехе. Его корпус защищен кольчугой, поверх которой надет пластинчатый панцирь-нагрудник.

Новые более совершенные средства защиты и нападения имели среднеазиатское и центральноазиатское происхождение. Их появление могло быть связано с ростом военной напряженности после распада держав южных хунну (215 г.) и сяньби (235 г.), что вызвало значительные подвижки кочевого населения. Эти изменения привели к формированию у самодийцев нового рода войск – конницы, способной противостоять южным соседям. Данный вывод подтверждают изображения самодийских всадников на бронзовых полуфутлярах ножен, на одном из которых также показана кольчуга, и находки железных удил из погребений. Состав конницы, судя по данным иконографии, в основном был легковооруженным, а отдельные воины, использовавшие доспехи (рис. 2.185), еще не образовывали самостоятельных подразделений. Значительная же масса войска по-прежнему оставалась пешей.

Рис. 2.184. Панцирь из железных пластин, соединенных кольцами. Могильник Обские Плесы-II. III – 1-я половина IV в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 143). *Фотоснимок автора*

Военная организация самодийского общества была еще достаточно простой. Это родоплеменное ополчение, в которое входило все боеспособное мужское население. Тем не менее внутри ополчения уже наметилась определенная градация, связанная с выделением конницы, комплектовавшейся из наиболее состоятельного слоя общества. Отряды родов и племен, видимо, возглавлялись выборными вождями, которые и имели в комплекте своего вооружения доспехи. Тактика самодийского войска включала дальний бой отрядов пеших лучников. С появлением конницы она приобрела комбинированный характер. Всадники, также пользуясь луками и стрелами, действовали рассыпным строем. Вести ближний бой такое войско могло только с легковооруженным противником. Хорошая защита военачальников обеспечивала им личную безопасность и эффективное руководство во время боя. В полевом сражении отряды легкой пехоты могли формировать центр войска, а легкая конница образовывала авангард и фланги. Всадники завязывали сражение, стремились охватить фланги и выйти в тыл противника, и не дать ему

Рис. 2.185. Самодийский конный воин III – 1-й половины IV в. н.э. *Реконструкция автора, рисунок О.С. Лихачевой*

совершить аналогичный маневр. Легкая пехота массированным обстрелом должна была срывать вражеские атаки и служить прикрытием для собственной конницы. В целом такая тактика носила характер активной обороны. Она могла успешно осуществляться на местности со сложным рельефом, против равноценного или малочисленного врага.

Мировоззрение древних самодийцев базировалось на целом комплексе языческих верований, включавших культ умерших, предков и героев, культ диких и домашних животных. Сопровождение умерших сородичей в загробный мир было главным содержанием погребального обряда. Самодийские кладбища устраивались на высоком месте, возле реки, обычно на краю террасы или елбане. Они содержат по две-три могилы или несколько десятков объектов (до 30), расположенных рядами. Все могильники являются грунтовыми. Захоронения совершались в простой яме, не имевшей на поверхности сколько-нибудь значительных сооружений. Покойников хоронили по способу трупоположения, уложенными вытянуто на спине и ориентированными головой по направлению в западный сектор горизонта. В могильной яме могла устанавливаться деревянная рама, перекрывавшаяся поперечным рядом жердей. Встречаются одиночные и парные захоронения.

Рис. 2.186. Бронзовый антропоморфный «идол». Новообинцевский клад. I в. до н.э. – I в. н.э. (АГКМ, колл. 14570). *Фотоснимок С.В. Семенова*

На рубеже II–III вв. н.э. у самодийцев происходило изменение способа погребения на трупосожжение. Умершего человека укладывали на специальный деревянный настил и разводили сильный костер. Кремированный прах – мелко пережженные кости – собирали и помещали в могильную яму, на дне которой могла устанавливаться деревянная рама, перекрытая жердями и листами бересты. В завершение на могилу высыпались остатки погребального костра, присыпавшиеся землей. Чаще встречаются одиночные, но есть и парные трупосожжения.

Обязательным условием погребального ритуала для большинства захоронений являлось помещение вместе с умершим человеком сопроводительного инвентаря (орудия труда, посуда, предметы вооружения и конского снаряжения, различные функциональные

детали и украшения костюма, туалетные принадлежности). Рядом с могилой проводилась поминальная тризна, о чем свидетельствуют находимые колотые кости животных и битая посуда.

Рис. 2.187. Бронзовая пряжка с изображением кабанов. Новообинцевский клад. I в. до н.э. – I в. н.э. (АГКМ, колл. 14570). *Фотоснимок С.В. Семенова*

Помимо сопровождения умерших в загробный мир, существовали и другие мировоззренческие представления, связанные с почитанием духов предков и героев. Их проявление можно видеть в специальном культовом литье, а также в произведениях прикладного искусства. Так, на самодийских поселениях, а также в составе особых кладов встречаются предметы из бронзы, не имеющие утилитарного назначения, сделанные в технике ажурного литья. Это антропоморфные фигуры и личины (рис. 2.186), которые, как полагают ученые, имели опознавательное назначение и входили в состав шаманских атрибутов. К героическому эпосу можно отнести всадников, отлитых на полуфутлярах ножен. Этот образ также связывают с изображениями известного божества манси Мир-Сусне-Хума.

О существовании развитого культа диких животных свидетельствуют встречающиеся в металлопластике образы медведя, птиц, кабанов (рис. 2.187). Эти животные могли выступать в роли родовых тотемов и обожествляться. Бронзовая голова медведя из Новообинцевского клада (рис. 2.188), видимо, использовалась при проведении специального ритуала, посвященного этому животному. Медведь почитался многими таежными народами. Так, у селькупов божество Шелаб воплощается в образе медведеподобного существа. Парные изображения птиц с длинным клювом (журавли, цапли) на полуфутлярах ножен можно связать с родовыми тотемами самодийцев (кара каса – журавлиный род) или с образом Мир-Сусне-Хума, одна из ипостасей которого – белый журавль. Полые фигурки птиц на бронзовых пронизях со сложенными крыльями и маленькой головой являются изображениями уток, которые в виде схематичных знаков часто встречаются в орнаменте керамики и бронзовых вещей. У селькупов и обских угров дикая утка использовалась в поминальных ритуалах для проводов души умершего человека в загробный мир.

Рис. 2.188. Бронзовая голова медведя. Новообинцевский клад. I в. до н.э. – I в. н.э. (АГКМ, колл. 14570). *Фотоснимок С.В. Семенова*

Особые ритуальные захоронения говорят о существовании в самодийской среде культа домашних животных: лошади и собаки. Эти животные хоронились на отдельном кладбище в простых грунтовых ямах. Интересно, что для обряда отбирались в основном молодые особи. Вместе с ними помещался сопроводительный инвентарь: костяные

и железные наконечники стрел, железные детали панцирей, стеклянные бусы. Почитание данных животных в первую очередь касалось таких сфер жизнедеятельности, как охота и война, тесно связанных между собой.

Небольшие по размерам поселки и могильники свидетельствуют об обособленном проживании самодийского населения, у которого основной хозяйственной и социальной ячейкой выступала патриархальная семья. Есть поселения из двух-трех жилищ, на которых проживали большие семьи (15–20 человек), а есть поселения из одного жилища, где проживали малые семьи (5–7 человек). Видимо, родственные группы таких коллективов объединялись в рода, связанные единой генеалогической легендой и тотемом. Такие роды на местном уровне могли объединяться в племена. В самодийском обществе наблюдается пока еще слабая имущественная дифференциация. Встречаются мужские погребения с более богатым инвентарем, в которых можно видеть глав семей. Близки к ним и некоторые женские погребения. Остальные могилы содержат более бедный однородный материал и, возможно, представляют взрослых рядовых членов семей. Малое число инвентаря характерно для детских и подростковых погребений.

С севера, северо-запада и востока самодийцы Алтая граничили с родственными племенами, имеющими те же культурные традиции (рис. 2.189). Все вместе они образовывали своеобразную «самодийскую конфедерацию» – союз племен, занимавший большую часть территории Западной Сибири. Политические связи внутри этого образования были выражены слабее, нежели этнокультурные. Главными связующими звеньями здесь выступали общность происхождения, мировоззрение, вероятно, язык. В материальном плане это выражалось в схожести норм погребальной обрядности, приемах домостроительства, роли охотничье-рыболовецкого сектора в экономике, оформлении костяных и бронзовых наконечников стрел, форме и орнаментации бронзового оружия и керамической посуды, украшениях одежды, культовом литье.

Рис. 2.189. Археологические культуры Алтая и их окружение в III в. н.э.

Определенные вещи из самодийских памятников указывают на западные контакты с Приуральским регионом. Это эполетообразные застежки и бляхи с петельчатым креплением. Данные вещи можно рассматривать как результат устойчивых торговых отношений.

На юге и юго-западе самодийцы граничили с миром кочевников. Большинство предметов вооружения, конского снаряжения и поясной гарнитуры имеет хуннуско-сяньбийское происхождение, подчас переработанное в южно-сибирских традициях. На раннем этапе, когда самодийцы осваивали территорию Лесостепного Алтая, эти контакты были не так сильны, но в дальнейшем постоянно увеличивались. В начале «эпохи Великого переселения народов» политическая обстановка для самодийцев резко ухудшилась. Возникла необходимость сохранения своих земель и независимости от набегов южных кочевников. Военная опасность стимулировала перевооружение и реорганизацию тактики у местного населения, однако данные процессы не были должным образом завершены. Начиная с середины IV в. н.э., когда в Центральной Азии образовалась орда жужаней (359 г.), давление кочевников на территорию Лесостепного Алтая приобретает характер миграции. В военном отношении номады значительно превосходили самодийцев, что и определило исход противостояния. «Самодийская конфедерация» распалась на отдельные образования, а в районах Алтайской лесостепи, при непосредственном участии кочевников из Семиречья и Горного Алтая, сложилась новая общность.

В.В. Горбунов

МАЙМИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Примерно через 100 лет (I в. до н.э.), после того как шаньюи хунну/сюнну переселили на территорию Горного Алтая новое кочевое население, какая-то часть его представителей и других групп продвинулась и в зону северо-восточных предгорий Алтая. Там, в междуречье нижнего течения Катуни и Бии и южных отрогах Салаира, пришельцы, смешавшись с аборигенами, образовали новую общность, получившую у археологов название *майминская культура*. Памятники этой культуры – поселения, городища и могильники – изучены в Красногорском и Солтонском районах Алтайского края и в Майминском районе Республики Алтай. По крупному памятнику, расположенному у с. Майма, который раскапывался в конце 1970-х – 1990-е гг., и дано название всей культуре. Первые ее памятники были обследованы Б.Х. Кадиковым в 1956–1961 гг., а сама культура выделена в 1992 г. М.Т. Абдулганеевым. Общность, оставившая памятники майминской культуры, занимала сравнительно небольшой компактный ареал и смогла просуществовать на протяжении пяти с лишним веков – с I в. до н.э. до середины V в. н.э.

Население северо-восточных предгорий Алтая проживало в достаточно крупных поселках, расположенных на речных террасах коренного берега. Часть таких поселений имела фортификационные сооружения, т.е. являлась городищами. Они занимали длинные береговые мысы, с трех сторон окруженные обрывами высотой до 30–40 м. Четвертая напольная сторона представляла собой узкий проход, который перегораживался системой из нескольких линий (до 4) земляных валов и рвов. Высота валов приближалась к 1 м, а ширина рвов составляла до 3 м. На валах могли сооружаться стены, похожие на плетень, и в целом такая многолинейная система обеспечивала хорошую защиту от внезапного нападения врагов.

На поселениях и городищах исследованы жилые конструкции четырехугольной формы двух типов: наземные и полуземлянки. Котлован полуземлянок углублялся в грунт на 50–85 см. Постройки имели стены из деревянных жердей и досок, по углам опиравшиеся на столбы, у части из них прослежен деревянный пол. Крыша домов, видимо, была плоской. В центральной части жилища сооружались один-два очага прямоугольной формы, по периметру выложенные каменными блоками (рис. 2.190). Внутри некоторые очаги заполнялись глиной, так что огонь находился на высоте 10–15 см от пола. Плотная прокаленная глина могла долго сохранять тепло в помещении. В ходе эксплуатации такой очаг регулярно вычищался, а глиняная «подушка» в нем менялась. Пол жилища вдоль двух стен прорезали узкие длинные траншеи, обеспечивавшие обогрев спальных мест. В самом жилище находились небольшие хозяйственные ямы, а за его пределами – более крупные мусорные ямы. Площадь жилого помещения составляла 25–30 кв. м. На территории поселков также выявлены производственные площадки и специальные ямы для обжига глиняной посуды и плавки металлов. Накопление культурных остатков на поселениях и городищах образует достаточно мощный слой, что говорит о длительном круглогодичном проживании их обитателей на одном месте.

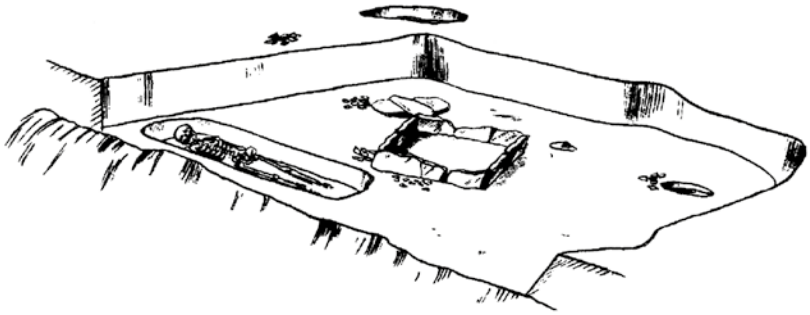

Рис. 2.190. Котлован жилища с «каменным» очагом и захоронением человека. Поселение Ушлеп-5. Середина V в. н.э. (по: [Горбунов и др., 1997б, рис. 75.-*1*])

Население северо-восточных предгорий Алтая вело комплексное хозяйство, основу которого составляло придомное скотоводство. Судя по находкам костей домашних животных на поселениях, городищах и могильниках, основная доля в стаде принадлежала крупному рогатому скоту, затем шли лошади, потом овцы и козы и последними свиньи. При заготовке кормов использовались специальные железные ножи с загнутым клинком (рис. 2.191). Еще одним важным занятием в хозяйстве являлось земледелие. Видимо, в основном оно носило подсечно-огневой характер. Землю обрабатывали с помощью мотыг, сделанных из трубчатых костей животных. На одном из поселений был найден сосуд, полный зерна, а на ряде памятников в очагах встречены обожженные зерна проса и ячменя, а за их пределами россыпи этих злаков. Для обработки растительной пищи использовались каменные зернотерки с курантами (рис. 2.192.-*13*), а для жнивья могли применяться те же ножи с загнутым клинком (рис. 2.191). Значительную роль в хозяйстве играла охота на диких животных. Остеологические материалы свидетельствуют об охоте на лося, благородного оленя, косулю, кулана, кабана, промысле бобра и барсука. Основными орудиями здесь служили лук и стрелы с костяными наконечниками. Такие наконечники имели черешковый или раздвоенный насад и трех- или четырехгранное перо

(рис. 2.192.-*6–7*), за счет чего они обладали хорошими проникающими свойствами для эффективного поражения даже крупных копытных животных. Находки железных крючков (рис. 2.192.-*9*) и каменных грузил, а также костей осетровых и других рыб говорят о существовании рыболовства.

Рис. 2.191. Железные серповидные ножи. Поселение Ушлеп-5. III – 1-я половина V в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 301). *Фотоснимок автора*

Среди ремесленных занятий населения северо-восточных предгорий Алтая следует назвать деревообработку, камнеобработку, косторезание, ткачество, гончарство, железоделательное производство. Большинство этих ремесел носило характер домашнего производства. Дерево обрабатывали с помощью железных тесел с несомкнутой втулкой и выпуклым лезвием (рис. 2.192.-*8*). Такое орудие надевалось на «Г»-образную или прямую рукоять, позволяя производить как рубящие, так и тешущие операции. Дерево шло на строительство жилищ и иных конструкций, изготовление кибитей луков, древок стрел и различных рукоятей. Для обработки камня применяли традиционные операции раскалывания, шлифования, полирования, сверления. Из камня делали зернотерки с курантами, песты, отбойники, точильные бруски. Использовался камень и как строительный материал, например, для облицовки упоминаемых выше очагов. Обработка кости и рога велась металлическими инструментами, преимущественно железными ножами с прямым клинком (рис. 2.192.-*14*). Из кости и рога делались мотыги, накладки на сложносоставные луки (рис. 2.192.-*1–2*), охотничьи наконечники стрел, проколки, трепала, скобели, распределители ремней, застежки на одежду, бусы и подвески. О ткачестве в первую очередь свидетельствуют находки костяных трепал для шерсти и керамических пряслиц. Последние представляли собой дисковидные изделия с отверстием посередине (рис. 2.192.-*10–12*), в которое вставлялся деревянный стержень, и получавшееся веретено использовалось для прядения шерсти. Сами пряслица делались из глины, на их поверхность наносился орнамент, и они обжигались. Из шерстяных нитей могли вязать и ткать одежду. Какая-то часть одежды, безусловно, изготавливалась из кожи и шкур животных. Для их выделки применялись костяные скобели, а для шитья – костяные и железные проколки.

Значительное развитие у местных племен получило гончарное дело. На поселениях обнаружены ямы, в которых хранилось глиняное тесто, завернутое в бересту для сохранения влажности, а также производственные площадки, где дробили камень, использовавшийся в качестве отощителя при составлении замеса. Посуда из глины лепилась вручную на берестяной форме и обжигалась в специальных ямах, стенки которых расширялись от верха ко дну. В яму помещали сырые сосуды, обкладывавшиеся поленьями. После сгорания сырья глина превращалась в керамику. Гончарная продукция представлена посудой разных форм и объемов, рассчитанной на хранение, приготовление и потребление пищи. Встречаются горшки баночной (рис. 2.193.-*2, 4*) и кувшинообразной (рис. 2.193.-*1, 7–9*) формы,

чашки (рис. 2.193.-*5*), стопки (рис. 2.193.-*3*), сковородки (рис. 2.193.-*6*). Большинство этих сосудов имело плоское днище, иногда с небольшим поддоном. Еще до обжига на сосуды механическим способом наносился орнамент. Обычно он занимал верхнюю треть изделия и состоял из рядов ямок, насечек, ногтевидных отпечатков, резных линий, гребенчатого штампа.

О наличии у предгорного населения собственного железоделательного производства позволяют говорить находки железного шлака, кусочков крицы и готовой продукции. На одном из поселений найдено глиняное цилиндрическое сопло для подачи воздуха в плавильную яму-печь. Из железа делали тесла, ножи, проколки, рыболовные крючки, боевые наконечники стрел, удила, пряжки и застежки для поясов. Местное население мало использовало изделия из цветных металлов, только в одном погребении была найдена бляха-нашивка на головной убор, явно импортного южного происхождения.

Материальная культура насельников северо-восточных предгорий Алтая свидетельствует в основном о мирном укладе жизни. Предметы вооружения встречаются на памятниках редко и представлены только стрелковым оружием. Это сложносоставные луки «хуннуского» типа, от которых сохранились роговые концевые накладки с вырезом под тетиву (рис. 2.192.-*1–2*) и железные наконечники стрел с черешковым насадом и трехлопастным пером ромбического абриса (рис. 2.192.-*3–5*). Очевидно, все взрослое мужское население были воинами. Из него формировались отряды местного ополчения, состоявшие из пеших лучников, которые, впрочем, могли перемещаться и верхом. Лишенные средств индивидуальной защиты, они не были эффективны в открытом полевом сражении, но могли противостоять врагам за укреплениями городищ, успешно действовать на сильно пересеченном ландшафте и в лесных массивах.

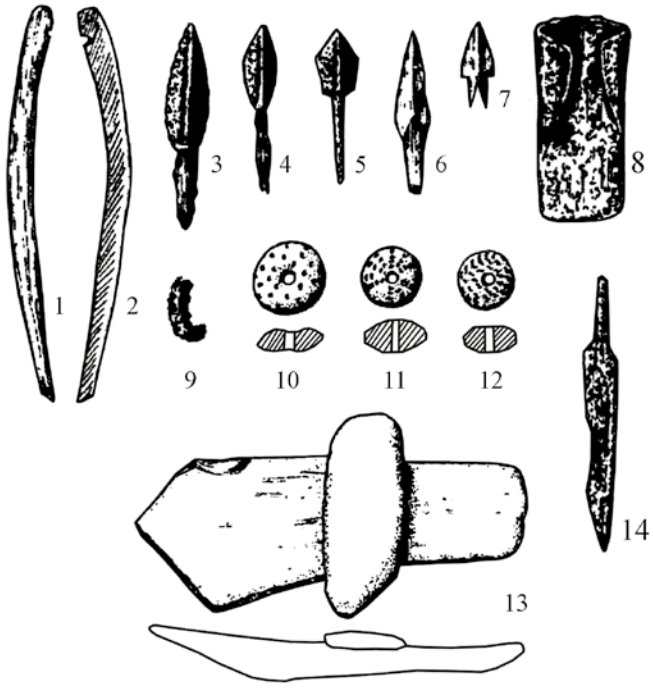

Рис. 2.192. Инвентарь из поселений и погребений майминской культуры. I в. до н.э. – первая половина V в. н.э. (по: [Горбунов и др., 1997б, рис. 75.-*2–15*])

Мировоззренческие представления жителей предгорной зоны Алтая базировались на языческих верованиях. Главное внимание в них уделялось сопровождению умерших сородичей в загробный мир. Покойников хоронили в простой яме на подстилке из органического материала, по способу трупоположения, уложенными вытянуто на спине и ориентированными головой по направлению на север или северо-запад. Над могилой возводилась

небольшая курганная насыпь из земли. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения (если умерший был взрослым мужчиной), конского снаряжения, орудия труда, поясную гарнитуру, украшения костюма. Также в могилу и рядом с ней помещалась поминальная пища из частей овцы и лошади.

Достаточно крупные размеры поселков предполагают проживание в них значительных коллективов, а отдельные жилища указывают на деление по семьям. Погребения и жилища по инвентарю и трудозатратам на их сооружение имеют весьма однородный облик, что говорит о слабой имущественной дифференциации среди населения и неразвитой социальной организации общества. Черты культурного единства, связывающие предгорные памятники между собой, наверняка свидетельствуют о политической консолидации населения, их оставившего. Скорее всего – это был некий территориальный союз разных по происхождению компонентов: аборигены предыдущего времени, пришлые кочевники из Горного Алтая, пришлая группа с навыками оседлого образа жизни.

Население, проживавшее в северо-восточных предгорьях Алтая, долгое время развивалось в относительной изоляции, что обеспечило самобытность местной культуры. Ее главными отличительными чертами от соседних образований являются особенности хозяйства (придомное скотоводство, земледелие), погребальной обрядности (одиночная ингумация с северной ориентацией), домостроительства (каменные очаги), а также своеобразный керамический комплекс.

На юге это население граничило с кочевыми племенами Горного Алтая, часть которых и стала одним из исходных компонентов при сложении новой предгорной общности. От южных соседей, которые в свою очередь находились под сильным куль-

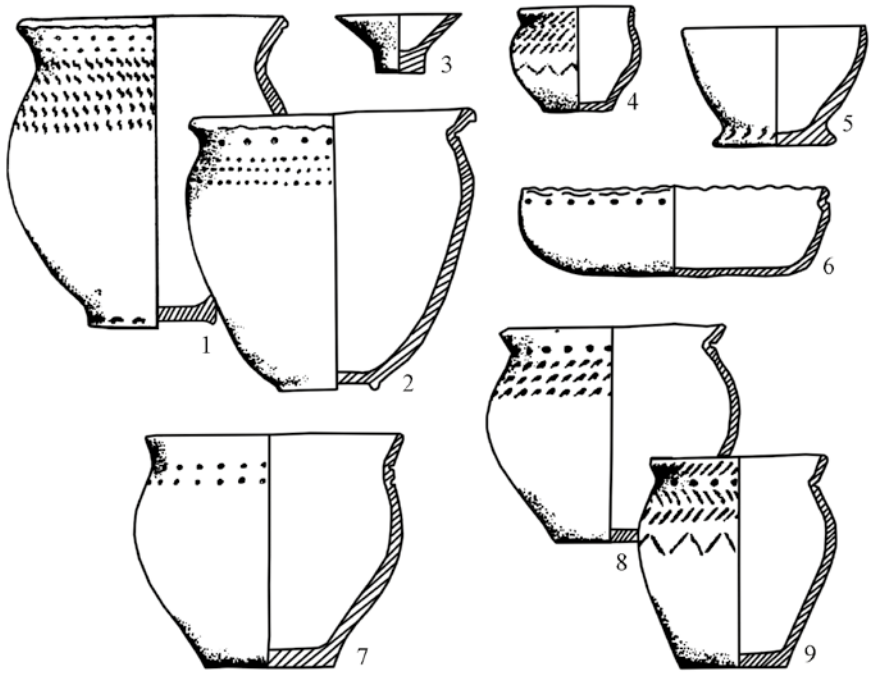

Рис. 2.193. Керамическая посуда из поселений майминской культуры.
I в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э. (по: [Горбунов и др., 1997б, рис. 75.-*16–24*])

турным влиянием державы Хунну, были заимствованы предметы вооружения и часть орудий труда. Интересным фактом является схожесть в планировке фортификации и некоторых деталей в конструкции жилищ предгорных памятников с таковыми на городищах, основанных хунну/сюнну в Забайкалье. Они позволяют предполагать, что изначально процесс освоения зоны северных предгорий Алтая мог быть спланированным актом правителей державы Хунну, в осуществлении которого, помимо кочевников, могло принимать участие зависимое ремесленно-земледельческое население, как это имело место на других подвластных хунну/сюнну территориях. Причинами такой деятельности могли стать неудачи державы Хунну в ее войнах с империей Хань в последней трети II – середине I в. до н.э. Из-за них хунну/сюнну лишились выгодных поставок ремесленной и земледельческой продукции и пытались ее компенсировать, основывая зависимые оседлые центры на новых территориях. Например, китайские письменные источники сообщают о подобных мероприятиях под 66 г. до н.э. в Западном крае. Нечто такое в то время или немного раньше могло произойти и на Алтае. Дальнейшее развитие этих центров после падения власти хунну/сюнну окончательно, видимо в 93 г. н.э., проходило уже самостоятельно, так как переселенцы, к тому времени смешавшиеся с аборигенами, могли создать при благоприятных политических условиях жизнестойкий культурный организм.

На севере это население граничило с самодийскими племенами, освоившими прилегающие равнинные земли одновременно с ним. Долгое время отношения с северными соседями развивались мирно. Видимо, имели место даже брачные контакты, о чем говорят элементы орнамента на посуде и пряслицах, сходные с самодийскими. Однако в IV в. н.э. политическая ситуация осложняется преобразованием самодийской общности в более агрессивное образование. Вскоре самодийцы завоевали северо-восточные предгорья Алтая и ассимилировали уцелевшее местное население в своей среде. На поселениях майминской культуры фиксируются следы пожаров, стены домов сожжены. О времени, когда это произошло, свидетельствует радиоуглеродная дата с обугленной доски в одном из жилищ – 455 г. н.э. В полу этого помещения было исследовано захоронение мужчины-воина (рис. 2.190), последнего защитника своего поселка.

В.В. Горбунов

БУЛАН-КОБИНСКАЯ КУЛЬТУРА

В самом конце III и в начале II в. до н.э. кочевые социумы Южной Сибири вступили в новое историческое время, ознаменовавшееся включением региона в сферу влияния кочевых империй Центральной Азии: Хуннуской (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийской (93–235 гг. н.э.) и Жужанской (359–552 гг. н.э.). История этих объединений в соответствующей мере наполнена письменными источниками китайского происхождения. Территория Алтая в обозначенные периоды входила в состав указанных держав, являясь их северной полупериферией и принимая новые группы населения вследствие менявшихся ситуаций. В течение хуннуского господства произошли окончательное вытеснение и культурная ассимиляция ираноязычных племен, живших в скифо-сакское время. В результате сформировалась основа для дальнейшего этнокультурного и социального развития народов Южной Сибири до начала эпохи Средневековья.

Для хронологического отрезка со II в. до н.э. по V в. н.э. все чаще стало использоваться обозначение «хуннуско-сяньбийско-жужанское время». Оно наиболее адекватно передает содержание культурно-исторических процессов, протекавших в Центральной Азии, и отражает в своем названии наименования политических объединений номадов, оказавших доминирующее воздействие на ход развития этого региона. Указанное понятие является альтернативным словосочетанию «гунно-сарматское время», давно используемому, но не совсем корректному для азиатской истории.

Центр державы Хунну первоначально находился на территории Ордоса и Южной Монголии. В 201 г. до н.э. основатель империи шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. В середине II до н.э. хунну/сюнну подчинили себе западные земли Центрально-Азиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников юэчжей. В ходе военной экспансии хунну/сюнну произошло ослабление объединения носителей пазырыкской культуры. В результате на Алтай приникло новое население, которое сыграло определяющую роль в формировании *булан-кобинской культуры*, просуществовавшей до середины I тыс. н.э.

Свое название булан-кобинская культура получила в 1990 г. по наименованию одного из погребальных комплексов, исследованных Ю.Т. Мамадаковым в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области (ныне – Республика Алтай). Однако начало изучению памятников данной общности было положено раскопками В.В. Радлова (рис. 2.145) в 1865 г. у с. Катанда (ныне – Усть-Коксинский район Республики Алтай) и с. Берель (ныне – Катон-Карагайский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). В дальнейшем накопление археологических материалов происходило очень медленно и носило неплановый характер. За сто лет исследованию подверглось всего шесть захоронений на могильниках Кокса, Пазырык и Балыктуюль. Малочисленность материалов в течение нескольких десятилетий определяла весьма схематичное представление об истории населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Данная ситуация породила несколько гипотез относительно судьбы племен пазырыкской культуры и обусловила искусственную затянутость верхней хронологической границы скифо-сакского периода. Настоящий прорыв в изучении памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени произошел в 1980–1990-е гг. благодаря активным экспедиционным работам различных учреждений Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерова, Новосибирска, Москвы. В итоге были открыты, частично или полностью раскопаны десятки могильников, которые заполнили хронологическую лакуну между объектами пазырыкской и тюркской культур.

К настоящему моменту на Алтае раскопано значительное количество погребений булан-кобинской культуры: не менее 750 объектов на более 40 памятниках (рис. 2.194, 2.195). Они в основном представлены подкурганными захоронениями (рис. 2.196) и впускными могилами, совершенными обычно в насыпях погребальных объектов пазырыкской культуры. Обнаружены ритуальные сооружения и наскальные изображения, имеются случайные находки разных предметов. Зафиксированных поселений, достоверно относящихся к булан-кобинской культуре, пока не выявлено. Правда, нельзя исключить, что некоторые фрагменты керамической посуды из раскопанных нестратифицированных поселений

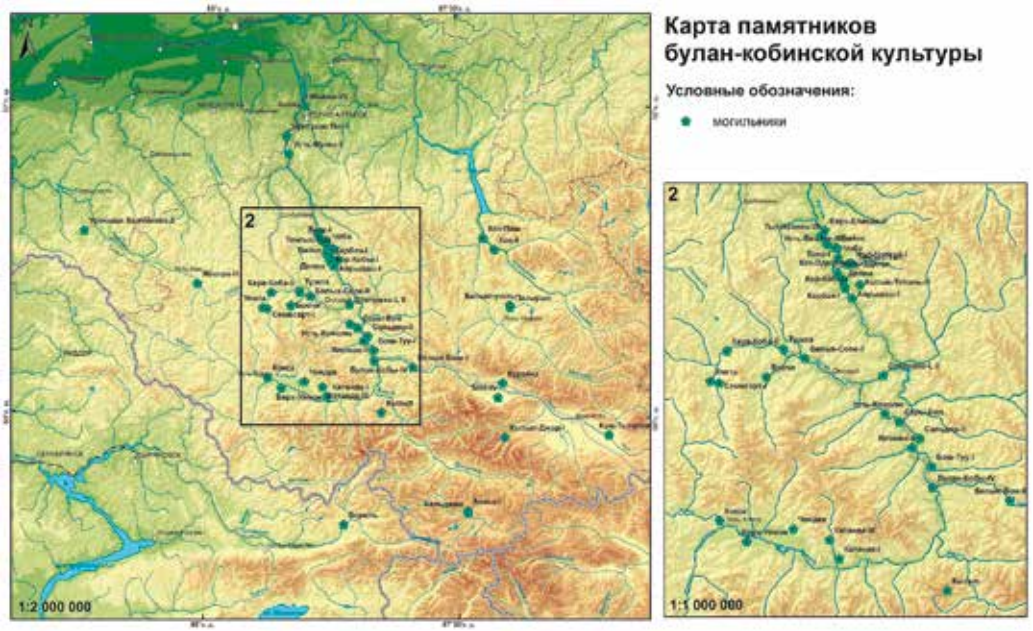

Рис. 2.194. Карты-схемы с расположением памятников булан-кобинской культуры.
Подготовлены Е.Филатовой

поздней древности [Шульга, 2015], относимых к VIII–III вв. до н.э., могут датироваться хуннуским временем.

Большинство некрополей булан-кобинской культуры обнаружено в Северном и Центральном Алтае (рис. 2.194), меньшая часть – в восточном, юго-восточном, южном и северо-западном районах этой горной страны. Значительная группа могильников расположена в бассейне Катуни, а также наиболее крупных ее притоков

Рис. 2.195. Ареал расположения памятников булан-кобинской культуры. III в. н.э.

(Чуи и Урсула), на высоких и низких террасах или в межгорных котловинах. Могильники в других районах сосредоточены в долинах разных рек и обычно приурочены к приустьевой части. Концентрация объектов на местности позволяет наметить несколько более или менее компактных скоплений, находящихся друг от друга на расстоянии 35–50 км. Такое расположение памятников, по-видимому, отражает границы расселения на Алтае разных локально-территориальных групп.

Крайние северные рубежи проживания носителей булан-кобинской культуры соотносятся со среднегорьями и низкогорьями Алтая, охватывая зону, максимально пригодную для эффективного ведения яйлажно-горнодолинного животноводства. На севере «булан-кобинцы» находились в тесном взаимодействии с населением майминской культуры (рис. 2.189, 2.195), оставившим «земледельческие» поселения, городища и погребальные объекты. Южные и восточные пределы распространения памятников булан-кобинской культуры определяются пока условно орографическими структурами и ландшафтным зонированием, маркирующими географическую границу с Монголией и Тувой. Однако в последние годы погребения булан-кобинской культуры были обнаружены на территории Западной Монголии (Баян-Ульгийский аймак).

Рис. 2.196. Погребальные объекты булан-кобинской культуры на памятниках Яломан-II (1–5) и Степушка (6–7). *Фотоснимки А.А. Тишкина и С.С. Матренина*

«Булан-кобинцы» устраивали свои захоронения как по соседству

с объектами предшествующих культур на доступных участках, так и обособленно в «укромных» местах на небольших изолированных террасовых плато, у подножья холма или горы, на склонах, в седловинах. Погребально-ритуальные памятники представлены малыми (до 20 объектов), средними (от 20 до 100 объектов), крупными (от 100 до 300 объектов), гигантскими (более 300 объектов) могильниками, а также одиночными захоронениями.

Одной из составляющих погребального ритуала населения булан-кобинской культуры было сооружение символических захоронений – кенотафов (рис. 2.196.-*3*), предназначенных для пропавших без вести, погибших на чужбине или утонувших

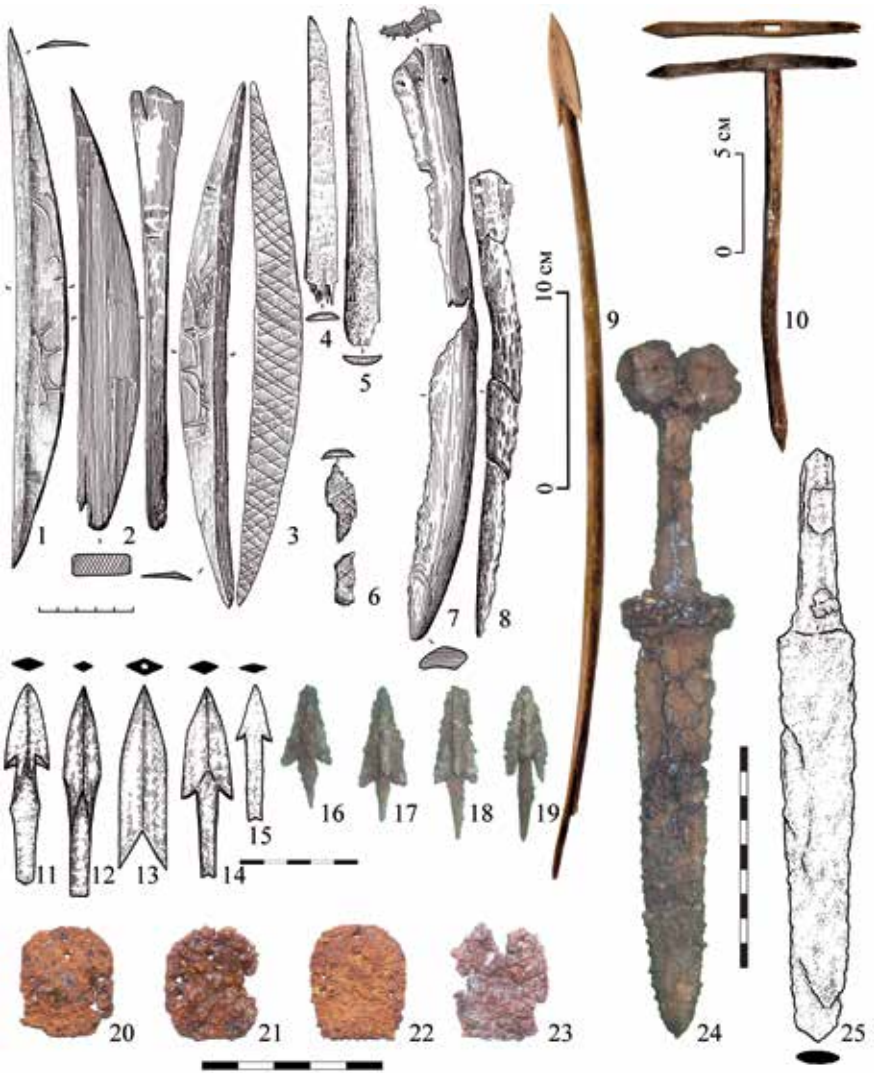

Рис. 2.197. Предметы вооружения булан-кобинской культуры II в. до н.э. – I в. н.э. из памятников Яломан-II (1–10, 16 – 24) (по: [Горбунов, Тишкин, 2006, рис. 2, 6, 8, 9; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 32, 35, 37.-*2*]; Усть-Эдиган (11–15, 25) (по: [Худяков, 1997, рис. 2.-*1, 2, 4, 6, 7*; 3.-*1*]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (16 – 24) и В.П. Мыльникова (9, 10)*

людей. Они составляют почти одну десятую часть всех погребений Алтая хуннуско-сяньбийско-жуанского времени, что свидетельствует об активном участии животноводов региона в военных конфликтах. По своему оформлению данные объекты представлены «классическими» (по размерам и конструкции погребального сооружения не отличались от обычных захоронений и предназначались, по-видимому, для взрослых людей) и «миниатюрными» кенотафами (имеют погребальную камеру, не соответствующую по своим пропорциям для размещения тела взрослого человека). На основе обнаруженного вещевого комплекса (преимущественно это различные предметы вооружения) можно утверждать, что кенотафы устраивались обычно в честь мужчин-воинов. В нескольких кенотафах на могильнике Айрыдаш-I находился женский инвентарь. Существует мнение, что отдельные «миниатюрные» кенотафы предназначались для погребения младенцев, кости которых не сохранились.

При захоронении «булан-кобинцы» могли совершать обряд обезвреживания представлявшимся им «опасных покойников»: захоронение на животе, отсечение у трупов ступней, иногда берцовых костей, расчленение с последующим помещением в могилу отдельных частей тела человека.

На развитие рассматриваемой общности влияние оказали передовые достижения военного дела и ремесленных производств номадов Центрально-Азиатского и других регионов (рис. 2.197–2.202). Особенно большое значение имела практика широкого внедрения железа как основного материала для

Рис. 2.198. Детали поясной гарнитуры II в. до н.э. – I в. н.э. из памятника Яломан-II. *Фотоснимки А.А. Тишкина*

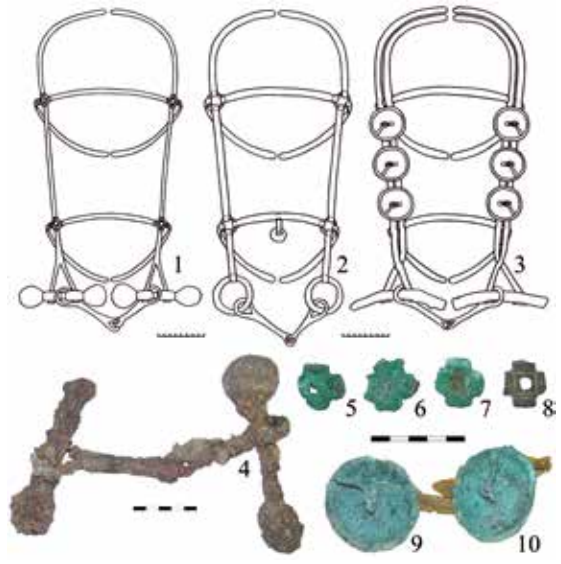

Рис. 2.199. Снаряжение верхового коня II в. до н.э. – I в. н.э. Яломан-II: *1–3* – (по: [Тишкин, Горбунова, 2005, рис. 1]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (4–10)*

Рис. 2.200. Украшения и детали костюма II в. до н.э. – I в. н.э из памятника Яломан-II: деревянный гребешок-заколка (1), бусы из стекла и минералов (2, 3, 5), золотые бляхи-нашивки (6–22), серьги (23, 24), рифленая пластина (25), каменная подвеска (26). *Фотоснимки А.А. Тишкина (2–24, 26) и В.П. Мыльникова (1, 25)*

изготовления оружия, орудий труда, предметов снаряжения человека и верхового коня. Данная новация значительно стимулировала рост производительности труда, а также стала фактором изменения многих элементов материальной культуры.

Практически всех умерших людей «булан-кобинцы» хоронили с сопроводительным инвентарем. Мужчин в большинстве случаев снабжали сложносоставным луком с роговыми накладками на кибить, колчанами со стрелами, оснащенными железными наконечниками, простыми или наборными поясами с различными ременными гарнитурами (обычно из железа, а иногда из цветного металла) и орудиями труда. В могилы наиболее «богатых» воинов помещали оружие ближнего боя (железные длинноклинковые ножи, кинжалы, мечи) и таранного удара (копье с железным наконечником), средства защиты (доспехи из железных пластин), а также инструменты (тесла, стамески, резцы) и бытовую утварь (металлические котлы). С верховым конем обычно укладывали железные удила с псалиями разной конструкции, подпружные пряжки из рога и железа, реже другие изделия (уздечные наборы с железными, бронзовыми или серебряными бляхами, уздечные пряжки из металла, седла, роговые застежки или иные предметы). В мужской погребальный инвентарь могли входить отдельные украшения из металла (золотые и бронзовые бляхи-нашивки на головной убор, серьги, гривны) и органического материала (роговые и костяные подвески, пронизи, бусы и др.).

Рис. 2.201. Копия металлического китайского зеркала эпохи Хань из кургана №57 памятника Яломан-II. *Фотоснимок А.А. Тишкина*

Женщин хоронили с украшениями (преимущественно это золотые или бронзовые бляхи-нашивки и подвески небольшого размера на головной убор и верхнюю одежду, реже серьги, металлические накосники, бусы из камня и стекла), с простыми поясами, орудиями труда (обычно железные ножи, реже пряслица), посудой из керамики и древесины. Женщин, занимавших более высокое социальное положение, снабжали престижными декоративными элементами костюма (металлические бляхи большого размера, «пластины-диадемы», фигурные подвески, пряжки в зверином стиле), наборными поясами с большим количеством деталей гарнитуры, металлическими зеркалами и посудой, снаряжением верхового коня. Зафиксированы случаи присутствия в женских могилах каменного столика-алтарика, а также железных панцирных пластин от доспеха.

Детей до 2,5–3 лет хоронили, как правило, без вещей, а более старшего возраста – с одиночными предметами, представленными главным образом бусами, костяными и роговыми подвесками, железными короткоклинковыми ножами. Детей привилегированной части булан-кобинского общества могли снабжать оружием и снаряжением (боевой нож с железными деталями ножен, наборные пояса с большим количеством деталей, железные панцирные пластины), амуницией верхового коня (удила, псалии, седла).

Рис. 2.202. Посуда и утварь II в. до н.э. – I в. н.э. (по материалам памятников Усть-Эдиган (3–5) (по: [Худяков, 1998]) и Яломан-II (1, 2, 6–12) (по: [Тишкин, 2005, рис. 1.-*2, 4, 5, 6*]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (8–10, 12) и В.П. Мыльникова (11)*

Обширный фонд археологических источников позволяет сделать вывод, что основу экономики населения булан-кобинской культуры на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. составляло горно-долинное животноводство в сочетании с развитым собирательством, а также охотой и домашним ремеслом. Больших успехов «булан-кобинцы» достигли в железоделательном производстве, цветной металлургии, косторезном деле, деревообработке. Достаточно много предметов, выполненных из органических материалов, найдено в погребениях булан-кобинской культуры, исследованных на памятнике Яломан-II [Тишкин, Мыльников, 2016]: деревянная кибить лука, древки стрел, целый и фрагментированнные каркасы «жесткого» седла, посуда разной формы, разнообразные футляры, составной гребень, музыкальный инструмент типа «арфы», «гадальные фишки», днища и крышки колчанов, берестяная фигурка человека, кожаный пояс, сумочка и др. Данные изделия сохранились благодаря герметичности каменных ящиков, которые не были заполнены землей.

Заметные изменения облика материальной культуры позволили выделить несколько этапов развития булан-кобинской общности: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – первая половина IV в. н.э.) и верх-уймонский (вторая половина IV – V в. н. э.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161].

Усть-эдиганский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.) соотносится со временем существования империи Хунну и характеризует формирование булан-кобинской культуры. Зависимость населения Алтая от указанной державы могла усиливаться или ослабевать под влиянием конкретной политической ситуации. В научной литературе по археологии при изучении древних периодов Центральной Азии сейчас все чаще используется наименование «хунну», в отличие от более поздних европейских «гуннов». Подобное разграничение было понятно значительно раньше. Отдельные исследователи применяют обозначение «сюнну». В русскоязычной литературе долгое время использовался только термин «гунны». Однако затем стали утверждаться наименования древнего народа, близкие к подлинным (хунну или сюнну), которые заимствованы из китайских источников. Одно из них (хунну) дается в произношении южных китайцев, а другое (сюнну) – северных. Еще одна проблема связана с использованием существительных «хунну/сюнну» и прилагательного от него. По сложившимся правилам русского языка следует писать и употреблять слова «хуннуский» и «сюннуский» [Тишкин, 2007а, с. 164–165].

Рис. 2.203. Булан-кобинский конный воин II в. до н.э. – I в. н.э. *Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Г.Л. Нехведавичюса*

В настоящее время имеется обширная литература о хунну. Довольно много и китайских пись-

менных источников, переведенных на русский язык. Н.Н. Крадин [2001, с. 234], основываясь на изучении отношений хунну с Ханьским Китаем, выделил следующие этапы:

– первый (209–133 гг. до н.э.) свидетельствует о расцвете державы;

– второй (129–58 гг. до н.э.) связан с активной экспансией Хань;

– третий (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) отражает внутренние войны и принятие вассалитета от Китая части хунну;

– четвертый (9–48 гг. н.э.) характеризуется сменой внешней политики Китая по отношению к Хунну.

В результате внутренних конфликтов империя Хунну распалась на две конфедерации. С середины I в. н.э. начинается новый этап истории Центральной Азии, связанный с масштабными переселениями народов.

Стоит указать еще ряд исторических дат, связанных с хуннуским временем: 199 г. до н.э. – хунну заключили договор о мире и родстве с империей Хань; 174 г. до н.э. – смерть Маодуня и вступление его сына Лаошаня на «трон» шаньюя; 165 г. до н.э. – окончательная победа хунну над царством «Большое Юэчжи»; 123 г. до н.э. – перенос ставки хуннуских шаньюней на север Монголии; 119 г. до н.э. – завершилась успешная для Хань 15-летняя война с Хунну; 36 г. до н.э. – хунну вторглись в Среднюю Азию, где были разбиты китайскими войсками; 48 г. н.э. – официально считается годом разделения хунну на северных и южных; 93 г. н.э., – по китайским источникам, держава северных хунну прекратила свое существование.

Правители державы Хунну сохраняли свое господство над кочевыми племенами Южной Сибири до конца I в. н.э. Данный этап существования булан-кобинской общности представлен материалами нескольких памятников (Усть-Эдиган, Сары-Бел, Яломан-II, Чендек и др.). В этих комплексах четко выражено доминирование инновационных элементов (расположение курганов рядами; небольшие каменные насыпи с овальной выкладкой-крепидой; могилы небольшой глубины преимущественно с каменным ящиком: вытянутое положение покойных; сопроводительное захоронение лошади на перекрытии ящика или за торцевой стенкой погребальной камеры («в ногах» человека); сопроводительный инвентарь центрально- и среднеазиатского происхождения), связанных с приходом новых групп населения. Их появление на Алтае связано с распространением хуннуского влияния в Алтае-Саянском регионе, вероятно, после окончательной победы над царством «Большое Юэчжи» в 165 г. до н.э. Следует указать еще одно исторически зафиксированное событие, возможно, сыгравшее свою роль в рассматриваемой ситуации – перенос ставки кочевой империи хунну на север Монголии в 123 г. до н.э. В данном процессе, возможно, имела место практиковавшаяся кочевыми державами политика насильственного переселения народов, направленная на эффективное управление, подчинение и эксплуатацию недавно завоеванных отдаленных регионов. Погребения собственно хунну/сюнну на Алтае не выявлены. Однако их присутствие подтверждает комплекс гончарного производства в долине р. Юстыд (Кош-Агачский район Республики Алтай).

Выяснить происхождение пришлых народов пока трудно. Кочевники были близки популяциям Южной Сибири рубежа эр. По элементам погребального обряда один компонент находит пока наиболее близкие аналогии в памятниках кула-жургинского типа из Верхнего Прииртышья (рис. 2.156) и в некоторых других комплексах Восточного Казахстана. Наличие в погребениях усть-эдиганского эта-

па керамической посуды, выполненной в «северных» традициях, в определенной мере может свидетельствовать об участии в генезисе булан-кобинского племени из предгорий Алтая. Местный компонент, по-видимому, был неоднородным. В его состав входили потомки населения скифо-сакского времени, проживавшего на периферии Алтая и сопредельных территориях, занимавшего подчиненное положение в этносоциальной структуре объединения алтайских номадов 2-й половины VI – III в. до н.э. Определенно можно утверждать, что в генезисе «булан-кобинцев» роль собственно «пазырыкцев» была незначительной.

Территория расселения ранних «булан-кобинцев» могла охватывать большую часть Алтая, удобную для ведения животноводства. Важно отметить, что раннебулан-кобинское население во многих случаях намеренно дистанцировалось от пазырыкских захоронений. Так погребения скифо-сакского и хуннуского периодов, локализованные в пределах одного могильного поля, как правило, имеют существенный хронологический разрыв. Показательным выступает сооружение впускных захоронений «булан-кобинцев», которое могло сопровождаться намеренным ограблением или осквернением пазырыкских курганов. В настоящее время можно констатировать негативный характер отношений «ранних булан-кобинцев» к могилам предшественников.

Полиэтнический состав населения булан-кобинской культуры подтверждает сосуществование на Алтае, начиная с хуннуского времени, нескольких погребальных традиций. Им были даны условные названия по наименованию могильников, где они составляли доминирующее количество среди общей массы раскопанных там объектов: улуг-чолтухская, карбанская, яломанская, дялянская, берельская, айрыдашская [Серегин, Матренин, 2016]. В Центральном Алтае в хуннуское время пришлый компонент представлен в более чистом виде на могильнике Яломан-II, который мог быть оставлен элитой раннебулан-кобинских кочевников. Для Северного Алтая отмечено большее разнообразие погребальных традиций, в том числе местного происхождения. Материалы некрополя Усть-Эдиган показывают, что носители разных вариантов погребального обряда тем не менее осознавали свою принадлежность к одной культурной общности.

В сложении материальной культуры кочевников Алтая хуннуского времени (рис. 2.197–2.202) четко выделяются три этнокультурных компонента: ***хуннуский*** (имел доминирующее влияние, что отразилось на облике большинства категорий вещей: сложносоставные длинные луки с роговыми накладками, кинжалы без перекрестия и навершия, железные панцирные пластины, поясные и уздечные наборы, бронебойные наконечники стрел, керамические вазы, изготовленные на гончарном круге, колокольчики, котел), ***раннекушанский*** (представлен отдельными типами украшений и оружия: кинжалы с перекрестием и навершием, возможно, меч, зеркала с выступом-шипом, полусферические и каплевидные бляхи-нашивки и, вероятно, «бляхи-фалары») и ***«местный»*** (предметы, связанные с наследием пазырыкской и каменской культур: железные шипастые наконечники стрел, модель чекана, костяные втульчатые наконечники стрел, керамические банки и часть горшков, столик-алтарик, сложнофигурные бляхи, серьги и гривны).

В жизни кочевников Алтая хуннуского времени большое значение имело военное дело. Боевые средства «булан-кобинцев» II в. до н.э. – I в. н.э. включали в основном луки со стрелами и кинжалы. Луки представляли собой сложносоставную конструкцию из двух-трех склеиваемых частей деревянной кибити. Рукоять и окончания лука усиливались 6–7 роговыми накладками: две пары конце-

вых боковых с вырезами для тетивы, пара срединных боковых и одна тыльная фронтальная. Дополнительно лук проклеивался пучками сухожилий и обертывался полосами бересты. Данную модификацию принято называть луком «хуннуско-

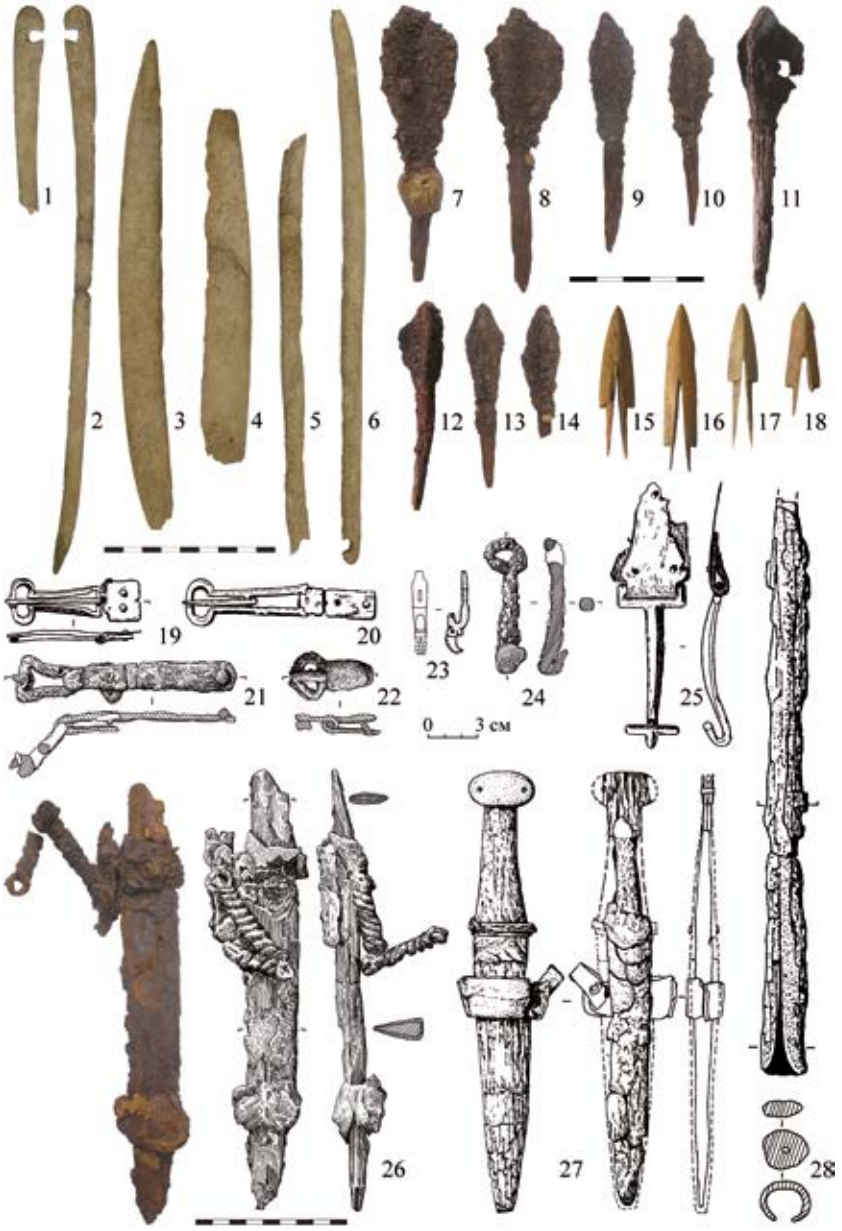

Рис. 2.204. Оружие и воинская амуниция II – 1-й половины IV в. н.э. (по материалам памятников Степушка (1–18, 21, 22, 24, 26) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 29.-*4*; 34.-*1–6*; 42; 99.-*3*; 122; 125.-*1*]), Балыктуюль (19, 20, 25) (по: [Сорокин, 1977, рис. 6.-*5–7*]), Айрыдаш-I (23) (по: [Суразаков, Соенов, 2010]), Булан-Кобы-IV (27, 28) (по: [Мамадаков, 1996, рис. 1)]. *Фотоснимки А.А. Тишкина*

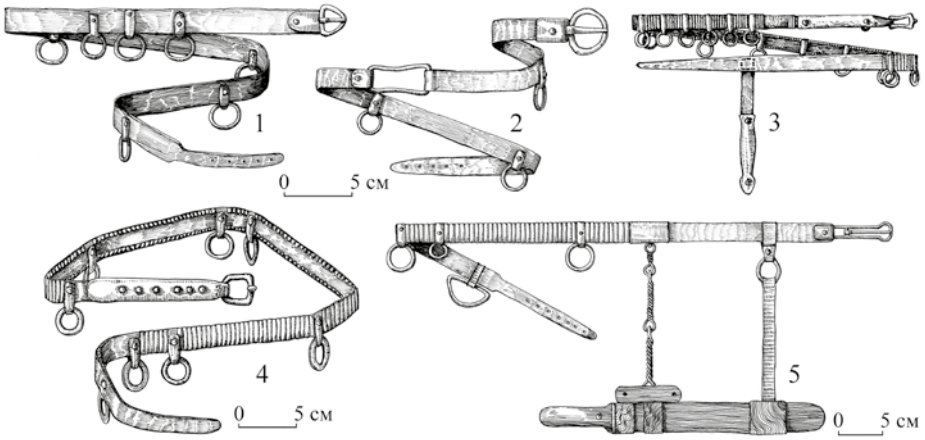

Рис. 2.205. Наборные пояса населения булан-кобинской культуры (по материалам памятника Степушка) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 28.-*2, 4*; 29.-*2–4*])

го» типа. Стрелы к такому луку были длиной 80–85 см, из которых не менее 70 см приходилось на древко. Оно имело «сигарообразную» форму, с небольшим утолщением тела в середине, ближе к наконечнику, и снабжалось ушком – вильчатым вырезом для фиксации тетивы. Наконечники стрел, выкованные из железа, имели черешковый насад, трехлопастное или граненое (бронебойное) перо треугольной и шестиугольной формы. Кинжалы делались из железа. Часть из них снабжалась прямым перекрестием и волютообразным навершием. Отдельные воины имели на вооружении панцири из железных пластин, связанных ремешками, длинные обоюдоострые железные мечи и чеканы с деревянной рукоятью и железным бойком. Состав данного комплекса характерен для легковооруженной конницы, но уже в это время выделяется определенная прослойка средневооруженных воинов (рис. 2.203), способных вести ближний бой. Легкая конница использовала дальний бой, основанный на применении стрелкового оружия, и действовала рассыпным строем. В ее задачи входили расстройство боевых порядков противника путем обстрела с безопасной дистанции, охват его флангов и тыла. На успех в ближнем бою такое войско могло рассчитывать только с легковооруженным противником.

Бело-бомский этап (II – 1-я половина IV в. н.э.). В конце I в. н.э. северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г.) и утратили свое господство на значительной части Центральной Азии. Земли Алтая оказались в сфере влияния победителей, что определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры. Уже после разгрома северных хунну китайскими войсками в 89–91 гг. н.э. сяньбийцы присоединили к себе большое количество проживавших там «семей» (народов), которые сами стали называться сяньбийцами. Существование единой кочевой державы сяньби приходится на II – 1-ю треть III в. н.э. Письменные источники указывают, что после начала распада империи Хань в Китае (220 г.) и державы Сяньби (235 г.) происходит усиление миграционных процессов в Центральной Азии. К середине III в. н.э. из сяньбийского объединения выделились разные этносы – муюны (мужуны), тоба, юйвэнь, тогухунь. Основным направлением их военно-политической экспансии был Китай, где племенами муюнов и тоба в IV–VI вв. н.э. было создано несколько государств. Представленные события привели к изменению этнической и политической ситуации в огром-

ном Азиатском регионе, что опосредованно отразилось на культуре кочевников Алтая.

К бело-бомскому этапу относятся некрополи Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Карбан-I, Курайка, Балыктуюль, Степушка и другие памятники. Материалы многих из них полностью еще не введены в научный оборот, хотя и анализировались в работах разных специалистов. На Алтае достоверно сяньбийских объектов не обнаружено, но имеющиеся находки предметов материальной культуры II–IV вв. н.э. свидетельствуют о существенном сяньбийском влиянии, которое началось с периода усиления сяньби при их правителе Таньшихуае (141–181 гг.). Важную роль в проведении такого влияния сыграли, по-видимому, северные сяньбийцы клана Тоба.

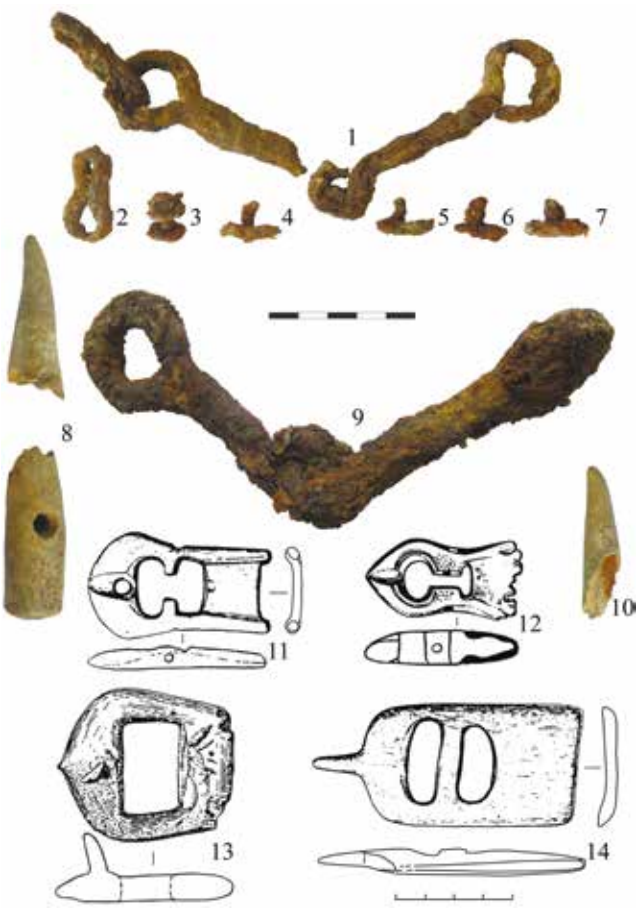

Рис. 2.206. Снаряжение верхового коня II – 1-й половины IV в. н.э. (по материалам памятников Степушка (1–10) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 34.-*7, 8, 10*; 91.-*5–11*]). Белый-Бом-II (11–13) (по: [Глоба, 1983, табл. V.-*4*; Мамадаков, 1987, рис. *1*; Бородовский, 1997, табл. 49.-*2*]), Булан-Кобы-IV (14) (по: [Мамадаков, 1987, рис. 2]). *Фотоснимки А.А. Тишкина*

В сяньбийское время на Алтае продолжали жить носители погребальных традиций, появившихся во II в. до н.э. – I в. н.э. Археологические источники демонстрируют в основном эволюционные изменения погребального обряда: сооружение насыпей, имеющих плотно забутованную камнем внутреннюю часть кольцевой крепиды, многослойные выкладки-стенки округлой формы у отдельных групп населения Центрального Алтая, придание почти всегда умершим людям в могиле положения вытянуто на спине, устройство каменных ящиков удлиненных пропорций из тонких плит, распространение упрощенных погребальных камер в виде отдельных плит, частое захоронение в ямах без внутримогильных конструкций, практически повсеместное исчезновение из сопроводительного инвентаря керамической посуды. Имеющиеся материалы II – 1-й половины IV в. н.э. показывают отсутствие массовой миграции в рассматриваемый регион нового населения. Тем не менее в данный период происходила инфильтрация небольших групп животноводов, родственных «булан-кобинцам» усть-эдиганского этапа. Можно предположить переселение носителей разных

традиций в пределах территории Алтая. Вероятно, так в III в. н.э. в Центральном Алтае появились «айрыдашцы» и «берельцы». Отдельные группы населения находились в тесном взаимодействии, были включены в семейно-брачные и производственные отношения. Показательно, что носители разных погребальных традиций могли хоронить своих родственников на одном кладбище. Несмотря на смешение отдельных групп населения булан-кобинской культуры, в погребальном обряде сохранялись различия.

Археологические источники свидетельствуют, что во 2-й половине III – начале IV в. н.э. в Юго-Восточный и Южный Алтай проникают выходцы из Центральной Азии, возможно, с территории Тувы, оставившие погребения курайской погребальной традиции (могильники Курайка, Кальджин-6). Ее отличительной чертой являлась ингумация с ориентацией умерших людей головой по западному сектору без лошади под курганами с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Умершие укладывались вытянуто на спину с прямыми ногами, реже на бок с прямыми нижними конечностями. Захоронения производились в простых ямах большой глубины (не менее 1,2 м), обычно в колодах, деревянных ящиках, реже – в каменных обкладках, в исключительных случаях – в каменном ящике. По заключениям антропологов, «курайцы» имели ярко выраженные черты высоколицых монголоидов, резко отличавших их от местных популяций периода поздней древности. Небольшая группа центральноазиатских кочевников, проникшая

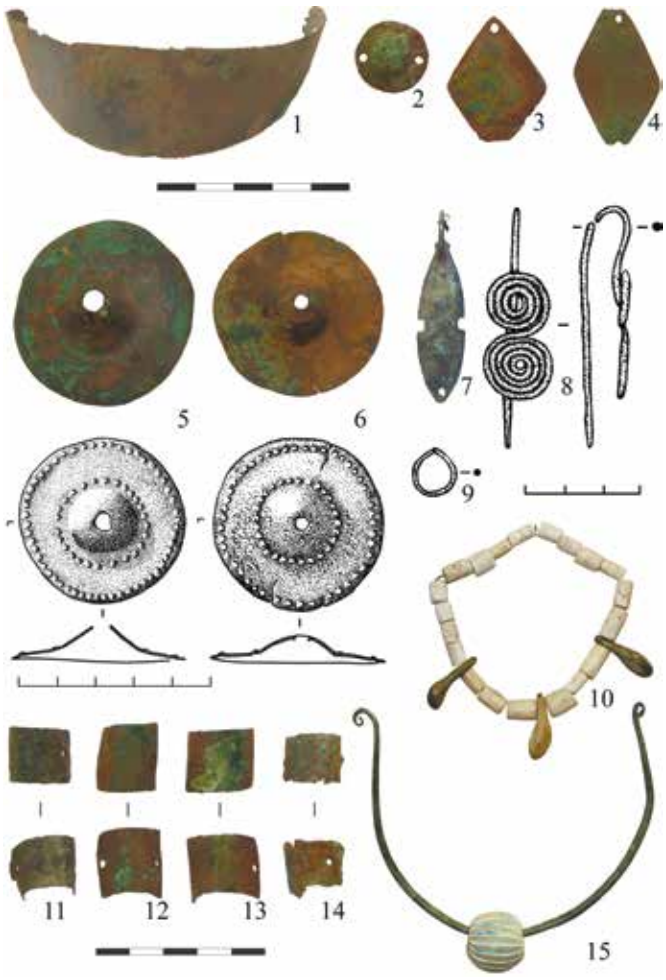

Рис. 2.207. Украшения населения булан-кобинской культуры II – 1-й половины IV в. н.э. (по материалам памятников Степушка (1–6, 8, 9, 11–14) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 64.-*2, 4*; 66.-*1а, 2а, 3а, 4а, 7–10 а – б, 14а*; 67.-*1а*; табл. 48.-*2, 3*]), Айрыдаш-I (7, 10, 15) (по: [Серегин, Матренин, 2014, фото 7, 9, 12]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (1–6, 11–14) и Н.Н. Серегина (7, 10, 15)*

на плоскогорье Укок, оставила ритуальные объекты своеобразной конструкции (Бертек-3–4, Кальджин-6, Мойнак-2). В них, как правило, обнаруживают кости животных, прокалы, иногда железные «напильники».

Для материальной культуры кочевников Алтая II – начала IV в. н.э. (рис. 2.204–208) характерна переработка местного булан-кобинского комплекса под влиянием позднехуннуского и в большей мере сяньбийского компонентов. Это нашло отражение прежде всего в изготовлении оружия (железные трехлопастные ярусные наконечники стрел разных форм, двухлопастные наконечники стрел, геометрические срезни, бронебойные наконечники, копья), снаряжения (железные пряжки с подвижным язычком и пластинчатым щитком-полуобоймой, железные поясные пластины в виде скоб), защитных доспехов (железные панцирные пластины характерной формы с соответствующим расположением крепежных отверстий), амуниции верхового коня (роговые подпружные пряжки с подвижным язычком), некоторых типов украшений из цветного металла (серьги с щитком в виде двойных концентрических спиралей). В целом, можно говорить о существенном изменении облика многих категорий предметов. Отдельные локальные группы населения булан-кобинской культуры в конце III – IV в. н.э. находились в контактах с племенами кокэльской культуры Западной Тувы, что выражалось в заимствовании некоторых образцов вооружения и экипировки (железные ярусные наконечники стрел так называемой южносибирской традиции, ножны с железными цепочками, колчанные крюки-застежки с планкой, железные пряжки с не-

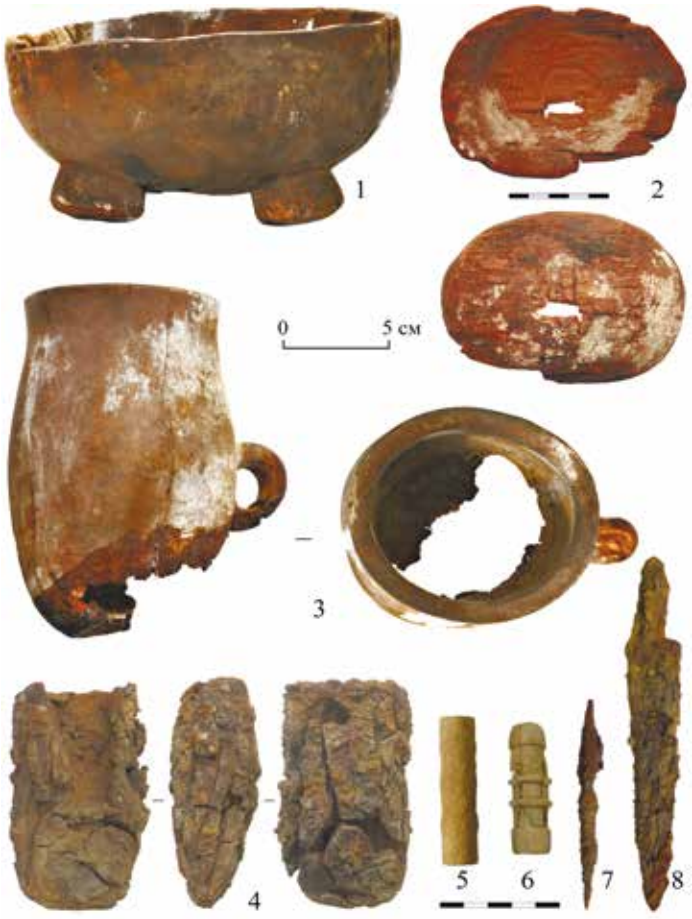

Рис. 2.208. Бытовая утварь и орудия труда населения булан-кобинской культуры II – 1-й половины IV в. н.э. (по материалам памятников Бош-Туу-I (1, 3) (по: [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 43, 45]), Курайка (2) (по: [Соенов, Штанакова, 2011, фото 18]), Степушка (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 54.-*12*; 78.-*10, 11*; 99.-*13, 14*)]. *Фотоснимки А.А. Тишкина (4–8) и В.П. Мыльникова (1, 3)*

подвижным шпеньком-язычком и щитком). Имели место и другие направления контактов «булан-кобинцев».

В период преобладания в Центральной Азии объединений сяньби основу горно-алтайского комплекса боевых средств по-прежнему составлял стрелковый набор, разнообразие которого значительно возросло за счет наконечников стрел.

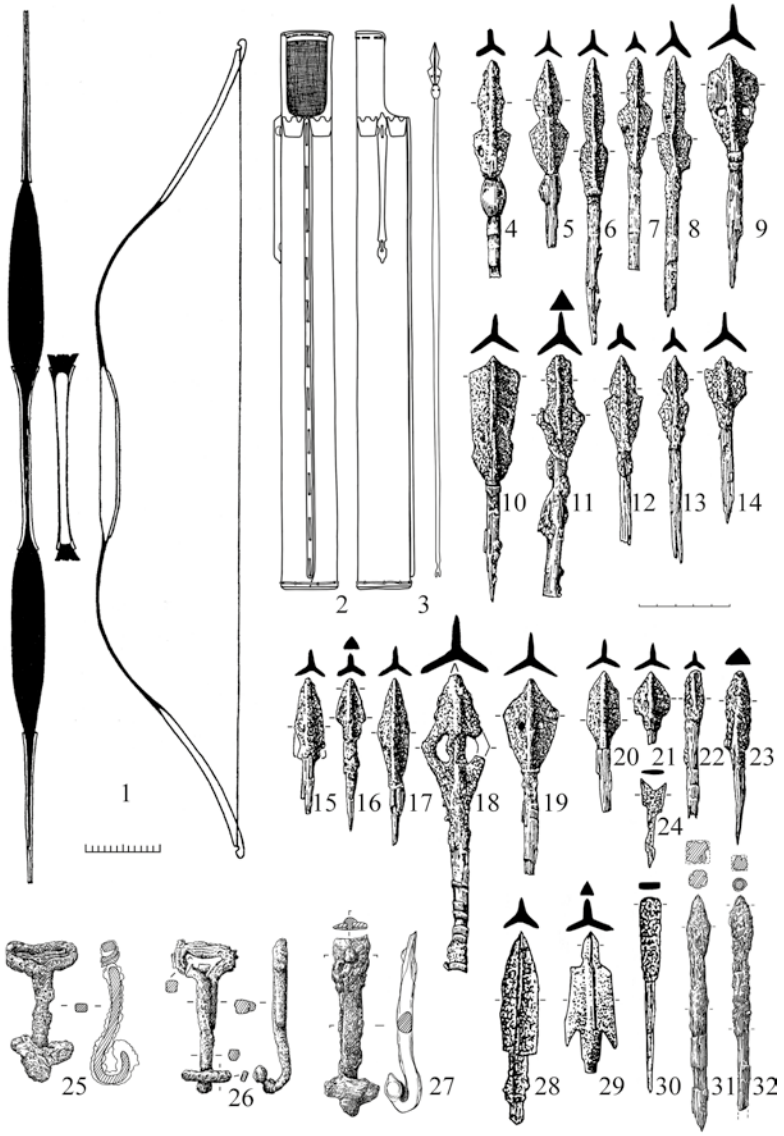

Рис. 2.209. Оружие и воинская экипировка населения булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II (1–23, 25, 26) (по: [Горбунов, 2006, рис. 11; 23.-*1–5, 7–22*; Матренин, 2017, рис. 2.-*4, 10*]), Верх-Уймон (24) (по: [Соенов, Эбель, 1992, рис. 42.-*11*]), Степушка (27, 31, 32) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 106.-*1, 2, 14*]), Дялян (28, 30) (по: [Тетерин, 2004, рис. 4.-*7, 11*]), Кок-Паш (29) (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10.-*1*])

Преобладают наконечники с трехлопастным пером ярусной и ромбической формы, появляются экземпляры с двух- и однолопастным пером. Под пером ряда наконечников на древко надевался костяной бочонкообразный шарик с тремя круглыми отверстиями, называющийся свистункой. В полете стрела, снабженная таким приспособлением, возможно, издавала звук, который служил сигналом, а при большом количестве этих стрел получался гул, пугающий лошадей противника. Изобретение свистунки китайские письменные источники приписывают шаньюю хунну Модэ (правил с конца III в. по 174 г. до н.э.). В дальнейшем оно получило широкое распространение у многих кочевых народов, включая и племена Алтая. В то время продолжали применяться кинжалы, но наряду с ними появились и боевые железные ножи с массивным клинком. Часть воинов оснащалась панцирями из роговых и железных пластин, мечами и копьями с железными наконечниками. Судя по изобразительным и вещественным данным, войско состояло из легкой конницы, но в составе последней имелись средневооруженные воины, способные вести уже не только ближний бой, но и наносить таранный удар.

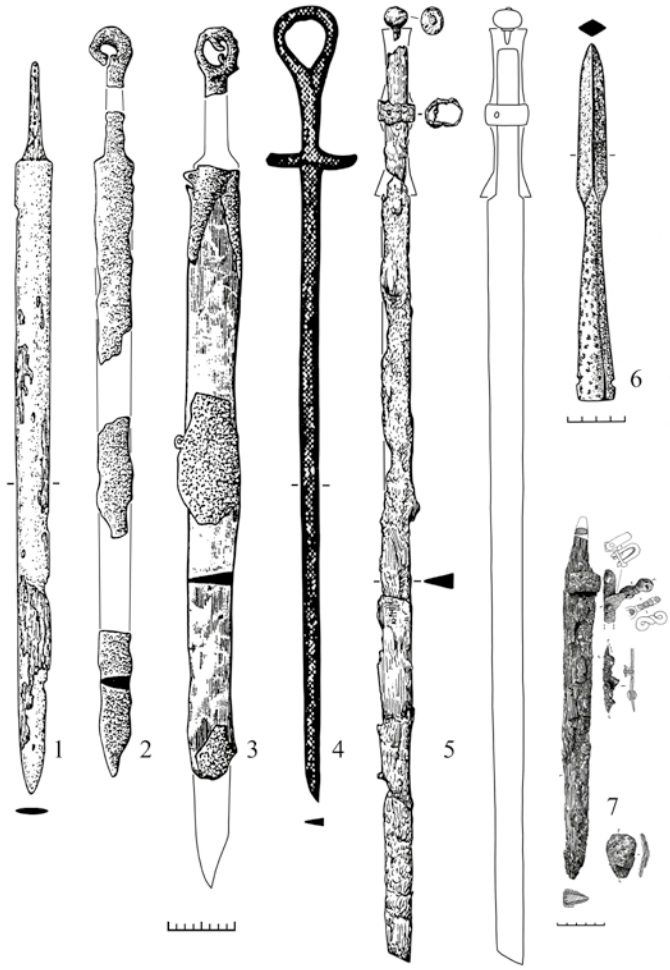

Рис 2.210. Оружие ближнего и среднего боя населения булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. (по материалам памятников Дялян (1) (по: [Тетерин, 2004, рис. 8.-*1*]), Кок-Паш (2, 3) (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 11.-*1*; 15.-*21*]), Берель (4) (по: [Горбунов, 2006, рис. 48.-*4*]), Катанда-I (6) (по: [Горбунов, 2006, рис. 42.-*2*)], Степушка (7) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018]), Яломан-II (5) (по: [Горбунов, 2006, рис. 48.-*5*])

Во 2-й половине III – 1-й половине IV в. н.э. у номадов Алтая отмечен рост вооруженного насилия, что свидетельствует о социальной напряженности. В результате одни группы «булан-кобинцев» как жертвы, а другие – как агрессоры вовлекаются в вооруженные конфликты, в том числе с культурно (этнически) чужеродным населением. Данный вывод основан на фиксируемых

антропологами скелетных травмах, которые представлены различными повреждениями: рубленые и резаные раны, насечки от оружия (орудия) с острым лезвием, вдавленные и дырчатые переломы, даже с застрявшими в костях наконечниками стрел, отсечения конечностей, а иногда и головы. Многие из них сопутствовали смерти людей. Достаточно много таких травм обнаружено у индивидов мужского пола (в том числе подростков и юношей 13–19 лет) из некрополя Степушка в Центральном Алтае [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018], а также у мужчин, женщин и детей, похороненных на могильнике Айрыдаш-I в Северном Алтае. На данных памятниках раскопано большое количество кенотафов.

Верх-уймонский этап (2-я половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры отражает пребывание населения Алтая в политической зависимости от Жужанского каганата (359–552 гг.). Проблема происхождения жужаней (жуаньжуаней) в исторической науке пока не имеет окончательного решения. По китайской традиции, жуаньжуани относятся к группе монголоязычных народов дунху, родственных сяньбийцам. Существует версия, что жужане – это собирательное наименование для представителей различных в этническом и лингвистическом отношениях племен, оказавшихся в степях Монголии и по каким-либо причинам порвавших всяческие связи со своими родовыми коллективами. Современные исследования отечественных и зарубежных ученых позволили прояснить ряд важных моментов по истории Жужанского каганата. Один из их вождей Илу из клана тоба около 300 г. осуществил первую консолидацию племен. Однако временем образования Жужанской орды считается 359 г. Еще одна датируемая информация относится к 394 г., когда лидер жужаней Шэлунь пересек пустыню Гоби и покорил ряд племен, но под ударами тоба был вынужден отступить. В 402 г. он собрал своих сторонников, объявил о создании имперской конфедерации и принял титул кагана. К V в. Жужанский каганат достиг наибольшего масштаба, благодаря тому, что Шэлунь провел ряд реформ и осуществил успешные походы. В 464 г. жужане «оформили государственность по китайскому образцу – ввели девизы годов правления». Историкам известны имена всех каганов за 150 лет существования империи. По мнению известного историка Л.Н. Гумилева, «…основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена», которые

Рис. 2.211. Железные панцирные пластины для доспеха булан-кобинских воинов 2-й половины IV – V в. н.э из памятника Яломан-II (по: [Тишкин, Горбунов, 2012, рис. 3])

в конце IV в. перекочевали на север в Джунгарию, а затем распространились от Западной Монголии вплоть до Байкала.

Археологических данных о жужанях практически нет. Лишь некоторые находки, сопоставимые с аварскими древностями, монгольские археологи связывают с жужанями. Поэтому существует проблема идентификации многочисленных археологических памятников Центральной Азии.

К верх-уймонскому этапу относятся могильники Верх-Уймон, Чендек, Кок-Паш, Яломан-II, Берель, Катанда-I, Дялян и некоторые другие. В обряде захоронения поздних «булан-кобинцев» не прослеживается принципиальных изменений. Археологические материалы верх-уймонского этапа демонстрируют незавершенность процесса этногенеза «булан-кобинцев», что выражалось в сосуществовании разных погребальных традиций, носители которых имели различный статус. Политическое объединение животноводов Алтая 2-й половины IV – V в. н.э. представляло собой, по-видимому, племенную конфедерацию. Элиту населения Алтая 2-й половины IV – V в. н.э., по-видимому, представляли носители яломанской погребальной традиции Центрального Алтая. На сегодняшний день самые яркие комплексы исследованы на памятнике Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай. Раскопанные объекты демонстрируют мощную военизированную культуру всадников.

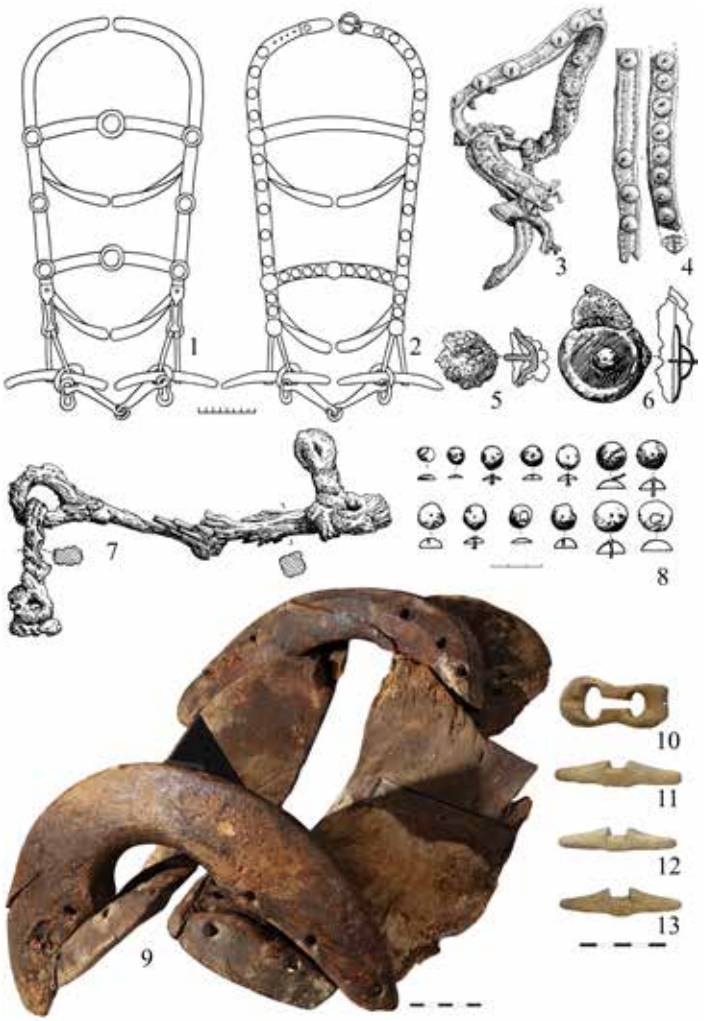

Рис. 2.212. Снаряжение верхового коня 2-й половины IV – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II (1–5, 7, 9) (по: [Тишкин, Горбунова, 2005, рис. 2; Матренин, Тишкин, 2016, рис. 1А.-*1*; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 90.-*2*]), Кок-Паш (6, 8) (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-*24, 25, 27, 28*, *61–70*]), Степушка (10–13) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, рис. 115.-*2, 5–7*]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (10–13) и С.В.Семенова (9)*

Рис. 2.213. Украшение и предмет туалета 2-й половины IV – V в. н.э. (по материалам памятников Кок-Паш (1) (по: [Серегин, Матренин, 2014, фото 8)] и Яломан-II (2) [по: Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 78.-2])

Исключительными находками представляются мечи разной конструкции, целый железный панцирь, колчаны, жесткие седла, которые сделаны из древесины и использовались без стремян.

В Северном Алтае в жужанское время ведущие позиции занимали «дялянцы» (могильники Дялян, Чобурак-I). Особенностью данных погребений являются ямы большой длины (до 4,6 м), в которых сопроводительное захоронение лошади находилось в «ногах» человека или перекрывало до 1/3 длины его тела. В Восточном Алтае к привилегированному населению принадлежали так называемые *кок-пашцы* (некрополь Кок-Паш), которые, по-видимому, являлись потомками «курайцев», ассимилировавшихся в IV в. н.э. в булан-кобинской культурной среде. Носители кок-пашской погребальной традиции практиковали одиночную ингумацию без коня, головой на восток или юг, под курганами с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Умершие укладывались вытянуто на спину с прямыми нижними конечностями. Захоронения производились в простых ямах большой глубины (не менее 1,5 м), обычно в каменных обкладках, деревянных ящиках, редко в каменных ящиках и колодах. В раскопанных объектах обнаружены многочисленные изделия, выполненные из различных материалов.

Рис. 2.214. Берестяная фигура человека из кенотафа. Яломан-II) (по: [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 69.-*2*]

Материальная культура населения Алтая 2-й половины IV – V в. н.э. (рис. 2.209–2.215) в основном продолжала развитие позднесяньбийских традиций. Важным являлось распространение в ней предметного комплекса (жесткие седла с деревянным каркасом, колчаны-тубусы, цурки, роговые подпружные пряжки и др.), известного позднее с некоторыми изменениями у тюрок 2-й половины V – XI в.

В период сложения Жужанского каганата развитие боевых средств у горно-алтайских кочевников достигло наиболее оптимального уровня. Происходило дальнейшее увеличение разнообразия наконечников стрел за счет новых форм пера: пятиугольная, листовидная, килевидная. Выросло число бронебойных экземпляров. Появились новые типы наконечников копий, мечей и боевых ножей. Значительное распространение получили передовые формы железного доспеха (включая защитные средства для

лошади), таранного и длинно-клинкового оружия, что способствовало созданию у горно-алтайских кочевников самостоятельных бронированных подразделений, вызвало специализацию войска по родам и усложнило способы их боевого использования. Это привело к выделению средней конницы (рис. 2.216) в самостоятельный род войск и появлению первых тяжеловооруженных всадников. На заключительном этапе существования булан-кобинской культуры из однородного ополчения выделился слой профессиональных воинов-дружинников, а из вождей сформировалась наследственная военная аристократия. Иерархия войска значительно усложнилась и включала уже три основных уровня: ополчение, дружину и командный состав. Основным тактическим принципом ведения боя становится взаимодействие легкой и средней конницы. Сражение начинала легкая конница, которая должна была причинить существенные потери живой силе противника и измотать его, а завершала бой средняя конница – массированной атакой, ликвидирующей организованное сопротивление. В целом, такая тактика носила наступательный характер. Судя по наскальным рисункам, горно-алтайские воины в IV–V вв. н.э. часто применяли и пешие боевые порядки, где первая линия включала хорошо защищенных воинов вооруженных копьями, вторая линия – доспешных лучников, а задние ряды комплектовались легкими лучниками. Главной задачей такого построения являлся массированный обстрел приближавшегося противника, а сама тактика носила выраженный оборонительный характер. Сложный пересеченный ландшафт Алтая делал применение здесь пеших боевых порядков вполне оправданным. Учитывая скотоводческий

Рис. 2.215. Орудия труда, бытовые и ритуальные предметы населения булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. (по материалам памятников Степушка (1–4) (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018]), Яломан-II (5–16) (по: [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 71.-*1*; 74.-*2*; 78.-*1*; 79.-*1*]). *Фотоснимки А.А. Тишкина (1–4), В.П. Мыльникова (6–16)*

Рис. 2.216. Булан-кобинский средневооруженный всадник 2-й половины IV – V в. н.э. *Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Г.Л. Нехведавичюса*

характер хозяйства, такая пехота легко превращалась в конницу.

Археологические материалы 2-й половины IV – V в. н.э. позволяют еще раз отметить незавершенность процесса этногенеза «булан-кобинцев», преобладание разных «пришлых» и «местных» этнокультурных компонентов в отдельных районах Алтая, а также сложные отношения между носителями разных погребальных традиций. В 460 г. н.э. жужане переселили из Восточного Туркестана на Алтай племя Ашина, которое сумело консолидировать вокруг себя булан-кобинские племена. В результате сложилась общность, известная в истории под самоназванием «Тюрк». В 552–555 гг. тюрки разгромили жужаней. С этого времени жужане практически исчезли с исторической арены. Историческая судьба «булан-кобинцев» в рамках тюркской общности вызывает много вопросов. По-видимому, потомки «айрыдашев» проникли в VI в. н.э. в Минусинскую котловину (Республика Хакасия). Что же произошло с элитой населения булан-кобинской культуры, оставившей погребения яломанской и кок-пашской традиций (была ли она ассимилирована либо покинула территорию Алтая), сказать пока трудно.

А.А. Тишкин, С.С. Матренин, В.В. Горбунов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Второй раздел данного тома оказался самым большим по объему представленной информации. Это связано с несколькими обстоятельствами, среди которых хронологический диапазон истории не является основным. Дело, скорее всего, в количестве выявленных памятников древней эпохи и в более длительном их изучении. Можно также отметить исследовательские традиции, которые сложились в АлтГУ. На первых этапах становления археологической школы большое внимание уделялось энеолиту и эпохе бронзы. После открытия в 1988 г. кафедры археологии, этнографии и источниковедения специализация существенно расширилась. Студенты, аспиранты и молодые сотрудники стали больше заниматься ранним железным веком. Эта тенденция дала свои результаты в виде публика-

ций, диссертаций и монографий. В результате сформировался значительный корпус археологических источников периода поздней древности, что лишь частично и в обобщенном виде отражено в третьей главе рассматриваемого раздела. Большое значение имели экспедиции научных учреждений разных городов страны, которые работали на Алтае на протяжении длительного времени. Такая деятельность обеспечила не только выделение представленных культур раннего железного века, но и позволила наполнить их существенным содержанием. Наиболее известной стала пазырыкская культура. Находки из многочисленных курганов, оставленных населением этой общности, демонстрируются в ряде музеев России, Казахстана, Монголии и Китая. Другие обозначенные культуры все больше и больше привлекают внимание специалистов. Одной из наиболее изученных стала булан-кобинская культура.

Важными являются материалы, которые отражают период ранней древности. В настоящее время особое внимание уделяется афанасьевской культурно-исторической общности, памятники которой на Алтае имеют свою специфику. Сведения, полученные о них, требуют детального обобщения и реализации развернутой программы междисциплинарных исследований. Изучение археологии Кулунды позволило открыть новые страницы истории освоения этой территории в период энеолита. Эта практика должна быть продолжена, что создаст основу для сравнительного анализа с имеющимися данными по соседним регионам. Ярким археологическим явлением стала елунинская культура. Ее открытие и системное изучение изменили наши представления о развитии производящего животноводства и бронзолитейном производстве на юге Западной Сибири. В течение длительного времени в Лесостепном Алтае раскапывались погребальные комплексы андроновской культуры. Получен существенный объем научной информации. Однако более перспективными являются исследования андроновских поселений, которые в достаточном количестве обнаружены в указанном регионе. Упор на изучение таких объектов обеспечит более объективные данные о локальной общности, населявшей Верхнее Приобье. Период поздней бронзы и переходное время к раннему железному веку также требуют продолжения системных работ на известных памятниках, хотя в свое время уже был заложен определенный фундамент в такой области. Необходимым является введение в научный оборот сведений о раскопанных комплексах и современном их анализе.

Завершая самый большой по объему раздел, необходимо еще раз подчеркнуть важность представленных материалов, которые указывают на то, что на территории Горного и Лесостепного Алтая проживали древние народы, имевшие высокий уровень развития. Они были вовлечены в военно-политические и этнокультурные процессы в разные периоды древней эпохи. Однако пока не все выделенные культуры наполнены обстоятельным содержанием. Поэтому исследователям еще предстоит необходимая работа для получения новых данных и изучения уже накопленных археологических свидетельств. Особое значение в настоящее время приобретают современные методы естественных и точных наук. Их применение существенным образом расширяет границы познания прошлого объективной информацией. Особое значение будут иметь палеогенетические заключения, а также определения более точных датировок, идентификация находок и реконструкция технологий их изготовления.

А.А. Тишкин

РАЗДЕЛ III
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПОХА
(средневековье)

ВВЕДЕНИЕ

Заключительный раздел, в отличие от предыдущих частей данного тома, по своему объему небольшой, что связано с несколькими обстоятельствами, из которых стоит отметить не только более узкие хронологические рамки, но и степень изученности археологических памятников. Он открывается характеристикой одинцовской культуры, датируемой 2-й половиной IV – 1-й половиной VIII в. н.э. и фиксируемой на территории Лесостепного Алтая. Следующую из представляемых культур большинство исследователей обозначают «древнетюркской». На наш взгляд, ее правильнее называть «тюркской», без дополнения «древняя», поскольку тюркский этнос существовал как единая общность только в период раннего средневековья. В отечественной научной литературе традиция использования термина «древнетюркский» связана с известным тюркологом В.В. Радловым. Позднее в работах Л.П. Потапова, С.Е. Малова, А.Н. Бернштама, Л.Н. Гумилева и других историков такое понятие применялось по отношению к культуре, письму, языку, времени, эпохе, изваяниям и т.д. При этом А.А. Гаврилова совершенно справедливо характеризовала изученные в Горном Алтае захоронения на памятнике Кудыргэ тюркским временем или периодом тюркского господства. А.Н. Бернштам применял обозначение «орхоно-енисейские тюрки VI–VIII веков», а С.И. Вайнштейн использовал в своих работах термин «алтайские тюрки» в отношении племен во главе с родом ашина (тюрк). А.Д. Грач посвятил отдельную статью, в которой рассматривал понятие «древнетюркское время», использовавшееся в 1960-е гг. Кроме установления хронологических границ, им была дана характеристика обозначенного времени, основанная на том, что на большой территории «…у разных этнических образований тюркской языковой семьи…» возникали и бытовали общие черты, которые наглядно проявились в материальной культуре («форма оружия, бытовых предметов, конской сбруи, украшений, сосудов»), в «…древнетюркской рунической письменности…», а также в погребальном обряде «…древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и в первую очередь погребения с конем, получившие распространение с VII в. н.э.». Свои взгляды на рассматриваемую проблему изложил Л.Р. Кызласов, считая, что «…подменять терминами «древние тюрки», «древнетюркская культура», «древнетюркское время» наименование всех тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно…» [Тишкин, 2007а, с. 185–186]. Рассмотрение терминологического вопроса, как и тщательное изучение истории раннего средневековья, является важным делом. В настоящее время в азиатском мире действуют политические объединения, в основе

которых лежат идеи пантюркизма или панмонголизма. Такие движения спекулируют на историческом прошлом. Искусственное разделение тюрко-монгольского мира может привести к многоплановой конфронтации и будет способствовать дестабилизации в огромном регионе. Поэтому важно объективно изложить не только историю тюрок, основанную на письменных данных, но и всесторонне изучить тюркские археологические комплексы. Результаты такой работы в обобщенном виде уже опубликованы [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 7–41], что в определенной мере повлияло на формат материалов, представляемых в данном разделе.

Особенностью изучения сросткинской культуры является то, что существенная часть результатов раскопок и обследований разных памятников на большой территории ее бытования до сих пор не введена в научный оборот. Предстоит также работа по использованию многочисленных современных методов естественно-научного характера для анализа накопленных свидетельств. В представленном ниже блоке информации дана всесторонняя характеристика фиксируемого этнокультурного явления и приведены соответствующие примеры для лучшего восприятия. Стоит надеяться, что в ближайшие годы состоятся крупные многоплановые обобщения по исследованным памятником и обозначенным этапам развития сросткинской общности.

Еще одна культура раннего средневековья, о которой пойдет речь в данном разделе, условно обозначена как кыргызская. Эпоха «великодержавия» (термин введен В.В. Бартольдом) Кыргызского каганата датируется 840 – около 950 гг. и связана с целым рядом военно-политических событий, в которые были вовлечены народы Южной Сибири. Археологических памятников «культуры енисейских кыргызов» того времени в Горном Алтае зафиксировано немного. По мнению Л.Р. Кызласова, Алтай был завоеван кыргызами в IX в., хотя местные тюркские племена продолжали проживать на своих местах. Существует и несколько иная интерпретация этнополитической ситуации на Алтае в период образования и существования Кыргызского каганата. В исследованных немногочисленных памятниках отражено в основном военное присутствие. Эти объекты расположены не только по окраине каганата, но и в других областях региона. Еще меньше зафиксировано захоронений, сооруженных в период распада Кыргызского каганата на отдельные княжества. Существенное снижение объема археологических работ в Горном Алтае не позволяет рассчитывать на увеличение информации, необходимой для более точных реконструкций.

Несколько парадоксальным выглядит невысокая степень изученности археологических памятников Горного Алтая монгольского времени. До недавнего времени не было и названия культуры. Обобщение имевшихся материалов и новые данные позволили отчасти решить эту проблему, что нашло отражение в обозначении кызыл-болчокская культура. На территории Лесостепного Алтая выявлено больше археологических комплексов монгольского времени. Они объединены в кармацкую культуру по названию самого крупного могильника того времени. Исследования последних десятилетий позволили существенным образом продвинуться в вопросах реконструкции этнополитических процессов на указанной территории, а также дать характеристики многим сторонам системы жизнеобеспечения проживавшего населения.

Наиболее проблематичным для изучения оказывается постмонгольское время. Памятники XV–XVII вв. на Алтае пока не известны. Это, по всей видимости, связано с целым рядом обстоятельств, среди которых главными являются военно-политические события и природно-климатические условия. В данном томе они не нашли своего отражения. Обозначенная проблема может стать темой для отдельного исследования.

А.А. Тишкин

ГЛАВА 1

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ТЮРКСКОЕ И КЫРГЫЗСКОЕ ВРЕМЯ

ОДИНЦОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В середине IV в. н.э. на земли северной равнинной части Алтая, где проживали самодийские племена, стали продвигаться группы кочевого населения. Можно проследить два направления такого движения. Первое (юго-западное) – из Средней Азии, с территории княжества Юэбань. Данное владение, образованное северными хунну/сюнну в Семиречье (156–488 гг.), вело в IV–V вв. н.э. борьбу с Жужанским каганатом (359–552 гг.), последствиями которой явилось перемещение его населения на северные земли Алтая в район бассейна Алея. Второе направление (южное) связано с Горным Алтаем. Часть местных кочевников, видимо, также вовлеченных в указанные политические события, продвинулись в лесостепные районы по территории бассейна Чарыша. В результате контактов пришлых групп кочевников с самодийцами в Лесостепном Алтае образовалась новая общность, получившая в археологии название *одинцовская культура*. Несмотря на первоначально полиэтничный состав этого образования, преобладающим компонентом в нем остался самодийский, ассимилировавший пришельцев. Поэтому в целом население, оставившее памятники одинцовской культуры, можно продолжать называть самодийцами.

Первые материалы, которые сейчас можно отнести к одинцовскому культурному кругу, были получены в результате раскопок Н.С. Гуляева у с. Большая Речка в 1895–1912 гг. Позднее в 1930 г. М.Д. Копытов и С.М. Сергеев раскопали грунтовую могилу у поселка Одинцовка. Именно этот памятник и дал название сначала этапу, а затем и всей культуре. В 1956 г. М.П. Грязнов выделил верхнеобскую культуру (II–VIII вв. н.э.), обозначив первый ее этап одинцовским (II–IV вв. н.э.). Затем данная хронологическая схема была пересмотрена Т.Н. Троицкой, которая в 1981 г. выделила самостоятельную одинцовскую культуру. В настоящее время понятие «одинцовская культура» сохраняется только за памятниками Лесостепного Алтая, которые датируются 2-й половиной IV – 1-й половиной VIII в. н.э. и состоят из поселений, городищ и грунтовых могильников. Они известны на правобережье Оби в пределах Бийско-Чумышской возвышенности, Предсалаирской равнины, предгорной зоны междуречья Катуни и Бии, а также на левобережье Оби (в пределах Приобского плато и Предалтайской равнины).

Селились средневековые самодийцы, как и их предшественники, в боровых массивах по берегам рек и озер, у кромки террас или на гривах высотой 5–18 м. Выделяются небольшие поселки, насчитывающие 5–11 построек (рис. 3.1.-*1*). Имеются средние поселки с 19–41 постройками и крупные поселенческие центры, где число

построек достигает 61–82 единицы. Значительная их часть окружена рвом и валом перед ним (рис. 3.1.-*1*). Обычно перепад высоты между глубиной рва и высотой вала составляет 1 м. Эти параметры, как и расположение вала перед рвом, скорее всего, указывают на границу поселка, чем являются серьезными оборонительными сооружениями. Иногда встречаются двойные линии рвов и валов, а также случаи пристройки этих линий по мере роста населенного пункта. Данная система может окружать поселок по всему периметру или только с напольной стороны, чаще подковой, когда тыльная часть поселения примыкала к обрывистому берегу. Линия ров–вал снабжалась разрывами (от 1 до 3) шириной 4–7 м, маркирующими въезды на территорию поселения. Внутри огороженной площадки (от 750 до 17200 кв. м) постройки располагались вдоль рва и края берега, иногда в несколько рядов, оставляя, как правило, в центре пустое пространство. В поселках, не имевших огороженной территории, постройки образовывали один ряд (часто вдоль края террасы). Но встречается и более сложная планиграфия. Например, разделение построек на три конца-улицы, обособленные рельефом местности, сходящиеся к единому центру. Помимо стационарных поселков, часть самодийских памятников является кратковременными стоянками, приуроченными к пойменным елбанам. На них отсутствуют капитальные постройки, которые, видимо, заменяли наземные конструкции типа шалашей.

Самодийские стационарные жилища являлись полуземлянками. Их основу составлял четырехугольный котлован, углубленный в землю на 30–70 см. Дно котлована было ровным либо с материковыми уступами вдоль двух смежных стен для устройства спальных мест. Стены такого жилища имели срубную конструкцию, т.е. набирались из бревен или горбылей, на концах которых делались пазы. Часто по углам стены подпирались вертикально вкопанными бревнами. Видимо, в ряде случаев стены из горизонтально сложенных горбылей скреплялись с помощью пазов непосредственно на угловых столбах. Крыши жилищ были четырехскатными. Их каркас набирался из жердей, опиравшихся на столбы, вкопанные по середине котлована, и перекладины. Крыша покрывалась корой и утеплялась дерном. Жилище имело один вход-выход, расположенный в углу с коротким коридором или без него. Отапливалось помещение

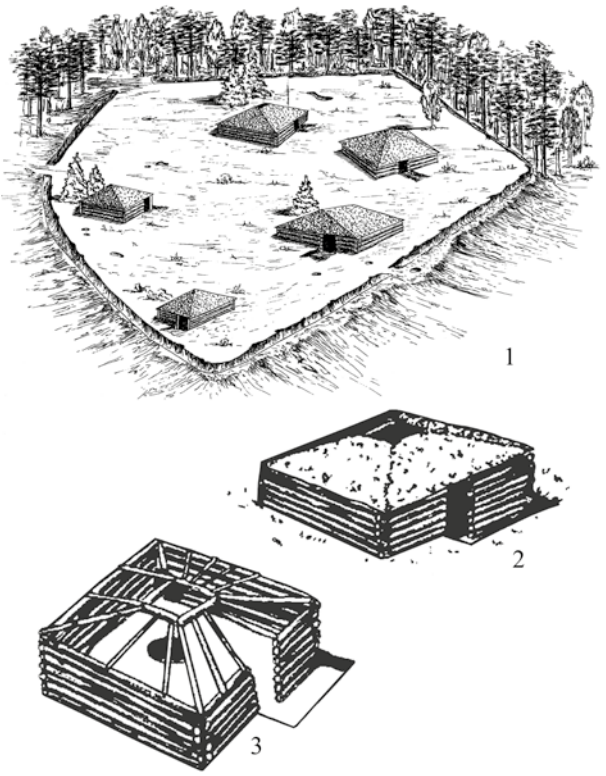

Рис. 3.1. Самодийский поселок и жилая постройка. Поселение Сошниково-1, 2-я половина IV – V в. н.э. (по: [Казаков, 1998, рис. 4, 9])

очагом открытого типа, на нем же готовили пищу. Очаг углублялся в пол в виде округлой или овальной ямы площадью около 1 кв. м. Он располагался либо в центре помещения, либо ближе к одной из стен, удаленных от входа. Большинство таких изб топилось по-черному, т.е. дым выходил через двери. Однако зафиксирована и крыша с четырехугольным отверстием-дымоходом (рис. 3.1.-*2*). Интересно, что у нее не было опорных столбов и несущие нагрузки распределялись на верхние венцы сруба через стропила (рис. 3.1.-*3*). Площадь жилого помещения составляла 20–40 кв. м. Одна его половина была спальной, другая хозяйственной, о чем свидетельствуют остатки битой посуды, пищи и отдельные вещи.

Хозяйственные постройки имели ту же конструкцию, что и жилища, но отличались меньшей площадью – 9–10 кв. м. Как правило, количество хозяйственных сооружений в поселке уступает числу жилищ. Однако некоторые такие строения достаточно четко привязаны к определенным жилищам и составляют с ними один планиграфический комплекс. Культурный слой поселений и городищ тонкий и не богат находками. Это свидетельствует либо об их сезонном использовании, что маловероятно для средних и крупных поселков, либо о переработке основной продукции на временных стоянках.

Хозяйство самодийских племен в раннем средневековье мало изменилось. Его основу по-прежнему составляли присваивающие отрасли: охота, рыболовство, собирательство. Из производящей экономики дальнейшее развитие получило животноводство. Охотились на крупных копытных животных – лосей, оленей, косуль. Для добычи меха промышляли медведя, лису, зайца. Поскольку все временные стоянки расположены в пойменных угодьях, эти места были удобны для охоты на водоплавающую дичь и рыбной ловли. Орудиями охоты были лук и стрелы с костяными наконечниками. Такие наконечники имели черешковый (изредка втульчатый или раздвоенный) насад и граненое перо. Экземпляры с длинным заостренным пером были эффективны против крупных животных, с коротким заостренным пером – против птиц, с массивным тупым пером – против пушного зверя. Находки рыболовных железных крючков с одним шипом указывают на практику удилищной ловли, но они могли применяться и при устройстве самоловных крючковых снастей. Близость стоянок к фарватерам рек и открытым озерным плесам свидетельствует и о развитии сетевого рыболовства, рассчитанного на получение крупной рыбы.

Важную отрасль хозяйства самодийского населения составляло животноводство. Ведущая роль в стаде, судя по остеологическому материалу из поселенческих и погребальных памятников, принадлежала лошади. Разводился также мелкий рогатый скот и в небольшом количестве крупный рогатый скот. Занятие животноводством носило сезонный характер. В теплое время года скот выпасали на луговых поймах и степных участках, зимой из-за большого покрова снега домашние животные переводились в загоны на заготовленные корма и лишь отдельные (хорошо продувавшиеся участки) местности могли служить в качестве зимних пастбищ для лошадей. Главным образом лошадь использовалась как верховое животное. Для этого имелись соответствующие уздечные и седельные принадлежности. На памятниках от них чаще сохраняются удила и псалии, подпружные пряжки, иногда украшения ремней. Еще одним незаменимым домашним животным была собака. Встречаются захоронения собак, сопровождавших умерших людей.

Ремесленные занятия самодийского населения в раннем средневековье включали в себя весь необходимый спектр операций, связанных с обработкой дерева,

камня, рога и кости, кожи и меха, производство тканей и гончарной посуды, изготовление утилитарных и декоративных предметов из черных и цветных металлов. Большинство этих занятий носило характер домашнего производства. Довольно сложные конструкции жилищ и хозяйственных построек свидетельствуют о значительном прогрессе в деревообработке. Однако основными орудиями по обработке древесины оставались железные тесла (рис. 3.2). Помимо строительства, дерево шло на производство кибитей луков, древков стрел, рукоятей, ножен, щитов. Обрабатывалась и берестяная кора, шедшая на покрытие крыш и изготовление футляров для стрел и ножей. Мало изделий встречается из камней. В основном из него делались точильные бруски, навершия на рукояти мечей и бусы. Из кости и рога изготавливались охотничьи наконечники стрел, накладки на лук и колчан, псалии, седельные накладки, подпружные пряжки (рис. 3.3), застежки, подвески и бусы на ожерелья, футляры для игл. О ткачестве и шитье свидетельствуют находки керамических пряслиц и железных шильев, об обработке кожи – фрагменты изделий, например, сумочки для зеркала и чехла для ножа.

Из домашних производств наиболее полно представлено гончарство. Сырье для производства посуды (глину) брали из местных источников. В глиняную массу добавляли песок, шамот, навоз животных и помет птиц. Мелкие сосуды для питья и еды формовались из одного куска теста, а средние и крупные сосуды для приготовления и хранения пищи делались ленточным способом. На сосуды наносили орнамент, просушивали и обжигали открытым способом на специальных площадках. Керамическая посуда представлена круглодонными банками и горшками (рис. 3.4.-*1–2*). Наиболее распространенные элементы орнамента на них – ямки, гребенчатый и полулунный штампы, более редкие – насечки, уголок, гладкий штамп, «жемчужник». Орнаментальная композиция украшала сосуды лишь в верхней части по венчику, шейке и плечикам.

Много самых разных изделий изготавливалось из железа: тесла, ножи (рис. 3.5.-*1–2*), шилья, боевые наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, пластины для панцирей и шлемов, оковки щитов, обоймы ножен с цепочками для подвешивания к поясу, удила, стремена (рис. 3.6), котлы, поясные пряжки и застеж-

Рис. 3.2. Железное тесло. Поселение Новозыково-3, VI – 1-я половина VII в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 176). *Фотоснимок автора*

Рис. 3.3. Костяная (роговая) пряжка. Могильник Ближние Елбаны-XVI, VI – 1-я половина VII в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 157). *Фотоснимок автора*

ки, бляхи-накладки. Внушителен и список изделий из бронзы: котлы, поясные пряжки и бляхи, наконечники ремней, нашивки на одежду, гривны (рис. 3.7.-*6–7*), браслеты, серьги (рис. 3.7.-*1–5*), перстни и кольца, подвески, пронизи, бусы, зеркала, пинцеты, культовые амулеты. Поселенческие памятники не содержат следов выплавки железа или цветных металлов, что позволяет предполагать импорт металлических заготовок.

Часть материалов и вещей отражают торговые связи самодийского населения. Например, стеклянные бусины в виде шара, цилиндра, конуса и параллелепипеда, прозрачного, белого и золотистого цвета; драгоценные изделия из золота и серебра в полихромном стиле: гнезда, напаянные рядами и окруженные зернью, инкрустация полированными альмандинами, сердоликом, цветной пастой и стеклом, из ювелирных центров Средней Азии. Следует отметить иранские и китайские монеты. Особенно представительна китайская серия монет с девизами «ушуцянь», «чанпин ушу», «кайюань тунбао». В погребениях могильника Горный-10 были найдены китайские монеты, начало выпуска которых приходится на 585 и 621 гг., а в жилище на поселении Акутиха-1 зафиксирована китайская монета 712–731 гг., что позволяет очертить нижние границы их попадания в самодийские памятники.

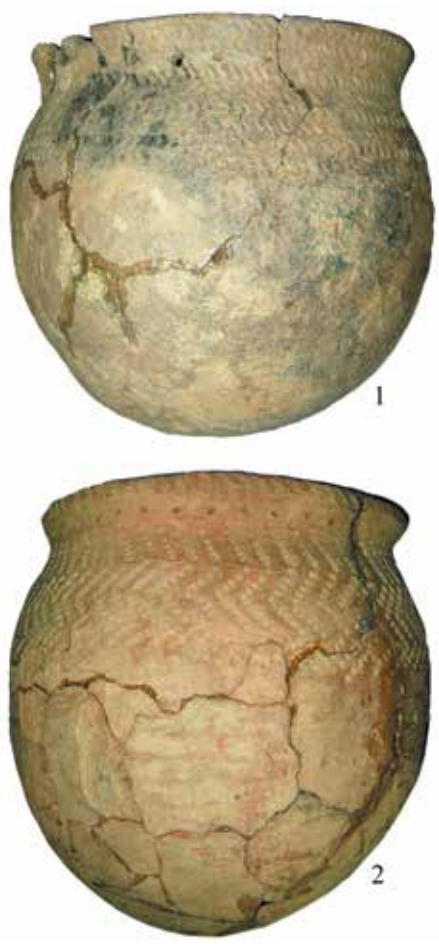

Рис. 3.4. Керамические сосуды. Поселения Малый Гоньбинский Кордон-2/6 (1) и Акутиха-1 (2), 2-я половина IV – 1-я половина VIII в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 200, 302). *Фотоснимки автора*

Важную роль в жизни самодийских племен играло военное дело. На раннем этапе развития общности (2-я половина IV – V в. н.э.) комплекс вооружения выделяется многими передовыми для своего времени средствами защиты и нападения. Это панцири покроя «кираса» и «катафракта», конические шлемы с бармицей, набранные из железных пластин (рис. 3.8.-*8*), круглые деревянные щиты, оббитые по краю железным кантом, а также сложносоставные луки «хуннуского» типа, стрелы и копья с железными наконечниками (рис. 3.8.-*1–7*), двух- и однолезвийные мечи, кинжалы и боевые ножи не известных в Западно-Сибирском регионе в предыдущее время типов. Формирование данного комплекса связано с влиянием хуннуской и сяньбийской традиций. На позднем этапе его развития (VI – 1-я половина VIII в. н.э.) наблюдается сильное влияние тюркской традиции, заметное в типах сложносоставных луков и наконечников стрел. Впрочем, можно выделить и оригинальные черты. Так, некоторые самодийские луки имели несколько вырезов для тетивы, что позволяло регулировать силу ее натяжения, а значит, и дальность полета стрелы.

Самодийское войско состояло из легкой пехоты, легкой и средней конницы. Легкая пехота и конница применяли луки со стрелами и боевые ножи. Средняя конница, помимо этих средств, использовала панцири, шлемы, щиты, копья, мечи и кинжалы (рис. 3.9). Военная организация самодийского общества включала ополчение, профессиональных воинов-дружинников, командный состав из военной аристократии. Отдельно стоит выделить самый богатый военный комплекс из погребения «князя» у с. Тугозвоново. Богатством отделки отличаются ножны и рукояти меча и кинжала, найденные в могиле «князя». Они имели золотые и серебряные оковки, выполненные в технике полихромного стиля. Кинжал крепился к поясу при помощи двух серебряных пряжек. Высокохудожественное исполнение других предметов: гривны, перстень, пряжки, наконечники, подвеска, большое число драгоценного металла, тайный характер самого захоронения – позволяют отнести его к рангу верховного военного вождя. Наличие института главнокомандующего делало военную организацию более централизованной. Связь тугозвоновского элитного комплекса с материалами из Семиречья указывает на ее привнесение в Лесостепной Алтай среднеазиатскими хунну. Дальнейшая ассимиляция этих пришельцев в местной среде могла привести к децентрализации военной системы в более позднее время.

Тактика самодийского войска состояла в комбинированном использовании легкой и средней конницы. Легкая конница образовывала авангард и фланги, применяя обстрел противника с дальней дистанции в рассыпном строю. Средняя конница формировала центр боевых порядков, нанося противнику таранный удар с последующим переходом к ближнему бою. Легкая пехота могла применяться при оборонительных действиях на пересеченной местности, в лесных массивах, при защите поселений и устройстве засад.

Рис. 3.5. Железные ножи. Могильник Троицкий Елбан-I, 2-я половина IV – V в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 160). *Фотоснимки автора*

Духовная культура раннесредневековых самодийцев базировалась на языческих представлениях о загробном мире и мифологизированных воззрениях о мироздании. Важная роль отводилась погребению умерших сородичей. Могильники устраивались либо на елбане в пойме реки, либо на террасе коренного берега, иногда на весьма высоком месте. Выделяются одиночные тайные погребения, небольшие кладбища до десяти могил, средние кладбища из двух-трех десятков объектов и крупные некрополи, содержащие более 70 могил. Обычные захоронения совершались в прямоугольных ямах глубиной от 30 см до 1 м. Внутри могла

Рис. 3.6. Железное стремя. Случайная находка в кургане у с. Локоть, 2-я половина V – VI в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 173). *Фотоснимок автора*

Рис. 3.7. Бронзовые серьги и гривны. Могильники Троицкий Елбан-I (1–3, 5–7) и Малый Гоньбинский Кордон-1/2 (4) (МАЭА АлтГУ, колл. 160, 230). *Фотоснимки автора*

находиться конструкция из деревянной рамы, перекрытой плахами или листами бересты. Тайные захоронения совершались на большей глубине (1,8–2,15 м). Они содержали самый многочисленный и богатый инвентарь и принадлежали наиболее знатным представителям общества. На коллективных кладбищах погребения располагались в ряд или в несколько параллельных рядов. Сверху могилы засыпались землей и не оставили на современной поверхности каких-либо следов.

Известны три типа погребального обряда: кремация на стороне, ингумация и ингумация в сопровождении коня. Первый тип обряда восходит к самодийскому населению предыдущего времени. Он состоял из помещения в могилу компактной кучки сожженного праха умершего – мелкие кальцинированные кости. Чаще встречаются погребения с одиночной кремацией, но есть и могилы с коллективной кремацией – до четырех скоплений пережженных костей. Второй тип обряда был привнесен мигрантами из Средней Азии, и его переняла основная часть населения. Он состоял из помещения в могилу тела умершего человека вытянуто на спине, головой ориентированного на север с отклонением к востоку или западу. Абсолютно преобладают погребения с одиночной ингумацией, но встречаются и парные захоронения, например, мужчин-воинов. Именно в могилах второго типа встречается обычай прижизненной кольцевой деформации черепа, находящий прямые соответствия в памятниках Семиречья. И, наконец, третий тип обряда (тоже пришлый) появился с мигрантами из Горного Алтая. В таком случае в могилу помещали умершего человека, уложенного вытянуто на спине, головой на северо-восток, а справа или слева от него укладывался верховой конь, обращенный головой либо в одну сторону с хозяином, либо в противоположную от него сторону. Начиная с VI в. н.э. наблюдается абсолютное господство

обряда одиночной ингумации, что указывает на завершение ассимиляционных процессов в местном обществе и унификации мировоззренческих представлений.

Большинство захоронений умерших людей подразумевало помещение вместе с ними разнообразного сопроводительного инвентаря. В могилах встречаются орудия труда, посуда, вооружение, конское снаряжение, поясные наборы, украшения костюма, предметы туалета, амулеты. Погребения могли сопровождаться заупокойной пищей из мяса овцы, а рядом с ними устраивалась поминальная тризна, при которой в основном использовались мясо лошади и какая-то растительная пища в керамической посуде.

В раннесредневековом самодийском обществе сохранялись культы диких и домашних животных, но выражены они слабее, чем в предыдущее время. Их проявления можно видеть в произведениях прикладного искусства, входивших в состав костюма человека. Это зооморфные и орнитоморфные подвески, бляхи-накладки и нашивки, содержащие весьма стилизованные образы. Среди этой серии можно распознать, пожалуй, только головы волков на гривнах из тугозвоновского комплекса, выполнявшие роль оберегов для своего знатного хозяина. Вероятно и их мифологическое значение, привнесенное из кочевой среды, где волк или волчица выступали тотемом, предком-прародителем целого ряда династий.

Какое-то время в местной среде еще сохранялся культ лошади, о чем свидетельствуют редкие ритуальные захоронения этих животных. Однако они располагаются на человеческих кладбищах в отдельных ямах и, возможно, являются не специальными жертвоприношениями, а разновидностью сопроводительных захоронений. Это же можно сказать и о культе собаки. Она превращалась в сопроводительное животное, помещенное в могилу человека или рядом с ней в отдельную яму.

Проявление культов предков, героев и антропоморфных божеств можно видеть на ряде бронзовых украшений костюма. Интересны

Рис. 3.8. Железный наконечник копья, наконечники стрел и панцирные пластины. Могильники Троицкий Елбан-I (1, 7, 8) и Ераска (2–6), 2-я половина IV – V в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 160; АГКМ, колл. 12793 и 15625). *Фотоснимки автора и С.В. Семенова*

Рис. 3.9. Самодийский воин 2-й половины IV – V в. н.э. *Реконструкция автора, рисунок Г.Л. Нехведавичюса*

амулеты, содержащие синкретичные образы в виде птицы с раскрытыми крыльями и личиной на груди (рис. 3.10). По мнению исследователей, они связаны с представлениями о священной птице, уносящей душу человека в верхний мир. Большинство таких птиц трактуют как изображения филина, который, например, являлся тотемом у обских угров. Согласно угро-самодийской мифологии, в филина перевоплощались дочери князей и богатырей для незаметного перемещения к своему возлюбленному. В подобных амулетах мог быть отражен и полет шамана к верховному божеству.

Социальная организация самодийского общества в раннем средневековье значительно усложнилась. Об этом, прежде всего, говорят погребальные памятники, в инвентаре которых прослеживается как имущественная, так и профессиональная дифференциация. Основная масса могил содержит однородный немногочисленный инвентарь, характерный для рядовых членов общины. Из нее выделяются погребения, более насыщенные предметами вооружения и конского снаряжения, маркирующие профессиональный слой воинов-дружинников. Далее идет небольшая группа могил с разнообразным и многочисленным инвентарем, в состав которого входят высокохудожественные произведения и драгоценные металлы. Она маркирует слой местной элиты. На вершине данной группы стоит погребение тугозвоновского «князя», где все вещи, за исключением лука и стрел, являются произведениями ювелирного искусства, отделаны золотом, серебром, полудрагоценными камнями. Половозрастное неравенство на могильниках того времени выражено слабо.

Поселенческие памятники также дают важный материал социального плана. Хотя размеры жилищ примерно одинаковы, среди них есть более сложные сооружения с дымоходом, явно принадлежавшие богатым семьям. Об имущественном неравенстве говорит и соотношение жилищ и хозяйственных построек. Одни из них не привязаны к жилищам и, видимо, находились в общем пользовании рядового населения, а другие составляют пары с жилищами, т.е. были собственностью отдельных (богатых и знатных) семей. Площадь жилища и наличие одного очага свидетельствуют о проживании в нем одной малой семьи из 5–7 человек.

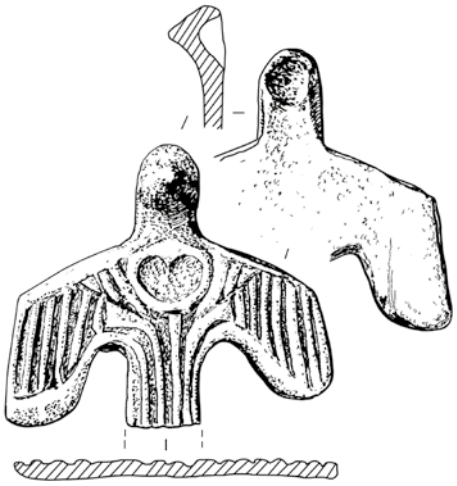

Рис. 3.10. Бронзовый амулет, изображающий птицу. Могильник Заломное-I, 2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э. (по: [Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1.-*41*])

Преобладание небольших поселков указывает на то, что в них селилось несколько семей, наверняка связанных родственными узами. Поселки средних размеров можно рассматривать как совместное проживание разросшейся семейной общины. Ее консолидация могла определяться как хозяйственными, так и политическими факторами. Крупные поселенческие центры, вероятно, выполняли административные и торговые функции. В них проживали представители разных семейных общин, но с определенной местности. На территории Лесостепного Алтая выделяется пять компактных групп памятников, которые можно рассматривать как родоплеменные образования. Культурное единство между

ними подразумевает и политическую консолидацию типа союза племен. Весьма вероятно, что на раннем этапе развития этот союз возглавлялся единым вождем.

На стадии формирования нового объединения в Лесостепном Алтае (2-я половина IV – V в. н.э.) основными факторами развития являлись миграции на эту территорию кочевого населения из Семиречья и Горного Алтая. Его взаимодействие с местными племенами привело к существенным изменениям в материальной культуре и мировоззрении, а также к сложению первоначально полиэтничного по своему составу общества. Начало этого процесса связано с политическими событиями, происходившими на востоке Азии. К ним относится военная активность позднесяньбийских государств Северного Китая и Жужанского каганата, которые привели в движение ряд кочевых племен Центральной и Средней Азии. За отправную точку событий можно взять дату образования Жужанского каганата (359 г.). Затем миграционное движение могло усилиться в период войн между жужанями и княжеством Юэбань (400–401, 418–419 гг.). И, наконец, завершающим событием могут выступать вторжение племен огузов в Семиречье и гибель княжества Юэбань (487–488 гг.). Стратегия нового образования носила наступательный характер и была направлена на расширение своего ареала в пределах Лесостепного Алтая. В середине V в. н.э. это привело к завоеванию северных предгорий. Возникновение нового политического организма на землях Алтая послужило своеобразным толчком к распаду «самодийской конфедерации» в Западной Сибири. Здесь в течение V в. н.э. возникает целый ряд локальных племенных союзов (на территориях Новосибирского и Томского Приобья, Кузнецкой котловины, Среднего Приобья), сохранивших самодийскую основу, но обособившихся друг от друга политически.

На VI – 1-ю половину VII в. н.э. приходится период стабилизации для самодийского объединения Алтая (рис. 3.11). С северными и восточными близкород-

Рис. 3.11. Археологические культуры Алтая и их окружение в VI в. н.э. Карта-схема

ственными соседями развивались в основном торговые отношения. Вооруженные конфликты между ними если и возникали, то, видимо, носили кратковременный характер. В то время культурное влияние на местное население оказало соседство государственных объединений тюрок на юге: Великий Тюркский каганат (552–604 гг.), I Восточно-тюркский каганат (604–630 гг.) и владения Чабыш-кагана (630–650 гг.). В самодийских памятниках появляются наборы предметов: вооружение, конская амуниция, украшения, выполненные в тюркской традиции. Но эти вещи находятся в погребениях, совершенных по местному обряду (одиночная ингумация), который становится основным способом погребения. Кроме изделий тюркского облика, в этих могилах присутствует и инвентарь, выполненный в самодийской традиции: наконечники стрел, ножи и ножны к ним, поясные наборы, керамика, украшения костюма, амулеты. Обращает на себя внимание и факт использования многих тюркских вещей не по первоначальному назначению. Так, различные уздечные украшения начинают входить в состав поясной гарнитуры и наоборот. Сделанные наблюдения свидетельствуют в основном только о влиянии тюркской материальной культуры на население западносибирской лесостепи. Проникновение самих тюрок если и имело место, то носило единичный характер. Несколько могил по обряду ингумации с конем исследованы на самодийских кладбищах. Однако размещение коней в большинстве из них не соответствует тюркским канонам: конь находится под человеком, что указывает на переосмысление исходного обряда. Принадлежность данных погребений тюркам маловероятна. Указанные факты свидетельствуют о политической независимости самодийских племен, что, очевидно, связано с распространением границ Тюркских каганатов по естественным для их основателей горно-степным ландшафтам.

На завершающей стадии развития самодийского объединения Алтая (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.) местные племена продолжали соседствовать на юге с державой тюрок – II Восточно-тюркским каганатом (682–744 гг.). Несмотря на то, что часть военных мероприятий этого государства затронула близкие районы Южной Сибири, в 709 г. тюрки покорили чиков, населявших Туву, а в 710 г. разгромили Кыргызский каганат в Минусинской котловине, земли Лесостепного Алтая по-прежнему лежали в стороне от этих событий. Ситуация кардинально изменилась после падения последнего каганата тюрок в 744 г. Тюрки были вынуждены покинуть степи Монголии, и одна их группа (племя или несколько племен) продвинулась на север в лесостепные районы Алтая. Самодийское население, ввиду явного военного превосходства тюрок, было покорено весьма быстро и вошло в состав нового более мощного объединения, о чем будем изложено далее.

В.В. Горбунов

ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА

Одной из ярких страниц в истории Алтая стал период, когда данный регион был частью тюркских империй Центральной Азии. Военно-политические объединения, созданные кочевниками во 2-й половине I тыс. н.э., являются отражением конфедерации многочисленных животноводческих племен. Тюркские каганаты в период раннего средневековья простирались на огромные территории. Значение Алтая в этих империях было различным и определялось перипетиями политических ситуаций.

О ранней истории тюрок сохранилось очень мало информации. Согласно одной из легенд, представленной в китайских летописях, их предки некогда жили на

побережье Западного моря. Они были полностью истреблены жестокими врагами, сохранившими жизнь только одному мальчику, у которого отрубили руки и ноги и бросили в болото умирать. Там его нашла и выкормила волчица, поселившаяся затем в горах Гаочана (Восточный Туркестан). В числе детей, родившихся от брака волчицы и мальчика, был Ашина. Он стал вождем возродившегося племени, а именем Ашина назвали правящий род. Один из его потомков Асянь-шад переселился на Алтай, где предки тюрок оказались под властью жуаньжуаней (жужаней), выполняя функции плавильщиков железа. Не исключено, что переселение племени Ашина на Алтай, осуществленное в 460 г., было частью целенаправленной политики правителей Жужанского каганата. На новом месте предкам тюрок пришлось взаимодействовать с местным населением. В результате именно на Алтае с течением времени сложился союз племен, получивший название «Тюрк».

Сведения письменных источников подтверждаются результатами раскопок археологических памятников в горной части Алтая. К настоящему времени только на этой территории исследованы наиболее ранние объекты, демонстрирующие процессы формирования тюркской общности после 460 г. Важно отметить, что археологические памятники Алтая данного периода демонстрируют черты преемственности с традициями местного населения предшествующего времени как в материальной культуре, так и в погребально-поминальной обрядности.

Очевидно, пришлое племя Ашина после переселения на Алтай сумело не только адаптироваться в новых условиях, но и консолидировать вокруг себя местных кочевников, создав мощное объединение, способное, спустя менее чем столетие, коренным образом изменить политическую ситуацию в Центральной Азии. Важным фактором, определившим стремительное развитие тюрок на Алтае, стали богатые природные ресурсы региона. Наибольшее значение имели удобные пастбища для выпаса домашних животных, а также залежи железной руды, необходимой для изготовления предметов вооружения. В результате Алтай стал базой для формирования тюркской общности, выход которой на политическую арену способствовал созданию крупной кочевой империи евразийского масштаба.

Важными показателями изменения статуса тюрок Алтая стали обмен посольствами с северокитайской династией Западная Вэй (545–546 гг.) и брак их вождя Бумына с западно-вэйской принцессой. Это позволило тюркам бросить вызов своим бывшим правителям жуаньжуаням и в 552 г. нанести им сокрушительное поражение. После этого тюрки довольно быстро захватили территорию Жужанского каганата, а все народы Внутренней Азии были вынуждены признать их власть. В результате активной военной экспансии, осуществленной правителями Первого Тюркского каганата (наследниками Бумына), границы империи расширились до Маньчжурии на востоке и до Черного моря на западе. Ставка была перенесена в Монголию, на р. Орхон. Алтай стал северной окраиной тюркских владений. Часть его населения ушла на сопредельные территории, принимая участие в военных походах и освоении новых земель. Однако отдельные группы тюрок остались на своей родине. Об этом свидетельствуют результаты раскопок археологических памятников, получивших распространение практически во всех частях региона. Погребальные и поминальные комплексы этого периода, характеризующиеся соблюдением канонов обрядности, отражают довольно высокий уровень консолидации общества кочевников.

Как известно, огромные империи редко бывают долговечны. Непродолжительность стабильного существования особенно характерна для политических объеди-

нений, создаваемых кочевниками. В 582–603 гг. Первый Тюркский каганат вступил в период длительного кризиса, связанного с междоусобицами в империи, активным вмешательством правительства китайской династии Суй в противоборство представителей клана Ашина и неудачами тюрок во внешней политике. Негативным фактором стали также несколько лет джута (падеж скота). Все это привело к обострению противоречий внутри тюркского общества. В результате междоусобной войны империя распалась на два государства – Восточно-тюркский каганат (604–630 гг.) в Монголии и Западно-тюркский каганат (604–657 гг.) в Джунгарии и Средней Азии. Эти державы также оказались недолговечными и пали под ударами китайской империи Тан.

В связи с тем, что Алтай представлял собой одну из северных окраин Восточнотюркского каганата, в письменных источниках сохранилось крайне мало информации об истории проживавшего здесь населения. Однако после крушения империи кочевников в 630 г. рассматриваемая территория на некоторое время вновь оказалась в центре внимания китайских летописцев. Из династийных хроник известно, что на Алтай отступила часть тюрок во главе с Чеби-каганом. На протяжении довольно длительного времени этому правителю удавалось не только сохранять независимость, но и осуществлять вполне успешную внешнюю политику в различных направлениях. Нет сомнений, что существование мятежного владения не могло устраивать Поднебесную империю. В 650 г. китайская армия при поддержке союзных кочевых племен разбила войско тюрок Алтая и пленила Чеби-кагана. После крушения Восточно-тюркского каганата китайские императоры, стремясь воспрепятствовать возрождению империи, осуществляли политику насильственной депортации кочевников. Значительное количество номадов было переселено к северным границам империи Тан, где они находились под контролем чиновников. Не исключено, что часть алтайских тюрок была вовлечена в эти процессы и оказалась на службе Китая.

Политическая зависимость тюрок от Поднебесной империи продолжалась сравнительно недолго. В 679–681 гг. кочевники в результате упорной борьбы восстановили империю, получившую название Второй Восточно-тюркский каганат (682–744 гг.). Центр этой державы находился в Монголии. Территория Алтая, вошедшая в состав возрожденной империи, вновь оказалась полупериферией. Очевидно, кочевники Алтая принимали участие в непрерывных военных кампаниях, которые тюрки вели против других племен номадов Азии и Китая на протяжении всей сравнительно недолгой истории каганата. Наивысшего расцвета государство тюрок достигло во время правления Бильге-кагана (716–734 гг.), при котором кочевники отстояли значительную часть завоеванных земель и вынудили Поднебесную империю к установлению прочного мира и выплате дани.

К периоду Второго Восточно-тюркского каганата относится большая часть известных археологических памятников Алтая. Важно отметить, что изученные комплексы отражают высокий статус рассматриваемой территории в составе империи номадов. К примеру, на Алтае изучено несколько «элитных» погребений того времени, демонстрирующих разнообразие материальной культуры тюрок. Кроме того, раскопанные археологические памятники показывают, что население полупериферии каганата было полноценно включено во все основные процессы истории номадов.

Наследники Бильге-кагана не изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали все меньше считаться с центральной властью. Вновь междоусобицы оказались одной из основных причин ослабления

и крушения каганата в 744 г. После этого тюрки не исчезли, а вошли в состав политических объединений уйгуров (745–840 гг.) и кыргызов (840 – около 950 гг.). При этом номады Алтая оказались в гораздо более выгодном положении, по сравнению с тюрками сопредельных территорий, непосредственно вовлеченными в перипетии постоянного противостояния кочевых племен Центральной Азии последней четверти I тыс. н.э. Можно указать, что тюрки Алтая сохранили некоторую независимость и не вошли в состав Уйгурского каганата, а впоследствии были присоединены к государству кыргызов лишь номинально. Данная ситуация в полной мере находит подтверждение в археологических материалах, которые в условиях почти полного отсутствия письменных источников по истории тюрок становятся основой для реконструкции их истории во 2-й половине VIII – XI в. Важным показателем является сохранение на Алтае местной элиты, что демонстрируют материалы раскопок серии «богатых» погребений. Вместе с тем археологические памятники рассматриваемого периода отражают процессы «размывания» общества тюрок, влияния со стороны других групп номадов и постепенного упадка общности. Последнее упоминание о тюрках в китайских летописях относится к 941 г., однако на территории Алтая они проживали вплоть до XI в.

Как видно из краткого обзора политической истории тюрок, реконструкция многих сторон их жизни основана на изучении археологических памятников. К настоящему времени курганные могильники, поминальные сооружения, а также наскальные рисунки кочевников изучены практически во всех частях региона, располагаясь как в котловинах, так и в высокогорных долинах. У тюрок Алтая сложились устойчивые традиции погребального обряда, которые демонстрируют особую систему мировоззрения номадов (рис. 3.12). Умершего человека обычно укладывали в неглубокую могильную яму, причем хоронили его головой по направлению к востоку (восходу солнца). Рядом с покойным помещали коня – верного спутника кочевника. В могилы богатых тюрок укладывали несколько лошадей, что символизировало достаток человека при жизни. При этом конь в могиле был ориентирован в противоположную от человека сторону – на запад. Вероятно, данная традиция отражала последний путь умершего в загроб-

Рис. 3.12. Погребальные сооружения и обряд тюрок Алтая: *1–2* – наземная конструкция кургана №1 комплекса Бике-IV. *Фотоснимки В.П. Семибратова*; *3* – захоронение человека с лошадью на памятнике Бирюзовая Катунь-9. *Фотоснимок К.Ю. Кирюшина*

ный мир, который он должен был совершить на лошади. Рядом с человеком укладывались вещи, которые он использовал при жизни, – оружие, украшения, бытовые предметы. Конь хоронился во всем снаряжении, необходимом для похода. Над могилой тюрки сооружали каменную насыпь. Кочевники Алтая в раннем средневековье довольно редко создавали большие кладбища. Чаще всего они хоронили умерших рядом с более древними курганами, подчеркивая таким образом свою причастность к далеким предкам, проживавшим на данной территории.

Как известно, тюрки Алтая постоянно участвовали в войнах, причем зачастую на отдаленных территориях. Одним из свидетельств этому стали особые памятники – кенотафы («пустые могилы»). Такие объекты создавались в тех случаях, когда человека по каким-то причинам (например, в случае гибели в бою в военном походе) невозможно было похоронить на родине.

Культ мужчины-воина имел большое значение в обществе тюрок. В честь героев создавались особые памятники (рис. 3.13). Они представляли собой подквадратные оградки из вкопанных на ребро плит. Внутри таких сооружений совершались поминальные тризны, в центре нередко вкапывался ствол дерева. С восточной стороны у оградки устанавливалось каменное изваяние, изображавшее умершего героя (рис. 3.14). От изваяния отходил ряд небольших каменных столбиков (балбалов), которые, как сообщают письменные источники, символизировали убитых врагов.

Одним из достижений тюрок являлось создание собственной письменной культуры, которой не было до этого ни у одного кочевого народа Центральной Азии. Скорее всего, это произошло примерно на рубеже VII–VIII вв. и связано с нужда-

Рис. 3.13. Тюркские оградки с изваяниями: *1* – комплекс Яломан-VII; *2* – восстановленная оградка после раскопок на памятнике Яломан-II. *Фотоснимки А.А. Тишкина*; *3* – реконструкция сооружения на Бирюзовой Катуни. *Фотоснимок К.Ю. Кирюшина*

ми административной и дипломатической практики, необходимостью фиксации государственных актов и определенными религиозными мотивами. К настоящему времени на территории Алтая известно значительное количество надписей, выполненных знаками рунической письменности (рис. 3.15.-*1–2*). Эти короткие тексты чаще всего наносились на скалы, в ряде случаев рядом с рисунками раннего средневековья. Судя по содержанию, надписи были оставлены путниками, благополучно достигшими места, а также воинами после победного похода и людьми, желавшими увековечить свои деяния. Кроме того, известны рунические знаки, начертанные на металлических или костяных (роговых) предметах, которые найдены в захоронениях тюрок. Значительное количество надписей показывает, что письменная культура у кочевников раннего средневековья не была прерогативой только элиты, а получила довольно широкое распространение в обществе.

Многие сцены из жизни тюрок Алтая представлены на рисунках, которые обнаружены на скальных поверхностях, а также (значительно реже) на плитах поминальных оградок и изваяниях (рис. 3.15.-*3–11*). Основными сюжетами для таких изображений были война и охота – постоянные занятия кочевников. Центральными фигурами рисунков, которые тюрки создавали в местах кочевых троп, были конные воины-катафрактарии, защищенные тяжелым доспехом. Кроме того, на изображениях представлены сцены охоты – конной и пешей, коллективной и индивидуальной. Практически во всех случаях охотники вооружены луком со стрелами. В нескольких композициях были прорисованы собаки, известны сцены охоты с ловчей птицей. Наиболее популярными объектами охоты, судя по рисункам, являлись представители семейства оленевых (маралы и косули). Также встречаются изображения горных козлов, архаров, кабанов, медведей, волков и птиц. Важно отметить, что роль охоты у тюрок не ограничивалась только ее хозяйственным значением. Как и у многих кочевых народов, у номадов Алтая она могла выступать в качестве военных тренировок в мирное время.

Рис. 3.14. Тюркские изваяния в экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. *Фотоснимки Н.Н. Серегина*

О том, что тюрки Алтая были искусными воинами, помимо письменных источников и наскальных рисунков, свидетельствуют многочисленные находки оружия в археологических памятниках (рис. 3.16). Судя по обнаруженным предметам, воины имели доспехи из железных пластин и кожаных полос, связанных между собой ремешками. Панцирь закрывал грудь, спину, ноги и руки, на голове был шлем с бармицей (рис. 3.16.-*1–2*). На коня надевали попону, прикрывавшую шею, грудь, бока и круп; морду защищала железная маска. Оружием дальнего боя служил сложносоставной лук, деревянная основа которого укреплялась накладками из рога (рис. 3.16.-*3*). Стрела состояла из деревянного древка с оперением и железного наконечника. Часть наконечников снабжалась костяными свистунками, издававшими в полете звук, который пугал коней противника. Воины носили стрелы в берестяных или матерчатых колчанах, а луки – в кожаных налучьях, которые, как

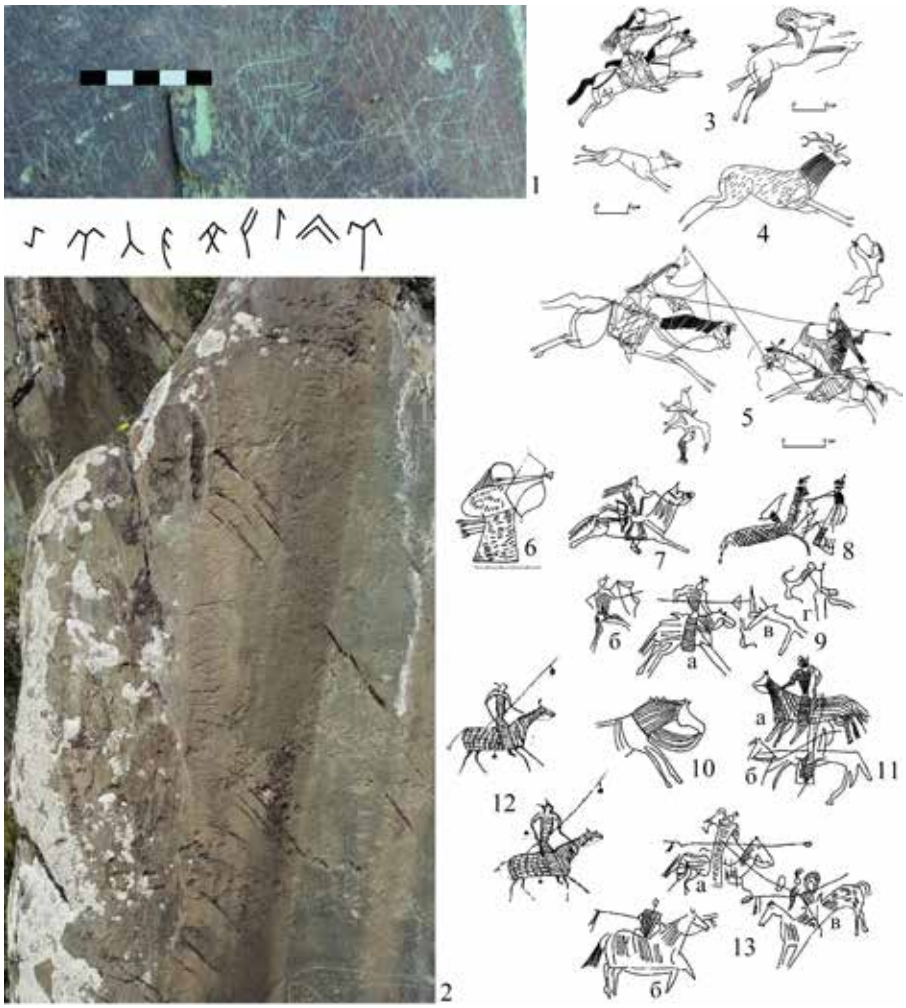

Рис. 3.15. Тюркские рунические надписи (1–2). *Фотоснимки А.А. Тишкина и Н.Н. Серегина.* Наскальные изображения (3–11) (по: [Горбунов, 2003, рис. 35; Черемисин, 2004, рис. 7–8, 14; Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012, рис. 12])

и колчаны, подвешивались к поясу. Все это снаряжение видно на различных изображениях. Однако в погребениях сохраняются в основном накладки лука и наконечники стрел (иногда берестяные колчаны). Найдены также железные наконечники от копий. Копья носили за спиной на ремнях, накидывая их на плечо и закрепляя у щиколотки. Оружием ближнего боя служили мечи (с одним или двумя лезвиями), боевые топоры (рис. 3.16.-*4*) и кинжалы. Они делались из железа. Мечи и кинжалы прикреплялись к поясу в деревянных ножнах, скрепленных металлическими обоймами. Топоры насаживались на деревянные рукояти, снабженные петлей для руки, и приторачивались к седлу. Все эти виды оружия встречаются в могилах, а мечи и кинжалы очень часто изображаются на каменных изваяниях (рис. 3.14).

Тюркское войско состояло в основном из профессионалов, специально подготовленных людей. Армия включала катафрактариев (рис. 3.17) – самых опытных и знатных воинов, а также вспомогательные соединения легковооруженной конницы. Обычно сражение начинали авангарды легкой конницы, которые обстреливали противника на дальней дистанции в рассыпном строю. Под их прикрытием на оптимальное для удара расстояние выдвигались отряды катафрактариев. Тяжелая конница в плотно сомкнутом строю атаковала врага, нанося по нему таранный удар копьями с последующим переходом к кавалерийскому бою на мечах и топорах.

Помимо войны и охоты, ключевым занятием тюрок Алтая было кочевое животноводство, представлявшее собой основную отрасль хозяйства. Судя по имеющимся сведениям, наиболее важными домашними животными были лошади. Это подтверждают результаты раскопок археологических памятников, где конь присутствует как боевой спутник и проводник в загробный мир. Известно, что занятие животноводством было весьма почетным для кочевника. Конь считался одним из показателей достатка человека, от него во многом зависела жизнь воина в бою. Поэтому большое внимание номады уделяли снаряжению лошади (рис. 3.18). В раннем средневековье на Алтае появились стремена, обеспечивавшие устойчивость посадки всадника и эффективность управления конем. Тюрки не были изобретателями стремян (они появились на севере Китая

Рис. 3.16. Реконструкция тюркского шлема и панциря (1; *выполнена под руководством В.В. Горбунова*); предметы вооружения и защитного снаряжения тюрок (2–4). *Фотоснимки А.А. Тишкина и Н.Н. Серегина*

Рис. 3.17. Тюркский тяжеловооруженный воин (катафрактарий). *Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Г.Л. Нехведавичюса*

Рис. 3.18. Предметы конского снаряжения: *1* – Кудыргэ. *Фотоснимок А.А. Тишкина*; *2–3* – Катанда-II. *Фотоснимки Н.Н. Серегина*

в среде сяньбийских племен), однако именно они быстро освоили и распространили этот элемент снаряжения на огромные территории. Кроме того, тюрками стали широко применяться седла с высокими деревянными полками и луками (рис. 3.18.-*1*). Снаряжение лошадей, принадлежавших богатым кочевникам, включало также многочисленные украшения узды, которые нередко изготавливались из серебра и золота (рис. 3.19.-*1–5, 12*). Вторым по значимости был мелкий рогатый скот. В захоронениях тюрок Алтая кости овец присутствуют в качестве остатков погребальной тризны.

Большое значение для развития общества тюрок имели различные ремесла, которые обеспечивали кочевников необходимыми вещами в быту, а также важными предметами в военном деле. Большинство ремесел у кочевников носило характер домашнего производства. Широкое распространение у тюрок Алтая получили такие виды деятельности, как выделка шкур, изготовление войлока, ткачество, деревообработка, косторезное дело и др. Из кости и рога изготавливались наконечники стрел для охоты, принадлежности конской амуниции (пряжки, псалии, рукояти плетей, крепления для ремней, накладки на седло), а также отдельные элементы снаряжения воина (накладки на сложносоставной лук, детали колчана). Войлок использовался не только для изготовления одежды. Он также шел на покрытие юрт – знаменитых жилищ кочевников. Высокий уровень обработки дерева у тюрок Алтая подтверждают находки посуды, частей седел,

элементов вооружения. В отличие от оседло-земледельческих народов, довольно немногочисленными были керамические сосуды, очевидно, менее подходившие для подвижных кочевников. Их заменяла деревянная и кожаная посуда.

Ранняя история тюрок Алтая показывает, какое значение для становления империи кочевников имело металлургическое производство. Очевидно, характеристика тюрок как «плавильщиков железа», приведенная в китайских летописях, отражала одну из приоритетных сфер деятельности. Эти сведения подтверждаются результатами археологических исследований. К настоящему времени в юго-восточной части Алтая изучена целая серия памятников черной металлургии, демонстрирующих процесс добычи руды, получения железа и производства из него изделий. Из железа изготавливались вооружение, конское снаряжение, орудия труда и бытовые предметы. Создание базы металлургического производства стало одним из факторов стремительного взлета тюрок Алтая и основой для реализации военной экспансии.

Рис. 3.19. Украшения конского снаряжения и элементы костюма из погребений тюрок разных памятников Алтая: *1* – могильник Жана-Аул; *2–12* – Кудыргэ, *13* – Узунтал. *Фотоснимки Н.Н. Серегина и А.А. Тишкина*

На высоком уровне у тюрок Алтая находилась также цветная металлургия. Из бронзы, серебра и золота изготавливались украшения, элементы костюма, уздечная гарнитура, посуда (рис. 3.19; 3.20.-*1*). Одним из показателей статуса кочевника был его пояс, важной частью которого являлись накладные бляхи из драгоценных металлов (рис. 3.19.-*13*).

Особой страницей истории тюрок были отношения с могущественным южным соседом – Китаем. О том, что кочевники Алтая имели какие-то прямые или опосредованные контакты с Поднебесной империей, свидетельствуют «импортные» вещи, которые обнаружены в археологических памятниках (рис. 3.20.-*3–4*). Наибольшую ценность имели китайские шелковые изделия. Сравнительно широкое распространение шелка в среде тюрок Алтая определялось несколькими обстоятельствами. Безусловно, важной была эстетическая составляющая. Одежда из орнаментированных шелковых тканей демонстрировала определенное положение кочевника в обществе. Не меньшее значение имели известные гигиенические

Рис. 3.20. Металлический сосуд (1), костяной орнаментированный игольник (2), металлическое зеркало (3) и китайская монета (4) из погребальных комплексов тюрок: *1* –Туэкта, *2* – Узунтал, *3* – Шибе-II, *4* – Кудыргэ. *Фотоснимки А.А. Тишкина и Н.Н. Серегина*

свойства рассматриваемого материала. Очевидно, изделия из шелка стали неотъемлемой частью материальной культуры тюрок Алтая, что отразилось в их использовании не только в быту, но и в погребальном обряде. Более редкими находками были китайские монеты. Судя по всему, эти изделия не использовались тюрками как некий эквивалент стоимости, а служили украшениями или амулетами. Вероятно, какие-то особые представления были связаны и с использованием кочевниками Алтая китайских металлических зеркал. При этом нет сомнений, что все предметы «импорта» отражали довольно высокий статус их владельцев.

Общество тюрок Алтая было довольно неоднородным и характеризовалось высоким уровнем иерархичности. Элиту социума номадов составляла местная знать, выполнявшая как военные, так и административные функции. В периоды существования тюркских империй она подчинялась верховным вождям – каганам, ставка которых находилась в Монголии. Основу общества номадов Алтая составляли рядовые кочевники. Они же формировали воинские соединения различного уровня. Вероятно, были также немногочисленные зависимые слои населения (к примеру, люди, захваченные в плен в результате военных походов). При этом можно утверждать, что рабство в чистом виде не получило распространения.

Осуществленный анализ памятников тюрок позволил разработать и обосновать культурно-хронологическую схему изучения истории кочевников по археологическим материалам [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161–163; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 7–33]. В рамках сформированной периодизации учтен опыт более ранних исследований, использованы новейшие результаты раскопок, а также итоги их интерпретации. В существовании археологической культуры тюрок выделены следующие этапы: кызыл-ташский (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.), кудыргинский (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.), катандинский (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.), туэктинский (2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э.), курайский (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.), балтарганский (2-я половина X – XI в. н.э.). С учетом специфики памятников тюрок в других частях Центральной Азии данная схема может быть использована в качестве основы в рамках последующих исследований.

Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин

СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Как было сказано выше, политическая ситуация на территории Лесостепного Алтая изменилась в середине VIII в. н.э., когда значительная группа тюрок продвинулась на север и покорила самодийское население. Тюрки через левобережные предгорья вышли в лесостепь и заняли первоначально Приобское плато с прилегающими к нему землями Кулундинской степи и правобережной поймы Оби напротив плато. Здесь сформировалась новая общность, в которой тюрки заняли господствующее положение, а самодийцы – положение подчиненных. В археологии она получила название «сросткинская культура».

Наиболее ранние материалы, отнесенные впоследствии к сросткинской культуре, были получены еще Первой Академической экспедицией в 1733–1744 гг. Первые раскопки сросткинских погребальных памятников были проведены Л.И. Шренком в 1856 г., Г. Менье в 1861 г., В.В. Радловым в 1862 г. Наименование рассматриваемой культуре было дано по названию курганного могильника Сростки-I, расположенного на горе Пикет в Бийском районе Алтайского края. Его исследования проводились в 1925 г. М.Д. Копытовым и М.Н. Комаровой, в 1930 г. С.М. Сергеевым и продолжаются в настоящее время. В 1949–1951 гг. М.П. Грязнов стал первым использовать название *сросткинская культура*, а в 1956 г. он обосновал ее выделение, опираясь на результаты своих раскопок на археологическом комплексе Ближние Елбаны у с. Большая Речка (Чаузово).

Сегодня памятники сросткинской культуры (курганные и грунтовые могильники, поселения и городища) известны почти во всех районах Алтайского края. Они располагаются на левобережье Оби в пределах Предалтайской равнины, Приобского плато, восточной части Кулундинской равнины, на правобережье Оби в пределах предгорной зоны Бийско-Катунского междуречья, Предсалаирской равнины, Бийско-Чумышской возвышенности и севернее нее. Их датировка определяется 2-й половиной VIII – XII в. н.э. Анализ погребальных памятников показывает, что ведущим компонентом в процессе формирования новой общности стал пришлый – тюркский. Вторым компонентом являлся местный – самодийский. Сочетание этих компонентов дало начало политическому и культурному образованию, которое можно называть тюрко-самодийским.

Весьма вероятно, что в арабо-персидских письменных источниках тюрко-самодийское объединение, оставившее памятники сросткинской культуры, обозначается этнонимом *кесим*. «Они (кесим) устанавливают свои войлочные юрты по склонам гор; добывают пушнину, мускус, рог, хуту и тому подобное. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков», – сообщается в анонимном географическом трактате «Граница мира от востока к западу» (Худуд ал-алам мин машрик ила-л-магриб), написанном на персидском языке около 982 г.

Тюрко-самодийское население проживало в лесной, степной и предгорной местности вблизи от водных источников. Поселения привязаны к речным и озерным поймам, и большая часть их находится на елбанах либо на мысовидных береговых террасах. Часть поселков была сезонного характера с легкими наземными жилищами, а часть – стационарными, с жилищами полуземляночного типа. Преобладают небольшие поселения, насчитывающие от одной-двух до шести жилищных построек. Помимо этого, на их площади находились хозяйственные

постройки и ямы, а также кострища. Особую группу составляют поселения с развитыми фортификационными сооружениями – городища. Они делятся на убежища, где население укрывалось во время военной опасности, и административно-ремесленные центры, где население проживало постоянно. Городища-убежища располагались на высоких (до 40 м) мысах, имеющих узкую напольную сторону, которая перекрывалась системой изо рва и вала за ним. На огороженной территории не имелось долговременных построек. Городища-центры располагались на крупных елбанах (высота 20–25 м) или высоких мысах, пологие и открытые места которых усиливались системой ров–вал или ров–стена. Внутри их располагались многочисленные стационарные постройки (от 36 до 50 единиц). Размеры рвов (ширина 5–7 м, глубина 0,8–1,2 м) и валов (ширина 3 м, высота 1 м) весьма внушительны и обеспечивали надежную защиту в случае штурма. Как правило, подобная система предусматривала один въезд. Для крупных городищ отмечается следующая закономерность расположения построек: жилища локализуются рядами в центральной части, хозяйственные сооружения – на периферии. В стационарных поселениях жилища могут располагаться двумя параллельными рядами.

Рис. 3.21. Железные удила и бронзовая гарнитура от уздечных ремней и повода. Могильник Иня-1, 2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 145). *Фотоснимок автора*

Тюрко-самодийские жилища представлены полуземлянками и наземными сооружениями. Первые имели котлован подпрямоугольной формы, глубиной 35–45 см, с немного выступающим коридором. Стены такого жилища были каркасно-столбовой конструкции, крыша двускатной с центральным опорным столбом, расположенным ближе к выходу. Помещение отапливали два очага открытого типа: один – у входа, второй – ближе к задней стене. Наземные жилища также имели каркасно-столбовую конструкцию. У них отсутствовал коридор и, как правило, был один очаг, размещенный у стены, противоположной выходу. Стены и крыши жилищ покрывались листами бересты, а у полуземлянок могли дополнительно утепляться дерном. Площадь жилого помещения составляла 23–38 кв. м. Хо-

зяйственные постройки имели аналогичную конструкцию, но отличались меньшей площадью (в среднем 9 кв. м.).

Сезонные поселки, видимо, имели и более легкие сооружения типа шалашей. Также можно предполагать широкое распространение сборно-разборных жилищ на каркасной основе, покрытых войлоком (типа юрты). Они вполне могли быть принесены на территорию Лесостепного Алтая кочевниками. Культурный слой поселений и городищ не превышает мощности 30–40 см. В постройках, ямах, кострищах и, в меньшей степени, просто в слое встречаются целые и разбитые керамические сосуды, рудные шлаки, отдельные вещи, кости животных.

Хозяйство тюрко-самодийских племен носило комплексный характер, но главная роль в нем принадлежала полукочевому животноводству. В костном материале могильников и поселений наибольшее количество остатков принадлежит лошади. Вторым по значению животным была овца. Разводился также и крупный рогатый скот. Многие сезонные поселки являлись пастушескими стоянками для выпаса скота на степных и луговых участках. Лошади и овцы в некоторых районах могли выпасаться круглогодично, для коров требовалась заготовка кормов на зиму.

Конь, используемый для передвижения, на войне и на охоте, окружался наибольшей заботой. На уровне было и развитие конского снаряжения. Применялась узда из четырех-шести ремней, снабженных тройниками, бляхами-накладками, пряжками, наконечниками, тренчиками, украшенными наносными султанчиками и крупными налобными бляхами. Иногда декорировали даже повод (рис. 3.21). Часто бляхи-накладки имели сквозное ушко, в которое продевалась кисть для дополнительного украшения амуниции. Управляли конем с помощью железных удил с роговыми и железными псалиями разных форм: в виде «S»-образного стержня (рис. 3.22.-*1*) или кольца. Седло имело деревянные полки, высокую переднюю луку и более низкую заднюю, оформлявшиеся резными накладками из рога. Крепилось оно подпружными ремнями с роговыми или железными пряжками. От полок седла шли ремни, охватывающие грудь и круп коня, а нагрудный ремень соединялся с подпружным дополнительным ремнем. Всадник держался в седле на железных стременах с петельчатым или пластинчатым ушком и широкой подножкой с ребром жесткости (рис. 3.22.-*2*–*3*). В одной из могил были найдены роговые стремена. Для стреноживания коня использовали роговые застежки-цурки.

Рис. 3.22. Железные удила с псалиями и стремена. Могильник Щепчиха-I, 2-я половина X – 1-я половина XI в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 150). *Фотоснимки автора*

Важным занятием в хозяйстве являлось и земледелие. Центрами его развития выступали стационарные поселения и крупные городища. Землю

обрабатывали как мотыжным способом, так и пахотным. О первом свидетельствует находка железного наконечника мотыги с несомкнутой втулкой, напоминающего тесло, о втором – железный наральник с несомкнутой втулкой и треугольной лопастью. В одном из погребений был найден сосуд, полный зерна. Для переработки растительной пищи использовались каменные зернотерки и куранты.

По-прежнему сохраняли свое значение присваивающие сектора экономики: охота, рыболовство, собирательство. Кости диких животных (лося, косули, волка, зайца, барсука, бобра и соболя) встречаются на поселениях. Там же есть кости птиц, кости и чешуя рыбы. В одном погребении обнаружен клюв утки. Орудиями охоты оставались лук и стрелы с роговыми, костяными и деревянными наконечниками. Орудиями рыболовства служили железные крючки и наконечники гарпунов с втульчатым или черешковым насадом и пером с одним длинным шипом. Для охоты, выпаса скота и охраны жилья разводили собак.

Ремесленные занятия тюрко-самодийского населения включали деревообработку, камнеобработку, косторезание, ткачество, обработку кожи и меха, гончарное, кузнечное, бронзолитейное, ювелирное дело. Высокой специализации достигла металлургия. Это видно как из широкого ассортимента получаемых изделий, так и в существующей стандартизации при изготовлении однородных вещей. На поселениях и городищах встречаются фрагменты шлаков, тиглей, сопел от плавильных печей и остатки самих домниц. Из железа делали тесла, ножи, рыболовные крючки, наконечники гарпунов, мотыг и наральников, молотки, наконечники стрел и копий, мечи и сабли, кинжалы, топоры и кистени, пластины панцирей и шлемов, кольчужные кольца, наконечники и обоймы ножен, навершия рукоятей, удила и псалии, стремена, пряжки и застежки, распределители и наконечники ремней, различные бляхи, казаны, шилья и иглы, браслеты. Местные кузнецы использовали кричное железо, сырцовую и высокоуглеродистую сталь, знали приемы свободной ковки, поверхностной цементации, сварки железа и стали, заточки и полировки готовых изделий.

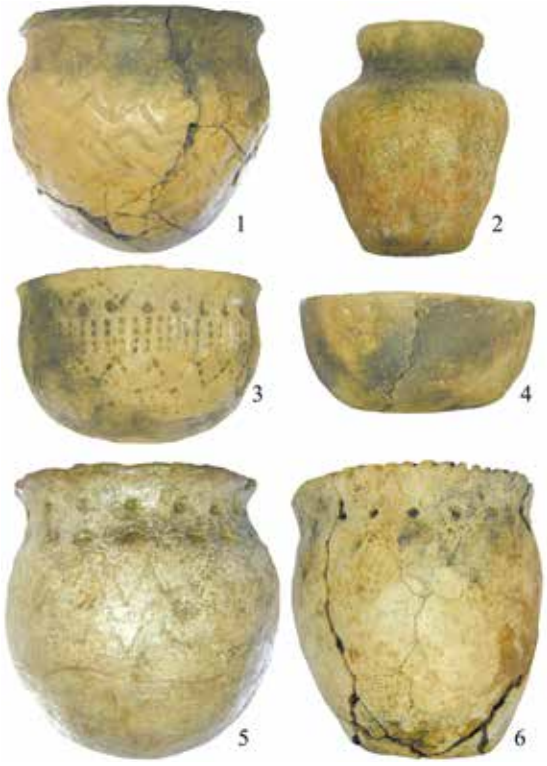

Рис. 3.23. Керамическая посуда. Могильники Иня-1 (1, 3, 5), Хлеборобный Елбан-I (2), Успеновка-II (4), Чинета-2 (6), 2-я половина VIII – 1-я половина X в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 145, 155, 179, 185). *Фотоснимки автора*

Из меди и бронзы делали поясную, уздечную и седельную гарнитуру: накладные и подвесные бляхи, пряжки, тренчики, наконечники и распределители. Разнообразны нательные украшения: серьги, перстни и кольца, браслеты, подвески. Бляхи из цветных металлов могли

нашиваться или подвешиваться на верхнюю одежду, а ее части скреплялись нарядными застежками. Из предметов туалета следует назвать зеркала и футляры для игл – игольники. Продукция из цветных металлов отливалась и штамповалась.

Особо следует сказать о ювелирном деле. В нем использовались различные материалы: медь, бронза, серебро, золото, поделочные камни, стекло. Местные ювелиры знали способы горячего и холодного золочения, чеканки, тиснения, пайки, инкрустации, огранки. Значительная часть их поделок относилась к нательным украшениям и деталям костюма. Разнообразны ожерелья из бус. Головные уборы и обшлага рукавов могли расшиваться разноцветными нитями бисера, образующими орнамент.

Большое внимание уделялось развитию гончарного дела. Посуда изготавливалась из глины. Ее лепили ручным способом и обжигали на сильном огне, получая различные по размерам керамические чаши, плошки, горшки и кувшины. Сосуды более раннего времени еще сохраняют круглодонность (рис. 3.23.-*1, 3, 5*). Позднее вся керамическая посуда становится плоскодонной (рис. 3.23.-*2, 4, 6*). Основным элементом орнамента являются прочерченные линии, треугольно-зубчатый штамп и фестоны из этих элементов. Фестоны образуют треугольники, ромбы, дуги и фигурные скобки. Зоны орнаментации охватывают венчик сосуда со всех сторон, шейку и верхнюю часть тулова. В целом керамический комплекс восходит к самодийской традиции. Однако в его отдельных чертах просматривается и тюркская традиция, с которой можно связать форму небольших горшков и орнаментальный элемент из прочерченных линий.

Обработка древесины была востребована при строительстве, изготовлении кибитей луков, древков стрел и копий, рукоятей, ножен, щитов, гребней. Основными орудиями здесь остаются железные тесла. Правда, в их изготовлении наблюдается специализация по размерам (рис. 3.24.-*1–4*), которая позволяла выполнять операции разного на-

Рис. 3.24. Железные тесла. Могильник Иня-1, 2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 145). *Фотоснимки автора*

Рис. 3.25. Китайская, тюргешская и арабская монеты. Могильник Иня-1, 2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э. (МАЭА АлтГУ, кол. 145). *Фотоснимки автора*

значения: рубка, тесание, изготовление пазов и отверстий. Широко применялась берестяная кора, шедшая на покрытие построек, изготовление колчанов для стрел и туесов. Из камня делались точильные бруски, зернотерки и куранты. Кость и рог шли на изготовление наконечников стрел, накладок луков и колчанов, псалиев, накладок седельных лук, пряжек, подвесок, бус, гребней. О прядении, ткачестве и шитье говорят находки керамических пряслиц, железных шильев и иголок. Встречаются фрагменты тканей, расшитых мехом, кожаными, серебряными и золотыми накладками, а также золотыми нитями.

О торговых связях тюрко-самодийского населения свидетельствуют находки китайского шелка и бронзовых зеркал, китайские монеты (рис. 3.25.-*1–2*) с девизом «кайюань тунбао» (чеканка 732–752 и 806–845 гг.), тюргешские монеты (рис. 3.25.-*3–4*) из Семиречья (чеканка 735–742 гг.) и арабский фельс (рис. 3.25.-*5–6*) из Средней Азии (чеканка 760–761 гг.). К импортным изделиям относятся и стеклянные бусы самых разнообразных форм и цветов, которые изготавливались на Ближнем Востоке и поступали на Алтай через Среднюю Азию.

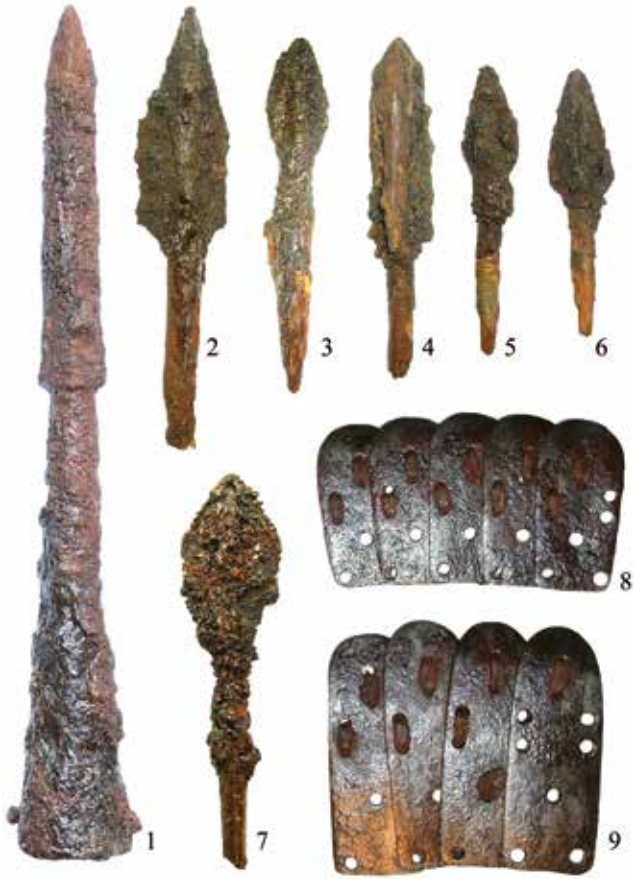

Рис. 3.26. Железный наконечник копья, наконечники стрел и панцирные пластины. Могильники Грань (1), Иня-1 (2, 3), Поповская Дача (4), Филин-I (5, 6), Прудской (7) и коллекция П.К. Фролова (8, 9), 2-я половина VIII – 1-я половина XI в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 145, 166, 167, 168, 169; ГЭ, колл. 1122). *Фотоснимки автора и А.А. Тишкина*

Важной и необходимой сферой жизнедеятельности тюрко-самодийского объединения являлось военное дело. Комплекс вооружения включал развитые средства защиты и нападения. Индивидуальная защита воинов состояла из панцирей и шлемов. Панцири собирались из железных пластин овальной и овально-прямоугольной формы, соединение которых производилось через систему сквозных отверстий при помощи кожаных ремешков (рис. 3.26.-*8–9*). Наиболее распространенным покроем панциря была «катафракта», состоявшая из нагрудника с двухчастным подолом до колен и наспинника, соединенных оплечными и боковыми ремнями. К оплечным ремням часто крепились лопастевидные нарукавья. Еще один покрой панцирей – это

«халат». Он кроился из одной части со сплошным вертикальным разрезом впереди и разрезом от крестца до края подола, удерживался на плечах ремнями и шнуровался на груди до пояса. Тюрко-самодийские воины были знакомы и с кольчатой броней – кольчугами. Шлемы собирались из железных деталей, которые крепились между собой при помощи металлических заклепок. Тулья шлема формировалась из нескольких трапециевидных пластин, дополнительно соединенных навершием и обручем. Известны шлемы двух основных форм: конические и сфероконические. Для защиты шеи к шлемам крепилась пластинчатая или кольчужная бармица. Еще одним средством защиты являлись щиты. Они имели округлую форму диаметром до 80 см и собирались из деревянных досок.

Для поражения противника применялся внушительный набор наступательного вооружения. Для дистанционного поражения пользовались луками и стрелами. Луки были сложносоставными. Их основа – кибить – обертывалась полосками бересты для защиты от влаги и усиливалась комплектами роговых накладок только в районе рукояти (недальнобойные) или на рукояти и окончаниях (дальнобойные). У некоторых луков сохранялась предшествующая традиция нескольких вырезов для тетивы. Весьма разнообразны наконечники стрел. Их боевые экземпляры выковывались из железа (рис. 3.26.-*2*–*7*). Преобладали образцы с трехлопастным и граненым пером. Первые предназначались для поражения незащищенных мест, а последние – для пробивания брони и были особенно многочисленны. Хранились и носились стрелы в берестяных колчанах с карманом, наконечниками вверх. Главную роль в бою играло оружие таранного удара – копья. Они имели деревянные древки

Рис. 3.27. Тюрко-самодийский конный воин 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. н.э.
Реконструкция автора, рисунок Г.Л. Нехведавичюса

Рис. 3.28. Бронзовые подвески с изображениями тюрко-самодийских воинов. Могильники Сростки-I (1, 2), Гилево-XII (3, 4), 2-я половина VIII – 1-я половина XI в. н.э. (БКМ, колл. 439; АГКМ, колл. 14559).
Фотоснимки автора и С.В. Семенова

Рис. 3.29. Тюрко-самодийский конный воин 2-й половины IX – 1-й половины X в. н.э.
Реконструкция автора, рисунок Г.Л. Нехведавичюса

длиной до 4 м и железные наконечники (рис. 3.26.-*1*). Среди них выделяются бронебойные экземпляры с узким граненым пером – пики – и универсальные экземпляры с широким массивным пером – рогатины. Разнообразно и оружие ближнего боя. Мечи предназначались для нанесения рубяще-колющего удара и имели двухлезвийный или чаще однолезвийный клинок, окончание которого могло быть обоюдоострым. Применялись и сабли, обладающие еще и режущей функцией. Кинжалы и боевые ножи являлись дополнительным оружием колющего и режущего действия. Боевые топоры обладали ударно-рубящей функцией и использовались для разрушения доспехов. Кистени с их ударно-дробящим действием служили для контузии бронированного противника.

Наборы вооружения демонстрируют наличие двух основных родов войск: легкой и средней конницы. Комплект легкого всадника состоял из лука со стрелами, коротко-клинкового оружия и иногда мог дополняться мечом или саблей. Набор средней конницы включал воинский доспех из панциря и шлема, щит, копье, меч или саблю, лук со стрелами, боевой нож или кинжал, боевой топор или кистень (рис. 3.27–3.29).

Военно-иерархическая структура тюрко-самодийского общества включала следующие основные уровни: дружина из рядовых воинов и младших командиров, командный состав среднего и высшего звена, а также институт главнокомандующего. Учитывая, что в создании объединения ведущую роль играли тюркские племена, логично предположить, что они принесли свою военную систему и организовали в соответствии с ней покоренное самодийское население. Войско должно было комплектоваться в соответствии с принципами азиатской десятичной системы, а его территориально-административное и боевое деление, очевидно, состояло из центра и двух крыльев. Тактика ведения боя строилась на взаимодействии средней и легкой конницы. Легкая конница образовывала авангард и фланги, применяя обстрел противника с дальней дистанции в рассыпном строю (рис. 3.28.-*4*). Средняя конница формировала центр боевых порядков, нанося противнику таранный удар в сомкнутом строю, с последующим переходом к ближнему бою (рис. 3.28.-*1–2*, 9). Воины могли вести дистанционный бой и в спешенном порядке.

Мировоззрение тюрко-самодийского населения оставалось языческим, но в местную среду были привнесены более стройные религиозные представления, характерные для тюрок (тенгризм). Культы домашних и диких животных почти утратили свое значение и полностью перешли либо в сферу погребального обряда, либо в область изобразительного искусства. Культы предков, героев, антропоморфных

божеств окончательно становятся ведущими. Самым трудоемким их проявлением оставалось сопровождение человека в загробный мир. Тюрко-самодийское население использовало два типа кладбищ: грунтовые, оставшиеся от предыдущего времени, и курганные, привнесенные извне и бывшие самыми многочисленными.

Курганные могильники сооружались на высоких открытых местах с хорошим обзором, каковыми являлись речные террасы, возвышенности, большие елбаны. Насыпь кургана возводилась из земли и имела округлую форму. Вокруг нее мог выкапываться ров с входом-перемычкой. Изредка к одной насыпи присыпались еще несколько, и курган приобретал вытянутую неровную форму. В предгорьях для сооружения насыпи зачастую использовался камень. Под насыпью находилась одна или несколько (от двух до пяти) могил, расположенных в ряд. Над могилой устанавливалось перекрытие из продольно-поперечных бревен, плах, досок. Такое перекрытие могло устраиваться и внутри могильной ямы, где оно опиралось на деревянную раму. Для подстилки на дно могилы и для покрытия нередко использовались листы бересты. Обычно в изголовье могилы, на некотором расстоянии, вкапывался деревянный столб; реже несколько столбов размещались вокруг могилы. Грунтовые могильники устраивались на елбанах, расположенных в речной пойме. Их погребения, кроме отсутствия насыпи, ничем не отличались от курганных.

Рис. 3.30. Предметы прикладного искусства из цветных металлов, изображающие людей и животных. Памятники Чинета-2 (1, 9), Точильное-5 (2), Урлапово (3), Сростки-I (4, 6), Екатериновка-3 (5), Борковский Елбан-6 (7), Плотниково (8), 2-я половина IX – 1-я половина XI в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 65, 131, 134, 144, 185, 669; АГКМ, колл. 12470). *Фотоснимки автора и С.В. Семенова*

На некрополях зафиксированы пять типов захоронения людей: ингумация; кремация; ингумация с конем; кремация с конем; ингумация со шкурой коня. Все они могут встречаться на одном кладбище и даже под одной насыпью. Их также объединяет наличие общих черт погребальной обрядности: рядное расположение могил в кургане, восточная ориентация погребенных, надмогильные перекрытия из дерева и бересты, сооружение в изголовье могил деревянных столбов. Сами способы захоронений можно связать с определенными этническими компонентами в составе тюрко-самодийской общности.

Погребения по обряду ингумации напрямую восходят к предшествующей самодийской традиции и численно преобладают над другими типами захоронений. Однако инвентарь этих могил в среднем небогат. Если они находятся в одном кургане с погребениями иного способа, то занимают по отношению к ним окраинное (подчиненное) положение. Погребения по обряду кремации малочисленны и также восходят к самодийской, но более древней традиции. Погребения по обряду ингумации с конем являются отличительной чертой тюркской традиции. Они содержат богатый инвентарь и занимают в курганах центральное (господствующее) положение. Только для данного обряда сооружались большие курганы, диаметром до 30 м. Погребения по обряду кремации с конем единичны. Их происхождение может объясняться смешением самодийской и тюркской традиций. Погребения по обряду ингумации со шкурой коня также редки. Данный обряд можно отождествить с этносом кыпчаков. Основная территория его расселения находилась северо-западнее в Барабе и в Среднем Прииртышье, вплоть до Южного Урала. Часть кыпчаков могла включаться в тюрко-самодийское объединение в результате брачных связей или привлекаться в роли дополнительных воинских контингентов. Особенности погребального обряда показывают, что ведущим компонентом в процессе формирования общности был пришлый тюркский. Вторым компонентом являлся местный самодийский. Несмотря на длительное совместное развитие (около 450 лет), полного слияния их в один этнос не произошло, что, вероятно, определялось сложившимися социальными отношениями.

Отдельно стоит сказать об изобразительном искусстве тюрко-самодийского населения. Основное его применение наблюдается на предметах торевтики – функциональные и декоративные изделия из цветного металла. Для ранней стадии развития искусства характерно преобладание сложного растительного орнамента, для поздней стадии – геометрического. Достаточно часто изображались звери и птицы. Встречаются олени (рис. 3.30.-*8*), лани (рис. 3.30.-*7*), львы (рис. 3.30.-*5–6*), медведи, верблюд, лебедь, утки (рис. 3.30.-*4*), хищные птицы, парные рыбы (рис. 3.30.-*9*). Некоторые образы синкретичные. Например, олени и львы снабжены крыльями (рис. 3.30.-*5, 8*). Одни из них весьма реалистичны, другие стилизованы. Целая группа торевтики воспроизводит антропоморфные изображения (рис. 3.28; 3.30.-*1–3*). Это подвески-личины, изображающие только голову человека – мужчины, женщины, в шлеме (рис. 3.28.-*3*), головном уборе и без него (рис. 3.30.-*1*). Это подвески в виде фигур конных (рис. 3.28.-*1–2, 4*) и спешенных воинов при

Рис. 3.31. Роговая накладка на рукоять лука с рунической надписью. Могильник Архангельское, 2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э. (МАЭА АлтГУ, колл. 579).
Фотоснимки и прорисовка автора

полном вооружении и снаряжении. Последние явно связаны с культом мужчины – воина-героя. Некоторые из личин, возможно, изображают прославленных предков, а возможно, мужских и женских божеств из тюркского пантеона: Тенгри и Умай.

Важным достижением духовной культуры стало использование населением Лесостепного Алтая тюркоязычной рунической письменности. Открытие ее первого памятника сделано на курганном могильнике Архангельское в Славгородском районе Алтайского края. Руническая надпись была нанесена на лицевую поверхность роговой накладки лука (рис. 3.31.-*1*). Там различимы 12 знаков, расположенных в одну строку и выполненных тонкими резными линиями (рис. 3.31.-*2–3*). Палеографические особенности надписи показывают присутствие в ней специальных знаков орхонского и енисейского алфавитов. Орхонское письмо принадлежит тюркам, появившимся в Лесостепном Алтае после 744 г., а енисейское письмо – кыргызам, чье активное культурное влияние на местное население становится возможным после 840 г. На сегодняшний день данная надпись является самым северным памятником рунической письменности и пока единственным в ареале тюрко-самодийского образования. Импортный характер надписи исключается, поскольку она нанесена на предмет местного производства. Такие срединные тыльные накладки характерны для сложносоставных луков именно «сросткинского» типа.

Социальные отношения в тюрко-самодийском обществе достигли довольно высокого уровня. Налицо сильная имущественная дифференциация, что хорошо видно из материала могильников. Выделяются погребения с большим количеством инвентаря, среди которого драгоценные и высокохудожественные вещи, импортные изделия. В такие могилы укладывали по нескольку лошадей или комплектов конского снаряжения. Наряду с ними встречаются захоронения безынвентарные, совершенные небрежно. Между двумя полярными группами находится целая серия промежуточных. Уровень «обеспеченности» напрямую не связан с половозрастными признаками. Конечно, более обеспечены чаще всего мужские захоронения, а менее – женские и детские. Однако встречаются богатые женские и детские погребения. Различия наблюдаются и между отдельными курганами, содержащими по нескольку могил. Так, есть курганы, где все могилы, в том числе и центральная, бедны. В других же центральное погребение богато, а остальные хорошо обеспечены. Сильная разница в обеспеченности может быть и в могилах одного кургана. Таким образом, хорошо видны несколько социальных слоев общества: знать, рядовое население различного профессионально-имущественного статуса и самое низшее, зависимое население. Встречающиеся крупные могильники уже не отражают родовой структуры, поскольку в них похоронены представители разных этнических групп, порой под одной насыпью. Преобладают, однако, могильники с малым числом курганов, характерные для семейных усыпальниц. Тюрко-самодийские памятники располагаются локальными группами, которые можно рассматривать как отдельные территориальные единицы, возможно, племена. Между собой они составляли союз, который возглавлялся одним из правящих тюркских родов. В политическом плане это было образование раннегосударственного типа или в виде сложного вождества.

На этапе формирования тюрко-самодийского объединения (2-я половина VIII – 1-я половина IX в. н.э.) оно занимало широкую полосу вдоль верхнего течения Оби, от предгорий Алтая до Новосибирского Приобья. Центральным районом выступало Приобское плато, являвшееся политическим центром данной террито-

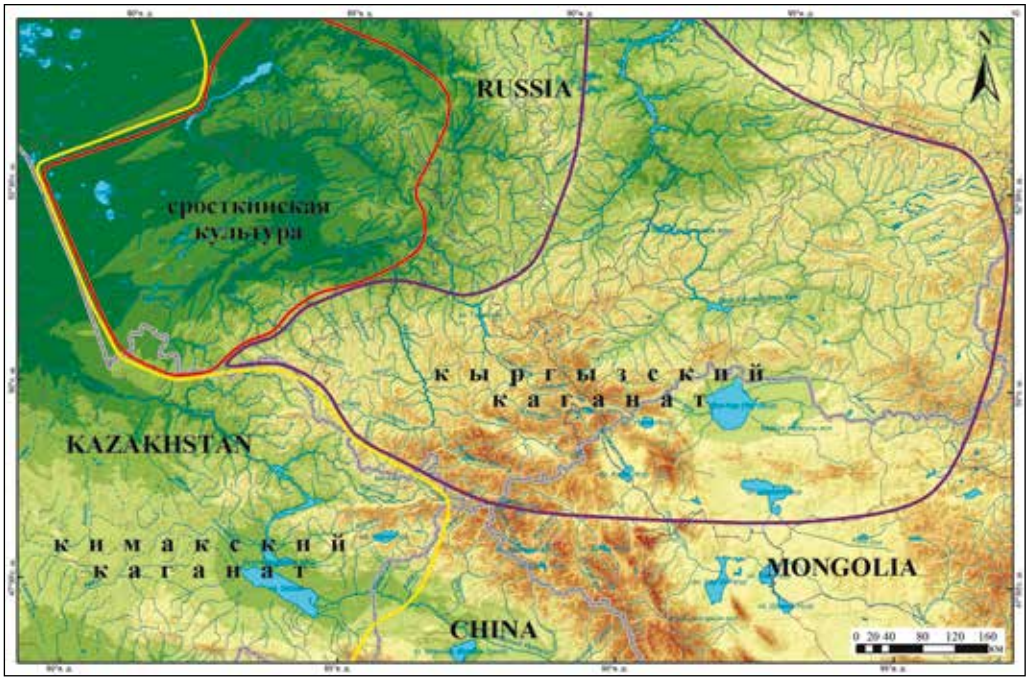

Рис. 3.32. Археологические культуры Алтая и их окружение в X в. н.э.

рии. В то время ведущей державой в Центральной Азии был Уйгурский каганат (745–840 гг.), который проводил активную экспансию в северном направлении на земли Южной Сибири. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву, а в 758 г. совершили победный поход на кыргызов в Минусинскую котловину. К IX в. все более усиливались кыргызы, которые стали оспаривать у уйгур господство в Южной Сибири. Это противостояние вылилось в длительную войну 820–840 гг. Основной театр военных действий находился на территории Тувы. В союзе с кыргызами выступили алтайские тюрки. Не исключено, что и тюрко-самодийские племена поддерживали в то время алтайских тюрок и кыргызов в борьбе с уйгурами.

Следующий этап развития тюрко-самодийского объединения (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.) отражает завершение процесса консолидации племен и складывания самобытных черт в их культуре. В то время происходил рост населения и осуществлялось расширение его ареала на всю территорию Лесостепного Алтая. Политическая ситуация была сложной и обусловливалась военной экспансией Кыргызского каганата (840–847 гг.) и образованием Кимакского каганата (около 850 г.). Интересы этих держав столкнулись в междуречье Иртыша и Алея. В западной части Предалтайской равнины (Алейская степь) наблюдается массовое появление тюрко-самодийских могильников, ряд из которых соседствует с курганами кыргызов. Это позволяет предположить, что местное объединение выступало на данном этапе в союзе с Кыргызским каганатом против кимаков, благодаря чему за ним были закреплены выгодные юго-западные рубежи, которые позволили освоить и весь восток Кулундинской равнины. Период 850–950 гг. принято называть эпохой «великодержавия» Кыргызского и Кимакского каганатов, которые вели между собой почти непрекращающуюся пограничную войну.

Несмотря на наличие сильных соседних государств, тюрко-самодийские племена не были поглощены ни одним из них.

Следующий период (2-я половина X – 1-я половина XI в. н.э.) отражает расцвет тюрко-самодийского объединения. Его можно связать с активностью империи Ляо, основанной монголоязычными киданями. Их походы в Монголию (924–994 гг.) привели к вытеснению ряда тюркоязычных племен на запад и ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. Тюрко-самодийские племена воспользовались этой благоприятной внешнеполитической обстановкой для расширения ареала своих владений в северном и восточном направлении. Они заняли часть территории Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины (рис. 3.32). Территориальной экспансии сопутствует расцвет материальной культуры, которая оказывает заметное влияние на соседей: кимаков – на западе, кыпчаков – на северо-западе, тюрок – на юге, кыргызов – на юго-востоке, самодийцев – на севере, а отдельные вещи, присущие ей, проникают до Урала, Семиречья, Забайкалья и Среднего Приобья.

На завершающем этапе развития (2-я половина XI – XII в. н.э.) политическая ситуация для тюрко-самодийского объединения резко ухудшается. Это связано с новыми миграциями кочевых племен из Центральной в Среднюю Азию, что привело к распаду Кимакского каганата (1048–1049 гг.) и усилению племенного союза кыпчаков, которые заняли Кулундинскую равнину, степные участки Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. Начинается постепенный распад тюрко-самодийского объединения. Его ареал заметно сокращается и снова ограничивается лесостепными районами Алтая. Самые поздние памятники находятся преимущественно в предгорьях и вдоль поймы Оби. В начале XIII в. территорию Лесостепного Алтая завоевывают монголы (1207 г.) и там складывается новая общность, одним из компонентов которой становятся потомки тюрко-самодийского населения.

В.В. Горбунов

КЫРГЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА НА АЛТАЕ

Кыргызы – один из древних народов Южной Сибири и Центральной Азии. Этноним «кыргызы» в различных вариантах упоминается в письменных источниках на протяжении многих сотен лет. Начало культурогенеза и этнополитической истории кыргызов связано с Минусинской котловиной, на территории которой они создали в период раннего средневековья свое первое государство – Кыргызский каганат. Термин «енисейские кыргызы», закрепившийся в научной литературе, отражает первоначальную территорию расселения определенной общности тюркоязычных племен по берегам Енисея. Во 2-й половине IX в. (после разгрома в 840 г. Уйгурского каганата) началась военная экспансия кыргызов в районы Центральной Азии – Монголию, Джунгарию, Восточный Туркестан. В 841–842 гг. были захвачены крупные города – Бешбалык и Куча, в 843 г. – Бэйтин и Аньси. В 847–848 гг. кыргызы предприняли поход в Забайкалье против объединения племен, обозначаемого в китайских источниках как *шивэй*.

В результате завоеваний к середине IX в. территория Кыргызского каганата существенно расширилась и стала охватывать огромное пространство – от Прибайкалья на востоке до отрогов Тянь-Шаня на западе [Кляшторный, Савинов, 2005]. Не случайно ученые используют понятие «эпоха кыргызского великодержавия», которое отражает период с середины IX до середины X в. как время

наибольшего военно-политического могущества кыргызов и распространения их культуры. Именно в указанное время (после разгрома Уйгурского каганата) памятники енисейских кыргызов появились на территории Горного Алтая (рис. 3.33) [Бутанаев, Худяков, 2000]. В рамках изучения кыргызской культуры на Алтае выделены два этапа, обозначенные по наиболее хорошо изученным памятникам: яконурский (2-я половина IX – 1-я половина X в.) и ак-ташский (2-я половина X – XI в.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 163]. Первый этап (840 – около 950 гг.) соответствует «эпохе великодержавия» Кыргызского каганата и характеризуется наивысшим могуществом кочевого государства. Второй этап (около 950 – 1050 гг.) отмечен распадом каганата на княжества «Киргиз» и «Кэм-Кэмджиут».

В кыргызское время в горных районах Алтая проживали тюркские племена, утратившие свое военно-политическое могущество в Центральной Азии. На территории предгорий обитали носители сросткинской культурной традиции (рис. 3.32), сформировавшейся в результате подчинения местных самодийских племен тюрками II Восточно-тюркского каганата. Имеющиеся материалы демонстрируют различный характер отношений между отмеченными этническими группами. Поскольку тюрки в IX–X вв. выступали союзниками кыргызов в войне против уйгуров, то на первом (яконурском) этапе наблюдалось мирное сосуществование кыргызов с тюрками и «сросткинцами». Об этом, в частности, свидетельствуют погребальные памятники, сооруженные в пределах одного социального и сакрального пространства как в горных, так и в предгорных районах Алтая. Так, на могильнике Чинета-II (Северо-Западный Алтай) зафиксировано расположение

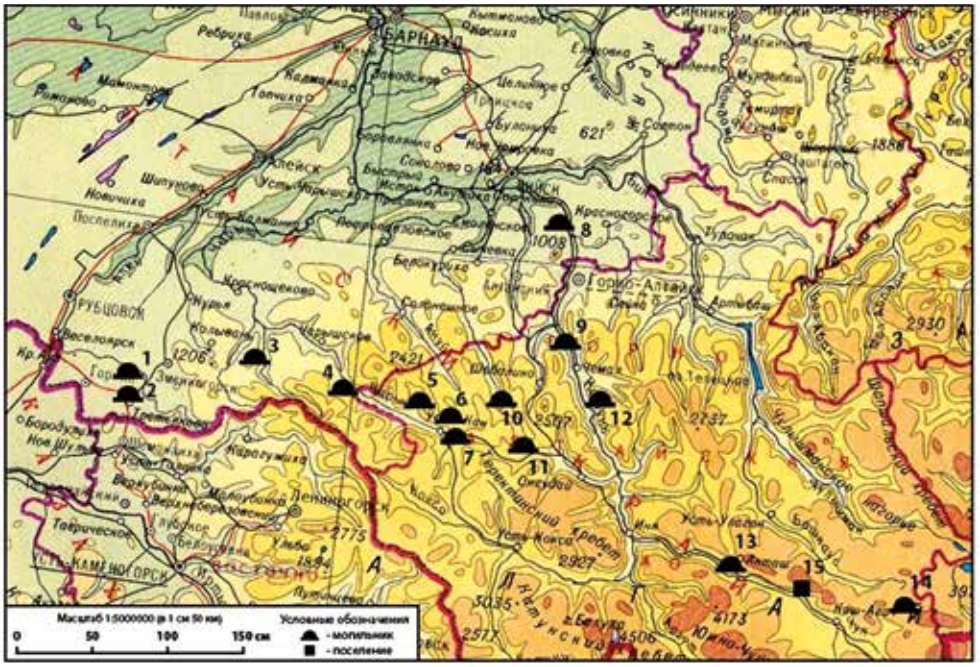

Рис. 3.33. Карта расположения памятников кыргызской культуры на Алтае:
1 – Коргон-I; *2* – Чинета-II; *3* – Гилево-XV; *4* – Гилево-I–V; *5* – Бажыны; *6* – Яконур; *7* – Беш-Озек; *8* – Кара-Коба-I; *9* – Бийке; *10* – Кок-Эдиган; *11* – Ак-Таш; *12* – Куях-Танар; *13* – Узунтал-XIII; *14* – Иванов Ключ-I (по: [Дашковский, 2015, рис. 1])

кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сросткинскими объектами. Сохранение определенной обособленности цепочек курганов разных культур свидетельствует об отсутствии в тот период ассимиляционных процессов [Дашковский, 2015, с. 115–118]. Аналогичная ситуация зафиксирована при рассмотрении курганных групп Гилево-I–IV, где выявлены в пределах одного поля одновременные захоронения сросткинской и кыргызской культур. Сходные моменты отмечены и в Центральном Алтае, где на памятнике Кара-Кобы-I исследованы курганы кыргызской и тюркской культур. Эти данные еще раз подтверждают достаточно стабильные отношения с местным населением на первом этапе взаимодействий, поскольку в противном случае по религиозным, идеологическим и другим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших людей на общих погребальных комплексах (рис. 3.33).

Дополнительные сведения о взаимоотношениях кыргызского и тюркского населения в IX–X вв. можно обнаружить в тексте рунических надписей из Мендур-Соккона. В одной из них от имени местного тюркского населения приводятся такие слова: «Мой **старший брат** (выделено. – *Авт.*) герой и знаменитый киргиз». С одной стороны, как отмечалось выше, это свидетельствует о смешении пришлого и местного населения и довольно мирное их сосуществование в «эпоху кыргызского великодержавия». С другой стороны, особенности погребального обряда, текст надписи и другие данные свидетельствуют о сохранении местной знати на уровне так называемой двойной элиты [Дашковский, 2015, с. 162–163]. В привилегированном положении находились кыргызские военачальники. Тюркская элита потеряла, во всяком случае формально, свою политическую независимость, поскольку вынуждена была поддерживать кыргызов в борьбе против уйгуров. В то же время местное кочевое объединение сохранило свое экономическое положение и войско, что подтверждается находками предметов вооружения в тюркских погребениях Горного Алтая.

Во второй (ак-ташский) период пребывания кыргызов на Алтае характер взаимоотношений с местным населением несколько меняется. Так, зафиксированный на могильнике Чинета-II случай разрушения кенотафа (могилы без покойника) сросткинской культуры более поздним кыргызским погребением мог быть обусловлен как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности погребального объекта вследствие непостоянного пребывания в данном регионе кыргызов в XI в. В других районах Алтая количество памятников второго этапа также уступает числу объектов предшествующего периода [Дашковский, 2015, с. 119–120]. Это, по всей видимости, обусловлено ослаблением и так незначительного влияния кыргызов в данном регионе, а также в целом в Южной Сибири и Центральной Азии. Уже с конца X в. начался процесс возвращения значительного числа кыргызов на территорию бассейна Среднего Енисея. Еще раньше, в начале X в., каган перенес свою ставку сначала из Южной Тувы в Центральную, а затем и в Минусинскую котловину. Судя по имеющимся данным, такие перемещения обусловлены не только экономическими и внутриполитическими проблемами, но и давлением со стороны киданей, а возможно, кунов, каев и найманов.

Погребальный обряд кыргызов отличался от ритуальной практики других тюркоязычных кочевников определенным своеобразием. В средневековых китайских хрониках отражена такая информация: «…если кто умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости, когда пройдет год, тогда делают могильный холм». Аналогичные сведения приводятся арабскими авторами.

Археологические данные исследования погребений кыргызов в Южной Сибири в целом дополняют сведения письменных источников. При этом в Горном Алтае выявлены в основном небольшие курганы: диаметром от 4 до 8,5 м и высотой до 0,7 м. Исключением является курган №1, раскопанный на могильнике Яконур. Его диаметр достигал 23 м, что, вероятно, свидетельствует о высоком военном статусе погребенного. В большинстве случае кальцинированные останки человека, которого вместе с сопроводительным инвентарем подвергали кремации на стороне, помещали либо на уровне древнего горизонта, либо в небольшое углубление (рис. 3.34). После этого над погребением возводили каменную насыпь (рис. 3.35). При исследовании погребений по обряду кремации обнаружено большое количество разнотипных железных наконечников стрел (рис. 3.36), меч, кинжал, навершие плети, тесло, удила, а также бронзовые предметы поясного набора – портупейные пряжки, основная пряжка, наконечники ремня, бляхи (рис. 3.37–3.38).

В основе социальной организации кыргызов, как и у других кочевых народов Евразии, лежала физико-генетическая структура. В то же время исследователи отмечают, что кремации подвергались преимущественно взрослые (как мужчины, так и женщины). Детей же хоронили обычно по обряду ингумации, за исключением погребений, которые могут рассматриваться как жертвенное трупосожжение. Вероятно, кремация распространялась на кочевников, которые становились полноправными членами общества, прошедшими инициации, т.е. перешедшими из состояния детства во взрослую жизнь. На Алтае известно пока одно детское погребение в могиле-3 кургана №3 памятника Новофирсово-VII, которое отдельные исследователи связывают с кыргызской культурой. В качестве сопроводительного инвентаря в детских погребениях (как на Алтае, так и в других районах) чаще всего встречаются керамические сосуды и иногда астрагалы овцы. Атрибутировать на основе сопроводительного инвентаря погребения мужчин и женщин достаточно сложно, что обусловлено объективными причинами реализации обряда кремации. Аналогичная ситуация наблюдается и при исследовании памятников кыргызов в соседних регионах, в частности в Минусинской котловине. Можно только предположить, что предметы вооружения характерны в большей степени для мужских захоронений, а шилья, бусы, заколки, иглы, керамические пряслица, крючья – для женских. В отдельных женских захоронениях кыргызов за пределами Алтая обнаружены хорезмийская, тюргешская и китайские монеты. Предметы, относящиеся к снаряжению лошади, вероятно, могут встречаться как в женских, так и в мужских захоронениях. В то же время не исключено обнаружение отдельных экземпляров предметов вооружения и в женских погребениях.

Рис. 3.34. Погребение по обряду кремации в кургане №13 могильника Чинета-II (по: [Тишкин, Дашковский, 2008, фото на с. 12])

Так, в кургане №1 могильника Чинета-II на Алтае, в кыргызском впускном захоронении, были обнаружены железная заколка (булавка) и наконечник стрелы. Аналогичный случай сочетания «женского вещевого комплекса» с предметом вооружения (костяной наконечник стрелы) известен и за пределами Алтая, например, на памятнике Хыржи. Однако значительного количества элементов вооружения в комплекте с бытовыми предметами не выявлено, и в основном они представлены единичными экземплярами.

Рис. 3.35. Насыпь кургана №12 могильника Чинета-II.
Фотоснимок П.К. Дашковского

Важно отметить, что для социума кыргызов характерна военно-административная организация, предусматривавшая деление войска и народа по десятичному принципу. Все взрослое мужское население было распределено по военно-административным единицам. Наиболее боеспособная часть войска насчитывала три тумена, сформированных из собственно кыргызов, и 7–8 туменов из числа вассальных племен. Во главе военно-административного аппарата стоял каган, власть которого передавалась по наследству, а высшие должности в армии и государстве занимали ближайшие родственники кагана. Три наивысшие должности «великих командующих» Хэсибэй, Ацзюйшэбибэй и Амибэй (управляли государственными делами и тремя туменами кыргызов) занимали сыновья или братья кагана. Каждый «великий командующий» возглавлял еще и одно из крыльев возглавляемого им тумена. Во главе второго крыла стояли «главноначальствующие». Командиры туменов, составленных из вассальных поколений, в китайских хрониках названы «министрами», а полутуменов – «управителями». Создание централизованной военно-административной системы

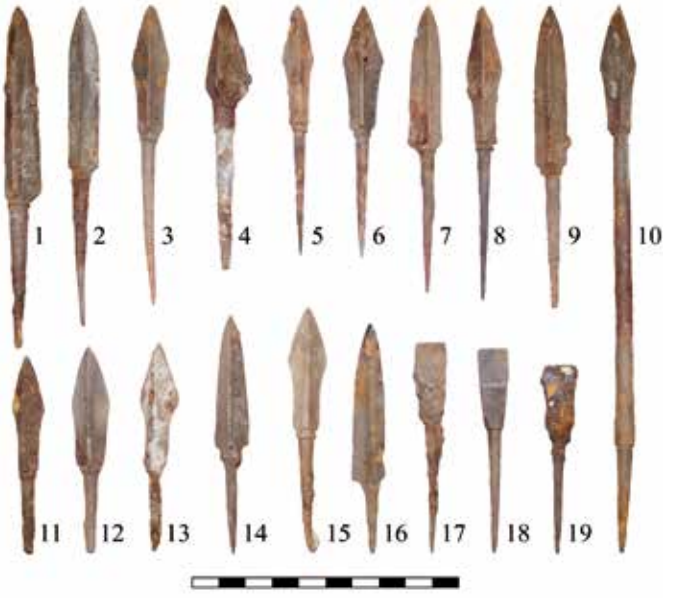

Рис. 3.36. Комплект железных наконечников стрел из кыргызского кургана №12 могильника Чинета-II (по: [Дашковский, 2015, с. 73, фото 13])

деления войска позволило достигнуть существенных военных побед и занять кыргызам высшее положение в этносоциальной иерархии в Кыргызском каганате.

В большинстве кыргызских погребений на Алтае обнаружены разнообразные предметы вооружения. Это еще раз свидетельствует о том, что большая часть кыргызов в этом регионе представляла собой мужчин-воинов, которые могли занимать различное положение в военной иерархии. Об этом, например, свидетельствуют такие факты, что в одних захоронениях зафиксированы только отдельные экземпляры оружия (например, курганы №1, 10, 12 могильника Чинета-II, курган №1 памятника Кок-Эдиган, курган №8 комплекса Коргон-I и др.), а в других – до 20 и более предметов (курганы №11, 13 могильника Чинета-II и др.). Известно также одно погребение по обряду кремации в кургане, в небольшой насыпи которого найдено несколько фрагментов керамики. Такие практически безынвентарные погребения, вероятно, можно интерпретировать, по аналогии с другими памятниками Южной Сибири, как захоронения обедневших представителей рода или дружинников.

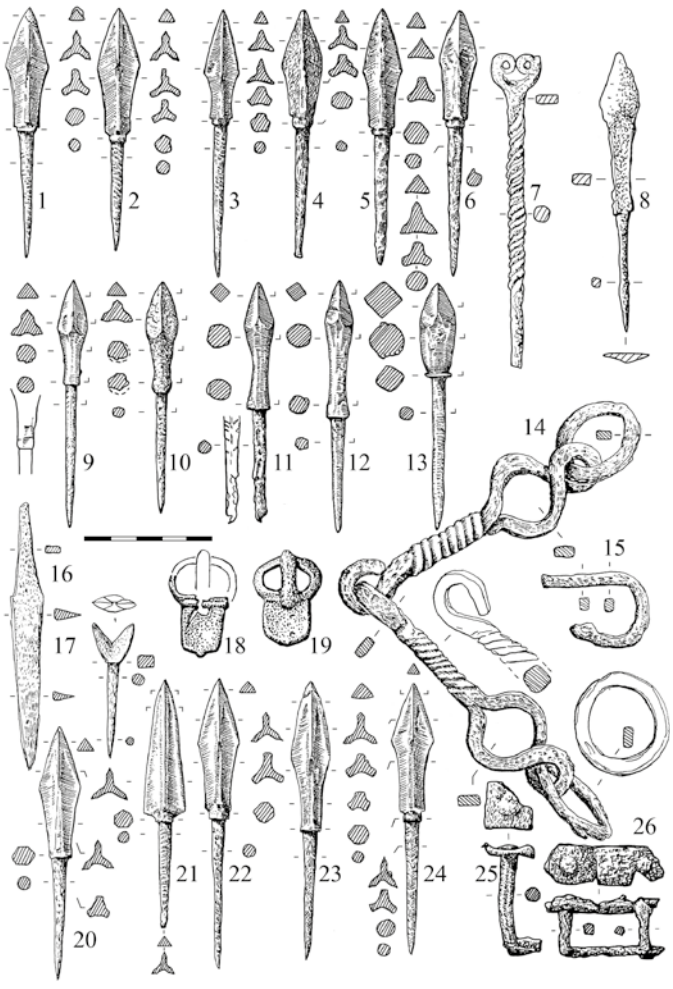

Рис. 3.37. Погребальный инвентарь из могильника Чинета-II: *1–6, 9–17, 20–24* – курган №13; *7–8* – курган №1; *18–19* – курган №10; *25–26* – курган №11 (1–17, 20–26 – железо, 18–19 – бронза) (по: [Дашковский, 2015, рис. 33, 42, 50, 51])

Приведенные материалы дополняют точку зрения исследователей об иерархии кыргызского воинского контингента, контролировавшего территорию Горного Алтая. В то же время погребальных комплексов кыргызской военной элиты, аналогичных, например, памятникам Тувы, на Алтае пока не обнаружено. Это обусловлено общей культурно-исторической ситуацией в регионе и тем фактом, что на Алтае никогда не было ни одной ставки кыргызского кагана и, соответственно, число представителей военной элиты могло быть весьма ограниченным. Косвенным подтверждением этого может являться и то, что в кыр-

гызских курганах на Алтае встречается мало орнаментированных металлических предметов, в то время как для территории Тувы и Минусинской котловины зафиксирована обратная ситуация.

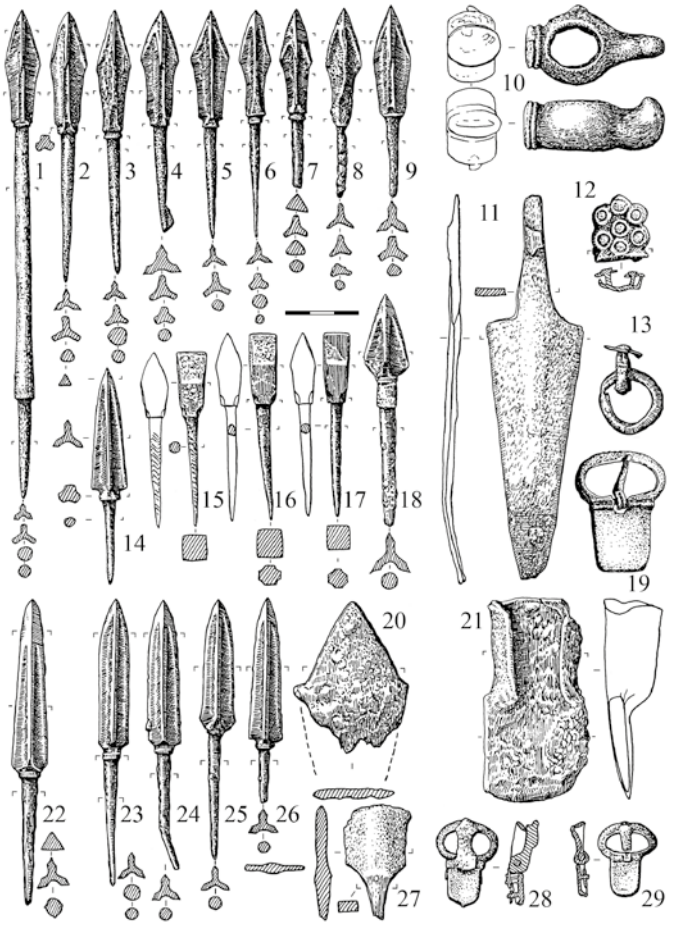

Рис. 3.38. Погребальный инвентарь из кургана №12 могильника Чинета-II (1–11, 13–18, 20–27 – железо, 12, 19, 28–29 – бронза) (по: [Дашковский, 2015, рис. 45–47])

Завоевательные походы кыргызов в Центральной Азии и подчинение местных кочевников усложнили структуру этнополитической иерархии. Ведущий этнос – кыргызы – для сохранения своего господствующего положения опирался на военные силы своих союзников. Такими союзниками были тюрки, часть уйгуров во главе с полководцем Гюйлу Мохэ, перешедшим на сторону кыргызов, и племена бома в лесостепной зоне Средней Сибири, покоренные кыргызами в начале IX в. С помощью бома кыргызы пытались захватить степную зону Алтая, но были остановлены войсками Кимакского каганата. В Монголии кыргызы первоначально разрушили и сожгли уйгурскую столицу Орду-Балык. Но потом высшие слои кыргызского общества, нуждавшиеся в продуктах ремесла и земледелия, поощряли развитие этих видов деятельности, а также торговли, строительство крепостей и городов. Для строительства крепостных сооружений из сырцового кирпича на территории Минусинской котловины правители кыргызов привлекли согдийских мастеров из Средней Азии. Эти крепости служили ставками для кыргызских каганов. Образование стационарных поселений способствовало процессам седентаризации* части кыргызского населения, развитию земледелия, ремесла и торговли с Китаем, Тибетом и государствами Средней Азии. Эти меры со стороны каганов преследовали фискальные и экономические цели. Из Китая было завезено большое количество орудий для обработки земли и китайских монет для денежного обращения. Значительного уровня в тот период достигло развитие кузнечного, бронзолитейного и ювелирного ремесла. В Юж-

* Переход от кочевого к оседлому образу жизни (прим. – *Ред.*).

ной Сибири увеличился поток импортных предметов, дорогого парадного оружия, пиршественной посуды из драгоценных металлов, шелковых тканей, разнообразных украшений.

Нужно отметить, что формирование полиэтничных государственных образований на территории Евразии в эпоху средневековья было весьма распространенным явлением. В таких государствах, как правило, выделялась доминирующая этническая группа из числа завоевателей, которая представляла собой высшую элиту [Кляшторный, Савинов, 2005]. С другой стороны, внутри кочевого политического объединения формировалась или поддерживалась местная элита, представители которой могли занимать прочные позиции в социальной иерархии. Кроме того, исследователи отмечали, что сложение государств в период раннего средневековья сопровождалось обычно сменой политической гегемонии отдельных племен при сохранении состава основного населения. Система социально-этнического подчинения является важнейшим фактором формирования и развития государств и культур номадов Южной Сибири и Центральной Азии. Борьба кыргызов с уйгурами является наглядным примером смены в регионе одного этноса-элиты на другой. Взаимоотношения между этносом-элитой и подчиненными племенами, входившими в Кыргызский каганат, были различны: подарки, «подати», военная поддержка и др. Это обстоятельство позволяет говорить об определенной межэтнической иерархии в государстве кыргызов. В данном случае представляется примечательным отмеченный выше факт обнаружения на Алтае относительно «богатого» погребального инвентаря и предметов вооружения в погребениях местного тюркского и «сросткинского» населения. В то же время, например, памятники «кыштымов» в Минусинской котловине демонстрируют более зависимое их положение по отношению к кыргызам. До периода активной завоевательной политики кыргызов кыштымы рассматривались как патриархальные рабы-иноплеменники. В IX–X вв. кыштымы были мобилизованы кыргызами для борьбы с уйгурами. Именно этот фактор позволил части кыштымам инкорпорироваться в среду свободного кыргызского населения. Правда, их погребальный обряд остался без изменений, а сопроводительный инвентарь хотя и приобрел определенное разнообразие, но в целом уступал вещевому комплексу из курганов тюрок и «сросткинцев».

Рассматривая историю пребывания кыргызов на Алтае, нельзя не отметить особенности распространения в раннем средневековье прозелитизма* в Южной Сибири и Центральной Азии, которые оказали определенное влияние на мировоззрение тюркоязычных кочевников [Дашковский, 2015, с. 165–193; Король, 2008]. Следует подчеркнуть, что тюркские буддийские общины появились в Монголии и Восточном Туркестане не позднее 2-й половины VII в. Более того, буддизм существовал уже в определенной степени у сяньби и жужаней, с которыми исторически связаны тюрки. Он, вероятно, должен был выступать идеологической основой укрепления тюркской державы. Однако социально-политический кризис и распад каганата не позволили буддизму закрепиться у кочевников. Новый этап его распространения относится к началу 2-й четверти VII в. С того времени буддизм прочно существовал у уйгуров вплоть до официального принятия Бёге-каганом в 762–763 гг. манихейства. Наконец, в X в. вновь зафиксирован подъем буддизма у уйгуров, а также у кимаков и кыргызов.

* Деятельность, связанная с обращением иноверцев в свою религию (прим. – *Ред.*).

Наиболее дискуссионным в науке является вопрос о степени знакомства тюркских племен с манихейством. Ученые практически единогласны в том, что манихейство имело свое положение в Уйгурском каганате, где оно носило статус государственной религии, хотя имеющиеся данные свидетельствуют и о сохранении многих традиционных верований. В отношении степени распространения манихейства в Кыргызском каганате у исследователей сложились разные мнения. Практически никто из них не отрицает того, что кыргызы, как и другие кочевые тюркоязычные народы, были знакомы с учением пророка Мани. При этом нужно подчеркнуть, что именно к периоду IX–X вв. относится большая часть сведений о знакомстве кыргызов не только с манихейством, но и с другими религиозными традициями. Это обусловлено полиэтничным характером государственного образования номадов. Имеющиеся данные, хотя и свидетельствуют о попытках каганов выработать общую государственную идеологию, тем не менее позволяют говорить о том, что только часть кыргызов восприняла основы вероучения Мани. В то же время некоторые специалисты (Л.Р. Кызласов, И.Л. Кызласов, Ю.А. Зуев) настаивают на государственном статусе этой религии и в Кыргызском каганате. О значительной степени распространения манихейства у тюркоязычных номадов, по их мнению, свидетельствуют письменные (в том числе рунические) источники, храмы и монастыри, обнаруженные в Минусинской котловине и на Алтае. При этом традиционные шаманские верования и обряды сохранили свое значение в мировоззрении. Именно религиозный синкретизм манихейства и шаманизма дал основание Л.Р. Кызласову высказать мысль об особом «сибирском манихействе», получившем распространение у кыргызов.

Мировоззрение кочевников, наряду с традиционным шаманским комплексом верований, испытало определенное влияние других религиозных традиций. Важным индикатором укрепления религии является погребально-поминальная обрядность, которая, несмотря на распространение других конфессий, в том числе буддизма и манихейства в Кыргызском каганате, не претерпела существенных изменений. Исходя из этого, можно предварительно заключить, что религиозная система кыргызов испытывала определенное влияние развитых религий, благодаря деятельности пророков этой религии и политики каганов, стремившихся удержать полиэтничное государство не только военными методами, но и общей идеологией. Определенными преимуществами манихейства, по сравнению с другими религиями того периода, было, во-первых, отсутствие ортодоксального неприятия и противостояния с традиционными верованиями. Во-вторых, как учил Мани, «молитва, обращенная к богу, не нуждается в храме», поэтому молельня могла размещаться в кочевой юрте. Это обстоятельство весьма существенно при мобильном образе жизни, хотя и не исключало стационарных «храмов» или молелен в городах. В то же время сложность учения манихейства, консервативность традиционных верований номадов, относительно короткий период существования Кыргызского каганата и ряд других факторов, вероятно, не позволяют говорить о данной религии как о доминирующей мировоззренческой системе в обществе. В целом, более приемлемо обозначать религию кыргызов, как и других тюркоязычных народов эпохи средневековья, термином *тенгрианство*, которое представляло собой синкретичную мировоззренческую систему. Оно включало шаманский комплекс верований, пантеон богов во главе с богом Тенгри, государственные культы (культ кагана), а также элементы верований, обрядов и художественных образов, возникших под влиянием других (прозелитарных) религий.

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин

ГЛАВА 2

РАЗВИТОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Монгольское время в истории Евразии освещено в значительном количестве научных и научно-популярных изданий на разных языках мира. Эти публикации создавались в основном с опорой на довольно обширные письменные источники, среди которых имеются китайские, персидские, монгольские, арабские, армянские, русские, западноевропейские и др. Одним из важных исторических произведений является сборник летописей Рашид-ад-дина [2002а–б]. Археологические материалы привлекались, но их по-прежнему не достаточно для того, чтобы объективно отразить характеристику указанного периода истории и детально реконструировать этнокультурные процессы, которые проходили на окраинах империй Чингисхана и его потомков, что практически не отражено в письменных, изобразительных и других свидетельствах. Для этого необходимы систематические раскопки во многих регионах, в том числе и в Монголии.

На военно-политической арене в Азии кочевники-монголы появились и стали играть заметную роль в XII в. Период становления их могущества до сих пор имеет множество «белых пятен» и не лишен противоречивых оценок. Однако совершенно понятно, что произошедшие в развитом средневековье события являлись важными страницами ушедшей эпохи. Они определили пути развития многих стран и народов.

В XII в. Горный Алтай, а также некоторые соседние территории оказались захвачены монголоязычными племенами найманов. Предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекратили свое существование и на их смену пришли другие. По всей видимости, какая-то часть тюркского населения Алтая была вовлечена в военно-политические мероприятия того времени, другая же оказалась ассимилирована, переселена или уничтожена. Так или иначе, но имеющиеся данные демонстрируют приход на Алтай в XII в. нового населения, а затем и полное доминирование культуры кочевников из восточных регионов Центральной Азии.

Активные миграционные процессы, начавшиеся после падения киданьской империи Ляо в 1125 г. и в период формирования нового государства Западное Ляо, носили своеобразный характер. Исследователям порой очень трудно или даже невозможно точно локализовать места проживания известных народов и детально реконструировать пеструю этнополитическую картину из-за постоянных передвижений, военных конфликтов и других нестабильных сторон жизни кочевых племен развитого Средневековья. Но тенденция распространения монголоязычных этносов в западном направлении хорошо фиксируется многими источниками.

В указанном сборнике летописей Рашид-ад-дина есть параграф, посвященный племени найман, «…которого имеется несколько ветвей». Из него мы узнаем, что

племена найманов были кочевниками. Одна часть их обитала на равнине, а другая – в горной местности. «Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными; они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским» [Рашид-ад-дин, 2002а, с. 135–140]. В начале XII в. найманы продвинулись к западу и вытеснили с верховьев Иртыша кыпчаков, а затем распространили свое могущество на всю Южную Сибирь. Наиболее важные успехи были связаны с предводителем, которого звали Иванч-Билгэ Буку-хан. После смерти грозного вождя наследниками разделенного улуса найманов стали два его сына – Таян-хан и Буюрук-хан. Первый имел ставку в верховьях Иртыша, а второй – на территории Алтайских гор. Братья между собой были в плохих отношениях. Этим воспользовался кереитский предводитель Ван-хан, который в союзе с Темучжином (будущим Чингисханом) решил напасть на племя Буюрук-хана. Военные действия начались в 1198 г. Объединенные войска застали врасплох найманов в местности Кызыл-Баш около Алтая и учинили грабеж. Буюрук-хану удалось убежать и скрыться в области Кэм-Кэмджиут, которая локализуется исследователями в верховьях Енисея. Дальнейшее продвижение войск союзников было остановлено найманским полководцем по имени Кокэсэу-Сабрах. Но затем найманы все же потерпели поражение. В 1199 г. военная кампания монголов с кереитами против найманов была успешно продолжена. Однако только в 1204–1205 гг. после захвата Темучжином кереитских владений, укрепления могущества и реорганизации армии разгром монголами найманов во главе с Таян-ханом был окончательно завершен. В результате земли Джунгарии и современной Северо-Западной Монголии составили часть формирующейся империи. Эти события способствовали окончательной консолидации власти в руках Темучжина.

Годом создания монгольской государственности считается 1206 г. На всемонгольском курултае предводитель объединенных племен Темучжин был провозглашен Чингисханом. С того времени начался активный процесс расширения империи за счет присоединения ближайших стран и народов, а также осуществлялась раздача уделов сыновьям и членам своего рода. Одним из направлений такой политики стала территория нынешней Южной Сибири. Покорение северных «лесных народов» и кыргызов Чингисхан поручил своему старшему сыну Джучи. Вероятным поводом для начала военной операции послужило пребывание найманского хана Буюрука на территории кыргызского княжества Кэм-Кэмджиут. В 1207 г. войско, возглавляемое Джучи, без особого сопротивления подчинило полиэтничное население Алтае-Саянской горной страны. Данный поход способствовал продолжению миграционных процессов, начавшихся в связи с активными военными действиями монгольской армии. В 1208 г. Чингисхан поручил Джучи решение проблемы долго сопротивлявшихся меркитов. В ходе осуществленной операции монгольские войска продвинулись в долину Иртыша. Тем самым обозначилось дальнейшее направление действий по покорению кочевых племен, проживавших в обширных степях (Дешт-и-Кыпчак). В 1218 г. Джучи был вынужден повторить поход в южносибирские земли в связи с произошедшим там восстанием под эгидой кыргызов. В следующем году он двинулся на территорию восточных кыпчаков и основал свою ставку в долине Иртыша. Именно это событие предложено Ю.С. Худяковым считать началом создания самостоятельного улуса Джучи в составе Монгольской империи*. М.А. Усманов

* В отечественной историографии становление самостоятельности улуса Джучи (Золотой орды) традиционно определяется 1240-ми гг. (Прим. – *Авт.*).

считал, что более верной датой являются 1260-е гг., когда при хане Менгу-Тимуре начали чеканить монеты с полным титулом правителя государства [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 86].

При поддержке отца и в ходе проведения самостоятельной политики Джучи значительно расширил владения и перенес свою ставку в центральноказахстанские степи. К моменту внезапной смерти старшего сына Чингисхана в 1227 г. территория улуса Джучи охватывала огромные пространства. Однако после трагического события земли Алтае-Саянского нагорья и некоторые районы Западной Монголии были переданы в управление младшего сына Тулуя и включены в состав улуса Великого хана. Позднее они стали частью Юаньской империи. С оформлением Чагатайского улуса к нему отошла Средняя Азия. Правителем оставшейся части земель, завоеванных под предводительством Джучи, стал его второй сын Бату, который по повелению Чингисхана должен был продолжить дело своего отца, расширяя империю на запад. Военные действия в этом направлении были предприняты в 1229 г. Затем последовали другие операции, завершившиеся объединением всех кочевых племен, проживавших в степях от Волги до Оби.

После смерти Чингисхана был выбран новый правитель. В 1229 г. им стал его третий сын и преемник Угэдэй (1186–1241), который продолжил политику отца. В 1235 г. на курултае было принято решение о грандиозном походе в Европу под руководством Бату и при общей поддержке военной кочевой элиты. Советником назначили талантливого полководца того времени Субэдэя. Подготовленный поход реализовывался в течение нескольких лет, но был прекращен в связи со смертью великого хана Угэдэя. Бату вернулся в Поволжье, где располагалась его ставка, сделавшаяся столицей создаваемого огромного государства, которое получило в научной литературе обозначение «Золотая Орда», хотя в то время этого названия не существовало.

В середине XIII в. остро обозначилась борьба за престол великого хана. Тогда же начался процесс распада Монгольской империи. Он усилился после смерти Мэнгу-хана в 1259 г. В данный период на политической арене развернулась борьба двух сыновей Тулуя. Хубилай в борьбе за власть одолел своего брата Ариг-Буга, возведенного на престол во время великого курултая, который состоялся в Каракоруме. Хубилай управлял завоеванными землями Северного Китая, был образован и смог узурпировать власть только при определенной поддержке. В 1260 г. он созвал еще один великий курултай и провозгласил себя монгольским «великим ханом». В течение нескольких лет между братьями продолжались сражения и противостояния, но в конце концов в 1264 г. Ариг-Буга сдался.

В начале своего правления Хубилай провел целый ряд преобразующих мероприятий, опираясь на китайский опыт. В 1271 г. он дал название формировавшемуся новому государству – Юань. Данное обозначение переводится с китайского языка как «начало», «исконный», «коренной» и т.д. Начиная с 1272 г. в империи стала реализовываться идея создания военно-пахотных поселений. В связи с этим активно использовалась система переброски народов с одного места на другое. Став великим ханом, Хубилай не только вел борьбу за свое правление, но и продолжил завоевание Китая, которое завершилось в 1279 г., когда была уничтожена династия Южная Сун. В 1292–1293 гг. по приказу Хубилая армия под предводительством опытного полководца кыпчака Тутуха повторно покорила народы Алтае-Саянской горной страны, которые после восстания 1273 г. обрели независимость. Завоеванная территория

стала частью провинции Лин-бэй*. На покоренных местах были оставлены военные поселенцы. Часть местных народов уведена в другие районы империи.

В 1294 г. Хубилай умер, и для решения государственных дел был назначен Камала (Гаммала). В 1295 г. на престол вступил внук Хубилая – Тимур, который правил до 1307 г. В 1309 г. наместник провинции Лин-бэй выступил с предложением к императору об устройстве на северной стороне Алтая военно-пахотного поселения. Был ли реализован этот проект или нет, остается неизвестным [Тишкин, 2009, с. 6–7].

После падения династии Юань в 1367–1368 гг. Монголия разделилась на две основные части – восточную и западную. В последующее время активная военная деятельность китайцев привела к тому, что в 1380 г. войска династии Мин захватили и разрушили Каракорум. Возникшие на осколках Монгольской империи мелкие княжества не могли противостоять такой силе. В связи с тем, что политический центр улуса Великого хана и затем Юаньской империи находился в восточной части Азии, Алтайские горы были далекой окраиной. Со времен Чингисхана там проживали «государственные крепостные» ойрат-монголы (четыре «ойрата»), которые должны были подчиняться наследнику престола. Сведений о них чрезвычайно мало, и все они разрозненные. Известно, что во 2-й половине XIII в. ойрат-монголы были слабыми и перенесли большое разорение во времена смуты Хайду, но затем, «…живя на пастбищах государственных стад, постепенно усилились». В конце эпохи Юань они стали называться племенем Арудая и даже стремились к отделению [Чулууны Далай, 1983, с. 54, 56].

Что касается Золотой орды, то границы этого государства начинались от Алтае-Саянской горной страны на востоке до Дуная на западе и от низовий Сырдарьи до северной таежной зоны. В ней проживало много разных народов, но правящая элита оставалась монгольской (джучиды). Уже при Бату улус Джучи был традиционно разделен на две части – восточную и западную. Одна из них называлась Кок (Синяя) Орда, а другая – Ак (Белая) Орда. Внутри них существовали более мелкие уделы. После Бату в 1256 г. ханом стал Берке, который в годы своего правления попытался чеканить собственную монету, тем самым претендуя на государственную независимость в условиях размежевания крупных монгольских улусов. Однако эта попытка потерпела неудачу. В 1266 г. ханом становится Менгу-Тимур, который окончательно оформляет самостоятельность Золотой Орды. Наивысший ее расцвет приходится на 1-ю половину XIV в. При правлении хана Узбека (1312–1341) государство наладило политические, экономические и культурные контакты с крупными странами Европы и Азии. Это время принято связывать с расцветом городов и возрастающим могуществом. Еще одним важным показателем указывается активная исламизация населения. Ситуация довольно резко поменялась после смерти хана Узбека. Начавшаяся эпидемия чумы, а затем многочисленные проблемы политического, экономического, экологического и другого характера привели к междоусобице [Усманов, 2000, с. 38–39]. С приходом к власти хана Токтамыша (1380–1396 гг.) была реализована попытка восстановления единства государства и возрождения его былого могущества. Но в 1395 г. случилось нашествие Тамерлана, после которого состоялся окончательный распад Золотой Орды.

* В XIII–XIV вв. вся Монголия, согласно административному и территориальному делению, имела название «Лин-бэй дэн-чу син-чжун-шу-шэн» с центром в г. Каракаруме. Она делилась на внутреннюю часть, которая непосредственно подчинялась великому хану, и на Ойрат-Монголию, предназначенную для разведения стад государственного скота. Кроме этого, существовали и другие территории [Чулууны Далай, 1983, с. 52–56].

КЫЗЫЛ-БОЛЧОКСКАЯ КУЛЬТУРА

Культура монголов интересовала европейских современников, которые, путешествуя, зафиксировали множество сведений об их обычаях, традициях и быте. Плано Карпини в своей «Истории монгалов» [1997, с. 38−39] отдельную главу по культуре монголов назвал «О погребальном обряде». Кроме того, определенные свидетельства имеются и в некоторых других разделах указанного труда, рукописный вариант которого датируется серединой XIII в. Однако следует указать, что изложенные Плано Карпини описания в основном касаются погребений знатных лиц (элиты), что не дает возможности полноценно судить о традициях захоронений рядовых кочевников. Между этими обрядами, как показывает практика, существуют серьезные отличия, связанные с разным социальным положением. На это указывает и сам автор цитируемой ниже книги. Имеющиеся в рассматриваемом источнике сведения можно сгруппировать в следующем виде:

1. Знатное лицо хоронят, «...где им будет угодно...», вместе с его ставкой тайно в поле, сидящим в центре. В погребение кладут еду (много мяса, молоко), а также кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом. Мясо еще одного коня съедают, кости его сжигают («...за упокой души умершего»). А из шкуры, набитой соломой, делают чучело, которое ставят повыше «...на двух или четырех деревяшках». Все это делается, чтобы умерший мог жить в другом мире, в своей ставке, получать от кобылы молоко, умножать коней, ездить на них и т.д.

2. Иной способ захоронения знатных людей заключается в следующем. Монголы «...идут тайком в поле». В выбранном месте убирают слой дерна и вырывают большую яму, а сбоку ее делают яму под землей (подбой). Мертвого кладут в такую нишу вместе с необходимыми вещами. Затем яму зарывают, а сверху укладывают дерн, чтобы «...впредь нельзя было найти это место».

3. Существуют два кладбища. На одном из них хоронят знатных людей («от императора до вельмож»). Их тела доставляют независимо от того, где они умерли. Вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое, охраняемое, кладбище предназначалось для тех, кто был убит далеко от родины.

4. У монголов еще существовал ряд обычаев, связанных с погребально-поминальной практикой: сожжение костей за упокой душ умерших людей, посадка дерева, очищение огнем. О последнем обряде есть несколько повествований, в том числе и в русских летописях. Об очищении огнем свидетельствует и монах-путешественник Гильом де Рубрук [История..., 1997, с. 171]: «Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено». Эта традиция касалась не только личных вещей погребенного, но и подарков, если они были предназначены лицу уже умершему. Кроме этого, например, очищали, проводя между огней, людей, прибывших к хану, а также все посылаемое к его двору и др. Выполнением таких функций занимались жрецы («колдуны», «прорицатели»).

О тайне захоронения у монголов сообщают и восточные источники (цит. по: [Федоров-Давыдов, 1966, с. 157]): «По прибытии, на место погребения гроб глубоко зарывался в землю, а потом прогоняли по могильной насыпи несколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать...»

Есть аналогичные сведения по поводу смерти Бату. В источниках неоднократно указывается о том, что монголы держали в тайне захоронения своих ханов. Так до сих пор неизвестно место, где похоронен Чингисхан. Разные рассказы, например, о том, что над его могилой был прогнан огромный табун лошадей, который сровнял место захоронения, по мнению некоторых исследователей, скорее всего, больше похож на легенду.

Г. де Рубрук указывал, что у монголов «...всегда около тех мест, где они погребают своих знатных, имеется гостиница для охраняющих...» Хотя тут же он написал следующее: «Погребение того, кто умирает, остается неизвестным...» Здесь наблюдается явное противоречие. По всей видимости, Г. де Рубрук не присутствовал на похоронах и не знал конкретных особенностей погребальной практики монголов. Это, в частности, отражено в следующей его фразе: «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища» [История..., 1997, с. 101]. Что касается обряда захоронений кыпчаков (половцев), то он представлен путешественником в таком виде: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую,

Рис. 3.39. Усть-Бийке-III. Находки из кургана №3 (по: [Тишкин, 2009, фото 53])

Рис. 3.40. Усть-Бийке-III. Курган №7. Изделия из железа (по: [Тишкин, 2009, фото 55])

Рис. 3.41. Усть-Бийке-III. Курган №7. Железные стремена (по: [Тишкин, 2009, фото 54])

обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т.е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мяса, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади». В последнем предложении цитируемого сообщения имеется явное несоответствие, заключенное в том, что описанные виды погребальных сооружений были оставлены немонгольскими племенами и являлись более древними погребально-поминальными объектами. Г. де Рубрук в своем труде «Путешествия в восточные страны» зафиксировал наблюдаемые им усыпальницы команов (кыпчаков, половцев) и существование у них обычая, когда «все родство их погребается вместе».

Кроме приведенных выше данных, посвященных непосредственно рассматриваемому обряду, в письменных источниках можно найти много косвенных сведений, которые определенным образом помогают раскрыть смысл реализации погребальной практики монголов. Например, Г. де Рубрук указал, что в XIII в. постель хозяина дома находилась в северной части, и когда он сидел на ней, то оказывался лицом к входу (на юг). Слева от него к востоку находилась женская половина, справа − мужская (западная). «Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне» [История..., 1997, с. 93]. Эти сведения оказались важными для понимания планиграфии расположения курганов монгольского времени на памятнике Усть-Бийке-III в Горном Алтае [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 178–181]. Место исследованных погребений выделялось определенным своеобразием. Курганы находились в долине р. Бийке (небольшого правого притока Катуни), в малопривлекательном месте, на склоне небольшого выступа третьей террасы, который обращен в сторону соединения водных потоков. Площадка, где расположен археологический памятник, покатая и сухая, в течение дня хорошо освещается солнцем. С севера она закрыта высокой четвертой террасой Катуни. Курганы №1 и 2, содержавшие погребения женщин (соответственно 35–40 и 45–50 лет), располагались на юго-восточной окраине разновременного могильника самостоятельной цепочкой, ориентированной по линии ЮЮВ–СЗЗ. Параллельно им, на расстоянии около 20 м, находились курганы №3 и 7, в которых зафиксиро-

ваны захоронения мужчин 25–30 и 30–35 лет. Обе пары курганов имели единые черты погребального обряда, что свидетельствует об их синхронности. Вероятно, исследованные объекты оставлены одной семьей кочевников, в которой мужчины, судя по составу сопроводительного инвентаря, принадлежали к слою рядовых воинов. Об этом свидетельствуют обнаруженные предметы вооружения, конского снаряжения и другие находки (рис. 3.39–3.41).

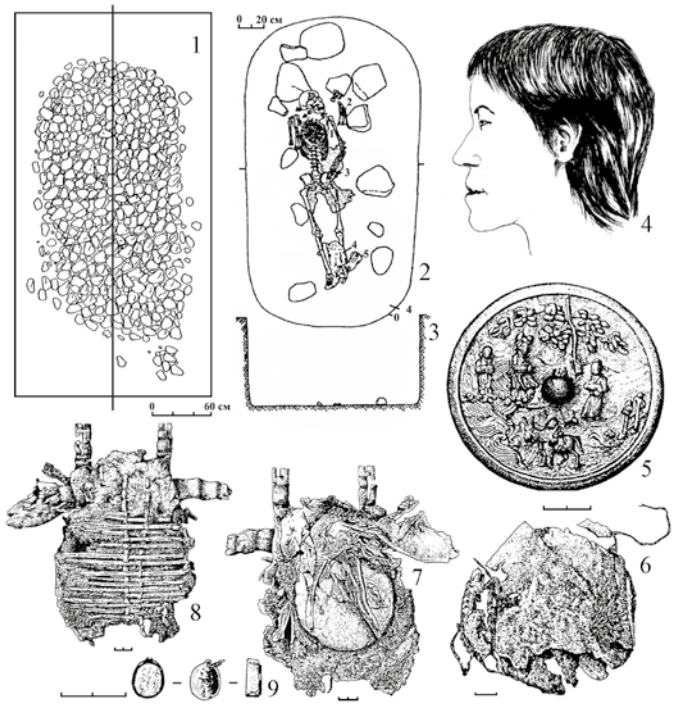

Рис. 3.42. Бертек-20. Курган №1. Планы каменной насыпи (1), погребения (2) и разреза могильной ямы (3); графическая реконструкция головы женщины по черепу (4); бронзовое зеркало (5); войлочный мешочек (6); остатки «нагрудника» (7–8); украшение (9) (по: [Тишкин, 2009, рис. 100])

Расположение курганов удивительным образом отражает планиграфические черты, характерные для устройства и использования юрты, о чем написал Г. де Рубрук. Таким образом, в погребальном обряде, зафиксированном на могильнике Усть-Бийке-III, реализованы представления, связанные с перенесением реального образа жизни на потусторонний мир, что характерно для многих тюрко-монгольских племен. Данное обстоятельство подтолкнуло к поиску этнографических аналогий в среде кочевых народов, проживавших на близкой к Алтаю территории.

Рис. 3.43. Кудыргэ. Могила-17. Часть металлического украшения головного убора (по: [Тишкин, 2009, фото 44]

Наиболее соответствующее и подробное описание места для погребения людей было встречено в зафиксированной традиции похорон у захчинов – одной из этнических групп ойратского населения западного региона Монголии. Площадка, где расположен уже указанный памятник Усть-Бийке-III, полностью соответствует всем требованиям, приведенным для организации могильников у захчинов: она обращена к югу и юго-востоку на расширяющуюся долину близ впадения р. Бийке в Катунь, хорошо освещаема, сухая, окружена горами, аналогичными по форме;

Рис. 3.44. Кудыргэ. Могила-17. Бронзовое зеркало (по: [Тишкин, 2009, фото 46]

действительно туда нужно всходить вверх по склонам, как по лестнице; захоронения имитируют юрту и т.д.

При проведении археологических раскопок в долине Бертек, у подножия третьего террасовидного уровня левого берега Ак-Алахи, обнаружен курган монгольского времени. Исследователи отметили специфику месторасположения этого объекта в отличие от погребальных памятников других эпох: в укромном, непривлекательном месте небольшая почти плоская насыпь располагалась близ вершины в пологой ложбинке, ведущей на склон высокой крутой предгорной террасы, неподалеку от горного озера; незадернованная подпрямоугольная наброска над могилой почти примыкала к осыпи камней ложбины, как бы являясь ее продолжением [Древние..., 1994]. В этом

Рис. 3.45. Яконур. Курган №2. Роговая накладка на лук (по: [Тишкин, 2009, фото 62])

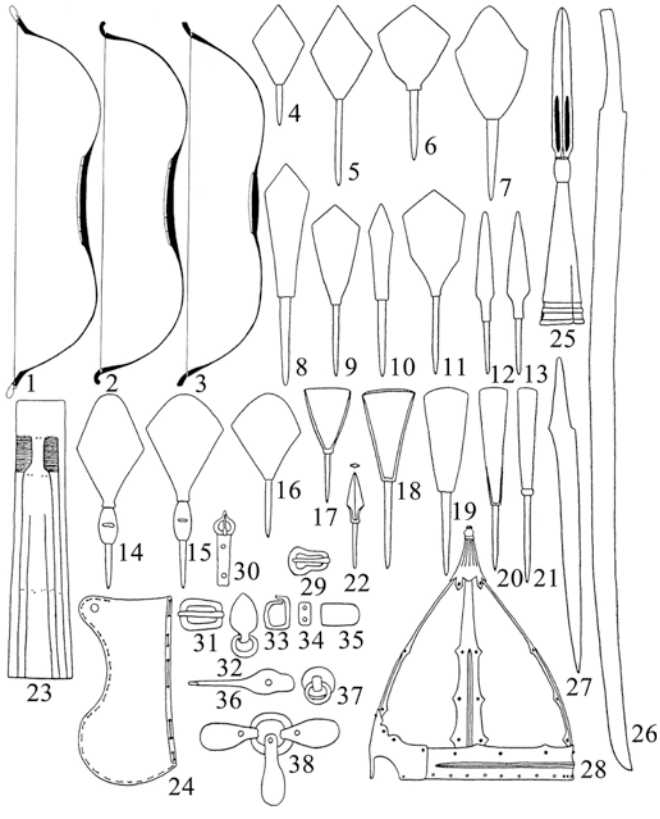

Рис. 3.46. Комплекс вооружения и снаряжения человека XIII–XIV вв. н.э. (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, рис. на с. 96])

кургане обнаружено погребение женщины 30–35 лет с набором сопроводительного инвентаря монгольского времени (рис. 3.42).

Аналогичная ситуация зафиксирована при изучении известного памятника Кудыргэ в долине Чулышмана. Там обнаружены захоронения монгольского времени, в которых зафиксирован комплекс показательных вещей («венчик» (рис. 3.43), серьга, зеркало (рис. 3.44), колчан со стрелами и др.). А.А. Гаврилова [1965], проанализировав все материалы указанного комплекса, выделила среди них более поздние могилы «часовенногорского типа», которые отнесла к периоду монгольского господства (XIII–XIV вв.).

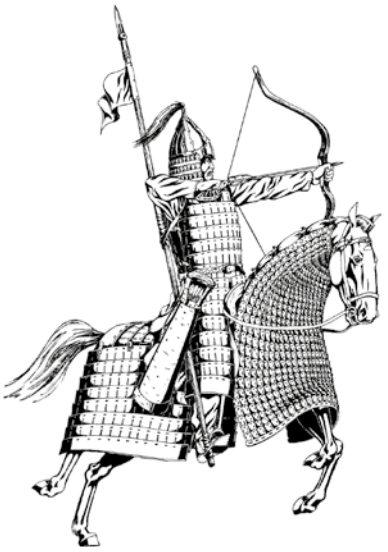

Рис. 3.47. Тяжеловооруженный конный воин монгольского времени. *Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Д.В. Позднякова*

Большое значение также имели материалы, добытые Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1939 г. Археологические исследования тогда осуществлялись М.П. Грязновым в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык. На обширном могильном поле в Яконуре было вскрыто 17 погребений, в том числе относящихся к XIV в. При раскопках была обнаружена характерная весловидная накладка на лук монгольского типа (рис. 3.45). Вообще находки предметов вооружения являются наиболее массовым археологическим материалом (рис. 3.46), что позволило в свое время осуществить реконструкцию тяжеловооруженного всадника (рис. 3.47). Это свидетельствует о высоком уровне милитаризации населения Горного Алтая в рассматриваемое время.

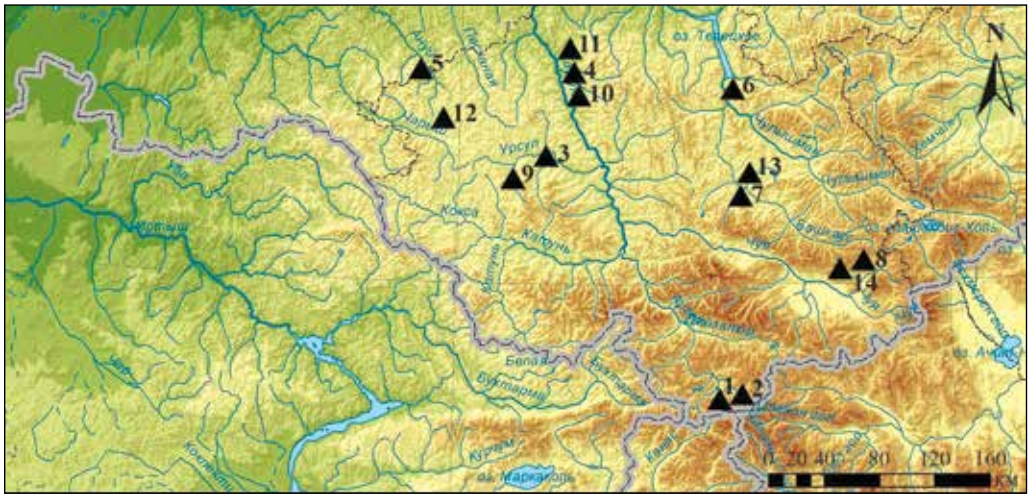

Рис. 3.48. Распространение памятников монгольского времени на территории Горного Алтая. Карта-схема: *1* – Ак-Алаха-I; *2* – Бертек-20; *3* – Бичикту-Бом; *4* – Верх-Еланда-I; *5* – Денисова пещера; *6* – Кудыргэ; *7* – Межелик; *8* – Талдуаир-I; *9* – Тожон; *10* – Усть-Бийке-III; *11* – Элекмонар-II; *12* – Яконур; *13* – Пазырык; *14* – Кызыл-Болчок

В результате проделанных исследований получены показатели, дающие возможность продолжить сопоставление этнографических и археологических материалов. Последние, как уже было сказано, немногочисленны. К тому же в XII–XIV вв. был распространен обычай использования древних курганных насыпей для сооружения в них поздних впускных погребений [Тишкин, 2009], многие из которых также могли соответствовать вышеперечисленным требованиям по выбору места могильника.

К настоящему времени на территории Горного Алтая выявлено небольшое количество археологических памятников, где исследованы погребения XII–XIV вв. н.э. (рис. 3.48). Причин такой ситуации, по-видимому, несколько. Одна из них связана со слабой изученностью памятников монгольского времени на рассматриваемой территории. Другая отражает исторические реалии. Многолетние войны истощили важные жизненные ресурсы Горного Алтая. Явно сократилось количество населения, о чем свидетельствуют археологические и письменные источники. Данное обстоятельство имеет ряд объяснений. Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на дальнейшем развитии народов, населявших Горный Алтай, являлось изменение климата. Данные предположения требуют более детальных подтверждений, что может быть сделано лишь в ходе дальнейших исследований.

Имеющиеся на сегодняшний день научные сведения пока не позволяют подробно рассматривать этнокультурную историю населения Алтая монгольского времени. Можно лишь еще раз отметить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование, и на их смену приходят другие, которые в свою очередь отличаются от зафиксированных в лесостепной зоне, что будет рассмотрено далее. Археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход нового населения, а затем полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии.

Рис. 3.49. Кызыл-Болчок. Находки из погребения (по: [Константинов, Эбель, 2017, рис. 2, 3, 5, 6])

Рис. 3.50. Ареалы распространения памятников
кызыл-болчокской и кармацкой культур. Карта-схема

Название археологической культуры для Горного Алтая долгое время не было обозначено. Такая возможность появилась с открытием памятника Кызыл-Болчок, на котором горно-алтайские археологи доисследовали характерное погребение с находками монгольского времени (рис. 3.49).

На основании всего имеющегося археологического материала предварительно выделены два этапа в развитии зафиксированной культуры: верх-еландинский (XII в.) и усть-бийкенский (XIII–XIV вв.). Они хорошо демонстрируют отличительные особенности. Первый синхронизируется с процессом расселения найманов (около 1100 г.) и разгромом их монголами (1204 г.). При этом отмечается сочетание элементов разных культур. Второй этап связан с завоеванием Южной Сибири (1207 г.), включением этой территории в Улус Великого хана (1227 г.) и затем в состав провинции Лин-Бей (1293 г.) империи Юань, которая пала в 1368 г. [Тишкин, 2009]. Он отражает время сложения единой культуры в степном поясе Евразии при наличии локальных особенностей для отдельных территорий.

Обобщенные данные позволяют определить ареал распространения кызыл-болчокской культуры наряду с уже известной кармацкой, памятники которой исследовались на территории Лесостепного Алтая.

Для дальнейшей реконструкции историко-культурной ситуации в Горном Алтае и наполнения содержания обозначенной культуры необходимо проведение системных археологических раскопок известных памятников монгольского времени, а также выявление новых, опираясь на имеющийся опыт.

А.А. Тишкин

КАРМАЦКАЯ КУЛЬТУРА

Территория Лесостепного Алтая вошла в состав улуса Джучи сразу после его образования и оставалась за ним после раздела в 1227 г., когда земли Южной Сибири отошли к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Верхнего Приобья, в отличие от Алтае-Саянского нагорья, проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения и многих черт предшествующей сросткинской культуры. Однако отмечаются и значительные изменения, что проявилось в смене ориентации умерших людей при захоронении, в отражении новых элементов погребальной обрядности, а также в полном восприятии материальной культуры, основанной на монгольских традициях.

История изучения памятников Лесостепного Алтая, относящихся к монгольскому времени, началась в конце XIX столетии. За прошедший период выявлен и изучен целый ряд комплексов развитого средневековья, отнесенных к *кармацкой культуре* (рис. 3.51). Данный процесс имел свои особенности, которые есть смысл представить в кратком очерке, чтобы продемонстрировать наиболее характерные ситуации и некоторые обнаруженные материалы.

Н.С. Гуляев был первым из местных краеведов и членов Общества любителей исследования Алтая, кто получил от Императорской археологической комиссии «Открытый лист» на осуществление работ в пределах Алтайского округа. В 1903 г. он провел раскопки у с. Большая Речка, а потом приступил к изучению уже известного «городища» у с. Усть-Чарышское. Оказалось, что этот археологический объект занимал значительную площадь, имевшую вид правильной трапеции. Н.С. Гуляев измерил городище и в нескольких местах памятника заложил шурфы, обнаружив свидетельства культурного слоя. Осмотр и исследования на указанном памятнике, позже обозначенном как Елбанка (Елбанка-I), производились уже в советское время. В 1920-е гг. там побывали М.Д. Копытов и С.М. Сергеев. Многочисленные находки получены в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в ходе раскопок, осуществленных Э.М. Медниковой. Значительная часть разновременного материала ныне хранится в АГКМ. В 1987 г. на городище Елбанка (рис. 3.51) исследования проводил В.А. Могильников. Среди обнаруженных находок имеются предметы, датируемые XII–XIV вв.

Еще один знаменитый археологический комплекс разновременных памятников находится в урочище Ближние Елбаны (рис. 3.51), в пойме Оби, вблизи с. Чаузово (Топчихинский район Алтайского края). Он стал изучаться с конца XIX в. археологом-любителем Н.С. Гуляевым. Работы, проведенные во 2-й половине 1940-х гг. Северо-Алтайской археологической экспедицией ГЭ и ИИМК АН СССР под руководством М.П. Грязнова, дали материалы монгольского времени, которые были еще дополнены в начале 1980-х гг. барнаульскими исследователями.

В 1960-е гг. в Бийский краеведческий музей поступили материалы из двух разрушенных захоронений монгольского времени на памятнике, получившем название «АБ» по обозначению жилищного микрорайона на плане застройки г. Бийска (рис. 3.51). В этом же музее хранится коллекция №197 с предметным комплексом XIII–XIV вв. из разрушенного погребения на дюне правого берега Оби у с. Камышенка (Усть-Пристанский район Алтайского края). На грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы (рис. 3.51), получены и другие материалы указанного периода. В урочище Осинки того же района в 1970 г. под руководством

Д.Г. Савинова производились масштабные археологические работы (рис. 3.51). Среди исследованных погребений имелась компактная группа объектов, которые можно датировать монгольским временем. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже.

В 1972 г. у с. Ильинка (Шелаболихинский район Алтайского края) А.П. Уманским исследованы погребения, три из которых относятся к монгольскому времени (рис. 3.51).

Курганная группа Кармацкий (рис. 3.51), по названию которой обозначена археологическая культура, была обнаружена в 1975 г. на выделяющемся мысу надпойменной террасы правого берега Оби, неподалеку от пос. Кармацкий в Первомайском районе Алтайского края. В том же году В.А. Могильников исследовал на памятнике курган с нетронутым погребением монгольского времени. Общая площадь памятника составляет около 7000 кв.м. Он состоит из более 70 курганов и является одним из самых крупных погребальных комплексов монгольского времени в Лесостепном Алтае. С 2001 г. там проводились плановые раскопки экспедициями АлтГУ. Полученные результаты частично опубликованы [Тишкин, 2009, с. 79–96]. Среди них отметим детали металлического наборного пояса (рис. 3.52), части седла (рис. 3.53), колчан и макет сабли (рис. 3.54).

В 1981 г. при проведении строительных работ у с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края обнаружена могила, в которой находилось «богатое женское погребение» XIII–XIV вв. Собранные тогда вещи хранятся в АГКМ и соотносятся с памятником Усть-Алейка-5 (рис. 3.51). Среди них важное значение имеют остатки ткани (рис. 3.55) и металлическое изделие, связанное с головным убором (рис. 3.56).

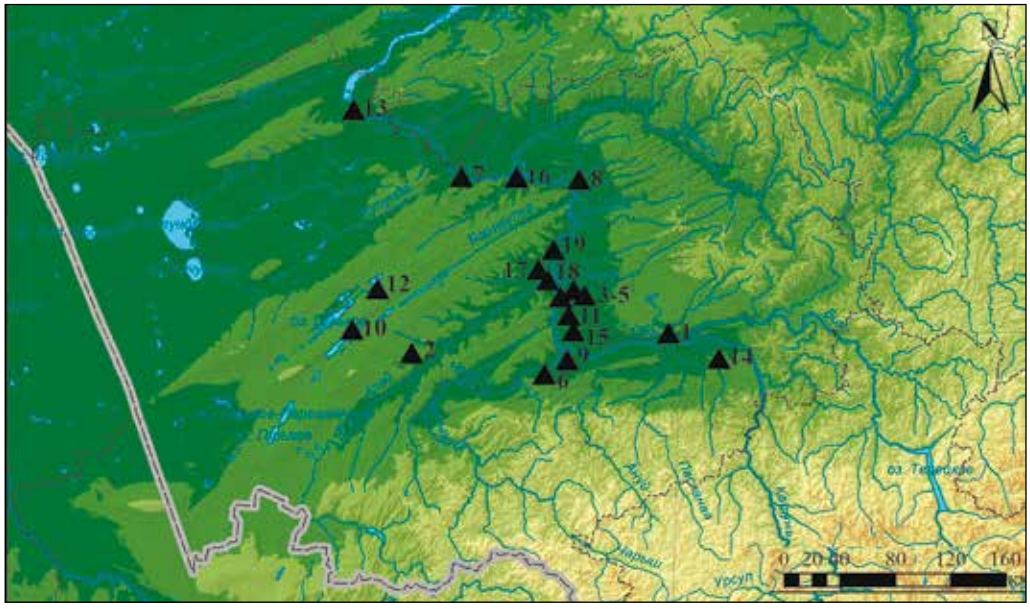

Рис. 3.51. Памятники кармацкой археологической культуры. Карта-схема: *1* – АБ (Бийск); *2* – Барчиха; *3* – Ближние Елбаны-II; *4* – Ближние Елбаны-IV; *5* – Ближние Елбаны-XIV; *6* – Елбанка; *7* – Ильинка; *8* – Кармацкий; *9* – Коловый Мыс; *10* –Крестьянское-III; *11* – Осинки; *12* – Островное-III; *13* – Раздумье-Iб; *14* – Рубцовский; *15* – Сухие Гривы; *16* – Телеутский Взвоз-I; *17* – Усть-Алейка-5; *18* – Усть-Алейка-Клуб; *19* – Калистратиха-3

Рис. 3.52. Кармацкий. Курган №9. Детали пояса из могилы-2. *Фотоснимки автора*

Погребения монгольского времени были зафиксированы в центральной части с. Усть-Алейка, около клуба. В начале 1980-х гг. при строительстве стадиона часть захоронений оказалась срыта в ходе планирования площадки. Результаты исследования аварийных объектов, осуществленного в 1987 г., и полученные тогда материалы почти полностью введены в научный оборот. Сохранились изделия, связанные со снаряжением коня и предназначенные для его управления (рис. 3.57). Зафиксированный могильник XIII–XIV вв. получил обозначение «Усть-Алейка-Клуб» (рис. 3.51).

В Мамонтовском районе Алтайского края на поселении Островное-III (рис. 3.51) было обнаружено разрушенное погребение, при исследовании кото-

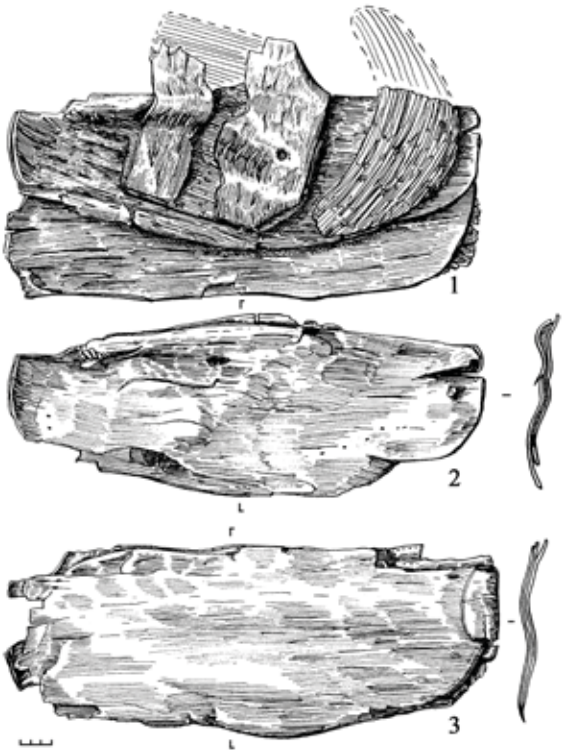

Рис. 3.53. Кармацкий. Курган №9. Могила-2. Основа седла (по: [Тишкин, 2009, рис. 57])

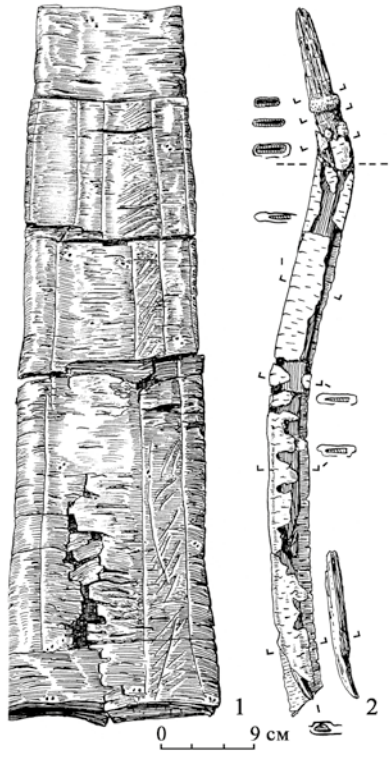

Рис. 3.54. Кармацкий. Курган №9. Могила-2. Берестяной колчан (1) и макет сабли (2) (по: [Тишкин, 2009, рис. 53])

рого зафиксировано обломанное металлическое зеркало (рис. 3.58.-*1*). Аналогии ему известны в золотоордынских памятниках Восточной Европы.

Рис. 3.55. Усть-Алейка-5. Фрагмент ткани с вышивкой (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, фото на с. 110])

Особое место среди выявленных памятников монгольского времени занимает курганная группа Телеутский Взвоз-I (рис. 3.51). В 1990-е гг. экспедициями Алтайского государственного университета осуществлялись работы между селами Елунино и Черемно-Подгорное (Павловский район Алтайского края). Результаты исследований представлены в монографии [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002], где наряду с подробным анализом археологических материалов охарактеризован антропологический тип населения Лесостепного Алтая монгольского времени. Несмотря на то, что курганы оказались сильно ограбленными, было получено существенное количество находок из бересты, которые позволяют полностью реконструировать каркас головного убора замужней монгольской женщины (рис. 3.59–3.60). Такие изделия называют бокка или богтаг (бокто). Их носили даже императрицы китайской династии Юань (рис. 3.61).

Анализ опубликованных результатов раскопок средневековых захоронений составил круг обнаруженных материальных доказательств широкого распространения своеобразных женских головных уборов, описанных в XIII в. европейскими и китайскими путешественниками. Довольно подробно на интерпретации таких археологических находок остановился в свое время Г.А. Федоров-Давыдов [1966]. Обнаруженные предметы он отнес к «боккам», определяя их характерными головными уборами монгольских женщин. Исследователь привел выдержки из описаний, сделанных Плано Карпини, Г. де Рубруком и Сюй Тин-чжи, а также указал на имеющиеся изображения «бокки» на скалах и портретах императриц Юаньской династии. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, «бокки» в Восточную Европу были привнесены монголами, но при этом погребения с ними не выделяются какими-то специфическими чертами. «Следовательно, или бокка утратила свой… монгольский характер и ее стали носить половцы и другие кочевые племена…, или монголы… быстро утратили свой… обряд погребений и хоронили по обычаям местных…» Не исключено, что такой процесс был двусторонним [Федоров-Давыдов, 1966, с. 156–157].

Рис. 3.56. Усть-Алейка-5. Металлическое украшение головного убора (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, фото на с. 110])

Рис. 3.57. Усть-Алейка-Клуб. Находки из могил-2 и 5 (по: [Тишкин, 2009, фото 25])

Рис. 3.58. Части металлических зеркал: *1* – Островное-III; *2* – Телеутский Взвоз-I (по: [Тишкин, 2009, фото 11 и 14])

Будет уместным привести упоминаемые письменные свидетельства о бокках. Данное цитирование обеспечит возможность более объективного сравнительного анализа с археологическими находками и изобразительными материалами. Несмотря на отмеченные противоречия и другие недостатки имеющихся описаний [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 104–109], все же они являются ценнейшими источниками по эпохе средневековья.

Гильом де Рубрук написал о монгольских женщинах следующее: «…они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиной оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине над капителью или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиною также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком…» И далее: «После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы украшение, именуемое бокка, и я увидел, что голова ее плешива» [История..., 1997, с. 98–99, 144].

Джованни дель Плано Карпини не указывает название увиденного им женского головного убора, а лишь приводит описание его и некоторые наблюдения: «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиной в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый прибор покрыты букараном (шерстяная ткань), или

пурпуром, или балдахином (узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей). Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов…» [История..., 1997, с. 34].

Еще раньше, чем Рубрук и Плано Карпини, побывав у монголов, китайский представитель Сюй Тинчжи оставил такие свидетельства: «Женщины носят на голове гу-гу. [Я, Сюй] Тин видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной 4–5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] – фазаньими перьями» [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 111].

В «Сокровенном сказании» и других монгольских летописях есть неоднократные указания на головные уборы людей разных средневековых племен. Исследователями отмечено употребление там терминов, характерных и для современности. Что касается проблемы происхождения указанных головных уборов замужних монгольских женщин, то она требует специального изучения. Имеющиеся в настоящее время свидетельства позволяют при-

Рис. 3.59. Телеутский Взвоз-I. Курган №8. Нижняя часть берестяного каркаса бокки (по: [Тишкин, 2009, фото 16])

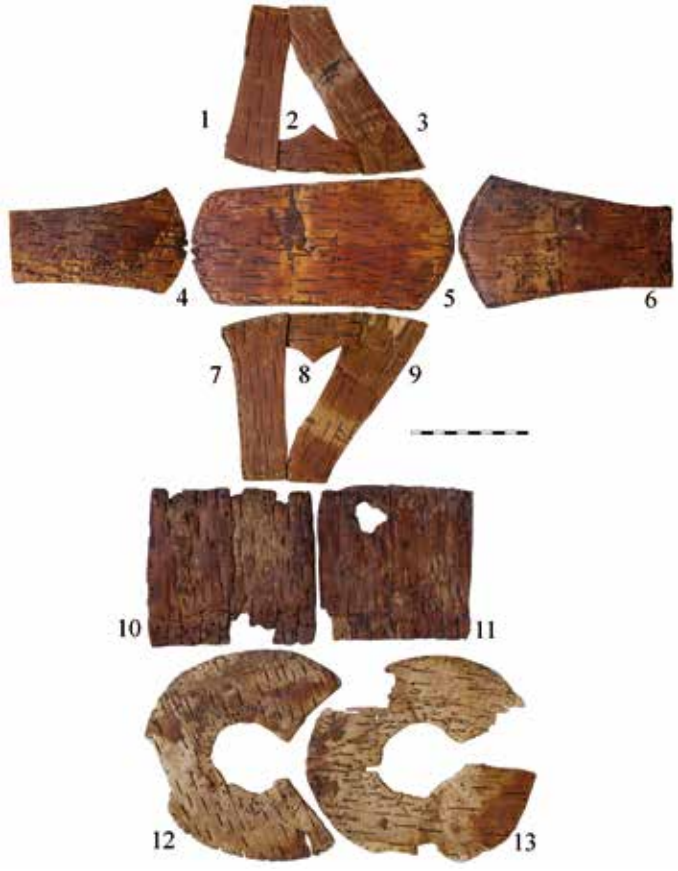

Рис. 3.60. Берестяные детали бокки из кургана №9 памятника Телеутский Взвоз-I после реставрации. *Фотоснимок автора*

Рис. 3.61. Портрет монгольской женщины времени династии Юань (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, илл. на с. 108])

ступить к развернутому исследованию обозначенной темы в различных направлениях: от фиксации данных до детальной реконструкции конкретных форм женских головных уборов монгольского времени.

На памятнике Телеутский Взвоз-I также найдена половина металлического зеркала (рис. 3.58.-2). Изученный фрагмент датирован последней третью XIII – началом XIV в. Идентичный предмет происходит из погребения монгольского времени памятника Сутуу-Булак-I на Тянь-Шане. Подобные экземпляры хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ.

В погребальных памятниках монгольского времени Лесостепного Алтая обнаружены различные категории находок, среди которых имеются предметы вооружения и конского снаряжения, изделия бытового назначения, украшения, элементы костюма и головных уборов. Особо следует отметить мелкую пластику из рога (рис. 3.62), зафиксированную в погребениях монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз-I и служившую, по всей видимости, украшениями луки седла.

Среди аналогий скульптур, изображающих таких копытных животных, стоит отметить костяное изделие из собрания П.К. Фролова, которое хранится в Государственном Эрмитаже (колл. №1122). Их сближают поза и некоторые детали оформления.

Основная масса обнаруженных предметов материальной культуры из памятников кармацкой культуры относится к предметам вооружения и снаряжения (рис. 3.63). На основе всего этого комплекса, а также с привлечением данных о конской амуниции и других обнаруженных вещах была осуществлена реконструкция средневооруженного всадника XIII–XIV вв. (рис. 3.64).

Также предпринималась попытка детальной реконструкции отдельных внутримогильных конструкций, что позволило сделать следующие наблюдения [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 105–108]:

1. Все внутримогильные конструкции, которые оставлены в Барнаульском Приобье кочевниками, являются сложными сакральными сооружениями, отражавшими религиозные представления и социальное ранжирование.

Рис. 3.62. Телеутский Взвоз-I. Резные накладки из курганов №6 (1) и 14 (2–4). *Фотоснимки С.В. Семенова*

2. Обнаруженные погребальные камеры свидетельствуют о развитых умениях и навыках обработки древесины и бересты. Присутствуют примеры изготовления плах, брусьев и горбылей, тон-

ких и толстых досок, выборки различных пазовых и сквозных выемок, зафиксированы свидетельства угловых соединений деревянных конструкций и другие факты.

3. Документируется широкое использование бересты в обрядовой и хозяйственной практике. Отдельные листы свидетельствуют об их предварительной обработке и длительном использовании в качестве покрывающей части переносных или стационарных жилищ (прошитые участки, заплаты, старые распрямленные сгибы и т.п.). С учетом известных «берестяных» элементов костюма, предметов снаряжения и быта роль бересты в повседневной жизни общества средневековых кочевников Лесостепного Алтая была очень высокой.

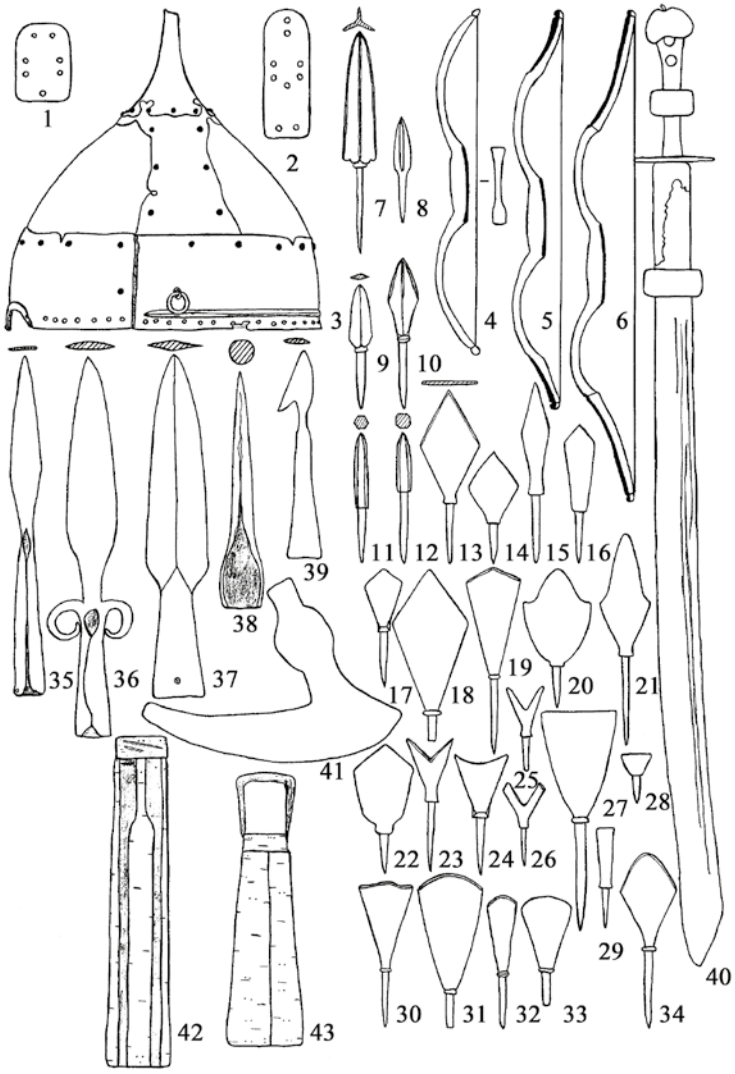

Рис. 3.63. Комплекс вооружения кармацкой культуры: *1–2* – панцирные пластины; *3* – шлем; *4–6* – луки; *7–34* – наконечники стрел; *35–39* – наконечники копий; *40* – сабля; *41* – боевой топор; *42–43* – колчаны (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, рис. на с. 115])

Рис. 3.64. Средневооруженный всадник XIII–XIV вв.
Реконструкция В.В. Горбунова, рисунок Г.Л. Нехведавичюса

4. Отмечается существенное отличие погребальной практики, выраженной в особенностях устройства внутримогильных конструкций, между «рядовыми» погребальными комплексами и могильниками, содержавшими более крупные «элитные» сооружения (Телеутский Взвоз-I, Кармацкий).

5. Фиксируются некоторые элементы обрядности, которые имеют корни в традициях предшествующих периодов, что предполагает проведение соответствующих сопоставлений и достоверных обоснований.

В монографии А.А. Тишкина, В.В. Горбунова и А.А. Казакова [2002] было обозначено выделение трех этапов в развитии кармацкой культуры, демонстрирующих становление и дальнейшую трансформацию зафиксированного явления. В характеристике выделенных периодов имелась своя специфика. В ней нашла отражение этнокультурная интерпретация, приведенная в соответствии с основными историческими событиями.

Первый этап был назван «джучидским» и датирован 1-й половиной XIII в. (1207–1243 гг.). Начало его соотнесено с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением улуса Джучи в 1209 г., а окончание – с образованием в составе Монгольской империи государства «Золотая Орда» в 1243 г. Следующий этап был обозначен как «раннезолотоордынский». Он датирован 2-й половиной XIII – началом XIV в. н.э., или 1243–1312 гг. Данный период соотносился с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243–1256) до Токты (1291–1312). В то время происходило постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государственное образование на фоне общего размежевания крупных улусов. Лесостепной Алтай был отдаленной восточной окраиной Золотой Орды, пограничной с улусом Великого хана и затем с Юаньской империей. Третий этап характеризовался как «позднезолотоордынский» и датировался XIV в. н.э. (1312–1396 гг.). Он соотносился с правлением золотоордынских ханов: от Узбека (1312–1341) до Токтамыша (1380–1396). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание – с распадом единого государства.

В целом изучение Лесостепного Алтая позволило выявить и соответствующим образом обозначить серию археологических объектов, которые датируются монгольским временем (рис. 3.51). Имеются еще сведения о случайных находках. Это все способствовало предварительному обозначению границ кармацкой культуры (рис. 3.50) и решению вопросов соотношения с другими ближайшими культурами. Следует указать, что в настоящее время западная граница четко не фиксируется. Данная ситуация обусловлена несколькими причинами, одна из которых касается степени археологической изученности степной части Алтайского края.

А.А. Тишкин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном издании впервые предпринята попытка представить проанализированные археологические сведения в широком хронологическом диапазоне: от раннего палеолита до позднего Средневековья. Такая возможность была реализована благодаря проведению раскопок и обследований, которые особенно активно осуществлялись на Алтае во 2-й половине XX в. Наличие разного количества источников по рассмотренным периодам и культурам, а также большое число нерешенных проблем разного характера накладывало свой отпечаток на представляемую информацию научно-популярного плана. Имеющиеся результаты отражают определенный уровень систематизации историко-археологических материалов на основе разработанных периодизационных и культурно-хронологических схем. В результате состоялось современное обобщение и даны характеристики почти всем периодам древнейшей, древней и средневековой истории.

На территории Алтайского края к раннему этапу древнейшей эпохи относится стоянка Карама, обнаруженная в долине Ануя (левый приток Оби), неподалеку от всемирно известной Денисовой пещеры, где зафиксированы следы жизнедеятельности от палеолита до современности, а также остатки денисовского человека. Неподалеку находятся другие многочисленные пещерные комплексы. Изучаются Страшная и Чагырская пещеры. Памятники палеолита найдены в разных районах Горного Алтая, а также в Горной Шории и других местах.

Свидетельств периода мезолита пока немного. Данной проблеме необходимо уделить отдельное внимание. Предпринимаются специальные исследования памятников неолита. Открыты и раскапывались отдельные поселения и стоянки. Имеются могильники с небольшим количеством погребений (Усть-Иша, Фирсово-XI, Солонцы-5, Чумыш-Перекат и др.), найдены отдельные захоронения. В рассматриваемый период имела место миграция населения из восточных регионов (Прибайкалье, Забайкалье). Фиксируется присваивающий тип хозяйства, в котором главную роль играли охота и/или рыболовство.

Археологические объекты энеолита в Лесостепном Алтае объединены в большемысскую культуру, население которой занимало преимущественно правобережье Оби. В степях Кулунды исследованы памятники, имеющие отличия от большемысских. Там отмечаются элементы производящего хозяйства, связанные со становлением животноводства. Особое значение при идентификации памятников энеолита имеет керамика. В горах Алтая выявлены археологические объекты афанасьевской историко-культурной общности. На границе Алтайского края с Республикой Алтай обнаружен самый древний медный рудник, получивший обозначение Владимировка и соотносимый с деятельностью «афанасьевцев», погребения которых также исследованы в долине Чарыша и его притоков.

Настоящим прорывом в культурном преобразовании населения Лесостепного Алтая стали миграции европеоидных групп во 2-й половине III тыс. до н.э.

В результате прослеживаемого взаимодействия сформировалась елунинская общность, в которой хорошо выражены два компонента – местный, связанный с носителями большемысской культуры, и пришлый, принесший продуктивное животноводство и металлургию бронзы. Известно и исследовано значительное количество могильников и поселений XXII–XIX вв. до н.э. Среди них наиболее хорошо изучены памятники Телеутский Взвоз-I и Колыванское-I, давшие значительные по объему археологические материалы. Базовым поселенческим комплексом по праву можно считать монокультурный памятник Березовая Лука, исследовавшийся на протяжении нескольких лет экспедициями АлтГУ в нижнем течении Алея. Прекрасная сохранность остеологического материала и массовые находки разных категорий изделий, а также зафиксированные жилища позволяют реконструировать систему жизнеобеспечения «елунинцев».

Памятники андроновской историко-культурной общности являются одними из самых многочисленных на территории Алтайского края. Однако их вообще нет в предгорьях и горах. В основном исследованы грунтовые могильники с большим количеством погребений, которые и обеспечивают специалистов материалами, необходимыми для историко-культурных реконструкций. Самый крупный раскопанный комплекс Фирсово-XIV находится напротив г. Барнаула, на правом берегу Оби. Поселения изучены еще недостаточным образом. Это частично связано с тем, что они располагаются в затопленных ныне местах, так как в середине II тыс. до н.э. произошло существенное потепление, повлиявшее на природно-климатические условия. Хозяйство у «андроновцев» было животноводческое. Бронзолитейное производство достигло своего существенного развития. Наиболее узнаваемыми находками являются украшения и керамические сосуды.

Во 2-й половине II тыс. до н.э. произошел распад андроновской культурно-исторической общности. На ее основе возник ряд культур. Среди них отметим ирменскую, которая, вероятнее всего, сформировалась в Верхнем Приобье, а потом распространилась на другие ближайшие регионы. В период поздней бронзы в пойме и на правобережье Оби существовало население, оставившее памятники корчажкинской культуры. В самом конце II тыс. до н.э. на территорию степной и лесостепной зоны из Казахстана проникают племена саргаринско-алексеевской общности. Они селились там, где уже существовали андроновские поселки. Поэтому нередко при раскопках фиксируются два соответствующих слоя, в том числе свидетельствующие о развитом бронзолитейном производстве. На левобережье Оби были освоены территории, пригодные для животноводства. В долине р. Бурлы обосновались переселенцы из Средней Азии. Характерным признаком обнаруженных поселков является станковая керамика.

В переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Барнаульско-Бийского Приобья и прилегающих районов проживало разное население, оставившее памятники большереченской культуры. В степную и предгорную зону из Верхнего Прииртышья проникали группы кочевников майэмирской (майемерской) культуры, оставившие погребальные памятники, которые демонстрируют своеобразный предметный комплекс, связанный с металлическими элементами снаряжения верхового коня. Основные курганы (Гилево-10, Машенка, Мельничная гора, Березовка и др.), исследованные на территории Северо-Западного Алтая и его предгорий, свидетельствуют о кочевом образе жизни. Основное значение имели лошади и мелкий рогатый скот. В то же время в горах Алтая проживало население, оставившее памятники бийкенской культуры.

В середине I тыс. до н.э. на территории Горного и Лесостепного Алтая сформировалось несколько культур, занимавших разные природно-ландшафтные и экологические зоны. Наиболее мощным в плане развития являлось население, оставившее памятники пазырыкской и каменской культур. Свидетельствами консолидации и социальной дифференциации этих крупных объединений являются курганы разных размеров, среди которых выделяются крупные и грандиозные. В пойме Оби и ближайших территориях фиксируются памятники староалейской культуры, носители которой постепенно были ассимилированы «каменцами». На правобережье Оби в междуречьях Катуни и Бии, Иши и Чумыша выявлены археологические комплексы, отнесенные к быстрянской культуре.

В конце I тыс. до н.э. в связи с активностью центральноазиатских кочевников хунну/сюнну этнокультурная ситуация на Алтае меняется. Увлажнение климата способствовало проникновению в Верхнее Приобье племен кулайской культурно-исторической общности. На территории Присалаирья, а также низовий Бии и Катуни исследованы памятники, которые объединены в майминскую культуру. Пока изучены в основном поселения, демонстрирующие занятия не только животноводством, но и земледелием. Среди находок основное место занимает керамическая посуда. Имеющие материалы позволяют определить диапазон существования указанной культуры с I в. до н.э. до V в. н.э. Зафиксированные фортификационные сооружения указывают на напряженную военно-политическую ситуацию в указанном регионе. В Горном Алтае со II в до н.э. по V в. н.э. проживало население булан-кобинской культуры, которая подробно представлена в данном томе. Именно на ее основе затем сформировалась тюркская общность, широко известная по археологическим, письменным и изобразительным источникам и сыгравшая значимую роль в истории Евразии в период раннего средневековья.

Примерно в IV в. н.э. степные и лесостепные пространства левобережья Оби стали занимать группы кочевого населения, которые продвинулись из Семиречья и с территории Горного Алтая и вступили во взаимодействие с местными самодийскими племенами. Сформировалась полиэтничная общность. Памятники, изученные на территории Верхнего Приобья, объединены под обозначением «одинцовская культура». Они известны во многих местах и представляют собой грунтовые могильники, поселения и многочисленные городища, датирующиеся в рамках 2-й половины IV – 1-й половины VIII в. н.э. Наряду с животноводством, существенное значение в хозяйстве «одинцовцев» имели охота и рыболовство. Особое значение играло военное дело.

В середине VIII в. н.э. на территорию Верхнего Приобья вторгаются тюрки, покорившие местные «одинцовские» племена. В ходе такого взаимодействия происходило образование новой общности, получившей название «сросткинская культура», которая в литературе ошибочно рассматривается как часть Кимакского каганата. На самом деле имеющиеся многочисленные материалы, полученные в ходе систематических раскопок памятников сросткинской культуры, свидетельствуют о совершенно разных процессах этно- и социогенеза. В настоящее время исследовано значительное число погребальных и поселенческих комплексов периода раннего средневековья на территории Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, позволяющих отразить основные этапы развития населения сросткинской культуры. По северным предгорьям Алтая проходила граница с Кыргызским каганатом, данное обстоятельство подтверждается наличием погребений с кремацией умер-

ших воинов. Обнаружены и смешанные кыргызско-сросткинские памятники, свидетельствующие о контактах двух мощных кочевых объединений.

После завоевания монголами в начале XIII в. территории Горного и Лесостепного Алтая происходили процессы формирования новых общностей, в которых существенное место занимали местные традиции, что находит отражение в памятниках кармацкой и кызыл-болчокской культур. В настоящее время состоялось обобщение материалов исследованных памятников развитого средневековья. Археологические свидетельства постмонгольского времени на рассматриваемой территории пока не выявлены. Но исследования продолжаются и многие проблемы реконструкции древнейшей, древней и средневековой истории Алтая будут решены.

А.А. Тишкин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 3–5.

Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катуни // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. №4. С. 99–111.

Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 135–160 (Археология СССР).

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 145–243.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: (очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Упр-ние архив. дела администрации Алт. края, 1999. С. 17–65.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. №10. С. 62–70.

Алтай в зеркале веков: из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета: фотоальбом. Барнаул: БГПУ, 2001. 92 с.

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 27–33.

Археология Алтая: новые исследования / сост. буклета В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Я.В. Фролов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 16 с.

Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.

Афанасьевский сборник 2: сб. науч. ст. Барнаул: Азбука, 2012. 226 с.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1990. С. 23–30.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карама // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №3. С. 34–51.

Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. С. 7–30.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (2-я половина II тыс. до н.э. – 1-я половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Тишкин А.А. Находка части бронзового чекана на памятнике Кур-Кечу-V в Центральном Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 5–14.

Бужилова А.П. Одонтологические материалы из среднепалеолитических слоев алтайских пещер // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №1. С. 55–65.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан: ХГУ, 2000. 272 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 137–165.

Воронкин К.И. Научно-практические аспекты использования метода реконструкции внешнего облика по костям черепа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 53–57.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.: ил.

Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сросткинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 69–77.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай: пособие для учителей. Барнаул: Позиция, 1997а. 160 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай: пособие для учащихся. Барнаул: Позиция, 1997б. 300 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 79–85.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/2 (84). С. 54–67.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. №4 (92). С. 218–229.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008а. Т. I. С. 392–395.

Грушин С.П. Бронзовые кельты Алтая в контексте проблемы формирования сейминско-турбинских традиций // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008б. С. 101–105.

Грушин С.П. Наконечники копий сейминско-турибинского типа Обь-Иртышского междуречья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древнейшими цивилизациями. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 224–229.

Грушин С.П. Уткульская группа памятников в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 416–420.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Грушин С.П., Тюрина Е.А., Хаврин С.В. Древнейший металл Южной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 18–32, цв. вкл. II.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.+прил. (МИА. №48).

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 230 с.: ил.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. Новосибирск: Наука, 1987. 112 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 234 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №1. С. 89–103.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Ч. 1. 261 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 279 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3. С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новая модель формирования человека современного физического вида // Вестник РАН. 2012. Т. 82, №3. С. 202–212.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., В.А. Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Кулик Н.А., Ульянов В.А., Чиркин К.А. Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 86 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №2. С. 13–25.

Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения / С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин и др. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.

Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологические сообщения ГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.

Зах В.А. Фигурно-штампованная неолитическая керамика стоянки Иня-11 // Древняя керамика Сибири. Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 5–8.

Иванов Г.Е. Два бронзовых кинжала раннескифского времени из Лесостепного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 72–77.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул: Азбука, 2016. 516 с.

История Алтая: учеб. пособие: [в 3-х ч. / А.П. Бородавкин, Ю.С. Булыгин, Т.М. Винникова и др.; редкол.: А.П. Бородавкин (отв. ред.) и др.]. Барнаул: АГУ, 1983. Ч. 1. 184 с.: ил.

История Алтая. Ч. I: С древнейших времен до 1917 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 480 с.

История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло / Г. де Рубрук. 4-е изд. / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.: ил. (Путешествия и путешественники).

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

История Республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. 1. 360 с.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 3–10.

Казаков А.А. О культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья кузнецкой котловины // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 172–205.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барн. юрид. ин-т МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрянской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 126–132.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. 144 с.

Киреев С.В., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 164–166.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1(88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. № 1. С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 336 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4. С. 41–50.

Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху камня // История Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. Ч. 1. С. 7–16.

Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху камня // Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 9–13.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 66–69.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Вып. 4 (20). С. 67–75.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.: ил. + цв. вкл.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 552–566 (Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3).

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 81–88.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №1 (45). С. 56–64.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 330–335.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Новое верхнепалеолитическое местонахождение Ушлеп-1 на Алтае // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 34–36.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Неверов С.В. Древняя история Алтая // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. Ч. 1. С. 87–107.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с.: ил. + вкл.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008а. С. 5–17.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Жарково-3 // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008б. С. 166–168.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XIV. С. 275–280.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 107 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., Дядьков П.Г., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Комплексные археолого-геофизические исследования могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 268–272.

Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 33–45.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткескень-VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 97–116.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск: БГПУ, 2000. С. 42–50.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 161–180.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Константинов Н.А., Эбель А.В. Новые находки монгольского времени из Юго-Восточного Алтая (предварительное сообщение) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2 (18). С. 22–29.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово: Кузбасвузиздат, 2008. 332 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Кочеев В.А. Новые находки эпохи развитой бронзы Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 171–173.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного. Каракольская культура // Сибирь в панораме тысячелетий: (мат. междунар. симпозиума). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 277–289.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Кудрявцев П.И. Новые случайные находки бронзовых кельтов в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1993. Ч. 1. С. 144–146.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. 89 с.

Кунгуров А.Л. Мезолит Алтая // История Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Т. 1. С. 25–28.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 98–104.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 92–98.

Кунгуров А.Л. Мезолит Алтая: миф или реальность? // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 165–166.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. Итоги исследования палеолита в юго-западных районах Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология, философия и педагогика. 2004. №4 (44). С. 7–11.

Кунгуров А.Л. Проблемы исследования мезолита Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2008. №4(2). С. 121–126.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победы) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 29–50.

Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 77–89.

Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Поселение 1 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3. С. 22–39.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 58–63.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 56–68.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 46–52.

Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. 150 с.

Кунгурова Н.Ю. Древнейшее прошлое района // Бийский район: история и современность. Барнаул: БГПУ, 2005а. Т. 1. С. 6–40.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во Барн. юрид. ин-та МВД, 2005б. 128 с.

Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 3–17.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 9–21.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Лихачева О.С. Бронзовый кинжал с зооморфным навершием из Бийского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 118–123.

Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. №49. С. 32–36.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 197–203.

Мамадаков Ю.Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 75–78.

Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб.: Копи Р, 2000. 76 с.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1985. С. 29–54.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016а. №2 (14). С. 48–66. DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-04

Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского государственного университета. 2016б. №2 (90). С. 220–228. DOI 10.14258/izvasu(2016)2-40.

Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Homo из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 128 с.

Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 350 с.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–43.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.: Наука, 2002. 362 с.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Б.и., 2006. С. 273–282.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт. 2012. 566 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 188 с.

Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР // У истоков древних культур. М.: Наука, 1966. С. 213–223 (МИА. №126).

Окладников А.П. Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1972. Т. 7. С. 7–19 (МИА. №185).

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН, 1973. Ч. 2. С. 3–54.

Окладников А.П., Рагозин Л.А., Поспелова Г.А., Гнибиденко З.Н., Шлюков А.И. К вопросу о возрасте Улалинского местонахождения галечной культуры на Алтае // Известия АН СССР. Сер. геол. 1985. №7. С. 74–82.

Очерки истории Алтайского края / Ю.Ф. Кирюшин, А.С. Шемякина, Ю.С. Булыгин и др.; редкол.: А.П. Бородавкин (отв. ред.) и др. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 446 с.: ил.

Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С. Металлообработка бронзовых изделий на поселении эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–116.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Городище Пикет – памятник переходного времени от бронзового века к железному Бийско-Катунского междуречья // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 13–35.

Папин Д.В., Федорук А.С. Погребальный обряд древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Кадырбаевские чтения. Актобе: ПринтА, 2007. С. 81–85.

Папин Д.В., Федорук А.С. Хозяйственно-культурный центр эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: Tengri Ltd., 2013. С. 129–149.

Папин Д.В., Федорук А.С. Культовое сооружение на территории поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/3 (Барнаульское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, №5. С. 41–49.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 321–326.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых изделий на Алтае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 83–96.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 85–109.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.Н. Исследование пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье Катуни Горный Алтай) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 80–85.

Петров Б.Ф. Почвы Алтайско-Саянской области. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 247 с. (Труды Почвенного ин-та им. В.В. Докучаева. Т. 35).

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. Ч. 1. 233 с.

Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 154 с.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, 1990. С. 101–107.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. №3. С. 21–31.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 66–87.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 312 с.

Рашид-ад-дин: Сб. летописей: в 3-х т. М.: Ладомир, 2002а (Репринтное воспроизведение издания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 316 с.).

Рашид-ад-дин: Сб. летописей: в 3-х т. М.: Ладомир, 2002б (Репринтное воспроизведение изданий. М.: Изд-во АН СССР, 1960; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 2–3. 340 с.).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.

Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1960. №79. С. 104–125.

Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. С. 49–52.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 175 с.

Самашев З. БЕРЕЛ. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень-III // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: КГПИ, 1991. Т. 1. С. 65–66.

Семибратов В.П. К вопросу о нижней границе мезолита бассейна р. Катунь // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V, ч. 1. С. 74–81.

Семибратов В.П., Майчиков О.В. Поселение Усть-Бийке-I: итоги и перспективы изучения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 108–113.

Семибратов В.П., Степанова Н.Ф. Археологические исследования в устье р. Эдиган // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 51–58.

Сергеев С.М. Позднепалеолитическая стоянка в окрестностях г. Бийска Алтайского края // Бюллетень Московского Общества испытателей природы. Новая серия. Т. 47. Отдел геологии. Т. 17 (16). 1939. С. 90–91.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения Лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.

Соенов В.И., Трифанова С.В. История Алтая (с древнейших времен до V в. н.э.): учеб. пособие. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. 130 с.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 177–186.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник ГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Сосновский Г.П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК 1940. №7. С. 86–90.

Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни // Палеолит и неолит СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 109–125. (МИА. №2).

Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2009. 212 с.+ вкл.

Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамические традиции в эпоху раннего железного века Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая (по материалам поселений) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. №4/2 (88). С. 166–171.

Суразаков А.С., Соенов В.И. Зооморфный колчанный крюк из могильника Айры-даш-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 37–40.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 164–166.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007а. 356 с.

Тишкин А.А. Культурно-экологические зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007б. С. 85–95.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников): монография. Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А. Перспективные возможности проведения рентгенофлюоресцентного анализа изделий из цветных металлов в музеях Алтайского края // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 93–98.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae. Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2012. С. 501–510 (на рус. яз.)

Тишкин А.А. Периодизация евразийской истории: существующие проблемы и возможные решения // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 25–43.

Тишкин А.А. Картографирование памятников Алтая раннескифского времени как демонстрация ареалов бийкенской и майэмирской культур // Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 113–117.

Тишкин А.А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча // Вестник Томского университета. Сер.: История. 2016. №4 (42). С. 117–123.

Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул: АРТИКА, 2011. С. 81–90 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 2).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 55–59.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учеб. пособие. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.: ил.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н. Катафрактарии Хар-Хада (Монгольский Алтай) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 221–226.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 118–122.

Тишкин А.А., Дашковский П.К Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 50–59.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул: Азбука, 2008. 16 с.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Алея, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.: ил.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ГЭ, ИИМК, 1998. С. 179–182.

Тишкин А.А., Семибратов В.П. Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XIX. С. 252–255.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории Лесостепного Алтая. Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45(2). С. 87–96. https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.2.087-096

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 286 с.: ил.

Трифанова С.В. Бронзовые топоры из Центрального Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 108–110.

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: Элексис, 2017. 168 с.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период: [в 2-х т.]. М.: Синодальная тип., 1881. 439 с.: ил.

Уманский А.П. Погребение эпохи Великого переселения народов на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1992. С. 18–27.

Уманский А.П., Демин М.А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 13–18.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. СПб.: Славия, 2000. С. 26–46.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.

Федорук А.С. Находки бронзовых изделий с территории Алтайского края (по материалам сайта www.reviewdetector.ru) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXIV. С. 188–195.

Федорук А.С., Вальков И.А. Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2(88). С. 229–234.

Федорук А.С., Папин Д.В., Федорук О.А. Домостроительство населения степного и Лесостепного Алтая в эпоху развитого и позднего бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, №3. С.75–82.

Федорук А.С., Слюсаренко И.Ю., Фролов Я.В., Папин Д.В. Вещи из западных районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2015. Вып. XX. С. 203–206.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье. Барнаул : Концепт, 2008. С. 125–144.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В., Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекат // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 178–182.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я.В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. №5(17). С. 45–57.

Фролов Я.В. Новая находка предмета скифо-сибирского звериного стиля из района Бие-Катунского междуречья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. №4/2 (88). С. 235–239.

Фролов Я.В. Меч скифского времени – новая находка с территории Лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №3(44). С. 56–62.

Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулунды в VIII–VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 31–42.

Фролов Я.В., Тишкин А.А., Иванов Г.Е. Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах с территории юга Обь-Иртышского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 247. С. 149–162.

Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана №1 могильника Михайловский-VI и его параллели в искусстве народов Азии // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 51–65.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннуского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Керамика хуннуского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 206–211.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. №1. С. 40–51.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.

Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.

Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: Сарыарка, 2014. С. 714–725: ил.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. Бронзовое зеркало с гравировкой из северных предгорий Алтая // След на песке: мат. и исслед. по археологии. Томск: Дельтаплан; Северск, 2010. С. 200–209.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтаяв скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: Новосиб. ун-т. 2015. 336 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Шуньков М.В. История изучения палеолита Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 9–32.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 160 с.: ил.

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains) // Paleontological Journal. 2006. V. 40. P. 558–566.

Krause J., Fu Q., Good J. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894–897.

Krause J., Orlando L., Serre D. et al. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. V. 449. P. 902–904.

Reich D., Green R.E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // Nature. 2010. V. 468. P. 1053–1060.

Slon V., Viola B., Renaud G., Gansauge M.-T., Benazzi S., Sawyer S., Hublin J.-J., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Prüfer K., Meyer M., Pääbo S. A fourth Denisovan individual // Science Advances. 2017. N3, 7 [e1700186]. DOI: 10.1126/sciadv.1700186.

Tishkin A.A. Metallic artifacts of arjan-mayemir period from the Altai territory: x-ray fluorescence analysis, cultural and chronological attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 123–144.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул).
АГУ (ныне – АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.
Б.и. – без издательства.
БКМ – Бийский краеведческий музей.
БНЦ – Бурятский научный центр.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ).
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (быв. ГАНИИИЯЛ, ныне – Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ЗИКМ – Завьяловский историко-краеведческий музей.
ИА – Институт археологии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КГПИ – Красноярский государственный педагогический университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения ИА.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии (ныне – ИИМК).
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (быв. ГАРКМ).
НТП – Нижнетыткескенская пещера.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
Т. – том.
ХакНИИИЯЛ – Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ХГУ – Хакасский государственный университет.
Ч. – часть.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований АлтГУ.

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, старший научный сотрудник отдела НИОКТР АлтГУ.

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ, старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая исторического факультета АлтГУ.

Шамшин Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент.

Шуньков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН.

В.В. Горбунов

С.П. Грушин

П.К. Дашковский

К.Ю. Кирюшин

Ю.Ф. Кирюшин

А.Л. Кунгуров

С.С. Матренин

Д.В. Папин

Н.Н. Серегин

Н.Ф. Степанова

А.А. Тишкин

А.С. Федорук

О.А. Федорук

Я.В. Фролов

А.Б. Шамшин

М.В. Шуньков

Научно-популярное издание

под общей редакцией А.А. Тишкина

Вадим Владимирович Горбунов, Сергей Петрович Грушин,
Петр Константинович Дашковский, Кирилл Юрьевич Кирюшин,
Юрий Федорович Кирюшин, Артур Леонидович Кунгуров,
Сергей Сергеевич Матренин, Дмитрий Валентинович Папин,
Николай Николаевич Серегин, Надежда Федоровна Степанова,
Алексей Алексеевич Тишкин, Александр Сергеевич Федорук,
Ольга Александровна Федорук, Ярослав Владимирович Фролов,
Александр Борисович Шамшин, Михаил Васильевич Шуньков

ИСТОРИЯ АЛТАЯ
Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье

Редактор Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета М.Ю. Кузеванова
Дизайн обложки Л.М. Купиева

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 70x108/16. Объем 24,5 п.л.
Печать офсетная. Бумага мелованная 115 г/м^2.
Тираж 1950 экз. Заказ № 69496

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»:
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru